

*Памяти защитников
Отечества посвящается*

Российская академия наук
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный военно-исторический совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Под редакцией
действительного государственного советника
Российской Федерации I класса *В.А. Золотарева*

МОСКВА • ИНЭС • РУБИН • 2014

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

в двух томах

Том II

Н.В. Илиевский

ОТ ПОТСДАМА ДО МАЛЬТЫ

Москва
Институт экономических стратегий
2014

Главный военно-исторический совет, Главная редакционная коллегия проекта «Военная история Российского государства» и Клуб православных предпринимателей выражают искреннюю благодарность за ценную помощь в подготовке и издании книги

Артюшенко Ольге Гавриловне, Бабанину Павлу Юрьевичу, Бакуничеву Андрею Михайловичу, Барсукову Александру Михайловичу, Богуслаеву Вячеславу Александровичу, Валееву Сергею Николаевичу, Васильеву Виктору Григорьевичу, Глушкову Федору Яковлевичу, Горячеву Игорю Евгеньевичу, Захаричеву Юрию Александровичу, Зубченко Владимиру Васильевичу, Изосину Анатолию Федоровичу, Ищенко Василию Витальевичу, Кирееву Сергею Николаевичу, Ковригину Валерию Евгеньевичу, Кононенко Петру Ивановичу, Леценко Виктору Викторовичу, Лобанову Борису Семеновичу, Махаеву Владимиру Александровичу, Надеину Владимиру Александровичу, Недовиченко Александру Андреевичу, Порпляку Александру Александровичу, Санкову Владимиру Николаевичу, Синькову Александру Николаевичу, Скрылову Дмитрию Сергеевичу, Скрылову Сергею Степановичу, Тарасову Виктору Ивановичу, Трофимову Александру Николаевичу, Уваровскому Владимиру Юрьевичу, Фоменко Алексею Николаевичу, Чкалину Валерию Александровичу, Шемякину Виктору Владимировичу,

а также руководству и сотрудникам компаний, при участии и поддержке которых было выпущено данное издание:

НП «Институт экономических стратегий», ЗАО «Амурстрой», ОАО «Мотор Сич», ЗАО «Нефтегазтеплоремонт», ООО «МНП «Электро», ООО «Трансстройинвест», ОАО «Томская механизированная колонна № 44», ООО «ИНЕКС», ООО «Транспортно-экспедиторская компания Нижегородский экспресс», ООО Компания «Тунайча», ООО «КАТОБЬНЕФТЬ», ОАО «Муромский радиозавод», ЗАО «ДСК», ООО «Спецгеологоразведка», ОАО «НПО «Стеклопластик», ООО «Предприятие «ПИК», ЗАО «ИнжЭнергоПроект», ООО «НГБ Энергодиагностика», ООО «УИ Автодор», ООО «Модер Индастри», ЗАО «НТ Бункеринг», ОАО «Дорожное эксплуатационное предприятие № 135», ООО «Альтаир», ГК «Стройпроммет», ФГУП «ЦНИРТИ им. академика А.И. Берга», ГАУ МО «Мособлгосэкспертиза», ЗАО «Трансстроймеханизация-98», ООО «НТЦ «Нефтегаздиагностика», ЗАО «Ариада», ОАО «Дальстроймеханизация», ЗАО «Кемберлит», ООО «АМС – Мед», ООО «Диапак».

УДК 327(47)
ББК 66.4(0)
Х734

Серия основана в 2009 году

**Главная редакционная коллегия проекта
«Военная история Российского государства»**

А.И. Агеев, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Л.А. Буланов**, член-корреспондент РАЕН; **Г.И. Загорский**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **В.П. Зимонин**, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН; **В.А. Золотарев** (председатель), д.и.н., д.ю.н., профессор, академик РАЕН, вице-президент РАЕН, Президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **А.Е. Карпов**, президент Ассоциации фондов мира; **А.В. Кирилин**, к.и.н., действительный член МАНПО; **М.Н. Кожевников**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **В.Г. Кикнадзе**, к.и.н.; **Г.Э. Кучков**, член-корреспондент МАНПО; **И.И. Максимов**; **Марк**, архиепископ Егорьевский; **Н.М. Москаленко**, почетный профессор ЕАЕН, член-корреспондент МАНПО; **А.К. Никонов**, к.и.н., член-корреспондент РАЕН; **Н.А. Петухов**, д.ю.н.; **С.Н. Полторацк**, д.и.н.; профессор; **Б.Г. Путилин**, д.и.н., профессор, академик РАЕН; **О.А. Ржешевский**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, почетный президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **А.А. Саркисов**, академик РАН, **А.М. Соколов** (заместитель председателя), к.и.н., академик РАЕН, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **С.Л. Тихвинский**, академик РАН, **В.Г. Тыминский**, профессор, президент ЕАЕН; **С.А. Тюшкевич**, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН; **В.С. Христофоров**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **Е.П. Чельшев**, академик РАН; **В.Е. Чуров**; **П.А. Шашкин**, к.ф.н.

Исследовательско-издательский проект «Военная история Российского государства» реализуется в рамках программы Клуба православных предпринимателей, одобренной Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в декабре 2009 года

ППП ИНЭС Р1406/1123
ISBN 978-5-93618-204-4 (Т 2)
ISBN 978-5-93618-202-0

© Н.В. Илиевский, 2014
© Главная редакционная коллегия, 2014
© Институт экономических стратегий, 2014
© Русский биографический институт, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	9
ВВЕДЕНИЕ	12
ГЛАВА 1. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	25
1.1. Отечественная историография	26
1.2. Западная историография	41
ГЛАВА 2. ГЕНЕЗИС ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	62
2.1. Периодизация холодной войны	62
2.2. Предыстория холодной войны (1917–1939).....	68
2.3. Вторая мировая война и «консервация» холодной войны	77
ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	107
3.1. Переход к открытому противоборству	107
3.2. Идеологическое и доктринальное оформление холодной войны	129
3.3. Создание Западного союза и НАТО.....	148
3.4. Формирование Восточного блока и создание Совета Экономической Взаимопомощи.....	160
ГЛАВА 4. КРИЗИСЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	166
4.1. От Ирана до Босфора. Первые кризисы мирного времени.....	166
4.2. Конфликт в центре Европы. Берлинские кризисы 1948–1949 и 1953 гг.	174
4.3. «Польский Октябрь»: проверка на выдержку	180
4.4 Венгерский кризис: силой на силу	197
4.5. Суэцкий кризис: искусство политического блефа. ...	212

4.6. Снова Берлин: рождение Стены	228
4.7. В шаге от катастрофы. Карибский ракетный кризис . . .	231
4.8. Чехословакия, 1968: репетиция «Бархатной революции»	249
ГЛАВА 5. ВОЕННАЯ СИЛА В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ	256
5.1. Исторический процесс и военная сила	257
5.2. Военная сила и формирование биполярного мира . . .	272
5.3. Военная сила и паритет.	295
5.4. Противостояние коалиций: НАТО и Организация Варшавского Договора	337
5.5. Страны третьего мира как объект силовой политики сверхдержав	366
ГЛАВА 6. ФИНАЛ	393
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	422
ЛИТЕРАТУРА	443
ПРИЛОЖЕНИЯ	
1. Телеграммы советского поверенного в делах в Великобритании Ф.Т. Гусева (от 18 мая 1945 г.)	462
2. Телеграмма американского поверенного в делах в СССР Дж. Кеннана государственному секретарю (от 22 февраля 1946 г.)	468
3. Речь У. Черчилля в г. Фултон, США (5 марта 1946 г.) . .	488
4. Интервью И.В. Сталина газете «Правда» (от 14 марта 1946 г.)	502
5. Письмо посла СССР в США Н.В. Новикова (от 27 сентября 1946 г.)	509
6. Оперативный план действий Группы советских оккупационных войск в Германии (от 5 ноября 1946 г.)	525
7. Директива Совета национальной безопасности США № 201 (от 18 августа 1948 г.)	537
8. Заключительное слово Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС 23 ноября 1962 г. (извлечение)	575

К ЧИТАТЕЛЮ

Как быстро бежит время... Наверное, каждый из нас хотя бы раз в жизни — с удивлением, сожалением, грустью — производил эту сакраментальную фразу. Время действительно скоротечно: с возрастом это понимаешь особенно ясно. Казалось бы, совсем недавно человечество провожало XX век и встречало третье тысячелетие современной эры — и вот уже на календаре 2014 год!

Говорят, что история является одной из самых востребованных обществом наук. Это правда: ведь соединяя прошлое, настоящее и будущее, она позволяет человеку с его коротким веком почувствовать всю грандиозность бытия, ощутить связь времен и поколений. Будучи наукой неточной и политически ангажированной, история тем не менее дает нам колоссальный фактический материал для развития и совершенствования. Сколько бы ни утверждали, что она ничему не учит, — это неправда. Конечно, уроки истории сложны и трудны для усвоения, но если бы правы были скептики, то о каком прогрессе нашей цивилизации, даже в гипотетическом смысле, могла бы идти речь? История востребована всегда, но особенно — в трудные времена, когда предшествующий опыт оказывается чуть ли не единственной опорой и универсальным источником внутренней силы как для отдельных людей, так и для целых народов.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена холодной войне — сложному и противоречивому историческому феномену. Людям нравятся парадоксы, а словосочетание «холодная

война» звучит парадоксально, поскольку речь идет о сочетании несочетаемого — огня и холода. Тот, кто его придумал, явно обладал образным мышлением, а может быть, и поэтическим даром. Показательно, что вот уже почти 70 лет этот термин широко применяется не только журналистами и писателями, но также политиками и учеными — значит, он не просто ярок, но и по-своему точен. В самом деле, стоит произнести всего два слова — «холодная война», как на ум приходят десятки ассоциаций, и вот уже перед глазами возникает образ этого интереснейшего исторического явления.

При этом часто термин «холодная война» берут в кавычки, как бы ненавязчиво намекая на его литературный, а не научный характер. В этом чувствуется определенное противоречие, некая теоретическая недосказанность. И действительно — хотя о холодной войне написано немало, подавляющее большинство авторов либо вообще избегают теории вопроса, либо говорят о ней скороговоркой.

Книга «От Потсдама до Мальты» сочетает в себе исторический и теоретический аспекты проблематики холодной войны, и при всех своих очевидных генетических связях уже одним этим отличается от многих других родственных работ. Автор затрагивает очень сложную и консервативную область науки о войне, где некоторые положения давно приобрели характер догм. С опорой на обширный исторический материал, он выдвигает гипотезу, что холодная война с течением времени изменила содержание войны как таковой. Если изначально она представляла собой особое пограничное состояние между миром и войной, обладающее набором уникальных признаков и характеристик, то затем эволюционировала в специфическую форму войны без кавычек и эпитетов.

В книге сделаны важные акценты на анализе сущности холодной войны, выяснении ее причин, характера и исторического значения, источников и условий возникновения. В отдельных главах рассмотрены: историография проблемы; зарождение, вызревание, развитие и окончание холодной войны; ее основные кризисы. Сформулированы выводы, вытекающие из опыта холодной войны и ориентированные на современные проблемы обеспечения военной безопасности Российского государства.

Еще одной особенностью этой работы является то, что в ней рисуется общая, а не фрагментарная картина холодной войны, с выраженным акцентом на роль военной силы.

Это не случайно, так как автор — военный историк и человек военный. «Пессимист видит трудности при каждой возможности, — говорил У. Черчилль, — оптимист в каждой трудности видит возможность». Данная мысль как нельзя лучше характеризует Николая Вячеславовича Илиевского — человека глубоких знаний и высокой культуры мышления, хорошо понимающего силу слова и умеющего ее эффективно использовать. Н.В. Илиевский является действительным членом Европейской академии естественных наук, непосредственно возглавляющим теоретико-методологическое направление отечественной военно-исторической отрасли, цвет которой составляют такие выдающиеся ученые и видные военные, как М.А. Гареев, С.А. Тюшкевич, Г.А. Бурутин, И.С. Даниленко, О.А. Бельков, В.Г. Кикнадзе, А.С. Орлов, Г.И. Коротков и др.

Не претендуя на исчерпывающую полноту отображения эпохи холодной войны, автор дает возможность читателю составить о ней адекватное и ясное представление. Работа адресована самой широкой аудитории: ученым, преподавателям, историкам и исследователям, а также всем неравнодушным читателям, кто интересуется историей и политикой.

Книга «От Потсдама до Мальты» по-настоящему актуальна. Она подводит нас к практическим выводам сегодняшнего дня, ведь вопрос: «В какой мере холодная война — лишь достояние истории?» — по-прежнему остается открытым.

*Заместитель Председателя редколлегии
Проекта «Военная история Российского
государства», академик РАН,
почетный доктор исторических наук
Международного университета
«PRO DEO» (Италия) А.М. Соколов*

ВВЕДЕНИЕ

*Почти во всех делах
самое трудное — начало.*
Жан-Жак Руссо

XX век занимает особое место в истории человечества, Он богат не только отдельными эпохальными событиями, но и комплексными масштабными явлениями, оказавшими огромное влияние на развитие современной цивилизации и мирового сообщества. Одним из таких важных исторических феноменов стала холодная война, продолжавшаяся несколько десятилетий и оказавшая сложное комплексное воздействие на все стороны жизни человечества. Ее последствия ощутимы и в наше время и, видимо, еще долго будут влиять на состояние и развитие международных отношений. Проблемы истории холодной войны широко обсуждаются в нашей стране и за рубежом. В ходе дискуссий историки, политологи, философы, ученые и специалисты других отраслей знания высказывают различные мнения относительно самого понятия «холодная война», ее содержания, времени возникновения и окончания, возможностей ее предотвращения. Ей посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых, но тема выглядит поистине неисчерпаемой.

Под холодной войной обычно принято понимать особое состояние конфронтации между США, Великобританией и их союзниками, с одной стороны, и Советским Союзом, а также со-

циалистическим блоком государств, с другой стороны, которое сложилось и развилось во второй половине XX столетия. Это противоборство охватывало политическую, экономическую, идеологическую, военную и иные сферы и объяснялось антагонистической разницей между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, которая, в свою очередь, определялась несовпадающими геополитическими и национальными интересами, противоположными идеологическими ориентирами. Это была борьба на истощение, когда любой повод, любой неверный шаг противника использовались для его ослабления.

В прошлом нечто подобное уже случалось. Вспомним, например, противостояние Рима и Карфагена, когда временной промежуток между Пуническими войнами стороны старались скрытно использовать для максимального ослабления противника, отдавая себе отчет в неизбежности будущих открытых конфликтов. В этой связи неслучайно, что ученик К. Маркса Э. Бернштейн в конце XIX в. применил термин «холодная война» для характеристики процесса складывания и развития военно-политических союзов европейских держав.

Наличие исторических аналогов, разумеется, не девальвирует тот факт, что холодная война — уникальное явление XX столетия. Это свойство ей придает ряд обстоятельств, среди которых следует особо выделить:

- биполярность мироустройства при ведущей роли в противоборстве двух сверхдержав США и СССР;
- масштаб, вовлеченность в процесс большинства ведущих стран мира;
- наличие у сторон крупных арсеналов оружия массового поражения (прежде всего, ядерного), возможное применение которого ставило под вопрос сам факт существования человечества;
- содержание в высоких степенях боевой готовности крупных группировок (сил) обеими сторонами и непрерывное их совершенствование;
- широкое использование форм и средств информационной (психологической) войны;
- борьбу за доминирование среди государств третьего мира.

История холодной войны наглядно показывает этапы противостояния противоборствующих блоков, эволюцию ядерного оружия от «оружия победы» через «оружие устрашения» к «оружию сдерживания» — от гонки ракетно-ядерных вооружений к сокращению ядерных арсеналов противостоявших сторон, к принятию мер по нераспространению ядерного оружия и ограничению его испытаний по мощности и пространству. Таким образом, ядерное оружие постепенно все более становилось средством предотвращения глобальной войны.

В XX столетии термин «холодная война» впервые появился осенью 1945 г. в английском журнале «Трибюн», но ввел его в политическую лексику послевоенных лет американский политический деятель финансист Бернард Барух в одном из своих выступлений весной 1946 г. Широко распространенным это словосочетание стало после выхода ряда статей известного американского журналиста Уолтера Липпмана и его книги «Холодная война. Очерк внешней политики США» (1947)¹.

До сих пор высказываются разные позиции по поводу начала холодной войны. Трудности демаркации вызваны самим характером явления, известной размытостью и латентностью отдельных событий, сложностью их ясной классификации. К тому же, в отличие от «горячей» войны, здесь и не может быть четкой даты, поскольку отсутствуют факты объявления войны и непосредственного нападения. Некоторые исследователи датируют ее начало 1946 годом, ссылаясь на речь У. Черчилля в Фултоне, другие называют 1949 год, когда был создан Североатлантический альянс, есть и иные трактовки.

На наш взгляд, истоки холодной войны относятся к 1917 г., но ее вызревание и развитие было обусловлено сложившимися в мире в ходе Второй мировой войны и особенно после ее завершения новыми военно-политическими, экономическими и военно-техническими реалиями, а также общей логикой развития международных отношений.

Применительно к 1917–1945 гг. можно говорить о предыстории холодной войны, а ее непосредственный исходный рубеж

¹ Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 47.

мы относим к 1945 г. В пользу этой точки зрения существует ряд обстоятельств:

- во-первых, именно тогда для бывших союзников исчезло объединяющее начало — общий враг в лице германского блока и Японии;
- во-вторых, многочисленные прямые и косвенные данные свидетельствуют, что в это время новым американским руководством был сделан окончательный выбор в сторону конфронтации с Советским Союзом;
- в-третьих, первые акции холодной войны имели место уже в 1945 г. При определенном допуске к ним можно отнести и атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки — хорошо известно выражение президента Г. Трумэна относительно «дубинки для этих русских парней», подтверждающее данный тезис.

Надо заметить, что Вторая мировая война вообще сыграла в отношении холодной войны роль повивальной бабки. Когда «туман войны»¹ рассеялся, на международной арене появились две сверхдержавы — США и СССР, вокруг которых группировались союзные им страны. Соединенные Штаты были единственной из участников войны страной, не понесшей разрушений и даже разбогатевшей. Они контролировали 80% золотого запаса мира, на их долю приходилось 60% мирового промышленного производства. Большинство стран находилось в финансовой зависимости от Вашингтона, что делало США лидером западного мира, способным определяющим образом влиять на ход событий. Велико было и уважение к заокеанской державе как к одному из главных победителей Германии и Японии.

Советский Союз, который вынес на своих плечах основную тяжесть войны и понес наибольшие людские и материальные потери, имел в то время также огромный моральный авторитет. Мощная советская армия-освободительница стояла на Эльбе и в предгорьях австрийских Альп. Полевевшие в годы борьбы с фашизмом народы Европы и Азии видели в СССР и компартиях (коммунисты входили во многие правительства) силу, способ-

¹ Выражение Карла Клаузевица.

ную поддержать и ускорить демократические преобразования в мире.

Одним из важнейших итогов войны стал крах колониальной системы, образование так называемого третьего мира. Империи, имевшие колониальные владения, начали разваливаться одна за другой. Сначала распад затронул лишь поверженные Италию и Японию, но вскоре распространился на остальные колониальные державы: Бельгию, Францию, Великобританию, Нидерланды, Португалию, Испанию. Процесс деколонизации протекал как эмансипационное движение в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке, но в каждом конкретном случае по-разному. В конечном счете он свел европейские страны в территориальном отношении до уровня средних и малых государств. Если к началу Второй мировой войны в рамках колониальной системы находилось 69% населения и 77% территории Земли, то к середине 70-х гг. эти показатели составили соответственно 0,2 и 0,5%. На месте прежних колоний образовалось около ста суверенных государств. Этот процесс имел всемирно-историческое значение: он вызвал кардинальные перемены на политической карте мира, положил начало многим современным процессам.

Вторая мировая война дала невиданный толчок развитию научно-технического прогресса. Правда, резкое ускорение выдающихся достижений в области науки, техники, новейших технологий, поразительный взлет научно-технической мысли были продиктованы прежде всего военными целями. Ученые и инженеры каждой из воюющих сторон старались упредить противника в создании новых видов вооружения, обогнать его в масштабах производства боевой техники, обеспечить своей стране военно-техническое превосходство над врагом.

Уже после Первой мировой войны, когда революционный шквал прокатился по всему миру, а в России победила социалистическая революция, правительства ведущих западных стран осознали, какую потенциальную опасность таят в себе массовые армии, в которых миллионы людей обучаются военному делу. Кроме того, огромные людские и материальные потери заметно осложнили политическую и социальную обстановку как в мире в целом, так и в отдельных странах. Поэтому в 20-е гг. упор

делался прежде всего на совершенствование оружия, военной техники и профессиональной подготовки личного состава, создание малых по численности, но преданных правящей элите вооруженных сил.

В военно-теоретических кругах Запада получили распространение теории специфических войн: «воздушной войны» (Дж. Дуэ, Дж. Митчелл), «танковой войны» (Дж. Фуллер, Л. Эймансбергер, Г. Гудериан), где абсолютизировались те или иные средства вооруженной борьбы. Предполагалось, что такие «избранные» рода войск, укомплектованные высоко подготовленными в военном и техническом отношении сравнительно небольшими контингентами, смогут, опираясь на новейшую технику, внезапными мощными ударами в короткие сроки разгромить противника. Известный английский военный теоретик Дж. Фуллер писал: «Идеальная армия, к которой надо стремиться, — это не вооруженный народ, а один человек, притом не какой-нибудь сверхчеловек, но просто человек, способный нажать кнопку или вынуть пробку и тем привести в действие машины, изобретенные лучшими умами человечества»¹.

Для быстрой победы требовались такие виды оружия, которые могли бы воздействовать на экономику и население страны противника на возможно большую глубину с тем, чтобы в решающей степени подорвать военно-экономический потенциал, нарушить управление страной и сломить волю к сопротивлению. Поэтому большое значение придавалось всемерному развитию и совершенствованию дальней бомбардировочной авиации, а также развитию баллистических средств (артиллерия, ракеты), способных наносить массированные удары, производить масштабные разрушения и применять отравляющие вещества по крупным городам и густонаселенным районам, расположенным в оперативном и стратегическом тылу противника.

Первоначально эти идеи получили особенно большое развитие в нацистской Германии. Готовясь к войне и позже — в ее ходе, немецкие лидеры искали способы нанесения ударов через фронты сражающихся войск с тем, чтобы обрушить смерто-

¹ Фуллер Дж. Оружие в истории. От пращи до ядерной бомбы. М., 2012.

носное оружие на промышленные районы и города в глубоком тылу врага. Для этого изыскивались новые эффективные средства ведения тотальной войны. Одним из важных направлений явились исследования в области атомного оружия, другим стало создание управляемых ракет. Развернулось настоящее соревнование воюющих сторон в разработке наиболее эффективных средств массового поражения. На вооружении многих стран появилась реактивная авиация, электронная техника. Совершенствовались и «традиционные» виды оружия: танки, артиллерия, стрелковое оружие, инженерное оборудование, средства связи.

Подобно тому как танки и самолеты, появившиеся на полях сражений в Первую мировую войну, не сыграв решающей роли в той войне, показали свои большие возможности в годы Второй мировой войны, став решающими средствами достижения успеха, так и воздушно-атомное, а затем и ракетно-ядерное оружие заняло высший приоритет в вооружениях послевоенного периода. Появившись в последний период войны как весьма несовершенное оружие, управляемые баллистические и крылатые ракеты не сыграли в ней сколько-нибудь существенной роли, но они, а особенно атомная бомба, ясно обозначили новые реалии наступающей эпохи. В послевоенный период, соединившись, они превратились в ракетно-ядерное оружие, которое произвело полный переворот в военном деле, внесло коренные изменения в способы ведения войны, изменило взгляды на применение силы, вышло за рамки традиционной стратегии, стало одним из важнейших средств военной политики развитых государств, ознаменовало научно-техническую революцию в военном деле. Огромные арсеналы ядерных ракет, прежде всего стратегического назначения, в годы холодной войны сделались мощным фактором, явно воздействующим на международную политику.

В связи с научно-технической революцией произошел качественный скачок в средствах разрушения, в военном деле. Впервые в истории он наделил человека способностью уничтожить все живое. Цена прогресса, который особенно ускоряется в ходе крупномасштабных войн, порой оказывается слишком велика, а иногда и непомерна, обращая в противоположность

достижения человеческого гения, казалось бы призванного служить процветанию человечества.

Совершенно новая, не похожая ни на что в прошлом ситуация потребовала глубочайшего переосмысления всех основных представлений о войне и мире, полученных нами от минувшего.

При этом со стороны определенных кругов великих держав, но прежде всего США, наблюдалось стремление «обойти» новые закономерности, попытаться доказать, что война по-прежнему возможна, если «умело» использовать новейшую технику и придать ей еще более «совершенные» свойства. Оказалось, что в самой опасной сфере политики — в военной политике, когда речь зашла о возможности уничтожения всей цивилизации, руководители противостоящих друг другу военно-политических блоков мыслили традиционными понятиями превосходства или баланса сил, почти не изменившимися со времен Александра Македонского и Юлия Цезаря. Но само время требовало новых подходов.

Лучшие умы человечества — А. Эйнштейн, Б. Рассел, П.Л. Капица — осознали это уже на заре ядерной эры. Однако к ним остались глухи те творцы военной политики, для которых было выгодно не замечать происходящих революционных изменений, а качественно новые средства уничтожения воспринимались ими чем-то вроде «улучшенной» артиллерии или более мощных авиационных бомб и военная стратегия оставалась прежней стратегией «военных побед». Иными словами, войне хотели оставить прежние традиционные измерения, сделать ее, теперь ядерную, оружием «продолжения политики иными средствами». Об этом свидетельствуют, в частности, американские военные концепции и доктрины 40–60-х гг.

Рост военной мощи противоборствующих сторон после 1945 г. происходил настолько стремительно, что действительно было нелегко осознать, что же он влечет за собой в сфере отношений между государствами, какие новые свойства приобретает оружие как средство политики.

Такой разрыв между реальностью и ее адекватным осмыслением в чем-то напоминал ситуацию накануне Второй мировой войны, когда агрессоры, опьяненные военной мощью и благо-

Наземный ядерный взрыв

приятной политической конъюнктурой, решили, что им по плечу задача завоевания мирового господства. После войны, во времена вступившей в свои права научно-технической революции, влиятельным западным кругам также грезилось, что дух ядерного могущества, подобно джинну из сказки, способен выполнять любые желания. Развернулась холодная война, основанная на «равновесии страха». Огромные материальные ценности стали уходить на гонку вооружений, отвлекались от решения насущных задач. Все это не только замедляло прогресс человеческой цивилизации, но и ставило под вопрос перспективы ее существования.

Как никогда раньше военная сила вторглась в политику, сделав ядерное оружие особым политическим инструментом. Гонка вооружений, в которой СССР всегда был догоняющей стороной, первоначально имела целью превзойти противни-

ка, открыто продемонстрировать ему превосходящую военную мощь, и скрытно, насколько это оказывалось возможным, подготовить новые средства вооруженной борьбы. В последующем со стороны Запада к этому добавилась задача — измотать Советский Союз, истощить его экономически. Состязание сверхдержав в гонке ядерных, ракетных и обычных вооружений сопровождалось многими тайными операциями, инцидентами, имеющими порой крайне опасные последствия, игрой мускулами и блефом в ситуациях, когда международная обстановка резко обострялась. Логика холодной войны создавала постоянную опасность возникновения мировой или крупномасштабной войны между сформировавшимися блоками НАТО и ОВД. Ожидалось, что в новой войне стратегические цели могут быть достигнуты в короткие сроки, а разрушения и жертвы превзойдут все потери в прошлых войнах.

Острой в дискуссионном отношении остается проблема ответственности за развязывание холодной войны. Порой раздаются призывы вообще уйти от этой темы, тем более что виноваты, мол, обе стороны. Делается это, по-видимому, в силу сознательного желания «затемнить» вопрос и избежать неудобных оценок. Парадокс, однако, состоит в том, что само значение проблемы неизбежно вынуждает любого, выступающего на тему холодной войны, — ученого, политика, обывателя, — так или иначе определить свою позицию.

Если на Западе всегда наличествовали разные подходы с очевидным перевесом сторонников виновности СССР, то в нашей стране в силу идеологических причин до начала 90-х гг. ответственность однозначно возлагали на США. Позже ситуация изменилась диаметрально: многочисленные ангажированные авторы в ущерб объективности стали искать доказательства едва ли не абсолютной виновности Советского Союза.

Очевидно, однако, что в любой войне (холодной в том числе) участвуют две стороны. Следовательно, ответственность всегда носит обоюдный характер. Не менее ясно и то, что равной ответственности не бывает. По нашему мнению, инициатором и главным виновником послевоенной конфронтации выступили Соединенные Штаты Америки. Эта держава по своей сово-

купной мощи значительно превосходила СССР и в силу данного обстоятельства имела едва ли не полную свободу в выборе основ послевоенной политики. К тому же США, в отличие от Советского Союза, не понесли во Второй мировой войне значительных людских и материальных потерь. Надо помнить и о том, что ввиду географического положения и некоторых иных факторов Соединенные Штаты имели на тот момент высокий порог защищенности.

Что касается СССР, то его тревога о собственной безопасности была естественной и закономерной. Утрата колоссальных экономических мощностей и особенно гибель многих миллионов людей делали его болезненно восприимчивым к этой проблеме. Идеологические догматы, переоценка влияния социализма в мире, ошибки в анализе перспектив национально-освободительного движения тоже имели место. Тем не менее нельзя отрицать, что Советский Союз вынужденно вступил в холодную войну и что его руководство ясно сознавало риски и трудности противоборства с сильнейшим государством мира.

В 1945 г. многим казалось, что Тегеран, Ялта и Потсдам заложили основы согласия великих держав, которое обеспечит мирное и демократическое будущее человечества. Но эти надежды не оправдались. Геополитические амбиции, примитивно понимаемые национальные интересы, прикрытые флером реальных идеологических противоречий, привели к холодной войне двух сверхдержав, образованию вокруг них военно-политических блоков, противоборству Востока и Запада. Возможности, заложенные самим фактом общей победы над фашизмом и созданием Организации Объединенных Наций, в своей значительной части оказались нереализованными.

Сегодня ясно, что обе противоборствующие стороны, каждая по своему, разрушили сотрудничество, налаженное во время войны и создававшее условия для решения проблем, вставших перед миром в послевоенный период. США и другие страны Запада, ослепленные антикоммунизмом, не хотели мириться с огромным авторитетом Советского Союза, видели в нем врага своим геополитическим интересам и идеологическим постулатам. Во всех освободительных движениях (рост влияния левых сил, борьба за независимость народов колоний, выступления

против атомной дипломатии и т.п.) они усматривали «руку Москвы». В то же время распад колониальной системы объективно создавал политический вакуум в обширных регионах планеты, заполнить который старались обе сверхдержавы.

В Европе стремление советского руководства заменить существовавший некогда «санитарный кордон» поясом дружественных СССР сопредельных государств воспринималось Западом как советская экспансия. В свою очередь, США и их союзники стремились распространить свое экономическое и политическое влияние на Восточную Европу, а в Москве это расценивали как нежелание Запада считаться с позицией СССР и уважать интересы его безопасности.

Одновременно с развитием политических антагонизмов шел процесс нарастания гонки вооружений. На первом этапе холодной войны США, рассчитывая на свое, в то время уникальное, атомно-воздушное могущество, стремились «устрасшить» СССР, а при благоприятной возможности и уничтожить его. Советский Союз, не располагавший еще ядерным оружием и средствами его доставки до американского континента, создал мощные сухопутные армии, стоявшие в центре Европы и способные за две недели наступления выйти к Ла-Маншу. В Вашингтоне полагали, что бесспорное технологическое превосходство американской промышленности над советской и американский опыт воздушной войны против Германии и Японии позволяют вести войну на условиях США, тогда как сухопутная война — это война на условиях СССР. С появлением в Советском Союзе атомного оружия он получил возможность применять его первоначально на всю глубину Западной Европы, а затем было покончено со стратегической неуязвимостью самих США.

Советский Союз, таким образом, принял вызов и включился в процесс наращивания стратегических ракетно-ядерных вооружений, что вело к перманентной «гонке за лидером». До определенного момента это было единственно правильным решением, но в конечном счете чувство меры было утрачено, а эффективного асимметричного ответа на очередные американские вызовы найти не удалось. Перенапряжение сил существенно ослабило экономику СССР, способствовало нараста-

нию социальных проблем, стало одной из причин системного кризиса, погубившего в итоге Советское государство.

Причины, периодизация холодной войны, ее основные события и значение по-разному трактуются как на Западе, так и в нашей стране. Историков, политологов, философов волнуют и другие вопросы. Является ли разрушение СССР результатом холодной войны? Закончена она или нет? Если закончена, то возможны ли рецидивы? Наконец: холодная война — это особое пограничное состояние или новый вид войны?

В предлагаемом вниманию читателя труде предпринята попытка дать ответы на эти и другие злободневные вопросы, с позиций сегодняшнего дня оценить основное содержание этого уникального и неоднозначного исторического феномена.

*Автор выражает свою глубокую признательность
и благодарность В.А. Золотареву за понимание,
поддержку и настойчивость*

ГЛАВА 1

Некоторые проблемы историографии холодной войны

В период холодной войны Запада и государств советского блока ученые вовлеченных в нее стран освещали историю послевоенных лет с диаметрально противоположных позиций, продиктованных, как правило, политикой и идеологией правящих кругов своих государств. В США, правда, существовало и «ревизионистское» направление исследований: ученые, принадлежащие к этой школе, стремились «подняться над схваткой», но не они определяли общую тональность. Впрочем, и отечественная историография начиная с эпохи перестройки утратила свое единство, породив образцы как позитивного, так и негативного свойства.

В целом историографические баталии были тогда и остаются сегодня важной частью информационного противоборства, которое не завершилось и после официального окончания холодной войны.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать историографию холодной войны с точки зрения освещения ею основных военно-политических и геостратегических проблем, которые решали противоборствующие сверхдержавы и их союзники.

Можно выделить несколько ключевых вопросов, которые стали главными темами дискуссий. К ним относятся: происхождение глобального послевоенного противостояния и от-

ветственность за него; военно-политические кризисы и инциденты; локальные войны и конфликты — такие как войны в Корее, Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Афганистане и др.

В этой главе кратко рассматривается отечественная как советская, так и постсоветская историография холодной войны последних 20–25 лет, когда в мире сложились новые реалии, стали доступны ранее закрытые для общественности документы и свидетельства, появились новые трактовки и оценки происходивших событий. Отдельный параграф посвящен основным направлениям западной историографии холодной войны.

1.1. Отечественная историография

Первая задача историка — воздерживаться от лжи, вторая — не утаивать правды, третья — не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности.

Марк Туллий Цицерон

Для отечественной историографии советского периода были характерны единые подходы к изложению событий, относящихся к происхождению и развитию холодной войны. Во многом они предопределялись государственной позицией, что, разумеется, не означает, что авторы, работающие по этой тематике, кривили душой. Другой вопрос, что они были ограничены в источниках информации, а также способах и формах ее подачи.

Советские ученые исследовали фактическую политику США и НАТО и, основываясь на анализе документов и трудов западных историков, давали свое видение происходивших в мире событий. При этом широко использовалась марксистско-ленинская методология и выработанные на тот момент официальные взгляды руководства КПСС, СССР и международных организаций (Коминформ, ОВД и др.).

В соответствии с руководящими документами съездов ВКП(б) (КПСС) и конференций руководящих органов мирового коммунистического движения советская историография

расценивала происходящий мировой политический процесс как борьбу двух противостоящих военно-политических лагерей: капиталистического и социалистического.

Основной постулат гласил: мировая капиталистическая система переживает общий кризис, в котором следует различать последовательные этапы.

Первый (начался в годы Первой мировой войны) — знаменовал собой прорыв в общей системе капитализма, каковым стала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Второй (пришедшийся на период Второй мировой войны) — связан с победой социализма в «странах народной демократии» Европы и Азии, с распадом единого мирового рынка, образованием биполярного мира: социалистического и империалистического лагерей.

Третий период («если империалисты развяжут третью мировую войну») — будет означать гибель всего старого мира. «Не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны», — провозглашал секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков в 1949 г. [1].

В то же время руководство СССР исходило из того, что мирное сосуществование двух антагонистических систем неизбежно на длительный период. Поэтому лояльные отношения со странами Запада, готовыми поддерживать сотрудничество на основе соблюдения принципа взаимности, желательны и необходимы. Сталин в своем ответе на письмо кандидата на пост президента США в 1948 г. Уоллеса написал: «Правительство СССР считает, что, несмотря на различие экономики и идеологий, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и, безусловно, необходимы в интересах всеобщего мира»¹.

Конечно, сталинская политика носила в первую очередь не идеологический, а геополитический характер, хотя сам термин «геополитика» и не входил в лексикон советской историографии. В общих чертах концепция СССР и его союзников выглядела так: Советский Союз — центр антикапиталистической системы и эталон социализма, вокруг него концентрируется пояс дружественных стран «народной демократии», твердо

¹ Правда. 1948. 18 мая.

стоящих на позиции построения социализма по «сталинской модели», их поддерживают коммунистические партии развитых стран. И наконец, в Азии, Африке, Латинской Америке развиваются страны «социалистической ориентации». Именно эта модель политического устройства мирового сообщества активно пропагандировалась советской историографией [2].

Одним из главных направлений идеологической борьбы советской и западной историографии стал вопрос о «претендентах на мировое господство», иначе говоря, о виновнике холодной войны. Надо сказать, что западная пропаганда, начиная с так называемой длинной телеграммы Дж. Кеннана (февраль 1946 г.)¹, развернула кампанию о претензиях СССР на мировое господство с опорой на военную силу. «Адепты силы, — писал в сентябре 1946 г. специальный помощник президента Г. Трумэна К. Клиффорд, — понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком»². Политика США в отношении Советского Союза была представлена миру как политика «сдерживания коммунизма», то есть как ответная по характеру. Любые шаги Москвы, направленные на защиту национальных интересов СССР (например, связанные с созданием блока дружественных сопредельных государств), рассматривались как «советская экспансия». По сути, Советский Союз обвинялся в том, в чем были грешны сами США и их союзники. Это стало своеобразным проявлением древнего латинского изречения: «*Quod licet Jovi, non licet bovi*» («Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»).

Действительно, как мог Советский Союз, понесший огромные потери во Второй мировой войне, не имевший еще ни атомной бомбы, ни стратегической авиации, сокративший свои вооруженные силы с 12 до 3 млн человек, — угрожать Соединенным Штатам, обогатившимся и усилившимся благодаря той же войне? Все обстояло с точностью до наоборот. Ядерное оружие рассматривалось правящими кругами США как средство, с помощью которого они смогут обеспечить свою гегемонию во всем мире.

¹ Представлено в приложении 2.

² Цит. по: [3].

«Rex Americana» уже тогда стал идеей-фикс американского политического истеблишмента. 19 декабря 1945 г. президент США Г. Трумэн официально заявил в обращении к конгрессу: «Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром» [4]. «Пока мы, и только мы обладаем атомной бомбой, — вторил ему экс-президент Г. Гувер, — мы можем диктовать свою политику всему миру» [5].

Такой подход вызывал правомерное политическое противодействие со стороны СССР и поддерживающих его сил, что нашло свое отражение в советской историографии по проблемам холодной войны. В официальных исторических трудах послевоенного периода содержался критический разбор основных трактовок западных политологов и историков событий послевоенного времени, мотивов политики США и их союзников в отношении СССР, стран «народной демократии», национально-освободительного движения, коммунистических партий. Об этом много писали известные советские историки Е.А. Болтин, П.А. Жилин, В.Г. Трухановский, Г.Н. Севостьянов, С.Л. Тихвинский, Г.А. Трофименко, Р.Г. Богданов, Н.Н. Яковлев и др.

Кроме ключевой темы происхождения холодной войны, в 1945–1991 гг., то есть в период после Великой Отечественной войны до распада СССР, советская историография уделяла выраженное внимание следующим основным аспектам:

- идеологической борьбе между антагонистическими, общественно-экономическими формациями (социализм и капитализм), противостоянию культур, нравственных и социальных ценностей советского и западного мира;
- гонке вооружений (в первую очередь, стратегических) с упором на ракетно-ядерный фактор;
- национально-освободительной борьбе в развивающихся и освобождающихся от колониальной зависимости странах (третий мир);
- локальным войнам, ведущимся на периферии глобального противостояния сверхдержав биполярного мира.

К числу самых первых исторических исследований, посвященных проблематике холодной войны, относятся монография

Г.А. Деборина «Борьба СССР за обеспечение мира и безопасности» (1946) и коллективный труд «Исторический очерк США», увидевшие свет в 1946 г. [6].

В 1960-е — начале 1970-х гг. были опубликованы монографии В.И. Лана, Н.В. Сивачева, Е.Ф. Язькова, Н.Н. Яковлева, в которых авторы показали движущие силы, причины и цели холодной войны [7]. В работах советских историков также анализировались наиболее известные американские доктрины и концепции: «теория глобализма», «доктрина сдерживания», «доктрина Трумэна», «план Маршалла» и другие [8], раскрывались и оценивались идеологические истоки внешней политики США [9]. Особую группу работ составили подготовленные большими авторскими коллективами многотомные фундаментальные труды широкой проблематики, отдельные разделы и главы которых были посвящены холодной войне. В них также доказывалась ответственность США за развязывание холодной войны, выделялись основные этапы возникновения этого глобального международного конфликта, характеризовалось их содержание [10].

В ряде монографий подробно рассматривался процесс трансформации внешнеполитических отношений США и СССР, анализировались основные факторы холодной войны [11]. Советские историки акцентировали внимание на консолидации сил Запада в холодной войне. «В настоящее время, когда преимущества социализма перед капитализмом становятся все более явными, координация действий империализма в военно-политической области усиливается...» [12]. Несомненный интерес представляют работы, посвященные рассмотрению различных аспектов геополитических притязаний США и СССР в странах Центральной и Восточной Европы [13].

Монографиями дело не ограничивалось. В 1960–1980-е гг. публикуется особенно много статей, посвященных частным проблемам холодной войны¹.

Надо сказать, что подавляющее большинство советских историков совершенно искренне считало Запад единственным виновником холодной войны, а США — главным источником

¹ См., например [14].

Информационный фронт холодной войны. Плакат Курышников

военной угрозы для СССР и его союзников. Опираясь не только на марксистско-ленинское понимание процессов, происходивших в мире, но и на доступные западные источники, советская историография приводила аргументы, демонстрировала американские, а позднее и натовские планы нападения на Советский Союз, ликвидации советской системы. Вот соответствующая цитата из директивного документа: «Надо указать советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощью... для быстрого сокрушения СССР в войне... США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну... Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война»¹.

Образ Соединенных Штатов в исторических исследованиях того времени, конечно, отличался некоторой лапидарностью и строго соответствовал официальным характеристикам. Но ведь и они возникали не на пустом месте. Вот, например, отрывок из выступления Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского: «США связали военными союзами более сорока буржуазных стран, усиленно восстанавливают военный потенциал Западной Германии и насаждают по всему миру свои

¹ Цит. по: [3, с. 35–36].

военные базы, из года в год увеличивают свои расходы на вооружение, проводят испытания новых видов ядерных бомб, накапливают различные средства для ведения войны». Что здесь неправда?

Было бы ошибкой считать, что советская историография послевоенного периода являлась вторичной, однобокой и примитивной, как порой ее оценивают сейчас. Рассматривая проблематику холодной войны, она в связи с ней выходила на широкий круг других значимых и актуальных вопросов.

Одним из важных факторов, оказавших влияние на развитие отечественной военной науки вообще и историографии холодной войны в частности, стала научно-техническая революция. Начавшаяся во время Второй мировой войны и получившая мощное ускорение сразу после ее окончания, она вызвала глубочайшие качественные изменения в сфере военного дела. Создание ядерного оружия, ракет различной дальности подняло развитие средств вооруженной борьбы до высочайшего уровня. Эта ситуация поставила ряд вопросов, важнейшим из которых стало понимание изменений в сущности войны, ее месте и роли в историческом процессе, а также значение идеологического противостояния общественно-политических систем. Поначалу считалось, что атомное оружие лишь расширяет сферу воздействия обычного оружия, является более совершенным средством достижения оперативных и тактических целей. Однако по мере накопления экспериментальных данных, совершенствования ядерных боеприпасов и средств их доставки военные теоретики и на Западе, и в СССР постепенно осознали, что атомное (ядерное) оружие — это не просто увеличение огневой мощи войск, а принципиально новый военнотехнический фактор, в корне меняющий принципы и нормы военного искусства. В этой связи переосмысливались категории национальных ценностей, национальных интересов, национальной безопасности, военного искусства.

В отечественной военной историографии важное место отводилось возможности ракетно-ядерной войны, ее содержанию, продолжительности, особенностям и последствиям.

К середине 60-х гг. в трудах советских военных теоретиков и военачальников были сформулированы и развиты об-

щие положения о возможных формах и способах применения ракетно-ядерного оружия в будущей войне. В них говорилось о следующих принципах:

- война будет, вероятнее всего, всеобщей и ракетно-ядерной;
- основной формой стратегических действий в такой войне будут ракетно-ядерные удары стратегических наступательных сил и действия средств противовоздушной и противоракетной обороны по отражению этих ударов;
- стратегические операции на сухопутных театрах военных действий станут формой реализации результатов ядерных ударов;
- война по преимуществу будет скоротечной;
- в силу скоротечности войны ее исход в определяющей степени будет зависеть от предвоенной готовности страны и армии.

Указанные принципы нашли непосредственное отражение в документах, разработанных в Генеральном штабе [15].

Установление в 70-х гг. военно-стратегического паритета способствовало существенной корректировке военно-стратегических взглядов. К политикам и военным специалистам пришло понимание невозможности развязывания и ведения ракетно-ядерной войны. Советское руководство официально объявило о нежелании добиваться превосходства в области развития стратегических наступательных вооружений.

По-новому встала и проблема соотношения научно-технического прогресса с процессом подготовки личного состава армии и флота. Был сделан верный вывод о том, что военно-техническая культура, научные знания (в том числе общественные), лежащие в ее основе, прямо влияют на боеспособность и боевую готовность армии и флота. Научно-технический прогресс вызвал к жизни новые формы обучения и воспитания войск. Стало аксиомой, что руководить войсками, учить и воспитывать личный состав можно лишь на научной основе. И чем больше развивается военное дело, тем значительнее роль науки в обучении и воспитании, в практической деятельности военных кадров.

Подводя итоги краткой характеристике советской историографии холодной войны, еще раз отметим, что она в полной

мере несла на себе отпечаток эпохи. Это проявлялось и по форме, и по содержанию. Но бывает ли иначе?

Да, советские историки той поры были предельно категоричны в вопросе о виновнике холодной войны. Кто искренне, а кто и по приказу не признавал полутонов, не замечал обстоятельств, «выпадавших из схемы». Но они не совершили здесь принципиальной ошибки — инициатором и основным виновником холодной войны был Запад. Выводы советских ученых были неполными? Что ж, зато это открыло перспективы для добросовестных продолжателей их дела.

Кстати говоря, труды историков, подготовленные уже на закате советской эры, выделяются иной тональностью и стилем. В них настойчиво высказывается мысль о возможности предотвращения глобального конфликта между СССР и США [16]. Позднее, особенно когда «подули ветры перестройки», точка зрения многих отечественных ученых на происхождение холодной войны претерпела существенные изменения. Заговорили о том, что Советский Союз также несет свою долю ответственности за произошедший разрыв союзнических отношений и последующую конфронтацию.

Теоретические положения, изложенные в работах и выступлениях прежних советских руководителей, а также в официальных партийных документах, подверглись критическому разбору [17]. Теория общего кризиса капитализма, отмечали критики этой концепции, оказалась ошибочной в своих главных оценках. Как показали события второй половины XX в., капитализм устоял. В 70–80-е гг., ведущую роль в мировой экономике начал играть наднациональный транснациональный капитал, осуществляющий контроль над рынками и их передел вне контроля государств. Постиндустриальное капиталистическое общество переросло в информационное, основанное на высоких технологиях. «На каждом очередном витке исторической спирали силы старого мира имеют возможность снять наиболее опасные в данный момент противоречия и продлить свое господство», — делался итоговый вывод [18].

Однако появились и признаки грядущего декаданса. Так, в последние годы существования СССР стала доминировать

лукавая и демагогическая, на наш взгляд, позиция, что искать виновника холодной войны бесперспективно, поскольку в мировой политике все взаимосвязано и любая акция одной стороны, давшая на первый взгляд исходный стимул эскалации враждебности, при более глубоком изучении вопроса окажется ответным ходом на какой-то конкретный шаг оппонента.

С разрушением Советского Союза отечественная историография холодной войны вступила в полосу кризиса. Если в советский период идеологическая борьба с Западом и постулаты социалистической пропаганды требовали порой использования не самых честных тактических приемов — умолчания о некоторых негативных или невыигрышных событиях, односторонних трактовок отдельных положений (что, правда, делается почти всегда и везде), то в постсоветскую эпоху, особенно в первые ее годы, изменилась сама стратегия. Интересы исторической правды и государства уступили место личным мотивам. Громче всего зазвучали голоса тех «ученых» (в большинстве своем из числа обласканных советской властью), которые объявили ложью то, что писалось о холодной войне в СССР, а правдой — то, что утверждали вчерашние враги. Хочется верить, что зарубежные гранты, поездки за границу, приемы в западных посольствах и т.д., и т.п. не играли здесь никакой роли.

Стартовал процесс системного целенаправленного искажения советского периода отечественной истории. Его пик пришелся на 90-е гг. прошлого века, хотя эта тема и сегодня далеко не закрыта. Многие реальные достижения советской внешней и внутренней политики во взаимоотношениях с Западом и внутри социалистического сообщества оказались подвергнуты жесткой и не всегда честной ревизии. Что же касается действительных недостатков, просчетов, ошибок во внешней и внутренней политике СССР, то они абсолютизировались и смаковались: советская военная доктрина критиковалась за несоответствие между ее политическими и военно-техническими аспектами, политика разрядки — за ее непоследовательность, оборонные усилия СССР — за их затратность и т.д. [19]. Выработался особый, легкоузнаваемый стиль — все вроде бы не без оснований и вместе с тем фальшиво, недостойно, с выраженным презрением к собственной стране, к своему народу.

К счастью, в те же годы выделилось и постепенно начало набирать силу и другое течение. Оно неформально объединило исследователей, которые имели целью объективно взглянуть на ход истории второй половины XX в., оценить достижения Советского Союза в экономике, военной и военно-технической сфере, социальной жизни, науке и культуре тех лет, но в то же время дать критический анализ недостатков, просчетов, упущений советского политического и военного руководства. Эти историки понимали, что абсолютизация достижений западной системы и замалчивание ее теневых сторон являются таким же искажением принципов исторической науки, как и прежние грехи, но только более опасным и безнравственным. Тем более что в 90-е гг. уже выяснилась справедливость популярной тогда шутки: «О социализме нам в чем-то ввали, но о капитализме, оказывается, рассказывали чистую правду».

Зрело убеждение: ученый, мазохистски бичующий историю своего Отечества, лишен чувства гражданственности и патриотизма, а его труды не нужны. Не испытывая боли за неудачи своей страны и гордости за ее успехи, невозможно создать серьезные и глубокие научные работы.

Примерно с конца 90-х гг. набирает силу конструктивное переосмысление послевоенного периода советской истории. Создаются специальные рабочие группы по изучению истории холодной войны в целом ряде научных институтов: российской истории, всеобщей истории, военной истории, славяноведения, Дальнего Востока, МГИМО, в которые вошли многие известные ученые¹. Направления исследований в общем те же: происхождение, развитие, события холодной войны. Дополнительное внимание получили темы развития военно-промышленного комплекса, советской политики в странах Центральной и Восточной Европы, роли третьих стран в холодной войне и др. Все эти проблемы нашли отражение в коллективных трудах, монографиях, а также в сборниках, составленных на основе

¹ Необходимо назвать хотя бы некоторые имена: Быстрова И.В., Гайдук И.В., Гибианский Л.Б., Егорова Н.И., Жуков Ю.Н., Золотарев В.А., Коротков Г.И., Мальков В.Л., Мягков М.Ю., Наринский М.М., Орлов А.С., Печатнов В.О., Поздняков В.В., Путилин Б.Г., Ржешевский О.А., Рогов С.М., Тюшкевич С.А., Уткин А.И., Филитов А.М., Чубарьян А.О. и др.

научных конференций, мемуарах видных дипломатов, бывших ответственных работников различных советских ведомств, военачальников, сотрудников спецслужб и т.д. Широкое распространение получила научная публицистика по проблемам холодной войны и роли в ней Советского Союза.

Особый интерес представляют труды, посвященные общим вопросам внешней и внутренней политики США, роли СССР и США в развязывании холодной войны, а также ее отдельным конкретным проблемам. Подавляющее большинство этих работ основано на солидной источниковой базе [20].

В постсоветский период Министерство иностранных дел РФ рассекретило архивные фонды некоторых своих департаментов, секретариатов министров (М.М. Литвинова, В.М. Молотова, А.Я. Вышинского) и другие, имеющие большое значение для характеристики основных направлений советской внешней политики 1945 — середины 1960-х гг. Исследователи также получили доступ к материалам ЦК КПСС, Секретариата и Политбюро. Значительная часть архива И.В. Сталина была передана в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и стала доступной. Российские историки получили возможность регулярно работать в зарубежных исследовательских центрах и архивах (назовем, например, Центр Вудро Вильсона в Вашингтоне и Национальный архив США). В Москве, Вашингтоне, Потсдаме, Нью-Хейвене, Гонконге прошла серия международных научных конференций по истории холодной войны с активным участием российских ученых.

Начиная с 1990-х гг. в научных исторических журналах «Новая и новейшая история», «Международная жизнь», «Отечественная история», «Исторический архив», «Военно-исторический журнал», «Источник» регулярно публикуются архивные документы и воспоминания.

Современная российская историография, безусловно, отличается от работ советских историков большей внутренней свободой. В отличие от советских времен, диапазон оценок и трактовок эпохи холодной войны стал весьма широк. Так, анализируя вопрос о происхождении холодной войны и ее виновниках, ряд отечественных историков (повторяя во многом

*Памятник эпохи холодной войны
(Корейский мемориал в Вашингтоне)*

западных советологов) считают, что холодная война началась в основном из-за того, что Советский Союз, руководствуясь учением марксизма, стремился к осуществлению мировой революции и насаждению повсеместно режимов, ориентированных на марксизм-ленинизм. Это встретило активное противодействие со стороны США и их союзников, которые намеревались строить мир на «либеральных ценностях», несовместимых с коммунизмом. Такое кардинальное расхождение между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции и привело к холодной войне [21].

Другие ученые, продолжая традиционную линию, полагают, что главной причиной холодной войны стало стремление США к мировой гегемонии [22]. Третьи считают, что в развязывании холодной войны в равной степени виноваты как западные державы, так и СССР. Запад не хотел понять, что для Совет-

ского Союза вопросы национальной безопасности стояли на первом месте. «Синдром 41-го года» требовал от советского руководства создать вокруг СССР своеобразное предполье в виде союза дружественных государств. Западные державы рассматривали это как коммунистическую экспансию, которую надо «сдерживать любой ценой». В свою очередь, Советский Союз, установив просоветские режимы в ряде стран Европы и Азии, ограничил доступ туда западных товаров, то есть лишил Запад и особенно США новых рынков, которые им были необходимы. Это трагическое непонимание интересов друг друга и привело к холодной войне¹.

При анализе советской внешней политики послевоенных лет многие отечественные историки постсоветского периода подчеркивают ее двойственный характер. С одной стороны, установка на «мировую революцию», принявшую форму «общего кризиса капитализма» как общественной системы, с другой — курс на мирное сосуществование со странами капитала в условиях развивающегося научно-технического и социально-культурного прогресса. В ряде трудов критически анализируются шаги советского правительства и в том, и в другом направлении.

Большую положительную роль сыграли труды очевидцев событий послевоенных лет и мемуары бывших советских дипломатов, разведчиков, военачальников 40–80-х гг. [23]. В этих работах нашли объективную оценку многие инициативы правительства СССР, успехи советской внешней политики. Критиковались и ошибки: авторы — непосредственные участники исторических событий, анализировали их причины, показывали, почему те или иные эпизоды привели к определенным негативным последствиям.

В 90-е гг. после рассекречивания ранее закрытых документов военного и военно-технического характера важным направлением в историографии стали труды о создании атомного и ракетного оружия в СССР, космических систем, развитии радиолокационной и другой электронной техники, о достижениях в авиации, ПВО, морских вооружениях. Эти работы раскрыли

¹ Загладин Н.В. Указ. соч.

для общественности те грандиозные усилия, которые прилагала наша страна, чтобы на равных противостоять военным программам США и НАТО и адекватно отвечать на вызовы безопасности. Во многих исследованиях, документальных сборниках, воспоминаниях участников создания советского атомного оружия рассматривались проблемы, стоявшие перед советскими учеными в процессе работы над атомным оружием, трудности, которые приходилось преодолевать, роль разведки, особенности деятельности организаций, связанных с созданием советского атомного и водородного оружия [24]. Стали известны многочисленные факты и эпизоды, рассказывающие, например, о том, как создавался атомный полигон в районе Семипалатинска, как проходили испытания атомного и водородного оружия, какие проблемы пришлось решать строителям, инженерам, военнослужащим, ученым¹. Немалое место отводится борьбе против иностранных разведок, стремившихся проникнуть в военные секреты Советского государства и его союзников [25].

В современных исторических трудах в целом достаточно объективно раскрывается процесс и анализируются наиболее драматические эпизоды противоборства сверхдержав. В них с опорой на новые данные показано, как была ликвидирована атомная монополия США, как, следуя в гонке вооружений «за лидером», Советский Союз в разные периоды холодной войны находил оригинальные, порой асимметричные ответы на вызовы США и НАТО, не допуская обретения вероятным противником подавляющего военного превосходства.

Вместе с тем многие вопросы еще ждут своих исследователей. До сих пор остается слабо изученным влияние холодной войны на эволюцию социальной сферы и политической системы СССР, США и их союзников; на экономические отношения; характер социальной структуры и связи между ее компонентами; на устройство власти, методы и формы управления обществом и государством. Даже тема «маккартизма» здесь не исключение. С другой стороны, большое значение имеет проблема обратного воздействия социально-политической сферы на холодную войну. Было бы чрезвычайно интерес-

¹ Россия делает сама. М., 1994.

но выяснить, какие социальные и политические структуры Запада (с Востоком в этом случае ситуация понятнее) обеспечивали ее воспроизводство и развитие; с помощью каких латентных механизмов осуществлялось принятие практических решений.

1.2. Западная историография¹

Говорят, что Бог не может изменить прошлое, однако историки на это способны. Возможно, именно из-за их полезности Ему в этом отношении Он и терпит их существование.

Сэмюэл Батлер

Западная историография холодной войны никогда не была однородной. С определенной долей условности в ней выделяют несколько крупных школ и течений. Однако независимо от групповой принадлежности подавляющее большинство авторов даже в разгар споров никогда не забывали о национальных интересах.

Наиболее влиятельной и многочисленной группой западных историков холодной войны является «ортодоксальная» школа. Может быть, для сегодняшнего дня эта оценка и кажется устаревшей (все течет, все меняется), но ее следует понимать скорее в переносном смысле.

Само название данного направления возникло в связи с его «влиянием в историографии и строгой приверженностью его представителей официальной точке зрения Вашингтона на послевоенную внешнюю политику США»². Почему речь идет

¹ В 1972 г. московское издательство «Наука» выпустило в свет книгу «Американская историография внешней политики США (1945–1970)» под редакцией Г.Н. Севастьянова, которая стала ценным источником информации для советских авторов. В 1991 г. то же издательство опубликовало труд А.М. Филитова «Холодная война: историографические дискуссии на Западе». И на сегодняшний день это наиболее цельная и интересная работа по проблеме. Разумеется, в настоящее время исследователи имеют принципиально другие, чем прежде, возможности для работы непосредственно с первоисточниками.

² Характеристика А.М. Филитова.

в основном о политике США? Потому что именно эта страна, возглавившая западный мир, определяла и его политику.

Большинство «ортодоксальных» историков считали, что принципы и цели коммунизма, разработанные Марксом и Лениным, объясняют советское поведение в 40-е гг. Они доказывали, что СССР стремится к мировой революции путем насаждения повсеместно режимов, исповедующих марксизм-ленинизм. Например, по мнению А. Шлезингера, «главное объяснение быстрого углубления холодной войны заключается прежде всего в том факте, что Советский Союз не является традиционным национальным государством... это тоталитарное государство, вооруженное все объясняющей и все охватывающей идеологией, основанное на идее непогрешимости партии и правительства, проникнутое настроениями мессианства, ставящего знак равенства между расхождением во взглядах и предательством, и управляемое диктатором, который, при всех его вполне неординарных качествах, был отмечен признаками параноидальности» [26].

«Ортодоксы» доказывают, что существуют огромные различия между советскими и американскими взглядами на то, каков должен быть оптимальный мировой порядок. Некоторые из них утверждают, что первопричиной холодной войны было то, что Шлезингер назвал конфликтом между «универсалистскими» взглядами американских руководителей, которые верили, что «все нации имеют общий интерес во всех событиях, происходящих в мире» и «что национальная безопасность будет гарантирована существованием международной организации». А советские лидеры, как они полагали, были привержены к «сферам влияния», предполагавшим, что «каждой великой державе другими великими державами будут обеспечены известные преимущества в ее собственном районе особых интересов» и «что национальная безопасность будет гарантирована балансом сил». Согласно «ортодоксальным» историкам, эти различия особенно ярко проявились в разном понимании роли Организации Объединенных Наций. Американские политики рассчитывали, что ООН значительно снизит угрозу конфликтов, и поэтому возлагали на нее большие надежды. Советские же творцы политики, напротив, «продолжали пола-

гаться в первую очередь на военную мощь, расширение границ и распространение контроля на сопредельные страны».

Збигнев Бжезинский считает, что, будучи марксистами, советские руководители никогда не верили в возможность существования одновременно демократических и дружественных СССР режимов в странах Восточной Европы, потому что они рассматривали демократически избранные капиталистические правительства враждебными изначально [27].

«Ортодоксальные» историки полагают, что СССР использовал Красную Армию и местные коммунистические партии для того, чтобы установить контроль над этими странами. «Результатом была революция, но захват власти являлся актом иностранного завоевания». Р. Сетон-Уотсон [28] доказывает, что насаждение власти коммунистов следовало некоему образцу. Во-первых, хотя первоначально коммунисты и объявляли о своем вхождении в коалицию, провозглашавшую уважение основных гражданских и политических прав, на деле это ничего не значило. На этом этапе советские оккупационные власти обеспечивали закрепление за коммунистами ключевых центров власти, таких как служба безопасности и оборона. Потом формировалась «фиктивная коалиция», в которой коммунисты успешно внедрялись в руководство номинально независимых политических партий, участвовавших в коалиции, и вынуждали подлинно независимые партии переходить в оппозицию, используя для этого цензуру и полицейские акции. На последнем этапе коммунисты усиливали свое давление до тех пор, пока оппозиция не лишилась возможности функционировать. Сторонники «ортодоксальной» школы утверждают, что советские руководители придерживались исключительно этой тактики, несмотря на искреннее желание демократических восточноевропейских лидеров установить дружественные отношения с СССР.

Историки, принадлежащие к «ортодоксальной» школе, считают, что советское правительство стремилось экспортировать революцию и за пределы Восточной Европы, и именно эти усилия подорвали советско-американское сотрудничество. Они утверждают, например, что СССР намеренно откладывал обещанный вывод своих войск с территории Северного Ирана

с целью создания угрозы этой стране и оказания давления на Турцию, чтобы вынудить ее отказаться от контроля над черноморскими проливами. Они предполагают, что только твердость Запада помешала Москве в осуществлении этих планов. Что же касается Германии, ученые-«ортодоксы» утверждают, что советские власти стремились насколько возможно расширить свое влияние, используя для этого местных коммунистов. Подобным же образом они рассматривают гражданскую войну в Греции как поддержанную Советами попытку установить коммунистический режим в этой стране и приобрести тем самым плацдарм в восточном Средиземноморье. И наконец, представители «ортодоксального» направления, единственные из всех, доказывают, что советские лидеры стремились также к установлению «господства в западной части евразийского континента». Они утверждают, например, что, поощряя невмешательство США в европейские дела, противодействуя британскому влиянию на континенте и создавая проблемы для Франции в послевоенном мире, руководители СССР намеренно стремились предотвратить появление противовеса советской мощи в Европе в лице какой-либо страны.

«Ортодоксальные» историки приходят к выводу, что политика США в тот период была в основном правильна. Они считают, что подлинные цели Запада были выражены в таких документах, как «Атлантическая хартия» и «Декларация Объединенных Наций» и этими целями были: установление прочного мира, достижение мирного процветания, обеспечение самоопределения наций и расширение основных гражданских свобод. Они утверждают, что американские политики искренне стремились к сотрудничеству с СССР и во время войны, и после нее и поэтому прилагали настойчивые усилия для того, чтобы уменьшить напряженность в советско-американских отношениях.

Однако СССР твердо намеревался господствовать на всем материке Евразия. Поэтому правительству Соединенных Штатов не оставалось ничего иного, как оказывать противодействие советской политике. Усилия Запада прийти к согласию с СССР окончились неудачей из-за непримиримости Москвы и ее стремления установить непопулярные коммунистические режимы в Восточной Европе. Хотя американские лидеры

и выражали желание, чтобы правительства этих стран были дружественны в отношении СССР, они также хотели установления здесь либерально-демократических режимов западного образца.

Согласно авторам-«ортодоксам», своими враждебными заявлениями и действиями советские руководители сами облегчили шаги правительства США по «просвещению» общественного мнения о новых послевоенных реалиях. «В течение нескольких коротких месяцев агрессивная тактика Москвы раскрыла глаза американцам на истинную природу коммунистического заговора, — пишет Т. Бэйли. — Таким образом, предупрежденные об опасности, Соединенные Штаты приняли корректировать свою внешнюю политику и укреплять оборону лишь для того, чтобы не быть опять застигнутыми врасплох» [29].

«Ортодоксальные» историки часто называют 1947 год поворотным пунктом, потому что именно в это время американское правительство осознало тщетность переговоров с СССР и встало на путь, определенный «доктриной Трумэна» и «планом Маршалла». Эти меры поставили преграду советским амбициям в виде военной помощи правительствам, которым угрожало вооруженное прокоммунистическое меньшинство, и в виде помощи в борьбе с голодом и бедностью, подрывавшим в то время способность некоммунистических сил к сопротивлению. Американская администрация, кроме того, вовремя остановила ускоренную демобилизацию вооруженных сил США и поставила общественность страны в известность о советской угрозе. Создание в 1949 г. НАТО, явившийся следствием пожеланий западноевропейских стран, представляло собой логическую кульминацию этого процесса.

Школе «ортодоксов» противостоит другое течение в западной, главным образом американской, историографии — так называемые реалисты. Ученые этой школы решительно осуждали политику американского правительства во время и после Второй мировой войны. «Реалисты» стремились объяснить, «как и почему западные союзники, одержав военную победу, потерпели политическое поражение; как и почему, добываясь разгрома нацистской Германии и освобождения Западной Ев-

ропы, они позволили Советскому Союзу захватить контроль над Восточной Европой и воспрепятствовать осуществлению здесь принципов Атлантической хартии, за которые они сражались». Они доказывают, что в течение 40-х гг. американские политики серьезно ошибались в оценке реалий международной ситуации и не смогли вовремя отреагировать на рост советской мощи. Они также полагают, что лидеры США не понимали СССР и оценивали его цели слишком оптимистично. Из этого они делают вывод, что холодная война могла бы быть предотвращена или, по крайней мере, не стала бы столь серьезной, если бы американское правительство было более «реалистичным» в своем подходе к Москве. Политика должна была основываться на лучшем понимании взаимосвязи между военной стратегией и политической властью и должна была быть нацелена на неустанный поиск возможностей соглашения о сферах влияния в целях примирения противоречивых интересов великих держав.

«Соперничество является характерной чертой системы национальных государств, — считает Д. Маклеллан. — Природа этой системы требует от каждого ее участника обеспечения собственной безопасности; и безопасность одной нации есть отсутствие таковой для другой». К примеру, «реалисты» считают, что после разделения Германии на оккупационные зоны страны-победители вынашивали планы единого государства, но вскоре прибегли к укреплению своих позиций для того, чтобы предотвратить возможность захвата власти во всей стране каким-либо блоком.

Описывая историю холодной войны, эти ученые обращают внимание на то, что соперничество развивалось по относительно предсказуемому сценарию. Они подчеркивают, что причины холодной войны в конечном счете лежат не в особенностях личности политических лидеров и не в характере политических и экономических систем главных противоборствующих сторон. Последователи «реализма» доказывают, что «они вытекают из самой системы государственной власти и проявившемся биполярном распределении сил, что ведет к тому положению, когда каждое государство видит в другом государстве главную угрозу своей безопасности и предпринимает соответствующие шаги,

которые считает исключительно оборонительными, но которые рассматриваются другой стороной как наступательные, экспансионистские и агрессивные». По мнению «реалистов», с поражением Японии и особенно Германии и одновременном ослаблении Франции и Англии после 1945 г. на мировой арене осталось только две великие державы — Соединенные Штаты и Советский Союз. Как и в мировых системах прошлого с биполярным распределением сил, развивалось соперничество между двумя сверхдержавами. «Сила одной представляла естественную угрозу интересам другой, хотя ни одна из них не была сильна настолько, чтобы разрешить конфликт в свою пользу».

«Реалисты» доказывают, что большинство представителей администрации Г. Трумэна знали действительные послевоенные цели Советского Союза, но ошибочно верили, что они смогут рассеять советские тревоги о своей безопасности. Они считают, что руководители США должны были бы рассматривать систему Объединенных Наций лишь как инструмент, способный помочь в сохранении баланса сил и уделять больше внимания усилению военного могущества Соединенных Штатов и их позиций за столом переговоров.

«Реалисты» критикуют американскую дипломатию и полагают, что американские политики были излишне враждебны к Англии из-за неправильно понимаемого антиколониализма. «Реалисты» подразумевают при этом, что более тесные англо-американские отношения вынудили бы СССР действовать с большей осторожностью.

«Реалисты» осуждают также военную стратегию США в период Второй мировой войны. Они доказывают, что американские творцы политики должны были бы более внимательно прислушиваться к доводам англичан о необходимости для армий Запада захватить как можно большую территорию. Они также считают, что Соединенным Штатам следовало бы проявлять поменьше рвения в оказании помощи СССР в годы войны с тем, чтобы ослабить советскую мощь. «Реалисты» полагают, что даже в конце войны у США имелись возможности для оказания давления на СССР, но американские лидеры не смогли использовать их. Л. Дэвис считает, что главная причина холодной войны

в том, что лидеры США «никогда не пытались сообщить Советскому Союзу, с чем именно они смогут и не смогут примириться в плане действий СССР в Восточной Европе». Этот промах якобы «привел к тому, что ни одним правительством не было предпринято никаких шагов для выработки возможного компромисса между советскими и американскими интересами в Восточной Европе. Они полагают, что многие проблемы, которые впоследствии осложнили отношения между Востоком и Западом, могли бы быть разрешены, если бы американцы проявляли большую озабоченность по поводу будущего Восточной Европы во время Второй мировой войны. Правительство США, утверждает У. Ростоу, «не смогло оценить значения для американских интересов положения Польши (и Восточной Европы в целом)» и позволило СССР установить господство в этом районе.

«Реалисты» также доказывают, что американские правящие круги не сумели верно оценить альтернативу, стоявшую перед ними. Попытка США предотвратить установление советского контроля над Восточной Европой, используя для этого лишь ограниченные меры, таким образом, шла в разрез с реальностью послевоенного мироустройства, особенно если учитывать создание вакуума власти в Центральной Европе и относительный рост советской мощи, и способствовала началу холодной войны. По их мнению, США должны были бы объединить свои усилия с Англией для того, чтобы выработать соглашение с Советским Союзом о разделе сфер влияния. «Реалисты» полагают, что советское правительство приняло и поддержало бы такое соглашение.

«Реалисты» также не верят в то, что Сталин в 40-е гг. стремился к господству в Западной Европе. Они утверждают, что советские руководители намеревались предоставить своим британским и американским партнерам свободу рук в этом регионе в надежде на подобную же свободу для себя в Восточной Европе и особенно в Польше. Например, когда речь заходит о Франции, «реалисты» доказывают, что только после изгнания министров-коммунистов из правительства и объявления о «плане Маршалла» в 1947 г. французская компартия стала направлять усилия на подрыв режима. «Даже несмотря на то, что урегулирование на основе сфер влияния не обошлось бы

*Уолтер Липпман.
С его легкой
руки термин
«холодная война»
обрел широкое
признание*

без трений, — делает вывод Х. Хэмметт, — трудно себе представить, что реалистическое признание того, что являлось по существу свершившимся фактом, как-то могло создать ситуацию хуже, чем та, которая возникла впоследствии».

Предположение, лежащее в основе рассуждений «реалистов» о возможности соглашения о сферах влияния, состоит в том, что ближайшие цели Советского Союза после войны были ограничены и могли служить предметом переговоров, а возможно, даже законны, принимая во внимание предшествующую историю СССР. Хотя они рассматривают коммунистическое движение как находившееся под непосредственным контролем Москвы, они полагают, что приверженность советских руководителей к марксизму-ленинизму оказывала незначительное влияние на внешнюю политику СССР, и называют Сталина «реалистом». И снова повторяется тезис: «Ключевой проблемой в каждом случае является послевоенное распределение силы. Исходя из логики государственной системы, даже если бы Россия в 1945 г. была капиталистическим государством, как и Соединенные Штаты (или последние были, подобно Рос-

сии, социалистическим государством), биполярный раздел сил после поражения Германии привел бы к холодной войне».

Согласно «реалистам», советские руководители вначале не хотели непременно насадить коммунистические правительства по всей Восточной Европе до тех пор, пока они пользовались высоким уровнем влияния в этих странах. Но впоследствии они пришли к необходимости опереться преимущественно на послушных местных коммунистов, ибо обнаружили, что никакая другая группа политиков не обеспечит учет интересов безопасности СССР. Они также столкнулись с большей, чем ожидали, враждебностью народных масс по отношению к своим коммунистическим союзникам. Кроме того, действия западных стран, такие как требование реорганизации правительств стран Восточной Европы и присоединения к «плану Маршалла», поставили под угрозу положение компартий в Восточной Европе. Эти факторы вынудили советских руководителей прибегнуть к жестким мерам, чтобы создать «дружественные режимы» на своих границах. К сожалению, эти шаги лишь усилили тревогу в Западной Европе по поводу намерений СССР. Усложняло проблему то, что хотя советское правительство оказывало лишь несущественную поддержку деятельности греческих, французских или итальянских коммунистов, западные политики ошибочно объясняли беспорядок в южных и западных частях Европы влиянием Москвы. В связи с этим представители «реалистического» направления рассматривали руководителей США как в первую очередь ответственных за начало холодной войны.

По их мнению, если бы американские дипломаты с самого начала более точно предвидели советское поведение, осторожные Советы соответственно и реагировали бы и стремились учесть интересы Запада. Руководители США, к сожалению, предпринимали мало усилий для того, чтобы предотвратить создание Советским Союзом своей империи в Восточной Европе, пока СССР не укрепил здесь свои позиции. Советские руководители пришли к выводу, что Запад стремится отнять у СССР законную военную добычу. Таким образом, этот цикл англо-американского давления и сопротивления ему со стороны СССР дал начало холодной войне.

Таким образом, как мы видим, концепция «реалистов» является почти зеркальным отражением идей «ортодоксальных» авторов.

«Ортодоксы» и «реалисты» занимались в основном выяснением причин происхождения холодной войны и ее виновников. Но с течением времени, когда холодная война уже набрала силу, появилось новое критическое направление, получившее название «ревизионистской школы». Основным постулат «ревизионистов» состоял в том, что холодная война явилась результатом попытки американцев навязать политику «открытых дверей» Восточной Европе, что противоречило интересам безопасности СССР и поставило бы народы Восточной Европы в зависимость от Запада.

«Ревизионистскую» теорию открыла в 1965 г. работа Г. Алперовитца «Атомная дипломатия». «Ортодоксальные» историки стали рассматривать «ревизионистов» как серьезных соперников. Алперовитц основывался на первоисточниках, излагая свои аргументы в пользу того, что Соединенные Штаты сбросили атомную бомбу более в целях устрашения СССР, нежели победы над Японией и что американские правящие круги рассчитывали использовать атомную монополию для усиления своего влияния в Восточной Европе¹.

После выхода в свет книги Алперовитца появилось множество публикаций в поддержку его рассуждений. Их популярность объяснялась несколькими причинами. Наиболее важные из них состояли в росте вовлеченности Соединенных Штатов в войну во Вьетнаме и, как ни парадоксально, в снижении напряженности в отношениях сверхдержав, что, казалось, подрывает тезис «ортодоксов» о непримиримой враждебности СССР к Западу. Более того, в 60-е гг. нарастали дискуссии о сущности и целях исследований в области общественных наук. Многие молодые западные ученые в ответ на несправедливую, как они считали, войну во Вьетнаме и продолжавшиеся нарушения прав человека в Америке настаивали на коренном пересмотре прежнего ценностного подхода к общественным наукам.

¹ См. также [30].

Со временем в школе «ревизионистов» выделились две самостоятельные группы. По мнению «умеренных ревизионистов», холодная война явилась результатом действий отдельных представителей администрации Трумэна, которые якобы отказались от взвешенной политики Рузвельта в отношении СССР. В то время как последний, по их мнению, стремился к прочному миру с Советским Союзом, основанному на реалистическом признании его интересов в Восточной Европе, Трумэн и его советники пытались лишить СССР завоеваний, несмотря на заключенные в годы войны соглашения. Эти «ревизионисты» считают, что проживи Рузвельт несколько дольше, ему бы удалось предотвратить холодную войну. К умеренным «ревизионистам» можно отнести: Г. Алперовитца, Дж. Бэггэли, Д. Флеминга, Д. Горовитца, У. Лафибера, Д. Ерджина.

Другая ветвь — «ревизионисты-систематики», которые доказывают, что холодную войну породила сама природа американского капитализма и ее вредное влияние на внешнюю политику США. Они отрицают влияние отдельных политиков и конкретных политических решений. Вместо этого они утверждают, что требования американской экономики вынудили правящие круги США пуститься на поиски рынков сбыта и источников сырья за пределы своей страны, прикрываясь при этом политикой «открытых дверей». Эта политика, в свою очередь, якобы привела Соединенные Штаты к конфликту с СССР и с другими странами, сопротивлявшимися американской экономической гегемонии. Таким образом, социально-экономическая система США обусловила превращение Соединенных Штатов в контрреволюционную силу послевоенной эры. «Даже благие намерения являются заложниками и плодами предшествующей американской экспансии, корпоративной экономики США, структуры американского общества, политики, традиций, так что политика постоянно становится на практике или пассивной поддержкой реакции или, в худшем случае, слепой интервенционистской силой, направленной против революции», — писал Алперовитц. «Люди, решая проблемы, делают ошибки — но «система» формирует проблемы, которые они решают; в конце концов мы приходим к выводу, что именно на систему и ее традиции

должна быть возложена ответственность». «Ревизионисты-систематики» считали, что только радикальная перестройка американского общества на основе социалистических принципов приведет к окончанию холодной войны и контрреволюционной политики США. А. Дойчер, Д. Горовитц, Г. Колко и Дж. Колко, У. Лафибер, Т. Паттерсон и В. Вильямс выдвигали аргументы, сходные с взглядами «ревизионистов-систематиков» [31].

«Ревизионисты» утверждали, что при выработке целей США на послевоенный период американские политики все еще испытывали сильное влияние экономического кризиса 30-х гг. и последовавшего за ним формирования замкнутых торговых блоков. Так, Паттерсон считает, что правящие круги США в 40-е гг. исповедовали идеологию «мира и процветания», которая провозглашала необходимость предотвращения насилия на международной арене, политического радикализма и мирового кризиса, что предполагало ликвидацию замкнутых торговых союзов, свободный доступ к источникам сырья, благоприятные условия для иностранных инвестиций и максимально активную внешнюю политику США. Горовитц выражается более жестко, утверждая, что руководители Соединенных Штатов считали, что мир должен быть создан по образу и подобию Америки.

«Ревизионистская школа» утверждает, что после Второй мировой войны главная цель американского правительства заключалась в восстановлении довоенного статус-кво. По мнению Дж. Колко и Г. Колко, 40-м гг. были присущи две отличительные черты:

— *во-первых*, «местные политические силы, с которыми Соединенные Штаты связывали свои планы, были гораздо слабее выдвигавшегося левого движения, усилившегося в условиях разочарования и голода народов Европы»;

— *во-вторых*, «только Соединенные Штаты были способны оказывать сопротивление этим более мощным силам перемен и революции, которым дала толчок война». Они полагают, что для того, чтобы преградить путь этой революционной волне, американские политики вынуждены были выступить в роли «Меттернихов XX века». Они доказывают, что на протяжении всего послевоенного периода Соединенные Штаты вели

безуспешную борьбу против революционных и национальных движений [32]. Многие «ревизионисты» связывают напрямую американское поведение периода 40-х гг. и политику США в отношении Вьетнама и Центральной Америки.

В отличие от историков, принадлежащих к «ортодоксальному» направлению, которые подчеркивают благожелательный и пассивный характер американской политики в Восточной Европе, «ревизионисты» считают, что агрессивные американские действия в основном объясняют советское поведение в регионе. Правящие круги США требовали установления режимов, отвечавших американским интересам, и рассматривали односторонние шаги СССР в Восточной Европе как угрозу. «Ревизионисты» доказывают, что американские государственные деятели стремились к воссозданию традиционных экономических отношений между этим регионом и остальным миром, отношений, в которых восточноевропейские страны выступали бы в «статусе полуколониальных стран». Они утверждают, что американские разработчики планов послевоенного устройства полагали, что интересы Западной Европы — области, где бизнесмены США надеялись приобрести наиболее активных потребителей, требовали открытия восточноевропейских рынков. Вашингтон также полагал, что экономическое проникновение США в Восточную Европу будет способствовать усилению их политического влияния.

Обе группы «ревизионистов» констатируют, что, к несчастью для американских лидеров, советские руководители предотвратили переход своих восточноевропейских соседей под власть проамериканских режимов. Народы Восточной Европы противодействовали американским планам и боролись за проведение революционных социальных преобразований. Слабость демократических традиций в этих странах затруднила установление либеральных режимов. Обе группы историков считают, что американские правящие круги проникались все большей агрессивностью по мере того, как СССР и страны Восточной Европы разрушали планы США на послевоенный период.

Если «ортодоксальные» исследователи полагают, что в период 40-х гг. агрессивный Советский Союз заставил Запад занять

оборонительные позиции, то «ревизионисты» доказывают, что, напротив, именно Вашингтон владел стратегической инициативой, а Москве не доставало сил, чтобы представлять собой реальную угрозу интересам Запада. Американцы создали сеть военных баз вдоль советских границ, обладали атомной бомбой и другими мощными видами оружия, опирались на самую развитую в мире экономику, главенствовали в Организации Объединенных Наций и других международных организациях и могли эксплуатировать ресурсы Японии и Западной Европы. Поэтому советское правительство, которое вначале предприняло значительное сокращение своих вооруженных сил, стало укреплять их в ответ на угрозу враждебных действий со стороны Запада. По словам Вильямса, Соединенные Штаты были сильнее СССР в послевоенный период. Поэтому американские лидеры несут главную ответственность за отношения сверхдержав в 40-е гг. Анализируя попытки США использовать накопленный экономический и военный потенциал, Вильямс приходит к выводу, что «именно решение Соединенных Штатов подкрепить своей устрашающей мощью традиционную политику «открытых дверей» привело к холодной войне».

Сложившаяся враждебность к СССР народа США была результатом намеренной кампании правительства, призванной убедить американцев в необходимости поддержки высоких военных расходов и агрессивной политики администрации. По словам Лафибера, «общественное мнение и конгресс следовали за политикой президента и государственного департамента, а не формировали ее» [33]. Паттерсон утверждает, что американские руководители использовали антикоммунизм как инструмент, узаконивающий их позиции.

Отдельные представители этой школы считают, что сразу после войны советские руководители искали дружественных отношений с Западом, поскольку их главной задачей было обеспечение экономического развития и безопасности СССР. Советское правительство даже принесло в жертву этим целям зарождающиеся революции и коммунистические организации в других странах (например, в Греции). «Политика Сталина не была политикой человека, мыслившего лишь критериями мировой революции, — считает Д. Ерджин. — Истина заклю-

чается в том, что внешняя политика Советского Союза была зачастую груба и отвратительна, иногда противоречива, но обычно осторожна и прагматична. СССР действовал как традиционная великая держава, стремящаяся к увеличению мощи в соответствии с историческими целями России, поддерживающая сферы влияния, секретные договоры, союзы великих держав и другие методы и нравы «старой дипломатии» [34].

«Ревизионисты» утверждают, что первоначально Москва вовсе не была настроена превращать эти страны в коммунистические, пока цели СССР могли быть достигнуты другим способом. Большинство «ревизионистов» полагают, что советское правительство в действительности прежде всего добивалось проведения земельной реформы, ослабления влияния католической церкви, национализации крупных промышленных предприятий и банков. Эти меры рассматривались как необходимые для «подрыва власти фашистских элементов, примкнувших к Гитлеру в агрессии против России». Да, советские руководители иногда прибегали к жестоким мерам, но, по словам Ерджина, «географическое положение Советского Союза, по сути, предопределяло цели его внешней политики в Восточной Европе — создание из этого региона и сферы влияния, и щита. Что же еще можно было ожидать?»

По мнению «ревизионистов», попытка Советского Союза установить дружественные отношения с Западом не имела успеха, потому что английские и американские политики ошибочно приписывали СССР стремление распространить коммунизм за пределы своих границ. Результатом такого ошибочного восприятия была выработка руководителями Англии и США агрессивной тактики, которая в соединении с подобными же шагами местных политиков и различных эмигрантских правительств вынудила Сталина отказаться от собственной умеренной политической линии и взамен принять меры по укреплению влияния СССР в Восточной Европе.

К началу 70-х гг. США и СССР четко обозначались как соизмеримые по мощи сверхдержавы, между ними был достигнут военно-стратегический паритет, основанный на «гарантированном взаимном уничтожении». Эта новая геополитическая реальность вызвала и изменения в западной историографии.

Появилась еще одна школа — «постревизионисты». Авторы, принадлежащие к этому направлению, большую часть своих усилий отдали опровержению позиций других школ. Они отвергали утверждение представителей «ортодоксального» направления о том, что послевоенные цели СССР были безграничны и проникнуты революционным духом.

Э. Депорт доказывает, что советские руководители были готовы на торг в отношении некоторых своих целей. Эти цели включали: обеспечение «безопасных рубежей»; создание «дружественных» государств вдоль своих границ; гарантии того, что Германия не будет больше нести угрозу СССР; сотрудничество со своими основными союзниками; стремление к признанию границ Советского Союза и сферы его влияния со стороны других великих держав.

В. Мастны также приходит к выводу, что послевоенные цели СССР отличались гибкостью и менялись с течением времени. По его мнению, «Сталин не был Гитлером; он был готов умерить свои устремления, если бы натолкнулся на твердый отпор». Мастны считает, что вначале Сталин ставил перед собой определенный минимум целей и лишь затем, по мере укрепления военных позиций СССР и появления свидетельств нежелания западных держав вмешиваться, его цели расширились. Он доказывает, что советский лидер «не допускал влияния идеологических предпочтений на свою политику [35]. Г. Лундстад считает, что советская политика в Восточной Европе зависела от положения каждой конкретной страны. «Чем ближе находилась страна к СССР, тем с большей настойчивостью добивалась Москва контроля над политическими изменениями в ней» [36].

В то же время «постревизионисты» соглашались с рядом положений «реалистической» школы. К примеру, они сожалели, что Англия и США не смогли выработать общей политической линии по отношению к СССР. У. Таубман замечает, что «стремление США к сотрудничеству усиливало, а не развеивало укоренившуюся в Советах подозрительность; более того, это стремление способствовало возникновению у Сталина желания добиваться своих целей за счет Запада, с чем в конечном счете Соединенные Штаты примириться не могли». А. Улам

считает, что проблема американской дипломатии была в том, что она отличалась чрезмерной грубостью: «То, что страна, сознававшая свою силу и уязвимые места своего главного партнера, имела в своем распоряжении значительное число других средств и путей, кроме заявлений и открытых угроз, дошло до американских дипломатов лишь позднее».

Американским политикам не удалось осознать необходимость выбора между принципом самоопределения в Восточной Европе и их стремлением поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом. «Постревизионисты» утверждают, что любое свободно избранное правительство в такой стране, как Польша или Румыния, неминуемо было бы антисоветским. Улам пишет: «Сферы влияния в понимании, присущем XIX в. и с точки зрения Черчилля, означали, что данная страна, находящаяся в сфере влияния великой державы, при проведении своей внешней и оборонительной политики принимает во внимание интересы великой державы. Но решающее влияние коммунистов в правительствах Румынии, Польши и т.д. должно было означать гораздо больше, так как оно подразумевало постепенный отказ от гражданских свобод, определенную социальную и экономическую политику и, в конце концов, фактически, хотя, может быть, и не по форме, однопартийное государство» [37].

«Постревизионисты» подвергают сомнению аргумент «реалистов» о том, что биполярное распределение сил, сложившееся после Второй мировой войны, в совокупности с вакуумом власти, возникшим в результате разгрома Германии, неминуемо вело к нарастанию напряженности в советско-американских отношениях. «Вакуум власти в Центральной Европе, вызванный крахом Германии, сделал конфронтацию между Россией и США возможной, но не неизбежной», — замечает Дж. Гэддис [38].

«Постревизионисты» признают, что «историки-ревизионисты» внесли важный вклад в наши знания о происхождении холодной войны. Такер согласен с аргументом «ревизионистов» о том, что американская внешняя политика в 40-е гг. не была по-настоящему многосторонней, потому что правящие круги США продолжали отстаивать особую сферу влияния Америки

в Западном полушарии и рассматривали ООН как полезный инструмент в достижении своих послевоенных целей. СССР имел право на преобладающее влияние в Восточной Европе, а советские руководители могли рассматривать некоторые акции Соединенных Штатов — такие, как, например, «план Маршалла» и возрождение германской мощи под руководством Запада — как угрозу. Более того, они подчеркивают, что Соединенные Штаты являлись в 40-е гг. самой могучей страной и что СССР не был тогда источником военной угрозы американским интересам.

Большинство «постревизионистов» тем не менее подвергает сомнению изображение политики США как агрессивной, призванной укрепить американскую экономику за счет других наций. Э. Депорт доказывает, что лидеры США ставили перед собой на послевоенный период две основные цели: создание послевоенной системы безопасности, основывающейся на Организации Объединенный Наций, а не на балансе сил, и создание экономической системы, базирующейся на элементах классического либерализма, как, например, политике «открытых дверей». Он считает, что эта политика была отражением опыта, приобретенного США в 30-е гг.

«Постревизионисты» утверждают, что в ответ на предполагаемую советскую угрозу правящие круги США стремились не господствовать над некоммунистическим миром, а создать независимые центры силы, которые могли бы сдерживать экспансионизм Советов без необходимости постоянной опоры на Соединенные Штаты. Они считают, что американские руководители первоначально не рассматривали СССР как потенциального соперника. Только после нескольких международных кризисов и возникновения многих проблем, с которыми они столкнулись в своих отношениях с СССР, вашингтонская администрация пересмотрела свои первоначальные взгляды.

«Постревизионисты» отвергают одностороннюю картину формируемого сверху общественного мнения, нарисованную «ревизионистами». Они полагают, что рост осознания американской общественностью агрессивности СССР оказал подобное же воздействие на изменение взглядов правящих кругов на Советский Союз. Политика Соединенных Штатов отражала «опасение того, к чему приведет советский экспансионизм

в других, более важных районах, особенно в Западной Европе». Именно здесь на передний план выступает аспект безопасности, обычно не учитываемый «ревизионистами». «Постревизионисты» доказывают, что творцы политики в США признавали, что Москва пользуется большим влиянием в Восточной Европе, и лишь хотели, чтобы СССР демонстрировал определенную сдержанность, чтобы избежать подрыва поддержки американской общественностью внешней политики США. Они также отрицают, что советское правительство имело обоснованные причины усиливать свой контроль над Восточной Европой из страха перед Западом.

«Постревизионисты» подчеркивают, что американские политики использовали экономические средства в первую очередь для обеспечения своих политических и стратегических целей. А их экономические устремления являлись отражением желания добиться всеобщего процветания и предотвратить повторение мирового кризиса, который, как якобы считали американцы, способствует возникновению войн.

«Постревизионисты» отвергают утверждение о том, что политика Трумэна по отношению к СССР существенно отличалась от политики Рузвельта, хотя и признают, что несколько жесткий стиль Трумэна мог внушить советским руководителям такое мнение.

Оценивая меру вины за холодную войну, «постревизионисты» приходят к выводу, что конфликт «имел многообразные корни и обе стороны несут свою долю ответственности за его начало».

И все-таки в целом «постревизионисты» считают, что главная ответственность за холодную войну лежит на советских руководителях. По словам У. Таубмана, «хотя американцы и ошибались, их порицали и за то, что они делали, в равной степени как и за то, что они не делали: примиренческая позиция расценивалась Сталиным как обман или наивность, а жестокость лишь укрепляла советский имидж Америки как неисправимого врага — однако врага с такими укоренившимися пороками, что не было смысла искать с ним примирения» [39].

Главный вывод школы «постревизионистов» состоит в том, что вне зависимости от того, кто стоял во главе СССР или какой

политике следовали Соединенные Штаты, природа советской политической системы делала холодную войну неизбежной. «Имея столь огромное влияние на политику России... диктатор (Сталин), казалось бы, мог более легко избежать конфронтации, — приходит к заключению В. Мастны. — Но, в конечном счете, его руки были связаны советской системой, продуктом которой он являлся и которую он считал обязанным увековечить своими вызывающими отвращение методами; эта система была истинной причиной холодной войны».

На наш взгляд, сегодня можно говорить как об определенном переформатировании прежних школ, так и о некотором стирании границ между ними [40]. Современная западная историография интересна, многоаспектна и открыта для российских исследователей.

ГЛАВА 2

Генезис холодной войны

Происхождение холодной войны и ее периодизация, как видно из сделанного в первой главе краткого историографического анализа, представляет собой «вечную» дискуссионную проблему. И действительно: сколько-нибудь серьезная оценка явления невозможна без рассмотрения его генезиса и определения хронологических рамок.

2.1. Периодизация холодной войны

*Войны начинают, когда хотят,
но кончают их, когда могут.*

Никколо Макиавелли

Разработка научной периодизации — актуальная и необходимая задача для раскрытия содержания исторического явления¹. Решение этой задачи тем более важно, когда речь идет о холодной войне — самой длительной в XX в. Это было время бурных социальных потрясений; многочисленных традиционных больших и малых войн; крупных достижений в разви-

¹ В научной литературе можно найти самые различные варианты периодизации истории вообще и военной истории в частности — в зависимости от того, какие критерии для анализа избрал исследователь. Встречаются, казалось бы, совершенно неожиданные и на первый взгляд неподходящие варианты, но, вероятно, рациональные с точки зрения решения поставленных исследователем научных задач (вспомним, к случаю, «новую хронологию» Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко; еще один пример — см.: Наука и технология в промышленности. 2006. № 1. С. 68–75).

тии сил, средств, способов, форм и методов противоборства враждующих сторон; рождения, взлета и падения великих держав.

Научная периодизация требует прежде всего убедительного обоснования предыстории и исходного рубежа рассматриваемого процесса (явления), а затем его логичного деления на отдельные части — периоды, этапы. Именно такой подход к холодной войне позволяет глубже вникнуть в содержание конкретных событий на каждом историческом повороте и обнаружить закономерности (тенденции) развития этого явления.

Как уже указывалось в военно-исторической литературе, можно встретить различные варианты периодизации холодной войны в зависимости от того, с какого конкретного рубежа те или иные исследователи начинают исчислять ее историю. Однако они, за редким исключением, используют лишь отдельные критерии для анализа, а то и просто ограничиваются указанием на определенное событие (чаще всего в качестве такового фигурирует Фултонская речь У. Черчилля).

В данной работе исходным рубежом холодной войны взят 1945 год, но, как известно, никакое масштабное явление не возникает вдруг. Предыстория холодной войны против Советской России относится к 1917–1939 гг. (впрочем, даже союзнические отношения в военный период не были лишены конфронтационного подтекста). Уже тогда начали проявляться отдельные элементы способов, форм и методов противоборства сторон [1].

При разработке предлагаемого варианта периодизации истории холодной войны был использован целый комплекс критериев, основанных на объективных обстоятельствах. Главные из них — факторы социально-экономического, военно-стратегического, геополитического и морально-этического порядка. Также учитывались существенные качественные изменения в «человеческом материале» и в технических средствах борьбы, происшедшие в годы холодной войны.

В предыстории холодной войны достаточно четко выделяются два периода.

Первый период (1917–1922) характеризуется открытой попыткой стран Запада во главе с США использовать военную

силу как главное орудие для достижения цели — ликвидации Советской России. Именно тогда были активно применены и многие другие, так сказать, невоенные способы противоборства — политические, экономические, идеологические, психологические, подрывные, агентурные. Однако эти элементы из арсенала холодной войны хотя и сыграли свою роль, но не оказали существенного влияния на конечный результат: Советская республика вышла победителем в этой исторической борьбе. Может быть потому, что на этом поле большевики оказались сильнее: использованные ими некоторые нетрадиционные приемы и средства существенно помогли в трудном противоборстве с противником. По оценке В.И. Ленина, «в таком деле, где больше всего играют роль самые грубые и материальные факты, в военном деле мы победили Антанту тем, что отняли у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры» [2].

Второй период предыстории холодной войны относится к 1922–1939 гг. Он также известен в отечественной военной историографии как «межвоенный период». Именно тогда Запад впервые сосредоточил основные усилия в антисоветской политике на «невоенном фронте», используя для оказания давления на СССР всевозможные силы и средства, в том числе широкую морально-политическую поддержку и материальную помощь Гитлеру, рассчитывая на «решение коммунистической проблемы» руками Германии.

В это время Советский Союз форсированно наращивал силы для отражения будущей внешней военной агрессии (в неизбежности которой не было сомнений) и в целом успешно противостоял ударам противника «невоенными средствами». К началу Второй мировой войны СССР превратился в могучую индустриальную и военную державу, был признан многими десятками государств как равноправный и авторитетный субъект международных отношений. Вашингтон также в 1933 г. был вынужден признать свою неудачу в политике непризнания СССР и установить с ним дипломатические отношения.

1939–1945 гг. — третий период предыстории, или «консервация» холодной войны. Этот период пришелся на годы Второй мировой войны. Принципиальной и уникальной его особенностью стало сочетание союзнических отношений между США,

Великобританией и СССР с латентным (скрытым) процессом холодной войны. Эти шесть военных лет можно расчленить на четыре следующих этапа.

Первый этап, сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. В военной историографии известен как первый период Второй мировой войны, или «Странная война» в Западной Европе. В ходе «Странной войны» Вашингтон и Лондон преследовали цель — направить германскую агрессию на Восток, против СССР. Основная задача: «пусть они истребляют друг друга». Советское руководство в своей политике исходило из реальной ситуации, предпринимая все необходимые шаги для подготовки к отражению агрессии, включая также меры по совершенствованию арсенала невоенных сил и средств.

Второй этап, июнь 1941 г. — декабрь 1943 г. В это время было осуществлено глубокое вторжение войск Германии и ее союзников в пределы Советского государства, но после ряда тяжелых поражений СССР смог переломить ход войны. В процессе вооруженной борьбы сторонами были широко использованы все имеющиеся у них тогда невоенные силы и средства. И в этой области СССР одержал несомненную победу.

Третий этап, декабрь 1943 г. — май 1945 г. — завершение разгрома Германии и ее союзников. Параллельно в Вашингтоне и Лондоне был принят ряд решений, оформивших переход от союзничества с СССР к конфронтации, к холодной войне. Естественно, что и Москва предприняла некоторые адекватные ответные меры в этой области.

Четвертый этап, май-сентябрь 1945 г. — завершение вооруженного противоборства на Дальнем Востоке и война СССР с Японией. Особое значение в становлении холодной войны в это время имело применение США атомных бомб для ударов по японским городам Хиросима и Нагасаки (с явной целью продемонстрировать Советскому Союзу и миру в целом появившиеся у Америки новые силовые возможности и решимость их использовать).

1945–1955 гг. — *первый период открытой холодной войны:* переход противоборствующих сторон (США — СССР) к полномасштабному использованию всех сил и средств из арсенала холодной войны, включая первую «горячую войну по доверен-

ности» (в Корее, 1950–1953 гг.); институализация холодной войны. В этом периоде явно просматриваются граничные рубежи двух этапов.

Первый этап, 1945–1949 гг. — короткий, но весьма емкий отрезок времени, когда в США и СССР были осуществлены практические мероприятия к быстрейшему переходу от подавляющего использования в противоборстве военной силы к достижению желаемых целей, прежде всего за счет сил и средств холодной войны. Создание в 1949 г. военно-политического союза ряда западноевропейских государств, Турции и Канады во главе с США явилось важным событием институализации холодной войны. На этот счет у исследователей ее истории имеются в распоряжении многочисленные архивные и иные источники.

Второй этап, 1949–1955 гг. — завершение институализации холодной войны. С момента опубликования документов об образовании западного Североатлантического альянса (НАТО) и до официального провозглашения восточного военно-политического союза — Организации Варшавского Договора (ОВД) прошло всего шесть лет. Однако именно в это время практически завершился исторический процесс складывания нового баланса сил в мире.

1955–1985 гг. — *второй период холодной войны.* Его основное содержание составляет борьба за создание военно-стратегического паритета между НАТО и ОВД, между США и СССР. В военно-исторической литературе имеются различные варианты периодизации этого исторического отрезка времени. На наш взгляд, целесообразно выделить два этапа.

Первый этап, 1955–1973 гг. — дальнейшее совершенствование противоборствующими сторонами своих арсеналов оружия массового уничтожения и нарастание противоборства. Прямая и взаимная угроза применения этого оружия во время Карибского кризиса 1962 г. поставила мир на грань ядерной войны, которой, к счастью, удалось избежать. И вновь значительные усилия противоборствующих сторон сосредотачиваются на «невоенном фронте».

Второй этап, 1973–1985 гг. — получил в военной историографии образное название «разрядки». Противоборствующие

Уинстон Черчилль на трибуне Вестминстерского колледжа (Фултон, штат Миссури)

стороны пошли на снижение уровня военного противостояния, продолжая совершенствовать свои ракетно-ядерные средства вооруженной борьбы и активно используя их в качестве «орудия сдерживания».

Для СССР и его союзников значительно осложнились международные условия, в которых приходилось вести холодную войну. В этом процессе свою роль сыграл китайский фактор. Вашингтон весьма оперативно и эффективно его использовал. Москва была вынуждена идти на определенные уступки, проигрывая частные битвы холодной войны.

1985–1991 гг. — третий период холодной войны, ее завершение. Это был апогей холодной войны. Крупные неудачи советского руководства в борьбе с западным оппонентом неотвратимо приближали СССР к поражению. Горбачевская перестройка по факту означала быстрое движение советского государства к гибели.

При наличии фактического равенства между СССР и США в средствах вооруженной борьбы Москва непрерывно слабела под системным воздействием внешнего противника и ско-

ординированными деструктивными действиями внутренней оппозиции, руководство которой ориентировалось на Запад и пользовалось его масштабной поддержкой.

Финальная дата холодной войны — 8 декабря 1991 г., подписание Беловежских соглашений, упразднивших СССР¹.

Холодная война XX в. родилась на богатой почве глобальных и комплексных противоречий. Далеко не факт, что противоречия такого уровня можно разрешить раз и навсегда на основе взаимоприемлемого компромисса. Борьба за абсолютное лидерство в мире велась на протяжении всей человеческой истории разными центрами силы с широким применением как военных, так и невоенных средств и методов. Сегодня нет признаков того, что впереди нас ждет «всеобщий мир». Напротив, в обозримом будущем вероятно обострение соперничества государств (коалиций) в борьбе за ресурсы развития. А это значит, что холодная война остается востребованным инструментом мировой политики.

2.2. Предыстория холодной войны (1917–1939)

Мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы.

Томас Гоббс

Первые проявления холодной войны обнаружили сразу же после того, как в октябре 1917 г. в России началась социалистическая революция. Очевидно, что события 25 октября можно называть переворотом (*revolutio* — *лат.* поворот, обращение). Не менее очевидно, что они стали всего лишь исходной точкой самой масштабной революции в человеческой истории, качественно изменившей мир.

¹ Нередко окончание холодной войны датируется 1989–1990 гг. и связывается с внешними признаками «потепления» в советско-американских отношениях. Думается, однако, что в подобных оценках (а они были впервые сделаны как раз в тот период) доминирует пропагандистский элемент. Как теперь очевидно, политическая линия Запада на разрушение СССР была продолжена и после встречи Горбачева и Буша на Мальте.

Надо сказать, что Запад еще задолго до этого «поворотного пункта истории» имел теоретически разработанную, материально и организационно обеспеченную программу развития, основанную на либеральных ценностях и фактическом отрицании идеи равноправия стран, народов, отдельных людей. Российские коммунисты, взявшие власть в Российской империи, в свою очередь, не скрывали свою конкурентную программу переустройства мира. По образному определению В.И. Ленина, «русская революция бросила искры во все страны мира и еще больше придвинула к краю пропасти взорвавшийся империализм» [3]. Что испугало Запад? Вот эти идеи и оценки:

— капитализм как историческая социально-экономическая формация загнил, утратил свой поступательный потенциал, и его гибель неизбежна;

— победа социалистической революции в России открывает путь к созданию справедливого общества, без эксплуатации человека человеком;

— русская революция стимулирует революционное движение в других странах, обретая союзников на всех континентах, приведя в движение абсолютное большинство населения планеты — «эксплуатируемых, изнывающих под гнетом» людей труда;

— она привела в движение народы в колониях, «порабощенных горсткой империалистических хозяев мира»;

— Октябрьская победа обеспечила создание на одной шестой части планеты государства нового типа;

— Советская республика создала принципиально новую военную организацию.

Социалистическая революция в России представляла собой очевидную угрозу капиталистическому миру и была им соответствующим образом воспринята. Общую картину дополняли старые геополитические расчеты и противоречия.

Советская власть уже в первые дни своего существования приняла Декрет о мире. Этот шаг означал не только исполнение прежних обещаний, но и попытку выиграть время для организации новой государственности. В известной мере лозунг мира был и пропагандистским ходом, но в любом случае он не мешал в практической политике опираться на военную силу,

ибо надо было обороняться от внешних и внутренних врагов. Советские лидеры считали, что ближайшие политические задачи, а также главные цели (мировая революция) могут быть решены в будущем с помощью военной силы с одновременным использованием «невоенных» средств и способов борьбы.

Овладев в 1917 г. самой большой по площади и богатой природными ресурсами страной, партия большевиков открыто провозгласила необходимость постепенного перехода человеческого общества к коммунизму, используя Советскую республику как цитадель, как опорную базу в борьбе с «очагами капитализма» по всему миру. Разумеется, советский исторический «вызов Западу» призвал к барьеру все так называемые буржуазные демократии, но грандиозная коммунистическая программа была воспринята в США как адресная, хотя и не очень серьезная угроза.

В действительности применительно к Америке куда более важным стало другое принципиальное обстоятельство: в 1917 г. Соединенные Штаты начинают активный пересмотр своей прежней политики изоляционизма и все решительнее вмешиваются в мировые дела, готовясь предъявить претензии на роль абсолютного лидера.

Весьма показательна в этом смысле американская политика по отношению к России. Как известно, 22 марта 1917 г. США первыми признали Временное правительство князя Г. Е. Львова, которое стояло за продолжение Первой мировой войны, и активно помогали ему. Если бы не это признание, то, по мнению американского посла в России Д. Фрэнсиса, революция, которая разразилась в октябре, произошла бы уже в марте 1917 г. Конечно, в этом утверждении есть преувеличение, но имеется и реальная составляющая.

Временное правительство 1 мая 1917 г. завершило Америку, что оно будет выполнять все обязательства, взятые царской Россией, и немедленно получило кредит в сумме 100 млн долларов. Всего же в 1917 г. ему было предоставлено 325 млн долларов. В конце мая в Петроград прибыла «миссия Рута», включавшая представителей дипломатии, бизнеса, аппарата пропаганды и военного ведомства. Прибывшие в ее составе начальник штаба армии генерал Х. Скотт и представитель военно-морского

флота адмирал Д. Гленнон занялись «инспектированием» русской армии и флота, выясняя их боевые и мобилизационные возможности.

Летом 1917 г. США развернули широкую пропагандистскую деятельность среди населения и солдат России. Для этой работы привлекались также лидеры правых эсеров. Был образован так называемый Комитет социально-политического просвещения, получивший от США 2 млн долларов. В августе 1917 г. в Петроград прибыла специальная «миссия Красного Креста» США во главе с агентом компании Д. Моргана миллионером У. Томпсоном, целью которого было захватить «бумажный рынок в России и уничтожить большевистскую прессу». Важным органом ведения проамериканской пропаганды являлся также русский филиал «Комитета общественной информации», во главе которого стоял влиятельный чиновник государственного департамента США Э. Сиссон.

Также по «плану Рута» в Россию было направлено 550 американских специалистов из состава «Американской христианской ассоциации молодежи», получившей задачу создать сеть солдатских клубов на фронте и во всех крупных городах России. В основу их пропагандистской кампании было положено выступление В. Вильсона, получившее название «Обращение Америки к России»: в нем президент США призывал русский народ к мобилизации всех сил для продолжения войны в Европе, обещал «бескорыстную помощь», провозглашал американское понимание свободы и демократии.

Рост американского влияния в России подкреплялся экономически. Летом и осенью 1917 г. ввоз американских товаров в Россию резко увеличился. Возросли и поставки оружия, боеприпасов, снаряжения. Только в августе-октябре в Россию прибыло 227 тыс. винтовок, 500 пулеметов и более 11 млн патронов.

Американцы торопились взять под свой контроль важнейшие отрасли промышленности, транспорт, связь. Так, под видом технической помощи они начали прибирать к рукам железные дороги России. С этой целью был создан так называемый Русский корпус железнодорожной службы во главе с полковником Дж. Эмерсоном.

Американские интервенты в Архангельске. 1919 г.

Под контролем американцев вскоре оказались многие стратегические объекты России. Временное правительство, например, разрешило американцам распоряжаться пятью крупными причалами во Владивостоке, железнодорожными мастерскими КВЖД в Харбине. Американские компании взяли под контроль многие пороховые заводы.

США все более активно влияли на внутреннюю политику в России, категорически потребовав от Временного правительства: 1) восстановить смертную казнь на всей территории страны; 2) добиться от частей, принимавших участие в июльской демонстрации, выдачи зачинщиков и агитаторов для предания суду; 3) разоружить рабочих Петрограда; 4) ввести военную цензуру с правом конфискации газет; 5) организовать в Петрограде и других больших городах милицию из солдат, получивших ранения в бою, поставив ее под командование офицеров, вернувшихся с фронта по ранению; 6) разоружить и преобразовать в рабочие батальоны полки петроградского гарнизона. Посол США Фрэнсис настаивал на аресте В.И. Ленина, чтобы

устроить суд по обвинению его в «государственной измене» с заранее подготовленным смертным приговором.

Нарастание революционного кризиса стимулировало США на поиск новых средств и методов давления на Россию. С этой целью с участием американского посла был составлен план сдачи Петрограда немецким войскам и перевода Временного правительства в Москву. В октябре 1917 г. в помещении американского Красного Креста в Петрограде состоялось секретное совещание с участием сотрудников посольств США, Англии, Франции и представителей премьера А.Ф. Керенского, обсудившее меры по предотвращению окончательного краха Временного правительства. Таким образом, на протяжении всего периода «двоевластия» США активно вмешивались во внутренние дела России.

Что касается периода после Октября, то официальная Америка явилась главным вдохновителем и организатором вооруженной интервенции в Советскую Россию. Правительство США одним из первых заявило о непризнании советского правительства, игнорировало его предложение о мире, американский посол отказался иметь дело с советскими учреждениями. Посольство США приняло активное участие в подготовке мятежа юнкеров 11 ноября, а также мятежа Керенского — Краснова. Вашингтоном была оказана прямая поддержка генералу Н.Н. Духонину, отказавшемуся выполнить распоряжение Совета Народных Комиссаров о вступлении в мирные переговоры со всеми воюющими и союзными державами. Наконец, 12 декабря 1917 г. президент США В. Вильсон дал прямое указание правительственным структурам поддерживать «любое движение» против советского правительства.

После выхода Советской России из войны США предполагали осуществить свержение советской власти объединенными действиями русской контрреволюции и иностранных войск. Оказывая всемерную помощь белогвардейцам, правительство США в марте 1918 г. направило крейсер «Бруклин» во Владивостокский порт. Это была уже открытая вооруженная агрессия. Следует подчеркнуть, к нападению на Советскую Россию правящие круги Англии, Франции, США и Японии готовились с первых дней Октябрьской революции. В декабре 1917 г. пра-

вительства Англии и Франции с ведома и согласия США заключили тайное соглашение о разделе сфер военных действий: Франция брала на себя борьбу с властью Советов на Украине, в Крыму, Бессарабии, а Англия — на Дону, Кубани, Кавказе. При поддержке Франции, Англии и США Румыния в январе-феврале 1918 г. захватила Бессарабию. После заключения Брестского мира, когда пришлось отказаться от планов масштабного использования германской армии, американские, английские и французские войска весной 1918 г. высадились в Мурманске; Япония, а вслед за ними США и Англия высадили десант во Владивостоке. Антанта также использовала против советской власти чехословацкий корпус в России.

Силы внутренней контрреволюции вступили в союз с интервентами. Они соглашались уступить огромные территории, готовы были поступиться национальным суверенитетом. В захваченных районах были созданы многочисленные контрреволюционные правительства, ориентированные на западные силы. Войска США, Японии, других западных стран участвовали в боях против партизан, чинили расправу над мирным населением, расхищали ценности, безвозмездно вывозили лес, пушнину, золото.

Одновременно с использованием военной силы Запад организовал так называемую психологическую войну, широко практиковал материальную поддержку белогвардейских военных формирований, засылку своей агентуры. В ответ советская власть предпринимала энергичные меры, причем не только военного характера. Широко практиковалась подрывная деятельность в тылу белых войск и интервентов. Подпольные организации работали не только среди населения, но и в воинских частях. Например, в Одессе была создана «Иностранная коллегия» для ведения агитационной работы среди солдат интервентов [4].

«Невоенный фронт» борьбы постепенно обретал впечатляющие масштабы, выходя за национальные границы. Так, в конце 1918 г. при содействии российских коммунистов состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Германии. Были созданы коммунистические партии в Аргентине, Финляндии, Австрии, Венгрии, Польше. Во многих других западных

странах образовывались коммунистические группы и левые социалистические организации. Возникла реальная база для создания международной организации Коммунистического Интернационала. В марте 1919 г. в Москве собрались на конгресс представители от 30 коммунистических партий и левых социалистических организаций. Они обратились к «пролетариату всего мира» с манифестом, призывавшим к свержению буржуазии.

Так начиналось глобальное столкновение двух миров, двух социальных систем, противоположных по целям и способам устройства общества.

Развязанная иностранными державами совместно с внутренней контрреволюцией Гражданская война продолжалась до конца 1922 г. В целом первые пять лет (1917–1922) существования Советской России ей пришлось защищать себя преимущественно с помощью военной силы. Невоенные средства играли вспомогательную роль, но их удельный вес и значение неуклонно возрастали. В отдельные моменты их применение могло кардинально изменить ситуацию и принести победу противникам советской власти. Однако этого не произошло. Надо признать, что победа красных была закономерной, поскольку политика большевиков на этом этапе выражала интересы абсолютного большинства народа — и народ поддержал ее как свою.

У Запада оставалась возможность взять реванш в среднесрочной перспективе с помощью широкого использования невоенных средств и способов борьбы в мирное время. Почва для холодной войны де-факто уже была создана. В 20–30-е гг. именно США проявили себя как главная и наиболее мощная международная антисоветская сила. В этих условиях политика Москвы по укреплению международного коммунистического движения и «разжиганию мировой революции» стала прежде всего способом невоенной защиты и средством выживания.

В «межвоенный период» (1922–1939) США и СССР практически стали главными субъектами в противоборстве двух миров. Дипломатические, экономические, идеологические, подрывные и другие невоенные средства применяются сторонами достаточно широко. Здесь можно было бы привести многие факты, которые подтверждают, что в предыстории холодной

войны наступил новый этап. В отечественной и зарубежной историографии накопилась на этот счет значительная по количеству и весьма многообразная по своей идеологической направленности литература¹.

В сфере международных отношений Москва, преодолев все преграды и прорвав «занавес непризнания», уже к концу 20-х гг. имела дипломатические отношения со многими странами, включая и те, лидеры которых упорно препятствовали Советскому Союзу выйти на международную арену в качестве полноправного субъекта.

Экономическая война также не принесла успеха. Установленная Западом после 1922 г. экономическая блокада СССР оказалась неэффективной. СССР, быстро пройдя трудный путь форсированного экономического развития, к концу 30-х гг. превратился в мощную индустриальную державу, обеспечивая себя почти всеми необходимыми продуктами промышленного производства, продовольствием, сырьем, товарами широкого потребления. Экономический рывок имел огромное значение для наращивания военной мощи Советского государства. К концу 30-х Советский Союз уже обладал многочисленной и технически хорошо оснащенной армией.

В 20–30-е гг. значительных успехов достигло коммунистическое и рабочее движение в капиталистических странах, находившееся под контролем Москвы. Принципы социализма получили государственное признание в Монголии и Испании. Усилились освободительные процессы в колониальном мире.

В арсенале применяемых средств борьбы важное место занимают агентурная разведка и политические диверсии. Вспомним хотя бы некоторые операции спецслужб, проведенные в это время (например, «Трест»), и ожесточенную внутривнутриполитическую борьбу в СССР, подоплека которой исключительно сложна и многослойна.

К началу Второй мировой войны во всех областях невоенного противоборства — идеологической, дипломатической, экономической, военно-стратегической, подрывной, информационной — борьба велась постоянно, но Советскому Союзу

¹ См., например [5].

в целом удавалось сдерживать натиск Запада, где организуются десятки «центров по изучению» СССР и мирового коммунизма (среди них, например, авторитетный Русский институт при Колумбийском университете США).

2.3. Вторая мировая война и «консервация» холодной войны

Война не кончается, она отдыхает.
Урсула Козел

Вторая мировая война осталась в исторической памяти человечества как тяжелейшее испытание. Как это ни парадоксально, но до сих пор в полной мере не осознано, насколько она изменила мир. Благодаря ее масштабу и яркости в относительной тени остаются события, исключительно важные с точки зрения вызревания холодной войны, которая в течение последующего полувека определяла пути развития цивилизации. «Зубы дракона», посеянные в 1917-м, дали ростки в межвоенный период. В годы борьбы с фашизмом многим казалось, что в отношениях СССР и Запада наступила новая эра. Однако это было не так. Вынужденный союз не мог разрешить старые геополитические и мировоззренческие противоречия, он лишь «законсервировал» их на время и породил новые.

1939–1945 годы... Этот сравнительно короткий период в историческом потоке XX в. до предела насыщен крупными военно-политическими событиями, различного рода социальными потрясениями во многих регионах мира.

«Мюнхенская политика» Запада способствовала тому, что Гитлер весной 1939 г. захватил Чехословакию и начал подготовку к войне против Польши. Варшаве был предъявлен ультиматум с требованием территориальных уступок. Лондон и Париж демонстративно заявили о гарантиях «государственной независимости» Польше, Греции, Румынии, Турции. В то же время они начали «дипломатическую игру» с Москвой — пошли на переговоры, надеясь устроить Гитлера угрозой создания коалиции с участием СССР. Срыв этих переговоров в августе 1939 г. означал, что пути движения Германии на восток открыты.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Англия и Франция вступили в войну с Германией не ради Польши, а для обеспечения собственных интересов и позиций, для сохранения своего геополитического положения. Они ничего не сделали, чтобы оказать действенную помощь Польше, и несут свою долю ответственности за ее быстрое поражение.

В интересах СССР было остановить немецкие войска как можно дальше от жизненных центров страны, обеспечить защиту братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии. 17 сентября 1939 г. Красная Армия перешла границу и в соответствии с советско-германскими договоренностями в короткий срок заняла соответствующие территории.

Вторая мировая война началась как война между двумя коалициями западных государств. Гитлеровская Германия стремилась к переделу мира. Англия и Франция отстаивали свои геополитические позиции и колониальные владения. В ходе «Странной войны» французские и английские войска на Западном фронте почти бездействовали. В то же время Англия и Франция стремились вовлечь в войну против СССР пограничные с ним государства.

В этих условиях Советский Союз активно боролся за собственную безопасность. В июне 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии произошла смена правительств. Власть перешла в руки просоветских сил, и прибалтийские республики вступили в состав Советского Союза. Летом 1940 г. с СССР были воссоединены Бессарабия и Северная Буковина. Начавшаяся в конце 1939 г. война Советского Союза с Финляндией была вынужденной и трудной. Англия и Франция активно помогали финнам поставками оружия и готовились послать в помощь им свои войска. Поражение Финляндии в марте 1940 г. сорвало эти планы.

В апреле 1940 г. германская армия захватила Данию и Норвегию. В мае она перешла в наступление и на Западном фронте, быстро оккупировала Голландию и Бельгию, нанесла тяжелое поражение английским экспедиционным силам, разгромила французскую армию. 22 июня 1940 г. Франция капитулировала. Таков был итог «мюнхенской политики». Англия оказалась в войне один на один с Германией.

Советские войска вступают в Ригу. 17 июня 1940 г.

В апреле 1940 г. советское правительство предостерегло гитлеровскую Германию от нарушения ею нейтралитета Швеции и тем содействовало безопасности этой страны. Принимались меры, чтобы помешать Германии подчинить своему влиянию Финляндию, Болгарию, Югославию, но безуспешно. Германия ввела войска в Финляндию, Румынию и Болгарию. В апреле 1941 г. немцы напали на Югославию и Грецию и оккупировали их.

Во время всех этих событий США применили стратегию выжидания. Позиция нейтралитета позволяла им в благоприятных международных условиях осуществлять планомерное накопление военных сил и средств. 21 сентября 1939 г. конгресс отменил закон, запрещавший продавать оружие воюющим государствам [6]. При решении вопроса о том, кому должно поставляться оружие, сталкивались интересы различных монополистических группировок. С точки зрения прибылей владельцам военных заводов было совершенно безразлично,

попадет ли их оружие англичанам или его используют немцы против англичан. Курс США на взаимное истощение противоборствующих сил также не исключал продажу оружия обеим воюющим сторонам одновременно, ибо в Америке было немало тех, кто сочувствовал Гитлеру и фашизму. И все же поставки оружия были начаты лишь одной стороне — Англии и ее союзникам. Следует подчеркнуть, что здесь сказались не только традиционные связи Америки с Англией и экономические соображения, но прежде всего далекоидущие политические цели. Правительство Ф. Рузвельта не хотело допустить дальнейшего усиления Германии, которая могла бы в последующем угрожать безопасности США. Президент США не мог не учитывать и настроение народа, подавляющая часть которого уже выразила свое отрицательное отношение к нацизму.

Период выжидания был заполнен активной подготовкой США к участию в войне, которая охватила все области жизни государства, включая внешнеполитическую деятельность. Американцы сразу же приняли меры к закреплению своего военно-экономического контроля над Западным полушарием. На Панамской конференции в октябре 1939 г. правительство США добилось принятия декларации, объявлявшей западные воды Атлантического океана к югу от Канады на протяжении от 300 до 1000 миль (в зависимости от конфигурации побережья) нейтральной зоной, запретной для военных действий европейских государств.

В феврале 1940 г. президент Ф. Рузвельт направил в Западную Европу заместителя государственного секретаря С. Уэллеса со специальной миссией. Это была политическая и стратегическая разведка обстановки. Миссия не достигла главной цели, зато продемонстрировала неготовность Америки вступить в войну в ближайшее время. Именно такой вывод из бесед с Уэллесом и общей оценки положения в США сделали для себя Гитлер и его окружение. Германия форсировала подготовку своего удара на запад.

Трагические события в Западной Европе активизировали деятельность американского правительства по от мобилизации стратегических резервов и усилению военно-технической помощи Англии. Во второй половине 1940 г. были значительно

расширены программы строительства военно-морского флота и авиации. Ассигнования на армию и флот резко возросли. В сентябре вступил в силу закон о всеобщей воинской повинности — впервые в истории США в мирное время. Военные заказы Англии в США непрерывно увеличивались. Одной из наиболее эффективных и доступных в то время форм борьбы была признана передача материально-технических средств тем странам, которые воевали против Германии. 11 марта 1941 г. такой акт правительства США был закреплен законом о ленд-лизе. Президент получил право продавать, обменивать, давать займы оружие, продовольствие, снаряжение и любые другие материалы.

Американские правящие круги знали о готовящемся нападении Германии на СССР и, как минимум, не мешали тому, чтобы гитлеровская агрессия повернула на Восток. В конце 1939 г. правительство США провозгласило «моральное эмбарго» на продажу Советскому Союзу некоторых товаров. От американских банкиров воюющая с СССР Финляндия получила заем в размере 38 млн долларов. Ф. Рузвельт в обход закона о нейтралитете предложил финляндскому правительству военные кредиты.

«Канализируя» германскую агрессию на Восток, правительство США в военном планировании исходило из того, что все еще будет располагать временем для более полной подготовки к войне. Оно считало, что поворот вермахта на Восток значительно облегчит обстановку в Атлантике в 1941 г. и положение главного союзника Америки в Европе — Англии.

В первой половине 1941 г. в Вашингтоне состоялись секретные совещания начальников штабов вооруженных сил США и Англии, на которых были согласованы военные планы. Уже тогда расчеты исходили из решения, что США вступят в войну. Из двух главных противников — Германии и Японии — наиболее опасным считалась Германия. Япония к этому времени уже приступила к активным наступательным действиям в Индокитае и вышла на американские коммуникации в юго-западной части Тихого океана. Эти действия вызвали протест в США, а вот приготовления японской Квантунской армии к нападению на СССР из Маньчжурии, о которых в Вашингтоне были

хорошо осведомлены, не беспокоили влиятельные антисоветские круги: вырисовывалась реальная перспектива заставить Советский Союз сражаться на два фронта.

В ходе войны США развернули многомиллионные армию и флот, на военные рельсы была переведена экономика. Накопление сил осуществлялось с таким расчетом, чтобы к моменту окончания войны иметь превосходящую военную мощь и, опираясь на нее, продиктовать программу послевоенного устройства мира в интересах США.

22 июня 1941 г. — день для нашего народа, когда все разделилось на «до» и «после».

Антигитлеровская коалиция, ставшая примером эффективного, хотя и кратковременного сотрудничества столь различных государств, как США, Великобритания, с одной стороны, и СССР — с другой, была в значительной степени вынужденным образованием. Ф. Рузвельт, У. Черчилль, И.В. Сталин ясно это понимали. Например, Черчилль 21 июня, отвечая своему секретарю Д. Колвиллу на вопрос, не будет ли сотрудничество с СССР отступлением от антикоммунистической позиции премьера, сказал: «Нисколько. У меня лишь одна цель — уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по меньшей мере, благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин» [7].

На следующий день, выступая с радиообращением к нации в связи с нападением Германии на Советский Союз, Черчилль допустил ряд резких высказываний в адрес будущего союзника. В частности, он заявил: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма» [8], тем самым проведя параллель между агрессором и его жертвой. Антикоммунизм английского лидера не стоило бы лишней раз подчеркивать, если бы это обстоятельство не оказывало постоянное влияние на отношения внутри коалиции.

Разумеется, то, что союз с Великобританией и США являлся своего рода «браком по расчету», понимал и Сталин. Приведем в этой связи слова, сказанные им вскоре после окончания Великой Отечественной войны: «Великий альянс появился только на основе одного факта — наличия общего врага — Адольфа Гитлера...»

Собственно, вся предвоенная политика Сталина имела одной из основных целей исключить рождение англо-германского альянса, вполне возможного с многих точек зрения: классовой, геополитической, этнонациональной и др. Блок западных демократий с Гитлером означал почти гарантированную гибель Советской России, и ради того, чтобы избежать этой опасности, Сталин был готов идти на любые риски. В этом и состоит одно из главных объяснений странной лишь на первый взгляд «пассивности» СССР в последние предвоенные недели. Перелет в Англию Р. Гесса 10 мая 1941 г. даже сегодня воспринимается как шокирующее событие. Заместитель Гитлера отправился к врагу?! Если связать этот факт с многочисленными реверансами фюрера в адрес «нордически близких англичан» и с его знаменитым «стоп-приказом», позволившим британским войскам бежать из Дюнкерка, то вырисовывается весьма цельная картина. Сталин, по сути, не дал Западу сколько-нибудь серьезного шанса договориться с Гитлером. Именно с этих позиций надо рассматривать и советско-германские соглашения 1939 г., и Заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., и нежелание дать немцам хоть какой-либо повод для агрессии. Так что выбор Рузвельта и Черчилля в пользу антигитлеровской, а не антисталинской коалиции был предрешен. Что касается Гитлера, то он проиграл войну, едва ее начав. Его единственный шанс состоял в успехе стратегии блицкрига. Нет успеха — нет победы, а поражение становится делом времени. Впрочем, это сейчас, спустя многие годы, легко судить, а тогда все выглядело не столь очевидно. Тогда же, летом 41-го, общая смертельная опасность побудила лидеров трех великих стран на время забыть бывшие противоречия и объединить свои усилия для достижения победы над врагом.

Американское правительство вслед за Черчиллем публично заявило, что Соединенные Штаты окажут помощь тем странам и силам, которые будут бороться против фашистской агрессии. Помощь была обещана и Советскому Союзу, хотя даже о подобии симпатии к нашей стране со стороны правящих кругов США не могло быть и речи. Делались прагматические расчеты на тему, сколько сможет продержаться Советский Союз. Так, военный министр Г. Стимсон говорил, что «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно,

Президент Франклин Рузвельт подписывает закон о ленд-лизе. Март 1942 г.

три месяца задачей разгрома России». Генерал Дж. Маршалл предсказывал победу Германии в начале августа. Президент Ф. Рузвельт видел надвигающуюся опасность. Он понимал, что окончание войны на Востоке усилит германскую угрозу для Америки.

В этих условиях правительство США пошло на создание англо-советско-американского союза. 25 июня Ф. Рузвельт заявил, что Соединенные Штаты окажут помощь России. Он исходил из того, что борьба СССР против гитлеровской Германии — важный фактор национальной безопасности США. Однако отношение к Советскому Союзу оставалось двойственным.

28 сентября в Москве состоялась конференция представителей СССР, США и Англии. На ней был решен вопрос материальной помощи США и Англии Советскому Союзу, но лишь 7 ноября 1941 г. США юридически распространили закон о ленд-лизе на СССР. При этом размеры фактических поставок в Советский

Союз из США в последние месяцы 1941 г. были значительно ниже тех, что указывались в соглашении.

Свое участие в войне против Германии Соединенные Штаты связывали с расчетом на ослабление СССР под ударами вермахта. Они не торопились посылать войска в Западную Европу и не желали быстрого поражения Германии, ибо в таком случае главные плоды победы достались бы Советскому Союзу. В Вашингтоне считался нежелательным и такой вариант, чтобы «Россия оказалась в агонии». Наиболее приемлемым считался путь союзничества, «который позволил бы русским как можно дольше сохранять способность вести борьбу».

Центральной проблемой межсоюзнических отношений был вопрос об открытии второго фронта в Европе. Впервые он был поставлен в самом начале Великой Отечественной войны (июль 1941 г.), когда советское правительство заявило о необходимости создания второго фронта в Северной Франции, то есть в районе, находящемся вблизи территории Германии на кратчайшем расстоянии от ее жизненных центров. Ясным был тогда подход к пониманию идеи второго фронта и у западных союзников. Так, военный министр США Г. Стимсон считал, что второй фронт с точки зрения географии — «кратчайшая дорога к сердцу основного противника, преодоление Ла-Манша при поддержке авиации, базирующейся на Британию». Именно это стратегическое направление имел в виду и президент Ф. Рузвельт, отдавая в марте 1942 г. директиву Комитету начальников штабов о разработке плана вторжения во Францию «через Ла-Манш в его самом узком месте — между Кале и Гавром, восточнее реки Сены». То же самое понимал под вторым фронтом английский премьер-министр У. Черчилль [9].

1 июня Рузвельт заявил советскому представителю, что он «определенно рассчитывает открыть второй фронт в 1942 г.» [10]. Однако Вашингтон и Лондон не выполнили взятого на себя обязательства и не открыли фронта вооруженной борьбы в Западной Европе ни в 1942-м, ни в 1943 г. В качестве объяснения назывались причины технического характера (нехватка десантных средств, общая неготовность и т.п.), но советская сторона не без основания подозревала у союзников мотивы политического и эгоистического свойства.

В 1943 г. СССР продолжал настойчиво добиваться согласования военных усилий союзников для быстрейшего разгрома общего врага. В частности, на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) и на Тегеранской конференции глав трех союзных держав (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) советские представители настаивали на определении точных сроков открытия второго фронта. США и Великобритания были вынуждены дать соответствующие заверения. В Тегеране западные союзники приняли обязательство форсировать Ла-Манш в мае 1944 г.

А могла ли состояться высадка крупных англо-американских сил во Франции в 1943 году? Здесь нет единой точки зрения, но исследования многих отечественных и западных ученых дают утвердительный ответ на этот вопрос.

Так, например, американский историк У. Данн в книге «Второй фронт в 1943 году» приводит многочисленные факты, свидетельствующие о наличии у союзников материально-технических возможностей для открытия второго фронта в Западной Европе годом раньше. В работе его соотечественника Дж. Брюса «Второй фронт сейчас» также критикуется официальная версия Вашингтона и Лондона о «недостатке сил и средств» для вторжения в Северную Францию. Приведенные Брюсом факты и цифры подтверждают, что уже в 1942 г. США и Англия располагали необходимыми силами для успешной десантной операции. В конце 1942 г. США имели на территории Великобритании 70 дивизий и более 230 отдельных батальонов, оснащенных новейшей техникой и вооружением. Англия располагала в метрополии 30 дивизиями и 25 отдельными бригадами. Это было больше, чем у вермахта на Западе в тот период времени. К тому же ВВС союзников имели подавляющее превосходство над немцами. И самое главное — десантных средств было достаточно для осуществления трудной десантной операции на французском побережье [11].

Таким образом, оттягивание американским и английским руководством открытия второго фронта в Европе вплоть до 6 июня 1944 г. не подкреплялось объективными причинами. Вкупе с другими обстоятельствами это расценивалось советским правительством как стремление получить политические

преимущества после того, как Германия и СССР максимально ослабят друг друга. В телеграмме советскому послу в Лондоне И. М. Майскому от 19 октября 1942 г. Сталин писал: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то, что он, безусловно, мог это выполнить»¹.

Сталин, может быть, несколько сгущал краски, но союзники действительно стремились извлечь максимум выгоды из сложившейся ситуации.

Широко известно заявление Г. Трумэна, сделанное им в июне 1941 г.: «Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают как можно больше». Правда, Трумэн не был в 1941 г. столь значительной фигурой, как впоследствии, но тем не менее заявление весьма показательное. Подход президента Ф. Рузвельта был не столь циничен, но и он содержал изрядную долю жесткого и даже жестокого прагматизма. По свидетельству его сына Элиота, Рузвельт в беседе с ним в августе 1941 г. заметил: «Китайцы убивают японцев, а русские убивают немцев. Мы должны помогать им продолжать свое дело до тех пор, пока наши собственные армии и флот не будут готовы выступить на помощь. Поэтому мы должны начать посылать им в сто раз, в тысячу раз больше материалов, чем они получают от нас теперь. Ты представь себе, что это футбольный мяч. А мы, скажем, резвые игроки, сидящие на скамейке. В данный момент основные игроки — это русские,

¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы в 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 294.

китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент. Еще до того, как наши форварды выдохнутся, мы вступим в игру, чтобы забить решающий гол» [12].

После завершения Сталинградской битвы стало ясно, что ход войны изменился. В определенных кругах на Западе это вызвало серьезную обеспокоенность. С конца 1943 г., когда в борьбе Советского Союза с фашистским блоком наступил коренной перелом, руководящие деятели США и Англии вернулись к широкому использованию различных средств, способов, форм невоенного противоборства в отношениях со своим союзником — СССР. В их политике оформились и развились две тенденции: не допустить русских в Западную Европу и вывести из войны Германию и ее европейских сателлитов с наименьшими издержками.

Американский историк Дж. Маккарти в результате изучения многих документов вообще пришел к выводу, что уже в 1943 г. на Западе принимается принципиальное решение об активизации холодной войны. Аналогичную позицию высказал американский советолог У. Росту в книге «Соединенные Штаты на мировой арене» [13]. По его утверждению, «начало холодной войны обозначилось отчетливо, когда стало ясно, что Сталинград не будет взят немцами».

В американских средствах массовой информации стала проявляться тенденция к критике «слишком затянувшегося союза с Россией», раздавались голоса о необходимости «преградить путь наступающим русским войскам на рубеже линии Керзона».

В это же время в Управлении стратегических служб США приступили к разработке вариантов политики США и Англии в новых условиях, которые могли сложиться в Европе и на Дальнем Востоке после поражения Германии и Японии. 20 августа 1943 г. Объединенный англо-американский комитет начальников штабов рассмотрел перспективы войны на случай, если Германия быстро потеряет способность продолжать сопротивление. Было высказано мнение о возможности договориться с немцами по поводу беспрепятственного вступления англо-американских войск на территорию Германии и создания там рубежа для отпора русским [14].

Наступательные операции советских войск в 1943 г. заместитель военно-морского министра США Д. Форрестол оценил как вырисовывающуюся угрозу западному миру со стороны СССР, «которая вычеркивает из политического лексикона понятие безопасность» [15]. В военном ведомстве США росло число документов, связанных с разработкой планов возможной войны уже против Советского Союза. Так, в августе 1943 г. президенту Ф. Рузвельту был представлен «Меморандум 121», подготовленный Комитетом начальников штабов и получивший наименование «Стратегия и политика». В нем был поставлен вопрос о подготовке к войне «в обратную сторону» — против СССР и о возможности использования в такой войне вооруженных сил Германии. Весной 1944 г. Комитет начальников штабов провел всесторонний анализ соотношения сил в Европе в случае такой войны. Вывод, впрочем, был пессимистичен: «разница в военных силах, которые Советы смогут выставить на континенте, будет в нынешних условиях велика... Мы не можем нанести поражение России».

На Квебекской конференции руководителей западных союзников (август 1943 г.) военные участники переговоров Дж. Маршалл, Г. Арнольд, У. Леги, Э. Кинг (США), А. Брук, Ч. Портал (Великобритания) пытались прогнозировать, «не помогут» ли немцы вступлению англо-американских войск в Германию, «чтобы дать отпор русским»¹. Военные эксперты советовали подождать до весны-лета 1944 г., когда, по их расчетам, Советский Союз окончательно исчерпает свои наступательные ресурсы.

Заметно усилилось давление антисоветских кругов на правительство США с целью ограничить масштабы сотрудничества с СССР. 10 января 1944 г. сенатор А. Вандерберг выступил с речью, в которой говорил о возникновении «советской военной угрозы». Другой влиятельный политик Дж. Даллес призывал «стереть Советский Союз с географической карты» [16].

Появляются признаки финансово-экономической дискриминации СССР. Посол в Москве А. Гарриман в феврале 1944 г. высказался за прекращение поставок по ленд-лизу.

¹ Правда. 1988. 22 авг.

В том же году был создан Международный банк реконструкции и развития и Международный финансовый фонд. По каналам этих организаций США оказали помощь Англии (3,8 млрд долларов) и Франции (1 млрд долларов). Однако Советской России в помощи было отказано [17].

Военные успехи СССР в 1944 г. привели к еще большей активизации антисоветских сил на Западе. В открытой печати даже стали появляться статьи с предсказаниями скорой войны с Советским Союзом. В частности, бывший посол США в Москве У. Буллит выразил в журнале «Лайф» пожелание, чтобы война с Россией «произошла как можно скорее» [14, с. 52].

Справедливости ради надо отметить, что до определенного времени сторонники конфронтации с СССР оставались в явном меньшинстве, хотя их деятельность и нельзя назвать безрезультатной.

Важную роль в принятии в этот период согласованных решений сыграла созданная в октябре 1943 г. Европейская консультативная комиссия (ЕКК). Ее деятельность дала многочисленные позитивные примеры успешного нахождения взаимоприемлемых компромиссов. На Московской конференции в том же октябре 1943 г. ЕКК приняла ряд решений по австрийскому вопросу. Отвергая попытки англо-американской стороны провести решение об оккупации Австрии только войсками США и Англии, советская делегация 29 июня 1944 г. выдвинула проект соглашения по Австрии. В нем говорилось, что «вся территория Австрии в границах, существовавших на 31 декабря 1937 г., оккупируется совместно войсками СССР, США и Англии». Представители Англии и США были вынуждены согласиться. Конкретные соглашения о зонах оккупации Австрии и о контрольных органах были разработаны позднее.

25 июля 1944 г. ЕКК приняла согласованный документ «Безоговорочная капитуляция Германии». Прежде всего в нем определялись следующие условия: предусматривалось, что все вооруженные силы, СС, СА и другие силовые структуры Германии будут полностью разоружены и эвакуированы «со всех территорий, расположенных вне границ Германии, существовавших на 31 декабря 1937 г.», а их имущество передано представителям держав антигитлеровской коалиции. Документом

*Его считают прототипом
булгаковского Воланда.
Первый посол США
в СССР Уильям Буллит*

определялось, что «Союз Советских Социалистических Республик, Соединенные Штаты Америки и Соединенное королевство будут обладать в отношении Германии верховной властью. При использовании такой власти они примут меры, включая полное разоружение и демилитаризацию Германии, которые сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности».

С марта по сентябрь 1944 г. Комиссией обсуждались вопросы о зонах военной оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином». На заседании 12 сентября представители СССР, США и Англии приняли текст «Протокола Соглашения о предстоящем делении территории Германии» в границах, существовавших на 31 декабря 1937 г., на три оккупационные зоны. Для совместного управления районом «Большого Берлина» предполагалось создать Межсоюзническую комендатуру в составе комендантов от СССР, США и Великобритании.

Европейская консультативная комиссия на заседаниях в марте-ноябре 1944 г. решила вопрос о создании для Германии контрольного органа союзников. Рассмотрев представленные тремя делегациями предложения, она приняла для обсуждения советский проект, который и лег в основу подписанного

14 ноября 1944 г. соглашения. Этот документ предусматривал передачу верховной власти в Германии после ее безоговорочной капитуляции Контрольному совету, состоящему из трех членов. Главными задачами этого органа считались: контроль над страной и ее разоружением, упразднение нацистского режима и подготовка условий для создания в Германии органов управления на демократических принципах.

Разумеется, и на заключительном этапе Второй мировой войны главные участники антигитлеровской коалиции прикладывали немало усилий, чтобы согласовывать свои действия. Но при этом в Москве, Вашингтоне и Лондоне все жестче формулировались собственные подходы к решению проблем послевоенного устройства мира. В том числе по проблемам, возникшим в связи с пересмотром довоенных государственных границ и обеспечением новых территориальных сфер влияния. До поры до времени находить компромиссы получалось. Необходимость совместной борьбы с общим и все еще сильным врагом по-прежнему оставалась объединяющим фактором.

В выступлении Сталина 6 ноября 1943 г. было отмечено, что, освобождая страны, оккупированные гитлеровской Германией, великие державы должны оказать им содействие в воссоздании национального суверенитета, предоставить им право самим решать вопрос о государственном устройстве. Эту формулу на словах разделяли все, но смысл, вкладываемый в нее, был различным. Какой путь развития выберут освобожденные государства, кто возглавит в них органы власти? Ответ на этот вопрос имел принципиальное значение.

Союзники по антигитлеровской коалиции активно маневрировали. К этому времени советские представители уже давно вели переговоры с эмигрантским правительством Чехословакии и ее президентом Э. Бенешем, завершившиеся подписанием 12 декабря 1943 г. «Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой». В Преамбуле указывалась его цель — обеспечение совместных действий двух стран в войне и говорилось о поддержании постоянной дружбы и мирного сотрудничества. Договаривающиеся стороны обязались «оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого

рода в нынешней войне против Германии и всех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе», и не заключать с ними перемирие или мира иначе, как с взаимного согласия участников договора. Это обязательство распространялось и на послевоенный период, если одна из сторон будет вовлечена в военные действия с Германией или с каким-либо из государств, объединившимся с ней.

Дальнейшее развитие советско-чехословацкие отношения получили весной 1944 г., когда Красная Армия вышла к границам Чехословакии. 8 мая было подписано «Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией» после вступления советских войск на территорию Чехословакии. В документе указывалось: «Как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет являться зоной непосредственных военных операций, Чехословацкое Правительство полностью берет в свои руки власть управления общественными делами». О составе такого правительства пока ничего не говорилось.

Польская проблема во всем многообразии ее проявлений тоже в немалой степени способствовала обострению отношений между союзниками. Резкая антисоветская позиция польского эмигрантского правительства сильно мешала поиску компромиссных решений по спорным вопросам. Этот антисоветизм имел довоенные корни, а последующие события (присоединение западных областей Украины и Белоруссии, Катынская трагедия и др.) его значительно усилили. Лондонские поляки категорически отвергали советские предложения об установлении границ по «линии Керзона», надеясь на то, что западные державы помогут создать Великую Польшу. Непримируемость эмигрантских лидеров С. Миколайчика, В. Сикорского, В. Андерса настолько осложнила ситуацию, что стала вызывать раздражение даже западных союзников. В своих воспоминаниях Черчилль пишет об этом подробно. Он действительно пытался уладить проблемы, успокаивал Сталина, сдерживал поляков, не забывая, конечно, о неизменности британских интересов.

Однако с приближением конца войны трения, касающиеся польского вопроса, еще более усилились. Не последнюю роль в этом сыграло Варшавское восстание, инициированное

лондонским эмигрантским правительством и имевшее целью установить контроль над польской столицей до прихода войск Красной Армии. Это обстоятельство было достаточно очевидным для всех заинтересованных сторон, в том числе и для советского лидера. Поэтому Сталин, руководствуясь соображениями политического характера, отказался сотрудничать с Западом в его усилиях по доставке припасов Варшавскому сопротивлению. Восстание продолжалось 63 дня и было жестоко подавлено немцами. Находившиеся в непосредственной близости от Варшавы части Красной Армии были не в состоянии продолжить наступление. На этот счет в основном едины польские, немецкие и советские источники [18].

Тем не менее советские действия во время варшавской трагедии вызвали негативную реакцию на Западе. Попытка Сталина в этот момент добиться уступок от лондонских поляков, его несогласие на воздушное снабжение восставших в течение первых пяти недель были восприняты резко отрицательно как в Англии, так и в США. Американский историк А. Шлезингер утверждает в связи с этим, что «агония Варшавы вызвала самый искренний и глубокий моральный шок в Великобритании и Америке, пробудив мрачные предчувствия относительно советских послевоенных целей»¹.

Так или иначе, но позиции лондонской эмиграции в результате разгрома восстания были серьезно подорваны. В то же время просоветское польское правительство, обосновавшееся в Люблине, значительно укрепило свое положение.

В последующем польский вопрос был одним из основных на конференциях в Ялте и Потсдаме, но достигнуть взаимоприемлемого решения так и не удалось. Западные державы настаивали на необходимости создания коалиционного правительства в Польше, а Сталин, не возражая на словах против свободных выборов, на практике препятствовал деятельности на польской территории антисоветских политических сил. Его действия объяснялись желанием иметь дружественного соседа и были основаны на прагматичных расчетах, хотя, может быть, и не самого безупречного свойства.

¹ Цит. по: [19].

Актуальной в политических спорах на завершающем этапе войны стала проблема Югославии. Еще в декабре 1943 г. Москва приветствовала решение Антифашистского веча Народного Освобождения Югославии создать в стране Федеративное государство, его законодательные и исполнительные органы, в состав которых вошли бы представители всех народов страны, общественных слоев и партий, ведущих борьбу за национальное освобождение. Западные державы, особенно Англия, поддерживая югославского короля и эмигрантское правительство, стремились укрепить в Югославии свое влияние. Западные политики долго маневрировали, используя различные средства давления в переговорах с маршалом И. Броз Тито. Английское министерство иностранных дел не одобряло расширения помощи югославским народно-освободительным силам и склонялось к так называемому среднему курсу. В его рамках предпринимались попытки установить контакты с Тито, чтобы достичь соглашения между ним и королевским правительством.

Борьба велась по вопросу будущего устройства Югославии. Весной 1944 г. Лондон стал добиваться изменения состава эмигрантских властей Югославии, с тем чтобы «организовать небольшое правительство, состоящее из людей, не особенно неприятных для маршала Тито», и пытался заручиться поддержкой СССР. В ответе советского правительства от 22 апреля указывалось: «Изменения в Югославском правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Иосипа Тито и Народно-освободительной Армии Югославии, вряд ли могут принести какую-нибудь пользу. Следовало бы по этому вопросу достичь соглашения с маршалом Тито, у которого действительно имеются реальные силы в Югославии. Такое соглашение было бы в интересах союзников — особенно в настоящее время».

Острыми были разногласия и по проблеме Италии. В 1943 г. США предприняли сепаратные действия с целью оформить ее выход из войны. Между тем Италия принимала активное участие в войне против СССР. Это дало основание Сталину заявить: «Я считаю, что назрело время для того, чтобы создать военно-политическую комиссию из представителей трех

стран — США, Великобритании и СССР — для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии. До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего. Должен Вам сказать, что дальше такое положение невозможно» [20].

С этим западные державы были вынуждены согласиться. 3 сентября 1943 г. Италия подписала соглашение о перемирии. Однако Рузвельт не собирался предоставлять СССР право участвовать в контроле над этой страной. Он лишь попросил Сталина послать офицера «в штаб Эйзенхауэра по поводу комиссии». Ответ не произвел впечатления на Сталина, и он продолжал настаивать на создании трехсторонней комиссии. Но западные союзники были твердо настроены не допустить участия Советского Союза в контрольной комиссии. В итоге СССР был вынужден удовлетвориться наряду с малыми союзными государствами незначительным местом в межсоюзническом консультативном совете. Вся эта история создала соответствующий прецедент для Восточной Европы. Уже в сентябре 1944 г. Болгария, которая не воевала против Советского Союза, начала переговоры о выходе из войны с США и Великобританией (обсуждение условий перемирия с болгарскими представителями велось в Каире). СССР, сочтя это вмешательством Запада в зону своих жизненных интересов, объявил войну Болгарии и взял на себя переговоры о капитуляции. Вспомнив итальянский прецедент, Советский Союз отказал своим западным партнерам в участии в контрольной комиссии по Болгарии.

К числу наиболее острых вопросов последнего года войны относится также проблема сепаратных переговоров между немецкими эмиссарами и представителями Запада. Советское руководство встревожил ныне широко известный эпизод контактов генерала войск СС К. Вольфа с руководителем американской разведки в Швейцарии А. Даллесом. Союзники информировали Кремль об этом, когда им уже была получена соответствующая информация по разведканалам. Одна из задач Вольфа состояла в том, чтобы немецким войскам, сло-

*Дрезден после
бомбежки англо-
американской
авиации*

жившим оружие в Италии, было разрешено отойти в Германию. Очевидно, что затем их можно было бы использовать на Восточном фронте. Советские лидеры опасались, что спектр обсуждавшихся вопросов был еще более широким, поэтому выдвинули требование участия в переговорах представителя СССР. Союзники ответили отказом, заявив, что речь идет лишь о предварительных беседах. Это усугубило ситуацию, ибо заставило советскую сторону укрепиться в своих подозрениях. В результате в конце марта — начале апреля между Сталиным и Рузвельтом состоялся обмен самыми жесткими посланиями, какие только они посылали друг другу на протяжении всей войны. Все закончилось взаимными обвинениями в получении неверной информации [21]. В целом описанная история не прошла бесследно и способствовала росту обоюдного недоверия.

В ночь с 12 на 13 февраля 1945 г. англо-американская авиация начала тотальную бомбардировку Дрездена, что привело к гибели не менее 25 тыс. человек гражданского населения.

Любопытно, что на конференции в Ялте (завершилась 11 февраля) было принято решение о разграничении зон действия союзной авиации. Военного значения эта акция не имела за одним исключением: Дрезден относился к будущей советской зоне оккупации и столь мощный авиаудар был призван произвести соответствующее впечатление на «русского союзника». Главными целями бомбежек являлись промышленные предприятия и мосты через Эльбу, их уничтожение не могло не создать дополнительные проблемы советским войскам. 15 марта в результате другого авиаудара был разрушен пригород Берлина Ораниенбург, где находился немецкий центр по обогащению урана. В этом ряду есть и другие примеры.

Вообще весной и летом 1945 г. быстро накапливались данные, свидетельствующие о том, что правящие круги Запада готовы сменить союзнические отношения с СССР на конфронтационные. Так, в начале 1945 г. будущий госсекретарь США Д. Даллес настойчиво проводил идею, что «в России таится опасность» для Америки. Американский генерал Дж. Паттон публично заявил, что западные экспедиционные силы «не должны останавливаться на демаркационной линии вдоль реки Эльба», а им следует продвигаться дальше на Восток. Ему же принадлежат такие слова: «Мы не способны понимать русских, как не можем понять китайцев или японцев, и, имея богатый опыт общения с ними, должен сказать, что у меня нет особого желания понимать их, если не считать понимания того, какое количество свинца и железа требуется для их истребления» [22].

Английский премьер У. Черчилль постоянно подчеркивал необходимость «опережения русских» в захвате как можно большей территории Германии, в том числе Берлина. Главнокомандующий англо-американскими войсками генерал Д. Эйзенхауэр был согласен с идеей «взятия Берлина раньше русских», однако его пугали неизбежные при этом потери. 4 мая 1945 г. он сделал заявление, добиваясь от начальника Генерального штаба Советской армии генерала А.И. Антонова остановить продвижение советских войск на линии рек Влтава и Эльба, то есть значительно восточнее, чем это было ранее согласовано.

Апофеозом антисоветской враждебности стала разработка операции под названием «Немыслимое»: по приказу Черчилля предполагалось сохранить в боеспособном состоянии ряд немецких соединений с тем, чтобы в случае необходимости использовать их в совместных боевых действиях против Красной Армии. Германскому командованию действительно удалось увести значительные военные силы в тыл к англо-американским войскам; лишь за период с 3 по 6 мая на западе случилось в плен до 3 млн немецких солдат и офицеров.

О существовании плана операции «Немыслимое» было известно давно, однако только в 1998 г. англичане рассекретили личное досье Черчилля, откуда и стали известны подробности [23]. План датирован 22 мая 1945 г., а задание на его подготовку, судя по косвенным данным, было получено в конце марта — начале апреля.

О. А. Ржешевский в своей работе «Сталин и Черчилль» сообщает ряд важных деталей. «Разработчики операции, а это был план развязывания войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

— операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;

— Великобритания и США получают полную поддержку вооруженных сил Польши и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;

— не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;

— иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;

— начало военных действий — 1 июля 1945 г.».

Цель операции заключалась в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию

за пределы Польши». Далее высказывалась мысль о том, что «тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо:

а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;

б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну» [24].

Главным театром военных действий была избрана Центральная Европа.

Авторы плана предполагали, что СССР предпримет ответное наступление в Иране и Ираке, а также попытается организовать волнения в Индии.

Перспективы кампании, однако, оценивались пессимистично, поэтому неудивительно, что план остался на бумаге. Тем не менее само его существование весьма показательно. Судя по всему, в Москве узнали о замысле Черчилля, что не добавило теплых чувств к западным союзникам¹.

7 мая 1945 г. в 1 час 30 минут американское верховное командование в одностороннем порядке подписало предварительный «Протокол о безоговорочной капитуляции» гитлеровской Германии. Это был открытый вызов Москве.

К концу лета 1945 г. число недружественных актов американского и английского союзников по отношению к СССР только увеличилось. Их было бы, вероятно, еще больше, если бы не острая нужда в привлечении Красной Армии к участию в разгроме Японии.

Вашингтон активно добивался согласия советского руководства на участие СССР в боевых действиях на Дальнем Востоке. Сталин заранее сформулировал условия вступления СССР в войну. Стремясь не раздражать советского лидера «мелкими вопросами», а сосредоточиться в первую очередь на координации действий в войне против Японии, Рузвельт считал целесообразным еще до начала обсуждения дальневосточных

¹ О.А. Ржешевский со ссылкой на британского историка Д. Эриксона пишет о том, что в июне 1945 г. Г.К. Жуков произвел перегруппировку своих войск в Германии, по-видимому под влиянием этой информации.

проблем письменно сообщить Сталину о согласии с политическими условиями и пожеланиями СССР. После открытия конференции Сталин через специального посыльного получил «весьма срочный пакет от президента». Вот как описывает этот эпизод А.А. Громыко:

«Я с ходу сделал перевод. Сталин, по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова.

Этим письмом Сталин остался весьма доволен. Он расхаживал по кабинету и повторял вслух:

— Хорошо, очень хорошо!

Я заметил:

— Занятой теперь позицией США как бы реабилитируют себя в наших глазах за то, что они сочувствовали Японии в 1905 году. В то время США, по существу, помогали Японии оторвать от России ее территории...» [25].

Разумеется, приведенное выше свидетельство не опровергает данные о том, что в Ялте американцы пытались добиться согласия СССР на превращение Южного Сахалина в неподопечную территорию, на установление международного контроля над частью Курильских островов. В результате острой борьбы победила советская точка зрения. Идея «интернационализации» этих ранее принадлежавших России территорий была отвергнута. В подготовленной для Рузвельта «Памятке» для переговоров в Ялте подчеркивалось: «Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией».

К началу 1945 г. японская армия располагала крупными сухопутными силами в Китае. В США и Великобритании готовились к упорным продолжительным сражениям на театрах Тихоокеанской войны. Так, судя по решениям англо-американской конференции в Квебеке, состоявшейся 11–16 сентября 1944 г., окончание войны с Японией планировалось не раньше чем через 18 месяцев после поражения Германии. Эти расчеты сохраняли силу и накануне Ялтинской конференции. Объединенный комитет начальников штабов США и Великобритании на со-

*Ялтинская
встреча Большой
тройки*

вещаниях 30 января — 2 февраля 1945 г. на острове Мальта вновь подтвердил дату окончания войны с Японией — «через 18 месяцев после поражения Германии». Другими словами, в случае поражения Германии в мае 1945 г. войну с Японией предполагалось завершить не раньше конца 1946 г.

Объединенный комитет начальников штабов США настоятельно просил Рузвельта добиться скорейшего вступления СССР в войну. Накануне отъезда президента в Ялту ему был представлен документ, в котором, в частности, говорилось: «Мы желаем вступления России в войну как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанеся ущерба нашим основным операциям против Японии...»

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы США и Великобритании не скрывали от Сталина своей заинтересованности в том, «чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения».

Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии «через шесть месяцев после завершения войны в Европе», то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, этот срок был сокращен вдвое.

Практически все основные вопросы, связанные с вступлением СССР в войну, были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце. Эта беседа во многом предопределила будущие события. Весьма существенным было заявление Рузвельта о том, что он не хочет высаживать войска в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. Проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск в Маньчжурии целиком возлагалось на Вооруженные силы СССР. Свое нежелание сражаться с японцами на суше президент США объяснял стремлением обойтись без больших потерь.

Американцы рассчитывали получить возможность иметь свои авиабазы на советской территории. Рузвельт выражал желание создать такие базы в Комсомольске, Николаевске и на Камчатке.

Ялтинское соглашение от 11 февраля 1945 г. отвечало коренным интересам безопасности СССР, а в конечном счете — сокращению сроков Второй мировой войны. «Ялта, — заявил Э. Стеттиниус в апреле 1945 г., — стала высшей академией дипломатии и продемонстрировала нам лучшие образцы разумных компромиссов по самым трудным проблемам». В Вашингтоне были готовы продолжать союзнические отношения с СССР, по крайней мере до капитуляции Токио.

Летом 1945 г. было подписано Соглашение по вопросам Дальнего Востока. В нем, в частности, заявлялось, что руководители Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

- 1) сохранение статус-кво Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2) возвращения принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза;

3) возвращения Советскому Союзу Курильских островов.

Однако в Вашингтоне рассматривались различные варианты решений, которые, как рассчитывали в госдепартаменте и министерстве обороны США, могли снять все проблемы, связанные с политическим эффектом вступления в войну Советского Союза. Так, в обширном меморандуме Г. Стимсона президенту от 2 июля 1945 г. предполагалось предъявить Японии такие условия капитуляции, на которые могло бы пойти японское руководство без участия СССР в войне. В меморандуме предлагалось отойти от единодушно одобренного всеми союзниками требования «безоговорочной капитуляции» и согласиться с сохранением в Японии монархической системы на основе существующей династии. Тем самым игнорировались принятые ранее союзниками решения о неотвратимости наказания всех главных виновников развязывания Второй мировой войны, к которым, без сомнения, относился и японский император.

Еще до вступления СССР в войну с Японией президент Трумэн принял решение о применении атомного оружия. Подготовленный штабом армии США боевой приказ о проведении атомных бомбардировок японских городов был завизирован президентом, Г. Стимсоном и Дж. Маршаллом 24 июля и подписан генералом К. Спаатцем, на которого возлагалась ответственность за реализацию решения президента. Советники Г. Трумэна, как, собственно, и сам президент, считали, что атомная «бомба должна быть использована в качестве мощ-

ного сдерживателя на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию».

8 августа 1945 г. Советский Союз объявил Японии войну, а днем позже начал боевые действия. В выигрыше оказались США, Англия, Китай и другие страны, воевавшие против Японии. Объективно вступление СССР в борьбу на Дальнем Востоке парадоксальным образом отвечало и интересам японского народа, поскольку имело целью скорейшее окончание Второй мировой войны, уменьшение числа ее жертв и достижение долгожданного мира.

Определенные разногласия существовали между союзниками по антигитлеровской коалиции и по проблеме создания Организации Объединенных Наций. Первым шагом в этом направлении явилось принятие «Декларации четырех государств по вопросу всеобщей безопасности» на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции еще в октябре 1943 г. В 1944 г. была проведена большая работа министров иностранных дел по подготовке специальной конференции для выработки основных принципов будущей международной организации. 15 июня президент США Рузвельт выступил с заявлением, в котором изложил американскую позицию по этому вопросу. Английское правительство выразило согласие с позицией Соединенных Штатов Америки.

12 августа советское правительство представило свой меморандум. В нем особое значение придавалось руководящему органу (Совету) международной организации. Подчеркивалось, что, поскольку этот орган будет нести главную ответственность за сохранение мира, его права и обязанности должны основываться на принципе согласия всех постоянных представителей в нем. Состав Совета определялся следующим образом: «Совет состоит из представителей Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Соединенного королевства и Китая, а в будущем и Франции — в качестве постоянных членов».

Участники конференции в Думбартон-Оксе не смогли прийти к согласованному решению о процедуре голосования в Совете Безопасности, о составе первоначальных членов будущей ООН. Органом, на который возлагалась главная ответствен-

ность за обеспечение международного мира и которому поручалось предпринимать действия по сохранению мира, должен был стать Совет Безопасности. Поэтому порядок голосования в нем приобрел особое значение. СССР выступил за принцип единогласия великих держав при решении важнейших международных вопросов. Но американская и английская делегации предложили ограничить применение этого принципа. Победила в итоге советская точка зрения.

В последующем трибуна Организации Объединенных Наций стала местом проявления своеобразных способов и методов противоборства СССР и США в холодной войне. При этом, как правило, верх одерживал Вашингтон, контролировавший большинство членов ООН.

В целом уже в годы войны в Европе достаточно четко оформились два различных подхода к послевоенному устройству мира. В основе их лежало стремление СССР, с одной стороны, и США с Англией, с другой стороны, расширить сферы своего влияния в Европе и обрести новых союзников. Это стимулировало вызревание условий для перехода к открытому и полномасштабному противоборству в холодной войне.

ГЛАВА 3

Становление и развитие холодной войны

Очевидно, что холодная война, как сложный комплексный феномен, должна была иметь свою мировоззренческую базу и институты, составляющие ее надстройку. Первое реализовалось в виде идеологических и военно-политических доктрин сторон; второе, если иметь в виду международный уровень, — в создании, с одной стороны, Западного союза, а затем Североатлантического альянса, а с другой — Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора.

3.1. Переход к открытому противоборству

*Сладки были его речи, как мед,
но война была в его сердце.
Библия. Псалом 54–22*

Итоги Второй мировой войны привели к коренному изменению всей системы международных отношений, создали совершенно новую геополитическую ситуацию. Германия, являвшаяся в течение ряда лет сильнейшим европейским государством, была повержена; роль Великобритании и Франции по сравнению с довоенным периодом значительно снизилась; резко возросло влияние США и СССР, которые стали не только главными победителями государств фашистского блока,

но и предъявили миру претензии на глобальное лидерство. Поражение Японии, быстро меняющаяся ситуация в Китае добавляли свои краски в эту картину. В целом соотношение сил на мировой арене изменилось в пользу СССР. Советский Союз, сыгравший основную роль в разгроме коалиции стран-агрессоров, вышел из войны, вопреки расчетам американских и английских аналитиков, в военном отношении более сильным, чем был до нашествия. Исключительно выросли его престиж и влияние в решении международных проблем. Однако в экономическом отношении СССР, к тому же разоренный агрессорами, был значительно слабее Соединенных Штатов.

К концу войны Советский Союз был обескровлен в полном смысле этого слова. Людские потери составили более 26 млн человек (для сравнения: потери США — 450 тыс. человек, Великобритания — 375 тыс. человек). Лишь к 1955 г. население СССР достигло своей довоенной численности.

Необходимо также отметить колоссальные материальные утраты Советского Союза. Было разрушено 1710 населенных пунктов городского типа и около 70 тыс. деревень и сел, значительный ущерб был нанесен 32 тыс. промышленных и 100 тыс. сельскохозяйственных предприятий, часть из них была полностью уничтожена. Вследствие этих причин объем промышленного производства составил в 1946 г. 77% от довоенного уровня, а сельскохозяйственного — 60% [1].

Таким образом, в 1945 г. между двумя основными державами-победительницами — СССР и США — наблюдалось огромное неравенство, прежде всего в экономическом и демографическом отношении. И в довоенное время, разумеется, существовали диспропорции в пользу Соединенных Штатов. Но война значительно их усилила и углубила. «В период 1939–1945 гг. производство продукции в США увеличилось в два с половиной раза, выпуск оборудования увеличился в 4 раза, транспортных средств в 7 раз. Сельскохозяйственное производство возросло на 36%... В целом соотношение между промышленностью и сельским хозяйством двух стран может быть выражено как 1:5» [2].

В то же время после Второй мировой войны усилились кризисные явления на Западе, прямым результатом которых

явились кардинальные изменения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Китае, Корее, колониальном мире. Коммунистическое влияние значительно возросло и в таких странах, как Франция, Италия и даже в самих США.

С разгромом агрессивного блока исчезла не только общая угроза для СССР и Запада, но и не стало мотивов, побуждающих их к сотрудничеству. Замены им найти не удалось, и сотрудничество естественным образом прекратилось. К тому же были реанимированы старые противоречия, к которым добавились новые, осложненные взаимными подозрениями и разногласиями. Вот как видел ситуацию в тот переломный момент истории У. Черчилль: «Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству». Главным среди «решающих практических вопросов стратегии и политики» Великобритании и США в этой новой ситуации У. Черчилль считал следующее: «Советская Россия стала представлять смертельную угрозу для свободного мира; надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения...»

Думается все-таки, что не следует говорить о каком-то четко выраженном рубеже, отделяющем период холодной войны от предшествующего времени. Целесообразно вести речь о том, что начиная с 1945 г. резко усилился процесс трансформации международных отношений, итогом которого и стала полноценная холодная война. В противном случае мы рискуем увязнуть в обилии новых терминов типа «холодный мир», «переходный период», которые уже начинают вводить в оборот. Кроме того, обозначение строгих временных границ способствует выпадению из поля зрения исследователей многих обстоятельств и фактов, важных для понимания феномена холодной войны.

Мы уже говорили о том, что в период существования антигитлеровской коалиции между союзниками нередко возникали

конфликтные ситуации, но они, как правило, успешно разрешались. Это происходило прежде всего потому, что США, Великобритания и СССР остро нуждались друг в друге, и эта заинтересованность помогала оперативно устранять возникающие проблемы. Правда, они не проходили бесследно. Противоречия внутри коалиции, которые все более обострялись с приближением конца войны, способствовали усилению взаимного недоверия, подозрений и в конечном счете сыграли свою роль в возникновении послевоенной конфронтации.

Нельзя забывать и о значении субъективного фактора. В Вашингтоне давно существовала влиятельная, настроенная антисоветски группировка политических и военных деятелей. Она резко усилилась после внезапной смерти президента США Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г. Несомненно, что Рузвельт был одним из самых видных руководителей американского государства. В своей политической и военной деятельности он добился выдающихся результатов. Будучи трезвым, реалистически мыслящим политиком, он хотел и умел договариваться с Советским Союзом. Думается, что взаимопониманию также способствовала определенная взаимная симпатия Сталина и Рузвельта: они были очень разными людьми, но их роднил масштаб личности, поэтому взаимное уважение было искренним и глубоким.

Преемник Рузвельта, напротив, отвергал идею компромисса и равных взаимоотношений, являясь человеком совсем иного склада. Новый президент США Г. Трумэн не считался, конечно, «новичком» в большой политической игре. Но его государственный опыт да и личные качества были совсем иного уровня. Еще раз вспомним, что это он в июне 1941 г. публично провозгласил главный принцип американской военной политики в условиях начавшейся агрессии Германии против СССР: «Пусть они как можно больше истребляют друг друга». И вот такой человек возглавил Соединенные Штаты после кончины Ф. Рузвельта.

В обновленном американском правительстве взяли верх сторонники жесткого курса в отношении Советского Союза. К их числу относились: военно-морской министр Дж. Форрестол, заместитель государственного секретаря Дж. Грю, ближайший советник президента, вскоре назначенный государ-

Похороны Ф. Рузвельта

ственным секретарем Дж. Бирнс, глава военной миссии США в СССР генерал Дж. Дин. Они предлагали Трумэну использовать различные формы военного, политического, дипломатического давления на Советский Союз с тем, чтобы принудить его пойти на уступки и согласиться с американским вариантом послевоенного мироустройства. Подобные предложения соответствовали и убеждениям самого президента.

Первой внешнеполитической акцией Трумэна стало письмо Черчиллю с предложением направить Сталину совместное послание с резким требованием уступок в польском вопросе. Здесь важен не только характер данного требования, но и сам факт совместного с англичанами послания, так как хорошо известно, что Ф. Рузвельт избегал общих американско-английских акций в отношениях с СССР. Он опасался, что «англичане очень хотели бы, чтобы Соединенные Штаты в любое время начали войну против России, и, по его мнению, следовать британским планам — значит, идти к этой цели»¹.

¹ Цит. по: Forres dal's Dranies. N. Y., 1951. P. 36.

В вызывающе конфронтационном тоне Г. Трумэн провел беседу с В.М. Молотовым 23 апреля 1945 г. Камнем преткновения вновь стал польский вопрос.

Характерно, что изменение официального американского подхода к отношениям с СССР проявилось еще до того, как Трумэн был информирован о «Манхэттенском проекте» (ему доложили об атомной программе только 25 апреля). Факт появления у Соединенных Штатов атомного оружия в сочетании со средствами его доставки (авианосцами и стратегическими бомбардировщиками) качественно изменил общую картину, тем более что США благодаря своему геополитическому положению были в тот момент абсолютно неуязвимы, а Советский Союз, напротив, представлял собой потенциальную мишень.

5 марта 1946 г. в г. Фултоне (штат Миссури, США) У. Черчилль произнес речь, которой было суждено вызвать огромный международный резонанс и стать знаменитой. Бывший английский премьер выступал в качестве частного лица, но его авторитет как одного из руководителей Большой тройки был исключительно велик, к тому же среди слушателей находился президент Г. Трумэн — эти обстоятельства придавали особый вес сказанному.

Черчилль изложил собственное видение картины послевоенного мира и сформулировал своего рода стратегическую концепцию на перспективу. Заявив, что США находятся на «вершине мирового могущества», он, подчеркнув их особую роль, выразил удовлетворение тем, что атомная бомба в руках американцев, ибо «никто не смог бы спать спокойно, если бы временная монополия на обладание этим ужасающим оружием была захвачена каким-либо коммунистическим или неонацистским государством». На будущее Соединенным Штатам необходимо гарантировать себе «обладание таким превосходством, такой ужасающей мощью», которые бы предотвратили саму возможность использования другой стороной этого оружия. Необходимо в то же время защищать повсюду в мире «великие принципы свободы и прав человека, которые являются общим историческим наследием англоязычного мира». Черчилль предложил план объединения Британской империи и США, осуществления не только политического союза,

но и тесного военного сотрудничества. К этому шагу, по его мнению, оба государства побуждала экспансионистская политика СССР. «Никто не знает, — говорил он, — что Советская Россия и ее международная организация намерены предпринять в ближайшем будущем и каковы те пределы, если они вообще есть, в которых будет развиваться их экспансия и их стремление к вербовке новых союзников... От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике опустился над Европейским континентом железный занавес»¹.

Черчилль прямо не утверждал, что Советский Союз хочет войны, но указывал на желание СССР воспользоваться «плодами войны и получить возможность неограниченного расширения своего могущества и своей доктрины». Поэтому «умиротворение» невозможно. Этот термин вызывал в памяти присутствующих Мюнхенскую политику западных держав и содержал прямую аналогию между СССР и гитлеровской Германией². Впоследствии Сталин, комментируя риторику английского экс-премьера, вернул эту аналогию обратно, упомянув имена Черчилля и Гитлера в одном ряду.

Фактически речь Черчилля знаменовала собой конец антигитлеровской коалиции, в ней была предложена принципиально иная схема международных отношений, в которой бывший союзник — СССР — занимал место противника, против которого предстояло вести борьбу. Выступление Черчилля явилось, кроме того, идеологическим обоснованием нового курса Запада, первые признаки которого проявились еще раньше.

12 марта 1947 г. уже президент Г. Трумэн выступил перед обеими палатами американского конгресса с речью, в которой объявил, что Соединенные Штаты намерены занять место ослабленной Англии в деле поддержки правительств Греции и Турции («доктрина Трумэна»). Фактически речь шла о принятии США политической ответственности за судьбу Западной Европы. Толчком к этому событию стали полученные 21 февраля

¹ Кстати сказать, использование термина «железный занавес» при всей его яркости было если и не оговоркой по Фрейду, то, как минимум, политической бестактностью. Дело в том, что авторство здесь принадлежало Й. Геббельсу, чье демагогическое искусство было еще свежо в памяти.

² Известия. 1947. 6 марта.

сообщения из Лондона, в которых говорилось о невозможности в дальнейшем сохранять статус-кво в Турции и Греции. Ситуация в этих двух странах складывалась по-разному: в Греции возобновилась гражданская война, в то время как в Турции сохранялось относительное внутреннее спокойствие, но она переживала конфликт с СССР из-за черноморских проливов (хотя отношения в этот момент были не слишком обострены). В этих условиях решение Трумэна должно было означать «ответ Америки на волну экспансионизма, имеющего целью установление коммунистического господства»¹.

По сути, однако, формулировалась новая политическая линия. Использованный термин «доктрина» был призван подчеркнуть преемственность с «доктриной Монро», которая в прежние времена провозглашала особые интересы США в Западном полушарии. Трумэн говорил о разворачивающемся конфликте между «свободными обществами» и «обществами угнетения». Америка была призвана стать на сторону «свободы и демократии»². Конечно, практика правящих в Греции и Турции режимов была далека от демократических идеалов, но на это закрывались глаза. Решалась более важная задача — «доктрина Трумэна» обязывала США противостоять как революционным движениям, так и любым возможным притязаниям СССР. На этом фоне конкретная цель получения от конгресса 400 млн долларов на оказание экономической помощи Греции и Турции уходила на второй план. Трумэн не говорил о включении в сферу американских обязательств других стран, но это подразумевалось в случае, если такая необходимость возникнет.

В Советском Союзе на речь президента США прореагировали настороженно. Газета «Правда» посвятила ей редакционную статью. В ней американские инициативы характеризовались как «направление политики, ведущее к неограниченной империалистической экспансии»³.

Выступление Трумэна обрекло на неудачу переговоры министров иностранных дел на конференции в Москве, но и после

¹ *Truman H.S. Memorie. V. 2. P. 133.*

² *Ibid. P. 134.*

³ *Правда. 1947. 15 марта.*

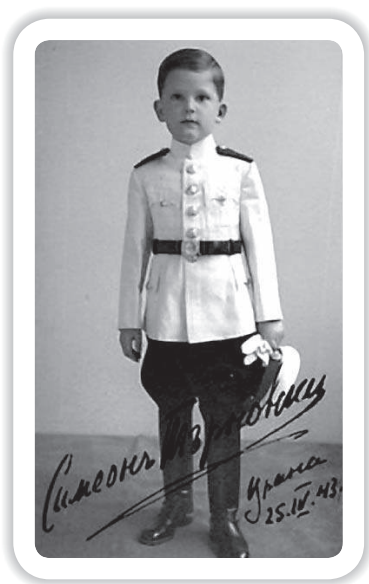
закрытия конференции Сталин выражал надежду на достижение компромисса по спорным проблемам.

Надо признать, что Советский Союз, совершив в первые послевоенные годы ряд недостаточно продуманных внешнеполитических акций, о чем подробно говорилось выше, не представляя реальной опасности, подходил на роль общего врага «свободного мира», перед лицом которого страны Запада могли согласиться на военно-политическое (а значит, и экономическое) лидерство США.

Это обстоятельство, независимо от того, насколько полно оно осознавалось американским руководством, сыграло свою роль в осуществлявшемся повороте к холодной войне. Существенные идеологические различия сторон облегчили происходящее изменение курса.

Геополитическая логика советского руководства основывалась на принципах сфер влияния и использования (в случае острой необходимости) Вооруженных Сил для решения внешнеполитических задач. Получив по итогам войны возможность влияния на Восточную Европу, Советский Союз активно осуществлял политическое и экономическое проникновение в государства региона. Общая обстановка этому способствовала.

В Румынии, Венгрии и Болгарии смена власти имела сходные характерные особенности. Эти страны были союзницами Германии, и многие политики успели скомпрометировать себя сотрудничеством с нацистами. После ухода немцев политическая жизнь была полностью дезорганизована. Коммунисты, сыгравшие значительную роль в сопротивлении, напротив, имели достаточно сильную организацию. В качестве членов коалиционных правительств они инициировали земельную реформу, обеспечив себе тем самым поддержку значительных слоев крестьянства. Социализм с его идеей социальной справедливости был притягателен также для рабочих и определенной части интеллигенции. Советский Союз как носитель социалистической идеи в результате победной войны серьезно укрепил свой международный авторитет. Советские войска, находившиеся на территории стран Восточной Европы, можно сравнить с неиграющим ферзем, одно присутствие которого на шахматной доске оказывает влияние на общую ситуацию.

Царь Болгарии Симеон II

Так и части Красной Армии парализовали возможное сопротивление прозападных сил. Местные политики этого направления получали от Запада в основном словесную поддержку, что было явно недостаточно для сохранения прежних позиций. Англичане в основном соблюдали процентную норму, определявшую степень влияния бывших союзников по АГК в странах Восточной Европы (она была установлена в октябре 1944 г. во время встречи Черчилля и Сталина в Москве)¹. Что касается американцев, то они на первых порах не демонстрировали серьезного интереса к Румынии, Венгрии и Болгарии, сосредоточившись на польской проблеме. По мере роста напряженности между СССР и Западом Советский Союз проявлял все большую заинтересованность в установлении единовластия коммунистических партий. Союзные государства (к тому же идеологически близкие) были ему необходимы как на случай возможного конфликта с Западом, так и для мирного сотруд-

¹ Предложенные Черчиллем процентные соотношения не имели, разумеется, характера строгой договоренности. По сути, речь шла о признании наличия взаимных интересов в Восточной Европе.

ничества. Однако все это не означает, что приход к власти коммунистов в Румынии, Венгрии и Болгарии был осуществлен по приказу из Москвы и с помощью ее прямого вмешательства. По крайней мере, документальных свидетельств этому явно недостаточно. Критики Советского Союза при рассмотрении восточноевропейской проблематики упускают из виду общую логику политической борьбы, во многом одну и ту же для всех государств.

Происходившие изменения рассмотрим на примерах. В Болгарии коммунисты получили места в правительстве в сентябре 1944 г. через посредство Отечественного фронта, где они играли видную роль. Контролируя министерства юстиции и внутренних дел, коммунисты создавали препятствия для деятельности своих политических конкурентов. В ноябре 1945 г. Отечественный фронт получил 88% голосов (западные источники утверждают, что выборы были фальсифицированы, но столь масштабная фальсификация в тех условиях была в принципе невозможна). 15 сентября 1945 г. в результате референдума была провозглашена республика, и царь Симеон II отправился в изгнание. Правительство возглавил Георгий Димитров (он руководил Коминтерном до роспуска этой организации в 1943 г.). К началу 1949 г. влияние оппозиции в стране было подавлено, прошли политические процессы над ее лидерами.

В Румынии вскоре после вступления на ее территорию Красной Армии было создано правительство Национального фронта под руководством буржуазного политика Н. Рэдеску. Коммунисты, чье влияние до войны было незначительно, заняли в нем несколько важных постов. Рэдеску занимал антикоммунистические позиции, и под давлением СССР король Михай заменил его на П. Грозу в марте 1945 г. При сочувственном отношении нового премьера коммунистам удалось значительно усилить свое влияние в стране, при этом их отношение к оппозиции отличалось жесткостью. Попытка короля сместить Грозу, предпринятая в августе 1946 г., ни к чему не привела. В этот период коммунисты имели достаточно высокую популярность у населения и опирались на его поддержку. Этому способствовал и возврат Трансильвании, которая во время войны была присоединена к Венгрии, и проведенная земельная реформа.

В феврале 1946 г. США и Великобритания признали правительство П. Грозы, расширенное за счет нескольких представителей буржуазной оппозиции.

В ноябре 1946 г. на прошедших выборах (также фальсифицированных, по мнению оппозиции) Национальный фронт, в котором преобладали коммунисты, получил 347 из 383 мандатов. Это способствовало установлению единовластия коммунистов. В декабре 1947 г. в результате оказанного давления король Михай отрекся от престола и покинул страну. Была провозглашена Румынская Народная Республика.

В Венгрии на выборах в ноябре 1945 г. Партия мелких сельских хозяев получила 57% голосов, а за коммунистов проголосовало всего 17% избирателей. Эти результаты объяснялись, в числе прочего, слабостью позиций коммунистов в Венгрии¹.

Земельная реформа, инициированная коммунистами, укрепила их авторитет, что позволило им вести более активную борьбу с политическими противниками. В 1947 г. под давлением со стороны левых подал в отставку премьер-министр Ф. Надь. Новые выборы, прошедшие в августе того же года, принесли победу левой коалиции (60% голосов, 22 из которых получили коммунисты). Партия мелких сельских хозяев распалась в результате кризиса, вызванного обвинениями в ее адрес. Слияние социалистов с коммунистами в июне 1948 г. предопределило дальнейшие успехи левых сил. В августе 1949 г. была провозглашена Народная Республика.

Несколько по-иному развивалась ситуация в Чехословакии. Выборы в мае 1946 г. дали коммунистам, активно участвовавшим в сопротивлении гитлеровскому режиму, 114 из 300 мест в парламенте. Было сформировано коалиционное правительство во главе с коммунистом К. Готвальдом. Большим авторитетом в стране пользовались президент Э. Бенеш, известный как правый социалист, и министр иностранных дел Я. Масарик, придерживающийся прозападной ориентации.

¹ Результаты выборов в оккупированной советскими войсками Венгрии, где коммунисты оказались в меньшинстве, косвенно свидетельствуют в пользу справедливости выборов в Болгарии и Румынии, в которых ситуация была во многом аналогичной.

Правительство опиралось на широкие слои населения, одобрявшего социальные реформы. Когда американцы предложили Европе «план Маршалла», руководители Чехословакии приняли единогласное решение направить своих представителей в Париж. Они были вынуждены пересмотреть свою позицию через несколько дней, когда чехословацкая делегация услышала от Сталина в Москве, что присоединение к «плану Маршалла» будет рассматриваться СССР как враждебное действие, противоречащее чехословацко-советскому союзу. Чехословакия все больше втягивалась в орбиту советской политики.

Жесткость американской администрации тоже сыграла свою негативную роль: так, США отказывались предоставить Чехословакии заем, пока в ее правительстве будут коммунисты, а осенью 1947 г., после неурожая, дали отрицательный ответ на просьбу о помощи, в то время как Советский Союз экстренно поставил в страну 600 тыс. т зерна.

К концу 1947 г. отношения между коммунистами и их оппонентами в чехословацком правительстве значительно обострились. В феврале 1948 г. правые министры коллективно подали в отставку, намереваясь таким образом вызвать правительственный кризис. В результате досрочных выборов имелась возможность сформировать полностью некоммунистическое правительство, но этот план не удался, так как Масарик и министры — члены социал-демократической партии его не поддерживали. Из 26 членов кабинета 14 остались на своих постах. В парламенте левые сохраняли незначительное большинство. В стране прошли массовые демонстрации в поддержку правительства. В итоге позиции коммунистов лишь усилились. В мае состоялись выборы, но избиратели могли голосовать только за единые списки Национального фронта, в котором преобладали коммунисты.

На Западе происшедшее сочли государственным переворотом, режиссером которого называли Советский Союз. Доказательств этому нет. Действия коммунистической партии Чехословакии объяснялись обычным инстинктом политического самосохранения, нежеланием уступать правым силам власть в государстве, успех же был предрешен массовой под-

держкой рабочих и крестьян, а также сильными позициями коммунистов в армии и профсоюзах.

Ситуация в Польше была особой. Для Советского Союза это государство имело большое значение — и как ближайший сосед, и как оборонная зона в случае новой войны с Германией. В то же время в силу ряда причин, в том числе исторического характера, значительное число поляков было подвержено антироссийским, антикоммунистическим настроениям. Политические деятели эмигрантского, лондонского правительства в течение всей войны неоднократно демонстрировали неприязненное, если не сказать враждебное отношение к СССР, а их влияние в стране было существенным. Другой значительной силой являлись коммунисты во главе с Б. Берутом и В. Гомулкой, опирающиеся на созданную в Советском Союзе польскую армию генерала З. Берлинга.

Поэтому свободные выборы в Польше, обещанные Сталиным на Потсдамской конференции, могли дать самые противоречивые результаты и привести к формированию весьма и весьма неоднородного правительства. В СССР существовали опасения, что такое польское правительство не захочет признать новые советско-польские границы и потребует вернуть западные области Украины и Белоруссии.

В этих условиях состоялись выборы 19 января 1947 г. Западные и современные польские исследователи почти единодушно считают их фальсифицированными. Укрепившие свое положение коммунисты развернули борьбу с буржуазной оппозицией, некоторые источники говорят о 100 тыс. человек, заключенных в тюрьмы по политическим мотивам. Лидер оппозиции С. Миколайчик в октябре бежал из страны. И все же Польша по-прежнему вызывала беспокойство у советского руководства. Видимо, этим обстоятельством объясняется состоявшееся в ноябре 1949 г. назначение Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (поляка по национальности) министром обороны и заместителем председателя польского правительства, а также избрание его членом политбюро Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

Но было бы ошибкой считать, что Польша слепо следовала модели развития СССР и неукоснительно соблюдала все совет-

ские рекомендации. Гомулка пытался вести страну собственным (хотя и в фарватере могущественного соседа) курсом, экономическая и политическая жизнь Польши имела принципиальные особенности, поддерживались экономические связи с Западной Европой.

В Югославии после освобождения страны от немецкой оккупации позиции коммунистической партии, возглавляемой Иосипом Броз Тито, были очень сильны. Это объяснялось прежде всего той огромной ролью, которую сыграла партия в борьбе с захватчиками. Под влиянием Запада Тито в марте 1945 г. пошел на включение в состав правительства пятерых министров, представляющих другие политические силы. Однако уже в октябре того же года их вынудили сложить свои полномочия. Выборы, проходившие 11 ноября 1945 г., бойкотировались правыми партиями, что только способствовало тому, что Народный фронт получил 96% голосов. Тито являлся сильным и достаточно независимым лидером, и это, наряду с причинами политического, а возможно, и личного характера (Сталин — Тито), привело в 1948 г. к открытому разрыву между Югославией и Советским Союзом.

Говоря в целом о положении в государствах Восточной Европы в первые послевоенные годы, следует особо отметить, что изменения, произошедшие в этих странах, были обусловлены, в первую очередь, внутренними, местными причинами и лишь потом они могут быть объяснены с точки зрения воздействия внешних сил.

Отдельного разговора заслуживает экономическая сторона противоборства. У советского руководства первоначально существовали определенные надежды на послевоенное сотрудничество с Западом, тем более что необходимость экономической помощи для восстановления разрушенного войной хозяйства была крайне велика.

В январе 1945 г. В.М. Молотов официально поднимает вопрос о предоставлении Соединенными Штатами кредита СССР в размере 6 млрд долларов. Однако Ф. Рузвельт не стал форсировать решение этой проблемы, ожидая, видимо, развития ситуации и новых советских инициатив. И.В. Сталин, в свою очередь, ни в Ялте, ни во время переговоров с Г. Гопкинсом, ни

в Потсдаме не поднимал тему займа. Вновь это предложение было выдвинуто лишь в августе, когда политическая атмосфера стала иной. На этот раз (по утверждениям американской стороны) необходимые документы затерялись и были найдены только в марте 1946 г. Советскому руководству поверить в такую причину задержки решения вопроса было очень сложно.

В своих интервью западной печати Сталин открыто проявлял заинтересованность в проекте кредита всякий раз, когда об этом заходила речь. При этом он ясно понимал, что за такой кредит пришлось бы заплатить политическими уступками; в беседе с А. Гарриманом он выразил надежду, что «стороны встретятся на половине пути». Полностью отвергались лишь неприемлемые условия, подобные требованию полного ухода из Восточной Европы¹. Даже в апреле 1947 г. во время встречи с государственным секретарем США Маршаллом Сталин еще поднимал тему займа, в частности заметив, что советская просьба о кредите остается без ответа в течение двух лет.

Другой формой возможной экономической помощи США был ленд-лиз. Соответствующие переговоры велись еще в 1944 г. Но в мае 1945 г. Россия, также как и Великобритания, лишается поставок по ленд-лизу. Это решение Трумэна Сталин в беседе с Гопкинсом охарактеризовал как «неудачное и даже грубое», добавив при этом, что если «целью было оказать давление на русских, чтобы сделать их более податливыми, то это серьезная ошибка» [3].

Третьей возможной формой были репарации с Германии. Сталин требовал для СССР в Ялте 10 млрд долларов, что было оправдано огромными человеческими жертвами и колоссальными материальными потерями, понесенными Советским Союзом в ходе войны. Англичане оспаривали сумму репараций. Рузвельт, по существу соглашаясь с Черчиллем, старался отложить решение вопроса. В результате советская цифра была принята лишь в качестве основы для обсуждения. В дальнейшем правительство США отказалось поддержать сумму репарационных требований СССР. Некоторые американские источники утверждают, что именно из-за репараций произошел первый

¹ *Harriman W.A. and Abel E. Op. cit. P. 533–534.*

*И.В. Сталин
и Г. Гопкинс*

разрыв между союзниками. Реально Советский Союз мог получать репарации только из своей зоны оккупации, но он не получил почти ничего из западных зон. Во время обсуждения мирных договоров с бывшими союзниками Германии западная сторона вообще оспаривала уместность требований Москвы о возмещении ущерба, предъявленных Румынии и Финляндии, что вызвало резкую ответную реакцию.

Таким образом, надежды на существенную помощь Запада в послевоенном восстановлении по всем трем направлениям натолкнулись на непреодолимые препятствия, что дало советскому руководству новые основания для подозрений.

Война породила огромные диспропорции экономического характера. Неравенство, сложившееся в послевоенном мире между еще более разбогатевшей Америкой и обнищавшей Европой, было столь велико, что представляло собой потенциальную опасность для всех без исключения стран. В тех же США всерьез рассматривалась тема возможного экономического кризиса, который мог с большой вероятностью сменить бум военных лет. В этих условиях 5 июня 1947 г. американский

государственный секретарь Дж. Маршалл, выступая в Гарвардском университете, выдвинул идею выделения значительных финансовых ресурсов на восстановление европейских стран (впоследствии эта инициатива стала известна как «план Маршалла»). Средства должны были предоставляться частями в течение ряда лет, при этом подразумевалось, что европейские государства должны были изыскать и собственные внутренние ресурсы. Правительства Великобритании и Франции приняли план с энтузиазмом. Первые оценки СССР были осторожными и даже критическими. В официальном правительственном заявлении говорилось о том, что СССР пока получает информацию только из газет, а этого недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы. «Если речь идет действительно о серьезных экономических мероприятиях, — то не может быть сомнения, что народы всех европейских стран и их правительства поддержат эти мероприятия» [2, с. 281].

Советский посол СССР в США Н.В. Новиков, оценивая выступление Маршалла, писал в Москву, что в предложении американцев «отчетливо вырисовываются контуры направленного против СССР западно-европейского блока» [4].

17–18 июня в Париже состоялась встреча министров иностранных дел Англии и Франции — Э. Бевина и Ж. Бидо, на которой, в частности, было подчеркнуто, что создание специальной организации для рассмотрения «плана Маршалла» возможно только с привлечением СССР. Временному поверенному в делах СССР во Франции были вручены ноты МИД этих стран. При этом Э. Бевин особо отметил, что без поддержки и сотрудничества с СССР остальные державы не справятся с задачей экономического возрождения Европы.

Советское правительство согласилось участвовать в парижском совещании министров иностранных дел, эта встреча состоялась 27 июня — 2 июля 1947 г. В ходе переговоров Молотов признал, что восстановление Европы будет серьезно облегчено, если Америка окажет ей помощь. Но при этом он выдвинул два условия. Первое — страна, которой предоставляется помощь, должна иметь возможность самостоятельно и независимо определять свои потребности в ней и форму ее оказания. Эти пожелания должны согласовываться в рамках

общей программы, но выбор соответствующей внутренней экономической политики должен быть свободным. И второе — подход к различным странам (члены АГК, нейтральные государства, бывшие противники АГК) должен быть дифференцированным. Особенно важно это было применительно к Германии, так как связанные с ней вопросы еще не были решены окончательно, в частности открытой оставалась проблема репараций. Надо сказать, что такая точка зрения в целом соответствовала духу и логике союзнических соглашений, заключенных в ходе войны.

Ни одно из этих условий не было принято во внимание Бевингом и Бидо, которые заявили, что на таких условиях американская финансовая помощь представлена не будет. Молотов информировал Сталина о коренном расхождении советской и англо-французской позиций и резюмировал, что, несмотря на это, Великобритания и Франция будут осуществлять свой план сепаратно. Практически английский и французский министры лишь настаивали на утверждении общего плана, не идя ни на какие компромиссы. Спустя несколько дней Молотов ответил официальным отказом на англо-французский план и покинул Париж. Объективно это придало новый импульс процессу разделения мира на два противоборствующих лагеря.

Из воспоминаний Г. Трумэна и Дж. Кеннана стало известно, что американская инициатива действительно была предназначена в том числе для борьбы с коммунизмом и с СССР, она заранее была спланирована так, чтобы исключить Советский Союз или поставить его в такие условия, когда он вынужден будет сам отказаться от участия¹. Советской стороне эти мотивы были ясны. Там, в комментарии «Правды» к Парижской встрече говорилось: «Создалось впечатление, что организаторы конференции заранее решили вести дело к разрыву для того, чтобы получить свободу рук»².

И все же принимая отрицательное решение, советское руководство испытывало колебания. Этим объясняются противоречивые указания, направленные в адрес коммунистических

¹ *Truman H.S. Memorie. V. 2. P. 139–142.*

² Правда. 1947. 6 июля.

и рабочих партий Восточной Европы по поводу участия в новом совещании в Париже по «плану Маршалла» (первоначально рекомендовалось участвовать, затем — подождать с ответом и, наконец, — отказаться). В итоге в Советском Союзе пришли к выводу, что «план Маршалла» подрывает его политику в Европе, закрывает тему займа и репараций, уравнивает вчерашних союзников и вчерашних врагов. В значительной степени это был верный вывод. Для СССР не оставалось ничего другого, кроме как выбирать между признанием гегемонии США, на что уже согласилась Западная Европа, и риском противоборства с ней. Выбор Сталина за Советский Союз и государства Восточной Европы был сделан в пользу второго варианта¹.

2 апреля 1948 г. конгресс США принял Закон № 472 о помощи иностранным государствам, в котором излагались цели, задачи, принципы и условия предоставления займов, кредитов, субсидий и содержались положения, направленные на ограничение торговли со странами, не являющимися участниками плана. А в законе о дополнительных и чрезвычайных ассигнованиях указывалось, что если государства — участники «плана Маршалла» будут продавать Советскому Союзу товары, которые могли бы использоваться в ущерб обороне США (а список был весьма широким), то помощь им будет прекращена.

Одним из авторов «плана Маршалла» был Джордж Кеннан, считающийся одним из ведущих американских экспертов по СССР. 22 февраля 1946 г. в качестве временного поверенного в делах США в Советском Союзе он отправляет в Вашингтон документ, получивший впоследствии известность как «длинная телеграмма Кеннана». Летом 1947 г. в журнале «Форин афферс» появляется статья «Источники советского поведения», принадлежащая перу Кеннана и подписанная псевдонимом «Х». В ней практически повторялись основные положения «длинной теле-

¹ Забегая вперед, следует заметить, что отказ СССР и стран Восточной Европы участвовать в «плана Маршалла» предопределил их последующее экономическое объединение. В этом смысле создание Совета Экономической Взаимопомощи было весьма логичным шагом. В принятом по этому поводу коммюнике подчеркивалось, что одной из причин образования СЭВ явился «бойкот со стороны США, Великобритании и некоторых других государств Запада торговых отношений с СССР и странами Восточной Европы, вызванный их неподчинением условиям «плана Маршалла».

граммы». Несмотря на то что позже автор критически пересмотрел излагаемые в ней позиции, влияние этого документа как на официальные круги, так и на американское общественное мнение оказалось огромным. Кеннан изложил суть политики «сдерживания коммунизма и советского влияния». Он писал, что Соединенные Штаты не должны «ограничиваться удержанием своих позиций». Оказывая на СССР жесткое давление, они могли бы обострить присущие советской системе противоречия и привести в действие такие механизмы, которые способны вызвать ее «ослабление» или «крах»¹.

Ознакомившись с докладом Кеннана, Трумэн поручил своему советнику К. Клиффорду дать оценку этому документу. После консультации с Д. Ачесоном, Дж. Форрестолом, Дж. Маршаллом, А. Гарриманом и другими Клиффорд представил президенту меморандум, в котором отмечалось, что с Советским Союзом следует разговаривать «языком военной силы» [6].

27 сентября 1946 г. советский посол в США Н.В. Новиков направляет в МИД аналитический обзор «Внешняя политика США в послевоенный период». Если Кеннан главную опасность для США видел в подрывной деятельности компартии и сторонников коммунизма вообще, то для Новикова суть внешней политики США воплощалась в создании глобальной системы военных баз, а цель определялась «стремлением к мировому господству». При этом с некоторыми оговорками общая картина мира также рисовалась в черно-белых тонах: по одну сторону — силы добра, по другую — зла. В заключение в обзоре говорилось: «Следует вполне отдавать себе отчет в том, что подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству. Об этом говорят такие факты, как тактическое обучение американской армии к войне с СССР как с будущим противником, расположение американских баз в районах, откуда можно наносить удары по советской территории, усиленное изучение и укрепление арктических районов как ближних подступов к СССР и попытки подготовить почву

¹ См. [5], а также приложение 2.

в Германии и Японии для использования их в войне против СССР» [7].

Новые противоречия между СССР и Западом проявились при подготовке договоров с бывшими союзниками Германии в Европе — Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией. Многие факты убеждают в том, что США пытались использовать мирные договоры с государствами Центральной и Юго-Восточной Европы для вмешательства во внутренние дела этих стран и срыва происходящих там просоветских преобразований.

Парижская мирная конференция, проходившая в 1946 г., одобрила в основном проекты мирных договоров, и 10 февраля 1947 г. они были подписаны. Восстанавливались довоенные границы европейских государств с некоторыми изменениями: Италия, например, полностью отказывалась от территориальных владений в Африке. Бывшие союзники Германии обязывались обеспечить демократические свободы, запретить фашистские организации, привлечь к суду военных преступников.

Одной из важнейших задач послевоенного устройства мира являлось урегулирование германской проблемы. Исходя из решений Крымской и Потсдамской конференций, СССР предложил создать общегерманское правительство, заключить с ним мирный договор и вывести из Германии все иностранные войска. Но США предпочли путь раскола Германии и создания западногерманского государства.

Не желая признать объективный характер происходивших в мире изменений, рассматривая их как угрозу, США и их союзники активизировали политику холодной войны, начали формирование военно-политических блоков, организовывали экспорт контрреволюции, широко использовали невоенные средства для установления лояльных им режимов.

В 1948 г. по «плану Маршалла» американская помощь, за которую надо было платить суверенитетом, была предоставлена 16 странам Европы. Вмешательство США во внутренние дела этих стран имело главной целью ослабление там демократического, но при этом левого движения, а также создание экономической основы проамериканского военного блока.

3.2. Идеологическое и доктринальное оформление холодной войны

Война — это не просто кто кого перестреляет. Война — это кто кого передумает.

Борис Васильев («А зори здесь тихие»)

В США холодная война стала приобретать доктринальное оформление сразу по окончании Второй мировой войны.

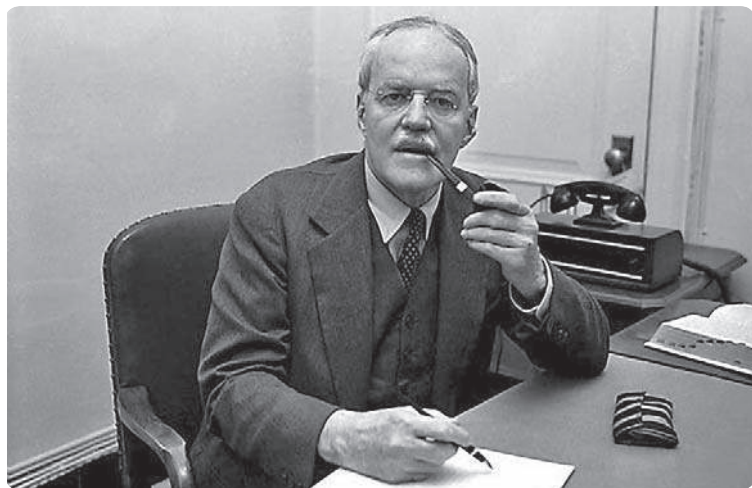
По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, важные решения по вопросу отношений с СССР были приняты 15 апреля 1945 г. на совещании у президента США Г. Трумэна, где будто бы изложил свои знаменитые тезисы Аллен Даллес. Историческая достоверность приведенной ниже цитаты сомнительна, ее англоязычная версия неизвестна, а литературность, что называется, бросается в глаза, вызывая в памяти роман А.С. Иванова «Вечный зов» (впервые опубликован в 1971 г.). По одной из версий, так называемый план Даллеса — это своего рода пересказ реального документа, поступившего в СССР в конце 40-х гг. по разведывательным каналам. Интересно, что основные тезисы «плана Даллеса» явно перекликаются с содержанием и конкретными формулировками Меморандума 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 г.¹, речь о котором пойдет ниже. Главным же образом мы приводим текст «плана», поскольку в нем точно названы многие приемы, методы и цели холодной войны, успешно реализованные в отношении нашей страны на практике.

«Кончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа,

¹ См. приложение 7.

Аллен Даллес

окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный

страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем выбрасывать духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, вытравливать этот ленинский фанатизм. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы и сделаем» [8].

18 июня 1948 г. Совет национальной безопасности США принял директиву NSC 10/2 «Об отделе специальных проектов» (впервые опубликована в 1978 г.). Данная директива конкретизировала роль Центрального разведывательного управления как специального государственного органа для подрыва государственного строя других стран, в первую очередь Советского Союза.

В соответствии с этим документом в составе ЦРУ было сформировано специальное подразделение для ведения подрывной работы — управление по координации политических действий (УКП)¹. Деятельность этой структуры предполагала проведение скоординированных пропагандистских кампаний в СМИ, поддержку оппозиционных движений в странах Восточной Европы, создание «антикоммунистических» организаций для организации саботажа, диверсий и разведки на случай войны и др. [9]. К 1952 г. отделения УКП существовали в 47 странах.

В директиве NSC 10/2 было дано определение подрывной деятельности:

«Под термином «тайные операции», употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности, которые проводятся или одобряются правительством

¹ В 1952 г. УКП было преобразовано в Управление планов. Его руководителем в ранге первого заместителя директора ЦРУ стал А. Даллес.

США против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник — правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению Сопrotивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входит вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций» [10].

Кроме этого директива NSC 10/2 вводила в арсенал официальной американской политики концепцию «правдоподобного отрицания», обосновывавшую возможность и необходимость публичного сообщения заведомо ложных данных.

Наиболее полно цели новой политики и стратегии США были изложены в уже упомянутом Меморандуме Совета Национальной Безопасности № 20/1 от 18 августа 1948 г.

Этот документ устанавливал две основные цели в отношении Советского Союза: 1) сокращение мощи и влияния СССР до тех пределов, когда они более не будут угрожать международной стабильности в американском ее понимании; 2) достижение фундаментальных перемен в теории и практике международных отношений советского правительства. В документе подчеркивалась разница между Советским Союзом и международным коммунистическим движением и рассматривалась возможность установления раскола между ними как средство достижения политических целей США. В меморандуме делался акцент на желательности достижения результатов «политики сдерживания» невоенными средствами, хотя и признавалась возможность обычной войны, ненамеренно или умышленно.

23 ноября 1948 г. президент Г. Трумэн утвердил директиву NSC 20/4 «Задачи США по сдерживанию угроз безопасности США, исходящих от СССР». В документе утверждалось: «Возможности СССР и их усиление, обозначенные в данном документе, приведут к общему увеличению мощи СССР по отношению к США и западным демократическим державам. Этого можно избежать путем:

а) успешного осуществления программы восстановления Европы;

б) развития западноевропейского союза и его поддержки со стороны США;

в) увеличения эффективности военных институтов США, Великобритании и других союзных государств;

г) усиления внутренних противоречий в СССР и разногласий между СССР и его союзниками»¹.

Еще одним важным правительственным документом, нацеливающим спецслужбы США на подрыв политического строя в Советском Союзе и «странах народной демократии», стала директива NSC 58 «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе», утвержденная СНБ 14 сентября 1949 г. Она ставила задачу «найти способы ослабления и последующего прекращения господства СССР над Албанией, Болгарией, Чехословакией, Венгрией, Польшей и Румынией». В разделе «Урок Тито» отмечалось, что югославский лидер И. Тито «отказался обслуживать интересы Кремля», и этот пример надо постараться распространить на все восточноевропейские страны. В разделе «Возможности, открытые для США» особо подчеркивалось, что из двух возможных способов «устранения советской власти в государствах-сателлитах»: а) с помощью войны и б) с помощью балансирования на грани войны — второй способ представляется наиболее предпочтительным.

Итоговые выводы директивы представляют собой конкретную программу действий по дестабилизации и разрушению советского блока. Вот некоторые пункты этой программы:

«46. Наша основная задача в отношении государств-сателлитов — это планомерное ослабление и последующее пре-

¹ Полный текст директивы см. в приложении 7.

крашение влияния СССР в Восточной Европе мирными средствами.

47. Мы должны пытаться добиться поставленной задачи путем усиления разногласий в рядах коммунистов, в частности в государствах-сателлитах, стимулировать появление несталинских режимов в качестве временных, даже если они и будут коммунистическими по своей сути.

48. Однако нашей основной целью должно быть установление не тоталитарных режимов, готовых стать участниками свободного мирового сообщества, основываясь на принципах доверия.

49. Более того, принимая во внимание все то, что сказано в данном документе, мы должны:

а) Пытаться добиться вывода советских войск на территорию СССР.

б) Стремиться выдворить сталинистов из партий и из общественных организаций государств-сателлитов, что приведет к их ослаблению.

в) Подвергать сомнению сталинскую догму о зависимости государств-сателлитов от СССР и способствовать развитию чувства национального достоинства.

г) Использовать в отношениях с сателлитами всевозможные средства экономического давления.

50. Правительственные структуры должны начать тактическое планирование и осуществление вышеуказанных планов в соответствии со стратегической концепцией, намеченной в данном документе»¹.

30 сентября 1950 г. президент США Г. Трумэн утвердил директиву NSC 68 «Задачи и программы национальной безопасности США», фактически сменившую NSC 20/4 и послужившую долговременной основой американской политики в отношении СССР и его союзников. Главная цель США, говорилось в ней, — «сеять семена разрушения внутри советской системы». «Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и раз-

¹ Полный текст директивы см.: Главный противник. Документы... С. 221–234.

рушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах»¹.

«Цели свободного общества определяются его основными ценностями и необходимостью поддержать материальное окружение, в котором они процветают...

1. Мы должны быть сильными в утверждении наших ценностей в нашей национальной жизни и в развитии нашей военной и экономической мощи.

2. Мы должны руководить строительством успешно функционирующей политической и экономической системы свободного мира...

3. Но помимо утверждения наших ценностей наша политика и действия должны быть таковы, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля — первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества...

Победу наверняка обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением моральной и материальной силы свободного мира и перенесением ее в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы».

«Величайшая уязвимость Кремля заключена в самом характере отношений с советским народом. Эти отношения характеризуются всеобщей подозрительностью, страхом и репрессиями... Отношение Кремля со своими сателлитами и их народами — другое самое уязвимое место.

Для нас практически осуществимый курс — содействовать процессу отделения сателлитов. Как бы они не представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это никакой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советско-

¹ Там же. С. 378–452.

му престижу, ссора будет происходить между Кремлем и коммунистической реформацией.

1. Положить конец дальнейшей экспансии советской мощи.
2. Разоблачить ложь советских претензий.
3. Сократить зону контроля и влияния Кремля.
4. В целом возвращать семена разрушения внутри советской системы с тем, чтобы заставить Кремль изменить, по крайней мере, свою политику в соответствии с общепринятым международным стандартом».

Интересен документ «Психологическое наступление против СССР. Цели и задачи», датированный 10 апреля 1951 г. В нем говорилось: «При определении этих целей и задач, безусловно, предполагается указать советскому народу, что есть альтернатива существующему режиму: в задачу Соединенных Штатов не входит указывать ее конкретно. Следовательно, мы не будем выдвигать предложений по определенным вопросам (коллективизация, демократические выборы и т.д.) без получения на это особых политических указаний. Однако во всей нашей пропаганде должно подразумеваться, что конечное решение лежит в восстановлении прав человека, являющихся наследием русского народа... Нужно расширить разрыв, существующий между советским народом и его правителями.

Задача № 1. Вскрыть и развивать духовные ценности, моральные и этические концепции советского народа, особенно русских, и установить идентичность этих ценностей с ценностями свободного мира. Предлагаемая тематика:

а) Правдивость, сострадание, щедрость, любовь к семье, гостеприимство — вот некоторые ценности, дорогие советскому народу, все это производное от их духовной жизни. Это общее достояние с народами свободного мира, но оно презирается правителями СССР.

б) Исторический вклад русских в различных творческих сферах свободного мира: философии, искусстве и науке — всегда признавался и уважался.

в) Изучение классической русской литературы, политической философии и этики показывает: Россия разделяла и на-

ходила под влиянием творческих социальных и культурных сил, которые развивал Запад. Политические и этические идеалы русского народа в основе такие же, как на Западе, ибо они проистекают из тех же духовных источников, они извращены в коммунистическом государстве, но не умерли. Предостережение: мы не должны перебарщивать, говоря о западном влиянии, и не производить впечатления говорящих свысока.

г) Русская семья основывается на любви, доверии, взаимопомощи и уважении к правам других. Это ценности, общие со свободным миром.

д) То, за что советские люди сражались в годы революции, — мир, свобода и хорошая жизнь для всех, является основными концепциями, общими со свободным миром. Эти концепции ежедневно осуществляются в политической жизни свободного мира.

е) Заверить русский народ, что свободный мир не вынашивал никаких замыслов ни против них, ни против их страны, а лишь добивается для них свободы и процветания в дружественном и сотрудничающем мире.

Задача № 2. Создать благоприятное впечатление о США:

а) США миролюбивы, уважают суверенитет и независимость народов и государств;

б) американцы проводят различие между советским народом и его правительством;

в) США никогда не воевали в России;

г) США помогали советскому народу во Второй мировой войне еще до вступления США в войну с Германией;

д) США продолжали помогать народу СССР даже после завершения боевых действий во Второй мировой войне;

е) американцы предоставили свои знания и опыт при строительстве промышленности в СССР;

ж) любовь к технике и науке в повседневной жизни общи для народов СССР и США;

з) наши страны велики, и мы строим смелые планы;

и) у нас общий дух пионеров;

к) в США живут многие тысячи людей русского и украинского происхождения, которые оказывают существенное влияние на американскую жизнь;

л) русская и украинская народная музыка, музыка их композиторов (включая советских) очень часто исполняются в США; многие наши выдающиеся музыканты русского происхождения;

м) романы русских писателей очень популярны в США и в свободном мире, во всех главных университетах изучают русскую литературу. *Примечание.* Нужно рецензировать новые биографии русских писателей и исследования по русской литературе, даже если в них нет политического содержания;

н) народы США и свободного мира знают о мужестве, энергии и чаяниях советских людей, многие американцы выражали публично восхищение этими качествами;

о) США помогают всем народам, где только могут, независимо от того, согласны они или нет с политикой США;

п) в американском театре все еще изучают систему Станиславского и не делается никаких попыток скрыть ее русское происхождение;

р) правительство США, многие частные организации и отдельные лица пытались установить культурные, научные и технические обмены с СССР;

с) о сущности Америки и свободного мира, об основных идеалах, которые мы разделяем с советским народом, дает представление американская и другая западная литература, имеющаяся в СССР: Джон Стейнбек, Эптон Синклер, Марк Твен, Джек Лондон, Чарльз Диккенс и т.д. Хотя некоторые из этих книг принадлежат к направлению «социального протеста», они показывают демократическую веру в социальный прогресс в действии».

10 октября 1951 г. президент США Г. Трумэн подписал принятый конгрессом закон «О взаимном обеспечении безопасности». Закон устанавливал ежегодное ассигнование 100 млн долларов на подрывную деятельность против СССР и других соцстран, конкретно — для оплаты «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании... или лиц, бежавших из этих стран, либо для объединения их в подразделения вооруженных сил, поддерживающих Организацию Североатлантического договора, либо для других целей». А 20 июня 1952 г. конгресс США принял новый закон,

разрешавший американским спецслужбам использовать для финансирования подрывной деятельности против СССР и стран восточного блока «любые дополнительные суммы за счет средств, отпущенных на мероприятия Североатлантического альянса» [11].

В 1953 г. новая администрация президента Д. Эйзенхауэра приняла доктрину «стратегического сдерживания» СССР. Новым директором ЦРУ становится А. Даллес, а его брат Д. Даллес занимает пост государственного секретаря США. 27 января в своем первом программном выступлении в этом качестве он заявил, что «угнетенные» восточноевропейские народы могут рассчитывать на американскую помощь. В циркуляре от 6 марта 1953 г., подписанном Д. Даллесом, подчеркивалось: «Нашей главной целью остается сеять сомнения, смятение, неуверенность в отношении нового режима не только среди правящих кругов и народных масс в СССР и странах-сателлитах, но и среди коммунистических партий вне пределов Советского Союза».

В мае 1953 г. США реализовали идею создания на базе антисоветской эмиграции «парамилитарных сил», которые получили название «Добровольных корпусов свободы» («Volunteer Freedom Corps» — VFC) [12]. Президент одобрил формирование VFC, подписав тогда же директиву NSC 143/2 [13].

30 октября 1953 г. Эйзенхауэр одобрил директиву СНБ NSC 162/2, в которой были изложены базовые принципы новой доктрины национальной безопасности, получившей название «новый взгляд». В соответствии со стратегической доктриной «ядерного сдерживания» ядерные силы становились основой национальной обороны США, а оптимальным способом предотвращения «советской агрессии» признавался немедленный массированный ответный удар с применением атомного оружия (доктрина «массированного возмездия»).

В конце 1954 г. была принята директива NSC 5201, рекомендовавшая побуждать восточноевропейские режимы к самостоятельному выходу из-под советского доминирования [14].

Особое внимание администрация Эйзенхауэра продолжала уделять вопросам подготовки и обеспечения «информационно-психологической войны» [15]. Так, весной 1955 г. СНБ США разработал так называемый Новый план нанесения пораже-

ния коммунизму. К этому времени тайная война, которую вели США против социалистических стран, достигла большого размаха. Кроме различных радиокомитетов типа «Голоса Америки», радио «Освобождение», радио «Свободная Европа» и других, на американские правительственные средства по линии ЦРУ была создана широкая сеть специальных центров и школ, целью которых являлась не только подрывная пропаганда, но также разведывательная и диверсионная деятельность.

Вот выдержки из этого документа, касающиеся, что называется, постановки задач:

«1. Поддерживать во всей советской империи дух сопротивления и всемерно подогревать надежду на освобождение и обретение суверенитета...

2. Рассеивать горькое чувство изолированности, какое испытывают все внутренние враги Кремля, путем доведения до их сознания того факта, что, подобно революционерам в старое, царское время, они тоже имеют преданных друзей и сильных союзников за пределами их родины...

3. Усиливать всеми возможными путями и средствами неуверенность советских властей в преданности своего народа...

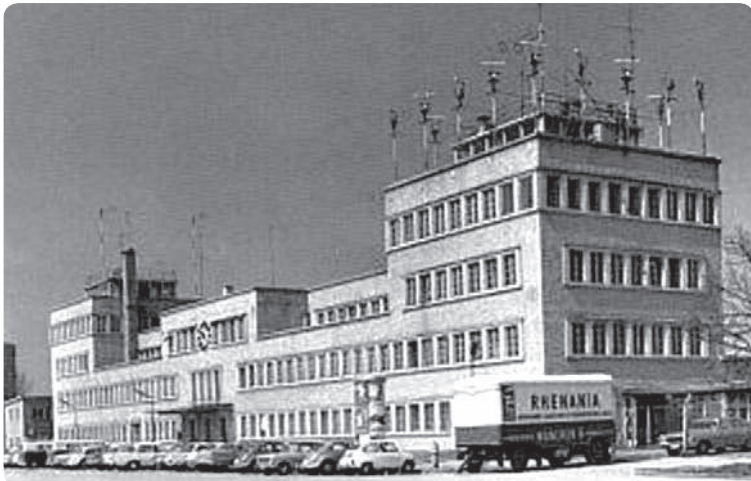
4. Обеспечивать как моральную, так и материальную поддержку (в том числе и квалифицированным руководством) всех оппозиционных и подпольных движений в странах-сателлитах, а также в Китае и в самой России.

5. Максимально использовать беженцев из советской зоны влияния...

6. Делать ставку на личные устремления тех людей, которые находятся под коммунистическим игом и мечтают... о сохранении права собственности на небольшие хозяйства и дома, о создании свободных профсоюзов, о свободе вероисповедания, передвижения, о возможности путешествовать и т.д.

7. Рассеивать ореол вечности и незыблемости, которым окружил себя коммунизм...» [16].

Директива СНБ 5412/2 предписывала: «Создать и использовать конфликтные ситуации для международного коммунизма, ослабить связи между СССР и коммунистическим Китаем, между ними и их сателлитами... Противодействовать любой угрозе со стороны партии или группы лиц, прямо или косвенно находящихся

Штаб-квартира радио «Свобода». Мюнхен, 1959 г.

под контролем коммунистов, если они станут играть решающую политическую роль в любой из стран свободного мира, в районах, контролируемых или находящихся под угрозой со стороны международного коммунизма. Развернуть подпольное сопротивление, содействовать тайным и повстанческим движениям» [17].

Таким образом, Соединенные Штаты вступили в холодную войну, имея цельную официальную идеологическую концепцию, в которой были определены не только конечные цели, но также средства и методы их достижения. Очевидно, что приведенные документы не были всего лишь «заявлениями о намерениях». Их положения реализовывались практически, что проявилось, в частности, в ряде внутривосточных кризисов в странах Восточного блока.

СССР в этом смысле оказался в заведомо проигрышном положении. Всякое отсутствие у него чего-то, подобного американским доктринальным документам, лишний раз доказывает, что в холодной войне он не был инициатором. Более того: советское руководство изначально не поняло, что Запад

готов сделать все, чтобы одержать победу именно невоенными средствами, обойдясь без прямого военного столкновения, издержки которого становились взаимно неприемлемыми после того, как СССР обрел ядерное оружие. Конечно, американцы и их союзники готовились и к обычной войне, в годы атомной монополии всерьез разрабатывали соответствующие планы, но начиная с конца 40-х гг. этот вариант быстро становится для них все более нежелательным.

Что же касается советского руководства, то оно, не поняв этой западной двойственности, готовилось только к настоящей, полноценной, да еще и ядерной войне, разумеется, даже не рассматривая СССР в качестве ее инициатора. Само по себе это не было ошибкой, но такой подход не являлся достаточным. В результате в битвах холодной войны, особенно после смерти Сталина, Москва практически всегда являлась отвечающей стороной, никогда не имея плана собственных долговременных действий. Отдельные полуисключения, вроде отправки ракет на Кубу, имели характер интуитивных импровизаций и были безнадежно испорчены все той же бесплановостью и хрущевским субъективизмом.

Могло ли быть иначе? Да, поскольку и материальные предпосылки, и общая идеологическая концепция для этого реально существовали.

В результате разгрома Германии и Японии Советский Союз вышел из войны в новой для себя роли лидера ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Восточной Азии. Возрос международный авторитет и престиж СССР, его влияние на мировое общественное развитие. Без непосредственного участия Советского Союза уже не могла решаться ни одна важная проблема международных отношений. Все это коренным образом изменяло расстановку военно-политических сил на международной арене, что подкреплялось соглашениями великих держав, достигнутыми в Тегеране (1943), Ялте и Потсдаме (1945), а также созданием ООН.

Советское руководство к окончанию Второй мировой войны подошло, руководствуясь теми же базовыми доктринальными установками, первоначальные наметки которых были сделаны еще при В.И. Ленине, а затем развиты и дополнены И.В. Сталиным. Их сущность определялась основными положениями

марксистско-ленинской теории и сводилась к четырем главным моментам:

1. Чередование социально-экономических формаций исторически предопределено, в результате чего на смену «загнивающему» и обреченному на гибель капитализму неминуемо должна прийти социалистическо-коммунистическая формация как итог развития человечества.

2. Единственно верной является такая методология, в основу которой положен классово-социальный подход ко всем явлениям международной жизни, базирующийся на марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы. С этим подходом связана ориентация на победу в конечном счете «мировой революции» и на ее поддержку Советским Союзом.

3. Внедрение в массовое сознание идеи об особой роли СССР в мировой истории и его особом мессианском предназначении, обусловленном тем, что коммунисты якобы обладают монопольным знанием, как устроить человеческое счастье на Земле и добиться всеобщего благополучия.

4. Пока существует империализм, войны на земном шаре неизбежны.

В военно-теоретической области господствовало марксистско-ленинское учение о войнах справедливых и несправедливых. Согласно ему, социализм ввиду своей классовой сущности — строй изначально миролюбивый. Но коммунисты (большевики), по словам И.В. Сталина, «не против всякой войны. Мы против империалистической войны как войны контрреволюционной. Но мы за освободительную, антиимпериалистическую, революционную войну». Развитием этой мысли в советской военной науке явился прочно утвердившийся тезис о том, что всякая война считается законной и справедливой, если она ведется во имя прогресса, за освобождение трудящихся масс от гнета капитала или во имя защиты революционных завоеваний социалистического государства. При этом справедливые войны, служащие политике передовых классов, ускоряют развитие всех сторон общественной жизни и являются важнейшим фактором исторического прогресса.

Военно-техническая сторона советской военной доктрины охватывала широкий круг вопросов военного строительства,

поддержания постоянной высокой боевой готовности Вооруженных Сил и способов ведения вооруженной борьбы. Будучи органически связанной с политической стороной военной доктрины и подчиненной ее требованиям, она подвергалась постоянным изменениям под воздействием ряда факторов. Важнейшим из них были качественные перемены в оснащении оружием и боевой техникой как собственных Вооруженных Сил, так и армий потенциального противника. Под воздействием этих изменений и происходил процесс совершенствования организации, подготовки, форм и способов использования Советских Вооруженных Сил в будущей войне.

Послевоенная советская доктрина предусматривала ведение решительных боевых действий против агрессора с использованием всей мощи страны и ее Вооруженных Сил и исходила из многообразия форм и способов решения военных задач в возможной войне. При этом советское военно-политическое руководство исходило из положения, согласно которому основным и решающим видом боевых действий, посредством которого достигается победа в бою, сражении и операции, является наступление.

Американцы испытывали острый интерес к доктринальным аспектам советской политики, восполняя недостаток достоверной информации вольными вариациями на данную тему. Так, в «длинной телеграмме Кеннана», о которой уже шла речь, были кратко охарактеризованы истоки и основные особенности послевоенного мировоззрения советского руководства и перспективы его поведения на будущее, так как это представлялось самому Кеннану. Он писал: «...мы имеем здесь дело с политической силой, фанатически приверженной мнению, что с США не может быть достигнут постоянный «модус вивенди», что является желательным и необходимым подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства с тем, чтобы обеспечить безопасность советской власти». Как видим, руководству СССР приписывались собственные взгляды и планы. И еще: получается, что тот же Кеннан и его адресаты принимали фразеологию Москвы за наличие у нее цельной программы действий.

Пропагандистские аспекты советской доктрины нашли косвенное выражение в докладе секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова на совещании представителей компартий, состоявшемся в Польше в сентябре 1947 г. Его выступление имело целью обосновать и доказать два основных тезиса:

1. Советский Союз «как носитель новой, более высокой общественной системы...» в своей внешней политике отражает чаяния всего передового человечества, которое «стремится к длительному миру и не может быть заинтересовано в новой войне, являющейся порождением империализма».

2. Американский империализм после окончания Второй мировой войны перешел «к агрессивному, откровенно экспансионистскому курсу». И хотя в докладе упоминалось о том, что «советская внешняя политика исходит из факта сосуществования на длительный период двух систем — капитализма и социализма», было ясно, что при такой заостренно антиамериканской постановке вопроса необходимы практические действия.

На совещании Информбюро компартий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. линия на идеологическую пикировку с Западом была продолжена и усилена. Секретарь ЦК ВКП(б) М.А. Сулов, начав свой доклад с того, что весь ход событий за последние два года «полностью подтвердил правильность оценки международной обстановки, данной первым Совещанием Информбюро», далее заявил: «Если на первом Совещании Информбюро говорилось о том, что США и Англия переходят к политике новых военных авантюр, то в настоящее время правящие круги Соединенных Штатов и Англии, возглавляющие империалистический лагерь, проводят политику агрессии, политику подготовки и развязывания новой войны».

Отношение к этой войне со стороны СССР практически в это же время было выражено и в докладе секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова «О 32-й годовщине Октябрьской революции» 6 ноября 1949 г. В нем он, в очередной раз провозгласив «незыблемую уверенность в том, что победа социализма и демократии во всем мире неизбежна», заявил: «...не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны, которая... явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма».

Г.М. Маленков

Во всех этих заявлениях было мало конкретики, но идеология вопроса отражалась достаточно ясно. Обе идеологии — как советская, так и американская — вели к конфронтации военно-экономических союзов и блоков. Вскоре после Потсдамской конференции окончательно обозначилась полярность интересов этих двух великих держав, что способствовало формированию враждебных военных блоков. Узко понимаемые национальные интересы в Вашингтоне и Москве привели к ликвидации структуры сложившегося во время войны сотрудничества. Открыто и все более остро развивалось «двухполюсное противоборство», возникшее как естественное продолжение предшествующих идеологических и политических конфронтационных тенденций и быстро приобретшее глобальный характер, поскольку проявлялось в том числе в стремлении Вашингтона и Москвы оказывать свое влияние на максимально большее число государств и в наращивании военной мощи.

Надо признать, что Москва была заинтересована прежде всего не в механическом доминировании в мире, а в обеспечении такого миропорядка, который бы исключил возможность нового вооруженного конфликта глобального масштаба и га-

рантировал условия безопасного развития СССР. Советский Союз в целом достаточно последовательно придерживался курса на выполнение согласованных в Ялте и Потсдаме решений и соблюдал вытекавшие из них обязательства. Правящие круги США, Англии и Франции, неверно оценив политику СССР, пошли по пути явного и скрытого нарушения международных соглашений, подписанных в годы войны.

В процессе холодной войны практически одновременно возникают «советология» (в США) и «американистика» (в СССР). Многочисленные научно-исследовательские государственные и частные (на Западе) научно-исследовательские учреждения играют роль своеобразных «мозговых центров». В их задачу входят изучение и анализ документов и фактов об экономической и социально-политической обстановке в стане противника и выработка соответствующих рекомендаций для руководства своих стран.

Среди ведущих американских научных центров особо выделялась «Rand Corporation». Эта организация родилась еще в годы Второй мировой войны. Очень скоро после войны она заняла среди других организаций едва ли не место лидера, выполняя многочисленные заказы по подготовке трудов по изучению СССР. Тематика выполняемых ею работ концентрировалась на внутреннем положении в СССР, советской внешней политике, военной доктрине. В последующем спектр исследований стал шире. Через «Rand Corporation» вышли в свет многочисленные издания, в том числе о советской военной доктрине, национальной политике, о тенденциях советской демографии, о военном искусстве, о развитии советской науки и техники и т.д. Кроме того, «Rand Corporation» регулярно организовывала международные конференции и симпозиумы. Возник ее специальный филиал — «Центр по изучению советского поведения на международной арене».

В первые послевоенные годы и в СССР советская «американистика» также обретает организационную структуру, полностью контролируемую советским военно-политическим руководством. Несколько позже (в 1967 г.) создается такой авторитетный исследовательский центр, как Институт США Академии наук (в последующем Институт США и Канады).

Разумеется, в возможностях двух противоположных по целям деятельности «мозговых центров» обнаружались общие моменты. Во многом совпадали и методы действий по защите национальных интересов. Были и, так сказать, частные различия. Поскольку Вашингтон поставил целью кардинально изменить сознание и психологию советских людей, а Москва должна была отразить эту специфическую внешнюю агрессию, то в СССР разрабатывались и реализовывались различные политические, идеологические и информационные контрмероприятия. Первоначально это было действенное и качественное «оружие». К сожалению, в конечном счете оно оказалось недостаточно эффективным.

3.3. Создание Западного союза и НАТО

*Нам не нужна война! Нам
нужен мир!! Причем весь!!!*
Неизвестный автор

В деле создания военно-политического союза стран Запада особую роль сыграла Великобритания. Английское руководство в первые послевоенные годы оказывало заметное влияние на страны Западной Европы и США, побуждая их к тесным союзническим отношениям. Соединенные Штаты со своей стороны также стремились активнее участвовать в европейских делах.

Практически сразу после окончания Второй мировой войны приоритетной военно-политической задачей для Лондона стало заключение союза с Францией, к которому впоследствии предполагалось привлечь Норвегию, Данию, государства Бенилюкса, Испанию и Португалию [18]. Однако в англо-французских отношениях того времени существовали две проблемы: ближневосточная, связанная с борьбой за влияние на Сирию и Ливан, и германская — Франция выступала за отделение от Германии Рура, Саара и Рейнской области, против чего возражала Великобритания. В течение 1946 г. эти проблемы были в основном урегулированы, и теперь ничто не мешало достижению согласия.

4 марта 1947 г. в Дюнкерке состоялось подписание англо-французского договора сроком на 50 лет. Формально он был направлен против угрозы новой германской агрессии и предусматривал военные обязательства сторон по оказанию друг другу помощи в случае войны с Германией. С другой стороны — и это было главным — англо-французский союз должен был послужить основой всей западной системы безопасности. В этом смысле следует отметить высокую заинтересованность Великобритании в установлении тесного военно-политического сотрудничества со своими континентальными соседями: Бельгией, Голландией и Люксембургом. Поэтому сразу после подписания соглашения в Дюнкерке британский министр иностранных дел Э. Бевин высказался в пользу заключения аналогичного двустороннего договора с Бельгией, «а возможно, и с другими странами»¹, что нашло немедленную поддержку у бельгийского премьера П. Спаака.

В период с 12 по 15 июля 1947 г. в Париже работала конференция европейских государств, на которой обсуждался «плана Маршалла» и перспективы его принятия. Девять государств — СССР, Польша, Чехословакия, Болгария, Румыния, Венгрия, Албания, Югославия и Финляндия — отклонили американское предложение. Шестнадцать — Великобритания, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Италия, Австрия, Греция, Турция, Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Португалия, Ирландия и Исландия — одобрили американские директивы о «принципах взаимопомощи европейских стран и об оказании им помощи». Образованный на этой конференции Комитет европейского экономического сотрудничества стал, по сути, координационным органом создания Западного блока [19].

В сентябре 1947 г. Э. Бевин в беседе с французским премьер-министром П. Рамадье заявил, что пришел к окончательному заключению о неизбежном расколе Европы на два противоборствующих лагеря, и предложил перевести в практическую плоскость вопрос создания союза западных государств. Американская администрация активно поддерживала западноевропейскую интеграцию в военной сфере. 15 декабря 1947 г.

¹ The Times. 1947. 5 march.

Э. Бевин и государственный секретарь США Дж. Маршалл обменялись мнениями относительно формирования широкой «системы безопасности по обе стороны Атлантики». Франция в лице министра иностранных дел Ж. Бидо также дала принципиальное согласие.

Надо сказать, что Великобритания стремилась к заключению одновременно двух договоров «о коллективной безопасности», которые бы легли в основу создания двух взаимосвязанных военно-политических союзов. В состав западноевропейского блока, помимо Англии, должны были войти прежде всего Франция и страны Бенилюкса, а в «атлантический союз» должны были объединиться Великобритания, США и Канада. Таким образом, Великобритания могла бы иметь ключевое положение, находясь одновременно в составе обоих блоков.

9 декабря 1947 г. началось обсуждение «плана Маршалла» в конгрессе США. Американские парламентарии в своих выступлениях открыто потребовали предварительного оформления западноевропейских стран в военно-политический союз в качестве одного из главных условий оказания им экономической помощи. Месяц спустя министр обороны США Дж. Форрестол выступил с аналогичным заявлением. 19 января 1948 г. Б. Барух, в рамках обсуждения «плана Маршалла» на заседании сенатской комиссии по иностранным делам, также высказался о необходимости использования американской помощи для создания военного, экономического и политического союза западноевропейских стран. Выступления американских политиков производили впечатление скоординированной акции и не оставляли сомнений относительно подлинного характера «плана Маршалла». Французская газета «Юманите» по этому поводу писала: «...декларация Форрестола, согласно которой «план Маршалла» предполагает контроль американцев над армиями стран Западной Европы и представление Соединенным Штатам стратегических баз, находит свое полное подтверждение»¹.

В январе 1948 г. План создания Западного союза был одобрен на заседании британского кабинета, и Бевин направляет в госдепартамент США меморандум под названием «Взгляд на

¹ Humanite. 1948. 20 jan.

создание Западного Союза», где констатировалось, что «план Маршалла» может стать недостаточным средством для защиты Европы от коммунизма. Помимо прежних участников возможного военно-политического объединения в документе назывались Италия, Греция, скандинавские государства, Португалия. Заявлялось о желательности «включить в союз Испанию и Германию, без которых западная система не может быть целостной»¹. Американские руководители отнеслись к этим идеям более чем сочувственно. В ответном послании Бевину Маршалл подчеркнул, что американская администрация не только одобряет британскую инициативу, но и высказывает глубоко заинтересованность в решении проблемы.

Однако американцев не устраивала возможная перспектива превращения Великобритании в доминирующую европейскую силу. Поэтому приоритет был отдан модели многостороннего соглашения. Английскому правительству дали понять, что от выбора формы союза напрямую будет зависеть поддержка США.

22 января 1948 г. Э. Бевин выступил в парламенте с программной речью по проблемам британской внешней политики. Он заявил, что СССР стремится «использовать все средства, имеющиеся в его распоряжении, чтобы установить коммунистический контроль в Восточной Европе, а также и в Западной». В этих условиях «настало время для консолидации Западной Европы как единого целого». Относительно формы Западного союза Бевин осторожно заметил, что он будет создан либо на основе подобных Дюнкерку двусторонних соглашений, либо путем подписания многостороннего союзного договора².

На следующий же день государственный департамент США выступил с заявлением, в котором говорилось: «Господин Бевин предложил мероприятия, призванные облегчить дальнейшее объединение свободных стран Западной Европы для их общей безопасности... Соединенные Штаты сердечно приветствуют инициативу Европы...» [20].

Однако когда английская дипломатия активизировала предварительные переговоры о двусторонних соглашениях с Брюссе-

¹ FRUS. 1948. Vol. 3. P. 5.

² PDHC. Vol. 446. Col. 429.

лем, Гаагой и Люксембургом, это вызвало негативную американскую реакцию: британскому послу в США официально заявляется, что Вашингтон окажет поддержку планируемому союзу лишь в том случае, если это будет «действительно многостороннее объединение западноевропейских государств» по модели «пакта Рио» [21]. Параллельно оказывается давление на страны Бенилюкса, и их позиция эволюционирует в сторону американской. В феврале сначала англичане, а затем и французы дают согласие на многостороннюю модель западноевропейского союза.

Непосредственным поводом для формирования Западного союза послужили чехословацкие события февраля 1948 г., когда в результате правительственного кризиса в этой стране был установлен просоветский режим. 28 февраля в совместном англо-франко-американском коммюнике было заявлено об осуждении событий в Чехословакии, и в тот же день на конференции руководителей стран Бенилюкса согласуется единая платформа для ведения переговоров с Великобританией и Францией.

Теперь уже западноевропейские правительства форсируют создание союза. 4 марта в Брюсселе открылась созванная с этой целью конференция Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. На переговорах выяснилось, что стороны по-разному смотрят на германскую проблему. Бельгия, Нидерланды и Люксембург настаивали на исключении из проекта договора положения о противодействии возможной германской агрессии и даже выступили за привлечение Германии к союзу в будущем. Французы категорически возражали, а британцы выступали за компромиссное решение. Различались взгляды и на перспективу расширения союза. Тем не менее удалось найти общий язык, и 17 марта 1948 г. в столице Бельгии состоялось подписание пятистороннего договора «об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной самообороне» сроком на 50 лет.

Западный союз, или, иначе говоря, Брюссельский пакт, родился. Главным в нем было то, что каждая подписавшая его сторона обязывалась вступить в войну, если какая-либо другая сторона подвергнется нападению (статья 4 договора). В документе содержалось положение о препятствовании «возрождению по-

*Клемент
Готвальд*

литики германской агрессии». Предусматривалось образование постоянно действующего Консультативного совета.

Вскоре также было объявлено об образовании военного комитета, в состав которого вошли министры обороны пяти держав. Его главной задачей было осуществление общего руководства военными приготовлениями стран — участниц Брюссельского пакта. Позже при комитете был создан специальный постоянный орган, состоявший из военных экспертов, представлявших различные рода войск. Был образован и комитет начальников штабов под председательством английского маршала А. Теддера. Во все названные структуры были включены американские наблюдатели.

4 октября 1948 г. создается верховное объединенное командование вооруженными силами Западного союза. Сухопутные силы возглавил французский генерал Ж. де Тассиньи, ВВС — английский маршал авиации Д. Робб, ВМС — французский вице-адмирал Р. Жожар. Постоянным председателем комитета главнокомандующих стал британский фельдмаршал Б. Монтгомери.

Вслед за организационным оформлением Западного союза страны-участники приступили к осуществлению широкомаштабных военных мероприятий, включавших: увеличение численности всех родов вооруженных сил; стандартизацию воору-

жений; координацию деятельности военной промышленности; разработку планов совместных военных операций.

Уже в конце ноября 1948 г. между участниками Западного союза было достигнуто соглашение относительно численности войск, выделяемых каждой страной. На первом этапе намечалось создание «мобильных вооруженных сил» в составе 23 дивизий: 15 французских, 5 английских и 3 из стран Бенилюкса. В перспективе предполагалось иметь 60 дивизий, из них 40 французских¹.

Наряду с этим участниками Западного союза был предпринят ряд практических мер по взаимным поставкам вооружений и согласованию военного производства. Так, Англия снабдила союзников значительным количеством реактивных истребителей, а бельгийская промышленность сосредоточилась на производстве легкого вооружения и военного обмундирования². В декабре 1949 г. между членами Брюссельского пакта заключается специальная конвенция, по которой каждый из них получил право беспрепятственного передвижения своих вооруженных сил по территории союзных государств. Антисоветская направленность всех этих решений была очевидна.

Таким образом, заключение Брюссельского пакта и формирование его управленческих (в том числе военных) структур стало первым важным шагом институализации холодной войны со стороны Запада. Этот союз сыграл роль центра притяжения и организационного ядра для более широкой коалиции, задуманной США.

Американская администрация сразу же официально поддержала создание Западного союза. Выступая в конгрессе, Г. Трумэн высоко оценил это событие и подчеркнул, что США окажут «свободным народам ту помощь, которую потребует обстановка». «Конечно, существует риск быть вовлеченными в конфликт, — заявил он. — Но еще рискованнее отказаться от каких-либо действий» [22].

Сразу же после подписания Брюссельского пакта началась подготовка к образованию Североатлантического блока. По

¹ The Times. 1949. 15 jan.

² The Manchester Guardian. 1950. 18 apr.

свидетельству Д. Даллеса, американские правящие круги приняли такое решение уже весной 1948 г. [23]. Рассматривалось три варианта: первый — расширение Западного союза за счет вхождения в него США и Канады; второй — создание системы атлантической безопасности под эгидой США и Великобритании; третий — образование «многостороннего оборонительного пакта» с непосредственным участием в нем Италии.

22 марта — 1 апреля 1948 г. в Вашингтоне проходит конференция США, Англии и Канады. Это событие имело важное значение, поскольку в результате переговоров была определена форма будущей интеграции — многосторонний военно-политический пакт — Атлантический союз при ведущей роли США и Великобритании. Надо сказать, что сам факт участия Соединенных Штатов в этой организации зависел от ряда обстоятельств. В стране были сильны позиции «изоляционистов»: в сенате республиканское большинство во главе с Р. Тафтом придерживалось линии на формальное невмешательство в европейские дела, да и некоторые видные сотрудники госдепартамента, включая Дж. Кеннана, высказывались в том же духе. И все же победили сторонники интеграции.

11 июня 1948 г. сенатор А. Вандерберг внес в сенат проект резолюции, допускающей вступление США в условиях мирного времени в состав региональных военно-политических группировок. Решение было принято [24], что открыло дорогу переговорам между членами Брюссельского пакта, США и Канадой. Соединенные Штаты проявили особую заинтересованность во вступлении в формируемый Атлантический пакт Норвегии, Дании, Португалии, Исландии и Ирландии. Среди возможных кандидатов фигурировала и Швеция. В ходе консультаций, которые продолжались до конца 1948 г., уточнялся состав будущего блока, условия взаимных обязательств, механизмы предоставления военной и иной помощи. В этой связи заслуживает особого внимания доклад, подготовленный в ноябре 1948 г. госдепартаментом США. В документе указывалось, что «в развитии системы антирусских союзов нельзя поставить логическую точку до тех пор, пока эта система не включит весь земной шар и не охватит все некоммунистические страны Ев-

ропы, Азии и Африки»¹. Таким образом, создание НАТО рассматривалось в качестве промежуточного этапа на пути образования глобального антисоветского блока.

14 января 1949 г. госдепартамент США распространил официальное правительственное заявление под названием «Строим мир: коллективная безопасность в Североатлантическом регионе», где излагалась общая концепция НАТО и его цели. Последовала резкая советская реакция. 29 января появляется «Заявление министерства иностранных дел СССР о Североатлантическом пакте», где подчеркивалась связь между Западным союзом и новым блоком. В документе говорилось: «Цели Североатлантического союза значительно шире, чем цели западноевропейской группировки, причем нетрудно разглядеть, что эти цели теснейшим образом связаны с планами насильственного установления мирового англо-американского господства под эгидой Соединенных Штатов Америки». Особо отмечалось, что «как и при создании Западного Союза, вдохновители Североатлантического пакта с самого начала исключили возможность участия в этом пакте всех стран народной демократии и Советского Союза², дав понять, что эти государства не только не могут стать участниками договора, но что Североатлантический пакт именно и направлен против СССР и стран новой демократии»³. В качестве ответного шага СССР попытался предложить соседней Норвегии заключить пакт о ненападении, но это вызвало обратную реакцию, подтолкнув правительство этой страны к обсуждению возможности своего членства в НАТО. 17 марта стало известно о присоединении к будущему блоку Италии, Португалии и Исландии.

Предварительно согласованный текст договора был утвержден 7 марта 1949 г., а затем разослан на утверждение правительств стран, участвовавших в его разработке.

¹ FRUS. 1948. Vol. 3. P. 286–288.

² СССР дважды — в 1949 и в 1954 гг. — выступал с инициативой своего вступления в НАТО, но каждый раз получал отказ. Поскольку как создание, так и функционирование этого блока имело в качестве своей фундаментальной основы идею противодействия СССР, принятие Советского Союза в Североатлантический альянс было бы для этой военно-политической организации самоубийственным актом.

³ Заявление Министерства иностранных дел СССР о Североатлантическом пакте. С. 15.

18 марта 1949 г. текст Североатлантического договора был опубликован. В документе были зафиксированы менее жесткие обязательства, чем в Брюссельском договоре. Так, в случае нападения на одну из стран альянса остальные члены НАТО не обязывались вступать в войну автоматически. Это положение было специально оговорено США, которые предпочитали иметь максимальную свободу рук. Действие договора первоначально ограничивалось 20 годами. После этого каждый участник мог выйти из союза с соблюдением правила предварительного уведомления в один год.

В конце марта — начале апреля всем участникам блока, с которыми Советский Союз поддерживал дипломатические отношения, был направлен «Меморандум Правительства СССР о Североатлантическом договоре», где отмечался агрессивный характер будущего союза, анализировались несоответствия текста документа с Уставом ООН, положениями советско-английского (1942) и советско-французского (1944) договоров, решениями, принятыми в Ялте и Потсдаме [25, с. 92–93]. Однако этот демарш успеха не имел.

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне состоялась официальная церемония подписания Североатлантического договора, в которой приняли участие министры иностранных дел Бельгии, Канады, Дании, Франции, Исландии, Италии, Люксембурга, Португалии, Голландии, Норвегии, Великобритании, США¹. Сразу же после ратификации Североатлантического пакта, 25 июля 1949 г., президент Трумэн представил конгрессу США законопроект о военной помощи, который предусматривал

¹ Греция и Турция присоединились к Североатлантическому договору в 1952 г. (Первое расширение НАТО). Западная Германия, получившая суверенитет, также стала членом НАТО (без права обладать собственным ОМП) в 1955 г. (Второе расширение НАТО). В 1982 г. к НАТО присоединилась Испания (Третье расширение НАТО). После распада СССР в 1999 г. в НАТО вошли Венгрия, Польша и Чехия (Четвертое расширение НАТО), в 2004 г. — Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония (Пятое расширение НАТО). На саммите НАТО в Бухаресте (2008) было принято решение о включении в НАТО Хорватии и Албании в 2009 г., которые 1 апреля 2009 г. стали полноправными членами Организации Североатлантического договора (Шестое расширение НАТО). В настоящий момент в НАТО входит 28 государств и ведутся переговоры о вступлении в альянс Македонии, Грузии, Украины, Сербии, которые находятся в различной степени завершенности.

оказание союзнической помощи трех видов: в форме передачи вооружения (за исключением атомного), в форме кредитов на финансирование военного производства, а также в форме инструктивно-методической помощи вооруженным силам государств — членов НАТО. Речь шла об оказании немедленной военной помощи членам Западного союза на сумму 1 млрд долларов. Кроме того, этим государствам предоставлялся специальный кредит для военных закупок в размере от 35 до 50% от их собственных расходов на вооружение. В сентябре 1949 г. соответствующий закон был принят и подписан.

Одной из важнейших задач США при создании НАТО стало занятие доминирующего положения в блоке, и они сразу утвердились в качестве бесспорного военного и политического лидера альянса.

Во главе Совета НАТО, в состав которого вошли министры иностранных дел стран-участниц, встал государственный секретарь США Д. Ачесон. Комитет обороны, состоявший из военных министров и являвшийся основным военным органом Союза, возглавил министр обороны США Л. Джонсон. Под контролем США оказался также и другой военный орган НАТО — Военный комитет, в функции которого входила подготовка рекомендаций Комитету обороны и другим органам Союза по различным военным вопросам. В состав Военного комитета вошли начальники генеральных штабов стран-участниц (за исключением Исландии, не имевшей вооруженных сил), но его работой фактически руководила Постоянная группа. Она заседала в Вашингтоне и включала в свой состав представителей генеральных штабов лишь трех держав — США, Великобритании и Франции. Во главе Постоянной группы стоял американский генерал О. Бредли. Постоянной группе непосредственно подчинялись командования региональными планирующими группами: северо-европейской, западно-европейской, группы Канада — США, южно-европейской и северо-атлантической. Представители США вошли в состав всех пяти названных групп.

В руках США оказались и основные военно-экономические органы Североатлантического союза. На второй сессии Совета НАТО, состоявшейся 18 ноября 1949 г. в Вашингтоне, был образован финансово-экономический комитет обороны в составе

12 министров финансов. Во главе этого органа был поставлен А. Гарриман. Важный орган военно-экономической мобилизации — Управление военного производства и снабжения, также возглавил американец [26]. Таким образом, вопреки утверждениям о «равноправии», США с самого начала обеспечили за собой руководящие позиции во всех главных органах блока.

Важным направлением блоковой политики Запада в Европе было стремление сохранить вооруженные силы для Западной Германии, которая рассматривалась в качестве одного из потенциальных членов НАТО.

Так, 26 ноября 1945 г. советский представитель огласил на заседании Контрольного совета меморандум, в котором сообщалось, что в английской зоне оккупации из частей бывшего гитлеровского вермахта была сформирована армейская группа «Норд» численностью свыше 100 тыс. человек и что на территории земли Шлезвиг-Гольштейн находилось около 1 млн немецких солдат и офицеров — не только не переведенных на положение военнопленных, но даже занимавшихся военной подготовкой. Английские представители не отрицали этих фактов, дали обязательство распустить названные части к 31 января 1946 г. Крупные формирования из немецких военнослужащих содержались также в американской (до 580 тыс. человек) и во французской (около 35 тыс.) оккупационных зонах.

Английские и американские власти продолжали сохранять немецкие военные части под видом «рабочих батальонов», «рот охраны», «немецких служебных групп», «промышленной полиции» и позже. По их собственным официальным данным, численность только «служебных групп» и «рабочих батальонов» превышала в середине 1946 г. 150 тыс. человек.

Аналогично «решались» вопросы о разрушении немецких военных сооружений и демонтаже военных объектов в зоне оккупации союзных войск. На 1 декабря 1947 г. в американской зоне сохранилось 136 подземных военных заводов, складов и мастерских. В полной целостности и сохранности оставалось 162 долговременных фортификационных сооружения. В английской зоне к тому времени оставались не уничтоженными 860 долговременных фортификационных сооружений [27, с. 70–72].

Таким образом, создание НАТО свидетельствовало о том, что Запад сделал окончательный выбор в пользу конфронтационной модели международного развития. Проводимая им блоковая политика имела ярко выраженный военно-политический характер и была направлена против Советского Союза.

3.4. Формирование Восточного блока и создание Совета Экономической Взаимопомощи

*Тот, кто имеет союзников,
уже не вполне независим.*

Гарри Трумэн

Уже в годы Второй мировой войны Советский Союз начал готовить почву для создания европейского союза государств под своей эгидой. Первоначально это объяснялось задачами продолжения борьбы с Германией, но с окончанием войны в Европе для образования новой коалиции потребовались другие мотивы и прежде всего — экономические.

Серьезная база для союзнических отношений СССР с рядом стран Восточной Европы была заложена еще в ходе войны. По инициативе советской стороны были заключены договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Чехословакией (12 декабря 1943 г.), Югославией (11 апреля 1945 г.) и Польшей (21 апреля 1945 г.).

В послевоенные годы отношения СССР с этими государствами получили новый импульс.

12 апреля 1946 г. было подписано соглашение об оказании Чехословацкой Республике чрезвычайной помощи зерном на условиях возмещения поставок товарами чехословацкого производства. Кроме продовольствия по соглашению от 14 декабря 1948 г. Чехословакия получила от СССР заем в золотых слитках на сумму 132,5 млн рублей из расчета 2,5% годовых. Эти и другие подобные действия способствовали росту политического влияния Москвы на Прагу [28].

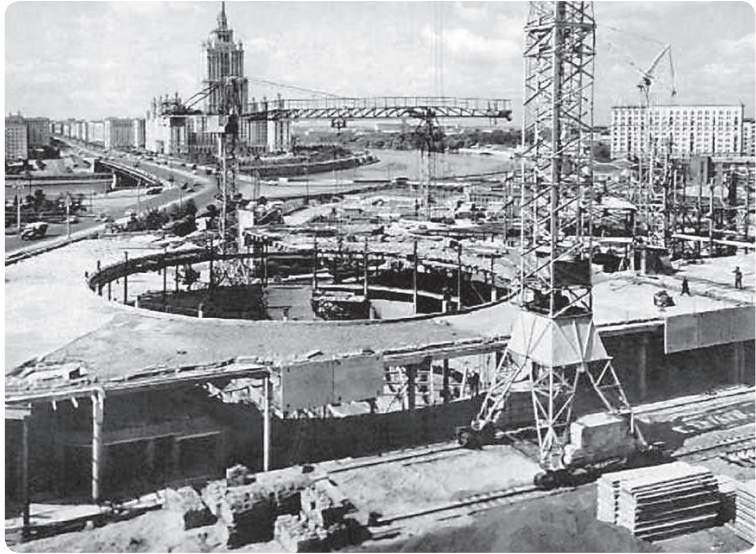
Достаточно динамично развивались и советско-польские отношения. Коалиционное Временное правительство национального единства, образованное 28 июня 1945 г., в своем подавля-

ющем большинстве было ориентировано на сотрудничество с СССР и строительство социализма, а в декабре 1948 г. к власти в стране пришла Польская объединенная рабочая партия (ПОРП), действовавшая на принципах марксизма-ленинизма. В течение следующего года Советский Союз поставил в Польшу 415 тыс. т нефтепродуктов, 2 млн т железной руды, 569 тыс. т алюминия, 250 тыс. т марганцевой руды, 155 тыс. т хлопка. Это позволило в значительной степени «оживить» польскую экономику¹. В своей политике Варшава все более выражено ориентировалась на восточного соседа.

Более сложно складывались отношения СССР с бывшими союзниками Германии — Болгарией, Румынией и Венгрией. Просоветские силы в этих странах были очень незначительными. Зато интерес Запада к ним был весьма велик. Кроме того, влиятельные политические группы в этих государствах занимали по отношению к СССР враждебные позиции, выражено ориентировались на США, Великобританию и Францию. В то же время экономическое положение бывших немецких сателлитов было тяжелым. По сравнению с уровнем 1938 г. объем промышленного производства к 1947 г. составлял в Болгарии — 64%, в Румынии — 48%, в Венгрии — всего 33% [27, с. 57]. С учетом понесенных людских, материальных потерь и репараций быстрое восстановление их экономики собственными силами было невозможно. Поэтому в силу сложившихся внутренних и внешних обстоятельств они остро нуждались в помощи со стороны СССР.

Первое торговое соглашение между СССР и Болгарией было подписано 14 марта 1945 г. 15 декабря того же года заключаются соглашения о поставке в Болгарию продовольствия. 27 апреля 1946 г. в Москве подписывается новое торговое соглашение, предусматривавшее увеличение импорта товаров из Советского Союза в 2,5 раза. Болгария получила от СССР 229 тыс. т нефтепродуктов и масел, 217 тыс. т металла и металлоизделий, 33 тыс. т хлопка, 72 тыс. комплектов автомобильных покрышек, 2020 грузовиков и тракторов и другие материальные средства [29].

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 20. С. 298.

Строительство здания СЭВ в Москве

Вслед за Болгарией на путь экономического сотрудничества с СССР встала Румыния, которой Советский Союз в 1945 г. предоставил в порядке займа 300 тыс. т зерна. В следующем году, в связи с повторившимся неурожаем, советское правительство выделило этой стране 50 тыс. т зерна в обмен на нефтепродукты, а по соглашению от 25 июня 1947 г. — еще 80 тыс. т зерна. Премьер-министр Румынии П. Гроза, выступая 27 июня 1947 г., заявил: «Годы засухи поставили нас в тяжелое положение. Мы были вынуждены платить золотом, чтобы получить кукурузу с Запада. Навязанные нам условия были очень тяжелыми и, несмотря на это, мы получили очень мало кукурузы. Мы были вынуждены снова стучаться в двери наших друзей с Востока. Мы знаем, что у них была засуха и что, несмотря на это, они дали нам займы в прошлом году 30 тысяч вагонов зерна с доставкой на дом, не требуя взамен никаких гарантий, не требуя золота, а мы не смогли отдать этот долг. Несмотря на это, мы

снова обратились к нашим друзьям, и они поняли нас и помогают нам снова» [27, с. 58–59].

В Венгрии после разгрома салашистов к власти пришло коалиционное Временное правительство. В нем видную роль играли коммунисты. 25 сентября 1945 г. между Венгрией и СССР были установлены дипломатические отношения. Влияние Советского Союза в этой стране стало быстро расти.

В феврале 1946 г. венгерские коммунисты начали активное наступление на оппозицию, которая, конечно, не была «невинным агнцем». На выборах в парламент в августе 1947 г. Венгерская коммунистическая партия получила 22% голосов и стала ведущей партией страны.

18 февраля 1948 г. между СССР и Венгрией был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.¹

Одним из важнейших вопросов всех трех сессий Совета министров иностранных дел и Парижской мирной конференции (1946) был вопрос о репарациях, то есть о возмещении бывшими союзниками Германии определенной доли ущерба, нанесенного ими в ходе войны странам, подвергшимся агрессии. Необходимость такого возмещения была признана решениями Ялтинской и Потсдамской конференций.

Но после окончания войны СССР, учитывая изменения в политическом курсе Румынии, Венгрии и Финляндии, значительно сократил размеры причитавшихся ему репарационных платежей (что касается Болгарии, то она никаких репарационных обязательств в отношении СССР не имела). Западные страны сделали все возможное, чтобы сорвать выполнение программы репараций Советскому Союзу с подконтрольных им зон оккупации Германии. Вместо причитавшихся Советскому Союзу по Потсдамскому соглашению 25% промышленного оборудования, не являвшегося необходимым для германской мирной экономики, СССР получил репараций на ничтожную сумму в 12,5 млн долларов.

В то же время западные державы с лихвой удовлетворили свои собственные репарационные притязания за счет конфискации германского имущества за границей, изъятия патентов,

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 4. С. 476.

золота, а также принудительного экспорта из Западной Германии дефицитных товаров по заниженным ценам. Согласно официальным западногерманским данным, общая сумма только конфискованного германского заграничного имущества составила в довоенных ценах не менее 20 млрд марок.

Под влиянием активной коалиционной политики, проводившейся США и Великобританией в Западной Европе, руководство Советского Союза приняло решение координировать политику восточноевропейских стран с помощью создания системы двусторонних договоров. Не без влияния СССР договоры о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве были заключены между Польшей и Чехословакией (10 марта 1947 г.), Албанией и Болгарией (12 декабря 1947 г.), Болгарией и Румынией (16 января 1948 г.), Венгрией и Румынией (24 января 1948 г.), Болгарией и Чехословакией (23 апреля 1948 г.), Болгарией и Польшей (29 мая 1948 г.), Венгрией и Польшей (18 июня 1948 г.), Болгарией и Венгрией (16 июля 1948 г.), Румынией и Чехословакией (21 июля 1948 г.), Польшей и Румынией (26 января 1949 г.), Венгрией и Чехословакией (16 апреля 1949 г.). Так в дипломатическом и организационном отношении был подготовлен будущий экономический и военно-политический союз государств Восточной Европы.

6 марта 1948 г. советское правительство, узнав об открытии в Брюсселе конференции пяти стран, призванной завершить оформление Западного союза, выступило с нотой, в которой говорилось: «В настоящее время правительством Великобритании выдвинут план создания так называемого «Западного союза». В этот политический блок вовлекаются Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, а также Италия и западная часть Германии и, вместе с тем, предусматривается участие Соединенных Штатов Америки. Имеется в виду и включение некоторых других западноевропейских государств... Как американский план экономической «помощи», так и британский политический план Западного союза противопоставляют Западную Европу Восточной Европе и, следовательно, ведут к политическому расколу Европы»¹. Это была верная и справедли-

¹ Известия. 1948. 9 марта.

вая оценка, достаточное объяснение для создания в противовес западноевропейскому союзу содружества восточноевропейских государств, правда, пока еще на экономических основах.

С 5 по 8 января 1949 г. в Москве проходило экономическое совещание представителей Болгарии, Венгрии, Румынии, СССР и Чехословакии. На нем было принято решение о создании Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). В принятом решении указывалось, что координация хозяйственной политики «стран народной демократии» и Советского Союза требует перехода от двухсторонних отношений к многосторонним и создания соответствующего органа для координации деятельности в этой области. Совещание заявило, что СЭВ является открытой организацией, в которую могут вступать и другие страны, разделяющие принципы СЭВ [25, с. 44–45] и желающие участвовать в широком экономическом сотрудничестве. В феврале того же года в СЭВ вступила Албания, в сентябре 1950 г. — ГДР.

Совет Экономической Взаимопомощи, созданный на экономической основе, в то же время являлся и политическим союзом просоветски настроенных правительств стран Восточной Европы. Он стал определенным противовесом Североатлантическому альянсу, и в этом смысле его образование стало новым проявлением раскола Европы.

Таким образом, во второй половине 40-х гг. политика холодной войны не только получила официальное признание и развитие, но и обрела собственные международные институты.

ГЛАВА 4

Кризисы холодной войны

Холодная война породила множество конфликтных военно-политических ситуаций. Некоторые из них переросли в полномасштабные кризисы, имевшие важные и неоднозначные последствия. Поскольку главная задача этой книги состоит в показе общей картины холодной войны и рассмотрении ее основного содержания, нет необходимости в характеристике их всех. Но кризисы, рассмотренные в этой главе, обойти вниманием просто невозможно — несмотря на наличие определенных типических черт, они уникальны в полном смысле этого слова. Особый интерес представляет то обстоятельство, что в ходе их урегулирования Советским Союзом были реализованы самые разные методы и способы действий — от прямого использования военной силы до политического блефа.

4.1. От Ирана до Босфора. Первые кризисы мирного времени

Гораздо легче выиграть войну, чем мир.

Жорж Клемансо

К числу первых послевоенных кризисов относится Иранский кризис 1945–1946 гг. Он был вызван обострением советско-иранских отношений в связи с поддержкой со стороны СССР движения за национальную автономию в Иранском Азербайджане и отказом вывести в срок советские войска из северных провинций Ирана. После обращения правительства

Ирана в ООН 19 января 1946 г. кризис приобрел международный характер.

Предыстория вопроса такова. В связи с необходимостью пресечения подрывной деятельности агентуры фашистской Германии на территории Ирана и важностью проходящих там коммуникаций для поставок в СССР военных грузов по ленд-лизу, Великобритания и Советский Союз заключили соглашение о совместной оккупации страны. 25 августа 1941 г. СССР, согласно статье 6 советско-иранского договора 1921 г., ввел свои войска в северную часть Ирана. Одновременно с юга и запада в страну вступили части английской армии. 29 января 1942 г. между СССР, Великобританией и Ираном был подписан договор о союзнических отношениях, предусматривающий вывод английских и советских войск, не имевших оккупационного статуса, в срок не позднее шести месяцев после окончания всех военных действий между союзниками и державами оси. В конце 1942 г. на территорию Ирана были также введены войска США, что не встретило возражений со стороны его правительства. После заключения в 1943 г. ирано-американского торгового договора в Иран из США прибывают многочисленные советники и миссии. В стране демократизируется внутриполитическая жизнь, в которой заметную роль начинает играть поддерживаемая Советским Союзом Народная партия Ирана (партия Туде).

Говоря о происхождении кризиса, необходимо подчеркнуть особое значение вопроса о предоставлении СССР нефтяной концессии в Северном Иране. В дореволюционное время Россия ее имела, но после 1917 г. передала имущество российских концессионеров в иранскую собственность, отказавшись от концессий в обмен на обещание иранского правительства не предоставлять их третьим странам (в нарушение договора права на разработку и добычу нефти предоставлялись Ираном в разные годы американским и английским концернам). В период присутствия советских войск на севере страны там проводились экспедиционные работы, позволившие сделать вывод о перспективности ряда нефтяных месторождений, расположенных вблизи границ СССР, и необходимости принятия соответствующих государственных и дипломатических реше-

ний [1]. Параллельно американские и английские нефтяные компании вели активные переговоры о предоставлении им концессий на юге Ирана.

Стремление СССР получить концессию диктовалось сообщениями безопасности своих южных рубежей и определенными экономическими расчетами, а также желанием, наряду с США и Англией, принять участие в послевоенном освоении нефтеносных районов Ближнего и Среднего Востока. В докладе на имя Сталина заместитель председателя СНК Л. П. Берия предлагал «энергично взяться за переговоры с Ираном на получение концессии» и отмечал, что «англичане, а возможно, и американцы ведут скрытую работу по противодействию передаче нефтяных месторождений Северного Ирана для эксплуатации Советским Союзом» [2]. Подразумевалось получение концессии на 60 лет для ведения разведки и добычи нефти на территории в 150 тыс. кв. км.

Однако переговоры успеха не принесли, рассмотрение вопроса было отложено иранским правительством до конца войны. Это решение советское руководство расценило как результат деятельности проанглийских сил.

19 мая 1945 г. Иран обратился к Великобритании, США и СССР с предложением о досрочном выводе их войск из страны, что мотивировалось окончанием войны с Германией. Эта инициатива давала Англии шанс «выдворить русских из Персии» (выражение использовано А. Иденом в письме А. Кадогану от 1 июня 1945 г.). Но Советский Союз не торопился уходить из Ирана. На Потсдамской конференции ему удалось отложить решение вопроса до сентября 1945 г. Мотивы, которыми руководствовалось советское правительство, сформулированы в докладе заместителя наркома иностранных дел С. И. Кавтарадзе, направленном В. М. Молотову 25 мая 1945 г.: «Вывод советских войск из Ирана поведет, несомненно, к усилению в стране реакции и неизбежному разгрому демократических организаций... Реакционеры и проанглийские элементы приложат все усилия и пустят в ход все средства, чтобы ликвидировать наше влияние и результаты нашей работы в Иране. Поэтому считал бы правильным оттянуть момент вывода наших войск из Ирана и добиться возможного обеспечения наших интересов после

их вывода (главным образом, путем получения нефтяной концессии, а в крайнем случае, создания акционерного общества с преобладающим нашим участием)» [3].

Таким образом, затягивание пребывания советских войск в Иране использовалось как средство давления на иранское правительство с целью получения необходимых уступок. Другим аналогичным средством была поддержка Советским Союзом движения за национальную и культурную автономию Иранского Азербайджана. При содействии СССР создается Демократическая партия Азербайджана во главе с Д. Пишевари, чья деятельность должна была повлиять на формирование меджлиса (парламента) с целью укрепления в нем позиций просоветских сил. Кроме того, преследовалась цель усиления влияния СССР в Иране и на всем Среднем Востоке. Однако попытки националистических элементов рассматривать Иранский Азербайджан в качестве возможной части СССР пресекались [4]. К ноябрю 1945 г. советско-иранские отношения заметно осложнились. 19 ноября части иранской армии численностью 1,5 тыс. человек, направляющиеся в Тебриз для подавления выступлений, не были пропущены советскими частями. В нотам МИД Ирана все более настойчиво высказывается просьба о разрешении ввести дополнительные войска в Иранский Азербайджан. СССР ответил отказом.

В декабре 1945 г. иранский вопрос поднимается на совещании министров иностранных дел в Москве. В ходе его работы становится очевидной особая роль США, к которым неоднократно обращалось правительство Ирана с просьбой отстаивать его интересы. Американская позиция во многом являлась компромиссной, госсекретарь Дж. Бирнс, не оспаривая право СССР претендовать на получение нефтяных концессий, возражал лишь против способов давления СССР на иранское правительство. Англичане придерживались более жестких взглядов и активно настаивали на выводе советских войск в установленные сроки. Молотов, возглавлявший делегацию СССР, возражал против этого решения, мотивируя отказ доводом о сложных условиях зимнего времени [5]. В итоге соглашения достигнуть не удалось, что открыло дорогу к обсуждению иранской темы в ООН.

19 января 1946 г. глава иранской делегации С. Таги-заде на собравшейся в Лондоне Генеральной ассамблее ООН передал исполнявшему обязанности Генерального секретаря Х. Джеббу письмо с требованием расследовать факты вмешательства СССР во внутренние дела Ирана. К этому времени американская позиция ужесточилась. Дело в том, что ситуация в Иране способствовала конкретизации планов США значительно усилить свое влияние на Ближнем и Среднем Востоке, а их положение посредника и защитника интересов Ирана способствовало решению этой задачи. Кроме того, немалую роль играло стремление США взять на себя функции гаранта авторитета ООН, членами которой являлись все заинтересованные стороны. СССР, напротив, стремился вернуть иранскую проблему в русло двусторонних отношений. В конце января к власти в Иране пришло правительство во главе с А. Кавамом-эс-Салтане, и решение о начале переговоров с советским руководством было принято.

Переговоры проходили в Москве с 19 февраля по 5 марта и были весьма сложными. Несмотря на взаимные претензии, удалось достичь определенного прогресса: вопрос о выводе войск и Иранском Азербайджане увязывался теперь не с предоставлением концессии, а с созданием смешанного советско-иранского нефтяного общества, 51% акций которого принадлежал бы СССР. Кроме того, советское правительство считало необходимым урегулировать отношения Тегерана с азербайджанскими лидерами. Хотя было объявлено о начале вывода советских войск со 2 марта, окончательное решение вопроса по-прежнему затягивалось.

Более того, в марте 1946 г. советская группировка в Иране была даже усилена — в страну вошли части 1-й гвардейской механизированной дивизии. Официально это объяснялось необходимостью обеспечения предстоящего вывода войск. Но в Тегеране и Вашингтоне не поверили Москве. 18 марта правительство Ирана вновь поставило перед Советом Безопасности ООН вопрос об эвакуации советских частей с территории страны. Что касается американского руководства, то оно укрепилось в своих подозрениях в отношении СССР и, по некоторым данным, было готово пойти на крайние меры, чтобы не допустить

Советские войска в Иране

продолжения советского военного присутствия в Иране. По свидетельству сенатора Г. Джексона, Г. Трумэн, пригласив к себе посла СССР А.А. Громыко, потребовал немедленного вывода советских войск из Ирана, угрожая в противном случае применить атомную бомбу. «Мы не остановимся перед тем, чтобы сбросить ее на вас», — якобы заявил президент США. Хотя Джексон утверждал, что данный эпизод ему известен со слов самого Трумэна, в достоверность этой истории верят не все. Но даже если атомный шантаж действительно имел место, то СССР ему не поддался — советские войска покинули Иран только в апреле-мае 1946 г. и после того, как иранское правительство согласилось выполнить ряд советских условий.

4 апреля состоялся обмен письмами между Кавамом и послом СССР в Иране И.В. Садчиковым о выводе войск в течение полутора месяцев, о создании смешанного нефтяного общества (соглашение по этому вопросу подлежало утверждению меджлисом), об урегулировании взаимоотношений с национальным правительством Иранского Азербайджана (принимались обязательства не применять репрессий, увеличить число

депутатских мест в меджлисе, обеспечить свободу деятельности демократических организаций и др.). 9 мая 1946 г. вывод советских войск и грузов с территории Ирана был полностью завершен.

Таким образом, СССР сумел добиться уступок в таких принципиальных для себя вопросах, как североиранская нефть и автономия Иранского Азербайджана. Однако достигнутые договоренности не были реализованы. В декабре 1946 г. правительственные войска вступили в северные провинции и жестоко подавили выступления азербайджанской оппозиции. Меджлис, избранный в середине 1947 г., отказался ратифицировать советско-иранское соглашение о совместном нефтяном обществе.

Иранский кризис привел к значительным геополитическим последствиям. Во-первых, произошли серьезные изменения в средне-восточном регионе — позиции Великобритании были ослаблены, США, напротив, существенно укрепили свое влияние. Во-вторых, события вокруг Ирана усилили тенденцию к партнерству Соединенных Штатов и Англии, партнерству, объективно направленному против СССР и его политики. Наконец, был катализирован процесс выработки стратегии «сдерживания коммунизма», а отношения Советского Союза с западными державами заметно обострились.

Вокруг проблемы черноморских проливов также возникла кризисная ситуация. Согласно Конвенции, подписанной на конференции в Монтре в 1936 г., Турция могла по собственному усмотрению контролировать военные суда черноморских государств, намеревающиеся пройти через Босфор и Дарданеллы. Во время Второй мировой войны нейтральная, но прогермански настроенная Турция ясно продемонстрировала, сколь опасным может быть закрытие проливов для Советского Союза. Понимая это, Рузвельт и Черчилль обещали Сталину в Тегеране добиться от турецкого правительства свободы прохода для советских военных кораблей. В Потсдаме все стороны тоже были согласны с необходимостью пересмотра Конвенции Монтре. Однако, когда 7 августа 1946 г. Советский Союз направил Турции соответствующее требование, ответом на него явилось американское осуждение позиции СССР.

В восточную часть Средиземного моря немедленно было направлено соединение американских военных кораблей. Американцы предполагали, что Турция и, возможно, Греция могут оказаться вовлечены в советский лагерь. Англичане, со своей стороны, опасались, что Советский Союз, укрепившись в Средиземноморье, будет представлять угрозу Суэцкому каналу, а в конечном счете и Италии. Следует отметить, что наличие у СССР таких широких планов абсолютно бездоказательно. То обстоятельство, что Сталин выполнил устную договоренность с Черчиллем о разделе сфер влияния и не стал вмешиваться в гражданскую войну в Греции, говорит об обратном¹. В действительности СССР опасался слишком строгого контроля со стороны турок, а значит, скорее всего, и американцев над проходом советских судов через черноморские проливы. Тем не менее для Запада ситуация вокруг данной проблемы послужила дополнительным доказательством советского экспансионизма.

В целом действия советской дипломатии в отношении Ирана и Турции можно признать не вполне корректными. Вместе с тем претензии, выдвинутые в адрес этих стран, не были безосновательными. Требования нефтяных концессий на севере Ирана и помощь, оказанная повстанцам Иранского Азербайджана, объяснялись довольно вескими аргументами, не менее серьезными, чем те, которые приводили США и Великобритания в оправдание своих действий в других частях мира. Притязания в отношении Карса, который Турция получила в результате Брестского мира, требования относительно черноморских проливов тоже не были беспочвенными.

Но вместе с тем ни одну из названных целей нельзя считать жизненно важной для СССР. Так, нефтяная проблема для Советского Союза не являлась сколько-нибудь острой, поскольку уже были открыты значительные месторождения в Поволжье, а вопрос о проливах можно смело назвать вечным. К тому же советское правительство не имело средств удовлетворить свои претензии без сближения с США и Вели-

¹ Например, по свидетельству М. Джиласа, Сталин потребовал от греческих коммунистов и югославов «свернуть восстание в Греции». См. [6].

кобританией или без использования силы, что было весьма рискованно. В любом случае поставленных целей достигнуть не удалось, а политика СССР в глазах общественности была скомпрометирована. Запад же получил предлог для организации идеологического и дипломатического наступления на позиции Советского Союза.

4.2. Конфликт в центре Европы. Берлинские кризисы 1948–1949 и 1953 гг.

*Политика есть продолжение
войны другими средствами.*

Во Нгуен Зиап

Берлинский кризис 1948–1949 гг. стал одним из наиболее опасных конфликтов между СССР и Западом после окончания Второй мировой войны.

Изначально, согласно принятым на Потсдамской конференции решениям, предусматривался совместный контроль стран-победительниц над всей территорией Германии. Однако в результате создания так называемой Бизонии — объединения американской и английской оккупационных зон, а затем и «Тризонии» (с учетом французской зоны), Советский Союз потерял всякое влияние на западную часть страны. А это, в числе прочего, означало, что СССР утратил доступ к Рурскому бассейну, имевшему большое сырьевое значение для экономики Восточной Германии.

Мероприятия по раздельному проведению денежной реформы стали дополнительным фактором, осложнившим ситуацию. С 23 февраля по 6 марта 1948 г. в Лондоне проходила конференция США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга по германской проблеме. Были приняты решения о включении Западной Германии в «план Маршалла», о подготовке образования Германского государства. В ответ Москва разработала план введения ограничений на коммуникациях Берлина с западными зонами оккупации. Этим актом СССР дал понять бывшим союзникам, что он полон решимости отстаивать свои интересы.

17 апреля 1948 г. генерал-лейтенант М.И. Дратвин и политический советник Советской военной администрации в Германии (СВАГ) В.С. Семенов направили на имя В.М. Молотова и министра Вооруженных Сил Н.А. Булганина телеграмму, в которой говорилось: «Разработанный в соответствии с Вашими указаниями план контроля ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации Германии проводится неуклонно начиная с 1 апреля кроме ограничений по воздушному сообщению, которые мы намерены провести позднее».

В апреле-июне 1948 г. СВАГ продолжала линию на введение ограничений на коммуникациях, наращивая свои усилия. Об этом докладывал в Москву В.С. Семенов, выражая надежду, что новые ограничения вызовут «дальнейшее падение престижа» западных оккупационных властей в Берлине.

18 июня командующие западными оккупационными войсками в Германии генералы Л. Клей, Б. Робертсон и П. Кениг информировали советскую сторону о проведении с 20 июня денежной реформы во всей Западной Германии, кроме западного Берлина. 22 июня состоялось четырехстороннее совещание финансовых экспертов, где, естественно, доминировала западная сторона. Сразу после совещания советской стороной было объявлено об ответном шаге — проведении денежной реформы не только в зоне советской оккупации, но и во всем Берлине. Эта мера должна была оградить восточную зону от западных денег и ставила западную часть Берлина в зависимость от восточной. 23 июня США, Великобритания и Франция заявили о намерении ввести в западных секторах немецкой столицы свой вариант марки (так называемую марку с грифом «Б»). В тот же день советская сторона перекрыла «по техническим причинам» все железнодорожное и автомобильное сообщение с городом, а также под предлогом нехватки угля остановила подачу электроэнергии Центральной берлинской электростанцией (она располагалась в советском секторе) в западные зоны Германии и Берлина.

24 июня Москва прекратила всякое снабжение западных секторов Берлина из советской зоны, установив блокаду, что было явным нарушением действующего четырехстороннего

*Военно-транспортные самолеты США
в Западном Берлине. 1948 г.*

соглашения, предусматривавшего обеспечение города всем необходимым.

В ответ США, Великобритания и Франция предприняли ряд мер военного характера, включая приведение американских ядерных сил в полную боевую готовность. Однако они не решились пойти на силовой прорыв в Западный Берлин, поскольку такая попытка неизбежно привела бы к эскалации конфликта, грозившего непредсказуемыми последствиями. Вместо этого был организован «воздушный мост», по которому в город доставлялись различные грузы¹. Помешать снабжению Западного Берлина с воздуха советская сторона, в свою очередь, не решилась. Таким образом, обе конфликтующие стороны не рискнули прибегнуть к использованию военной силы.

Следует отметить, что, введя блокаду для западных поставок, СССР не препятствовал жителям Западного Берлина по-

¹ Всего было доставлено 2 031 746,5 т грузов, из них продовольствия 488 088,1 т, то есть 20% от общего количества. См. [7].

лучать продовольствие в восточной части города, где имелось более 2,5 тыс. продовольственных магазинов, а вот представители английской и американской администрации занимали в этом вопросе противоположную позицию: нарушителей введенного ими запрета выселяли из квартир, увольняли с работы и т.п. В августе на Потсдамской площади британские военные власти установили проволочные заграждения, ограничившие перемещения между частями разделенного города и ставшие своеобразным предтече Берлинской стены [8].

2 августа 1948 г. состоялась встреча Сталина с представителями западных держав. Сталин настаивал на приостановке выполнения лондонских решений и отмене «марки Б», в ответ на это гарантировалось снятие блокады Берлина. Столкнувшись с явным нежеланием собеседников дать какие-либо официальные заверения по германской проблеме, Сталин отказался от безусловного требования отсрочить выполнение решений Лондонской конференции (о создании западногерманского государства), но просил зафиксировать это как настойчивое пожелание советского правительства.

Спустя несколько дней Запад согласился на единую марку советского образца для всего Берлина в обмен на отмену блокады. При этом выдвигалось условие четырехстороннего контроля над денежным обращением в городе, что вновь осложнило переговоры. В итоге все-таки была принята «Директива правительств СССР, США, Великобритании и Франции четырем главнокомандующим оккупационных войск в Германии» от 30 августа 1948 г. Она предписывала отмену всех ограничений на коммуникациях и оговаривала введение «советской марки в качестве единственной берлинской валюты».

1 сентября 1948 г. созывается Парламентский совет для разработки и принятия Конституции Западной Германии. Тем самым Запад вновь продемонстрировал настойчивое желание продолжить подготовку образования западногерманского государства. Это обстоятельство во многом предопределило неудачу сентябрьских переговоров 1948 г. главнокомандующих оккупационными войсками четырех держав и привело к затягиванию конфликта. В течение осени и начала зимы 1948 г. продолжались безрезультатные попытки урегулирования кризиса.

Посредничество Совета Безопасности ООН также не принесло успеха. Проект резолюции, согласованный с министром иностранных дел СССР А. Я. Вышинским во время неофициальных переговоров 24 октября, был отвергнут в итоге США, Великобританией и Францией.

Дополнительным фактором, повлиявшим на обострение ситуации, стала введенная Западом «контрблокада». Восточная Германия и Восточный Берлин лишились важных экономических связей, в частности с Рурским бассейном. Их прекращение привело к частичному закрытию ряда предприятий и росту безработицы, что, в свою очередь, провоцировало социальную напряженность. В связи с этим Сталин в начале 1949 г. заявил о том, что транспортные ограничения будут отменены, если положительно решится вопрос о созыве новой сессии Совета министров иностранных дел по вопросу о единой валюте для Берлина.

С февраля по май 1949 г. между представителем СССР в ООН Я. А. Маликом и заместителем представителя США в Совете Безопасности Ф. Джесеном велись переговоры, которые завершились, наконец, подписанием соглашения. В нем говорилось, что с 12 мая 1949 г. отменяются все ограничения по связи, транспорту и торговле между восточной и западной зонами оккупации Германии и Берлина, а также между Берлином и западными землями Германии.

Инициаторами первого Берлинского кризиса фактически выступили США, взявшие курс на раскол Германии и создание западногерманского государства с последующим его включением в систему создаваемого военно-политического союза. Москва была вынуждена оперативно принимать ответные меры, демонстрируя готовность советского руководства к решительному противодействию Западу в холодной войне. Советский Союз не добился поставленных целей. Берлин остался расколотым на западную и восточную зоны с различными валютами. В скором времени завершился и процесс создания двух германских государств.

Что касается Берлинского кризиса 1953 г., то он был спровоцирован ошибками социально-экономической политики, проводимой руководством Германской Демократической Респу-

блики, что сопровождалось перебоями в снабжении населения продовольствием, топливом и электроэнергией. В результате резко возросла эмиграция восточных немцев на Запад: с января 1951 по апрель 1953 г. ГДР нелегально покинуло около 450 тыс. человек.

Обстановка значительно обострилась к лету 1953 г. в связи с решением правительства об ускоренном строительстве социализма в стране за счет значительного повышения норм выработки.

16–17 июня 1953 г. массовые забастовки и демонстрации прошли во многих районах Восточного Берлина. Эти действия были поддержаны властями Западного Берлина, ФРГ и других государств. Протесты быстро распространились на другие города ГДР. Обстановка в стране быстро накалилась до предела.

В подрывную деятельность против существующего режима активно включились и западные спецслужбы. Путем пропаганды и засылки инструкторов они направляли деятельность забастовщиков и демонстрантов. Была повышена боеготовность войск не только западноберлинского гарнизона трех западных держав, но и их соединений, дислоцирующихся на территории ФРГ.

Массовые волнения и открытое сопротивление властям нарастали. В столице начались поджоги и грабежи, появились вооруженные отряды мятежников.

Комендантом советского сектора Берлина в городе было введено военное положение, что давало право силам правопорядка и войскам применять оружие в случае невыполнения их требований. Одновременно в Берлин были введены дополнительные советские части, организовано патрулирование районов, где происходили беспорядки и находились важные объекты. Была перекрыта граница с Западным Берлином, советские войска были введены и в окружные центры страны.

18 июня в Западной Германии была объявлена тревога частям 7-й полевой и 12-й воздушной армий США.

Таким образом, в ходе этого кризиса возник прецедент прямого военного противостояния двух сверхдержав. На острие конфликта вновь оказалась Группа советских оккупационных войск в Германии.

Решительными действиями советских войск совместно с Народной полицией ГДР без прямого применения оружия все демонстрации были рассеяны, попытки новых забастовок и массовых протестов пресечены, обстановка в стране стала разряжаться, а к 1 июля в целом нормализовалась. Военное положение отменили, а советские войска покинули населенные пункты и возвратились в пункты постоянной дислокации.

4.3. «Польский Октябрь»: проверка на выдержку¹

*К оружию следует прибегать
в последнюю очередь, когда другие средства
окажутся недостаточными.*

Никколо Макиавелли

В планах Запада по отношению к СССР и его союзникам Польша всегда занимала особое место. Ее считали своего рода «слабым звеном» в советском блоке, и тому были веские причины. Давние исторические обиды поляков и их застарелая ненависть к царскому правительству никуда не исчезли после разрушения Российской империи и обретения Польшей независимости. Советско-польская война 1920–1921 гг. открыла новый счет взаимным претензиям, а гибель в Польше десятков тысяч пленных красноармейцев, присоединение к СССР западных областей Украины и Белоруссии и трагедия Катыни добавили их перечень. Все это создавало в Польше питательную среду для антисоветских настроений.

Впрочем, в первые послевоенные годы поляки хорошо помнили и другое: более 600 тыс. советских воинов погибли на их земле, сражаясь с немецко-фашистскими оккупантами, а новые западные рубежи возрожденного Польского государства были обеспечены лишь благодаря твердой позиции СССР.

Смерть И. В. Сталина и произошедшие в советском руководстве изменения дали части польского общества стимул к акти-

¹ При написании параграфов 4.3 и 4.5 автором использованы материалы доктора исторических наук, профессора А. С. Орлова.

визации борьбы за ослабление идеологического, политического и экономического влияния Советского Союза в Польше.

В марте 1954 г. на II съезде Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП) в докладе секретаря ЦК Б. Берута уже говорилось о необходимости демократизации партийной и политической жизни в стране. Словами дело не ограничилось. Из партийного аппарата были удалены наиболее скомпрометировавшие себя фигуры, из тюрем освободили ряд политических заключенных, в их числе — известного партийного деятеля В. Гомулку. Министерство общественной безопасности разделили на Комитет по делам общественной безопасности и МВД. На III пленуме ЦК ПОРП в январе 1955 г. прозвучала острая критика в адрес высших партийных руководителей, которых обвиняли в нарушениях законности и ошибках в экономической политике [9].

Усилилось «брожение умов» в польском обществе, особенно среди интеллигенции. Создавались различные общественные организации, дискуссионные клубы. Ослабление цензуры позволило выносить на широкую публику волновавшие общественность проблемы политики, идеологии, экономики, истории, которые рассматривались в журналах «Нова культура», «Попросту» и др. Немалую и неоднозначную роль играли передачи зарубежных радиостанций, таких как «Голос Америки», «Свободная Европа». Все это будоражило общество, порождало в нем самые различные, в том числе деструктивные настроения. Развитию свободомыслия способствовали и процессы, происходившие в СССР: прекращение «дела врачей», пересмотр «ленинградского дела», арест Л.П. Берия, начало реабилитации политических заключенных и т.п.

В итоге внутривосточная ситуация в стране качественно изменилась, а ее дальнейшее негативное развитие привело в 1956 г. к серьезному кризису в советско-польских отношениях.

В Советском Союзе внимательно наблюдали за процессами, происходящими в Польше. Так, уже в «Политико-экономическом обзоре за первый квартал 1954 г.», подготовленном Посольством СССР в Польше, прозвучали тревожные оценки. В нем, в частности, говорилось: «Важнейшее значение для Польской

Народной Республики имеет вопрос о необходимости усиления идеологического воспитания». Виновниками проникновения в массы чуждой идеологии объявлялись «враждебные элементы внутри страны (реакционная часть католического духовенства и старой интеллигенции, кулачество), а также иностранные пропагандистские центры». В связи с этим «польским товарищам» рекомендовалось вести «более активную борьбу против реакционного влияния костела путем проведения таких мероприятий, как, например, упразднение преподавания религии в школах, закрытие костельных институтов в армии, ликвидация богословских факультетов в Краковском и Варшавском университетах, а также путем усиления пропаганды научно-естественных знаний». Предлагалось направить в Польшу советских «специалистов в области истории КПСС, философии, политэкономии для оказания помощи ее высшим учебным заведениям в преподавании этих дисциплин» [10].

Между тем оппозиционные настроения все больше распространялись в польском обществе. Мощный толчок развитию ситуации дал XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г. Доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» обсуждался на закрытом заседании съезда, а затем и на различного рода закрытых партийных форумах в СССР и в странах социалистического содружества. В Польше этому был посвящен отчет делегации ПОРП о работе XX съезда КПСС на собрании партийного актива Варшавы 3–4 марта. Секретариат ЦК ПОРП решил тиражировать закрытый доклад Хрущева и ознакомить с ним партийные организации всех уровней. В результате текст доклада вскоре стал достоянием широкой общественности. 10 марта центральный орган ПОРП газета «Трибуна Люду» опубликовала редакционную статью с заголовком, аналогичным хрущевскому докладу. В ней резко критиковался сталинизм. Это стало сенсацией и осложнило положение в партии и обществе.

12 марта умер первый секретарь ЦК ПОРП Б. Берут. 15 марта в Варшаву прибыла делегация ЦК КПСС во главе с Хрущевым. Формально она должна была участвовать в похоронах Берута, но главным было стремление выяснить на месте ситуацию в Польше и повлиять на исход выборов нового руководства

Н.С. Хрущев на трибуне XX съезда КПСС

ЦК ПОРП, которое должно было быть дружественным по отношению к СССР. На вакантное место первого секретаря претендовали известные в Польше партийные и государственные деятели: Р. Замбровский, З. Новак, А. Завадский и Э. Охаб. VI пленум ЦК ПОРП, состоявшийся 20 марта 1956 г., остановил свой выбор на Эдварде Охабе, чья политическая биография не вызывала вопросов и который занимал центристскую позицию. И он, и его жена были старыми членами компартии, Охаб прошел тюрьму и большую школу партийной работы. Хрущев, задержавшийся после похорон Берута в Польше, так вспоминал эти дни: «Меня поляки попросили, чтобы я пока не уезжал в Москву. Честно говоря, я тоже хотел на месте дожидаться решения вопроса. Для СССР было далеко не безразлично, кто окажется в польском руководстве. На заседаниях польского политбюро я не присутствовал, ибо не хотел давать повод для обвинения, что Хрущев оказывает какое-то давление... Меня лишь проинформировали, что выдвигают на пост первого се-

кретаря товарища Охаба... У нас не имелось, конечно, никаких возражений против Охаба... В кандидатуре Охаба нас ничто не беспокоило, он был нашим другом и правильно понимал смысл этой дружбы» [11].

Хотя вопрос с руководством ПОРП, казалось, был улажен с учетом интересов Москвы, критическая волна по отношению к СССР в польском обществе нарастала. Общественность и средства массовой информации поднимали ранее запретные темы советско-польских отношений. Например, в Щецине в городском комитете ПОРП при обсуждении доклада Хрущева ставились вопросы о пересмотре оценки Варшавского восстания 1944 г., о расстрелах польских офицеров в Катynie в 1940 г. Естественно, что в центре критики оказалась фигура Сталина: оспаривалась правомерность его причисления к классикам марксизма-ленинизма, на него возлагалась личная ответственность за роспуск в 1928 г. Коммунистической партии Польши, расстрел ее лидеров [12] и т.д. В известной мере эта тема стала еще и информационным поводом для далеко идущих выводов. Так, публично был озвучен вопрос: «Как можно понимать суверенитет Польши при наличии на ее территории советских войск?»

Советский генконсул в Гданьске сообщал в Москву, что «опубликование в польской печати ряда статей о культе личности вызвало много враждебных по отношению к СССР комментариев, особенно в среде интеллигенции», «была отмечена попытка разжигать ревизионистские и антисоветские настроения напоминаниями в связи с ошибками И. Сталина о Западной Украине, Западной Белоруссии и Катynie и т.п.» [13].

Аналогичные процессы распространились на Объединенную крестьянскую партию, Демократическую партию, Союз польской молодежи и другие массовые организации. Критика сталинизма и политики ПОРП охватывала все более широкие слои населения. 28–29 июня в Познани произошли трагические события — демонстрация работников ряда крупных предприятий под лозунгами «Свободы!», «Хлеба!», «Долой коммунизм!» переросла в уличные беспорядки с применением огнестрельного оружия. Власть использовала войска. 70 человек были убиты, около 500 ранено [14].

Польское руководство расценило события в Познани как «враждебную провокацию империалистической агентуры»¹. В прессе появились «письма трудящихся», в которых осуждались выступления в Познани, квалифицировавшиеся как подрывная деятельность.

Несмотря на попытки правительства остановить нараставшие протестные настроения, кризис в общественно-политической жизни Польши нарастал. Он захватил и партийные круги. На VII пленуме ЦК ПОРП, состоявшемся в июле 1956 г., разгорелась жаркая дискуссия по событиям в Познани и по вопросу реабилитации В. Гомулки. Обсуждались его письма в ЦК о корректировке «польского пути» к социализму. Их содержание было известно и в Москве [15]. В ходе пленума обнаружился глубокий раскол в руководстве ПОРП.

В Кремле с возрастающей тревогой наблюдали за процессами, происходившими в Польше (к тому же и в Венгрии события развивались по аналогичной схеме). 30 июня «Правда» опубликовала сообщение ТАСС из Варшавы — «Враждебная провокация империалистической агентуры», в котором излагалась оценка ЦК ПОРП событий в Познани². Через день было обнародовано Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». В нем волнения в Познани квалифицировались как «антинародные», инспирированные происками «американского монополистического капитала»³. Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин, находясь с визитом в Польше по случаю Дня Возрождения — 21 июля, в своей речи на торжественном заседании в Варшаве говорил: «Недавние события в Познани, спровоцированные вражескими агентами, являются новым подтверждением того, что международная реакция все еще не рассталась с бредовыми планами реставрации капитализма в социалистических странах»⁴.

Советские руководители, обеспокоенные событиями в Польше и растущими разногласиями в ЦК ПОРП, искали способ исправить положение. Нужен был сильный и популярный лидер,

¹ Trybuna Ludu. 30.06.1956.

² Правда. 1956. 30 июня.

³ Правда. 1956. 2 июля.

⁴ Правда. 1956. 22 июля.

способный удержать страну в рамках социалистического содружества, в Организации Варшавского Договора, созданной всего год назад. Такого руководителя Кремль нашел в лице В. Гомулки. Он как жертва репрессий и как человек, имевший особый взгляд на «польский путь к социализму», пользовался в стране и партии большим авторитетом. Важным было и то, что Гомулка не нес персональной ответственности за политическую линию последних лет. В то же время Охав явно не справлялся с руководством страной в сложившейся обстановке. Растущие симпатии в ПОРП к В. Гомулке и поддержка его Н. С. Хрущевым привели к тому, что в августе он, а также репрессированные в прошлом М. Спыхальский и З. Клишко были реабилитированы и восстановлены в партии.

Политическая обстановка в начале октября оценивалась в ЦК ПОРП как «очень тяжелая». Росло недоверие населения к правительству, усилились антисоветские настроения, трудящиеся требовали повышения зарплаты, в партии расширялась пропасть между верхами и низами. 1–2 октября политбюро ЦК ПОРП приняло решение поручить Э. Охабу провести необходимые переговоры с В. Гомулкой и привлечь его к участию в работе высшего политического руководства. С его именем связывались надежды на стабилизацию положения в стране. Политбюро констатировало нестабильное состояние ПОРП: отсутствие единства в политическом руководстве, глубокий разрыв между активом и партийными массами. В протоколе заседания политбюро от 10 октября указывалось, что одной из причин кризиса являются неравноправные взаимоотношения Польши и СССР, что негативно воспринимается польским обществом и затрагивает национальное достоинство.

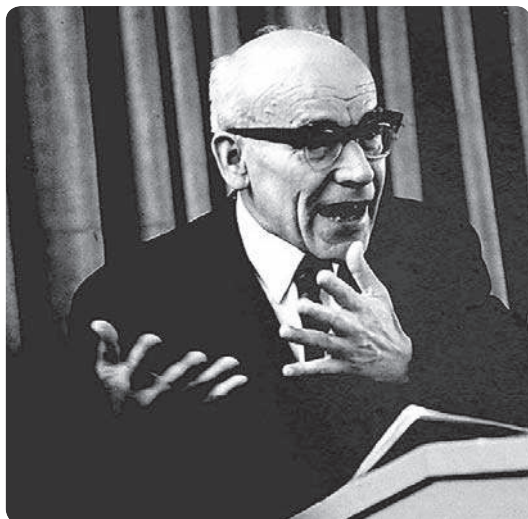
17 октября Гомулку включили в комиссию по подготовке нового состава политбюро. В тот же день было решено рекомендовать Гомулку на пост первого секретаря VIII пленуму ЦК ПОРП, который должен был открыться 19 октября. С этого момента ход событий стал быстро нарастать. Вот что писал Хрущев в заметках «XX съезд и Польша»: «Мы узнали через своего посла (П. К. Пономаренко), что в Польше развернулись бурные события, поляки очень поносят Советский Союз и чуть ли не готовят переворот, в результате которого к власти придут

люди, настроенные антисоветски» [16]. Этому сообщению сопутствовала статья, присланная из газеты «Новая культура» — органа Союза писателей Польши. Ее автор Э. Форган ставил абсолютно крамольный, с марксистской точки зрения, вопрос: не устарел ли лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Посольство СССР в Варшаве направляло в Москву донесения довольно нервного характера [17].

В Кремле решили, что настал час решительных действий. 18 октября министр обороны СССР Г.К. Жуков отдал приказ о приведении в боевую готовность Северной группы войск, дислоцированной в Польше, и Балтийского флота. П.К. Пономаренко уведомил Э. Охаба, что утром 19 октября в Варшаву собирается прибыть делегация ЦК КПСС во главе с Хрущевым. Как вспоминал Охаб, ему ночью позвонил советский посол и просил отложить пленум. «Немедленно собранное мной политбюро, — продолжает Охаб, — утвердило мое решение провести пленум. Я информировал посла о предложениях, которые мы хотели на нем выдвинуть, не вдаваясь ни в какие подробности» [18]. А вот что пишет об этом Хрущев: «Я позвонил в Варшаву, разговаривал с Охабом, спросил, верна ли информация, полученная нами через советское посольство. Он подтвердил. Тогда я спросил, правда ли, что в Польше стало бурно проявляться антисоветизм и что приход Гомулки к власти осуществлялся при опоре на антисоветские силы? Тут же добавил, что мы хотели бы приехать в Варшаву...

Охаб: «Нам нужно посоветоваться, дайте нам время». Потом уже он позвонил и сказал: «Просим Вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание ЦК». Казалось бы, правильный ответ, если относиться к собеседнику с доверием. Но в то время у нас уже доверие к Охабу исчезло... Теперь мы именно с этим и хотели приехать, чтобы оказать соответствующее давление» [11, с. 74].

Ранним утром 19 октября на аэродроме под Варшавой совершил посадку самолет, на котором прибыли члены советской делегации В.М. Молотов, А.И. Микоян и Л.М. Каганович. Несколько минут спустя приземлился и самолет Н.С. Хрущева. Советский лидер вначале подошел к членам делегации КПСС и военным — министру обороны Польши К.К. Рокоссовскому,

*Владислав
Гомулка*

маршалу И. С. Коневу — главнокомандующему вооруженными силами ОВД, послу П. К. Пономаренко и только после этого к встречавшим его полякам — Э. Охабу, премьер-министру Ю. Циранкевичу, председателю государственного совета А. Завадскому. В резких выражениях он упрекал польское руководство в измене общему делу. Позднее на заседании политбюро ЦК ПОРП В. Гомулка рассказывал об этом так: «Я никогда не участвовал в беседах с товарищами по партии в таком тоне... Как можно говорить в таком тоне с применением таких эпитетов с людьми, которые в вас верят» [19].

После острого разговора на аэродроме советские гости направились в отведенную им резиденцию, а польские руководители — на открытие VIII пленума ЦК ПОРП. Пленум начался в 10:00. Охаб объявил повестку дня и предложил кооптировать в ЦК Гомулку, Спыхальского, Клишко и Лога-Савиньского. После того как повестка была принята, а предложенные лица введены в состав ЦК, был объявлен перерыв в работе пленума, поскольку политбюро ПОРП и с одобрения пленума В. Гомулка должны были принять участие в переговорах с прибывшей

советской делегацией, которая в это же время заслушала сообщение Рокоссовского о положении в Польше и признала его критическим [19, р. 41].

Встреча польской и советской делегации началась в 11:00. 19 октября в Бельведере и продолжалась до 3:00 20 октября. Как вспоминал Хрущев, «беседа была бурной. Прямо стоял вопрос: за Советы поляки или против? Разговор шел грубый, без дипломатии. Мы предъявили свои претензии и требовали объяснения действий, которые были направлены против СССР» [11, с. 75]. В ответ на обвинения Гомулка заявил: «Я не могу продолжать дискуссию в таких условиях... Мы готовы выслушать претензии советских товарищей, но если решение надо принимать под угрозой физической силы, я против... Я не хочу разрывать советско-польскую дружбу. Я уверен, что то, что мы предложим, укрепит нашу дружбу» [19, р. 40]. Остальные члены политбюро ЦК ПОРП поддержали Гомулку. В такой напряженной атмосфере встреча с перерывами продолжалась весь день. Главное внимание уделялось трем вопросам: новый состав руководящих органов партии и страны; советско-польские межгосударственные и межпартийные отношения; антисоветские выпады в польских средствах массовой информации. Советских представителей неприятно удивило нежелание поляков предварительно обсудить с ними состав нового политбюро на фоне того, что список кандидатов был помещен на доске объявлений у входа в Варшавский университет еще до открытия пленума и живо обсуждался всеми желающими. Делегация КПСС возражала и против того, что поляки не хотели включить в новое политбюро маршала К.К. Рокоссовского. В выступлении А. Завадского подчеркивалось: «Что касается проекта нового состава руководства, то хочу сказать, что этот вопрос от начала до конца обсуждался как внутренний вопрос нашей партии и ее ЦК»¹. Но все-таки в центре внимания оказался не вопрос о персональном составе политбюро, а проблема польско-советских отношений. При ее обсуждении Гомулка охарактеризовал обстановку в стране и заявил о своей уверенности в том, что ПОРП сумеет успешно справиться с ситуацией

¹ Nowe Drogi. 1956. №10.5.17.

и сохранить Польшу в социалистическом содружестве и Варшавском Договоре. Он потребовал уточнить статус советских войск в Польше и прекратить вмешательство советских официальных представителей во внутренние дела Польши.

Тем временем события продолжали развиваться, обстановка складывалась тревожная. Рокоссовский в перерыве переговоров докладывал Хрущеву: «За мной установлена слежка. Я шагу не могу сделать, чтобы это не стало известно министру внутренних дел» [11, с. 75]. Это были не пустые слова. Дело в том, что накануне Охабу доложили, что командование Варшавским военным округом провело совещание командиров частей и соединений округа и столичного гарнизона. Речь якобы шла о плане нейтрализации руководства ПОРП. Первый секретарь потребовал объяснений от Рокоссовского. Маршал опроверг это сообщение и сказал, что на совещании речь шла о плане охраны наиболее важных объектов в случае, если обстановка в стране подойдет к критической черте [18, р. 386–387]. Но подозрения оставались. Поэтому, когда Хрущев спросил Рокоссовского, насколько можно полагаться на польские войска, тот ответил: «Сейчас польские войска не все послушают моего приказа, хотя есть части (он назвал их), которые выполняют мой приказ» [11, с. 75]. Он выразил мнение, что надо принять жесткие меры против антисоветских сил в Польше» [11, с. 75]. Маршал Конев получил приказ выдвинуть танковую дивизию к Варшаве.

Пока шли острые дебаты в Бельведере, советские танки приближались к польской столице. Узнав об этом, поляки срочно создали военный и гражданский штабы. В военный штаб вошли заместитель министра внутренних дел Ю. Хибнер, командующий внутренними войсками генерал В. Комар, командир корпуса госбезопасности генерал В. Мусь, командующий военно-воздушными силами генерал Я. Фрей-Белецкий, командующий флотом адмирал Я. Висьневский и некоторые другие. На штаб возлагалась задача «следить за передвижением советских войск и информировать политбюро». Хибнер приказал «привести внутренние пограничные войска в боевую готовность и командирам соединений дал понять, что не исключена возможность выступления против советских войск». В случае необходимости предусматривался арест советской делегации.

Были разработаны планы по приведению в боевую готовность авиации и флота [20].

Гражданский штаб, возглавленный первым секретарем Варшавского комитета ПОРП С. Сташевским, должен был обеспечить помощь военному штабу в случае необходимости. Его актив составляли студенты и рабочие автозавода, которые сформировали рабочую милицию. 800 человек были вооружены стрелковым оружием [18, р. 386]. На других заводах и фабриках создавались отряды самообороны.

Сведения о приближении советских войск к Варшаве были доложены польскому руководству. Как вспоминал Хрущев, в разгар горячего спора к нему подошел весьма взволнованный Гомулка. Он сказал: «Товарищ Хрущев, на Варшаву движется русская танковая дивизия. Я очень прошу Вас дать приказ не вводить ее в город. Вообще было бы лучше, если она не подступит к Варшаве, потому что я боюсь, что произойдет нечто непоправимое» [11, с. 75]. Далее Хрущев пишет: «Мы стали отнекиваться, дескать, нет ничего подобного. Я решил не говорить ему, что одновременно с приказом Коневу двинуть на Варшаву советские войска соответствующие указания получил и Рокоссовский, который предпринимал какие-то шаги в тех польских войсках, на которые он мог положиться» [11, с. 76]. Но Гомулка через министерство внутренних дел Польши был хорошо знаком с реальной обстановкой. Он, проверив все еще раз, вновь обратился к Хрущеву: «Товарищ Хрущев, прошу Вас остановить движение советских войск. Вы думаете, что только Вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я как поляк и коммунист клянусь, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими, чем русские в дружбе с поляками. Разве мы не понимаем, что без вас мы не сможем просуществовать как независимое государство?» [11, с. 76].

Был объявлен перерыв, во время которого советская делегация по рекомендации Рокоссовского приняла решение остановить марш танковой дивизии. Хрущев сказал, что он убежден в искренности Гомулки. После этого сообщили полякам, что дивизия вообще не направлялась к Варшаве, а проводила учение, после которого прибыла в назначенный ей по плану пункт [19, р. 44; 11, с. 76]. Обстановка разрядилась, когда поль-

ское руководство через свои каналы убедилось, что советские войска отведены от Варшавы. Совещание продолжалось уже в более спокойном тоне. Были обсуждены вопросы об отзыве советских советников из Польши, о статусе войск Северной группы, дислоцировавшейся в Польше. Большие споры вызвал вопрос о продаже польского угля СССР по заниженным ценам. Это было связано с тем, что в 1945 г. по предложению Советского Союза к Польше отошли германские земли, в том числе Силезия, богатая углем. Сталин не без оснований считал, что поставка дешевого угля из Польской Народной Республики в какой-то мере возместит материальные затраты и жертвы, которые понес Советский Союз при освобождении Польши. Делегация КПСС дала обязательство, что компенсация за уголь будет выплачена [11, с. 77]. Положительно был решен вопрос об отзыве из Польши советских советников (всего более 50 человек). Решился вопрос и о маршале Рокоссовском. Польская сторона считала неприемлемым его членство в политбюро и пребывание на посту министра обороны Польши, поскольку он сохранял советское гражданство, был Маршалом Советского Союза и к тому же плохо владел польским языком. Переговоры завершились в обстановке взаимопонимания и приемлемых для обеих сторон решений.

20 октября советская делегация вернулась в Москву, предварительно договорившись о том, что второй раунд переговоров состоится в ближайшее время. Предполагалось обсудить «проблемы дальнейшего углубления политического и хозяйственного сотрудничества» между Польшей и СССР, а также «дальнейшего укрепления братской дружбы и совместных действий» между обеими партиями¹.

А VIII пленум тем временем продолжал работу. Завадский информировал пленум об инциденте с советской танковой дивизией. Рокоссовский в своем выступлении заявил, что эта дивизия совершила марш в направлении Быдгоща и Лодзи в соответствии с планом учения². С программой деятельности партии выступил В. Гомулка. Он анализировал как межпартийные

¹ Trybuna Ludu. 20.09.1956.

² Nowe Drogi. 1956. № 10. S. 20.

(ПОРП — КПСС), так и межгосударственные аспекты советско-польских отношений. «Взаимоотношения между партиями и государствами лагеря социализма, — говорил Гомулка, — не дают и не должны давать никаких поводов к каким-либо осложнениям. В этом состоит одна из главных черт социализма. Эти отношения должны формироваться по принципам международной рабочей солидарности, должны основываться на взаимном доверии и равноправии, на оказании взаимной помощи, на взаимной дружеской критике, если она окажется нужной, на разумном и вытекающем из духа дружбы и из духа социализма решении всех спорных вопросов. В рамках таких отношений каждая страна должна пользоваться полной независимостью и самостоятельностью, а право каждого народа на суверенное управление в независимой стране должно соблюдаться полностью и взаимно» [21].

Выступившие в прениях по проблемам, затронутым Гомулкой, соглашались с анализом советско-польских отношений, сделанным им. Опыт строительства социализма в СССР признавался не соответствующим польским историческим, социальным и культурным реалиям. Провозглашался собственный путь превращения Польши в «общество социальной справедливости». В то же время антисоветские высказывания в средствах массовой информации подверглись осуждению. 20 октября Гомулка был избран Первым секретарем ЦК ПОРП.

Установка на создание новой основы в отношениях между суверенной Польшей и СССР нашла широкую народную поддержку. Подавляющее большинство поляков надеялось на углубление процессов демократизации в стране и в ПОРП, на совершенствование политической системы, улучшение экономической ситуации.

Два дня спустя после окончания работы пленума Н.С. Хрущев в телефонном разговоре с В. Гомулкой подтвердил, что он «не видит никаких препятствий к тому, чтобы партийные и государственные взаимоотношения между СССР и Польшей основывались на принципах, изложенных VIII пленумом ЦК ПОРП» [22].

В те октябрьские дни на улицах польских городов состоялись многочисленные митинги, достигшие наибольшего на-

кала 19–21 октября. Только после массового (по некоторым оценкам, до 300 тыс. участников) митинга в Варшаве 24 октября, на котором с балкона Дворца культуры выступил Гомулка, призвавший прекратить «митинговщину», жизнь страны стала входить в нормальное русло.

Решения, принятые на пленуме, стали быстро проводиться в жизнь. Был освобожден от поста министра национальной обороны К.К. Рокоссовский (вскоре он вернулся в Москву), ликвидирован институт советских военных советников, заменены начальники политорганов в вооруженных силах. Сменились партийные руководители в воеводствах, в высшие органы законодательной и исполнительной власти вошли представители Объединенной Крестьянской и Демократической партий. Возросло значение сейма как законодательного органа, большую роль в общественной жизни начала играть католическая церковь. Были устранены диспропорции в советско-польских экономических отношениях, аннулировались долги Польши Советскому Союзу по поставкам угля [19, р. 46].

Перемены в общественной жизни Польши происходили на фоне драматических событий в Венгрии.

24 октября в Москве состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС с участием лидеров коммунистических и рабочих партий социалистических стран — В. Ульбрихта и О. Гротевоя (ГДР), Т. Живкова (НРБ), А. Новотного (ЧССР) и представителя КНР — Лю Шаоци. На нем обсуждалось положение в Польше и Венгрии. Хрущев доложил о поездке в Варшаву советской делегации и новом составе политбюро ЦК ПОРП. Он рассказал об обстановке, в которой проходила острая дискуссия, о выступлении Гомулки, сыгравшем ключевую роль с польской стороны на совещании в Бельведерском дворце [19, р. 53].

Темы признания принципов суверенности и равноправия в отношениях между социалистическими странами, невмешательства во внутренние дела друг друга нашли отражение в Декларации правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Она

была принята 30 октября и на следующий день опубликована в советской и польской печати.

В декларации утверждалось, что «страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга». Провозглашалась «необходимость полного учета исторического прошлого и особенностей каждой страны, вставшей на путь строительства новой жизни», а также готовность принять «меры, обеспечивающие дальнейшее развитие и укрепление экономических связей между социалистическими странами с тем, чтобы устранить какие бы то ни было возможности нарушения принципа суверенитета, взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях». Выражалось согласие рассмотреть вопросы о статусе советских войск в Польше, находившихся там «на основании Потсдамского соглашения четырех держав и Варшавского Договора», и отзыве в СССР советских советников. Много места в Декларации отводилось событиям в Венгрии¹.

В процессе дальнейшего урегулирования советско-польских отношений немалую роль сыграла и встреча советских и польских руководителей в Бресте 1 ноября. Она проводилась в закрытом порядке: обсуждались события в Венгрии. СССР представляли Хрущев, Маленков и Молотов, Польшу — Гомулка и Циранкевич. Как вспоминал Хрущев, «Гомулка высказал сожаление, что ситуация очень сложная, но все-таки он считает, что не следует применять военную силу... Мы все-таки считаем, что войска выводить не следует, но и пускать их в дело тоже не следует, — продолжал Гомулка. — Надо дать возможность правительству, занимающему контрреволюционные позиции, разоблачить себя. Тогда венгерский рабочий класс сам восстанет и свергнет его» [23]. Выяснив позиции друг друга, участники встречи разъехались, но польские руководители в тот же день, следуя согласованной на встрече линии, обратились к венграм с призывом к благоразумию. Это проявле-

¹ Известия. 1956. 31 октября.

ние «социалистического интернационализма» было прямым следствием польско-советских переговоров и Декларации 30 октября.

Второй раунд официальных советско-польских переговоров состоялся в Москве 15–18 ноября 1956 г. Принятая на нем совместная декларация утверждала принципы полного равноправия, уважения территориальной целостности, независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела¹. Декларация определяла статус советских войск в Польше, экономические отношения между двумя странами и порядок дальнейшей репатриации поляков, находившихся в СССР вследствие Второй мировой войны.

Итоги переговоров были встречены в Польше с энтузиазмом. Новое руководство страны быстро набирало авторитет во всех слоях общества. Кризис в советско-польских отношениях был преодолен. Польша первой из стран советского блока сумела добиться выгодного компромисса с могущественным соседом и союзником, причем политическими средствами, смогла избежать того, что произошло в Венгрии в ноябре того же года. Своим успехом поляки в первую очередь были обязаны Гомулке. Он понял, что главным в позиции Москвы было сохранить Польшу в Организации Варшавского Договора. Выход из него такого ключевого государства грозил непредсказуемыми последствиями. Именно поэтому Гомулка горячо убеждал Хрущева и его коллег в том, что Варшавский Договор нужен Польше не меньше, чем Советскому Союзу, что он отвечает национальным интересам польского суверенного государства. В конечном счете это привело стороны к соглашению. Руководство СССР, в свою очередь, воздержалось от применения военной силы и пошло на разумный компромисс.

По-видимому, в Кремле не обольщались относительным успехом и отдавали себе отчет в том, что невозможно решить «польский вопрос» раз и навсегда. Тем не менее в Польше до конца 70-х гг. сопротивление советской «модели социализма» не достигало такого накала, как, например, в Чехословакии в 1968 г., хотя «польский вопрос» постоянно присутствовал

¹ Правда. 1956. 19 ноября.

на втором плане во всех перипетиях противостояния СССР — США и НАТО — ОВД.

Конечно, несколько нарочитая с советской стороны демонстрация полного взаимопонимания между СССР и Польшей не вполне соответствовала истинному положению вещей, но была понятной и естественной. Не бывает межгосударственных отношений без противоречий, даже если речь идет о союзниках.

Польский кризис был разрешен именно политическими средствами, хотя Москва и была готова применить силу и даже предприняла некоторые шаги в этом направлении. Избежать насилия удалось потому, что политическое руководство СССР проявило благоразумие и способность пойти на компромисс, встретив твердую, но конструктивную позицию польских лидеров в вопросе строительства советско-польских отношений на новых принципах. Это можно расценивать как победу здравого смысла. Большая заслуга в разрешении польской проблемы политическими средствами принадлежала лидерам обоих государств. В. Гомулка сумел четко сформулировать и обосновать новые принципы отношений между Польшей и СССР и их правящими партиями, мужественно отстаивал их и предложил взаимоприемлемое решение проблемы. Н.С. Хрущев после неудачных попыток действовать в привычном для него жестком духе смог здраво оценить обстановку и проявил гибкость, убедив других членов советской делегации пойти на разумный компромисс.

4.4. Венгерский кризис: силой на силу

*Многие готовы поставить знак равенства
между пожаром и пожарной командой.*

Уинстон Черчилль

Кризис в Венгрии, имевший корни, в чем-то схожие с польскими событиями, развивался по другому сценарию. Страна также встретила 1956 год в обстановке обострившихся общественных противоречий и острых внутривнутриполитических коллизий. В известной степени это было связано с новой, антисталинской политикой руководства СССР. Как и в других странах

Восточной Европы, в Венгрии большой резонанс получили решения XX съезда КПСС, который осудил «культ личности» Сталина и принял важные политические решения. Однако венгерское партийно-политическое руководство во главе с первым секретарем ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши не спешило «брать на вооружение» советский опыт. Перемены в сторону либерализации угрожали самому существованию режима личной власти Ракоши, вызывавшего все большее недовольство в стране.

Летом 1956 г. ситуация в Венгрии быстро приближалась к критическому уровню. Обеспокоенное советское руководство направило в Будапешт своих представителей для выработки необходимых мер по стабилизации положения. Побывавший в Венгрии член Президиума ЦК КПСС М.А. Суслов, однако, не увидел тогда особых причин для беспокойства.

Сторонники Ракоши, решив, что могут рассчитывать на советскую поддержку, начали планировать меры по усилению борьбы с «правой опасностью». В частности, была поставлена задача «разработать и осуществить мероприятия, обеспечивающие усиление партийной работы в МВД и его местных органах, а также принятие других необходимых мер для борьбы с подрывной деятельностью оппозиции и вражеской агентуры».

Но объявленная ракошистами кампания «по наведению порядка» только накалила обстановку и увеличила опасность открытого выступления оппозиции. В этих условиях пленум ЦК ВПТ, начавший свою работу 18 июля 1956 г. с участием специально прибывшего в Будапешт А.И. Микояна, узаконил отзыв Ракоши с поста первого секретаря ЦК. Эрне Гере стал новым руководителем партии и государства, а для его поддержки в политбюро были введены министр внутренних дел Л. Пирош и Й. Реваи, что обеспечивало перевес консервативных сил. Все эти кадровые решения были согласованы с Москвой. В высшем эшелоне власти лишь один известный политический деятель — Янош Кадар, недавно выпущенный из тюрьмы, выступал за политические реформы [24].

Перемены в руководстве не успокоили венгерское общество, а скорее, даже ускорили ход событий. В Кремле осознавали сложность положения: характерно, что летом-осенью 1956 г.

*Если бы все закончилось сожжением
русских книг... Будапешт, 1956 г.*

там уже допускали возможность силового воздействия на развитие ситуации в Венгрии. Так, после июньского совещания руководителей компартий в Москве Н.С. Хрущев писал И. Тито, что если внутривластная обстановка в Венгрии будет ухудшаться, то не исключается использование любых средств для преодоления кризиса¹. При этом он подчеркивал, что Советский Союз не может допустить, чтобы была пробита брешь в системе. А Венгрия могла стать таковой: не случайно заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко, обращаясь в Президиум ЦК КПСС, писал об опасности, которая «грозит единству социалистического лагеря»².

К осени 1956 г. стало ясно, что новое партийно-государственное руководство Венгрии во главе с Э. Гере и премьером А. Хегедюшем не справляется со своими задачами и пик кризиса не за горами.

¹ Litvan Gy. Op. Cit. 745 old.

² «Jelcin-dosszie»... 42–43 old.

Одним из центров венгерской оппозиции являлся Будапештский политехнический университет. Его студенты выдвигали требования созыва внеочередного партсъезда, удаления консерваторов из руководства, восстановления в должности бывшего премьера И. Надя, снятого с этого поста за попытки проведения демократических реформ, отказа от чрезмерных госпоставок сельскохозяйственной продукции, и др. Со временем эти лозунги стали почти привычными, но 22 октября 1956 г. к ним прибавились и такие, которые выражали национально-демократические устремления: расширение гражданских прав, введение многопартийности, проведение свободных выборов, возвращение старой национальной символики. Среди требований будапештских студентов особо выделялся вывод советских войск, а также изменение характера советско-венгерских отношений на основе равноправия и принципа невмешательства во внутренние дела друг друга.

На 23 октября 1956 г. венгерская оппозиция готовила масштабный антиправительственный митинг.

Москва внимательно следила за развитием ситуации. 23 октября председатель КГБ СССР И.А. Серов и первый заместитель начальника Генштаба Советской Армии М.С. Калинин уже находились в Венгрии: первый — в Управлении государственной безопасности, а второй — в расположении командования Южной группы советских войск.

Само венгерское руководство пребывало в растерянности: в ходе обсуждения вопроса о предстоящем митинге начальник милиции Будапешта Й. Силади в присутствии Серова отказался дать согласие на использование подведомственных ему формирований для разгона демонстрантов. Большинство колебалось. Только Й. Реваи и новый член партийного руководства, заместитель председателя правительства Д. Марошан открыто заявили: «Если потребуется, мы будем стрелять» [25].

23 октября тысячи жителей Будапешта вышли на демонстрацию, требуя удаления «символа сталинистской тирании и политического подавления» — памятника Сталину — и возвращения на родину Ракоши, нашедшего убежище в СССР, с тем чтобы тот предстал перед судом «за свои преступления и антинародные действия» [26]. Днем события развивались мирно, но тем же

вечером у здания парламента собрались десятки тысяч представителей разных социальных групп, включая рабочих крупнейших промышленных предприятий Будапешта. Они требовали, чтобы перед ними выступил опальный Имре Надь, настаивали на возвращении его на пост премьер-министра и продолжении его реформ. В толпе слышались крики: «Долой Гере!». Часть демонстрантов отправилась к памятнику Сталину и самовольно приступила к его демонтажу; другие отправились к зданию радио, рассчитывая добиться передачи в эфир своих требований. Руководство венгерского радио не разрешило этого. На попытку демонстрантов силой проникнуть в здание охрана из службы безопасности ответила огнем. В ответ демонстранты разоружили группу солдат, прибывшую для усиления охраны здания. Часть милиционеров и военных перешла на сторону оппозиции. В городе начались вооруженные столкновения, местами происходили погромы и убийства партийных активистов.

Следует отметить, что ни Гере, ни другие члены венгерского партийно-государственного руководства, ни Хрущев, ни советские лидеры в целом не ожидали такого стремительного и бурного развития событий в Будапеште.

Той же ночью партийные власти Венгрии приняли срочные меры по пополнению высшего руководства людьми из демократического крыла партии в расчете на то, что с их помощью удастся успокоить восставших. И. Надь был вскоре назначен Президиумом ВНР на пост председателя Совета министров вместо А. Хегедюша. Но это уже не могло переломить ход событий. Не помогло и введение чрезвычайного положения.

В тот же день министр обороны СССР Г.К. Жуков сообщил Н.С. Хрущеву о том, что Гере обратился к советскому военному атташе в Будапеште с просьбой об оказании помощи в целях разгона «демонстрации небывалого масштаба» [27]. Президиум ЦК КПСС не сразу дал «добро» на использование советских войск. Это произошло лишь после очередного доклада советского посла «об исключительно опасной ситуации и необходимости советского вмешательства». Только под впечатлением настойчивых звонков Гере и информации, поступившей из посольства в Будапеште, Президиум ЦК КПСС решился на военное вмешательство.

На территории Венгрии, преимущественно в ее западных районах, в соответствии с двусторонним соглашением и Варшавским Договором дислоцировался советский Особый корпус в составе двух механизированных (2-я и 17-я гвардейские) и двух авиационных дивизий, а также частей обеспечения. В случае войны корпус имел задачу совместно с венгерской армией прикрыть границу с Австрией и обеспечить перегруппировку войск с территории Советского Союза. Когда решение на применение силы было принято, Жуков отдал приказ частям Особого корпуса войти в Будапешт.

Уже в 23 часа 24 октября корпус был поднят по тревоге и начал выдвижение в Будапешт для «оказания помощи венгерским войскам и силам госбезопасности в наведении общественного порядка». После совершения 75–100-километрового ночного марша механизированные дивизии к утру следующего дня вступили в город с целью выбить вооруженные группы мятежников из захваченных ими зданий и взять ключевые объекты столицы под охрану.

При вводе советских войск в Будапешт расчет был прежде всего на демонстрацию силы, однако их появление на улицах города вызвало сопротивление демонстрантов, местами имевшее вооруженный характер. Советские войска вынуждены были преодолевать завалы и баррикады, их личный состав забрасывался камнями, техника — бутылками с зажигательной смесью, попытки взять важные государственные объекты под охрану встречали огневое сопротивление. Венгерская полиция бездействовала, армейские подразделения большей частью соблюдали нейтралитет, а некоторые перешли на сторону восставших. Сил корпуса для решения поставленных задач было явно недостаточно. В связи с этим на территорию Венгрии были выдвинуты еще две советские дивизии: 33-я механизированная и 128-я стрелковая.

Между тем силы мятежников росли, в том числе за счет выпущенных из тюрем уголовников (около 10 тыс. человек) и прибытия эмигрантов из-за границы; сопротивление повстанцев нарастало, а их действия становились все ожесточеннее.

В связи с полученными сведениями о готовящихся на границе с Австрией провокациях со стороны американских и запад-

ногерманских войск, а также начавшихся волнениях в других городах Венгрии 17-я гвардейская мотострелковая дивизия была выведена из состава будапештской группировки с задачей быть в готовности действовать на других направлениях.

Само венгерское руководство, обратившись за помощью к советским войскам, решительных мер по восстановлению порядка не предпринимало, хотя надо сказать, что его представители встречались с делегациями рабочих, студентов, интеллигенции, провинциальных партийных комитетов. Однако сколько-нибудь значительного эффекта это не имело.

К вечеру 25 октября, пользуясь растерянностью и бездействием властей, среди демонстрантов стало распространяться оружие, начали формироваться организованные группы, которые вскоре приступили к захвату важных объектов столицы: национального радицентра, центральной телевизионной станции, аэродрома, вокзалов, военных складов, редакций газет. Нападению подверглись районные комитеты партии и органы госбезопасности. Становилось ясно, что восстание спланировано и управляемо. Число убитых и раненых с обеих сторон росло.

Давление оппозиции заставило правящую партию принять меры, которых долго добивалось ее реформаторское крыло. К 27 октября стала очевидной невозможность дальнейшего сохранения Э. Гере на своем посту. Вопрос о его замене был рассмотрен на заседании политбюро, где в присутствии Сулова и Микояна принимается соответствующее решение. Избрание Я. Кадара новым лидером Венгерской партии трудящихся позволило сделать некоторые конкретные шаги в направлении ликвидации кризиса.

Однако присутствие в Будапеште частей Особого корпуса, их участие в подавлении мятежа способствовало тому, что на передний план требований повстанцев все чаще стали выдвигаться вопросы национального суверенитета и вывода советских войск. И. Надь, пытаясь добиться прекращения вооруженных столкновений, от имени правительства заявил в своем выступлении по радио 25 октября, что советские войска будут выведены из страны «незамедлительно после восстановления мира и порядка» [26, 72 old.].

Это не могло встретить понимания со стороны советских представителей, которые упрекнули Надя за одностороннее, заранее не согласованное с ними заявление. После этого Надь и Кадар решили не включать в официальный текст обращения ЦК и Совмина обещание о выводе советских войск из страны [28].

Правительство И. Надя надеялось урегулировать конфликт с повстанцами мирными средствами и с этой целью призвало к прекращению огня, а также объявило амнистию для тех, кто сложит оружие. Однако оппозиция продолжала оказывать давление на власть с тем, чтобы она выполнила три основных требования: вывод советских войск; формирование нового правительства на коалиционной основе; роспуск органов госбезопасности. Ряд общественных организаций и союзов фактически занял такую же позицию. Так, Союз писателей Венгрии решительно выступил за отвод советских войск в казармы, а представительная делегация рабочих подала петицию с требованием вывода советских войск из страны до начала 1957 г., а также выхода Венгрии из ОВД¹.

28 октября Совет Безопасности ООН поставил на повестку дня вопрос о положении в Венгрии. К этому моменту правительство Надя встало перед дилеммой: либо полная конфронтация, либо попытка примирения на основе удовлетворения требований мятежников. Начавшиеся вооруженные столкновения в Мишкольце, Дьере, Эстергоме, Мошонмадьярваре, Залаэгерсеге, Кечкемете, Тисакечкеше и других городах подтолкнули Надя к выводу, что выход из кризиса возможен лишь на пути дальнейших уступок.

Выступая вечером 28 октября по радио, премьер изложил программу обновленного правительства, в котором несколько мест выделялось для представителей влиятельной в прошлом Партии мелких сельских хозяев и других оппозиционных политических сил. Было обнародовано распоряжение о немедленном прекращении огня. Расформировывались органы госбезопасности. Получили признание стихийно возникшие органы народного самоуправления — революционные и рабочие Советы. Были восстановлены национальный герб и нацио-

¹ Irodalmi Ujsag. 1956. Okt. 26.

нальный праздник 15 марта — День памяти революции 1848 г. В заявлении Надя говорилось и о том, что, согласно достигнутой договоренности с правительством СССР, в ближайшие дни начнется вывод советских войск из Будапешта. Надя также открыто изменил свою прежнюю оценку происходящих событий, назвав их «мощным народным, демократическим движением», а самих мятежников — «борцами за свободу».

Правительственное заявление было встречено с одобрением со стороны оппозиции, оно означало ее полную победу. В стране возникла новая политическая ситуация, стали складываться предпосылки для преодоления кризиса за счет полного слома прежней модели власти.

Советские войска, как и обещал И. Надя, 30 октября были выведены из Будапешта, но в этот же день произошел серьезный инцидент: у Будапештского горкома партии группа мятежников заметила сотрудников распущенных органов госбезопасности. Повстанцы решили, что в подвале здания держат арестованных. Под предлогом их освобождения собравшиеся на площади попытались проникнуть в здание, после чего началась перестрелка, которая завершилась штурмом здания и расстрелом его защитников [29]. В Будапеште начался кровавый террор против коммунистов.

Новый взрыв насилия в Будапеште потребовал реакции как от венгерского, так и от советского руководства. Я. Кадар, до того момента поддерживавший И. Надя, вышел из правительства и с группой своих сторонников покинул Будапешт.

На состоявшемся 31 октября заседании Совета министров ВНР под председательством Надя было принято решение обратиться к СССР и выразить пожелание «начать переговоры о выводе советских войск со всей территории Венгрии», определить их время и место. Телеграмма такого содержания была отправлена Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову¹.

В тот же день И. Надя заявил советскому послу Ю.В. Андропову, что его правительство «вторжение советских войск расценивает как шаг, грубо попирающий независимость и су-

¹ Nepszabadsag. 1956. Now. 2.

веренитет Венгрии, и самым решительным образом требует» их отзыва. Он предупредил Андропова, что если советское правительство не остановит продвижение войск, то Будапешт объявит о нейтралитете страны, о ее выходе из ОВД¹.

После этого правительство Венгрии практически незамедлительно приняло решения², которые предусматривали: а) немедленное провозглашение нейтралитета страны; б) выход из ОВД, обращение к ООН с просьбой о внеочередном рассмотрении вопроса и о защите суверенитета Венгрии со стороны четырех великих держав; в) информирование иностранных представительств в Будапеште и обнародование принятых решений в печати; г) организация советско-венгерских переговоров о выводе войск, определение состава венгерской правительственной делегации.

1 ноября И. Надь по радио провозгласил нейтралитет ВНР и объявил о ее готовности жить в дружбе со всеми соседними странами, включая СССР, на принципах равноправия и независимости. Он говорил также о революционной борьбе венгерского народа, «которая привела к свободе и независимости»³. Одновременно с этим активно создавались вооруженные отряды «национальной гвардии», численность которых к 4 октября составила свыше 10 тыс. человек. Мятежники получили в свое распоряжение и тяжелое вооружение, включая около сотни танков.

Заявления венгерского правительства о нейтралитете и выходе страны из Варшавского Договора, а также требование немедленного вывода советских войск с территории Венгрии вызвали озабоченность не только руководства Советского Союза, но и его союзников по Варшавскому Договору — ГДР, Польши, Чехословакии, Румынии и Болгарии, а также Югославии и Китая. В военно-стратегическом отношении потеря Венгрии и возможное появление на ее территории войск НАТО представляли угрозу группировке войск Объединенных вооруженных сил ОВД и ставили под удар другие восточноевропейские страны [30].

¹ Hianyzo lapok... 127 old.

² UMKL. XX-5-h (25.kot). 103–104 old.

³ Nepszabadsag. 1956. Nov. 2.

*За минуту до расстрела. Захваченные мятежниками
сотрудники венгерской госбезопасности*

Жестокие действия венгерской контрреволюции и антисоветские заявления правительства Венгрии было невозможно игнорировать. Сама логика развития ситуации подталкивала советское руководство к силовым действиям. Кроме того, в венгерских событиях Москва видела не просто отход от советских образцов, не просто ущемление своего престижа, но и прямую угрозу.

Еще 27 октября на основании приказа Г.К. Жукова министерство обороны СССР и Генштаб приступили к разработке планов военных операций [31]. Затем ситуация вроде бы стала выправляться, но 30 октября все вернулось на круги своя. Позиция советского руководства в венгерском вопросе окончательно определилась 31 октября 1956 г. после кровавых событий в Будапеште и была оформлена решением Президиума ЦК КПСС¹. Принятый комплекс организационных и военно-политических мер решил в итоге исход венгерского кризиса.

¹ «Jelcin-dosszie»... 73 old.

Для подавления вооруженного мятежа в Венгрии советское военно-политическое руководство создало мощную группировку вооруженных сил численностью около 200 тыс. человек. Кроме Особого корпуса задействовали значительные дополнительные контингенты. Из Советского Союза в Венгрию было введено еще восемь дивизий.

Общее руководство операцией по вводу войск и подавлению мятежа («Вихрь») осуществлял Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран — участниц Варшавского Договора Маршал Советского Союза И. С. Конев, а действиями группировки войск в Будапеште — командир Особого корпуса генерал П. Н. Лашенко. Организация Варшавского Договора поддержала это решение, а правительства Румынии и Болгарии предложили использовать для его реализации свои войска.

Операция началась 4 ноября. Рано утром, почти одновременно с началом военных операций, в радиозэфире прозвучало обращение нового, созданного в г. Солноке Революционного рабоче-крестьянского правительства Я. Кадара. В нем говорилось, что это правительство обратилось с просьбой к командованию советских войск, чтобы оно «помогло нашему народу разбить черные силы реакции и контрреволюции, восстановить народный социалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в нашей стране» [32].

В 12 часов дня маршал Жуков доложил в высшие партийно-государственные инстанции о начале операции «Вихрь»: «В 6 часов 15 минут 4 ноября с.г. советские войска приступили к проведению операции по наведению порядка и восстановлению народно-демократической власти в Венгрии»¹. Сообщалось о занятии городов, важнейших мостов, железнодорожных узлов и других стратегических объектов страны, в том числе самой венгерской столицы.

В результате стремительных действий советских войск гарнизоны и аэродромы венгерской армии были блокированы, некоторые части и подразделения разоружены. Советские войска вошли во все крупные города страны, в том числе и в Будапешт. В столице Венгрии при продвижении войск к центру города борь-

¹ «Jelcin-dosszie»... 93 old.

ба усиливалась, а при попытке захвата объектов они встречали хорошо организованное упорное сопротивление, в том числе со стороны отдельных подразделений венгерской армии. В некоторых районах города развернулись ожесточенные уличные бои. Опорные пункты мятежников последовательно подавлялись огнем артиллерии и танков и захватывались пехотой.

Военные действия характеризовались высокой интенсивностью, решительностью и скоротечностью. Венгерская армия, за исключением небольшой части Будапештского гарнизона, сопротивления не оказала. Задачи, поставленные перед войсками, были полностью выполнены.

И. Надь после вступления советских войск в Будапешт заявил по радио об «очевидных намерениях свергнуть законное демократическое венгерское правительство»¹, а сам вместе со своими сторонниками нашел убежище в здании югославского посольства. Радио Будапешта на русском и венгерском языках постоянно передавало сообщение: «Венгерское правительство просит офицеров и солдат Советской Армии не стрелять. Избегайте кровопролития! Русские — наши друзья и останутся ими!» [26, 488 old.].

Очаговое вооруженное сопротивление имело место в ряде районов венгерской столицы вплоть до 11 ноября. Последним опорным пунктом мятежников в Венгрии, где велись бои, было предместье Будапешта Чепель [33].

7 ноября 1956 г. правительство Я. Кадара приступило к работе в Будапеште.

По венгерским данным, с 23 октября 1956 по январь 1957 г. (то есть до тех пор, пока не прекратились отдельные вооруженные стычки мятежной оппозиции с венгерскими властями и советскими войсками) с венгерской стороны погибли 2502 человека и были ранены 19 226 человек [30, с. 76]. С советской стороны были убиты, умерли от ран и пропали без вести 720, а ранены 1540 человек [34]. В период вооруженных столкновений и после их окончания у венгерских вооруженных отрядов и населения было изъято более 44 тыс. единиц стрелкового оружия.

¹ 1956 sajtoja... 482 old.

Лицо венгерского мятежа

В первые месяцы после подавления мятежа Венгрию покинуло свыше 200 тыс. человек (около 2% населения).

Говоря о позиции Запада в отношении венгерских событий, нельзя не отметить ее лицемерный и в значительной мере подстрекательский характер. По существу венгерское население на протяжении длительного времени провоцировалось передачами радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа». В них содержалась настоящая программа действий для людей, не согласных с порядками, существовавшими в Венгрии. В эфире раздавались прямые призывы к свержению существующего строя и выходу страны из социалистического содружества. К тому же материалы «Голоса Америки» и «Свободной Европы» были составлены таким образом, что порождали у многих венгров иллюзию, что если развитие событий примет «чрезвычайный характер», то Запад «не оставит Венгрию в беде». Однако, как показывают исследования последних лет, западные державы и не собирались идти на помощь венгерским мятежникам [35].

В конце октября в Москве стало известно о принципиальной позиции администрации США по венгерскому вопросу.

Нежелание окончательно порывать с принципами Ялтинских и Потсдамских соглашений, сосредоточение внимания на Суэцкой проблеме способствовали тому, что президент Д. Эйзенхауэр отказался от прямой поддержки мятежа. Вашингтонская администрация провозгласила политику невмешательства, о чем посол США в Москве Ч. Болен 29 октября уведомил советское руководство [30, с. 85, 89]. В тот же день Израиль, начав войну против Египта, вторгся в зону Суэцкого канала. В военный конфликт вмешались вооруженные силы Англии и Франции. Венгерские историки не без основания полагают, что все эти факторы в итоге оказали решающее влияние на политику СССР [36].

Руководящие круги США и НАТО пришли к выводу, что в сложившейся ситуации лучше всего представить события в Венгрии как внутреннее дело советского блока. В этой связи красноречивы свидетельства бывшего в то время министром обороны ФРГ Ф.-Й. Штрауса. «Сперва американцы внушают венграм надежду, — писал Штраус в своих воспоминаниях, — а когда дело становится серьезным, они бросают венгерский народ на произвол судьбы. Не могло идти речи о военном вмешательстве со стороны НАТО. Подавление венгерского народного восстания Красной Армией не рассматривалось как акция, затрагивающая интересы НАТО... Я и сегодня твердо убежден, что русские не осуществили бы вторжения, если бы американцы заранее позаботились о том, чтобы занять ясную позицию» [37].

Думается, что в приведенной оценке Штрауса есть только часть правды. Запад хотел добиться победы в Венгрии, ничем не рискуя, и делал для этого все, что было в его силах. А вот Советский Союз образца 1956 г. просто не мог позволить себе безучастно наблюдать за разворачивавшимся белым террором в Венгрии и быстрым превращением вчерашнего союзника в непримиримого противника. Тем более что силы и желание для изменения ситуации у него были.

Открытое выступление Запада на стороне мятежников неминуемо привело бы мир к катастрофическим последствиям. Эйзенхауэр, помня Вторую мировую войну, хорошо это понимал и сумел вовремя остановиться.

4.5. Суэцкий кризис: искусство политического блефа

*Нельзя выиграть войну под лозунгом
«Осторожность прежде всего!»
Уинстон Черчилль*

Параллельно с событиями в Польше и Венгрии развивался еще один конфликт — на Ближнем Востоке, вошедший в историю как Суэцкий кризис. Здесь с развалом колониальной системы образовался определенный «вакуум силы». Его стремились заполнить и старые метрополии — Англия и Франция, и новые сверхдержавы — СССР и США.

До середины 50-х гг. Египет, бывший с 1914 по 1921 г. протекторатом Великобритании, а в 1922 г. став формально независимым Королевством, фактически оставался под английским контролем. 15 октября 1951 г. Египет расторг договор 1936 г., на основании которого на его территории дислоцировались английские войска. Но англичане не только не вывели войска, но и увеличили их численность до 120 тыс. человек. Ответом стали массовые митинги протеста и вооруженные акции против английских оккупантов [38].

23 июля 1952 г. в Египте произошла революция: группа «свободных офицеров» во главе с полковником Г. Насером свергла монархический режим и провозгласила страну республикой. Новое правительство стремилось проводить независимую политику. Это привело к ухудшению отношений с Англией и обострило противостояние с Израилем. Несмотря на то что в 1950 г. Англия, США и Франция подписали соглашение, запрещавшее продажу оружия как арабским странам, так и Израилю, Париж и Тель-Авив в 1954 г. заключили секретный договор о поставке Израилю новейшего французского вооружения [39]. В 1953 г. США предложили президенту Насеру военно-экономическую помощь и замену английских войск силами НАТО, но получили отказ. Стремясь продлить свое присутствие в Египте, Великобритания подписала в 1954 г. соглашение с Египтом о выводе своих войск в течение 20 месяцев и передаче правительству Насера всех военных объектов на территории страны. С созданием в 1955 г. так называемого Багдадского пакта (Турция, Ирак,

Иран, Пакистан, Великобритания) Египту было предложено вступить в эту организацию, но Каир отказался. Положение на Ближнем Востоке осложнялось. Израиль и страны Багдадского пакта рассматривались Египтом как враждебное окружение. Народно-освободительная война в Алжире, обретение независимости Сирией, Суданом, Тунисом, Марокко — все это говорило о бурно развивающемся процессе распада колониальной системы Запада. Создавались благоприятные предпосылки для расширения советского влияния в этом регионе, что весьма беспокоило руководство НАТО. Эти опасения не были беспочвенными. С 1955 г. по просьбе Насера, после того как Запад отверг его просьбу о поставках Египту оружия, Москва через Чехословакию начала продавать Египту современные вооружения: танки, самолеты, артиллерию и т.д. [16, с. 142].

В США, Великобритании и других странах Запада советско-египетские контакты вызывали растущую тревогу: там не хотели пускать русских на Ближний Восток, и без того охваченный революционным брожением. Президент Эйзенхауэр обещал Насеру американскую финансовую помощь в строительстве Асуанской плотины. Но когда египетский президент признал КНР и начал закупать оружие у ЧССР, США 21 июля 1956 г. отказались от своего обещания. Это поставило Египет в безвыходное положение: крах грандиозного проекта грозил огромными неприятностями экономике страны. Тогда Насер пошел на крайне дерзкий шаг: он решил национализировать Суэцкий канал. На грандиозном митинге в Александрии 27 июля он объявил, что средства, вырученные от национализации канала, пойдут на строительство Асуанской плотины, и сообщил об обещании СССР оказать экономическую помощь Египту (согласие на это советское правительство дало в июне во время визита министра иностранных дел Д. Т. Шепилова в Египет).

Заявление Насера вызвало настоящую бурю в Лондоне и Париже. 27 июля премьер-министр Великобритании А. Иден направил телеграмму Д. Эйзенхауэру. Он писал, что Запад не может позволить Насеру захватить Суэц. Он требовал немедленных совместных англо-американских действий, считая, что в про-

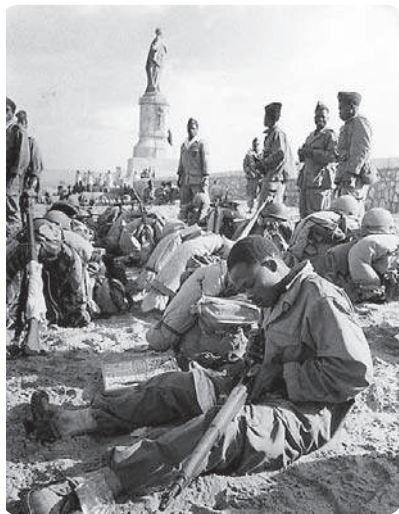
тивном случае американско-английское влияние на Среднем Востоке будет «непоправимо подорвано». Он утверждал, что интересы морских государств оказались под угрозой, поскольку египтяне не обладают технической компетенцией, необходимой для эксплуатации канала. Иден сообщал о подготовке в Англии планов военных действий против Египта, считая, что Запад должен «образумить Насера».

Эйзенхауэр не во всем разделял взгляды британцев. Он полагал, что «власть суверенного государства — отчуждать частную собственность на своей собственной территории — вряд ли может быть подвергнута сомнению... Насер действовал в пределах своих прав». Но он был уверен и в другом: «...размышляя о нашей ситуации в Панаме, мы не должны допустить, чтобы эта акция сошла Насеру просто так» [40].

Однако англичане и французы вели свою игру. На встрече представителей США, Великобритании и Франции в конце июля позиции Лондона и Парижа совпали: пресечь попытку неповиновения Египта в зародыше любым путем, не останавливаясь перед применением силы. США призывали их не спешить, рассчитывая своим миротворчеством получить политические дивиденды в арабском мире. Не будучи колониальной империей, Соединенные Штаты могли найти понимание у арабов в их борьбе против колониализма и в конечном счете потеснить своих союзников-конкурентов в богатейшем нефтеносном регионе. Поэтому американские представители предложили интернационализировать канал, передав управление им под международную юрисдикцию. Недельная дискуссия, однако, не привела к согласию.

Тогда бывшая компания Суэцкого канала отозвала своих лоцманов, проводивших океанские корабли через узкий и сложный фарватер. Это был хорошо рассчитанный удар. Не готовое к такому обороту дела правительство Египта начало поиск новых лоцманов, но в условиях противодействия Лондона и Парижа эта задача не могла быть быстро решена. Тогда на помощь Египту пришел Советский Союз.

По распоряжению Н. С. Хрущева в Египет были направлены лоцманы из СССР. Они в большинстве своем имели высокую квалификацию и могли быстро освоить условия работы на

*Французский десант
в Порт-Саиде*

Суэцком канале. Ехали в Египет лоцманы как «частные лица, нанятые администрацией канала» [23, с. 219]. Этим актом советское правительство демонстрировало нарождающемуся третьему миру свою солидарность с народами, обретающими независимость, и показывало Западу, что СССР выходит на международную арену в новом качестве как активный участник мировой политики в третьем мире.

Желание США дистанцироваться от воинственной позиции Великобритании и Франции, акции СССР по оказанию помощи Египту еще более усилили напряженность на Ближнем Востоке. Правительства Англии и Франции начали готовить интервенцию в Египет. К разработке военных планов присоединился и Израиль. Складывалась коалиция, в которой каждый из участников преследовал свои цели. Англия и Франция стремились сохранить все военно-политические и экономические выгоды от владения Суэцким каналом. Кроме того, Великобритания надеялась укрепить свое пошатнувшееся политическое влияние на Ближнем и Среднем Востоке, а Франция — наказать Египет за его активную поддержку национально-освободительной

борьбы в Алжире. Цели Израиля состояли в расширении своей территории и ослаблении Египта [39, с. 170].

В США с тревогой наблюдали за военными приготовлениями своих союзников. Американские разведслужбы отметили возросшую интенсивность радиообмена шифрованными посланиями между Лондоном и Парижем. Воздушная разведка докладывала, что Израиль проводит мобилизацию, на израильских авиабазах отмечалось до 60 французских реактивных истребителей-бомбардировщиков «Мистэр». Узнав об этом, президент Эйзенхауэр был раздражен: мало того, что французы, несмотря на соглашение о запрете продажи оружия странам Среднего Востока, добились от США согласия на продажу Израилю 24 «Мистэров», так они еще превысили эту цифру, поставив 60 машин за спиной американцев. Он через госсекретаря Д. Даллеса передал израильскому премьеру Д. Бен-Гуриону, что в долгосрочной перспективе агрессия Израиля «не может не привести к катастрофе, и те его друзья, которые у него еще останутся в мире, не смогут ничем помочь ему, как бы сильны они ни были» [40, с. 390].

Тем временем Англия, Франция и Израиль развернули планомерную подготовку к военной операции против Египта. В начале сентября было принято решение перебросить из Алжира на Мальту французские части: отсюда им было проще действовать по Египту. Начать нападение должен был Израиль, которому гарантировалась финансовая и военно-техническая помощь. На подготовку к новой войне Израиль в 1956 г. предназначил половину собственного бюджета¹. Одновременно государства НАТО поставили Израилю танки, самолеты, орудия и стрелковое вооружение. Так, в январе 1956 г. из Англии были получены 100 танков, в феврале Канада поставила боеприпасы, а в апреле начали поступать первые из 100 заказанных французских самолетов типа «Мистэр» [39, с. 169]. Сотни израильских офицеров всех родов войск проходили подготовку в странах НАТО. Кроме того, офицерские кадры готовились в открытой в 1954 г. в Израиле Академии генерального штаба².

¹ The Jerusalem Post. 1957. Sept. 1.

² Там же.

Для войны против Египта в 1956 г. Израиль мобилизовал 150 тыс. человек. Его сухопутные войска имели на вооружении 400 танков, более 400 орудий, около 500 бронетранспортеров. Военно-морские силы, пополненные тремя фрегатами, поставленными Канадой, и двумя эсминцами из Англии, насчитывали 30 боевых кораблей¹. ВВС имели 360 самолетов, включая старые американские и английские, оснащенные новым вооружением. В целом Израиль обладал значительной военной мощью.

16 октября на англо-французской встрече в Париже было принято окончательное решение о нападении на Египет. 23 октября 1956 г. генеральные штабы Англии, Франции и Израиля завершили разработку плана совместных действий. Объединенный англо-французский штаб, руководивший вторжением, размещался на острове Кипр, израильский генштаб осуществлял руководство со своей территории.

В совместной операции должны были принять участие 25 тыс. англичан и столько же французов. С учетом морских и вспомогательных сил численность англо-французского экспедиционного корпуса превышала 100 тыс. человек. Всего же для интервенции было сосредоточено 229 тыс. солдат и офицеров трех стран, 650 самолетов и свыше 130 боевых кораблей [38, с. 384]. Египетская армия к тому времени располагала значительными вооружениями, приобретенными как на Западе, так и в социалистических странах. Однако Египет не обладал достаточным военным потенциалом, чтобы обеспечить оборону государства при одновременном нападении на него на суше, с воздуха и моря. При значительных людских ресурсах страна не имела возможности подготовить боеспособную армию, поскольку большая доля призывного контингента оказывалась непригодной к военной службе из-за болезней, неграмотности, а также из-за нехватки оружия. Кроме того, перед началом агрессии египетские вооруженные силы находились в стадии реорганизации, а новая боевая техника, полученная из стран советского блока, еще не была полностью освоена. В рядах сухопутных сил насчитывалось 75 тыс., ВВС — 11 тыс. чело-

¹ Wehrkunde. 1957. S. 13–14.

век. Египетская 100-тысячная Национальная гвардия не прошла достаточной подготовки и не располагала необходимым вооружением. В общей сложности на вооружении сухопутных войск было около 600 танков и самоходно-артиллерийских орудий разного типа, 400 полевых и 200 зенитных орудий и 200 бронетранспортеров [41]. Часть этих танков и орудий до начала военных действий преимущественно находились на базах, а не в войсках. Египетские ВВС имели в своем составе около 15 эскадрилий самолетов английского и советского производства. Но до начала агрессии не все советские самолеты были приняты на вооружение. В целом из 128 современных самолетов в боеготовом состоянии находилось лишь 42 [38, с. 214]. Мощи современных флотов Франции и Англии Египет мог противопоставить лишь четыре эсминца, семь фрегатов и несколько вспомогательных судов.

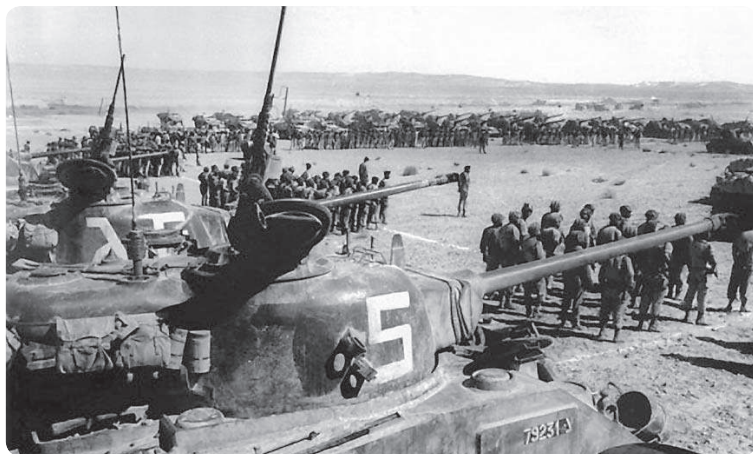
План тройственной агрессии против Египта включал два этапа. На первом — Израиль осуществлял наступление на Синайском полуострове, а Англия и Франция — воздушные налеты на Египет, на втором — Англия и Франция планировали высадить морские и воздушные десанты в зоне Суэцкого канала. Израильское наступление должно было развернуться одновременно по трем направлениям: вдоль средиземноморского побережья со вспомогательным маневром по окружению и уничтожению египетских войск в районе Газы; через перевал Митла на Суэц и на Исмаилию; в ограниченных масштабах — вдоль побережий Суэцкого залива и залива Акаба.

29 октября израильские войска вторглись в Египет. Израиль стремился нанести военное поражение Египту, которое могло бы привести к падению режима Насера, уничтожить базы палестинских боевиков на Синае, заставить Египет заключить мирный договор на выгодных для Тель-Авива условиях. Созданная для вторжения израильская группировка войск включала 10 бригад (около 100 тыс. человек), 200 танков, около 600 орудий и минометов, около 150 боевых самолетов и до 20 боевых кораблей [42]. Главной целью группировки было овладение сектором Газа на Синайском полуострове, а также выход и закрепление на побережье Акабского залива. Большое значение придавалось взаимодействию с англо-

французскими войсками, согласованию с ними сроков боевых операций [39, с. 171].

Египет выставил против Израиля две стрелковые дивизии, а также части местной обороны, не представлявшие сколько-нибудь серьезной боевой силы. На наиболее угрожаемые направления была направлена и часть резервов. Боевые действия в первый день агрессии велись главным образом на южном, Суэцком направлении. Войска израильской ударной группировки «Центр» при поддержке танков овладели рядом населенных пунктов. На других направлениях они продвигались медленнее из-за того, что техника вязла в песках. После высадки в районе перевала Митла израильского воздушного десанта французские самолеты начали доставлять ему боевую технику, боеприпасы, горючее, продовольствие и воду. Переброшенные в Израиль за день до начала вторжения 60 французских реактивных истребителей с французскими экипажами поддерживали действия израильских сухопутных войск. Одновременно к египетским берегам двигались корабли английских и французских ВМС [43].

30 октября Англия и Франция, разыгрывая роль «миротворцев», предъявили Египту и Израилю ультиматум с требованием к обеим сторонам отвести войска на 10 миль от Суэцкого канала. Одновременно они потребовали согласия Насера на оккупацию (формально «временную») Порт-Саида, Исмаилии и Суэца. Этот ультиматум был демонстративным жестом, рассчитанным на мировую общественность. Фактически он был направлен только против Египта, поскольку к этому времени израильские войска еще находились в 50 км от Суэца. Кроме того, ультиматум давал сторонам весьма малое время для ответа — 12 часов, до 04:30 31 октября по Гринвичу [44] (это вызывало ассоциации с ультиматумом Гитлера Польше 30 августа 1939 г. — поляки тогда просто не имели времени выполнить требования Германии в установленные сроки). Докладывая президенту США об этом ультиматуме, госсекретарь Д. Даллес отметил, что «этот документ по своей грубости и жестокости превосходит все, чему он когда-либо был свидетелем» [40, с. 395]. Представитель США в Организации Объединенных Наций Г. Лодж заявил на Генеральной Ассамблее ООН, что США

Израильские войска на Синайском полуострове

намерены представить резолюцию, призывающую к прекращению военных действий между Израилем и Египтом, отводу израильской армии к первоначальной границе и отказу всех членов ООН от использования силы, а также к их участию в эмбарго на торговлю с Израилем до тех пор, пока войска не будут отведены. Это сообщение было встречено продолжительными аплодисментами. Страны третьего мира с энтузиазмом восприняли намерения США поддержать Египет, восставший против держав, теснейшими узами связанных с Вашингтоном. Рейтинг США в мировом общественном мнении заметно укрепился. Еще более подняло авторитет США обращение Эйзенхауэра к конфликтующим сторонам и народам мира. Президент заявил, что Англия и Франция не консультировались с США, принимая решение о вооруженном вмешательстве, что США не примут участие в конфликте, что их целью является прекращение вспыхнувшей на Ближнем Востоке войны. Правда, была сделана оговорка, что такая позиция не скажется на узах дружбы, связывающих Америку с Англией и Францией, равно как и с другими партнерами по НАТО [40, с. 395].

Советское правительство, занятое событиями в Венгрии, выступило 1 ноября с «дежурным» заявлением МИДа. Только потом, прочитав выступление Эйзенхауэра и отклики на него в мире, Н.С. Хрущев понял, что американцы захватили инициативу, выступая миротворцами, но в то же время оставили свободу рук своим союзникам. Советский лидер понимал, что необходимо найти адекватное решение, однако, скованный венгерским восстанием, решил выждать несколько дней [23, с. 265].

Тем временем события вокруг Египта быстро развивались. 31 октября израильские войска вышли на подступы к каналу в районе Суэца. В тот же день в боевые действия включилась англо-французская авиация. Ее задачей было поддержание господства в воздухе, а также массированные налеты на египетские города и военные объекты. Бомбардировке подверглись Порт-Саид, Каир, Исмаилия, Суэц, Александрия и многие аэродромы. Разрушение половины египетских аэродромов в результате налетов и выведение из строя до 140 боевых самолетов египетских ВВС позволили агрессорам завоевать полное господство в воздухе и осуществить беспрепятственную высадку воздушных и морских десантов¹. Корабельная артиллерия обстреливала береговые укрепления. Египетскому командованию все же удалось сохранить часть самолетов советского производства. Советские и чехословацкие пилоты сумели перегнать все боеготовые МиГ-15, МиГ-17 и Ил-28 на безопасные аэродромы в Саудовской Аравии. Попытки египетской авиации противодействовать воздушному противнику и наземным войскам Израиля успеха не принесли: пилоты ВВС Египта не имели опыта современной воздушной войны.

Учитывая угрозу высадки англо-французских десантов, египетское командование отвело свои войска с Синайского полуострова и разместило их в зоне Суэцкого канала. 1 ноября израильским войскам удалось прорвать оборону египтян вдоль средиземноморского побережья. 2 ноября при поддержке авиации и французской корабельной артиллерии они овладели г. Газа и на следующий день были в 15–20 км от Суэцкого кана-

¹ La Revue Maritime. 1959. № 1.

ла. 5 ноября израильтяне овладели ключевым пунктом у входа в Акабский залив — Шарм-аль-Шейхом, а также принадлежащими Саудовской Аравии островами Тиран и Санафир. Весь Синайский полуостров оказался в руках Израиля.

В боях за Синай египтяне понесли большие потери, однако расчет агрессоров на то, что поражение на фронте приведет к свержению правительства Насера, не оправдался. Тогда Англия и Франция решили предпринять вторжение собственными силами. Оно началось с воздушных десантов, которые осуществляли англо-французские войска, находившиеся на Кипре. 5 ноября при поддержке авиации английская парашютная бригада захватила Порт-Саид, а французские десантные бригады — Порт-Фуад. В ночь на 6 ноября на захваченных плацдармах началась высадка морского десанта, поддержанного прибывшими с Мальты и из Тулона боевыми кораблями, среди которых было несколько линейных кораблей, четыре авианосца и два вертолетоносца. Объединенные англо-французские силы вторжения включали 80 тыс. человек, более 430 танков, 520 орудий и минометов. Их поддерживало около 600 самолетов [39, с. 172].

Медленно продвигаясь на юг вдоль канала, англо-французские войска готовились к наступлению на Каир. Отличительной особенностью операции было широкое использование воздушно-десантных войск. Отсутствие противовоздушной обороны у египтян позволило использовать самолеты с небольшими скоростями и производить десантирование с незначительной высоты. Для переброски морской пехоты впервые применялись вертолеты.

Военные действия сопровождалась решительными политическими акциями. 1 ноября Египет разорвал дипломатические отношения с Великобританией и Францией. Сирия последовала его примеру и передала свои вооруженные силы под египетское командование. Сирийцы подорвали нефтепроводы, проходившие из Ирака через Сирию к морю. 3 ноября А. Иден отверг призыв Совета Безопасности ООН к прекращению огня. На следующий день Эйзенхауэр, узнав о позиции Великобритании и о том, что англо-французская эскадра, вышедшая из портов Кипра, приближается к египетскому побережью, предложил Идену возвратить корабли на Кипр. Иден ответил: «Если мы

сейчас повернем назад, то весь Средний Восток будет охвачен пламенем... Мы не можем допустить военный вакуум в то время, когда силы ООН только еще формируются» [45]. Вашингтону стало ясно, что Англия и Франция твердо намерены добиться своих целей.

В Москве в эти дни решали, как помочь Насеру. 3 ноября в Будапешт вошли советские войска, и на следующий день восстание в основном было подавлено, хотя и оставались отдельные очаги сопротивления. Но главное дело было сделано, теперь Хрущев мог переключиться на Египет. Объявленное американцами невмешательство упрощало задачу советскому лидеру: теперь, когда американцы отмежевались от англо-французской операции, можно было выступить с заявлением, в котором наряду с призывом прекратить агрессию высказывалось бы и предупреждение о применении силы. Но вставал вопрос: чем можно подкрепить свою угрозу, чтобы она убедительно звучала для Лондона и Парижа?

Министр иностранных дел Д.Т. Шепилов обратился к председателю Совета Безопасности Д. Абдоху с предложением предъявить агрессорам ультиматум с требованием прекратить военные действия в течение 12 часов, причем СССР выразил готовность предоставить в распоряжение ООН свои военно-воздушные и военно-морские силы. В Москве у посольств Великобритании, Франции и Израиля были проведены демонстрации протеста, советский посол в Тель-Авиве покинул Израиль. Но всего этого было недостаточно. И тогда родился знаменитый блеф Хрущева. Он решил пригрозить ракетно-ядерными ударами по Лондону и Парижу, чтобы заставить правительства Англии и Франции прекратить войну в Египте.

В то время СССР имел лишь несколько ракет Р-5 с дальностью действия 1200 км. Они использовались для испытаний на полигоне Капустин Яр. Боеготовых, а тем более развернутых на боевых позициях ракет этого класса не было [23, с. 99, 266]. Но во время визита советской правительственной делегации в Великобританию в апреле 1956 г. Хрущев много говорил о создании в СССР ракет, способных достигать Англии. Тогда это произвело впечатление. Кроме того, в Москве было известно, что западные разведки знали о пусках ракет в Капустином Яре,

но, как полагали в Кремле, не обладали данными о степени готовности советского ракетного оружия и количестве имеющихся ракет. На этом и решил сыграть Хрущев.

5 ноября в Москве было опубликовано обращение Председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина к руководителям Англии, Франции и Израиля — А. Идену, Г. Молле и Д. Бен-Гуриону. Тон документа был резкий. Советский Союз предостерегал, что локальный конфликт может перерасти в мировую войну. СССР предлагал США и другим государствам — членам ООН использовать совместно вооруженные силы для прекращения кровопролития. Советский Союз заявлял о своей «решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир» на Ближнем Востоке. В ноте, направленной в Великобританию, в частности, говорилось: «В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия? А ведь такие страны могли бы в настоящее время и не высылать к берегам Англии военно-морского или военно-воздушного флотов, а использовать другие средства, например ракетную технику. Если бы ракетное оружие было применено против Англии или Франции, Вы, наверное, назвали бы это варварским действием»¹.

Это послание произвело в Лондоне и Париже эффект разорвавшейся бомбы. Г. Молле, прочитав советский ультиматум, немедленно связался с Лондоном. Всю ночь по телефону шли консультации между английским и французским премьерами: прикидывали, насколько реальна угроза. После заявления США о невмешательстве Англия и Франция оставались один на один с СССР. Иден вспомнил, как Хрущев весной, во время пребывания в Лондоне, бравировал советским ракетным могуществом. Утром 6 ноября оба правительства объявили о прекращении огня с нуля часов 7 ноября [23, с. 99, 271–272].

Как уже отмечалось, Булганин направил также письмо Эйзенхауэру с предложением, чтобы СССР и США объединили силы и совместно положили конец военным действиям. «Советское правительство, — говорилось в документе, — обращается

¹ Известия. 1956. 6 нояб.

к правительству Соединенных Штатов с предложением пресечь агрессию и прекратить дальнейшее кровопролитие. США располагают в Средиземном море сильным военно-морским флотом и могучей авиацией. Советский Союз также обладает сильным военно-морским флотом и могучей авиацией. Совместное и безотлагательное использование этих средств со стороны Соединенных Штатов и Советского Союза явилось бы надежной гарантией прекращения агрессии... Если эта война не будет прекращена, то существует опасность, что она может перерасти в третью мировую войну»¹.

В этом заявлении намеренно преувеличивались возможности флота и авиации СССР. Возможность отправки на Ближний Восток советских войск и прежде всего воздушно-десантных частей рассматривалась Хрущевым, но министр обороны Г.К. Жуков доложил правительству, что в Генеральном штабе проработали соответствующие варианты и пришли к неутешительным выводам. Даже если Турция и Иран не воспрепятствуют пролету самолетов, перебросить достаточное количество войск и вооружений, наладить их снабжение при наличном парке самолетов не удастся. В возможном столкновении с экспедиционными силами союзников, которые обеспечены всем необходимым, в условиях господства в Средиземноморье английского и французского флотов и авиации советские воздушно-десантные части были бы обречены на поражение [23, с. 270].

Но в Вашингтоне об этом не знали. На совещании в Белом Доме 5 ноября директор ЦРУ А. Даллес сообщил, что, по имеющимся разведывательным данным, Советы пообещали египтянам «сделать что-нибудь» на Среднем Востоке. Он предполагал, что СССР направит в Сирию военную авиацию. Было решено отклонить предложение советского премьера. Президент поручил директору ФБР Э. Гуверу сделать заявление, в котором предупредить русских, что если они попытаются ввести войска на Ближний Восток, США будут противодействовать этому с использованием силы.

6 ноября Эйзенхауэр приказал Даллесу произвести разведывательные полеты высотных самолетов-разведчиков U-2, толь-

¹ Известия. 1956. 6 нояб.

ко что поступивших на вооружение, над Сирией и Израилем, «избегая, однако, полетов над Россией». Их задачей было установить наличие советских войск или авиации на базах в Сирии. Если они будут обнаружены, полагал президент, «у англичан и французов будет повод их уничтожить». Он поинтересовался также, имеют ли силы флота США на Средиземном море «атомное противолодочное оружие».

«Эти ребята, — говорил президент о советском руководстве, — одновременно и пребывают в ярости, и испытывают страх... Эта комбинация наиболее опасное состояние ума... И если эти парни что-либо предпримут, мы должны стукнуть их, и если необходимо — стукнуть всем, что мы имеем в корзине». Он считал, что письмо Булганина порождено страхом. Русские, по мнению Эйзенхауэра, опасались, что события в Венгрии приведут к развалу Варшавского блока, созданного только год назад. В связи с этим Москва стремится продемонстрировать свою силу, чтобы, показывая Западу свои высокие военные возможности, удержать его от соблазна вмешиваться в дела стран ОВД. В то же время он заявил, что если Советы нападут на французов и англичан, то «мы вступим в войну и будем вправе предпринять военные действия». Но уже в тот же день президенту доложили, что по данным разведки, советских ВВС нет ни на авиабазах Сирии, ни на пути в Египет. Это снижало угрозу эскалации конфликта, но тем не менее в США приняли меры по повышению боевой готовности: военнослужащие, бывшие в отпусках, были отозваны в свои части [40, с. 400–401].

В телефонном разговоре Эйзенхауэра с Иденом, состоявшемся 6 ноября, британский премьер сообщил, что он только что объявил о готовности Англии согласиться на прекращение огня. «Я не могу выразить, как мы рады», — так отозвался президент на эту новость [40, с. 400–401]. Действительно, выступая в палате общин, премьер заявил, что английские войска выполнили свои задачи и с нуля часов 7 ноября прекращают военные действия в Египте. И хотя бои в Порт-Саиде еще продолжались, стало ясно, что война идет к концу. Израиль дал обещание отвести свои войска с Синайского полуострова и сектора Газы. К концу ноября силы ООН заняли позиции на египетско-израильской границе. Англо-французские войска

были выведены из Египта в декабре 1956 г., а израильские — в марте 1957 г. Так закончился Суэцкий кризис. Кремль расценил это как успех своей политики.

Сегодня, спустя более полвека, этот кризис по-прежнему привлекает внимание историков, но не своей военной стороной, которая достаточно типична для локальных вооруженных конфликтов, а прежде всего политическим аспектом. В середине 50-х гг. между двумя противостоящими военно-политическими блоками развернулась борьба за расширение своего влияния в мире. Одним из наиболее важных направлений стало соперничество за обладание «сферами интересов» в нарождающемся третьем мире. Распад колониальной системы создавал для этого огромные возможности. И СССР, и США стремились добиваться своих целей политическими средствами, подкрепляемыми силовым давлением. «Если обращение к силе становится невозможным, дипломатия также может утратить свою эффективность», — писал известный американский политик Г. Киссинджер [46]. Но для этого надо обладать такой военной мощью, которая производила бы нужное впечатление не только на страны третьего мира, но и на великие державы. Принятая в США в 1954 г. стратегия «массированного возмездия», предусматривавшая ведение глобальной ядерной войны против СССР и его союзников «средствами и в районах по собственному выбору», являлась инструментом устрашения СССР [47]. США располагали силами, реально способными нанести сокрушительный удар: на тот момент у них было около 1200 стратегических бомбардировщиков с атомными бомбами. СССР тоже обладал атомным оружием, но еще не располагал средствами доставки до территории США. Предпринимались интенсивные меры, чтобы догнать Америку в области авиационных и ракетно-ядерных вооружений. Но на это требовались годы, и времени могло не хватить. И тогда Хрущев решил применить тактику военно-политического блефа. Замысел состоял в том, чтобы активной пропагандой в сочетании с демонстрацией имевшихся в весьма небольшом количестве дальних бомбардировщиков, а после 1957 г. — и ракет стратегического назначения создать преувеличенное впечатление о воздушной и ракетно-ядерной

мощи советских вооруженных сил. Впоследствии эту идею удачно выразил тот же Г. Киссинджер. Он писал: «То, во что верит потенциальный агрессор, является более значимым, чем то, что является объективной истиной» [48]. В 1955 г. Хрущев «пугает» американцев бомбардировщиками Ту-95, демонстрируя на воздушном параде в Москве все имевшиеся в стране самолеты этого типа и желая показать, что в СССР много Ту-95, способных нанести удар по США. В ходе Суэцкого кризиса он применяет этот прием против Англии и Франции, устрашая их ракетами, которых еще нет на вооружении советской армии, позже утверждает, что в СССР ракеты «делают как сосиски», хотя их еще единицы.

Эффект, достигнутый СССР в ходе Суэцкого кризиса, произвел на Хрущева сильное впечатление. Он стал активным сторонником быстреего принятия на вооружение Советской Армии и Флота стратегического ракетно-ядерного оружия. Преодолевая определенное сопротивление высшего генералитета, осторожно относившегося к ракетам, Хрущев не жалел средств на их развитие. Цель — устроить Америку, лишить ее соблазна воздушно-атомного удара по СССР. Запуск двух искусственных спутников Земли осенью 1957 г., испытание первой МБР в августе того же года продемонстрировали мировой общественности впечатляющие успехи советского ракетостроения. И действительно, СССР даже оказался впереди США в деле создания некоторых видов мощных стратегических ракет. До массового производства и развертывания ракет на позициях, правда, было еще далеко, однако это уже становилось только делом времени.

4.6. Снова Берлин: рождение Стены

Мы должны научиться жить с этой Стеной.

Вилли Брандт

Третий Берлинский кризис 1961 г. с самого начала принял международный характер. В него кроме Советского Союза были втянуты США, Великобритания, Франция, ГДР и другие страны Варшавского Договора.

Западный Берлин, находившийся в центре суверенного государства — ГДР, на протяжении всего послевоенного периода играл важную роль в деятельности западных спецслужб по ведению разведки на территории ГДР и дестабилизации ситуации в этой стране [49]. Предложение правительства ГДР провести переговоры с западными странами с целью упорядочить статус Западного Берлина и его связей с ФРГ и всем внешним миром было воспринято как вызов, противоречащий Потсдамским соглашениям. Начались инциденты на границах.

В связи с этим на закрытом совещании руководителей стран Варшавского Договора в Москве было принято решение установить на границе с Западным Берлином такие меры, которые бы надежно перекрыли пути подрывной деятельности против стран ОВД. Правительству ГДР было рекомендовано организовать вокруг всей территории Западного Берлина надежную охрану и эффективный контроль. На основании этого был разработан план мероприятий по защите интересов ГДР и особенно ее столицы — Берлина, основным содержанием которого стало сооружение вокруг Западного Берлина специальных инженерных сооружений и сплошной бетонной стены. Тем самым предполагалось исключить беспрепятственный доступ граждан ГДР в Западный Берлин и обеспечить административным органам ГДР выполнение функций контроля над проездом (проходом) всех без исключения военнослужащих и гражданских лиц. Таким образом, предполагалось вынудить западные страны признать ГДР в качестве суверенного государства. Одновременно было решено усилить режим контроля на границе ГДР с ФРГ.

В ночь с 12 на 13 августа граница между Западным и Восточным Берлином была закрыта. Началось возведение стены, а также был введен новый пропускной режим выезда и въезда в Западный Берлин и Западную Германию. Это затрагивало интересы и права военнослужащих трех западных стран и было воспринято ими как нарушение послевоенных межсоюзных договоренностей, что вызвало резко негативную реакцию.

Для осуществления беспрепятственного пропуска своих военнослужащих через пропускные пункты Западного Берлина туда были направлены американские, французские и англий-

Строительство Берлинской стены

ские танки. Территория памятника советским воинам в Тиргартене вместе с охраняющим его советским караулом была окружена танками и БТР из состава английского гарнизона. В ответ в районы КПП выдвинулись советские танки из состава танкового полка, дислоцирующегося в Берлине. Одновременно в боевую готовность были приведены части и соединения 20-й гв. армии, а также 1-я и 8-я мотострелковые дивизии Национальной Народной армии ГДР.

В октябре американское командование организовало в Берлине ряд провокаций на контрольно-пропускном пункте Фридрихштрассе. Кроме танкового противостояния оно организовало силовой прорыв через КПП своих военнослужащих, переодетых в гражданское платье и отказавшихся подчиняться контролю полиции ГДР. К защитной стене периодически выдвигались танки с бульдозерным оборудованием, якобы с целью ее разрушения.

В связи с событиями в Берлине США и другие страны НАТО в период с 1 июня по 1 декабря 1961 г. усилили свою группи-

ровку войск в Центральной Европе на 30 пусковых установок ОТР, 48 атомных орудий, более 1000 танков, 275 самолетов, 25 боевых кораблей и 136 тыс. человек.

В вооруженных силах Советского Союза, ГДР и некоторых других стран Варшавского Договора в период кризиса вводилась повышенная боеготовность войск, в частности в ГСВГ — отменены отпуска и задержано увольнение в запас военнослужащих срочной службы. В конце сентября — начале октября было проведено крупное командно-штабное учение на Западе под условным наименованием «Буря», в ходе которого оперативные штабы советских приграничных военных округов выдвигались в районы своего оперативного предназначения, находящиеся на территории ГДР и Польши.

В целом в ходе кризиса стороны, прежде всего советская сторона, проявили достаточную выдержку, что во многом не позволило кризису перерасти в крупномасштабный вооруженный конфликт. Однако без жертв обойтись не удалось. С 13 августа по 24 октября пограничниками ГДР более ста раз применялось огнестрельное оружие, в результате чего было убито 4 и ранено 15 граждан ГДР, пытавшихся бежать в Западный Берлин.

4.7. В шаге от катастрофы. Карибский ракетный кризис

*Либо человечество покончит с войной,
либо война покончит с человечеством.*

Джон Фицджеральд Кеннеди

26 июля 1953 г. небольшая группа повстанцев во главе с Фиделем Кастро атаковала казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба. Так началась кубинская революция, одержавшая победу 1 января 1959 г., когда отряды революционеров вступили в Сантьяго, а режим диктатора Ф. Батисты был свергнут.

Уже 10 января Советский Союз заявил о признании нового кубинского государства. В феврале 1960 г. «остров Свободы» посетил заместитель Председателя Совета министров СССР А.И. Микоян. В результате визита были подписаны соглашения о товарообороте и о предоставлении Кубе советского кредита в размере 100 млн долларов. В мае 1960 г. состоялось офици-

альное установление дипломатических отношений между революционной Кубой и СССР.

В Вашингтоне происходящие события расценивали как угрозу национальным интересам США. В марте 1959 г. президент Д. Эйзенхауэр поставил задачу силового свержения правительства Кастро. Экономические санкции были введены в 1960 г., когда Куба экспроприировала американскую собственность, а в 1962 г. они были ужесточены до максимального уровня.

17 апреля 1961 г. вооруженные отряды кубинских эмигрантов высадились на острове, но спустя три дня они были полностью разгромлены революционными войсками Кастро. После провала операции в заливе Свиней США не отказались от планов вооруженного вторжения на Кубу. В конце 1961 г. был подготовлен план «Мангуста», в соответствии с которым кубинское подполье должно было поднять мятеж в январе 1962 г. и обратиться за военной помощью к США.

События на Кубе внесли свою лепту в общее осложнение международной обстановки. На XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. Н.С. Хрущев заявил, что советское правительство вынуждено «приостановить сокращение вооруженных сил, запланированное на 1961 год, увеличить расходы на оборону, отсрочить увольнение в запас солдат и матросов, возобновить испытания новых, более мощных видов оружия» [50]. В это же время СССР после трехлетнего перерыва возобновил ядерные испытания на Новой Земле.

Реализуя решение сессии НАТО, США форсировали размещение ракет средней дальности «Тор» и «Юпитер» (дальность — 3500 км) в Великобритании, Италии и Турции, что серьезно изменяло соотношение ракетно-ядерных стратегических сил между противостоящими блоками.

Дислокация этих ракет на европейской территории давала Вашингтону ряд преимуществ в случае ядерной войны. До их развертывания и США, и СССР, имея межконтинентальные ракеты на своих территориях, находились в относительно равном положении: время полета МБР до территории противника — 30 минут, время предупреждения о пуске ракет — 15 минут. Это означало неизбежность встречного удара, поскольку каждая из сторон в случае, если она подвергнется ракетному

нападению, имела возможность запустить свои ракеты по объектам противника до того, как его ракеты достигнут назначенных целей.

Теперь же ситуация изменилась. Ракеты «Тор» и «Юпитер» могли поразить цели на территории СССР и стран Варшавского Договора через 10–12 минут после старта, то есть еще до того, как их успевали обнаружить и принять ответные меры. Это делало удар внезапным, а возможно, и безнаказанным. Кроме того, запуская свои ракеты с меньших расстояний, американцы могли поразить их с большей точностью. И наконец, рассредоточив свои силы первого удара на территории союзников, США имели возможность отвлечь часть советских ракет ответного удара на европейские страны, где находились их ракеты средней дальности, и уменьшить собственные возможные потери.

Таким образом, для СССР, против которого были нацелены ракеты «Тор» и «Юпитер», этот вид оружия представлял стратегическую угрозу, тем более что по своему ракетно-ядерному потенциалу Советский Союз уступал тогда США как минимум на порядок. В Москве опасались, что изменение баланса сил первого удара в пользу США может в какой-то момент подтолкнуть их к нападению на СССР. Вопрос принятия срочных ответных мер со всей остротой встал на повестку дня. Однако реальные возможности Советского Союза были существенно ограничены. Возможный удар по Аляске проблему не решал, а ракетные атомные подводные лодки еще не были готовы к вводу в строй.

Между тем Куба представляла собой потенциальный плацдарм, с которого советские ракеты средней дальности могли создать реальную угрозу для США и таким образом восстановить утраченные возможности нанесения неприемлемого ущерба потенциальному противнику в ответно-встречном ударе. Ракеты Р-12 и Р-14, с дальностью 2 и 4 тыс. км соответственно, могли поразить значительную часть территории США, в первую очередь угрожая восточным густонаселенным штатам.

Советское военное присутствие на Кубе, тем более развертывание там ракетной группировки, было возможно только в условиях сохранения у власти правительства Кастро. В Мо-

ске это отчетливо понимали. Основным «лоббистом» решения о размещении советских ракет на «острове Свободы» стал Н.С. Хрущев. По его распоряжению в Генеральном штабе под руководством генералов С.П. Иванова и А.И. Грибкова подготовили план военной операции под кодовым наименованием «Анадырь».

Президиум ЦК, ознакомившись с представленным планом, поддержал предложение Хрущева [51].

В Кремле, разумеется, не желали доводить дело до ядерной войны. Хрущев полагал, что американцы, разместившие свои ракеты в Европе и имеющие военную базу Гуантанамо на самой Кубе, так или иначе смирятся с тем, что на острове появятся и советские военные базы. Этот ответный ход СССР преследовал цель восстановить утраченное равновесие и заставить США почувствовать себя уязвимыми. По мнению советского лидера, ракеты надо было доставить и разместить тайно с тем, чтобы поставить американцев перед свершившимся фактом. Хрущев не без оснований опасался, что, узнав о советско-кубинских планах, США силой воспрепятствуют их реализации и это негативно скажется на международном престиже СССР.

На самом деле любой вариант решения был чреват серьезными издержками. Как бы то ни было, но США и НАТО принимали решение о размещении американских ракет средней дальности открыто, на сессии Североатлантического альянса в 1957 г. Подготовка к их развертыванию вызвала массовые протестные акции в Европе и критическую кампанию в средствах массовой информации. А Советский Союз собирался предпринять аналогичный шаг скрытно, что должно было с неизбежностью породить как подозрения в агрессивных намерениях, так и обвинения в двуличии. Впоследствии это и случилось.

В конце мая на Кубу отправилась представительная советская делегация, в состав которой входили первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидов, главком Ракетных войск стратегического назначения С.С. Бирюзов, секретарь Совета обороны С.П. Иванов и другие официальные лица. Делегация должна была, в случае согласия кубинской стороны, изучить возможности предстоящей дислокации ракетных частей, выявить оптимальные условия для их скрытного размещения, про-

думать, как избежать утечки секретной информации. Однако времени для качественного решения этих задач не хватило, что имело негативные последствия. Что касается Ф. Кастро, то он с пониманием воспринял советские предложения, заявив: «Это очень смелый шаг, и чтобы сделать его, мне необходимо посоветоваться с моими ближайшими соратниками. Но если принятие такого решения необходимо социалистическому лагерю, я думаю, мы дадим свое согласие на размещение советских ракет на нашем острове. Пусть мы будем первыми жертвами в схватке с американским империализмом» [51].

Детали предстоящей операции по переброске войск и техники были уточнены в ходе визита Рауля Кастро, посетившего Москву в конце июня 1962 г. Р. Кастро и министр обороны СССР Р.Я. Малиновский предметно обсудили проект секретного «Договора между Правительством Республики Куба и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о размещении Советских Вооруженных Сил на территории Республики Куба». Ф. Кастро внес в документ ряд уточнений, для согласования которых в Москву отправился Эрнесто Че Гевара. Хрущев согласился с предложениями Кастро. В окончательном тексте договора отмечалось, что СССР в случае возникновения опасности агрессии внешних сил против Кубы направит «для усиления ее обороноспособности» свои вооруженные силы, что будет обеспечивать «поддержание мира во всем мире». В случае военных действий против Кубы или нападения на советские войска, дислоцирующиеся на ее территории, правительства союзных стран, используя право на индивидуальную или коллективную оборону, предусмотренное статьей 51 Устава ООН, предпримут «все необходимые меры для отражения агрессии».

Кастро предлагал немедленно опубликовать текст договора, считая, что это поднимет престиж Кубы как суверенного государства, заключившего договор с другим суверенным государством — СССР на основе международного права. Но в Кремле это посчитали ненужным. Хрущев высказался в том смысле, что американцы найдут тысячи способов, чтобы не допустить доставку советских ракет на Кубу, а значит, реальна только тайная доставка советских ракет на «остров Свободы». Кубинцы согласились [51, с. 236].

По предложению маршала Р.Я. Малиновского было принято решение о формировании группировки советских войск. Ее основу должны были составить части ракетных войск стратегического назначения, имеющие на вооружении ракеты Р-12 и Р-14, в составе: сводной 51-й ракетной дивизии (16 пусковых установок и 24 ракеты), 79-го ракетного полка 29-й ракетной дивизии и 181-го ракетного полка 50-й ракетной дивизии (24 пусковые установки и 36 ракет) с приданными им ремонтно-техническими базами, частями и подразделениями обеспечения и обслуживания.

Прикрытие ракетных частей с суши должны были обеспечивать 302, 314, 400 и 496-й мотострелковые полки. Войска противовоздушной обороны были представлены частями 10-й и 11-й зенитно-ракетных дивизий и 32-м гвардейским истребительным авиационным полком, имевшими на вооружении ЗРК С-75, зенитную артиллерию, истребители МиГ-21. ВВС: 134-я отдельная авиационная эскадрилья и 437-й отдельный вертолетный полк (более 40 самолетов и вертолетов). На острове также должны были дислоцироваться 561-й и 584-й полки крылатых ракет (16 пусковых установок, из них 12 установок оперативно-тактических ракет «Луна»). Группировка ВМФ должна была включать 2 крейсера, 2 ракетных и 2 артиллерийских эсминца, 11 подводных лодок, 12 ракетных катеров, суда обеспечения, а также 759-й минно-торпедный авиационный полк (33 самолета Ил-28).

Огромную проблему представляла собой организация скрытной доставки столь значительных сил за несколько тысяч километров от территории СССР. Для этого пришлось кардинально изменить весь план перевозок советского морского флота и дополнительно зафрахтовать иностранные суда, причем вести дело требовалось так, чтобы их владельцы и экипажи не знали о характере груза и конечном пункте его назначения.

В июле переброска советских войск началась. Она производилась морем на пассажирских и сухогрузных судах торгового флота из портов Балтийского, Черного и Баренцева морей (Кронштадт, Лиепая, Балтийск, Севастополь, Феодосия, Николаев, Потти, Мурманск). Суда приходили на разгрузку в одиннадцать портов Кубы. Первым транспортом с техникой

Курсом на Кубу под американским присмотром

и людьми, прибывшим на остров 26 июля, был теплоход «Мария Ульянова». Выгрузка производилась только ночью, в условиях полного затемнения судов и портов. Все подступы к местам выгрузки охранялись войсками, а с моря — сторожевыми катерами.

В сентябре на Кубе начала формироваться сводная 51-я ракетная дивизия. Ракетная техника в районы постоянной дислокации также доставлялась только в ночное время. Личный состав, участвовавший в этих операциях, был переодет в кубинскую военную форму [52]. Были проведены необходимые мероприятия по маскировке ракетных площадок и безопасному хранению ракет и боеголовок. В боевую готовность стратегические ракеты не приводились.

К 22 октября на острове уже были развернуты значительные силы: части ракетных и сухопутных войск, ВВС, ПВО, ВМФ. Возглавлял группировку советских войск на Кубе генерал армии И.А. Плиев. Всего на острове дислоцировалось около 40 тыс. солдат и офицеров. Главной ударной силой являлись 42 ракеты Р-12 с дальностью действия до 2000 км и 36 ядерных боеголо-

вок к ним. В группировку также входили части, имевшие на вооружении бомбардировщики Ил-28, оперативно-тактические ракеты «Луна», истребители-перехватчики, зенитные ракеты и другие средства ПВО [52, с. 270].

Несмотря на все меры маскировки и обеспечения секретности, скрыть переброску боевой техники и войсковых контингентов такого масштаба не удалось. Первые данные о движении советских кораблей с оружием через балтийские проливы американцы получили от западногерманской разведки. Было принято решение о максимальном использовании космических систем слежения. Кроме того, аэрофотосъемку кубинской территории начали вести высотные самолеты-разведчики U-2.

В Кремле же всерьез рассчитывали, что Белый дом еще долго не разгадает советский замысел. В начале сентября Хрущев в беседе с министром внутренних дел США заявил: «Но ведь вы направляете в Японию ракеты и ядерные боеголовки. Зачем это делается? Это же направлено против нас. Вы угрожаете Фиделю Кастро, и мы даем ему современную оборонную технику. Кубинцы не знают, как обращаться с этой техникой, и мы направляем к ним наших специалистов для обучения» [53]. 11 сентября 1962 г. Советский Союз обратился к правительству США с призывом «проявить благоразумие, не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно развяжет войну»¹. В заявлении ТАСС сообщалось: «Советское правительство считает своим долгом проявить в создавшейся обстановке бдительность и поручить министру обороны Советского Союза принять все меры к тому, чтобы наши Вооруженные Силы были приведены в наивысшую боевую готовность»².

Страны Варшавского Договора также предприняли действия, демонстрирующие военную готовность блока. В начале октября на территории Польши и ГДР под руководством польского министра обороны и в присутствии главнокомандующего вооруженными силами ОВД А.А. Гречко было проведено

¹ Цит. по: Известия. 1987. 22 окт.

² Правда. 1962. 11 сент.

войсковое учение. Еще одно крупное учение советских, восточногерманских и чехословацких войск провели на территории Чехословакии.

Тем временем ход событий убыстрялся. 16 октября разведывательные сведения о советских ракетах были доложены президенту Кеннеди. Предыдущие донесения спецслужб только давали основания для подозрений, но представители СССР заверяли и Белый дом, и ООН, что советского наступательного ракетного оружия на Кубе нет. Специфика той эпохи не делала подобную ложь чем-то исключительным. Такая реакция Кремля была зеркальным повторением действий США во время разведывательных полетов U-2 над советской территорией в 1956–1960 гг. Тогда на все ноты протеста со стороны СССР американцы либо заявляли о своей непричастности, либо вообще не реагировали.

И вот теперь перед Кеннеди лежали неопровержимые доказательства того, что впервые в своей истории сами США оказались в опасной по-настоящему ситуации: фотографии советских ракет, находящихся в непосредственной близости от американской территории.

Президент собрал экстренное совещание для выработки плана дальнейших действий. Правовая сторона вопроса никого не интересовала, тем более что СССР и Куба реализовывали свои законные суверенные права. Но смириться с происшедшим в Вашингтоне не могли по самому широкому кругу причин. Соображения безопасности, уязвленного самолюбия, международного престижа, американского общественного мнения и многие другие сплелись в один клубок.

Участники совещания были едины в своем желании немедленно действовать. Однако в отношении выбора оптимального варианта мнения разделились. О собственном двуличии в отношении полетов U-2 было забыто, и скрытность предпринятого Москвой демарша объективно усилила позиции американских «ястребов», призывавших не доверять СССР и видевших в нем смертельного врага. Объединенный комитет начальников штабов высказался за силовое решение — нанесение воздушных ударов с воздуха с последующей высадкой на Кубе десантных частей.

Д. Кеннеди, Н.С. Хрущев, Ф. Кастро

Министр обороны Р. Макнамара и брат президента министр юстиции Р. Кеннеди предложили в качестве первого шага установить морскую блокаду.

Но морская блокада в условиях, когда на Кубу продолжали следовать десятки советских судов, тоже была рискованным делом. Реакция СССР на задержку и досмотр его судов была непредсказуема. В числе прочего американское руководство считало возможными контрдействия Советского Союза в Европе, в частности в отношении Западного Берлина. Определенного решения на том совещании принято не было.

Каждым последующий день приносил новые доказательства масштабного советского присутствия на Кубе. На поступавших фотодокументах четко просматривались контуры стартовых позиций ракет. Имевшиеся сведения дополнялись сообщениями американского агента в СССР О.В. Пеньковского. Он информировал Вашингтон о том, что не менее 50 МБР, не считая ракет средней дальности на Кубе, находятся в боевой готовности на территории Советского Союза.

В этой чреватой самыми серьезными последствиями обстановке президент Д. Кеннеди 18 октября встретился с советским министром иностранных дел А.А. Громыко.

Американский лидер заявил, что советское наступательное оружие, размещенное на Кубе, представляет собой угрозу для Соединенных Штатов, и объявил об установлении морской блокады острова. Громыко возразил: «Советский Союз настоятельно призывает правительство США и лично президента не допускать каких-либо шагов, несовместимых с интересами мира и разрядки, с принципами Устава ООН... Советская помощь Кубе направлена исключительно на укрепление ее обороноспособности и развитие мирной экономики».

В конце беседы Кеннеди изложил позицию США: «Во-первых, — сказал он, — США не имеют в виду и не будут предпринимать вооруженное вторжение на Кубу. Во-вторых, я официально заявляю, что акция на Плайя-Хирон¹ представляла собой ошибку. В-третьих, советское «наступательное оружие», конечно, должно быть с Кубы удалено. С учетом всего этого соответствующие вопросы могут быть урегулированы»².

Немедленной реакции на это из Москвы не последовало. Хрущев надеялся протянуть время с тем, чтобы советские ракеты на Кубе были приведены в боевую готовность, и тогда вести переговоры с Вашингтоном, выдвинув встречные условия.

17 и 19 октября американская воздушная разведка получила новые фотоснимки, которые показывали, что обустройство ракетных позиций на Кубе идет полным ходом. Как потом выяснилось, к 10 октября советская ракетная дивизия на острове имела уже 10 боеготовых ракет, а к 20 октября — 20 [52, с. 276].

22 октября президент Кеннеди в радиовыступлении официально объявил об установлении морской блокады Кубы, или, как он предпочел уклончиво выразиться, «карантина». В Карибское море были стянуты крупные военно-морские силы США — 183 корабля, командиры которых получили указание досматривать все суда, следующие с грузами на Кубу. Это было открытым нарушением норм международного права.

¹ Имеется в виду операция в заливе Свиней.

² Известия. 1989. 15 апр.

Резко возросло количество стратегических бомбардировщиков В-52 с ядерными бомбами на борту, находящихся на постоянном патрулировании. Если прежде их число не превышало 18–20 единиц, то теперь группировка увеличилась до 80–100 самолетов.

Кеннеди направил Хрущеву личное послание, в котором сообщал, что США «полны решимости устранить угрозу безопасности нашему полушарию». Президент заявлял, что принимаемые меры составляют лишь «необходимый минимум», и выражал надежду, что советское правительство воздержится от любых акций, могущих лишь углубить этот опасный кризис [54].

В Кремле не ожидали столь жесткой реакции. Последовали путанные разъяснения Хрущева о том, что считать «наступательным оружием», которые не были убедительными и отрицательно сказались на международном престиже СССР и самого советского лидера.

24 октября Хрущев получил новое послание Кеннеди. Президент выражал надежду, что советские суда будут соблюдать условия «карантина». Ответ поступил в Вашингтон в тот же день и был выдержан в резком тоне. Хрущев расценивал американскую акцию «как акт агрессии, толкающий человечество на грань пропасти мировой ракетно-ядерной войны», и сообщал, что советское правительство не может дать указание капитанам своих судов подчиняться приказам американских ВМС, блокирующих Кубу. «Мы не будем только наблюдать за пиратскими действиями американских судов в море, — говорилось в письме, — мы будем вынуждены со своей стороны принять необходимые меры для защиты наших прав. Для этого у нас есть все необходимое» [55].

Тем временем советские суда приближались к линии «карантина», где дежурили американские корабли. Напряжение нарастало.

24 октября два советских судна — «Комилес» и «Гагарин», подойдя к позициям американских боевых кораблей, остановились, а затем, развернувшись, легли на обратный курс.

В Белом доме, где внимательно следили за развитием ситуации, восприняли это с облегчением: «Не будет ни задержания, ни досмотра», — произнес Кеннеди. Повернули назад и сле-

дующие 14 советских сухогрузов. Танкеры, в сопровождении эсминцев, продолжили путь. В последующие дни советские суда не подходили к линии «карантина» во избежание инцидентов [23, с. 289, 292].

Хотя вопрос с «карантином» разрешился без эксцессов, напряжение не спало. В американской прессе появились сообщения о возможности массированных воздушных ударов по строящимся ракетным площадкам на Кубе. Советское посольство в Вашингтоне докладывало в Москву, что бомбардировки советских военных объектов на острове весьма вероятны. В очередном письме Кеннеди Хрущеву, датированном 25 октября, президент упрекал советского премьера в том, что оружие, прибывшее из СССР на Кубу, является не оборонительным, а наступательным. Он призывал Москву вернуться к «прежней ситуации», то есть убрать с Кубы советские ракеты. В американской прессе продолжалось нагнетание ситуации, все громче звучали голоса, призывающие нанести воздушные удары по Кубе.

Встревоженный Ф. Кастро предложил Хрущеву выступить с заявлением о том, что СССР применит ядерное оружие, если США не откажутся от бомбардировки Кубы. Но и в Москве нарастание кризиса воспринималось с возрастающей тревогой. 26 октября Хрущев направил письмо Кеннеди, в котором отрицал наступательный характер направленного на Кубу оружия, утверждая, что оно послано для обороны острова. «Нападать на США, — писал он, — советское руководство не собирается. Война между СССР и США была бы самоубийством... Давайте нормализовывать отношения». Советский лидер предложил компромисс: советская сторона объявляет, что суда, идущие на Кубу, не будут осуществлять каких-либо военных поставок; американская сторона отказывается от планов интервенции, не будет поддерживать силы, которые имеют такое намерение [54, с. 71].

К переговорам, ведущимся обычным дипломатическим путем, добавились контакты по линии спецслужб, а также прямой канал между Р. Кеннеди и советским послом А. Ф. Добрыниным.

Поиск взаимоприемлемого решения происходил в крайне накаленной обстановке. Временами казалось, что некоторые инциденты неизбежно вызовут войну. Над Кубой ежедневно

совершали разведывательные полеты самолеты американских ВВС. Советские зенитные ракетные части, которые обладали высокими боевыми возможностями, имели приказ не открывать огня по американцам.

Кульминация кризиса наступила 27 октября. В Москве к этому времени все больше опасались американского вторжения на Кубу, о подготовке которого поступали определенные сигналы. Беспокоил и кубинский союзник: Ф. Кастро отдал приказ своим войскам сбивать американские самолеты, нарушившие воздушное пространство Кубы. Такое развитие событий сильно тревожило Кремль, который рассматривал войну с США как неприемлемый вариант. Опасаясь худшего сценария, Хрущев, не дожидаясь ответа на письмо от 26 октября, на следующий день, выступая по радио, передал президенту США свое новое послание.

Советский лидер извещал американского президента о готовности СССР убрать «те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными», но требовал от США публичного обязательства воздерживаться от нападения на Кубу и «вывести аналогичные американские средства из Турции». Так впервые в открытых СМИ прозвучало предложение убрать американские ракеты из Турции в обмен на вывоз советских ракет с Кубы.

Кеннеди не хотел публично связывать Карибский кризис с выводом американских ракет из Турции, хотя внутренне и был готов к этому решению, тем более что создание подводных атомных лодок с ракетами «Поларис» делало ненужными устаревшие и дорогостоящие ракеты «Тор» и «Юпитер». В связи с этим в своем ответном публичном послании он умолчал о ракетах в Турции, но предложил разрешить кризис на следующих условиях: СССР убирает с Кубы ракеты и другое «наступательное» оружие, а США отменяют «карантин» и дают заверения в том, что Куба не подвергнется нападению ни со стороны США, ни со стороны других стран Западного полушария [54, с. 72].

В этот же день, не случайно прозванный «черной субботой», случились события, которые еще больше обострили обстановку. Как уже говорилось, Ф. Кастро, будучи главнокомандующим кубинскими вооруженными силами, приказал войскам ПВО Кубы с 27 октября открывать огонь по самолетам США, нарушающим воздушное пространство, объявив об этом в офи-

циальном правительственном заявлении. Однако самолеты U-2, действовавшие на высоте 20 и более километров, были недосягаемы для кубинских зенитчиков. Американцы знали об этом и продолжали разведывательные полеты. Зато советские ЗРК имели техническую возможность «достать» U-2 и сделали это. Пуск был осуществлен в 10:22 по местному времени. Самолет был сбит, а его пилот майор Р. Андерсон погиб. Примерно в это же время другой U-2 был обстрелян над Сибирью, поскольку генерал К. Лемэй, начальник штаба ВВС США, не выполнил приказ президента США о прекращении полетов над советской территорией. Еще через несколько часов два самолета фоторазведки ВМС США «Крусейдер» попали под зенитный огонь во время облета Кубы, при этом один из них был поврежден. «Ястребы» подталкивали президента США к силовому решению кризиса, и Кеннеди не исключал такого развития событий, хотя и стремился всеми силами его избежать. Он поручил своему брату провести экстренную встречу с послом СССР.

Вечером 27 октября Роберт Кеннеди пригласил к себе А.Ф. Добрынина. Он предупредил о строго конфиденциальном характере разговора и сообщил, что президент готов негласно договориться о свертывании ракетных баз в Турции через 4–5 месяцев. Президент, по словам его брата, просил срочно передать это предложение Хрущеву и дать ответ, желательно в течение суток [54, с. 74].

Надо сказать, что с советской стороны в ходе всего конфликта были проявлены самообладание, выдержка, чувство ответственности, а также готовность к нахождению компромисса. Это отмечалось и самими американцами. Так, в документах ЦРУ за 24, 25 и 27 октября, в самый пик кризиса, подчеркивалось, что меры, предпринимаемые СССР к повышению боеготовности своих Вооруженных Сил, не носят вызывающего и провокационного характера.

В то же время и в Вашингтоне достаточно трезво оценили ситуацию. Там осознавали возможные последствия ответного советского удара для самих Соединенных Штатов. Перспектива термоядерной войны остудила многие горячие головы. Президент Кеннеди в ходе одного из совещаний говорил: «Я думаю, что риск для нас увеличивается... Во всяком случае, у них име-

ется вполне достаточно средств для того, чтобы мы взлетели на воздух. В конце концов, это столь же политическая борьба, сколь и военная» [56].

На пике кризиса тупик силовой политики обозначился предельно ясно. Несмотря на значительное превосходство США в ракетах, они не могли безнаказанно использовать свою ядерную мощь против СССР. О возможной силе ответного удара свидетельствовали, среди всего прочего, испытания советской «супербомбы» на Новой Земле в 1961 г.

В шаге от войны у обеих сторон хватило мудрости и мужества пойти на взаимные уступки. 28 октября правительство СССР известило администрацию Кеннеди о своей готовности демонтировать советские ракеты на Кубе и эвакуировать их в обмен на отмену правительством США планов вторжения на Кубу¹. В отношении ракет «Юпитер» действовала договоренность о закрытом характере советско-американского соглашения. Хрущев согласился с этим, хотя в очередном послании, адресованном Кеннеди, специально подчеркнул, что компромисс достигнут с учетом согласия президента на ликвидацию американских ракетных баз в Турции [54, с. 76].

Советская сдержанность в данном вопросе, безусловно, помогла благополучному разрешению Карибского кризиса, но и обошлась довольно дорого. Западные средства массовой информации объявили США победителем, а поскольку о секретном соглашении относительно ракет в Турции никто не знал, со стороны все так и выглядело. Получалось, что советское руководство испугалось и поддалось американскому давлению, а это не могло не повредить авторитету СССР. США к тому же добились, что к категории «наступательного» оружия, подлежащего эвакуации, были отнесены не только ракеты Р-12, но и бомбардировщики Ил-28.

20 ноября Белый дом отменил «карантин». Соединенные Штаты публично объявили, что Куба не подвергнется нападению, причем не только со стороны США, но и со стороны других государств Западного полушария. Последовавшие вслед за тем длительные переговоры не привели к подписанию какого-либо

¹ Советская внешняя политика... С. 298.

официального документа. Американская сторона отказалась документально закрепить свое обязательство, хотя в последующие годы и не нарушала его. Советские ракеты Р-12 и самолеты Ил-28 были вывезены с Кубы. Эвакуация проходила под визуальным контролем американской авиации, совершавшей облет судов, следующих с острова.

Формально кризис завершился 7 января 1963 г., когда представители СССР и США, участвовавшие в переговорах, обратились с совместным письмом к Генеральному секретарю ООН. В нем говорилось, что, хотя обоим правительствам и не удалось решить все проблемы, обе стороны считают достигнутую степень согласия между ними достаточной, чтобы исключить из повестки дня Совета безопасности ООН вопрос о Карибском кризисе¹.

В отношении американских ракетных баз в Турции Белый дом сдержал данное обещание. Уже 29 октября 1962 г. Макнамара отдал распоряжение о ликвидации установок ракет «Юпитер» до 1 апреля 1963 г. До конца того же года все американские ракеты средней дальности были вывезены также из Италии и Великобритании.

Ф. Кастро и его окружение расценили компромисс как недопустимый шаг со стороны Советского Союза, поскольку решение было принято без консультаций с ними, исключительно Хрущевым и Кеннеди. В США тоже не все были довольны результатом. Так, генерал Лемэй назвал отказ от атаки Кубы «наихудшим поражением в нашей истории». Судя по некоторым свидетельствам, а также публичным замечаниям Хрущева на пленуме ЦК КПСС 23 ноября 1962 г., и в Москве нашлись критики ракетного кубинского компромисса².

Карибский кризис стал, пожалуй, наиболее ярким порождением холодной войны. Он продемонстрировал, что критический уровень противоборства двух сверхдержав достигнут. Риск всеобщей ядерной войны приобрел зримые и осязаемые формы. При этом стало ясно, что ракетно-ядерная война не принесет победы ни одной из сторон: в ней не может быть победителя.

¹ Советская внешняя политика... С. 298.

² См. приложение 8.

Кризис сыграл большую роль в дальнейшем развитии советско-американского диалога. Убедив Москву и Вашингтон в смертельной опасности прямого военного столкновения, он подтолкнул стороны к поиску нового формата взаимоотношений. Руководители США и СССР договорились установить между собой прямой канал связи, так называемую горячую линию, и это, на первый взгляд техническое, решение имело большое значение в психологическом смысле. После октября 1962 г. уже никогда не возникало столь же критических ситуаций.

Хотя кризис подтолкнул стороны к ряду новых практических шагов, направленных на ослабление международной напряженности, но он не остановил гонку вооружений. Скоро она развернулась с новой силой. Правда, теперь ее цели несколько изменились — стало важнее воздействовать на противника демонстрацией своих возможностей, чтобы заставить его поверить в свою силу и тем самым лишить соблазна нанести ядерный удар первым. Советское руководство принимает решение о значительном (на 3–4% в год) и постоянном увеличении расходов на оборону. К концу 60-х гг. СССР добивается резкого увеличения своих ядерных сил, что было сравнимо с наращиванием, предпринятым Соединенными Штатами в первой половине того же десятилетия. Если в 1966 г. Советский Союз имел всего 292 МБР, то всего четыре года спустя, в 1970 г., МБР уже было 1300 и еще около 300 ракет находилось в стадии строительства. СССР также резко нарастил темпы строительства БРПЛ и в 1974 г. превзошел Соединенные Штаты по их числу [57]. Советский Союз в 1970 г. отставал от Соединенных Штатов только в области стратегической бомбардировочной авиации, но компенсировал это созданием мощной ПВО, элементов ПРО и надежной системой гражданской обороны. Все эти меры вывели его безопасность на качественно иной уровень. Таким образом, благодаря Карибскому кризису ракетно-ядерные вооружения все больше превращались из «оружия победы» в «средство сдерживания».

Карибский кризис изменил мир, возможно, еще в одном отношении. На наш взгляд, настало время высказать гипотезу,

меняющую представление о холодной войне как явлении. Судя по всему начиная с 1962 г. американское руководство изменяет ее содержание и стратегию ведения. Понятно, что соответствующие документы, если они вообще существуют, очень долго будут недоступны, но весь ход последующих событий косвенно свидетельствует в пользу предположения: в Вашингтоне твердо решили уничтожить Советский Союз, не прибегая к прямому использованию военной силы. Холодная война с американской стороны, с точки зрения решительности своих целей, окончательно превращается из особого, конфронтационного, но относительно мирного противоборства в войну без кавычек. В Москве этой перемены не заметили, что и стало важнейшей предпосылкой будущей катастрофы.

В этой связи предпринятые после кризиса меры по оздоровлению международной обстановки можно рассматривать двояко. СССР был искренен в своем желании разрядки. Иное дело США. И для них, с одной стороны, шаги в сторону смягчения напряженности были естественны и необходимы. С другой, главной стороны — они играли роль отвлекающего маневра, имели целью выиграть время для перегруппировки сил, уточнения задач, корректировки планов достижения победы в холодной войне.

4.8. Чехословакия, 1968: репетиция «Бархатной революции»

*Самые глубокие противоречия между людьми
обусловлены их разным пониманием свободы.*

Карл Ясперс

В чехословацких событиях 1968 г. Советским Союзом и его партнерами по Организации Варшавского Договора военная сила применялась в значительных масштабах. Однако это было сделано не столько для подавления массовых протестных выступлений, сколько в целях предотвращения развития кризиса по венгерскому образцу.

Серьезные проблемы в отношениях между обществом и властью в Чехословакии, отдельные внешние проявления которых

были заметны на протяжении 1963–1967 гг., резко обострились в 1968 г.

Избранный в начале года на пост первого секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии А. Дубчек выступил с инициативой создания «новой модели социализма». Партийное руководство Чехословакии по существу отказалось от командно-административных методов управления и провозгласило «истинную» свободу слова и печати. В стране сразу же начались бурные дискуссии по различным политическим и экономическим проблемам, выдвигались призывы к насильственным действиям по очищению органов власти и партии от «неудобных» руководителей. В результате на многие высшие государственные и партийные посты были назначены «реформаторы» из числа бывших оппозиционеров. Деятельность средств массовой информации постепенно приобрела враждебный существующему строю, антисоциалистический и антисоветский характер.

Это вызывало негативную реакцию среди руководителей социалистических стран, которые стали расценивать события в Чехословакии как «контрреволюционные». Некоторые из них, в том числе и советские лидеры, считали, что такие процессы приведут к изменению внешнеполитического курса страны: выходу из Варшавского Договора и переориентации ее на Запад. Противники демократизации в самой Чехословакии убеждали Москву, что проводимые в их стране реформы угрожают жизненным интересам Советского Союза в Восточной Европе. По мере развития ситуации руководители ГДР, Польши, Болгарии, в меньшей мере Венгрии стали рассматривать чехословацкие события как непосредственную угрозу своим режимам и выступили за принятие любых мер, включая военные, для наведения порядка [58].

Что касается позиции самого советского руководства, то она эволюционировала от мер «товарищеского воздействия», а затем и давления на КПЧ во главе с Дубчеком, до ввода войск.

Необходимость ввода войск обосновывалась возрастающей уязвимостью территории Чехословакии со стороны НАТО, возможностью утраты советского контроля над чехословацкими

Прага. 1968 г.

вооруженными силами (10 мотострелковых и танковых дивизий, более 200 тыс. военнослужащих в мирное время). В результате возможного выхода ЧССР из Варшавского Договора прогнозировались неизбежное ослабление западных границ ОВД, вероятная ревизия послевоенного устройства в Европе и подрыв сложившейся системы военной безопасности.

Возможность подобного сценария косвенно подтверждалась и крайне отрицательной позицией нового чехословацкого руководства по поводу неоднократных предложений о размещении советских войск на территории Чехословакии с тем, чтобы не допустить прямого военного вмешательства со стороны НАТО и сохранить членство этой страны в Варшавском Договоре.

Одним из элементов плана решения чехословацкого кризиса было воздействие на правительство Чехословакии угрозой применения силы. Для этого в рамках Варшавского Договора в период с мая по август 1968 г. был спланирован и проведен

ряд командно-штабных и войсковых учений под руководством Главнокомандующего ОВС Маршала Советского Союза И.И. Якубовского, а также национальных командований Польши, ГДР и Советского Союза.

Самым крупным коалиционным учением войск Варшавского Договора этого периода стало командно-штабное учение «Шумава», проходившее на территориях Польши, ГДР, Советского Союза и самой Чехословакии с 20 июля по 3 августа.

Ввод войск государств — участников Варшавского Договора планировался как внезапное и кратковременное действие. Операция «Дунай» предусматривала одновременный ввод войск пяти союзных стран (Советского Союза, ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии) на территорию Чехословакии с четырех сухопутных направлений через 18 пограничных переходов, а также по воздуху.

Окончательное решение о вводе войск было принято на заседании политбюро ЦК КПСС 16 августа и одобрено на совещании руководителей стран Варшавского Договора в Москве 18 августа. При этом предполагалось, что США и НАТО не станут вмешиваться в события, расценивая предпринимаемые меры в качестве оборонительных, направленных на поддержание военно-политической стабильности в Чехословакии и Восточной Европе в целом.

Операция «Дунай» началась в ночь на 21 августа. Поводом для ввода войск стало письмо-обращение группы партийных и государственных деятелей Чехословакии с просьбой об оказании интернациональной помощи.

Из южной части ГДР в общем направлении на Прагу вводилась объединенная советско-германская группировка войск численностью 35 тыс. человек.

Из южных районов Польши действовала объединенная советско-польская группировка войск, насчитывавшая 70 тыс. человек. Из северной части Венгрии в западные и центральные районы Словакии вводились войска советско-венгерско-болгарской группировки войск численностью 40 тыс. человек. Наиболее крупная группировка была ведена с территории Украины. Советская 7-я воздушно-десантная дивизия была десантирована на аэродромы Праги и Брно [59].

Ввод войск был проведен стремительно и согласовано. Он оказался тактически неожиданным не только для чехословацкого руководства, но и для разведок НАТО. Соединения и части Чехословацкой армии не чинили препятствий действиям союзных войск. В дальнейшем главные усилия они сосредоточили на прикрытии совместно с советскими войсками границы с ФРГ. Группировка союзных войск, насчитывающая в своем составе 24 общевойсковые дивизии и около 250 тыс. человек, размещалась во всех областях и крупных городах страны. В Прагу мотострелковые и танковые части из состава ГСВГ вошли спустя пять часов после начала операции.

В отличие от венгерских событий, столь масштабное вторжение произошло почти бескровно. Имели место только отдельные нападения на советских военнослужащих. В основном оказывалось пассивное сопротивление: снимали указатели населенных пунктов на дорогах и наименования улиц и номера домов, устраивали баррикады в городах, делали завалы на дорогах, распространяли листовки с призывами к советским воинам возвращаться домой, изымали из продажи карты Праги и других городов и т.д. В ходе проведения операции «Дунай» в результате враждебных действий некоторых чехословацких граждан погибло 12 советских военнослужащих, было ранено и травмировано 87 человек [34, с. 560–561].

В конце августа, после фактической смены чехословацкого правительства, наметились первые признаки стабилизации обстановки. Сразу же начался отвод союзных войск из городов в выделенные районы для их расположения в полевом варианте. Но вывод войск с территории Чехословакии задержался в связи с повышенной активностью НАТО, выраженной в перегруппировке войск альянса в ФРГ, вблизи границ с ГДР и ЧССР, и в интенсивности различного рода учений.

Вывод войск был осуществлен только после подписания Договора об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословакии. По договору от 16 октября в Чехословакии создавалась группа советских войск численностью «не более 130 тысяч человек». Такая Центральная группа войск в составе трех мотострелковых, двух танковых и одной авиационной дивизий была создана. На военное время ЦГВ пре-

образовывалась в общевойсковую армию и входила в состав Прикарпатского фронта в роли его передового эшелона. Затем в оперативный план были внесены изменения — армия стала входить в состав Чехословацкого фронта и составлять второй эшелон его обороны. Центральная группа войск была выведена с территории Чехословакии в 1992 г.

* * *

Кризисы холодной войны стали ярким внешним проявлением противоборства Западного и Восточного блоков и оказали мощное влияние на характер и содержание всей системы международных отношений. В большинстве случаев Советский Союз нашел адекватные формы ответа на сделанные ему вызовы.

Внешним поводом для возникновения конфликтных ситуаций вокруг Берлина стали не до конца отрегулированные Потсдамскими соглашениями положения по доступу в разделенную германскую столицу и ее статусу. За политической позицией сторон в этих конфликтах всегда стояла военная сила или угроза ее масштабного применения.

При анализе советской внешней политики середины 50-х гг. особое внимание обращают на себя методы решения проблем в трех почти одновременно развернувшихся кризисах: польском, венгерском и Суэцком.

В Суэцком кризисе советское руководство успешно прибегло к блефу, предупредив Англию и Францию о возможности применения еще не существующего ракетного оружия.

В ходе событий в Венгрии Кремль не смог найти политического решения: восстание было подавлено с помощью советских войск. Но, может быть, иного выхода и не было? Силовое решение венгерского кризиса позволило предотвратить полномасштабную гражданскую войну в стране и вероятное осложнение общей обстановки в Европе, сохранило целостность Варшавского Договора.

«Польский Октябрь», напротив, продемонстрировал путь эффективного политического урегулирования. И хотя приемы силового давления не исчезли из арсенала средств, применяемых Советским Союзом в его внешней политике (вероятно,

это невозможно в принципе применительно к государству как к таковому), все большее место при решении сложных проблем, возникавших в отношениях между странами ОВД, стало отводиться политическим методам, учитывающим взаимные интересы.

События вокруг так называемой Пражской весны показательны в этом отношении. Масштабы использования военной силы в Чехословакии не должны помешать увидеть главное — кризис был разрешен прежде всего политическими средствами, а войска обеспечили для этого соответствующие условия.

Нужно, однако, признать и то, что польские, венгерские и чехословацкие события сыграли определенную роль в будущем распаде социалистического содружества, хотя здесь следует говорить не о прямых, а скорее об опосредованных связях — слишком много разноплановых факторов и обстоятельств, сложившись в систему, привели к разрушению СССР и Организации Варшавского Договора. Подробный разговор об этом еще впереди.

ГЛАВА 5

Военная сила в холодной войне

Холодная война по определению явилась продолжением политики двух государств: Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, ставших вскоре лидерами двух противоборствующих коалиций. Она велась с помощью сил и средств самого широкого спектра, включая военные, но при этом характер и масштабы их применения существенно различались. Хотя США и СССР друг против друга непосредственно не применяли военную силу, они активно использовали ее опосредованно: как средство давления, фактор сдерживания в ходе так называемых войн по доверенности. Кроме того, стороны поддерживали ее в постоянной и высокой готовности к боевому применению. Роль и функции военной силы в холодной войне предопределялись ее природой, детерминировались общей логикой исторического процесса и конкретной, сложившейся после Второй мировой войны военно-исторической обстановкой.

Решение проблемы места и роли военной силы в мировой политике с учетом опыта холодной войны органически связано с общей концепцией национальной безопасности. Большое значение приобретает теоретическая разработка проблемы соотношения баланса сил и баланса интересов в мировой политике и в политике отдельных государств; проблем военно-политической и военно-стратегической стабильности, путей

и методов их достижения в контексте обеспечения мира на Земле и мирных условий развития России.

Взаимодействие политики и военной силы — историческая и социальная реальность, проявления которой меняются под воздействием материальных и духовных факторов развития человечества.

Особые формы и способы реализации это взаимодействие приобрело в минувшем XX в. под воздействием сложного комплекса социально-экономических, геополитических, военно-политических и иных факторов и тенденций.

Человечество в условиях холодной войны развило такие экономические, научные, технические, военные силы, которые, многократно увеличив возможности человека, в то же время оказались неспособны рационально решить главные социальные проблемы.

5.1. Исторический процесс и военная сила

Война — это способ разбивать вдребезги, распылять в атмосферу, топить в морской пучине материалы, которые могли бы улучшить народу жизнь и тем самым в конечном счете сделать его разумнее.

Джордж Оруэлл

Военная сила неизменно присутствует в историческом процессе, часто способствуя изменению его характера, темпов, направленности. Справедливо утверждение, что история человечества есть преимущественно военная история.

Как в глубокой древности, так и в Средние века, а потом в Новое и Новейшее время применение военной силы было и остается константой, постоянно действующим фактором. Малые государства и могучие империи создавались, развивались, погибали вследствие применения военной силы. Главным образом это происходило посредством войн, вооруженной борьбы.

Важным источником применения военной силы является сама общественная жизнь, в основе которой лежат собствен-

ность и ее распределение, социальное расслоение и борьба за власть.

Уже древние государства широко применяли военную силу для решения внутренних и внешних задач. Чтобы существовать и развиваться, им были необходимы новые товары, новые земли, дешевая рабочая сила.

При контактах с другими государствами возникала потребность обмена опытом и достижениями материальной и духовной культуры. Постепенно формировалась система отношений, которые впоследствии стали называться международными. При этом потребности и интересы сторон зачастую не только не совпадали, но и прямо противоречили друг другу. Спорные вопросы разрешались мирными либо военными способами. В первом случае стороны договаривались между собой, достигая определенного баланса интересов. На его основе формировались долгосрочные союзы и временные объединения, заключались эфемерные соглашения и «вечные» договоры, что способствовало развитию политических, экономических и иных связей. В результате происходило сближение народов, а международные отношения приобретали относительно устойчивый, стабильный характер.

Однако мирные процессы часто оказывались весьма ограниченными во времени и пространстве. Ибо, когда менялись интересы, а следовательно, и их баланс, то с удивительной легкостью рушились все договоренности, рвались казавшиеся прочными связи, а межгосударственные отношения приобретали конфронтационный характер с широким и непосредственным использованием военной силы.

Основной закон функционирования системы международных отношений заложен в свойственном любой системе принципе гомеостазиса¹, который проявляется в ее стремлении к самосохранению.

¹ В 1932 г. американский физиолог У. Кеннон в работе «Мудрость тела» предложил этот термин для характеристики «координированных физиологических процессов» в биологическом организме. В настоящее время под гомеостазисом принято понимать саморегуляцию; способность любой системы сохранять стабильность своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия.

Обеспечение самосохранения системы достигается путем поддержания в ней динамического равновесия между различными, зачастую противоположными устремлениями ее элементов — государств. Существование равновесия между государствами является основой нормального функционирования всей системы отношений. При этом система межгосударственных отношений принадлежит к числу систем со стихийным регуляционным механизмом, поскольку в ней отсутствует какой-либо единый орган управления, позволяющий координировать и направлять действия ее отдельных структурных элементов. Поэтому состояние равновесия в системе международных отношений достигается путем столкновения различных интересов и сопровождающих их действий входящих в нее государств [1].

Система международных отношений не только обеспечивает связь между государствами, но и сама является объектом их внешнеполитической деятельности. Каждое государство, преследуя свои специфические интересы на международной арене, оказывает на нее определенное воздействие и является субъектом силы. Но в итоге оно может получить не тот результат, на который рассчитывало, что нередко и происходит. Здесь как раз и проявляется активная роль системы международных отношений. Фактором, обеспечивающим ее функционирование и развитие в целом, является не столько внешнеполитическая сила того или иного государства, сколько равнодействующая сил всех государств.

Динамическое равновесие системы межгосударственных отношений основывается, с одной стороны, на изменчивости ее отдельных элементов, то есть государств, которые находятся в процессе непрерывного экономического, политического и социального развития, определяющего эволюцию их интересов, а следовательно, и характер внешнеполитической деятельности. С другой стороны, оно строится на относительной устойчивости связей между государствами, то есть на структуре системы в целом [2].

История свидетельствует: поддержание равновесия в системе международных отношений достигается с большими трудностями, поскольку каждое государство стремится к на-

рушению баланса сил в свою пользу. Здесь почти все определяет политика как совокупность идеологических и организационных мероприятий власти. Системные и целенаправленные действия одного государства, направленные на изменение его существующего статуса, всегда вызывают ответную реакцию со стороны другого государства (группы государств), которое старается не допустить нежелательных для него (них) перемен. Таким образом, функционирование международной системы отношений, ее развитие осуществляется через постоянное изменение баланса сил, что, в свою очередь, создает предпосылки для вооруженных конфликтов и войн, а они снова меняют баланс сил. Круг замыкается. Подтверждением тому, например, является история развития системы международных отношений до Второй мировой войны и после ее окончания. Именно таким путем на роли мировых держав выдвинулись США и СССР.

Войны различного характера и масштаба — неотъемлемая часть всемирной истории. По приблизительным подсчетам, за последние 5,5 тыс. лет произошло около 15 тыс. войн. В них погибло почти 4 млрд человек, что превышает половину нынешней численности населения земного шара. Считается, что из всей известной истории человечества абсолютно мирными было всего около 300 лет.

Применение военной силы в форме войны всегда оказывало мощное воздействие на материальную и духовную культуру воюющих сторон, существенно меняло внутренние социально-политические отношения и в конечном счете влияло на характер и направленность развития человеческой цивилизации. Особенно это относится к масштабным войнам. В их числе, например, войны Александра Македонского, завоевания Древнего Рима, Крестовые походы, Столетняя война.

Крупные оборонительные и наступательные войны, оказавшие заметное воздействие на развитие общества, вела и Россия. Естественно, что в ее истории наиболее значимыми были те, в которых, без преувеличения, решались судьбы страны. Это войны с монголо-татарами, Ливонским орденом (XIII–XV вв.), Польшей (XVII в.), Турцией (XVIII в.), Францией (1812), фашистской Германией (1941–1945).

Масштабы войн и их социальные последствия в связи с изменением параметров военной силы постоянно возрастали, достигнув своего пика в XX в. Применение военной силы в этом столетии достигло небывалых масштабов, сопровождаясь огромными человеческими потерями, колоссальными утратами материальной и духовной культуры, коренными социально-политическими изменениями. Так, в Первую мировую войну было вовлечено 38 государств с населением в две трети от общемировой численности, а во Вторую — 61 государство и 80% населения планеты. В Первой мировой войне погибло около 10 млн человек, а во Второй — уже более 55 млн. Увеличились число и разрушительность локальных войн. Если в промежутке между двумя мировыми конфликтами (за два десятилетия) их было около полусотни, то за 1945–2000 гг. — почти четверо больше. Только в 36 из них, самых масштабных, погибло более 20 млн человек.

В минувшем веке военная сила была возведена в культ, а политические и иные ненасильственные формы разрешения конфликтов в большинстве случаев оказались оттесненными на второй план. Правда, появление оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного, способствовало тому, что использование военной силы в крайнем ее проявлении — в форме ядерной войны — мировое общественное мнение стало считать неприемлемым, иррациональным.

Это обстоятельство, изменив общественное сознание, породило, однако, и рискованные иллюзии, возник противоположный перегиб.

На исходе XX в., особенно после самороспуска Организации Варшавского Договора и крушения Советского Союза, широкое распространение получило убеждение в скором уходе военной силы из жизни народов и государств. Стали расхожими взгляды о наступлении эры партнерства между недавними противниками, о том, что теперь ход планетарного развития будет определяться мирным определением баланса интересов, а не балансом сил.

Между тем последующие события на Балканах, в Афганистане, Ираке, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а также рост масштабов международного терроризма говорят о другом:

представления о наступлении эпохи не силовых отношений между государствами и народами являются беспочвенными. Развитие мировых, региональных и иных отношений происходит по гораздо более сложной схеме, чем это совсем недавно представляли себе (а скорее, только изображали) влиятельные международные силы. Колоссальные изменения в геополитической и геостратегической расстановке сил в мире, процесс глобализации и ряд других факторов инициируют рождение нового мироустройства, для которого будут характерны как новые военные опасности и угрозы, так и новые возможности демилитаризации мировой политики и ограничения военной силы.

Какая из этих тенденций возобладает в реальности, зависит от многих объективных и субъективных обстоятельств, в том числе и от общественного сознания, роль которого в истории неуклонно растет. Осмысление исторического опыта применения военной силы, учет изменений, которые претерпевают и военная сила, и политика в сочетании с пониманием тенденций и альтернативных путей развития человечества могут способствовать ограничению военной силы, ее более рациональному использованию.

Обладая определенной совокупной мощью, в которую непременно входит военная, любое государство стремится как можно более эффективно обеспечить свои внешнеполитические интересы. Методы применения силы могут быть различными: прямыми и опосредованными, что наиболее характерно как раз для холодной войны.

Различными бывают и сочетания слагаемых совокупной мощи. Здесь многое зависит от геополитического положения государства, понимаемого в самом широком смысле, и выполняемой им роли в системе международных отношений. Так, обширная территория РФ с богатыми природными ресурсами, относительно многочисленное население, реальная и потенциально возможная роль России в мировой политике являются как основанием для наличия у нее мощных и современных Вооруженных Сил, так и объектом защиты от существующих и возможных посягательств. Великая держава, а именно таковой, несмотря на нынешний затяжной кризис, является Россия, не может передоверить свою безопасность каким-либо внеш-

Военная сила — Щит и Меч

ним силам, будь то военные структуры других государств или международные военно-политические организации.

При оценке места и роли военной мощи (военной силы) государства в современных международных отношениях необходимо учитывать ее органическую связь со стратегической стабильностью. Особенно в современных условиях, когда, во-первых, де-факто увеличилось количество государств, обладающих ядерным оружием, а во-вторых, еще больше стран имеет потенциальную возможность получить его при необходимости, причем в самые короткие сроки [3].

Традиционно принято считать, что международные отношения тогда являются стабильными, когда баланс военной мощи соперничающих государств таков, что ни одно из них не способно добиться военно-политических целей путем вооруженной агрессии (угрозы агрессии), без неприемлемых для себя последствий в результате ответных действий другой стороны.

Чем меньше государств находится в отношениях соперничества, тем больше шансов стабильного развития междуна-

родных отношений. Поэтому неудивительно, что многополярный мир представляет собой значительно менее устойчивую и стабильную систему, чем биполярная модель. Что же касается однополярной системы международных отношений, то она потенциально является сверхустойчивой, однако лишь после ее твердого установления и при отсутствии желания и возможности других государств ее оспорить. Вместе с тем она не может быть устойчивой по определению в период своего формирования, тем более после разрушения биполярности, когда одновременно действует тенденция воссоздания многополярного мира.

Еще недавно многим казалось, что США имеют все шансы уже в ближайшем будущем добиться полного доминирования в мировой политике, в том числе и потому, что обладают подавляющей военной силой. Но опыт Афганистана и Ирака показал, что все далеко не так однозначно. Желание Вашингтона управлять мировыми процессами, несомненно, существует, но вот возможностей добиться этого быстро явно недостает. А время работает против США.

Китай, возрождающаяся Россия, Индия, страны Латинской Америки, да и не одни они — наращивают свой геополитический вес и видят будущее мира отнюдь не звездно-полосатым. Вследствие этого складывающаяся сейчас многополярная система уже существенно отличается от прежних ее вариаций, поскольку баланс общих (как и военных) сил качественно и количественно иной. Что ее роднит с предшественниками, так это нестабильность, что позволяет прогнозировать очередной виток возрастания значения военной силы и риска войн и вооруженных конфликтов.

Роль и место военной силы в системе безопасности Российского государства определяются двумя основными обстоятельствами: во-первых, применение военной силы есть наиболее решительный и жесткий способ достижения политических целей, хотя в ряде случаев и не самый эффективный. Впрочем, вопрос эффективности силовых решений представляет собой отдельную проблему: многое здесь зависит от конкретных условий и степени отлаженности механизма осуществления силовых акций. С этой точки зрения неудачное применение

военной силы, например в Чечне в 1994–1996 гг., отнюдь не девальвирует саму идею силового разрешения подобных ситуаций, разумеется в сочетании с многообразными политическими средствами. Этот вывод нашел свое подтверждение, в частности, в ходе так называемой второй чеченской кампании вкупе с политическими и социально-экономическими мерами по умиротворению региона.

Во-вторых, войны и военные конфликты в течение неопределенно долгой перспективы будут неотъемлемой частью мировой политики. Это объясняется многими обстоятельствами. В том числе и тем, что идея насилия отнюдь не является неприемлемой для абсолютного большинства людей, особенно когда речь идет об их жизненно важных интересах.

В ядерный век реализация прямой функции военной силы в полном ее объеме маловероятна, поскольку это чревато широкомасштабной войной, которая может перерасти в ракетно-ядерную с неизбежным катастрофическим исходом. Вместе с тем абсолютных гарантий того, что события не могут развиваться по такому сценарию, нет. Особенно в свете настойчивых попыток США получить односторонний противоракетный «зонтик». Но пока значение косвенных функций военной силы представляется преимущественным. Выделим наиболее важные из них.

Функция сдерживания состоит в том, что вооруженные силы, обладая необходимым потенциалом и соответствующим уровнем боевой готовности, находятся в состоянии нанести потенциальному агрессору неприемлемый для него ущерб, что и является эффективным фактором предотвращения войн и вооруженных конфликтов.

Функция политической и военной стабилизации тесно связана с предыдущей. Дело в том, что военная сила выступает как элемент региональных и глобальных систем безопасности. Она может использоваться для прекращения уже идущих военных конфликтов, разграничения враждующих сторон и т.д.

Функция принуждения агрессора к миру и его наказания, по сути, производна от функций сдерживания и стабилизации. Пример: коалиционные действия против Ирака, захватившего Кувейт.

Функция оказания политического давления проявляется в принуждении одними субъектами политики других идти на односторонние уступки под угрозой применения военной силы. Несмотря на имеющиеся акты международного права, запрещающие использование угрозы силой для достижения политических целей, многие государства мира (в первую очередь, крупные) на практике игнорируют существующие ограничения.

Функция создания выгодного для государства соотношения сил в международных отношениях реализуется не только наращиванием собственной военной мощи, но и объединением ее с военной силой других государств путем создания военно-политических союзов и блоков. За последние 15–20 лет Россия утратила практически всех своих союзников, что значительно ослабило ее международное положение и при определенных условиях может привести к полной изоляции. Развитие добрососедских отношений со всеми странами — основной способ избежать такого варианта развития событий. Вместе с тем, учитывая сохранение и расширение Североатлантического альянса, следует укреплять дееспособную систему коллективной безопасности, в которой бы Россия играла достойную роль.

Функция борьбы с терроризмом и организованной преступностью. Примером ее реализации является война в Чечне.

Функция демонстрации статуса государства. В современном мире экономическая мощь и политическое влияние государства сочетаются с его военной силой. Эти три составляющие его статуса являются взаимодополняющими и необходимыми.

Итоги общественного развития в XX в. нельзя назвать случайными. Они — результат действия фундаментальных исторических и социальных противоречий и тенденций, определяющих развитие народов, стран и мирового сообщества в целом. В их числе такие факторы, на которые обращал внимание еще в конце XVIII в. английский историк Э. Гиббон, анализировавший процессы упадка и крушения Римской империи. Это «необходимое, но неравномерное распределение собственности» в различных ее формах и проявлениях и «жажда власти — ...самая высокомерная и самая вредная для общества, так как она внушает человеческой гордости желание подчинять других

своей воле» [4]. Гиббон подчеркивал, что это именно «те принципы, по которым почти каждая страница истории запятнана кровью междоусобицы...» [5]. На протяжении почти трех последних столетий эти факторы приводились в действие господствующей общественной системой, для которой характерными оказались все возрастающая неравномерность распределения собственности уже не только в отдельных странах и регионах, но и в глобальном масштабе. При этом множились факты ее насильственного перераспределения. Постоянно действующим генератором подобных процессов выступала политика, принявшая в XX в. глобальный характер. Особенно во время холодной войны.

В экономической сфере достигнут огромный прогресс в развитии производительных сил и производительности труда. Гигантский шаг вперед сделали промышленность и сельское хозяйство. Возникли новые производства, основанные на достижениях научно-технического прогресса. Произошли крупные революционные сдвиги в социальной сфере, связанные с социалистическими, народно-демократическими и антиколониальными революциями (в России, ряде стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки). Осуществились радикальные перемены в политической сфере общественной жизни народов.

В XX в. начался новый этап общественного развития. Начало ему положила социалистическая революция в России в октябре 1917 г. Она дала мощный импульс масштабным социальным переменам. В сфере духовной культуры XX век характеризовался высокой степенью соединения культуры с народом. Значительно повысился общий уровень грамотности населения. Другой тенденцией, оказавшей огромное воздействие на глобализацию политики и рост военной силы, стала тенденция усиления взаимозависимости и взаимообусловленности стран и народов. Она подспудно зрела в течение всего предыдущего века, когда мир был поделен великими державами, каждая из которых представляла собой относительно замкнутую систему. Видной на поверхности эта тенденция оказалась во время и после мировой войны 1914–1918 гг. Не только малые государства, но и большие уже не могли самостоятельно выжить

Продукт политики милитаризма

экономически, не могли в одиночку противостоять политике великих держав, стали все больше и больше нуждаться во взаимной помощи. Тенденция усиления взаимосвязи и взаимообусловленности стран и народов рельефно проявилась во Второй мировой войне 1939–1945 гг. и после ее окончания в условиях холодной войны.

Одновременно мировое развитие сопровождалось ростом, усложнением и обострением геополитических, социальных, политических, идеологических и иных противоречий. Применение военной силы в политике государств, народов, движений приобрело глобальный и всеохватывающий характер. Глобальными оказались и последствия.

Качественно новой чертой диалектики политики и военной силы явилось небывалое расширение материального объема военной силы, превращение ее в фактор, делающий войну неприемлемым средством решения различного рода проблем, встающих перед государствами, народами, человечеством. Рост материального объема военной силы выразился в создании средств массового поражения, которые не просто увеличили боевую мощь армии, а сделали эту мощь сопоста-

вимой с космическими силами, способными уничтожить как носителей военной политики, так и саму цивилизацию. Армии получили на вооружение и значительно усовершенствованные обычные средства ведения вооруженной борьбы, боевые возможности которых многократно возросли. Само число армий значительно возросло за счет образования на руинах колониальных империй десятков новых государств. Особая роль принадлежала армиям наиболее развитых стран мира и в первую очередь — СССР и США, которые образовали ядро вооруженных сил противостоявших друг другу военно-политических блоков — ОВД и НАТО.

Все это позволяет говорить о том, что милитаризм, будучи отнюдь не новым явлением в истории, постепенно меняет свое качество и приобретает глобальный масштаб. Именно в XX столетии, особенно в эпоху холодной войны, он приобрел огромный размах и превратился в настоящую угрозу человечеству. Он развивался вглубь и вширь, его внутренние и внешние функции множились, а значение приобретало самодовлеющий характер. Милитаризм многократно усилил свое воздействие на экономику и социально-экономические отношения, политику, идеологию, коллективную и индивидуальную психологию, культуру. Произошло значительное расширение географии милитаризма, он охватил практически все регионы мира.

В послевоенном милитаризме можно выделить три основные составляющие. Первая связана с США, Западом в целом, где генератором милитаризма явились военно-промышленные монополии, для которых производство орудий разрушения и инициирование разномасштабных военных акций превратились в образ существования и основу их процветания. Срастание этих монополий с государственным аппаратом деформировало внутреннюю и внешнюю политику, придав ей опасную направленность.

Другую составляющую милитаризма условно можно назвать оборонной. Она характерна для Советского Союза и его союзников, которые оказались втянутыми в гонку вооружений, в холодную войну.

Наконец, последняя составляющая милитаризма охватила страны третьего мира. Многие из них впервые встали на путь

самостоятельного политического развития, которое протекало зачастую в конфликтных условиях.

Небывалая гонка вооружений оказалась одним из главных дестабилизирующих факторов в мире и в отдельных регионах, привела к усилению роли военного фактора в международных отношениях. Милитаризация, создание и развертывание новых видов оружия массового поражения, систем противоракетной обороны не только расшатывает стабильность военно-стратегической ситуации и усиливает напряженность в мире. Она отрицательно воздействует на решение многих жизненно важных вопросов, оборачивается невосполнимыми потерями материальных ресурсов и человеческой энергии.

Гонка вооружений оказала отрицательное воздействие на все страны, независимо от их социальных систем, географического положения, размеров территории и уровня экономического развития. Она отвлекла огромное число людей от мирного производства. Так, например, в 70–80-х гг. в мире в военной сфере было задействовано свыше 60 млн человек, причем около половины из них непосредственно служило в вооруженных силах. Четверть всех научных кадров были заняты исследованиями военных проблем, на которые ежегодно тратились огромные средства. По данным ООН, после Второй мировой войны примерно 40% финансовых ресурсов, выделенных на научные исследования и разработки, было использовано в военной области.

Постоянно растущее военное производство способствовало развитию сырьевого и энергетического кризисов. Например, уже к началу 60-х гг. во всем мире на военные нужды расходовалось до 10% мировой добычи железа, алюминия, хрома, олова, меди. Сегодня, по некоторым оценкам, этот показатель увеличился до 12–15%.

Гонка вооружений негативно воздействовала на социальное положение населения, в первую очередь в тех странах, где военные расходы росли быстрее, чем совокупный общественный продукт. Здесь снижались темпы экономического развития, росли государственный долг, инфляция, сокращались расходы на социальные нужды населения — жилищное строительство, образование, здравоохранение.

От гонки вооружений в наибольшей степени страдают развивающиеся страны, так как она отрывает их и без того скудные ресурсы на непроизводительные цели. Интересно, что, по оценкам экспертов ООН, для решения самых острых социальных проблем развивающегося мира хватило бы средств, составляющих всего 8–10% ежегодных мировых расходов на вооружение.

Милитаризация, связанная с гонкой вооружений во время холодной войны, стала серьезным препятствием на пути решения и глобальных (например, экологической) проблем современности, тем более что военное соперничество, распространяясь на все новые сферы, вышло в космос.

Воздействию милитаризма подвергается и общественное сознание, в которое целенаправленно внедряются идеи «необходимости» и «полезности» гонки вооружений для «собственного блага народов», а милитаристские предрассудки у известной части населения постепенно превращаются в устойчивый элемент мировоззрения.

После окончания холодной войны рост милитаризма временно приостановился, но быстро стал приобретать новые формы, а затем получил и дополнительный импульс к развитию, как в связи с усилением роли США в качестве единственной сверхдержавы, так и в силу сохранения тенденции к воссозданию многополюсного мира.

Все войны XX столетия, но особенно мировые и холодная, показали, что для успешного ведения военных действий необходимы огромные экономические, социальные, политические, дипломатические возможности и средства — как в ходе подготовки войны, так и во время ее ведения.

Исторический опыт свидетельствует, что в странах с агрессивным внешнеполитическим курсом еще в мирное время ведется всесторонняя подготовка войны. Ее характер и масштабы служат показателем готовности государства и его вооруженных сил начать войну, заключают в себе определенные контуры будущей войны.

В условиях подготовки войны агрессором миролюбивые государства, если они не хотят заранее смириться с участью побежденного, вынуждены предпринимать необходимые от-

ветные меры. Следовательно, в таких государствах всегда должна существовать определенная объективная мера готовности к отражению агрессии, к войне.

При этом надо иметь в виду, что механизм перехода общества от мирного состояния к военному сложен, противоречив и не одинаков для государств с разным общественным и политическим строем, с различной военной организацией.

Холодная война, добавив в этот процесс скрытности, еще более усложнила его.

5.2. Военная сила и формирование биполярного мира

Хочешь мира — готовься к войне!

Флавий Вегеций Ренат

Сегодня, когда холодная война в ее «классическом» смысле уже стала историей, появилась возможность оценить роль военной силы в ней без оглядки на принцип «свой — чужой», что предполагает большую объективность, но совсем не означает заданности выводов.

Военная сила сыграла исключительно важную роль в процессе складывания биполярного мироустройства. Ее влияние на его ход было и прямым, и косвенным.

США и Великобританию изначально беспокоила военная мощь их восточного союзника, тем более что воспринимать его на равных они не были готовы. Интересно, что разведывательные структуры как нацистской Германии, так и «западных демократий», в канун и первые месяцы войны абсолютно ошибочно оценивали военно-экономический потенциал Советского Союза и его способность к сопротивлению агрессии. Не только немецкий Генеральный штаб, но и англо-американские военные аналитики после 22 июня отводили «социалистическому колоссу на глиняных ногах» не более трех-четырёх месяцев жизни, что, в частности, стало одной из причин небольших объемов поставок по ленд-лизу в первый, самый трудный год войны. Впоследствии сам факт этой ошибки оказал негативное влияние на формирование западной политики. В известном смысле СССР не могли простить того, что он устоял

под страшным ударом Гитлера и тем самым «поломал» всю многоходовую геополитическую игру. Оказалось также, что в военном отношении Советский Союз способен на многое, и в каком положении он окажется к концу войны — это еще вопрос. А в прошлом взаимоотношений с ним явно не хватало опорных позитивных точек.

Мы уже говорили о том, что проблема дефицита доверия между СССР и его западными союзниками по антигитлеровской коалиции существовала в течение всей войны. По мере приближения ее победного финала Советский Союз все увереннее выходил в первый ряд великих держав, а это категорически не устраивало Запад, лидеры которого стремились ограничить геополитическую сферу интересов Советского Союза в Восточной Европе и на Балканах.

Советская военная мощь, столь ярко продемонстрированная в годы Второй мировой войны, воспринималась западными союзниками СССР как нежелательный фактор мировой политики и вследствие этого — как объект пристального анализа. В мае 1944 г. Объединенный комитет начальников штабов США передал госсекретарю К. Хэллу доклад, в котором отмечалось: «Если учесть все военные факторы — источники помощи, людские резервы, географическое положение и в особенности наши способности перебросить свои силы через океан и применить их на континенте, — то мы могли бы успешно защитить Великобританию, но не смогли бы победить Россию. Другими словами, втянулись бы в войну, которую мы не в состоянии выиграть» [6].

В другом докладе, датируемом августом 1944 г., подчеркивалось: «Первоклассными военными державами после поражения Японии останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. Это объясняется сочетанием таких факторов, как их географическое положение, размеры и громадный военный потенциал. Хотя США могут направить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав не позволяют одной из них нанести военное поражение другой, даже в союзе с Британской империей» [7]. Это были реалистические оценки, основанные на признании бесперспективности войны с СССР.

Недоверие было взаимным. Немаловажную роль в его развитии со стороны СССР по отношению к Западу играл секрет разработки Соединенными Штатами и Англией атомного оружия, которым они категорически не хотели делиться с СССР, хотя многие ученые — атомщики и призывали к этому. Но лидеры США и Англии, вплоть до конференции в Потсдаме, держали в тайне все работы над атомным оружием, хотя по соглашению между СССР и Англией от 29 июня 1942 г. англичане обязаны были предоставлять Москве «всю информацию» об оружии, используемом против «общего противника» [8]. Рузвельт и Черчилль не подозревали, что Сталин знал о работах над «Манхэттенским проектом» с осени 1941 г., и стремление союзников скрыть от Советского Союза секрет атомной бомбы закономерно усиливало недоверие Кремля.

Ситуация с оценкой возможной войны с СССР как бесперспективной кардинально изменилась как раз летом 1945 г., когда в арсенале США появилось атомное оружие, позволявшее надеяться на быструю и сопряженную с небольшими потерями победу над любым противником. Атомная бомбардировка городов Японии стали стартом «атомной дипломатии» администрации президента Трумэна, направленной прежде всего против СССР. Не только отечественные ученые, но и многие западные исследователи считали и считают, что применение США атомных бомб против Японии было продиктовано не столько военной необходимостью, сколько желанием показать миру, и в первую очередь Советскому Союзу, свою военную мощь. Так, английский ученый-атомщик П. Блэкетт справедливо отметил, что «сбрасывание атомных бомб явилось не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой большой операцией холодной дипломатической войны с Россией, ведущейся сегодня» [9]. Это мнение подтверждается выводами, сделанными сразу после окончания войны группой американских специалистов. В подготовленном ими документе говорилось о прогнозируемых сроках капитуляции Японии в случае, если бы атомная бомбардировка не состоялась. В качестве крайней даты называлось 31 декабря 1945 г. и даже более ранние сроки [10].

Возможные последствия решения о применении атомной бомбы осознавались американским военно-политическим ру-

ководством. Так, военный министр США Г. Стимсон 11 сентября 1945 г. направил президенту Г. Трумэну меморандум, где писал: «Во многих кругах атомное оружие рассматривается как серьезное препятствие росту русского влияния на континенте. Мы можем быть уверены, что советскому правительству это известно, и советские военные и политические руководители будут испытывать большое искушение как можно скорее приобрести это оружие. Англия уже фактически является нашим партнером по работе над атомным оружием. Следовательно, если Советский Союз не будет добровольно привлечен к участию на основе сотрудничества и доверия, то мы будем иметь англосаксонский блок, противостоящий Советскому Союзу в обладании этим оружием. Такое положение почти неизбежно вызовет в СССР лихорадочную деятельность, направленную на создание бомбы, что фактически приведет к тайной гонке вооружений...

Я считаю, что наши удовлетворительные отношения с Россией не только связаны с проблемами атомной бомбы, но и фактически подчинены им... Эти отношения могут оказаться непоправимо испорченными — все зависит от того, как мы подойдем к решению вопроса о бомбе с Россией. Ибо, если мы не обратимся к ней сейчас, а лишь будем продолжать вести с ней переговоры, довольно явно держа за спиной это оружие, ее подозрительность и ее недоверие к нашим целям возрастут» [11].

Меморандум был обсужден на заседании кабинета под председательством Трумэна, но было решено сохранить монополию на атомное оружие.

Американцы заговорили с «позиции силы» уже осенью 1945 г., когда еще достаточно крепки были межсоюзнические отношения, проводились конференции министров иностранных дел великих держав, готовились первая сессия ООН и Нюрнбергский процесс. «Атомная дипломатия» по замыслу ее инициаторов должна была «поставить Советский Союз на место», показать ему, что «хозяином» в послевоенном мире будут Соединенные Штаты.

Осенью 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) разрабатывает меморандумы JCS-1496/2 «Основы

формирования Американской военной политики» и JCS-1518 «Стратегическая концепция и план применения вооруженных сил США». В этих документах была легализована идея превентивного нападения, первого удара, целесообразность которого мотивировалась прагматическими соображениями. В меморандуме JCS-1496/2 говорилось: «Если станет известно, что против нас готовятся выступить войска потенциально-го противника, мы не можем позволить, чтобы из-за ложных и опасных идей о недопустимости собственных агрессивных действий нам был нанесен первый удар. В этих условиях наше правительство должно быстро принять политическое решение, в то время как будет проведена подготовка для того, чтобы нанести, если это необходимо, первый удар» [12].

В ноябре того же года в отчете 329 Объединенного разведывательного управления в качестве возможных целей для атомной бомбардировки назывались 20 советских городов. При этом характерно, что в американских военных кругах господствовало мнение, что СССР «не представляет непосредственной опасности», поскольку он истощен войной, а вот его возможности делают Советский Союз потенциальным противником [13] (разумеется, кроме этого обстоятельства на то, что именно СССР стал объектом американского военного планирования, влияли соображения геополитического характера, идеологический антагонизм, существовавший между двумя державами, и др.). В документе отмечалось, что поскольку атомные бомбардировки малоэффективны против обычных вооруженных сил и транспортной системы, то атомная бомба более пригодна для массового истребления населения городов. Так, в США была принята доктрина «первого удара». В ноябре 1945 г. генерал Д. Эйзенхауэр заявил: «Нет смысла закрывать глаза на тот факт, что мы думаем о войне с Россией».

Практически одновременно с появлением вышеназванного документа под руководством Эйзенхауэра, в то время командующего оккупационными вооруженными силами США в Германии, разрабатывается первый план войны против Советского Союза с применением ядерного оружия. В качестве основного театра военных действий в нем рассматривалась Европа. Уверенность в неизбежности победы американского

оружия в войне против СССР придавала дополнительный вес «атомной дипломатии». Основой военной стратегии США стал расчет на быстротечную и одностороннюю воздушно-атомную войну. Предполагалось, что угроза массированной бомбардировки объектов страны-мишени заставит ее правительство согласиться с любыми условиями мира по-американски.

26 июля 1947 г. президентом Трумэнном был подписан законопроект, получивший название «Акт о национальной безопасности». Принятый закон положил начало качественно новому этапу в истории американских вооруженных сил, стал основой дальнейшего развития их военной мощи. Особое место в структуре государственной власти занял Совет Национальной Безопасности. В положении об его учреждении указывалось, что в числе прочего в функции Совета входит подготовка рекомендаций президенту по вопросам внутренней, внешней и военной политики, связанной с проблемами национальной безопасности; а также оценка целей, обязательств и возможных последствий внешнеполитических действий Соединенных Штатов.

Уже в 1945–1949 гг. США готовили войну с применением атомного оружия против СССР. Правда, в то время ядерных зарядов было сравнительно мало (1946 г. — 6, 1947 г. — 13, 1948 г. — 50, в 1949 г. — около 250, в 1950 г. — около 450 [14]), что в сочетании с боевыми возможностями бомб позволяло применять их только по крупноплощадным целям, то есть по городам. Поэтому именно они определялись в качестве основных объектов для удара. Так, в 1949 г. в США был принят план войны против СССР «Дропшот», основанный на этой стратегии.

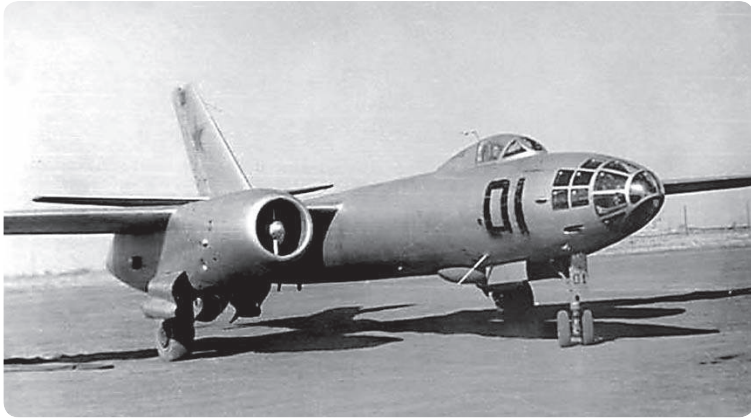
Советский Союз осознавал опасность и принимал меры к тому, чтобы найти адекватный ответ. С одной стороны, форсированным темпом велись работы по созданию советской атомной бомбы, с другой — в Восточной Европе содержалась мощная группировка сухопутных войск, потенциально способная в считанные дни оккупировать Западную Европу вплоть до Ла-Манша и Средиземного моря. Таким образом, угрозе атомных бомбардировок советской территории была противопоставлена угроза быстрого поражения европейских союзников

США, в которых они нуждались не только военно-политически, но и экономически. Именно реальная возможность успешного «танкового марша советов» к Ла-Маншу и Пиренеям сдерживала американских «ястребов». Более того: с высокой долей вероятности можно утверждать, что советский военный потенциал еще в 40-е гг. уберег СССР от атомного нападения Соединенных Штатов.

С появлением у Советского Союза в 1948 г. Ил-28 — реактивного бомбардировщика, носителя атомной бомбы, способного поражать цели в Великобритании и в некоторых других странах, где находились авиабазы США, а в 1949 г. — и атомной бомбы положение изменилось.

Особенно ярко это проявилось в годы войны в Корею, когда данное обстоятельство удержало американское руководство от применения ядерного оружия. В 1948 г. в разгар Берлинского кризиса англичане легко согласились на размещение на своей территории 60 американских бомбардировщиков В-29 с ядерными бомбами на борту. Однако в 1950 г., когда генерал Д. Макартур, командовавший «войсками ООН» в Корею, потребовал от Белого дома применить атомную бомбу по объектам КНР и президент Г. Трумэн первоначально поддержал его, премьер-министр Великобритании К. Эттли немедленно вылетел в США с просьбой к Вашингтону воздержаться от своих намерений. Он опасался, что в этом случае Британия может подвергнуться воздушно-атомному удару со стороны СССР. Трумэн согласился с Эттли, пообещав консультироваться с Лондоном. В своих воспоминаниях он признавал: «Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, то должны были бы ожидать русского вмешательства» [15]. И в более поздний период Корейской войны, когда уже другие фигуранты (Эйзенхауэр) выдвигали подобные предложения, европейские лидеры ссылались на опасность ответного атомного удара СССР по Западной Европе.

В 1951 г. У. Черчилль, ранее выступавший сторонником ядерной войны против СССР, заявил: «Мы не должны забывать, что... превращаем себя в мишень». Так советская военная сила снова девальвировала угрозу применения атомной бомбы против Советского Союза.

Бомбардировщик Ил-28

Однако руководители США и созданного в 1949 г. блока НАТО не утратили надежды на сохранение и увеличение своего подавляющего военного преимущества над СССР и продолжали совершенствовать свое ядерное оружие.

В 1954 г. в США была принята стратегия «массированного возмездия», в основе которой были планы внезапного массированного воздушного нападения на Советский Союз силами стратегической авиации, вооруженной ядерными бомбами и крылатыми ракетами. К тому времени стратегическая авиация стала приоритетным видом вооружений и ведущим родом войск в вооруженных силах США. Считалось, что при массированном применении она является силой, способной в решающей степени подорвать военно-промышленный потенциал противника и добиться победы в кратчайшие сроки.

Упор на стратегическую авиацию в послевоенные годы объяснялся и тем, что тяжелые бомбардировщики могли действовать с континентальной части США, а средние — с передовых баз, по целям в Европе и Азии, тогда как территория самих Соединенных Штатов оставалась практически недосягаемой для потенциальных противников (СССР, позже и КНР). Исходя

из этого американские теоретики «воздушной войны» (У. Митчелл, А. Северский и др.) считали, что межконтинентальная авиация, вооруженная ядерными боеприпасами, делает все остальные традиционные виды вооруженных сил устаревшим оружием. При этом особое внимание обращалось на создание качественно новых средств доставки ядерного оружия к цели. Именно в этом виделся залог победы США в будущей войне, так как технологическое превосходство американской авиапромышленности над советской считалось бесспорным, а американский опыт ведения воздушной войны — уникальным и в ближайший перспективе неповторимым. Утверждалось, что воздушная мощь позволяет вести войну на условиях США, тогда как сухопутная война будет вестись на условиях СССР. Отсюда делался вывод, что военное строительство должно быть подчинено идее максимального развития средств воздушного нападения, даже в ущерб армии и флоту [16].

Программа строительства стратегической авиации основывалась на этих постулатах. С начала 50-х гг. основным ее самолетом стал средний стратегический бомбардировщик В-47 «Стратоджет», первые образцы которого имели максимальную скорость 960 км/ч, практический потолок 12,5 тыс. м и дальность полета 8000 км. На этот бомбардировщик, в связи со скоростью и высотой его полета, возлагались большие надежды по преодолению противовоздушной обороны. К 1955 г. большинство частей и подразделений стратегической авиации были перевооружены с В-29 и В-50 на В-47. В середине 50-х гг. на вооружении находилось всего 375 самолетов В-36 и уже 1200 В-47. Однако тактико-технические характеристики В-47 все же не давали ему возможности при базировании на аэродромах континентальной части США достигать объектов СССР, находящихся в глубоком тылу.

Поэтому был разработан, а с 1954 г. стал поставляться в войска тяжелый реактивный бомбардировщик В-52, с дальностью действия 16 000 км (в дальнейшем 18 000 км) и скоростью 960 км/ч. В 1959 г. на вооружении уже было 500 этих машин. Но вопрос труднодоступности глубинных районов Советского Союза беспокоил американских стратегов. Дополнительные решения проблемы были найдены через освоение дозаправ-

ки бомбардировщиков в воздухе и создание новых передовых баз. Для этого в составе САК был создан флот самолетов-топливозаправщиков.

Поскольку, однако, он был относительно малочисленным, то командование САК решило часть В-47 содержать в постоянной боевой готовности на передовых авиационных базах в Англии, Испании, Марокко, на Аляске и островах Тихого океана. Эта система дежурства получила условное наименование «Ответные действия». Такое название маскировало истинную сущность передового базирования, цель которого состояла в том, чтобы обеспечить успех первого внезапного ядерного удара по СССР. Дежурство части сил стратегической авиации на авиабазах, расположенных в непосредственной близости от границ СССР и его союзников, увеличивало возможности более быстрого, одновременного и массированного ее применения.

В рамках стратегии «массированного возмездия» была принята и так называемая авиационная доктрина, в которой были пересмотрены не только принципы боевого использования, но и тактика действий различных родов авиации в условиях применения ядерного оружия¹. В документе указывалось, что ВВС являются основным военным средством, обеспечивающим захват инициативы и достижение решительных результатов в войне. Главное место среди родов авиации отводилось стратегическим бомбардировщикам как средству, способному в короткий срок нанести противнику невосполнимые потери. Вооруженная атомными, водородными, бактериологическими и химическими бомбами, стратегическая авиация рассматривалась как сила, обеспечивающая «национальную безопасность» и как оружие устрашения.

По расчетам американского военно-политического руководства, стратегическая авиация уже в начальном периоде будущей ядерной войны должна была сыграть особую, решающую роль. Первые удары по жизненно важным объектам военного и экономического потенциала противника предполагалось нанести с максимальным использованием фактора внезапно-

¹ В США под «авиационной доктриной» понимаются теоретические взгляды на особую роль и предназначение авиации в войне.

сти. В отличие от 40-х гг., когда преимущество американской авиатехники было почти абсолютным, теперь стратегической авиации предстояло действовать не только, а в тесном взаимодействии с другими родами авиации. Генерал К. Лемэй, в тот период возглавлявший САК, так формулировал задачи, стоящие перед стратегической авиацией: поражение жизненно важных объектов противника, в первую очередь — аэродромов базирования авиации, способной нести атомное оружие, а также предприятий атомной промышленности; полное разрушение промышленных объектов и других источников мощи противника путем проведения массированных ударов по заранее намеченным целям; постоянная готовность к поддержке действий сухопутных войск.

Наиболее эффективной формой боевого применения стратегической авиации называлась воздушная операция, которая должна была проводиться по планам верховного командования. В операции предполагалось участие не только сил стратегической авиации, но также тактической и палубной авиации, находящейся на театрах военных действий, причем действия всех этих компонентов должны были быть заранее спланированы по времени и целям. Носители ядерного оружия должны были действовать с передовых баз, расположенных в европейских странах НАТО. Главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Гюнтер в 1954 г. заявил: «Мы определили, что наша стратегия в центре требует применения ядерного оружия независимо от того, будет ли оно применено противником или нет» [17].

Вскоре, однако, выяснилось, что стратегия «массированного возмездия» малопригодна для достижения политических целей. Например, она по определению была бессильна остановить распад колониальной системы.

К тому же, как известно, американская атомная монополия оказалась недолговечной. В СССР работы по созданию ядерного оружия были начаты весной 1943 г. Толчком к этому послужили сообщения внешней разведки о проведении соответствующих исследований за рубежом, прежде всего в Германии. Под руководством И. В. Курчатова создается «Лаборатория измерительных приборов Академии наук», чья деятельность,

однако, далеко выходила за рамки названия. По ряду причин, в первую очередь финансового характера, в течение первых двух лет работа находилась на стадии предварительных оценок и экспериментов.

Атомная бомбардировка Японии послужила катализатором осуществления ядерной программы в СССР. Уже 20 августа 1945 г. выходит постановление ГКО, согласно которому образуется Специальный комитет, в ведение которого включается организация всех необходимых работ по созданию атомного оружия. Его председателем стал Л.П. Берия, являвшийся в этот период заместителем председателя Совета народных комиссаров. Для непосредственного руководства атомным проектом образуется Первое главное управление при СНК во главе с Б.Л. Ванниковым, чьим заместителем назначается И.В. Курчатov.

Работы велись в чрезвычайно высоком темпе. Активно строились объекты для добычи и переработки урана, плутония, конструирования и серийного производства атомных бомб. Первоначально, летом 1946 г., планировалось изготовить бомбы двух типов: плутониевого и уранового, то есть повторить американский путь (известно, что благодаря деятельности советской разведки наши ученые имели достаточно подробное представление о работе своих американских коллег). Однако проделанные расчеты и эксперименты показали, что урановая бомба имеет недостаточно высокую эффективность.

Из-за низких темпов накопления плутония к лету 1949 г. можно было изготовить только один заряд. Для взрыва РДС-1 был выбран полигон № 2, расположенный к западу от Семипалатинска. Там сооружается специальная 30-метровая башня, подобная той, которая использовалась американцами для испытаний в Нью-Мексико.

Выбор «башенного варианта» был предопределен тем, что если бомба в первый раз по каким-либо причинам не взорвалась, то после устранения неполадок были возможны новые попытки. При сбросе с самолета такой возможности не было, так как при ударе о землю бомба разрушалась.

Еще в 1947 г. В.М. Молотов от имени советского правительства сделал официальное заявление о том, что секрета атомной бомбы для СССР больше не существует. В США ему тогда

После испытаний. Ядерный полигон в Семипалатинске

не поверили, решив, что имеют дело с блефом. И вот 29 августа 1949 г. испытание было проведено успешно, а монополия США на атомное оружие перестала существовать. 3 сентября самолет-разведчик В-29 американских ВВС, совершая плановый полет над северной частью Тихого океана, недалеко от полуострова Камчатка, обнаружил повышенную радиоактивность взятой пробы воздуха. Последующий анализ позволил американцам сделать вывод о проведенном в СССР ядерном взрыве. 25 сентября ТАСС официально сообщило, что в Советском Союзе освоено производство атомного оружия¹.

Столь быстрое создание Советским Союзом атомного оружия вызвало на Западе и прежде всего в США значительный резонанс. Американское руководство восприняло успешные испытания под Семипалатинском как первый шаг на пути ликвидации геостратегической неуязвимости США. Уже в январе 1950 г. президент Трумэн принимает решение об активизации работ «над всеми видами атомного оружия, включая водород-

¹ Правда. 1949. 25 сент.

ное». Таким образом, начинается гонка термоядерных вооружений, в которую следом за США включается СССР, а позже Великобритания, Франция и Китай.

В Советском Союзе вскоре после взрыва под Семипалатинском разрабатывается серийная атомная бомба, имевшая при весе 3 т мощность в 40 кт тротила (у РДС-1 было соответственно 5 и 20 кт). Это оказалось возможным за счет создания принципиально новой конструкции, фокусирующей действие продуктов обычного взрыва на центральный ядерный заряд. И в дальнейшем работы идут по пути значительного увеличения удельной мощности атомных зарядов при одновременном уменьшении их габаритов и веса.

В октябре 1951 г. И.В. Сталин заявил о плановом и систематическом характере работ по совершенствованию ядерного оружия [18]. И действительно: в 1950–1955 гг. в СССР была осуществлена целая серия успешных испытаний атомных бомб различного типа, а 12 августа 1953 г. стал «днем рождения» советской водородной бомбы.

И.В. Курчатов на сессии Верховного Совета СССР в 1956 г. подчеркивал, что создание советской водородной бомбы — это ответ на американские планы ведения атомной войны против СССР [19]. В начале 60-х гг. были испытаны ядерные боеприпасы мощностью 30–50 мегатонн.

Советский Союз, создав значительный арсенал ядерных боеприпасов, нашел и решение проблемы доставки их к цели. Принципиальное решение о разработке отечественного бомбардировщика, близкого по своим летно-техническим характеристикам к американскому Б-29, было принято в конце 1943 г. Однако трудности финансового, экономического и организационного характера не позволили оперативно решить эту проблему. Проект самолета, разработанного в КБ А.Н. Туполева, не отвечал требованиям, предъявляемым к нему военновоздушными силами. Отставание от передовой авиационной техники становилось все более значительным, что не являлось секретом для американцев. По мнению экспертов ВВС США, советская авиация дальнего действия была таковой только по названию, а на деле располагала лишь устаревшими машинами без ближайших перспектив их замены на более совре-

менные. США и Великобритания, по отзыву этих специалистов, имели подавляющее превосходство как по количеству, так и по качеству бомбардировщиков дальнего действия [20]. В сложившейся обстановке советское руководство принимает решение скопировать самолет В-29 (четыре такие машины во время войны совершили вынужденную посадку на советской дальневосточной территории и были интернированы). Конструкторское бюро Туполева получает соответствующее правительственное задание. Определен и срок — 2 года. Подобный шаг носил вынужденный характер, но в связи с существенным отставанием Советского Союза в авиастроении был наиболее предпочтительным выходом, поскольку значительно упрощал задачу. Тем не менее она оставалась весьма сложной, ведь требовалось, помимо всего прочего, коренным образом изменить технологический процесс, причем как на авиационных заводах, так и на смежных предприятиях.

3 августа 1947 г. на воздушном параде в Тушино тройка самолетов, получивших обозначение Б-4 (позже Ту-4), была показана публике, а всего с 1948 по 1952 г. было построено 850 таких машин [21]. Создание и серийное производство Ту-4 подготовило почву для появления последующих советских стратегических бомбардировщиков: Ту-16, Ту-95, М-4 и др.

И все же в Кремле, сознавая свое серьезное отставание от США в развитии стратегической авиации, отказались буквально повторять их путь. В качестве основного носителя ядерных зарядов были избраны ракеты. Это стало верным решением, оказавшимся неожиданным и сильным ходом в глобальном военно-политическом противоборстве с США. Его организационный, научный и экономический фундамент закладывался еще в первые послевоенные годы.

Надо сказать, что успехи Германии в разработке и применении ракет Фау-1 и Фау-2 обусловили повышенное внимание к данной проблеме со стороны США и СССР. В апреле 1945 г. около 500 ведущих специалистов немецкого ракетно-конструкторского бюро во главе с В. фон Брауном сдались в плен к американцам, а уже осенью того же года в форте Блисс (США) началась работа по сборке ракет из деталей, вывезенных из оккупированной Германии, и их совершенствованию.

В советской оккупационной зоне весной 1945 г. создается организация под кодовым обозначением Институт «Нордхаузен» — по названию города, где находился подземный завод по производству Фау-2. Здесь работало около 200 немецких ракетчиков из числа тех, кто не ушел к американцам. В конце 1946 г. институт был переведен в СССР; немецкие специалисты проводили свои исследования в нем около трех лет, затем они были возвращены в Германию.

Постановлением правительства СССР от 13 мая 1946 г. были созданы специальные управленческие структуры, на которые возлагалось непосредственное руководство ракетостроением. Среди них: Специальный комитет по реактивной технике при Совете министров (в последующем — Специальный комитет при СМ СССР); 7-е Главное управление Министерства вооружения [22]. Общее руководство было поручено Г.М. Маленкову, а его первым заместителем, фактически отвечавшим за все дело, стал министр вооружения Д.Ф. Устинов.

Процесс оснащения Вооруженных Сил ракетным оружием требовал строгой регламентации эксплуатации и обслуживания новой техники. Образованное в Министерстве Вооруженных Сил 4-е Главное управление отвечало за изучение состояния и развития современного реактивного вооружения, разработку системы вооружения им армии и флота, составление сводных планов научно-исследовательских и опытных работ, а также планов серийных заказов, контроль за работой аналогичных управлений видов Вооруженных Сил и координацию их деятельности, контроль за внедрением реактивного вооружения в войсках и за его эксплуатацией, выработку предложений о внедрении новых образцов реактивного вооружения [23].

Первое время коллектив ракетно-конструкторского бюро под руководством С.П. Королева восстанавливал точные чертежи Фау-2 с помощью немецких специалистов и захваченной документации. Дело осложнялось тем, что наиболее ценная ее часть попала к американцам или была уничтожена. Из разрозненных деталей и узлов, найденных на немецких заводах, а частично сделанных в СССР, удалось собрать 11 ракет Фау-2, пробные пуски которых показали низкую надежность ракет.

В том же году была завершена работа над созданием первой отечественной ракеты Р-1 с дальностью полета 270 км. Во многом она копировала Фау-2, но была целиком изготовлена на советских заводах. В октябре 1948 г. состоялся ее первый успешный пуск. Он выявил высокие качества ракеты как эффективного средства доставки мощных боевых зарядов к цели. Р-1 обладала большой скоростью полета и имела значительную в то время высоту траектории. Принятие на вооружение решением правительства от 28 ноября 1950 г. такой ракеты означало, что Советские Вооруженные Силы получили принципиально новое оружие — баллистические ракеты. Спустя три года была испытана более совершенная ракета Р-2 с дальностью полета 600 км. Она поступила на вооружение созданных к тому времени ракетных частей в ноябре 1951 г.

Разработка и организация производства ракетной техники продолжались и в дальнейшем. Так, в 1951–1953 гг. в СССР были успешно проведены запуски ракет в верхние слои атмосферы с высотой полета до 450 км. Осуществлялась работа по созданию ракеты Р-5М, способной нести как обычный, так и ядерный заряд. Эта ракета была первой баллистической ракетой средней дальности с максимальной дальностью полета 1200 км и подлетным временем в 10 минут. Параллельно с Р-5М велась разработка ракеты Р-11, которая в апреле 1953 г. прошла испытания и после существенной модернизации под кодовым наименованием Р-11М в июле 1955 г. была принята на вооружение Сухопутных войск Вооруженных Сил [24].

Таким образом, к 1956 г. в нашей стране было создано несколько образцов отечественных баллистических ракет с дальностью полета до 1200 км, которые имели как обычное, так и ядерное снаряжение головных частей.

Это означало, что Советский Союз получил в свое распоряжение такие средства военной силы, которые были соизмеримы с американскими. Однако дальность их полета оставалась явно недостаточной, и руководство СССР поставило перед учеными и ракетостроителями задачу сосредоточить усилия на создании межконтинентальных средств доставки ядерных и термоядерных боеприпасов к цели. Это был принципиально новый подход

к вопросам развития средств и способов вооруженной борьбы с учетом требований современной войны.

В 1956–1957 гг. велась разработка и подготовка к производству межконтинентальных ракет Р-7 и ракет средней дальности Р-12 (до 2000 км). В последующие годы на базе первых межконтинентальных ракет были созданы мощные ракеты-носители, с помощью которых производились запуски космических аппаратов всех типов.

21 августа 1957 г. в Советском Союзе впервые в мире была успешно испытана межконтинентальная, многоступенчатая баллистическая ракета (МБР) Р-7. В заявлении ТАСС говорилось: «На днях осуществлен запуск сверхдальней, межконтинентальной, многоступенчатой баллистической ракеты. Испытания ракеты прошли успешно, они полностью подтвердили правильность расчетов и выбранной конструкции. Полет ракеты происходил на очень большой, еще до сих пор недоступной высоте. Пройдя в минимальное время огромное расстояние, ракета попала в заданный район»¹.

Советский Союз уверенно вступил в ракетно-ядерную эру и получил полное право называться сверхдержавой.

Появление в СССР современных вооружений (межконтинентальные баллистические ракеты, атомные подводные лодки-ракетоносцы, зенитные ракетные комплексы, стратегические бомбардировщики и т.д.), требующих небольшого, но высококвалифицированного персонала для их обслуживания, позволило советскому правительству пойти на сокращение громоздких и дорогостоящих сухопутных войск. Этому способствовало и общее потепление международного климата в середине 50-х гг. В 1953 г. закончилась война в Корее; в 1954-м были подписаны Женевские соглашения, прекратившие войну в Индокитае; в 1955-м из Австрии были выведены оккупационные войска, и она стала нейтральным государством; готовилась первая после войны встреча глав правительств СССР, США, Англии и Франции.

В связи с этим в 1955 г. СССР сократил численность своих вооруженных сил на 640 тыс. человек, в 1956-м — еще на

¹ Правда. 1957. 27 авг.

1,2 млн, в 1957-м — на 300 тыс. человек. Были расформированы 63 дивизии и бригады, часть военных училищ, 375 кораблей поставлено на консервацию. В заявлении советского правительства от 14 мая 1956 г. говорилось, что СССР «стремится содействовать делу практического осуществления программы разоружения». На встрече в верхах в Женеве летом 1955 г. СССР предложил сократить вооруженные силы Советского Союза, США и Китая до 1–1,5 млн человек, а Англии и Франции — до 650 тыс. человек [25].

Однако эта инициатива Советского Союза не была принята Западом. Крайнее недоверие, существовавшее между участниками холодной войны, не позволяло разработать и применить на практике действенные меры контроля над процессом разоружения, что делало его почти невозможным. И еще одно принципиальное обстоятельство: США и их союзники все еще не воспринимали СССР на равных, по-прежнему рассчитывали на свое преимущество в вооружениях и экономическом потенциале.

Правда, к этому времени в Вашингтоне пришли к выводу, что прежние доктринальные установки исчерпали себя. Создание в СССР ракетно-ядерного оружия, способного поражать цели на американской территории, девальвировало стратегию «масшированного возмездия», лишив США статуса единственной сверхдержавы и неустрашимости, но не амбиций и иллюзий.

Достижения СССР в области создания новейших вооружений привели к заметному изменению общей военно-политической ситуации. Осенью 1957 г. Советский Союз открыл для человечества космическую эру: вывод на орбиту искусственных спутников Земли имел прежде всего гуманитарное значение. Был, однако, у этого события и выраженный военный аспект. Факт запуска свидетельствовал о том, что СССР получил в свое распоряжение средства доставки ядерных зарядов на американский континент. Поэтому неудивительно, что запуск спутников вызвал «серьезные сомнения относительно адекватности военных, политических и экономических приготовлений, на которые западные державы до сих пор полагались» [26].

Последующие космические свершения Советского Союза, особенно облет советским спутником Луны (1959) и полет

*Первый
искусственный
спутник Земли*

Ю.А. Гагарина (1961), показали, что Советский Союз вырвался вперед в деле освоения ракетных технологий. В Соединенных Штатах все громче звучали утверждения об их «ракетном отставании от СССР».

Позитивные процессы набирали силу и в советской экономике. Специальная комиссия Конгресса по определению национальных целей США, образованная в 1960 г. по указанию президента Д. Эйзенхауэра, прогнозировала в текущем десятилетии рост промышленного производства в США и Западной Европе на уровне 40%, тогда как в Советском Союзе — 70%, а в Китае — 100% [27].

В этих условиях Вашингтон инициировал разработку новой стратегической доктрины, тем более что концепция «массированного возмездия» уже не отвечала требованиям времени. Стала очевидной невозможность применения воздушно-ядерной мощи против стран третьего мира, как ввиду низкой эффективности этого шага, так и в силу высокого риска тяжелых осложнений. Обретенная СССР способность аналогичными средствами действовать по территории США окончательно поставила крест на старых доктринальных установках [28]. Требовалось разработать такую стратегию, которая давала бы

американскому руководству новые возможности эффективно использовать военную силу как инструмент политики.

Ответом на эту потребность стала стратегия «гибкого реагирования», вобравшая в себя важные генетические черты своей предшественницы. «Концепция гибкого реагирования не означает, — отмечали на Западе, — отмены массивированного возмездия, которая является ее дополнением» [29].

В Вашингтоне признали, что СССР, сделав ставку на ракеты, а не на самолеты, создал адекватную угрозу США и получил ряд преимуществ в стратегических вооружениях. Даже с учетом недостатков, присущих ракетам того времени (низкая надежность, малая точность, уязвимость стартовых позиций), такие их преимущества как скорость и трудность перехвата, привели к тому, что к концу 50-х гг. ракетное оружие стратегического назначения стало играть в структуре стратегических ядерных сил (СЯС) США заметную роль. К тому же с помощью ракет можно было наносить удары не только по объектам экономики, но и непосредственно по стратегическим силам противника [30]. Ракетно-ядерные средства нападения быстро превратились в важнейший инструмент политики холодной войны. Процесс ускорился с завершением работ по созданию первых типов ракет стратегического назначения — МБР «Атлас» и «Титан», а также ракет средней дальности — «Тор» и «Юпитер».

Теперь «ядерное сдерживание» рассматривалась тройко:

— во-первых, как угроза применения силы с целью утверждения национальных интересов США во внешнем мире. При этом допускалась возможность нанесения первого, упреждающего удара по стратегическому потенциалу противника (так называемый контрсилловой удар);

— во-вторых, как угроза нанесения «неприемлемого ущерба» противнику в ходе ответного удара при его нападении на США (так называемый контрценностный удар);

— в-третьих, как вариации и сочетание первых двух типов с целью устрашения.

В рамках стратегии «гибкого реагирования» часть стратегических средств воздушно-ракетного нападения требовалось перенацелить с городов СССР на его ракетные и авиационные базы с тем, чтобы минимизировать ответный советский

удар, но и задача нанесения сокрушающего удара по военно-экономическому потенциалу СССР и его крупным городам с повестки дня не снималась.

Такая постановка вопроса требовала увеличения числа стратегических ракет и улучшения их тактико-технических характеристик: сокращения подлетного времени до целей, повышения живучести и точности.

Эти задачи была призвана решить принятая при президенте Д. Кеннеди программа развертывания стратегических вооружений, которая предусматривала создание стратегической триады: межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и стратегических бомбардировщиков (СБ); повышение технической надежности ракет и оснащение их разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН); создание против СССР дополнительной стратегической угрозы путем развертывания в Европе ракет средней дальности «Тор» и «Юпитер» и подводных лодок с ракетами «Поларис» [31].

По планам, разработанным в ведомстве Р. Макнамары (министр обороны в администрации Д. Кеннеди), СЯС США могли нанести первый контрсилевой удар по стратегическим объектам СССР, а затем, после ослабленного ответного советского удара, нанести второй удар по городам Советского Союза. Если же первый удар по США наносил СССР, то предполагалось в контрцелостном ударе по СССР нанести ему неприемлемый ущерб, уничтожив минимум 25% населения и 50–70% промышленности. Расчеты показывали, что в случае советского удара по американским городам США теряли около 100 млн человек, если же ракетно-ядерная война сводилась бы к обмену контрсилевыми ударами с американским первенством, то США имели шанс выиграть войну со значительно меньшими потерями [32].

В 1962 г. Кеннеди открыто заявил, что «при определенных условиях мы должны быть готовы к применению ядерного оружия первыми»¹. Здесь явно присутствовал и дополнительный психологический расчет. СССР внушалось, что США не остановятся ни перед чем. «Мы даем нашему возможному противнику

¹ Правда. 1983. 30 мая.

наисильнейший побудительный мотив... чтобы воздержаться от удара по нашим городам», — подчеркивал Макнамара [33].

К 1967 г. СЯС США насчитывали 1054 ракеты «Минитмен» и 108 «Титан-2», 41 атомную подводную лодку с 656 ракетами «Поларис», 500 стратегических бомбардировщиков В-52. В дополнение к этому Великобритания имела 4 атомные подводные лодки, вооруженные ракетами «Поларис», и 80 стратегических бомбардировщиков, Франция — 45 стратегических бомбардировщиков [29, с. 256].

Наращивал свой ядерный потенциал и Советский Союз. В 1959 г. был создан новый вид вооруженных сил — РВСН. В том же году поступил на вооружение ракетный комплекс Р-12 (дальность — 2000 км), в следующем году — межконтинентальная ракета Р-7, в 1961 г. — ракетный комплекс Р-14 (дальность — 4500 км) и межконтинентальная ракета Р-16 [34].

Главным элементом в стратегических вооружениях оставались межконтинентальные ракеты. И хотя здесь в начале 60-х гг. в количественном отношении СССР значительно отставал от США, сам факт, что он может нанести ракетный удар по американским городам, имел принципиальное значение. Обе страны оказались уязвимыми для ракетно-ядерных ударов, поскольку не имели средств защиты от МБР, а время подлета ракет к целям было равным и составляло около 30 мин. Эта ситуация устраивала Советский Союз, так как именно к такому положению вещей он долгое время стремился, но не устраивала Соединенные Штаты, ибо они ничего не приобрели, но зато потеряли безопасность.

Поэтому в Вашингтоне решили создать ракетные группировки в непосредственной близости от границ СССР, что позволяло значительно сократить подлетное время и обеспечить себе наиболее выгодные условия на случай ракетно-ядерной войны. На сессии совета НАТО в декабре 1957 г. государственный секретарь США Д. Даллес предложил разместить ракеты средней дальности в европейских странах альянса. Англия, Турция, а позднее Италия дали свое согласие.

«Тор» и «Юпитер» (дальность 2700–2800 км) были приняты на вооружение в 1958 г. Они стали оружием первого удара, что косвенно подтверждалось высоким временем их подготов-

ки к пуску и низкой защищенностью (они располагались на незащищенных стартовых площадках). По оценке самих американских военных экспертов, эти ракеты были «фактически бесполезны для чего-либо другого, кроме как для первого удара» [35]. А следовательно, территории стран, где они дислоцировались, становились первоочередной целью для ответного удара СССР. Осознание этой факта удержало другие страны НАТО последовать примеру Англии, Италии и Турции.

В течение последующих двух лет в Великобритании были размещены четыре эскадрильи (60 пусковых установок) ракет «Тор», в Италии — две эскадрильи (30 пусковых установок) «Юпитер», в Турции — одна эскадрилья (15 пусковых установок) ракет «Юпитер». Их размещение в названных странах позволяло не только сократить подлетное время, но и рассредоточить средства ядерного нападения.

Таким образом, стратегическая обстановка на европейском континенте изменилась в худшую для Советского Союза сторону: теперь уже через 8–12 минут ракеты НАТО могли поразить объекты на Европейской части СССР и в других странах Варшавского Договора. Американское руководство испытывало по этому поводу «глубокое удовлетворение».

Во время встречи Кеннеди и Хрущева в Вене в 1961 г. американский президент заметил, что запасы ядерного оружия позволяют США дважды уничтожить СССР. Но Хрущев в присутствии ему своеобразном стиле ответил, что мы, мол, «в отличие от вас, люди не кровожадные, это вы намереваетесь бить по мертвым, а нам и одного раза достаточно» [36].

5.3. Военная сила и паритет

*Нелегкое сосуществование лучше
легкого несуществования.*

Неизвестный автор

Как мы уже выяснили, своеобразным стержнем военно-политических отношений СССР и США в годы холодной войны выступал баланс стратегических наступательных вооружений, который в значительной мере определял военную безопасность

сторон. Исторически он эволюционировал от позиции безраздельного монополизма Соединенных Штатов в данной области до установления и поддержания военно-стратегического паритета.

По сути, борьба за паритет велась Советским Союзом с самого начала холодной войны и вплоть до ее окончания, но в рамках заявленной в разделе проблемы мы сконцентрируем внимание на 60–80-х гг. как наиболее важном временном периоде.

Взаимоприемлемое разрешение Карибского кризиса способствовало ослаблению открытой конфронтации и, как казалось, создало предпосылки для продолжения диалога между Западом и Востоком. В этом смысле заключение 5 августа 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космосе и под водой между США, СССР и Великобританией стало несомненным успехом политики компромисса или, говоря иначе, «мирного сосуществования государств с различным общественным строем».

Однако временное снижение напряженности в отношениях сверхдержав совсем не означало, что холодная война идет к завершению. Напротив, очень скоро она обрела второе дыхание и дала мощный импульс новому витку гонки вооружений. На наш взгляд, это было неизбежно.

Дело в том, что теперь, когда СССР стал полноправным обладателем ракетно-ядерного оружия стратегического назначения, достижение паритета с США стало для него во многом

Таблица 1. Ядерный баланс в 1963 г.

Вид оружия	США	СССР
Пусковые установки МБР	229	44
Пусковые установки	144	97
Бомбардировщики среднего радиуса действия	105	/20–40 на Кубе/
Стратегические бомбардировщики	1300	155
Ядерные боеголовки	4150	360

Источник: Шардаков В. С. *Военно-стратегический паритет. М., 1992.*

технической задачей. Да — сложной, да — весьма затратной, да — приоритетной, но все-таки технической. К тому же в результате Карибского кризиса советское руководство лишний раз убедилось в том, что США крайне чувствительны к собственной безопасности, а ускоренное совершенствование и наращивание стратегических вооружений позволяло СССР, уже не размещая своих ракет на чужой территории, как бы воспроизвести кубинский сценарий в новом качестве. В самом деле: уже ни с кем не договариваясь и без дополнительных рисков можно было заставить американцев почувствовать себя под прицелом, то есть испытать те же чувства, что испытывали в Советском Союзе на протяжении двух десятков лет. Таким образом, осуществление уже готовых к реализации ракетно-ядерных программ означало для Кремля и качественное укрепление собственной военной безопасности, и удовлетворение чувства справедливости.

Что касается Соединенных Штатов, то они считали для себя единственно возможным вариантом действий сохранение подавляющего военного превосходства. Такой курс был для них и традиционным, и естественным, не говоря уже о том, что полностью соответствовал национальному характеру. Дж. Кеннану принадлежит достаточно честное высказывание на сей счет: «Давайте не будем наводить тень на ясный день, сваливая всю ответственность на наших противников. Мы должны помнить, что именно мы, американцы, на каждом повороте пути были инициаторами дальнейшей разработки подобного (ядерного. — *Н. И.*) оружия. Мы первые создали и провели испытания такого устройства, первыми создали водородную бомбу, мы первыми создали многозарядную боеголовку, мы отклонили всякие предложения отказаться в принципе от применения ядерного оружия первыми, и мы одни — да простит нам бог — употребили это оружие против десятков тысяч беззащитных мирных граждан» [37].

И еще одно. Если верно наше предположение об изменении американской стратегии ведения холодной войны под влиянием Карибского кризиса, то расчет Вашингтона на изматывание СССР в гонке вооружений приобрел с этого времени самостоятельное значение, тем более что в Белом доме в то

время, по-видимому, еще не верили в возможность достижения Советским Союзом паритета с США.

Что же такое паритет?

С точки зрения формальной логики и житейского здравого смысла, ядерный паритет — это ситуация, когда противоборствующие стороны обладают соизмеримыми возможностями стратегических ядерных сил.

Если дополнить данное «бытовое» определение дополнительными характеристиками, то военно-стратегический паритет может быть охарактеризован как такое соотношение стратегических сил и средств, которое в возможной войне не обеспечивает ни одной стороне возможность достижения рациональных политических целей военными средствами. В этом смысле стратегический паритет исключает ядерную войну из числа вариантов решения спорных международных вопросов, превращая ее в иррациональное средство политики.

Достижение и поддержание военно-стратегического паритета есть исторически закономерное явление мировой истории, поскольку оно выступает выражением естественного стремления общественных систем к равновесию. Главной качественной характеристикой такого равновесия в биполярном мире стало наличие у каждой из противоборствующих сторон такого потенциала ракетно-ядерного оружия, который был достаточен для нанесения ответного удара по агрессору с неприемлемым для него ущербом.

Характер противоборства СССР и США в сфере ракетно-ядерных вооружений в известной мере определяло геостратегическое положение этих стран. Советский Союз — континентальная держава, занимавшая или контролировавшая большую часть евразийского континента. Основным компонентом ядерной триады СССР при этом были наземные межконтинентальные баллистические ракеты. США, напротив, — морская держава, имеющая свободные выходы в Атлантический и Тихий океаны. При этом главные союзники США находились в Западной Европе, что предполагало большую протяженность линий морских и воздушных коммуникаций между ними. Поэтому Соединенные Штаты сделали ставку на военно-морские силы с упором на развитие атомного подводного флота с БРПЛ. Важ-

нейшим элементом американской триады исторически являлась также стратегическая авиация.

Противоположность геостратегического положения СССР и США влияла, таким образом, на формирование дисбалансов в структуре СНВ сторон. Эти дисбалансы, в свою очередь, усиливали взаимное недоверие сторон, стимулируя стремление накопить возможно большее количество вооружений с целью обеспечения гарантированного уровня своей безопасности.

Развитие стратегических сил США и НАТО. К 1962 г. США уже имели значительные силы межконтинентальных бомбардировщиков и баллистических ракет. Общее число ядерных боеголовок в американских арсеналах увеличилось с 2 тыс. в 1955 г. до более 4 тыс. в 1962 г. [38]. Таким образом, значительное ракетно-ядерное превосходство Соединенных Штатов над СССР было очевидным.

В 1963–1964 гг. в США были введены в строй четыре ракетные базы, на каждой из которых имелось по крылу ракет «Минитмен» (150–200 ракет). На вооружение также поступили тяжелые МБР «Титан-2» [39]. В отличие от МБР первого поколения, которые запускались с поверхности земли, новые ракеты могли запускаться непосредственно из шахт. Полным ходом велось и строительство атомных подводных лодок (АПЛ) с ракетами «Поларис». Ежемесячно на воду спускался один атомный ракетоносец. И если правительство Д. Эйзенхауэра планировало построить 45 АПЛ к 1970 г., то обновленная программа предусматривала уже к 1964 г. ввести в строй 41 лодку.

Даже по оценкам специалистов Пентагона такой ядерный арсенал превышал в 5 раз те критерии, которые ведомство министра обороны США Р. Макнамары считало достаточным для «гарантированного уничтожения» намеченных на территории СССР объектов. Сам Макнамара признавал, что «с теми силами, которые мы предлагаем поддерживать, мы будем иметь даже излишек ядерной мощи сверх наших потребностей» [40].

С 1962 по 1965 г. государства НАТО увеличили свои военные бюджеты в среднем на 30% [41]. Лидирующую роль играли США, чей военный бюджет рос ежегодно. Если в 1964/65

финансовом году военные расходы США составили 51,9 млрд долларов, то в 1967/68 финансовом году они возросли до 76,5 млрд, в следующем году — до 79,8 млрд долларов. Военно-промышленный комплекс становился все более мощным. Количество только первичных фирм-подрядчиков Пентагона достигло почти 20 тыс., а с учетом субподрядчиков — около 45–60 тыс. Целые отрасли промышленности ориентировались исключительно на обслуживание вооруженных сил США. На военные нужды шло 80% продукции авиапромышленности, 60% судостроения, 35% электротехники. Ряд крупнейших фирм теснейшим образом был связан с военными заказами. Так, например, 97% продукции фирмы «Тиокол» шло на производство ракетного топлива, «Юнайтед Эркарафт» — 57% и т.д. [42].

В результате объединенных усилий американского военно-промышленного комплекса и Пентагона был создан огромный арсенал стратегических средств нападения. США в 1967 г. завершили создание стратегической триады, состоящей из 1054 пусковых установок МБР «Минитмен-1», «Минитмен-2», «Титан-2», 656 ракет «Поларис А-2» и «Поларис А-3» на 41 атомной подводной лодке, а также 615 тяжелых бомбардировщиков В-52, вооруженных сверхзвуковой крылатой ракетой «Хаунд Дог», и средних бомбардировщиков В-58. Общее число стратегических носителей составляло 2325. Кроме того, в Великобритании имелось 180 бомбардировщиков «Вулкан В-2» и «Виктор В-2» и 3 подводные лодки с ракетами «Поларис», во Франции — 62 стратегических бомбардировщика «Мираж» 4А и 1 ракетная подводная лодка.

Что касается СССР, то он располагал в тот период 600 носителей, включая только 2 атомные подводные лодки (по 16 пусковых установок на каждой) [43].

Столь выраженный перевес в силах позволил министру обороны США У. Клиффорду публично заявить в 1968 г.: «Мы имеем сегодня значительное военное превосходство над Советским Союзом, и я сделаю все, что в моих силах, для поддержания такого превосходства в дальнейшем» [44].

Поставленный перед фактом форсированного наращивания военной мощи США, Советский Союз был вынужден прини-

Таблица 2. Количественный состав американской стратегической ядерной триады (1961)

Виды стратегических средств доставки ядерных боеприпасов к целям	1961	1968
Межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования (МБР)	28	1954
Баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ)	80	656
Стратегические бомбардировщики	1654*	648
Общее число средств доставки стратегических ядерных боезарядов	1762	2368

*включая средние бомбардировщики передового базирования

Источник: Кокошин А.А. В поисках выхода: военно-политические аспекты международной безопасности. М., 1989. С. 50.

мать меры для ликвидации американского стратегического преимущества. Закономерность советского ответа признавалась многими авторитетными американскими учеными и политическими деятелями. «Никто не ожидал, — писал профессор Принстонского университета С. Коэн, — что Советский Союз навсегда смирится со своим отставанием в военной области, которое наблюдалось в 60-е гг.; неизбежная ликвидация этого отставания всегда была основной предпосылкой и необходимой потребностью разрядки». С. Вэнс, государственный секретарь США в 1977–1980 гг., признавал: «Было неизбежно, что Советский Союз создаст потенциал, примерно равный нашему потенциалу». Р. Макнамара, вспоминая о военно-политической ситуации 60-х гг., писал: «Если бы я был советским министром обороны, я был бы чертовски озабочен неравенством сил. И меня бы тревожило то, что Соединенные Штаты стараются создать потенциал первого удара»¹.

В начале 60-х гг. с приходом к власти в США администрации Дж. Кеннеди была принята доктрина «гибкого реагирования». Ей соответствовали военно-стратегические концепции «эскалации превосходства», «стратегической ядерной триады»

¹ Правда. 1983. 30 мая.

и «двух с половиной войн»¹. В соответствии с указанной доктриной предусматривалось использование прямых и косвенных форм силового давления с целью не допустить каких-либо нежелательных для США действий со стороны СССР.

В рамках «стратегии гибкого реагирования» американцы добились согласия своих европейских союзников по Североатлантическому альянсу разместить на их территории запасы американских ядерных бомб и боеголовок для ракет оперативного и тактического назначения, которые находились в ведении верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе — американского генерала. Косвенно данное решение означало санкцию на допуск ФРГ к носителям ядерного оружия.

Еще в 1957 г. на декабрьской сессии НАТО была принята директива MC-70, которая предусматривала подготовку к 1964 г. 30 боеготовых дивизий стран НАТО, оснащенных ядерным оружием [29, с. 250]. После этого и началось оснащение бундесвера носителями ядерного оружия. Поскольку планами предусматривалась передача ядерных боеприпасов сразу же с началом войны, руководство ФРГ настаивало, что уже в мирное время бундесвер должен располагать соответствующими боевыми средствами и обученными для их применения кадрами. Действительно, вскоре американские тактические ракеты «Онест Джон» (дивизион, оснащенный ими, позже имелся в каждом корпусе), крылатые ракеты «Матадор» оперативно-тактического назначения (дальность действия — до 1000 км), тактические самолеты-носители ядерного оружия стали поступать на вооружение бундесвера, хотя контроль над ядерными боеголовками оставался за США [41, с. 190].

Вообще к середине 60-х гг. в Европе находилось несколько сот военных объектов США, среди них около 130 крупных американских военно-воздушных, военно-морских и ракетных баз. Их сеть охватывала ФРГ, Великобританию, Италию, Турцию, Грецию, Испанию, Португалию, Бельгию, Нидерланды.

¹ Концепция «двух с половиной войн» предусматривала ведение Соединенными Штатами одновременно двух «больших» войн в Европе и Азии и локального вооруженного конфликта в другом районе земного шара, например на Кубе.

ды, Люксембург. Уже в 1963 г. ракетные части НАТО в Европе включали дивизионы ракет «Редстоун», «Сержант», «Капрал», «Онест Джон», тактических крылатых ракет «Лакросс». Атомная артиллерия калибра 280 и 203,2 мм насчитывала 26 дивизионов. В Средиземноморье на постоянной основе находился шестой американский флот, чтобы «иметь возможность, — как писали американские газеты, — в случае развязывания войны послать свои самолеты с атомными бомбами в сердце России» [45].

В 1966–1967 гг. неуправляемые ракеты «Онест Джон» в ФРГ были заменены управляемыми ракетами «Ланс» с дальностью действия до 75 км, а крылатые ракеты «Матадор» — на более совершенные «Мейс» [17, с. 308].

В 1963 г. в распоряжение верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе были переданы три американские подводные лодки с ракетами «Поларис», часть английских стратегических бомбардировщиков «Вулкан» и «Виктор». Канада, ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Италия также передали в НАТО несколько эскадрилий тактических истребителей, способных нести ядерные бомбы. К НАТО также были приписаны самолеты — носители ядерных бомб из состава французской тактической авиации, размещенной в Западной Германии. Большая часть этих средств воздушного нападения составила в дальнейшем ядро так называемых мобильных сил НАТО. В 1965 г. они включали выделенные контингенты сухопутных войск Бельгии, Канады, ФРГ, Италии, Великобритании и США, а также части ВВС этих стран (без Канады) и ВВС Нидерландов [41, с. 265].

Однако и в новой стратегии главное место занимали стратегические ядерные силы. К 1967 г. США увеличили число ядерных боеголовок до более 2200 единиц, развернули работы по созданию системы ПРО отдельных районов США («Сентинел», затем «Сейфгард»), ускорили подготовку к принятию на вооружение ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения.

Резко увеличившийся арсенал ядерных средств США потребовал создания единого в масштабе вооруженных сил планирующего органа. Вследствие этого руководство Соединенных Шта-

тов сформировало Стратегическое Авиационное Командование (САК) и Объединенный штаб, на который были возложены задачи определения объектов поражения противника и разработка плана ядерной войны в целом. За короткие сроки Объединенный штаб разработал единый план ведения ядерной войны. В нем, в частности, значился вариант первого массированного ядерного удара по СССР и КНР с применением около 3500 ядерных боеприпасов общей мощностью свыше 7800 мегатонн. Такой удар, по оценке Пентагона, мог повлечь за собой уничтожение не менее 280 млн человек в СССР и КНР. К лету 1961 г. план был уточнен, а затем утвержден президентом Кеннеди. Он основывался на превосходстве США над СССР не только в количестве ядерных зарядов¹, но и в средствах доставки их к целям.

СССР старался не отставать от США: им создавалось мощное ракетно-ядерное оружие различного базирования, велись работы по ПРО, совершенствовалась ПВО. Это вело к значительному увеличению числа объектов, которые США планировали уничтожить как в контрсилового, так и в контрценностном ударах. В 1960 г. их насчитывалось около 3000 (1-й единый объединенный оперативный план — СИОП-1), в СИОП-2 (1961) называлось 6000 целей, в СИОП-3 (1967) — 10 000 [46]. При этом военные аналитики предполагали, что СССР все равно будет способен причинить «неприемлемый ущерб» США даже во втором ударе. Тот же Макнамара признавал, что «эта взаимная способность и является для обеих наших стран самой сильной из всех возможных причин, побуждающих избежать ядерной войны» [47].

Анализ количественного соотношения американских и советских стратегических ракетно-ядерных сил и бомбардировщиков, проведенный Макнамарой, показывает, что если в 1960–1965 гг. Соединенные Штаты значительно превосходили СССР по СНВ, то уже в 1970–1975 гг. соотношение сил сторон в данных вооружениях выглядело примерно как равное.

В начале 70-х гг. в Вашингтоне осознали новую реальность мировой политики, которая была сформулирована как «стра-

¹ США в тот период имели 5000 ядерных боеголовок, СССР — 300 (см.: Макнамара Р. Путем ошибок — к катастрофе. С. 19–20).

тегический паритет» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. В связи с этим в США были проведены «великие дебаты» по данному вопросу. В них приняли участие ведущие американские специалисты в области международных отношений и военной политики, в том числе профессор Гарвардского университета С. Хантингтон, сенатор У. Фулбрайт, бывший помощник президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер, директор Института проблем коммунизма Колумбийского университета З. Бжезинский, известный военный теоретик Б. Броди, отставной генерал М. Тэйлор, консультант министерства обороны математик А. Уолстеттер и др. 1 августа 1972 г. был сделан официальный вывод, что ядерная война поставит под угрозу существование США «как современного государства» [48].

Признание данного факта вызвало публичный пересмотр американской политики. 18 февраля 1970 г. президент США Р. Никсон в послании конгрессу, названном «Новая стратегия в интересах мира», призвал опираться не только на силу, но и на переговоры с противостоящей стороной [49]. Спустя два года в послании от 25 февраля 1972 г. он заявил, что в истории мировой политики «завершилась целая эра, и США вступили в период коренного перехода в новую полосу международных отношений» [50, с. 19], а во время своего визита в Москву в мае того же года Никсон отметил, что «в ядерный век... не существует такого понятия, как безопасность, обеспеченная преобладанием силы»¹.

Осознание реальных опасностей в ядерный век привело Л.И. Брежнева и Р. Никсона, лидеров двух сверхдержав, к политике разрядки. Не случайно, что именно в начале 70-х гг. окрепли и получили дальнейшее развитие отношения стран советского блока с государствами Западной Европы: Великобританией, Францией, ФРГ, Италией и др. Так, в августе 1970 г. был заключен советско-западногерманский договор, по которому стороны приняли на себя обязательства соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе, разрешать свои споры мирными средствами, воздерживаться от применения

¹ Сообщение ТАСС // Правда. 1972. 23 мая.

Подписание Договора ОСВ-1. 1972 г.

силы и угрозы силой. Германская Демократическая Республика была принята в ООН. Ее договор с ФРГ (1971) подтвердил нерушимость западных границ ГДР. Польша и Чехословакия также заключили договоры с ФРГ (1970 и 1973 гг. соответственно). В сентябре 1971 г. было подписано четырехстороннее (СССР, США, Великобритания и Франция) соглашение по Западному Берлину. Начались переговоры об ограничении стратегических вооружений, об ограничении ядерных вооружений в Европе, о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

В результате переговоров между СССР и США об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), начавшихся в конце 1969 г. в Москве, в мае 1972 г. были подписаны два важных документа: Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (в прессе использовалось сокращенное наименование — ОСВ-1).

По Договору об ограничении систем ПРО, который был заявлен как бессрочный, Советский Союз и Соединенные Штаты

ты приняли на себя ряд обязательств, исходя из объективной взаимосвязи между оборонительными и наступательными стратегическими вооружениями.

Система ПРО характеризовалась в Договоре как система для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета, состоящая из противоракет, пусковых установок противоракет и радиолокационных станций ПРО.

Статья I фиксировала обязательства сторон «не развертывать системы ПРО на территории своей страны и не создавать основу для такой обороны».

Каждой из сторон разрешалось (статья III) размещать системы ПРО лишь в двух районах:

а) в пределах одного района радиусом 150 км с центром, находящимся в столице данной стороны;

б) в пределах одного района радиусом 150 км, в котором расположены шахтные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет.

В каждом районе предусматривалось ограниченное число компонентов систем ПРО (противоракет, пусковых установок противоракет и радиолокационных станций ПРО). В одном районе разрешалось каждой из сторон иметь не более 100 противоракет. (В 1974 г. СССР и США подписали протокол к Договору, согласно которому количество районов размещения систем ПРО каждой стороны сокращалось до одного.)

Согласно статье V, стороны обязались «не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования».

СССР и США обязались не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории системы ПРО или их компоненты, ограниченные Договором (статья IX). Выполнение договорных обязательств должно было контролироваться национальными техническими средствами с соблюдением общепризнанных норм международного права.

Важно отметить и то, что в статье XI содержалось обязательство СССР и США «продолжить активные переговоры об ограничении стратегических вооружений», а статья XIII пре-

дусматривала, что стороны должны «рассматривать по мере необходимости возможные предложения по дальнейшему повышению жизнеспособности настоящего Договора...». Бессрочный советско-американский Договор об ограничении систем противоракетной обороны вступил в силу 3 октября 1972 г.

Другое соглашение (ОСВ-1), заключенное сроком на 5 лет, накладывало определенные количественные и качественные ограничения на стационарные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР), пусковые установки баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и сами подводные лодки с баллистическими ракетами.

Паритетный уровень стратегических вооружений с их неотразимой и огромной разрушительной силой действительно лишил противостоящие стороны возможности использовать военную силу для достижения своих политических целей в глобальной войне, но сохранил и даже в известном смысле усилил риски. В этой связи, помимо уже охарактеризованных и широко известных соглашений, хотелось бы особо выделить малоизвестные широкой публике, но очень важные в контексте разговора о вынужденности разрядки договоренности о предотвращении так называемых несанкционированных действий (НСД). Речь идет о взаимных технических и организационных решениях, призванных исключить случайное (сбой аппаратуры, человеческий фактор) начало ядерной войны.

Однако политика разрядки, в основе которой лежал принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, вызывала растущее противодействие со стороны влиятельных консервативных сил США. Стратегический паритет рассматривался ими как угроза национальной безопасности. «Американцы, — писал известный журналист Дж. Чейс, — всегда вели поиски неуязвимости. Американские лидеры — либо с помощью доктрин... либо с помощью военных систем, либо просто полагаясь на географию, — без устали прилагали усилия с целью достичь такого уровня безопасности, который был бы абсолютным» [51].

Есть основания считать, что знаменитый Уотергейтский скандал, приведший под угрозой импичмента к досрочной отставке президента США Р. Никсона, был инспирирован теми

американскими политическими силами, которые полагали, что под политикой разрядки пора подводить черту.

Разрядка стала важным маневром, но вовсе не поворотом в политике США. Речь шла о том, чтобы совместно разработать правила, соблюдение которых позволило бы предотвратить всеобщую ядерную войну. Конечно, в определенном смысле разрядка стала открытым признанием того факта, что США (Запад в целом) не в состоянии одержать военную победу над своим историческим противником, но это ничуть не меняло в их глазах статус Советского Союза, который оставался для них смертельным врагом.

Советское руководство ошибалось, рассматривая разрядку как доказательство ослабления Запада и «углубления общего кризиса капитализма». Желаемое выдавалось за действительное в то время как именно США (страны НАТО в целом) обладали выраженным преимуществом в военно-экономическом и научно-техническом отношении перед СССР и ОВД. Причем отставание Восточного блока становилось все более явным: СССР быстро утрачивал динамизм в экономике; рост его национального дохода прекратился; «Косыгинские реформы», первоначально давшие значительный эффект, не получили развития; все больше сказывался дефицит передовых технологий. К середине 80-х гг. развитые государства Запада производили 56,4% мировой промышленной продукции мира, тогда как государства СЭВ — 21,3% [52].

Принято сожалеть, что разрядка оказалась кратковременной. Но по-другому и быть не могло. Снизив вероятность «горячей» войны, она выполнила свою историческую миссию и быстро закончилась, поскольку мешала войне холодной, которую США намеревались продолжать до победного конца. Если оценивать период разрядки в традиционном ключе, то следует заметить, что сторонам удалось добиться прогресса только в тех случаях, когда оценки СССР и США совпадали практически полностью, в частности в отношении признания бессмысленности дальнейшего количественного наращивания ядерных вооружений или опасности НСД.

Но паритет в принципе не мог устраивать правящие круги США. Тот же Никсон в 1973 г., отвергая политику «равной

безопасности», говорил, что «США не могут верить свою судьбу целиком или даже в большой степени доброй воле других» [53]. И это при том, что паритет, несмотря на испытываемую в СССР определенную эйфорию по поводу его достижения, представлял собой лишь примерное равенство по количественным параметрам военной силы: ядерным зарядам, средствам их доставки, обычным вооружениям в Европе.

Казалось бы, Белый дом сменил старую доктрину «ядерного превосходства» на новую доктрину «достаточности». Никсон отмечал: «Наша цель состоит в том, чтобы иметь уверенность, что Соединенные Штаты обладают достаточной военной мощью, чтобы защитить свои интересы и поддержать те обязательства, которые администрация считает существенными для интересов США во всем мире. Мне кажется, «достаточность» была бы лучшим термином, нежели превосходство или паритет» [54]. Однако «достаточность» не мыслилась Вашингтоном вне еще одной доктринальной установки — «реалистического устрашения».

В ее основу были положены три главных принципа: «сила» — стремление к превосходству в стратегических наступательных вооружениях; «партнерство» с союзниками при значительном увеличении их военного вклада в наращивание военной мощи Запада; «переговоры» между СССР и США с опорой на силу. В военном плане эта доктрина предполагала создание такого военного потенциала, который обеспечивал бы гарантированное уничтожение противника. В соответствии с поставленной задачей давалась новая классификация войн современной эпохи: стратегическая ядерная война, ограниченная ядерная война, обычная война на ТВД или в его ограниченном районе [55].

В 1973 г. министром обороны США был назначен Дж. Шлесинджер. Вскоре с его подачи в Белом доме пришли к выводу, что в условиях паритета и количественного ограничения вооружений только их качественное совершенствование позволит добиться подавляющего преимущества над СССР. Увеличение точности ракет, создание технической возможности их быстрого переориентирования, повышение живучести стратегического и оперативно-тактического оружия рассматривались

как приоритетные задачи. Например, программа модернизации МБР «Минитмен» предусматривала возможность переупрециливания 550 ракет «Минитмен-3» в течение 36 минут, а всей группировки «Минитменов» — в течение суток [56].

«Меморандум о принятии решений в области национальной безопасности» (МРНБ-242, 1974 г.) предусматривал очередное расширение перечня военных целей на территории стран ОВД (пункты управления, шахты МБР, командные пункты, аэродромы, гарнизоны) в сочетании с гибким управлением нанесением ракетно-ядерных ударов в случае войны [57]. СИОП-5Д, принятый в 1976 г., включал уже 40 тыс. целей против 25 тыс. двумя годами ранее.

«Сила остается главным средством решения потенциальных конфликтов... Военная сила — не единственная форма силы, но она принадлежит к категории важнейших в общем наборе инструментов силы; без нее события примут неблагоприятный оборот», — утверждал Шлессинджер [56, р. 175].

Начиная с середины 70-х гг. были активизированы попытки США изменить в свою пользу стратегический паритет, прежде всего за счет качественных сдвигов в ядерном балансе. С приходом к власти администрации Р. Рейгана в качестве официальной военно-стратегической цели США вновь ставится достижение военного превосходства над Советским Союзом. Для ее реализации планировалось значительно увеличить военные расходы, ускорить выполнение программ наращивания как стратегических ядерных сил, так и сил общего назначения. Как отмечал известный американский журналист Р. Даггер, «президент Рейган сделал беспрецедентный крен в сторону усиления гонки ядерных вооружений. По любому вопросу относительно новых систем оружия — от нейтронных зарядов до бинарного и химического оружия — он и его администрация принимали решения по оснащению ими вооруженных сил. В одних случаях, как с МБР МХ и крылатыми ракетами дальнего действия, он принял эстафету от Картера, в других, как с бомбардировщиком В-1 и химическим оружием стратегического назначения, — инициатива принадлежала Рейгану» [58].

В отношении СССР ставилась задача проводить курс с позиции силы, осуществлять силовую конфронтацию и прямое

противоборство с Советским Союзом в глобальном масштабе. В концентрированном виде данный стратегический курс США был объявлен в июне 1981 г. министром обороны Соединенных Штатов К. Уайнбергером и нашел отражение в доктрине «прямого противоборства».

Главные установки указанной доктрины были сформулированы в «Директивах в области обороны на 1984–1986 гг.». Основной их смысл сводился к трем положениям. Во-первых, это провозглашение возможности достижения победы в ядерной войне. В документе говорилось, что в ядерной войне «США должны одержать верх и иметь возможность заставить СССР в короткие сроки прекратить военные действия на условиях США». Во-вторых, достижение военного превосходства над СССР. С этой целью разворачивались новые системы стратегических наступательных вооружений всех видов, планировалось создание широкомасштабной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования и новых противоспутниковых средств, размещались ядерные средства средней дальности в Европе, разрабатывались варианты превентивного применения ядерного оружия на возможных театрах военных действий. В-третьих, предусматривалось использование переговоров по ограничению и сокращению вооружений в целях получения для себя односторонних преимуществ. США считали, что, открыв «новые важные области военного соперничества», они могут изменить соотношение сил в свою пользу, и это даст им возможность диктовать свои условия на переговорах с СССР.

В доктрину «прямого противоборства» в США вошли ранее разработанные военные концепции: «применения ядерного оружия первыми», «контрсилы», «ограниченной ядерной войны» и «затяжной ядерной войны». Они служили конкретизацией военно-доктринальных установок на возможное ведение военных действий против СССР и его союзников в любой стратегической обстановке. Их характер говорит о том, что и после установления военно-стратегического паритета вплоть до 1985 г. внешнеполитический курс Соединенных Штатов характеризовался стремлением сломать военно-стратегический паритет в свою пользу для обеспечения своего влияния на меж-

дународной арене, проведения политики «защиты» национальных интересов США в различных регионах планеты.

Сделанная Вашингтоном ставка на военную силу в решении международных проблем, стремление к расширению американского военного присутствия в различных регионах мира определяли характер и направленность военного строительства США. На протяжении всего рассматриваемого периода основная цель военно-политического руководства Соединенных Штатов в области строительства вооруженных сил заключалась в том, чтобы иметь такую военную машину, которая превосходила бы военные возможности любых потенциальных противников и прежде всего Советского Союза. В интересах достижения этой цели в максимальной степени использовались научно-технический потенциал страны, материальные, финансовые и людские ресурсы. Усилия были направлены на постоянное наращивание боевых возможностей вооруженных сил в целом, их видов и компонентов, прежде всего ядерных вооружений.

Проследим динамику процесса, взяв в качестве исходной точки 1967 г. Как уже отмечалось, в то время в составе СЯС насчитывалось 1054 пусковые установки МБР «Минитмен-1», «Минитмен-2» и «Титан-2», 656 пусковых установок БРПЛ «Поларис А-2» и «Поларис-3» и 615 стратегических бомбардировщиков В-52 и В-58.

В 70-х гг. США переоснастили 550 пусковых установок «Минитмен-1» и «Минитмен-2» на ракеты «Минитмен-3» с трехзарядными головными частями и 496 пусковых установок БРПЛ «Поларис А-2» и «Поларис А-3» на 31 атомной подводной лодке на ракеты «Посейдон С-3» (по 16 ракет с 10–14 боеголовками каждая). Одновременно была значительно повышена точность стрельбы МБР и БРПЛ, проведены работы по усилению защиты шахтных пусковых установок МБР «Минитмен» и оснащению «Минитмен-3» системой дистанционного перенацеливания ракет на неплановые цели.

На вооружение стратегической бомбардировочной авиации США в те годы поступили ударные ракеты СРЭМ (до 20 ракет на бомбардировщике В-52 и 6 — на FB-111). В результате в течение 70-х гг. без увеличения количества носителей возможности стратегических наступательных сил США по доставке

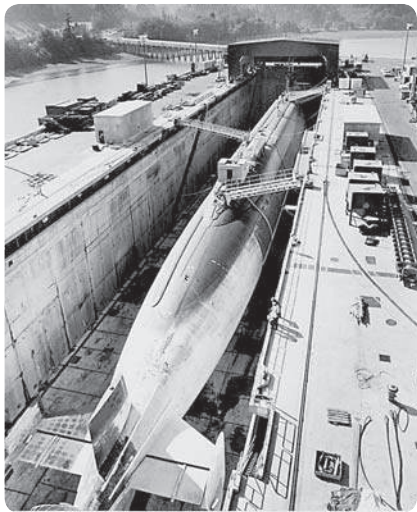
в одном пуске-вылете ядерных боеприпасов возросли вдвое. Существенно повысились их боевые возможности по поражению высокозащищенных объектов и гибкость боевого применения.

Одновременно с развертыванием уже созданных вооружений Соединенные Штаты в 70-х гг. осуществляли разработку новейших систем оружия (стратегических крылатых ракет различных типов, межконтинентальной баллистической ракеты MX, стратегического бомбардировщика В-1, новых головных частей для баллистических ракет), начали строительство атомных ракетных подводных лодок типа «Огайо» и производство БРПЛ «Трайидент-1» (С-4). Следует особо отметить, что крылатые ракеты третьего поколения наземного, морского и воздушного базирования (ГЛСМ, «Томагавк», АЛСМ), способные действовать на дальность до 2600 км на малых высотах 15–150 м при скорости 850–900 км/ч, представляли собой серьезную угрозу. Их тактико-технические характеристики сделали их весьма эффективным оружием. Высокие возможности крылатых ракет по преодолению системы ПВО создавали огромные трудности в борьбе с ними, что требовало значительных затрат, в то время как сами ракеты были дешевы в производстве.

Опираясь на эту подготовленную техническую базу, США на рубеже 80-х гг. приступили к очередному этапу наращивания стратегического ядерного потенциала.

В 1979 г. завершилась программа переоснащения 300 МБР «Минитмен-3» на новые боеголовки Mk-12A мощностью 350 Кт с высокой точностью стрельбы — круговое вероятное отклонение от точки прицеливания (КВО) составляло 180 м. 12 ПЛАРБ были перевооружены на ракеты «Трайидент-1». В сентябре 1981 г. в состав боевых сил стратегической авиации США был включен первый переоборудованный под стратегические крылатые ракеты АЛСМ-В бомбардировщик В-52G. Каждый самолет мог нести 12, а после дополнительной модернизации — 20 таких ракет. Только в первой половине 80-х гг. ракетами АЛСМ-В планировалось оснастить около половины имевшихся в частях САК ВВС США тяжелых бомбардировщиков [43, с. 30].

В ноябре 1981 г. в ВМС США была передана первая атомная ракетная подводная лодка «Огайо», вооруженная раке-

*Подводная лодка
«Огайо» в сухом доке*

тами «Трайидент-1». Эта ПЛАРБ превосходила подводные лодки системы «Посейдон» почти в 2 раза по водоизмещению, в 1,5 раза — по количеству ракетных пусковых установок на ней, на 20% — по количеству размещенных на ракетах боеголовок и в 2,5 раза — по их суммарной мощности. По своим боевым возможностям одна ПЛАРБ «Огайо» превосходила 10 атомных ракетных подводных лодок системы «Поларис». В различных стадиях строительства на тот момент находились еще восемь подводных лодок этого типа [43, с. 30].

В начале октября 1981 г. президент Р. Рейган обнародовал свою «стратегическую программу» на 80-е гг., содержащую установки на дальнейшее наращивание стратегического ядерного потенциала. Она не только закрепляла и расширяла ранее утвержденные программы, но и предусматривала создание и развертывание новых систем оружия. Для реализации этой программы Пентагон планировал почти полуторакратное увеличение доли расходов на стратегические силы в военном бюджете США. Затраты на нее только в 1982–1987 гг. оценивались Белым домом в 222 млрд долларов. Особое место в «стра-

тегической программе» Р. Рейгана было отведено планам развертывания межконтинентальных баллистических ракет МХ. Находившаяся в 1985 г. в завершающей стадии разработки эта МБР была спроектирована в качестве оружия первого удара. Она имела 10 боеголовок мощностью 600 Кт каждая. С учетом высокой точности стрельбы (КВО — 90 м) она предназначалась в первую очередь для поражения высокозащищенных объектов, то есть для нанесения «разоружающего» удара.

В соответствии с решением Р. Рейгана МБР МХ должна была поступить на вооружение в середине 80-х гг.

Подтвердив ранее принятые планы строительства ПЛАРБ типа «Огайо», администрация Рейгана приняла в качестве обязательной к реализации программу создания и развертывания более мощной и эффективной, чем «Трайидент-1», БРПЛ «Трайидент-2» (Д-5). Эта ракета в соответствии с тактико-техническим заданием министерства обороны США должна была обладать практически теми же боевыми возможностями, что и МБР МХ, то есть планировалась как оружие первого удара.

Программа Р. Рейгана предусматривала также оснащение крылатыми ракетами АЛСМ-В не только 172 бомбардировщиков В-52G, как это планировалось ранее, но и бомбардировщиков В-52 Н (в частях САК ВВС было 96 таких самолетов). Были возрождены, но теперь уже на качественно новом уровне ранее отвергнутые планы строительства бомбардировщика В-1. На его базе планировалось создать и с 1986 г. поставить на вооружение стратегической авиации новый самолет-носитель крылатых ракет В-1В [43, с. 34]. Одновременно с этим предусматривалась разработка принципиально нового стратегического бомбардировщика «Стелс» — как предполагалось, неуязвимого для ПВО, вследствие чего он планировался для нанесения внезапного ядерного удара.

В результате выполнения программы развертывания крылатых ракет воздушного базирования, новых стратегических бомбардировщиков, МБР, ПЛАРБ и БРПЛ Пентагон был намерен только в 80-х гг. не менее чем в 1,5 раза увеличить возможности своих стратегических наступательных сил по доставке ядерных боеприпасов в одном пуске-вылете. «Стратегическая программа» Р. Рейгана включала также комплекс мероприятий

по совершенствованию системы боевого управления и связи стратегических наступательных сил в целях обеспечения надежного управления ими в длительной ядерной войне.

Приведенные цифры и факты еще не дают полной картины военных приготовлений Запада. К ним следует добавить характеристику планов Североатлантического альянса по наращиванию стратегических вооружений в Европе и так называемую программу «звездных войн».

12 декабря 1979 г. Совет НАТО принял решение развернуть с декабря 1983 г. 672 ракеты средней дальности (108 «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты) на территории Великобритании, Италии, ФРГ, Бельгии и Нидерландов [59]. Этот шаг резко изменил военно-стратегическую обстановку. Советские ракеты средней дальности СС-20, расположенные в Европейской части СССР (а после 1983 г. — и на территории стран ОВД), не могли поражать объекты непосредственно в США, а дальность «Першингов-2» и крылатых ракет позволяла им действовать по территории СССР вплоть до Урала. Под ударом оказалась самая густонаселенная и промышленно развитая часть страны. Появление новой угрозы означало для Советского Союза втягивание в очередной виток гонки вооружений с огромными расходами на создание средств противодействия.

Разместив в Европе новую мощную ракетно-ядерную группировку, США решили ряд важных для себя задач. Они не только увеличили угрозу для СССР и ОВД, но и постарались ограничить возможные будущие военные действия рамками «евростратегической ядерной войны». Территория самих США при этом оказывалась в относительной безопасности, а вот их союзники по НАТО приобрели статус заложников. «Единственная причина для размещения этих ракет в Европе, — подчеркивал английский политический деятель Д. Хили, — заключается в том, что они обеспечивают американцам возможность нанести удар без того, чтобы самим вовлечься в ядерную войну и тем самым ограничить ее Европой и уберечь Соединенные Штаты» [60].

В 80-е гг. Соединенные Штаты предприняли попытку перенести гонку вооружений в космическое пространство; по крайней мере, такое впечатление Белый дом хотел создать у совет-

ского руководства, вынуждая его к новым гигантским тратам. 23 марта 1983 г. президент Р. Рейган публично провозгласил программу «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), суть которой якобы состояла в создании противоракетного щита над США.

Реализация СОИ, по официальным оценкам, должна была обеспечить техническую возможность перехвата и ликвидации баллистических ракет противника как на активном (разгонном), так и на пассивном участках траектории. Основные средства поражения делились на две категории: оружие направленной передачи энергии (различные типы лазеров космического и наземного базирования, а также излучатели пучков нейтральных частиц и электронов) и оружие с использованием высокой кинетической энергии (боевые системы, предназначенные для механического разрушения ракет или боезарядов).

Разумеется, даже в случае полной реализации заявленной программы США не смогли бы обеспечить стопроцентный перехват советских ракет, но возможности ответного удара СССР существенно ограничивались [61]. Кроме того, предполагалось, что космическое оружие позволит повысить живучесть наступательного стратегического потенциала самих США, часть которого мыслилось разместить на специальных космических платформах. Расчеты военных специалистов показывали, что космическое оружие способно значительно повысить боевые возможности средств первого удара. Действительно, если обычная МБР летит до цели 30–35 минут, причем ее старт фиксируется системой предупреждения о ракетном нападении (СПРН), то ракеты, стартующие с космической платформы, находящейся на орбите 600–700 км, могут поразить цели всего через 5 минут, а с меньших высот — еще быстрее [62].

СОИ, таким образом, должна была сломать паритет и вернуть времена абсолютного военного лидерства США. Дж. Бейкер, в последующем госсекретарь в администрации президента Дж. Буша-старшего, в 1983 г. писал, что «даже примерное равенство стратегических сил опасно для США. У нас нет выбора, кроме как опередить русских в космосе» [63].

Реальная возможность переноса гонки вооружений в космос страшила советское руководство. И дело здесь было не только в необходимости новых титанических оборонных усилий, на которые США вынуждали пойти СССР.

«Некоторые виды космического оружия, — писал академик Б.В. Раушенбах, — потребуют полной компьютеризации из-за поистине мгновенного, буквально за долю секунды, распространения ими разрушительной энергии... Само существование человечества начинает зависеть от компьютеров, от заложенных в них программ и от исправности этих думающих машин... Эта логика вполне способна при некоторых (никому не известных) обстоятельствах ввергнуть нас в войну, итогом которой будет гибель человечества. Там, где человек, возможно, и остановился бы, компьютеры будут продолжать действовать, ибо они не обладают моралью» [64]. И действительно: управление космическим оружием должно было быть максимально компьютеризировано, что значительно увеличило бы риск технических ошибок, чреватых самыми фатальными последствиями.

На новом витке развития возвращалась пугающая перспектива потери человеком контроля (как минимум, частичного) над наиболее разрушительными средствами массового уничтожения, когда война, принимая, по выражению К. Клаузевица, «абсолютный облик», утрачивает какой-либо политический смысл: возможная гибель человечества обесценивает все.

Советское ракетно-ядерное оружие как инструмент паритета. Создание Советским Союзом в 40–50-е гг. атомной и водородной бомбы, освоение их серийного производства ликвидировало американскую ядерную монополию и значительно укрепило обороноспособность страны.

В 60–80-е гг. работы по совершенствованию атомного и водородного оружия продолжились, что наряду с разработкой средств его доставки позволило достичь паритета и сохранять его вплоть до окончания холодной войны.

Урановое сырье добывалось на многочисленных урановых рудниках на территории СССР и за его пределами. Разработкой месторождений занимались Прикаспийский горно-металлургический комбинат на полуострове Мангышлак в За-

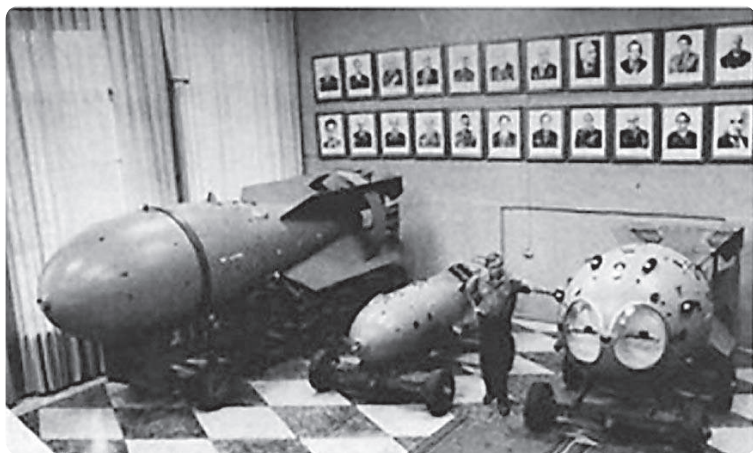
падном Казахстане; Забайкальский горно-химический комбинат (г. Краснокаменск); Комбинат в Желтых Водах, вблизи г. Кривой Рог на Украине; урановое сырье добывалось также в Свердловской области на Урале (г. Озерный). За пределами СССР урановая руда добывалась в ГДР на советско-германском предприятии «Висмут».

Заводы по обогащению урана создавались в Сибири, в пределах территории Российской Федерации (Ангарск, Красноярск и др.). Уже в первые годы атомной эры была освоена реакторная технология получения плутония в промышленных масштабах. Его производство было сосредоточено на трех комплексах: на Южном Урале — химкомбинат «Маяк» («Челябинск-40» и «Челябинск-65»), вблизи Томска — Сибирский химический комбинат («Томск-7») и Красноярский горно-химический комбинат («Атомград»). Несмотря на то что производство оружейного плутония в СССР было сосредоточено на специализированных предприятиях, в случае необходимости можно было бы относительно быстро наладить его производство в значительных количествах на атомных реакторах «чернобыльского» типа¹.

Основными направлениями совершенствования термоядерного оружия в СССР были: повышение мощности зарядов и миниатюризация их, создание новых приборов для ядерных зарядов и повышение степени их надежности. Так, в середине 80-х гг. были созданы новые детонаторы для ядерных боеприпасов, которые не взрываются при пожаре, ударе и не срабатывают, даже если их раздавить. Схема и конструкция таких боеприпасов задуманы так, чтобы при любой катастрофе или аварии ядерного взрыва не произошло. Таким образом, были значительно повышены надежность и безопасность ядерного оружия.

Одной из важных особенностей отечественного опыта производства ядерных боеприпасов являлось совмещение в рам-

¹ В 1987 г. СССР в одностороннем порядке прекратил производство высокообогащенного урана для военных целей. В конце 80-х гг. СССР объявил о закрытии сначала трех, а затем еще двух промышленных реакторов по производству плутония. Два из трех оставшихся в рабочем состоянии промышленных реакторов прекратили свою работу на рубеже 90-х гг.

Музей Федерального ядерного центра. Саров, Арзамас-16

ках единых научно-производственных комплексов научно-технических исследований, инженерных и конструкторских разработок, а также серийного производства «изделий».

Главным предприятием, разрабатывающим ядерные боеприпасы для всех видов Вооруженных Сил, начиная с первой атомной бомбы, являлся Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ) — «Арзамас-16», который находится в г. Саров Нижегородской области. Второй центр был создан в 1955 г. специально для создания термоядерного оружия: Всесоюзный научно-исследовательский институт технической физики (ВНИИТФ), расположенный в г. Снежинск на Урале; он известен также как «Челябинск-70». Каждый из этих институтов сочетал в себе научный теоретический центр, конструкторские бюро и заводы, выпускающие ядерные боеприпасы.

Производство ядерного оружия в СССР было самым непосредственным образом связано с ядерными испытательными полигонами, расположенными вблизи г. Семипалатинска в Казахстане и на арктическом острове Новая Земля в России.

Всего за время существования этих полигонов СССР провел на них 449 атмосферных и подземных ядерных испытаний. Еще около 200 ядерных взрывов в «мирных целях» были проведены СССР в различных районах, в том числе в Европейской части страны, на Урале и в Сибири. Более 40 ядерных взрывов было проведено в районе Азгир — Астрахань, более 10 — в районе Оренбурга [65].

Одновременно велась активная работа по созданию средств доставки ядерного оружия к цели. Основная ставка была сделана на управляемые баллистические ракеты дальнего действия. На этот выбор повлияли их заметные преимущества перед авиацией: большая дальность, неуязвимость, возможность массированного применения, независимость от метеорологических условий, возможность пуска с различных стартов, точность достижения цели.

В 50-х гг. были созданы ракеты первого поколения: тактические Р-1, Р-2, средней дальности Р-5, Р-5М, Р-12, Р-14, морские — Р-11, межконтинентальные — Р-7. В соответствии с постановлением правительства от 2 июля 1958 г. на базе ракеты Р-7 была создана ракета Р-7А с большей дальностью полета и легкой головной частью. В ее конструкции использовались более совершенная система управления и более надежные двигатели. Испытания ракеты Р-7А проводились в период с декабря 1959 по июль 1960 г. В сентябре 1960 г. комплекс с ракетой Р-7А был принят на вооружение. Ракета Р-7А и ее наземное оборудование явились основой для создания новых модификаций ракетно-космических комплексов в СССР.

Ракетные комплексы первого поколения, несмотря на очевидные достоинства, к середине 60-х г. уже не отвечали современным требованиям. Новое поколение ракет должно было обеспечить, по сравнению с первым поколением, существенное сокращение времени на подготовку и пуск ракет, повышение их надежности и живучести, сокращение численности обслуживающего персонала, повышение точности попадания в цель, увеличение межрегламентного периода и улучшение эксплуатации ракетного вооружения.

Разработка одного из первых ракетных комплексов (РС-10) нового поколения ракет с легкой ампулизированной межконт-

тинентальной ракетой, созданной в соответствии с постановлением правительства от 30 марта 1963 г., была осуществлена конструкторским бюро во главе с В.Н. Челомеем и организациями, возглавляемыми Н.А. Пилюгиным, С.А. Косбергом, В.П. Барминым, С.П. Изотовым, Л.Ф. Клоповым, И.И. Зверевым, М.С. Рязанским, С.П. Парняковым и др. В последующем были проведены испытания ракет РС-10 с улучшенными тактико-техническими и эксплуатационными характеристиками. Первые ракеты РС-10 поступили на вооружение в 1970 г. Автономная система управления ракеты вместе с наземными системами обеспечивала ее пуск из контейнера, высокую точность попадания в цель, высокую готовность к пуску в период боевого дежурства, автоматическую подготовку и пуск ракеты, дистанционный контроль состояния ракеты с пункта управления.

В 70–80-е гг., несмотря на растущее технологическое преимущество США, военная промышленность СССР обеспечивала выпуск ракетно-ядерного оружия, которое ни в чем не уступало аналогичным западным системам. Так, в начале 70-х гг. были проведены испытания усовершенствованной ракеты Р-12, имевшей высокую боевую эффективность и улучшенные эксплуатационные характеристики. С 1974 г. эта ракета стала поступать на вооружение. Создаваемые и модернизируемые в этот период ракетные комплексы стратегических ракет РС-16, РС-18 и РС-20, оснащенные разделяющимися головными частями индивидуального наведения, составили основу третьего поколения ракетных комплексов. Все они были разработаны в организациях, руководимых В.Н. Челомеем и В.Ф. Уткиным.

Наряду с принципиальным новшеством — применением ракетных головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН), к новым техническим решениям комплексов этого поколения следует отнести: применение в ракетах автономной системы управления с бортовой вычислительной машиной, размещение ракет и пункта управления ракетным комплексом в сооружениях высокой защищенности, возможность дистанционного переприцеливания перед пуском, наличие на ракетах более совершенных средств преодоления ПРО, более высокую боевую

готовность, применение более совершенной системы боевого управления, повышенную живучесть комплексов [66].

Летные испытания ракет третьего поколения РС-16, РС-18 и РС-20 проводились в 1972–1975 гг., а в 1975–1981 гг. они были приняты на вооружение и поставлены на боевое дежурство. В 1977–1979 гг. на этих ракетных комплексах была проведена модернизация, что позволило улучшить ряд тактико-технических характеристик.

Дальнейшее развитие вооружения РВСН в 80-е гг. осуществлялось как по линии создания новых ракетных комплексов шахтного и железнодорожного базирования с ракетами РС-22, так и по линии модернизации существовавших боевых ракетных комплексов (БРК). К их числу относятся комплексы РС-20В шахтного типа и РС-12М грунтового базирования. Модернизированные БРК представляли собой модификацию комплексов РС-20А (Б) и РС-12 соответственно. Эти комплексы относятся к четвертому поколению стратегических ракет. Они характеризуются повышенными боеготовностью, живучестью и стойкостью к поражающим факторам ядерного взрыва. Разработка, испытания, принятие на вооружение и постановка на боевое дежурство этих ракетных комплексов осуществлялись под руководством организаций, возглавляемых В. Ф. Уткиным и А. Д. Надирадзе (в последующем — Б. Н. Лагутиным).

Во второй половине 70-х и в первой половине 80-х гг. было также осуществлено развертывание ракетных комплексов РСД-10. При постановке их на боевое дежурство равное число устаревших пусковых установок РСД Р-12 и Р-14 снималось с боевого дежурства и выводилось из боевого состава.

В последующем развитие ракет-носителей привело к созданию многоразовой космической системы (МКС) «Буран» с ракетой-носителем сверхтяжелого класса «Энергия», работы по которым с 1974 г. возглавил генеральный директор и генеральный конструктор научно-производственного объединения «Энергия» В. П. Глушко. 15 ноября 1988 г. были успешно осуществлены запуск МКС «Буран» с помощью ракеты-носителя «Энергия» и спуск орбитального корабля в автоматическом режиме с орбиты на Землю в районе стартового комплекса на полигоне Байконур. К этому времени был проведен и ряд

успешных пусков ракеты-носителя «Зенит», разработанной в научно-производственном объединении «Южное» под руководством В. Ф. Уткина.

Над созданием ракетной техники для нужд обороны страны в 80-х гг. успешно работали ученые-ракетчики В. С. Будник, С. Н. Воронин, В. П. Глушко, В. Ф. Уткин, Л. В. Смирнов, А. В. Макаров, А. Н. Надирадзе, Б. Н. Лагутин, Л. Л. Ягджиев, В. М. Кульчев и др.

В СССР основные заводы по производству ракетной техники находились на территории Российской Федерации. В первую очередь следует назвать уже упоминавшийся «Арзамас-16». Ракеты РС-18 производились в Москве, на машиностроительном заводе имени М. В. Хруничева. Производство ракет РС-12М было развернуто на Воткинском машиностроительном заводе, ранее выпускавшем ракеты РСД-10. Пусковые установки для РС-12М выпускались на Волгоградском заводе «Баррикады», для мобильных железнодорожных систем РС-22 — в Юрге (Кемеровская область). Вне территории России находилось лишь одно крупное ракетное производство — Южный машиностроительный завод (Днепропетровск), где производились ракеты РС-20.

Отвечая на создание в США стратегической ядерной триады, в СССР пошли по схожему пути: группировку стратегических сил также построили из трех основных компонентов: наземного, морского и воздушного. Главная идея этого подхода заключалась в том, что каждый компонент триады дополнял и взаимно усиливал другие. При этом потенциальный противник практически не мог рассчитывать на нанесение безнаказанного «обезоруживающего» удара, так как даже в самой неблагоприятной обстановке боевых возможностей уцелевших сил было достаточно для нанесения уничтожающего ответного удара.

Общее руководство организацией Ракетных войск стратегического назначения, оснащением авиационных частей и сил флота ракетно-ядерным оружием осуществляли ЦК КПСС и Совет министров СССР. В результате анализа развития международной обстановки, перспектив совершенствования вооружений в условиях научно-технической революции, экономических и производственных возможностей Советского Союза, харак-

тера и особенностей современной войны в ряде документов 50-х гг. был сделан вывод о том, что стратегическое ракетно-ядерное оружие будет являться главным средством сдерживания агрессивных намерений стран Запада, что оснащение им войск выступает важнейшей задачей руководства страны [67].

Одновременно с созданием ракетной техники производилось формирование специальных ракетных частей и соединений в Вооруженных Силах СССР. Первая ракетная часть в составе Советской Армии — Бригада особого назначения Резерва Верховного Главнокомандования — была сформирована 15 июля 1946 г. на территории Группы советских войск в Германии на базе 92-го гвардейского минометного Гомельского, ордена Ленина, Краснознаменного, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полка [24, с. 113]. Первым командиром бригады был генерал-майор артиллерии А.Ф. Тверецкий. Бригада подчинялась командующему артиллерией Советской Армии и предназначалась для проведения опытных пусков ракет Р-1 с целью их усовершенствования и подготовки к принятию на вооружение. Она имела в своем составе управление бригады, три огневых дивизиона, технический дивизион, подразделения технического обслуживания и материального обеспечения. Дивизион состоял из управления, штаба и пяти батарей [68].

Первая бригада особого назначения явилась базой для разветвления других ракетных частей. Опыт боевого использования бригадой первых образцов ракет послужил основой для разработки технологических графиков для подготовки их к пуску и наставлений по боевому использованию баллистических ракет. В сентябре 1947 г. бригада была переведена в штат созданного в 1946 г. Государственного центрального научно-исследовательского полигона Министерства Вооруженных Сил (ГЦП МВС), в 1950 г. ей было присвоено новое наименование — «22-я особого назначения бригада РВГК».

В 1951 г. создается 23-я бригада особого назначения РВГК. В отличие от 22-й ракетной бригады, она имела на вооружении более совершенные ракеты Р-2, что потребовало изменения ее организационной структуры — огневой дивизион состоял из четырех батарей.

В 1952–1955 гг. было сформировано еще пять бригад особого назначения (с марта 1953 г. они получили наименование «инженерные бригады РВГК»). Таким образом, к 1955 г. в Советской Армии насчитывалось уже семь инженерных бригад РВГК [69].

Наряду с формированием боевых ракетных частей и соединений принимались меры по созданию полигонов и организации на них исследовательских работ по применению ракетной техники. Еще в мае 1946 г. был создан Государственный центральный научно-исследовательский испытательный полигон Министерства Вооруженных Сил (Капустин Яр).

Важную роль в укреплении обороноспособности страны сыграл научно-исследовательский испытательный полигон (НИИП-5 МО) в Казахстане (Байконур). Он был создан решением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 февраля 1955 г. Полигон выполнял задачи от проведения испытаний межконтинентальных баллистических ракет до несения боевого дежурства. Третьим ракетным полигоном стал Плесецк в Архангельской области; решение о его создании было принято правительством в январе 1959 г. В апреле 1955 г. в районе поселка Ключи (Камчатская область) была развернута отдельная научно-испытательная станция (полигон «Кура»), предназначенная для приема головных частей баллистических ракет после испытательных и тренировочных запусков, контроля параметров их входа в атмосферу и точности попадания.

В 1956–1957 гг. ракетные части и соединения, вооруженные ракетами Р-1 и Р-2, проходили период реорганизации и перевооружения на новую ракетную технику — межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками. В соответствии с этим в марте-апреле 1958 г. инженерные бригады, имевшие на вооружении оперативно-тактические ракеты Р-1, Р-2 и Р-11, были переданы Главнокомандующему Сухопутными войсками Вооруженных Сил. В подчинении заместителя министра обороны по специальному вооружению Главного маршала артиллерии М.И. Неделина были оставлены только инженерные бригады и полки, вооруженные стратегическими ракетами.

При развертывании ракетных частей и соединений в 50-х гг. управление ими осуществлялось командующим и штабом ар-

тиллерии Советской Армии. В основу управления были положены принципы и опыт, накопленные в артиллерии. Однако роль, место и способы боевого применения ракетных соединений и частей требовали нового подхода к их управлению. Для решения этой проблемы в 1955 г. был создан Штаб реактивных частей, который подчинялся заместителю министра обороны СССР по специальному вооружению и реактивной технике. Он был основным органом управления. Штаб выполнял огромную работу по формированию и подготовке ракетных частей, разработке способов управления этими частями, оснащению их необходимыми средствами управления и связи. К 1959 г. Штаб реактивных частей накопил определенный опыт управления первыми ракетными соединениями, проанализировал и обобщил все передовое, что имелось в других видах Вооруженных Сил, подготовил основу для создания системы управления Ракетными войсками стратегического назначения.

Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 17 декабря 1959 г. в составе Вооруженных Сил СССР был создан новый вид войск — Ракетные войска стратегического назначения, и была учреждена должность главнокомандующего Ракетными войсками — заместителя министра обороны СССР. Выделение РВСН в самостоятельный вид Вооруженных Сил имело большое значение для достижения и поддержания военно-стратегического паритета.

Первым главнокомандующим РВСН был назначен Главный маршал артиллерии М. И. Неделин. В состав РВСН были включены все соединения и части, вооруженные баллистическими ракетами стратегического назначения, военно-учебные заведения, научно-исследовательские и испытательные учреждения, арсеналы, базы и склады специального и ракетного вооружения. Ракетные войска стратегического назначения организационно состояли из ракетных армий, отдельных ракетных корпусов и отдельных ракетных соединений.

На рубеже 60-х гг. на вооружение поступили первые образцы межконтинентальной баллистической ракеты Р-7. В 1961 г. в ракетные части стали поступать ракеты Р-12 и Р-14, затем РС-10 и РС-12. В те годы на вооружении РВСН находилось примерно 200 ракет средней дальности и 4 МБР Р-7. Организация

РВСН была построена таким образом, чтобы они могли выполнять свои задачи самостоятельно (путем нанесения ракетно-ядерных ударов) и во взаимодействии со стратегическими ядерными средствами, которые были на вооружении других видов Вооруженных Сил — ВВС и ВМФ.

По мере дальнейшего совершенствования ракетной техники в СССР и ее количественного накопления происходило быстрое развертывание ракетных частей и соединений. Так, уже в 1960 г. в состав РВСН входило 39 отдельных частей и соединений [70]. С мая 1960 г. начали формироваться ракетные дивизии, которые стали основным соединением РВСН, а ракетные полки — основной боевой частью.

С 1961 г. в ракетных войсках развернулось строительство шахтных позиций ракет, что значительно повысило боеготовность пусковых установок и их защищенность от ядерных ударов вероятного противника. В 1963 г. была принята на вооружение ракета Р-16, которую уже спустя два года стали заменять ракетой Р-9, имевшей меньший стартовый вес и размеры, более высокую точность и более совершенное оборудование по подготовке ракет к применению. В 60-х гг. ракеты Р-12 в подвижном варианте и Р-14 (в 1961 г. в подвижном, а в 1962 г. в шахтном варианте) поступили на вооружение ракетных частей.

Таблица 3. Количественно-качественная характеристика РВСН СССР (по состоянию на середину 80-х гг.)

Тип МБР	Год разверт.	Кол-во БЗ	Мощн. БЗ, кт	Кол-во МБР	Всего БЗ	Дальность, тыс. км	Забрас. вес, Т
РС-10	1973	1	1100	326	326	12,0	1,20
РС-12	1969	1	750	40	40	9,4	0,60
РС-16	1979	4	750	47	188	10,0	2,55
РС-20	1979	10	550	308	3080	11,0	8,80
РС-18	1979	6	550	300	1800	10,0	4,35
РС-22	1987	10	550	56	560	10,0	4,05
РС-12М	1985	1	550	288	288	10,5	1,00

Таким образом, в развитии РВСН наиболее сложным и ответственным был переходный период с 1959 по 1963 г. Он характеризовался быстрой разработкой и поступлением на вооружение различных образцов ракетных комплексов как наземного, так и шахтного вариантов. В эти годы решались сложные проблемы дислокации РВСН, освоения ими позиционных районов, вырабатывались стратегия и тактика боевого использования. В конце 60-х гг. СССР имел в своем стратегическом арсенале уже 600 МБР [71].

В 60–70-х гг. в СССР высокими темпами велось строительство баз МБР шахтного типа. Крупнейшими из них в России были: Бершет (Пермская область) — 60 РС-10, Красноярск — 40 РС-10, Ясная (Читинская область) — 90 РС-10, Свободный (Амурская область) — 60 РС-10, Йошкар-Ола — 40 РС-12, Домбаровский (Оренбургская область) — 64 РС-20, Карталы (Челябинская область) — 46 РС-20. На территории союзных республик крупные базы МБР размещались: в Хмельницком (Украина) — 90 РС-18, Первомайске (Николаевская область) — 40 РС-18, Державинске (Казахстан) — 52 РС-20, Жангизтобе (Семипалатинская область) — 52 РС-20 [65, с. 68–73].

В наземном компоненте ядерной триады (РВСН) в середине 80-х гг. на вооружении находилось 7 типов МБР.

Анализ данных, приведенных в таблице, говорит о том, что ракетно-ядерные системы наземного и шахтного базирования являлись основой боевой мощи СНВ Советского Союза. Все эти системы имели различные характеристики, включая способ базирования, вид топлива, количество и мощность боеголовок, дальность стрельбы и т.д. Ряд этих характеристик приведен в таблице. На стратегических ракетах наземного базирования было размещено более 60% всех ядерных боезарядов, что объяснялось прежде всего географическим положением Советского Союза.

На рубеже 70–80-х гг. СССР в Европейской части своей территории производил плановую замену устаревших, становившихся ненадежными жидкостных ракет первого поколения Р-12 и Р-14 (СС-4 и СС-5 по классификации НАТО) новыми ракетами среднего радиуса действия РСД-10 «Пионер» (СС-20). Хотя новых ракет устанавливалось меньше, чем снималось,

американцами была развернута активная антисоветская пропагандистская кампания. Они мотивировали свою обеспокоенность тем, что новые советские ракеты мобильны, имеют разделяющиеся головные части и способны поражать цели на всю глубину Западной Европы. Предложение США и ФРГ о раскрытии советского плана развертывания в Европе новых ракетных комплексов было отвергнуто Москвой.

Запад ответил решением о размещении начиная с 1983 г. на территории ФРГ, Англии, Бельгии, Нидерландов и Италии новых американских РСД — 108 «Першинг-2» и 464 крылатых ракет ГЛСМ с дальностью стрельбы 2500 км. Реализация данного решения грозила дестабилизацией обстановки в Европе и мире, так как резко увеличивала опасность возникновения ядерной войны.

В свою очередь, Советским Союзом в ответ на этот шаг Запада были прерваны переговоры с США по стратегическим вооружениям и вооружениям средней дальности в Европе. Также было принято решение развернуть на территории ГДР и Чехословакии дополнительно три бригады ракетных комплексов «Темп-С». Были предприняты меры по развертыванию соответствующих ядерных средств морского базирования для создания дополнительной угрозы территории США.

Параллельно с созданием и развитием РВСН осуществлялось перевооружение ВВС и ВМФ новой техникой и оружием. С рубежа 60-х гг. они получили на вооружение ракетно-ядерное оружие, что значительно повысило их боевые возможности и сделало самостоятельными частями стратегической ядерной триады страны.

В 70-е гг. на вооружение ВВС поступали Ту-22 и Ту-95, а в 80-е гг. был запущен в серийное производство авиационный комплекс Ту-160, способный поражать цели на любом удалении [72].

Основные заводы по производству ТБ были расположены в Поволжье: Казанское авиационное производственное объединение, выпускавшее Ту-160, и Куйбышевское авиационное производственное объединение в Самаре, выпускавшее Ту-95. Летные испытания тяжелых бомбардировщиков проводились в Жуковском под Москвой, а обучение экипажей — в Рязани.

Таблица 4. Количественный и качественный состав группировки тяжелых бомбардировщиков СССР (по состоянию на середину 80-х гг.)

Тип ТБ	Количество ТБ	Тип вооружения	Количество	Общее количество	Радиус, тыс. км
Ту-95МС	84	КРВБ	8	672	8,3
Ту-95М, к, к-22	63	бомбы	1	63	8,3
Ту-160	15	КРВБ	8	120	7,3
Итого	162			855	

Там же была создана база по ремонту стратегических бомбардировщиков. Авиационные заводы по производству других типов самолетов и авиадвигателей находились в Москве, Таганроге, Перми, Красноярске, Новосибирске и в других городах страны.

Военно-воздушные силы были оснащены необходимым радиотехническим и радиолокационным оборудованием, средствами связи, в которых использовались новейшие достижения радиоэлектроники, специализированная электронно-вычислительная техника. В целях повышения надежности управления воздушным боем, а также быстроты и достоверности передачи всех видов информации в рассматриваемый период в авиации осуществлялся переход к автоматизированному управлению связью.

Авиатехника ВВС в 80-х гг. была оснащена скорострельными пушками, автоматическими прицельными системами высокой точности, могла применять как ядерные, так и обычные бомбы, ракеты. Авиация являлась важнейшим средством поражения подвижных, малоразмерных и точечных объектов. При борьбе с ядерными и ракетными средствами нападения противника она была способна поражать их на суше, на море, в воздухе. Организационная структура ВВС, оснащенных разнообразной авиационной техникой и мощным вооружением, позволяла им в годы рассматриваемого периода самостоятельно и во взаимодействии с другими видами Вооруженных Сил решать стратегические задачи современной войны [73].

Воздушный компонент стратегической триады в середине 80-х гг. составляли 162 тяжелых бомбардировщика (ТБ), из которых 99 были оснащены для ядерных крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) большой дальности, а остальные 63 бомбардировщика предназначались для ядерных вооружений других видов.

Тяжелые бомбардировщики — носители ядерных КРВБ большой дальности оснащались ракетами, имевшими дальность до 3000 км; другие ТБ имели на вооружении ядерные бомбы свободного падения и ядерные ракеты малой дальности. ТБ Ту-95 имел дозвуковую скорость (0,8 числа M) и «потолок» до 13 700 м; Ту-160 являлся сверхзвуковым (2,0 числа M) и имел «потолок» 20 000 м. Оба типа бомбардировщиков были оснащены оборудованием для дозаправки в воздухе.

Военно-Морской Флот СССР состоял в середине 80-х гг. из следующих родов сил: подводных, надводных, морской авиации, береговых ракетно-артиллерийских войск и морской пехоты. Он включал Северный, Тихоокеанский, Черноморский и Балтийский флоты. Все они были оснащены современным ракетно-ядерным оружием, ПЛАРБ, ракетными кораблями различных классов.

ВМФ СССР являлся в рассматриваемые годы важным фактором обеспечения обороноспособности страны, поддержания военно-стратегического паритета. Его главной ударной силой являлись атомные подводные лодки-ракетоносцы. Морской компонент советской стратегической триады в середине 80-х гг. был представлен 62 подводными ракетоносцами семи классов различных годов постройки, на которых были развернуты БРПЛ шести типов (3 тыс. ядерных зарядов). Подводные лодки были вооружены баллистическими ракетами с подводным стартом, крылатыми ракетами, что значительно повышало их боевые возможности. Ракеты и торпеды могли быть в ядерном и обычном снаряжении.

В данной категории стратегических вооружений значительный удельный вес занимали системы, построенные в 70-х гг. («Навага» — первая половина 70-х, «Навага М» — 1977 г., «Кальмар» — 1977–1982 гг.). В силу этого и ряда других обстоятельств (включая ограниченность ремонтной базы) на

боевом дежурстве в среднем находилось 20–25% от общего количества ПЛАРБ. И хотя Советский Союз превосходил США по общему количеству ПЛАРБ, последние держали на боевом дежурстве гораздо большее количество боеголовок на подводных ракетноносцах. У СССР на БРПЛ было развернуто около 30% ядерных боезарядов, а у США — более 50%.

В то же время советские ПЛАРБ имели ряд характерных технологических недостатков. Они уступали американской ПЛАРБ «Трайидент» по технической вооруженности. Все они производили значительно больший шум (и поэтому их было проще обнаруживать) и каждая несла меньше баллистических ракет, чем лодка типа «Огайо» (24 БРПЛ). Крупнейшая советская подводная лодка «Тайфун» имела 20 баллистических ракет. Все боеголовки, установленные на БРПЛ, имели низкую точность, что делало их пригодными только для нанесения ударов по городам и промышленным центрам и малопригодными для нанесения контрсилового удара. СССР также значительно отставал от США по уровню развития инфраструктуры противолодочной обороны.

Баллистические ракеты для ПЛАРБ производились на Урале (на Златоустовском машиностроительном заводе) и в Сибири (на Красноярском машиностроительном заводе). В Пашино (Новосибирская область) был расположен объект по переоборудованию и ликвидации БРПЛ. Переоборудование и ликвидация пусковых установок БРПЛ осуществлялась в Северодвинске (Архангельская область) и на дальневосточном заводе «Звезда» (Приморский край).

В соответствии с официальными данными, представленными в конце 80-х гг. американской стороне на переговорах в Женеве и приведенными в Меморандуме о договоренности подписанного между СССР и США Договора по СНВ, Советский Союз располагал тогда следующим количеством СНВ: 1398 МБР (из них 321 — мобильная), 62 ПЛАРБ с баллистическими ракетами (940 БРПЛ) и 162 ТБ (из них 99 были оснащены ядерными крылатыми ракетами большой дальности).

Важной составной частью стратегической обороны, необходимым военно-техническим условием достижения и поддержания военно-стратегического паритета была система

Таблица 5. Количественный и качественный состав флота стратегических ПЛАРБ (по состоянию на середину 80-х гг.)

Класс ПЛАРБ	Тип БРПЛ	Кол-во ПЛАРБ	Кол-во ПУ	Кол-во БЗ	Всего БРПЛ	Всего БЗ	Мощность БЗ, кт	Дальность, тыс. км
«Навага»	СС-Н-6	12	16	1	192	192	1000	3,0
«Навага М»	СС-Н-17	1	12	1	12	12	1000	3,9
«Мурена»	СС-Н-8	18	12	1	216	216	1500	9,1
«Мурена М»	СС-Н-8	4	16	1	64	64	1500	9,1
«Кальмар»	СС-Н-18	14	16	3	224	672	500	6,5
«Дельфин»	СС-Н-23	7	16	4	112	448	100	8,3
«Тайфун»	СС-Н-20	6	20	10	120	1200	200	8,3
Итого		62			940	2804		
В т.ч. с РГЧ		27			456	2320		

противовоздушной обороны страны. По мере развития средств воздушно-космического нападения вероятного противника советское правительство в послевоенный период придавало большое значение развитию средств ПВО. Основой их огневой мощи в 40–50-е гг. оставались зенитная артиллерия и истребительная авиация, боевое использование которых опиралось на радиотехнические войска.

На рубеже 60-х гг. на вооружение Войск ПВО страны начала поступать зенитная ракетная техника. В те годы был разработан и принят на вооружение Войск ПВО ЗРК С-75 [74]. В 60-х гг. разрабатывались и в начале 70-х гг. поступили на вооружение: ЗСУ-23–4 («Шилка»), «Стрела-3», С-125 [75]. В 80-е гг. на вооружение Войск ПВО были приняты более эффективные ракетные комплексы «Квадрат», «Оса», «Стрела-10» и С-300 [76].

С середины 50-х гг. в СССР начали создаваться технические средства противоракетной обороны страны. В 1966 г. закончилась разработка и прошла испытания противоракетная система под кодовым наименованием «А». В принятом в связи с этим постановлении Совета министров СССР, наряду с высокой

оценкой результатов работ в области ПРО ставились задачи по дальнейшему наращиванию усилий в создании надежной РКО СССР. В сентябре 1966 г. было принято постановление Совета министров СССР «Об ускорении работ по созданию многоканальных комплексов ПРО». Постановление обязывало все организации, принимавшие участие в создании системы ПРО «А-35», обеспечить первоочередное выполнение работ, связанных с созданием многоканальных стрельбовых комплексов ПРО, не позднее 1969 г. [77].

Создание к рубежу 70-х гг. эффективных средств ПРО повышало обороноспособность СССР. Вследствие этого в мае 1968 г. Совет министров СССР принял постановление «О мероприятиях по обеспечению работ в области противоракетной обороны». В нем отмечалось, что для согласования деятельности всех организаций и ведомств, выполняющих задания правительства по созданию ПРО страны, для обеспечения их высокого научно-технического уровня создавался межведомственный координационный совет по проблеме ПРО под руководством одного из министров СССР [78].

Следствием подписания в 1972 г. Договора об ограничении систем ПРО, было прекращение работ по развертыванию новых комплексов системы «А-35», так как по Протоколу к Договору, подписанному в июле 1974 г., стороны обязались ограничиться одним из двух предусмотренных Протоколом районов, защищенных средствами ПРО. В то же время, учитывая то, что в начале 70-х гг. США начали оснащение своих ракет РГЧ ИН, правительство СССР было вынуждено принять ряд мер по повышению боевых возможностей ПРО страны.

Основные направления дальнейшего совершенствования системы ПРО страны были определены постановлением Совета министров СССР от 11 июля 1975 г. Исходя из необходимости дальнейшего укрепления ПРО страны в СССР в 70–80-е гг. проводились теоретические и экспериментальные работы по созданию новых систем данного вида вооружений на основе оптических и квантовых генераторов [79].

В 70–80-х гг. системы ПРО и ВКО страны организационно входили в состав Войск ПВО. ПРО включала: командный пункт, многофункциональную радиолокационную станцию обнару-

жения и наведения, части стрельбовых комплексов с противоракетами [80].

В мае 1977 г. на государственные испытания была представлена система ПРО «А-35М». Эта система была признана ограниченно пригодной для поражения американских МБР с РГЧ, но, несмотря на это, была принята на вооружение Войск ПВО страны.

В 1975 г. началась разработка новой системы ПРО Москвы. В 1989 г. она была поставлена на боевое дежурство. В ее составе имелся один район развертывания вокруг Москвы, включавший 100 ракет-перехватчиков с ядерными боеголовками порядка 1000 кт¹.

Таким образом, создание РВСН, оснащение ракетно-ядерным оружием ВВС и ВМФ, совершенствование ПВО и ПРО подняли на новый уровень боевую мощь Советских Вооруженных Сил, сыграли важную роль в обеспечении безопасности СССР и его союзников.

5.4. Противостояние коалиций: НАТО и Организация Варшавского Договора²

*Бог воюет на стороне того,
у кого лучше артиллерия.
Наполеон Бонапарт*

Соединенные Штаты Америки и Советский Союз были главными, но не единственными участниками холодной войны. Обе сверхдержавы являлись лидерами мощных военно-политических коалиций. Создание и деятельность Североатлантического альянса (НАТО) и Организации Варшавского Договора (ОВД) в полной мере отражают содержание, характер и особенности эпохи глобального противоборства.

¹ До рубежа 90-х гг. в СССР в полном объеме (8 РЛС) действовала система предупреждения о ракетном нападении.

² Этот материал подготовлен на основе бесед с генерал-полковником Г.А. Бурутиным, занимавшим в 70–80-е гг. ряд ответственных должностей в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР, которому автор выражает глубокую и искреннюю признательность.

Союзники — как США, так и СССР — отнюдь не были простыми статистами. Все они, хотя и в разной мере, внесли свою лепту в холодную войну, и роль каждого из государств — членов Западного и Восточного блоков требует специального изучения. Соответствующая научная работа активно ведется в многочисленных исследовательских центрах самых разных стран, не говоря уже о независимых ученых.

В рамках этого раздела речь, однако, пойдет не о «вкладе» конкретных государств в холодную войну (это просто неподъемная задача для обзорной книги), а о некоторых аспектах именно коалиционного противоборства. Как известно, любая система обладает качествами, не сводимыми к сумме свойств ее компонентов¹, и НАТО с ОВД не являются, конечно, исключением из правила.

В первые послевоенные годы СССР и его союзники выступали против организации замкнутых военно-политических блоков, за сохранение целостности Европы и создание системы коллективной безопасности на всем европейском континенте.

Однако на Западе предпочли иной путь. Процесс формирования Североатлантического альянса, о чем подробно говорилось выше, не завершился подписанием Договора 1949 г. И в последующий период его укрепление и расширение представлялось на Западе приоритетным направлением политики. Подписав осенью 1954 г. Парижские соглашения, США и их союзники предоставили возможности Западной Германии и Италии создать свои вооруженные силы и возобновить военное производство. Было заявлено о стремлении добиваться объединения Германии путем поглощения ГДР. Вслед за этим в мае 1955 г. в нарушение Потсдамских соглашений ФРГ была принята в НАТО, которое получило в свое распоряжение полумиллионный немецкий бундесвер.

Международная обстановка резко обострилась, возросла военная опасность. В новых условиях двусторонние договоры между социалистическими странами уже не в полной мере обе-

¹ Этот эффект часто обозначают термином «эмерджентность» (с *англ.* — неожиданно появляющийся).

спечивали их коллективную безопасность. Возникла настоятельная необходимость реорганизации военно-политического сотрудничества на более широкой международно-правовой основе, когда объединенным силам западных стран противостояла бы совместная мощь Советского Союза и государств Восточной Европы.

Восточноевропейские государства (их еще называли «странами народной демократии») и Советский Союз начиная с первых послевоенных лет проводили политику, направленную на установление тесных и всеобъемлющих партнерских связей. Основой для этого стали многочисленные двусторонние соглашения.

Военные контакты вскоре стали одним из приоритетных направлений сотрудничества, тем более что по времени договорный процесс совпал с созданием и становлением новых национальных армий в странах народной демократии. Широко практиковались поставки «братским армиям» современного (по тому времени) советского вооружения и различного военного имущества, а также направление военных советников командного и технического профилей для оказания помощи в овладении боевой техникой, организации боевой подготовки войск и обучении кадров. Получила распространение и практика обучения национальных кадров в советских военно-учебных заведениях. Становлению армий народно-демократических стран способствовали их тесные связи с советскими войсками, дислоцированными на территории ГДР, Польши, Венгрии и Румынии.

14 мая 1955 г. Албания, Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика (ГДР), Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подписали в польской столице союзнический Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, вошедшей в историю как Варшавский Договор.

Новое военно-политическое содружество организовывалось на принципах единства марксистско-ленинской идеологии, руководящей роли в государствах партий коммунистической направленности, социалистического интернационализма и совместного обеспечения своей военной безопасности.

В тексте Договора, как и в принятой много позже военной доктрине, отмечалось, что ОВД имеет сугубо оборонитель-

ный характер. Разумеется, это не исключало решительности действий его объединенных вооруженных сил в случае агрессии. Более того, в боевом планировании одно время даже допускалась возможность упреждающего удара против группировок войск вероятного противника, «изготовившихся к нападению».

Страны — участники ОВД создали коалиционные органы руководства, сформировали соответствующие союзные вооруженные силы и средства управления ими в мирное и военное время, определили оптимальные формы и методы военного сотрудничества. Эта система дополнялась и совершенствовалась в течение всего периода существования, вплоть до весны 1991 г. [81].

Высшим органом ОВД являлся Политический Консультативный Комитет (ПКК), на который возлагалось решение общих принципиальных вопросов, относящихся к обороноспособности и военному строительству союзных государств, их армий и Объединенных вооруженных сил (ОВС), которые возглавлял Главнокомандующий.

По сложившейся практике работы ПКК, его совещания проводились ежегодно. В них принимали участие делегации во главе с первыми лицами государств-участников. Как правило, повестка дня включала два вопроса: одним из них был доклад Главнокомандующего о состоянии ОВС с принятием решений по их дальнейшему развитию, оснащению боевой техникой и вооружением, по подготовке инфраструктуры и др. В качестве второго вопроса обычно выступало рассмотрение и принятие политических заявлений, например по проблемам сокращения вооружений или в связи «с агрессивными действиями стран Запада» [82].

Рабочими органами ПКК являлись Объединенный секретариат, Комитет министров иностранных дел (КМИД) и Комитет министров обороны (КМО); последний выступал в качестве высшей военной коалиционной инстанции в ОВД.

Органом военно-стратегического управления в мирное время являлось Объединенное командование вооруженных сил (затем — Объединенных вооруженных сил), состоящее из Главнокомандующего ОВС и его заместителей от каждой

Подписание Варшавского Договора

страны-участницы (в ранге заместителей министров обороны или начальников генеральных штабов с местом пребывания в своих странах), а также начальника штаба ОВС и командующего войсками ПВО ОВД. Главкомами ОВС в разное время были Маршалы Советского Союза И. С. Конев, А. А. Гречко, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов и генерал армии П. Г. Лушев.

При Главнокомандующем ОВС в качестве постоянно действующих органов для руководства повседневной деятельностью ОВС функционировали Штаб ОВС и Технический комитет ОВС. Кроме того, на временной основе работали Военный совет и Военный научно-технический совет ОВС.

Штаб ОВС и Технический комитет ОВС комплектовались из числа генералов, адмиралов и офицеров всех союзных армий по принципу пропорционального представительства, исходя из принятых норм финансирования этих органов: Болгария — 7%, Венгрия — 6%, ГДР — 6%, Польша — 13,5%, Румыния — 10%, Советский Союз — 44,5% и Чехословакия — 13% [83].

Характерно, что при соблюдении этих норм большинство руководящих должностей в названных структурах (начальника

Штаба, его первого заместителя, председателя Техкома, начальников всех управлений и отделов) занимали советские военнослужащие. В Объединенном командовании кроме самого Главкома ОВС советскими военачальниками были его заместители по ВВС, ВМФ и ПВО.

Естественно, что такая практика обеспечивала реализацию идей и установок прежде всего советского политического и военного руководства, Генерального штаба ВС СССР, положений советской военной науки и военной доктрины. Главкомандующий и начальник Штаба ОВС одновременно занимали должности первого заместителя министра обороны СССР и первого заместителя начальника Генерального штаба (соответственно). Эти обстоятельства порой негативно сказывались на морально-психологической обстановке в структурах ОВД, тем более что действия советских руководителей не всегда в полной мере учитывали интересы, особенности и реальные возможности союзников СССР.

Представительство союзных армий в Штабе ОВС ограничивалось наличием заместителей начальника Штаба ОВС от министерств обороны всех государств-участников в ранге заместителей начальников генеральных (главных) штабов. Эти представители работали в Штабе ОВС, постоянно находясь в Москве.

Органы военного управления занимались разработкой предложений и рекомендаций по проблемам укрепления обороноспособности союзных стран, строительства национальных вооруженных сил и координацией деятельности Объединенных вооруженных сил в интересах коллективной обороны.

В Организации Варшавского Договора за годы ее существования сложился эффективный механизм многостороннего политического и военного сотрудничества, который постоянно развивался и совершенствовался. Его правовой основой выступал как сам Варшавский Договор, так и двусторонние соглашения между его участниками. Соответственно, и сотрудничество в самых разных сферах деятельности осуществлялось как в рамках ОВД, так и на двусторонней основе [84].

Важнейшим направлением деятельности ОВД было сотрудничество государств-участников в области внешней политики.

Существовал и механизм его координации, центральным звеном которого являлся Политический консультативный комитет. Его важными элементами являлись Постоянная Комиссия по разработке рекомендаций по внешнеполитическим вопросам, Комитет министров иностранных дел и Объединенный секретариат. Руководители стран ОВД в ходе плановых и рабочих встреч также согласовывали свои внешнеполитические действия. Иногда такие контакты носили закрытый характер. Так, при выработке общей позиции социалистических стран в Берлинском кризисе 1961 г. их лидеры собрались в Москве тайно. На этой встрече, в частности, было принято решение о сооружении разделительной стены вокруг Западного Берлина.

Военно-стратегическое взаимодействие в рамках ОВД осуществлялось путем координации усилий союзных стран в вопросах укрепления обороны, строительства национальных армий, повышения их боеспособности и боевой готовности, а также планирования совместного применения ОВС на случай войны. Оно включало согласование планов развития национальных армий, оснащения их вооружением и боевой техникой, проведение совместных мероприятий по совершенствованию боевой и мобилизационной готовности войск и флотов, их полевой, воздушной и морской выучки, оперативной подготовки командующих и штабов, оперативного оборудования территории стран как части театров военных действий, совместную разработку планов боевого применения оперативных объединений, выделяемых из состава национальных армий в военное время. Осуществлялось согласование усилий в подготовке кадров, разработке и производстве вооружений и военной техники, создавались совместные (объединенные) оборонительные и специальные системы, оказывалась взаимопомощь при разработке актуальных проблем военного искусства, внедрении в практику единых принципов и методов подготовки войск и штабов. Особое место занимала координация усилий государственных органов, национальных министерств обороны, генеральных (главных) штабов армий стран Варшавского Договора.

Известно, что основной формой любого коалиционного военного взаимодействия является согласование совместного приме-

нения военной силы, иначе говоря оперативное планирование. Единое оперативно-стратегическое планирование применения Объединенных вооруженных сил военного времени в деятельности ОВД представляло собой высшую форму военной интеграции. Методы, сущность и цели такой работы постоянно совершенствовались. В роли организующего звена планирования применения как вооруженных сил государств ОВД, так и оперативно-стратегических и оперативных объединений, создаваемых в военное время на их базе, выступал Генеральный штаб ВС СССР.

В конце эпохи холодной войны правовой основой для такого планирования являлось «Положение об Объединенных вооруженных силах и органах руководства ими на военное время», принятое главами государств Варшавского Договора 18 марта 1980 г. В соответствии с ним для централизованного руководства в военное время учреждалось единое Верховное Главное командование, органом управления которого являлся Генеральный штаб ВС СССР [85]. Таким образом, Генеральный штаб ВС СССР на военное время, наряду с выполнением функции рабочего органа Ставки Верховного Главного Командования ВС СССР, становился и органом управления создаваемого в особый период Верховного Главного командования Объединенных вооруженных сил (Верховным Главнокомандующим ОВС Организации Варшавского Договора назначался Верховный Главнокомандующий ВС СССР). Поэтому в сферу деятельности Генерального штаба ВС СССР уже в мирное время входили вопросы военного строительства, определения замысла применения, планирования и подготовки вооруженных сил стран — участниц Варшавского Договора и их территорий к совместному выполнению задач в военное время.

Основу для подготовки документов по планированию составляли разрабатываемые Штабом ОВС и соответствующим генеральным (главным) штабом каждой национальной армии при участии Генштаба ВС СССР «Протоколы о выделении войск и сил данного государства-участника в состав Объединенных вооруженных сил». В них определялись основные направления развития войск и сил данного государства, планы оснащения их вооружением и боевой техникой, объемы накопления запасов, материалов, а также количество соединений и частей всех

видов ВС, выделяемых от вооруженных сил этого государства в состав Объединенных вооруженных сил. Что касается количества выделяемых войск, то оно указывалось в соответствующем Перечне (приложении к протоколу), в котором кроме указания конкретных соединений, частей и учреждений определялись численность их личного состава, организационная структура, количество основных видов вооружения и боевой техники. В Протоколах указывались и мероприятия по подготовке территории данной страны в оперативном отношении.

Планирование применения войск (сил) на военное время (фронтов, армий и флотов), выделяемых в состав ОВС, осуществлялось министрами обороны и генеральными (Главным) штабами государств — участников Варшавского Договора с учетом рекомендаций Главнокомандующего ОВС и предложений Генерального штаба ВС СССР, а при необходимости — во взаимодействии с соседними армиями других стран».

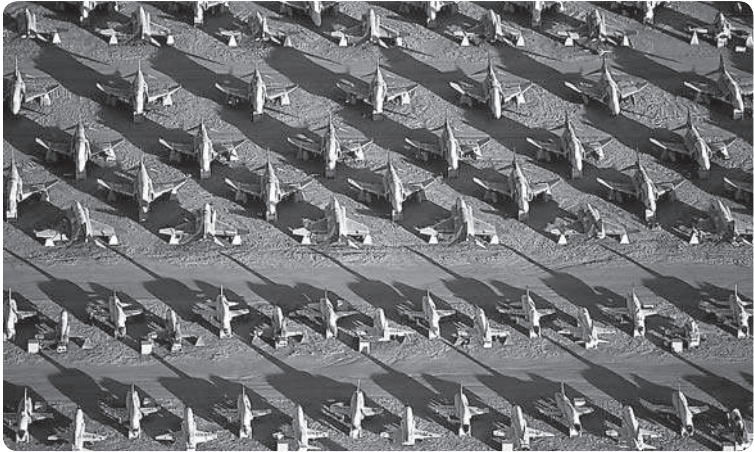
Разработанные в национальных штабах общие оперативные планы перед их подписанием министрами обороны и главнокомандующим ОВС СВД подлежали согласованию в Генеральном штабе ВС СССР.

В качестве главного театра возможной войны для группировок войск общего назначения НАТО и ОВД рассматривался европейский континент.

В Европе, особенно в ее центральной части, совокупная военная мощь двух военно-политических союзов была особенно внушительной. Всего здесь противостояли друг другу более 7,2 млн человек, имевших на вооружении: более 90 тыс. танков, 128,5 тыс. орудий и минометов, свыше 23 тыс. боевых самолетов и вертолетов, 600 крупных надводных кораблей и около 430 подводных лодок.

Вооруженные силы США, Великобритании и Франции состояли из классической триады: сил общего назначения, ядерных сил на театре войны (средней и меньшей дальности) и стратегических ядерных сил. Поскольку долгие годы США и НАТО в возможной войне делали ставку на атомное оружие, приоритет в развитии отдавался ядерным средствам.

Однако в конце 80-х гг., когда паритет по стратегическим наступательным вооружениям между США и Советским Союзом

База ВВС США

стал более чем очевиден, и выяснилось, что в мировой ядерной войне победителя быть не может, произошло уточнение стратегических концепций. Впервые перед армиями стран блока была поставлена задача, что они должны обладать способностью с самого начала войны вести широкомасштабные наступательные боевые действия с применением только обычных средств поражения. Тем самым роль сил общего назначения значительно повышалась.

Силы общего назначения США и союзных им стран составляли: сухопутные войска, тактическая авиация ВВС и военноморские силы (без ПЛАРБ). Они являлись самым многочисленным и универсальным компонентом вооруженных сил.

В соответствии с американской стратегической концепцией «передового базирования» основные группировки сил общего назначения уже в мирное время были развернуты и содержались вне пределов территории США на вероятных театрах военных действий, большая их часть — вблизи границ Советского Союза.

Наиболее мощная из них дислоцировалась в Европе. В ней находилось около 30% регулярных сухопутных войск, в которых насчи-

тивалось более 75% всех имеющихся противотанковых средств. Тактические ВВС США в Европе имели в своем составе 900 боевых самолетов, из которых 400 истребителей-бомбардировщиков средней дальности. Американцы также содержали в Средиземном море и на Атлантике 6-й и 2-й оперативные флоты, которые имели в своем составе около 200 боевых кораблей, в том числе 9 авианосцев и 900 боевых самолетов авиации ВМС.

Для размещения этих колоссальных сил и средств только в ФРГ было создано 188 крупных военных баз и объектов. До 60 американских баз имелось в Турции, десятки — в Италии и Великобритании. Всего в странах Западной Европы американцы разместили свыше 1000 военных объектов, из них более 270 крупных.

В дополнение к четырем бронетанковым и механизированным дивизиям США, находящимся в ФРГ, на ее территории были складированы запасы тяжелого вооружения еще для четырех дивизий, перебрасываемых в особый период по воздуху с американского континента.

Всего силы общего назначения США в Европе насчитывали 300 тыс. человек, 5000 танков, 3100 орудий полевой артиллерии.

В течение 10 суток со времени принятия решения о мобилизации в дополнение к имеющимся на Западно-Европейском ТВД войскам развертывалась еще шесть общевойсковых дивизий и одна бригада, а также перебазировалось 60 авиаэскадрилий (по 16–18 самолетов). Всего около 1000 самолетов.

Всего по воздуху планировалось перебросить в Европу до 400 тыс. американских военнослужащих и в короткие сроки увеличить количество общевойсковых дивизий в 2,5 раза, а группировку авиации в 3 раза. Для сил общего назначения всех стран НАТО в Европе было размещено свыше 7000 ядерных боеприпасов.

Вместе с войсками ФРГ (12 боеготовых танковых и мотопехотных дивизий) группировка американских войск являлась главной ударной силой ОВС НАТО, нацеленной против СССР и других стран Варшавского Договора.

Вооруженные силы государств НАТО в Европе (кроме Франции) составляли Объединенные вооруженные силы (ОВС)

блока, которые были территориально разделены на три главных командования: на Северо-Европейском, Центрально-Европейском и Южно-Европейском театрах. Наиболее мощная группировка войск находилась на Центрально-Европейском театре (ЦЕТ). В состав ее входили вооруженные силы ФРГ, Нидерландов, Бельгии, а также соединения и части США, Великобритании и Канады в Европе, находящиеся на немецкой, голландской и бельгийской территориях. Всего 23 дивизии, до 10 тыс. танков и 6 тыс. единиц полевой артиллерии, сведенные в восемь армейских корпусов. Кроме того, на территории ФРГ размещались два армейских корпуса Франции.

Своеобразной передовой базой ОВС НАТО на ЦЕТ, выдвинутой на восток, являлся Западный Берлин с его военным гарнизоном трех западных держав (США, Великобритании и Франции), насчитывающий в своем составе 12 тыс. человек, не считая 20 тыс. западноберлинских полицейских¹.

¹ Большинство инцидентов с участием военнослужащих НАТО и ОВД произошло на территории Германии. Так, в связи с намерением провести летом 1963 г. заседание Бундестага ФРГ в Западном Берлине, который не являлся частью ФРГ, советской стороной было решено на этот период дезорганизовать работу воздушных и сухопутных коммуникаций, связывающих Западный Берлин с ФРГ. Все западные воздушные коридоры, а также аэропорты в городе облетывались советскими военными самолетами, имитирующими атаки на цели. Движение по автострадам, ведущим в ФРГ, периодически и без каких-либо уведомлений перекрывалось для пропуска войск ГСВГ и ННА ГДР, следующих в западном направлении «на учения». В районе Магдебурга было сосредоточено две дивизии ГСВГ и одна — ННА ГДР. Это насторожило командование НАТО, и в указанный район был направлен английский самолет-разведчик, который нарушил воздушный коридор и, не выполнив команду на принудительную посадку, был сбит советским истребителем. Экипажу и «пассажирам» — английским военнослужащим удалось спастись на парашютах. Они были задержаны советскими военнослужащими, а затем выдворены из ГДР.

Наряду с радио-, радиотехнической, агентурной и другими видами разведки, проводимыми на территории двух германских государств, действовала и почти официальная разведка — так называемые военные миссии связи четырех государств — бывших союзников по антигитлеровской коалиции, находящихся при соответствующих главкомах «союзных войск» в Германии. Так, при главнокомандующем ГСВГ (ЗГВ) в Потсдаме (ГДР) были аккредитованы военные миссии США, Великобритании и Франции, аналогичные советские миссии находились в трех бывших зонах оккупации на территории ФРГ.

Основная, хотя и неофициальная задача военных миссий заключалась в постоянном наблюдении за войсками и силами страны, в чьей зоне они

Всего у НАТО с учетом Франции и Испании в Европе находилось 94 боеготовые дивизии. Численность развернутой американской дивизии составляла 16–19 тыс., а дивизии ФРГ — более 23 тыс. человек, в то время как дивизии армий стран ВД насчитывали максимум 11–12 тыс. человек.

Все группировки войск первого эшелона НАТО в Европе поддерживались в высокой степени готовности к занятию исходных районов на так называемом передовом оборонительном рубеже, проходящим на удалении от 10 до 50 км от границы с ГДР и Чехословакией, и к дальнейшим действиям в соответствии с оперативными планами. Их вооружение составляли самые современные, в основном наступательные, виды боевой техники и оружия, главными из которых являлись системы

находились, и создании там разведывательной сети. Поэтому миссии в Германии состояли из профессиональных офицеров-разведчиков. Используя возможность свободно перемещаться на автомобилях по своим «зонам ответственности», за исключением запретных районов, они действовали оперативно, напористо, часто нарушая установленные правила.

Так, стоило только советскому командованию внезапно поднять по тревоге ту или иную дивизию, бригаду или штаб и вывести их из военных городков, как через час-два на «хвосте» колонн советских войск появлялись машины западных миссий связи. Любое задержание или обстрел членов миссий в одной зоне мгновенно вызывал адекватную реакцию в другой, противоположной.

Западная разведка в своей работе порой допускала серьезные ошибки. Так, она не смогла вовремя отследить проводимое с начала 80-х гг. перевооружение ГСВГ на танки нового поколения Т-64 и Т-72, доставка которых из СССР в ГДР с целью скрытности впервые осуществлялась не по железной дороге, а морем. Необходимость срочно установить перевооружаемые соединения и части ГСВГ заставила военные миссии связи трех западных стран, прежде всего США, резко активизировать свою деятельность.

24 марта 1985 года в районе г. Людвигслуст (150 км северо-западнее Берлина) на территории городка одной из частей ГСВГ советским часовым был застрелен сотрудник американской миссии майор А. Николсон. Автомашина, в которой кроме Николсона находился водитель, ночью въехала в запретный район, а затем и на охраняемый советским караулом объект — парк учебно-боевых танков. При фотографировании через окно новых танков и был убит американский офицер. Гибель А. Николсона, которому посмертно на родине было присвоено воинское звание «подполковник», в США была воспринята исключительно болезненно и вновь ухудшила советско-американские отношения. Только через три года на первой в истории двух государств встрече министров обороны США и Советского Союза (Ф. Карлуччи и Д.Т. Язова) в Цюрихе удалось разобраться с обстоятельствами этого инцидента и снизить напряженность в отношениях.

двойного назначения, способные кроме обычных боеприпасов использовать и атомное оружие.

В соответствии с существующей тогда в СССР стратегической концепцией считалось необходимым для надежной безопасности Советского Союза и его союзников иметь в Центральной Европе мощную группировку вооруженных сил государств Варшавского Договора, ядром которых были советские войска.

Система обороны Советского Союза и всего Варшавского Договора строилась с сосредоточением основных усилий прежде всего на Западном и Юго-Западном ТВД, где были развернуты наиболее боеспособные, оснащенные самой современной техникой группировки войск с соответствующими запасами материально-технических средств.

Группировки советских войск на территории ГДР и Польши возникли в результате разгрома фашистской Германии. В восточной части Германии сначала была создана Группа советских оккупационных войск, затем она была переименована в Группу советских войск в Германии (ГСВГ), а в 1989 г. — в Западную группу войск (ЗГВ). В Польше советские войска, предназначенные для охраны коммуникаций и усиления ЗГВ, представляла Северная группа войск (СГВ). Кроме того, в ГДР и ПНР на побережье Балтийского моря размещалось по одному пункту базирования советского Балтийского флота.

Пребывание советских войск в Венгрии, под названием сначала Центральной, а затем Южной группы войск (ЮГВ), связано как с послевоенными договоренностями, так и с советской военной акцией осенью 1956 г.

Размещение советской Центральной группы войск (ЦГВ) в Чехословакии было признано целесообразным после ввода туда группировки войск стран ОВД в 1968 г.

До 1958 г. советские войска (Отдельная механизированная армия) были и на территории Румынии.

Всего в составе четырех советских групп войск постоянной готовности на 1985 г. находилось восемь общевойсковых и танковых армий (свыше 30 полностью развернутых и готовых к бою мотострелковых и танковых дивизий), а также 10 авиационных дивизий. Всего более 600 тыс. военнослужащих, 11 тыс. танков и свыше 1600 боевых самолетов.

Эти группировки советских сухопутных войск, ВВС и ВМС, выдвинутые на 600–800 км на Запад от границ Советского Союза, вместе с армиями и флотами союзников по Варшавскому Договору представляли собой мощный первый оперативный эшелон первого стратегического эшелона Объединенных Вооруженных Сил ОВД.

Союзные СССР войска и силы в Европе составляли: Национальная Народная Армия (ННА) ГДР, Войско Польское (ВП), Чехословацкая Народная Армия (ЧНА), Венгерские Оборонительные силы (ВОС), Армия Социалистической Республики Румынии (АСРР) и Болгарская Народная Армия (БНА), которые имели в своем составе 13 общевойсковых армий и ряд объединений и соединений других видов вооруженных сил и родов войск.

Считалось, что наличие постоянно готовых к действиям группировок войск (сил), находящихся в непосредственном соприкосновении с силами НАТО, обеспечивает необходимую эффективность общей системы обороны и поддержания комплексного военно-стратегического равновесия между Востоком и Западом в Европе. На войска первого оперативного эшелона, в состав которого было включено более 60% всех имеющихся сил общего назначения Варшавского Договора, возлагались задачи по отражению агрессии и разгрому вторгшегося противника.

Второй оперативный эшелон составляли войска западных приграничных военных округов: Белорусского, Прикарпатского, Одесского и Киевского, частично Прибалтийского, которые в основном состояли из танковых объединений и соединений и находились в готовности в короткие сроки к стремительно выдвигению (в основном комбинированным маршем), а их ВВС — к перебазированию по воздуху, на Запад в районы оперативного предназначения для вступления в сражение с целью завершения разгрома противника и развития успеха войск первого оперативного эшелона.

Организационно все войска и силы стран Варшавского Договора для подготовки и ведения совместных боевых действий в Европе были сведены в Объединенные Вооруженные Силы Организации Варшавского Договора (ОВС ОВД). Их состав на мирное и военное время был различен.

С переходом на военное положение все ОВС ОВД мирного времени, а также другие войска и силы, в том числе и развертываемые по мобилизационным планам, преобразовались в:

- ОВС на Западном ТВД;
- ОВС на Юго-Западном ТВД;
- Резервы Верховного Главнокомандования ОВС ОВД.

Эти стратегические группировки на ТВД, состоящие из фронтов (как национального, так и коалиционного состава), отдельных общевойсковых армий, воздушных армий, армий ПВО и объединенных флотов (на Западе — Объединенный Балтийский в составе: БФ, ВМФ ПНР и ВМФ ГДР, а на Юго-Западе — Объединенный Черноморский флот: ЧФ, ВМФ Болгарии и ВМФ Румынии) и других соединенных частей и учреждений объединялись единым планом действий (в рамках стратегических операций на ТВД) и централизованным управлением со стороны главных командований ОВС на Западном и Юго-Западном ТВД.

В 1984 г. в ВС СССР были созданы Главные командования войск направлений. В частности, в Европе были сформированы Главные командования войск Западного направления со ставкой в г. Легнице (ПНР) и Юго-Западного направления (г. Кишинев). На военное время они преобразовывались в Главные командования ОВС ОВД на соответствующих театрах военных действий и были предназначены для руководства действиями всех имеющихся там войск и сил.

Таким образом, почти все имеющиеся силы и средства вооруженной борьбы государств — участников ВД (кроме стратегических ядерных сил ВС СССР), органы управления ими, а также созданные в рамках Военной организации Договора оборонительные и обеспечивающие системы и комплексы составляли Объединенные вооруженные силы ОВД.

В мирное время непрерывно осуществлялось слежение за вероятным противником. Главный упор делался на ведение радио- и радиотехнической разведки, передовые посты которой были развернуты или стационарно оборудованы вдоль всей границы с ФРГ, Австрией и Турцией, а также подвижные — на море и в воздухе.

Содержалась в постоянной готовности к действию Единая объединенная система противовоздушной обороны ОВД, кото-

рая централизованно управлялась и объединяла силы и средства ПВО групп войск стран-участниц Центральной и Восточной Европы, войск ПВО советских приграничных военных округов и войск ПВО страны (СССР). Дежурные средства этой системы реагировали на любые воздушные цели, чтобы при нарушении ими воздушного пространства немедленно пресечь полет нарушителей уже в приграничных районах. Так, только в ЗГВ для возможного перехвата воздушных целей — потенциальных нарушителей воздушного пространства — ежедневно поднималось в воздух по несколько дежурных самолетов-истребителей.

Войска постоянной готовности — мотострелковые, танковые, ракетные, артиллерийские соединения и части, а также формирования других родов войск, занимаясь повседневной деятельностью, были способны за несколько десятков минут полностью оставить военные городки постоянной дислокации, выйти в назначенные районы (на позиции) и приступить к выполнению боевых задач. Боевая техника (танки, БМП, БТР, САУ) содержалась в парках с полным боекомплектом к орудиям, пулеметам и другому стрелковому вооружению, заправленными топливом баками, транспортные машины — с загруженными запасами материальных средств, готовыми к выдвигению и ведению боя. В боевые машины были заложены даже ручные гранаты и сигнальные патроны. Из оружия в казармах находились только автоматы и пистолеты командиров экипажей и механиков-водителей.

Ядерные боеприпасы для ракетных войск и артиллерии, фронтовой авиации, как для входящих в состав группировок советских войск, так и армий других стран ВД, составляющих первый оперативный эшелон на ТВД, хранились на ракетно-технических и ремонтно-технических базах, дислоцирующихся на территории стран ОВД. Эти ядерные боеприпасы содержались в готовности по особому распоряжению к доставке и передаче их в короткие сроки частям и соединениям.

Действия каждого объединения и соединения советских группировок войск и войск армий союзников СССР на особый период были тщательно спланированы в соответствии с различными возможными вариантами начала войны. Эти пла-

ны по мере изменений данных обстановки уточнялись (были установлены соответствующая периодичность и порядок такой работы).

Созданная заблаговременно система управления ОВС на театрах военных действий включала сеть стационарных защищенных (подземных) и подвижных пунктов управления (от ГК ОВС на ТВД и до соединений включительно), оборудованных современными средствами связи, автоматизированными системами управления и системами жизнеобеспечения, а также сеть линий и узлов связи, прежде всего кабельных, радиорелейных и тропосферных.

На большей части пунктов управления объединений, соединений и даже частей уже в мирное время было организовано и осуществлялось боевое дежурство. Кроме сил и средств управления, разведки и ПВО с середины 90-х гг. в группах войск было поставлено на боевое дежурство и некоторое количество ударных средств (фронтальной и армейской авиации, ракетных войск и артиллерии) для немедленного поражения так называемых первоочередных объектов противника.

Основу сил общего назначения в армиях ОВД традиционно составляли Сухопутные войска. В послевоенное время в советских ВС они продолжали развиваться как второй по значимости (после РВСН) и как наиболее крупный по численности и разнообразный по боевому составу вид ВС.

Считалось, что Сухопутные войска, обладая огневой и ударной силой, высокой маневренностью и самостоятельностью, будут играть важную роль при ведении боевых действий как с применением, так и без применения ядерного оружия. Их развитие шло по следующим направлениям: увеличение боевого состава; совершенствование организационной структуры объединений, соединений и органов управлений; перевооружение на новые виды оружия и боевой техники для повышения огневой мощи, ударной силы при одновременном увеличении подвижности, маневренности и живучести. Только при реорганизации, проведенной в 1980–1982 гг., численность артиллерии мотострелковых и танковых дивизий была увеличена на 20–60%, на вооружение поступили новые танки Т-72, Т-80 и боевые машины пехоты БМП-2. В результате этого в среднем

*T-80 — первый в мире серийный танк
с газотурбинным двигателем*

на 25% возросли боевые возможности этих общевойсковых соединений.

В целом «обычные» типы вооружений не только в Сухопутных войсках, но и в других видах ВС постоянно совершенствовались и создавались качественно новые системы оружия, имеющие все более высокие поражающие характеристики.

Состоянию напряженности в отношениях между СССР и США, ОВД и НАТО во многом способствовал характер и содержание военных доктрин, положениями которых руководствовалась каждая из сторон.

Официальная доктрина США, независимо от периодической смены ее концепций и названий: «массированного возмездия», «гибкого реагирования», «реалистического устрашения» и «прямого противоборства», всегда предусматривала возможность нанесения упреждающего ядерного удара в том случае, если американское руководство придет к выводу, что предполагаемый противник намеревается нанести ядерный удар по Соединенным Штатам или их союзникам. Да и применитель-

но к войне, ведущейся обычными средствами, США и НАТО официально заявляли, что в случае необходимости применят ядерное оружие первыми.

Доктринальные установки Организации Варшавского Договора долгое время носили полуоформленный характер и находили свое отражение преимущественно в заявлениях, декларациях и других подобных документах Политического Консультативного Комитета и отдельных государств-участников.

Основу коалиционной доктрины составили положения военной доктрины СССР как признанного политического, экономического и военного лидера социалистических государств.

Характерной чертой военной доктрины Варшавского Договора выступала ее оборонительная направленность. С момента образования этого союза его военные усилия были направлены на защиту от возможных посягательств извне, в том числе и через провоцирование внутренней контрреволюции. Оборонительный характер коалиционной доктрины прежде всего отражался в боевом составе, структуре и предназначении ОВС и армий государств-участников, содержании их подготовки, избранных и спланированных способов и форм боевых действий.

Но главной и определяющей стороной военной доктрины являлась ее политическая сторона. Она определялась политической правящих коммунистических и рабочих партий государств-участников и их марксистско-ленинской идеологией в области войны и обороны. В основе этой идеологии в военной сфере находились принципы «социалистического интернационализма» и «классового подхода» к проблемам военной безопасности, определению военных угроз и потенциальных противников, а также союзников. Внешним выражением такой концепции стал, например, широко известный в тот период лозунг: «Братья по классу — братья по оружию!»

В рамках политической стороны доктрины было зафиксировано отрицательное отношение ОВД к войне как явлению, с соответствующими военно-политическими задачами для каждой страны и для Организации в целом по предотвращению войны, укреплению коллективной обороны и военной безопасности «стран социалистического содружества».

Еще раз подчеркнем: как советской военной доктриной, так и военной доктриной ОВД никогда¹ не предусматривалось инициативного начала любой войны, тем более ядерной, и даже локального нападения. Но группировки Вооруженных Сил предполагалось иметь в таком составе, порядке их дислокации, а также уровне подготовки и готовности, чтобы в случае агрессии со стороны США, блока НАТО отразить и остановить вторжение, перейти в контрнаступление, а затем в ходе глубоких наступательных операций решительно разгромить противника.

Отчасти поэтому на Западе советскую стратегию оценивали как однозначно наступательную. Но было ли это искренне? Используя пропагандистские клише военной мощи СССР и советской военной угрозы, а также предельно расширительно трактуя некоторые советские внешнеполитические акции, США сумели убедить западное общественное мнение в агрессивности СССР и его союзников. Советская сторона в своей пропаганде отвечала тем же, но была менее убедительна.

К середине 80-х гг. действующая советская военная доктрина потребовала переработки, чтобы соответствовать политическому курсу нового советского руководства, способствовать активизации переговорного процесса и сокращению военных потенциалов сторон. Вопросы предотвращения войны решили сделать содержанием не только внешней политики, но и военной доктрины. Примерно тогда же на смену теории поэтапной эскалации мировой войны, последующие этапы которой, как считалось, обязательно будут ядерными, пришла концепция равной вероятности мировой ядерной войны и обычной войны (в виде всеобщей или локальной).

Новая советская военная доктрина, теория которой разрабатывалась в Генеральном штабе ВС СССР, прежде всего должна была отличаться своей однозначной оборонительной направленностью. Она впервые (а может быть, и в последний раз) в истории поставила своей главной целью не подготовку к войне, а ее предотвращение, что сейчас, спустя четверть века,

¹ Этот вывод основан на оценке действующих тогда оперативных планов применения Вооруженных Сил.

выглядит как минимум неоднозначно. Смешение военной доктрины и внешнеполитической концепции, может быть, и дает определенный пропагандистский эффект, но и дезориентирует военную организацию государства.

В конце 1986 г. новые доктринальные установки были рассмотрены и одобрены Советом обороны СССР. Они были положены в основу коалиционной военной доктрины государств — участников Варшавского Договора. Документ под названием «О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора» был принят на заседании Политического Консультативного комитета этих стран в мае 1987 г. и опубликован [86].

Сопоставление основных положений военной доктрины НАТО и новой доктрины ОВД проводилось в рамках ОБСЕ на двух семинарах в Вене в 1990 и 1991 гг.

Политическая сторона доктрины определяла задачи по уменьшению опасности войны и ее предотвращению. Страны — участницы Организации Варшавского Договора заявляли, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не начнут первыми военных действий против какого бы то ни было государства (союза государств), если сами не станут объектом вооруженного нападения. В полной мере это касалось и ядерного оружия.

Данные заявления не были простой декларацией. Им соответствовали установленный порядок выработки решения на применение ядерного оружия, строго определенные способы нанесения ядерного удара, а также алгоритм функционирования автоматизированной системы управления Стратегическими ядерными силами ВС СССР и других систем управления войсками и оружием. Таким образом, применение советских СЯС и оперативно-тактического ядерного оружия могло осуществляться только в форме ответно-встречного или ответного удара по агрессору. Ряд специально осуществленных организационных и технических мер на пунктах управления ядерными средствами сделал нанесение упреждающего ядерного удара просто невозможным.

Доктрина содержала ряд инициатив по реальному разоружению. Памятуя, что самым главным и разрушительным из всех видов наступательного оружия является ядерное оружие,

в том числе и на театре военных действий, решено было начать именно с него, а затем продолжить этот процесс в области сокращения обычных вооружений. Анализ данных о составе и соотношении сил общего назначения, как и их ядерных средств, действительно показывает, что обоюдное силовое сдерживание базировалось на поддержании сторонами совокупного военного потенциала на таком высоком уровне, при котором победа в войне становилась уже невозможной. Неслучайно на протяжении всего существования двух блоков страны Варшавского Договора и государства НАТО не допустили даже небольшого вооруженного конфликта между собой. А поводов и причин для этого было более чем достаточно.

Общей целью реформы являлось создание в Европе такой военно-политической ситуации, когда бы и НАТО, и ОВД, надежно обеспечив свою оборону, не имели бы средств для внезапного нападения на другую сторону. Отсюда возникло такое понятие, как «разумная достаточность для обороны», под которой понимался уровень военной мощи государства или коалиции государств, соизмеримый с уровнем военной угрозы, характером и интенсивностью военных приготовлений вероятного противника. Она определялась потребностями обеспечения безопасности на минимально допустимом уровне при отражении агрессии с суши, воздуха, моря и из космического пространства.

С понятием «разумная достаточность для обороны» тесно связывалось понятие «силовое сдерживание агрессии», включающее в себя набор наиболее рациональных форм и методов нейтрализации существующих и потенциальных военных угроз. Под «силовым сдерживанием агрессии» понимался комплекс мер и действий коалиции государств, направленных на создание и поддержание такого уровня их совокупного оборонного потенциала, при котором противоборствующая сторона осознает, что возможные выгоды от ее превентивных действий заведомо уступят потерям от ответных действий потенциальных жертв агрессии. Цель состояла в том, чтобы заставить потенциального агрессора отказаться от мысли, что победа в войне останется за ним.

Соблюдение принципа достаточности для обороны требовало от сторон не только механического сокращения войск, сил и их вооружений, но и глубокой перестройки их структу-

Таблица 6. Сравнительные данные о численности вооруженных сил и вооружения ОВД и НАТО в Европе (1989)

Численность вооруженных сил и количество вооружения	По данным	
	ОВД*	НАТО**
Наземные войска ОВД, тыс. человек НАТО	3573	3090
	3660	2213
Танки ОВД НАТО	56 470	51 500
	30 690	16 420
БТР и БМП ОВД НАТО	70 330	55 110
	46 900	23 340
Артиллерия ОВД НАТО	70 600	43 400
	57 060	14 458
Боевые самолеты ОВД НАТО	7180	8250
	7130	3980
Вертолеты ОВД НАТО	2780	3700
	5270	2420

*Данные приведены в брошюре «Варшавский Договор и НАТО: соотношение сил в Европе». М., 1989.

**Данные опубликованы в брошюре США «Советская военная мощь», 1989. 8-е изд.

ры, дислокации, изменения характера военной деятельности, строительства вооруженных сил. В том числе необходимо было ликвидировать дисбалансы и асимметрии вооруженных сил государств двух противостоящих военных блоков.

Еще одним важным условием реализации принципа достижения достаточности для обороны должно было стать подписание договоренности об ограничении создания новых типов и систем оружия (как, например, системы ПРО США).

Таким образом, Организация Варшавского Договора выступала за сохранение военно-стратегического паритета на все более низком уровне, в пределах разумной достаточности для обороны, подразумевая такой состав и структуру вооруженных сил сторон, когда они способны отразить возможную агрессию, но сами не обладают возможностью осуществить нападение и вести крупномасштабные наступательные действия.

Раскрывая военно-техническую сторону новой советской военной доктрины и ее ключевой вопрос — подготовку вооруженных сил к отражению агрессии, Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев в своих воспоминаниях писал: «В случае агрессии мы отказались от перехода в короткие сроки после ее свершения к наступательным действиям — проведению наступательных операций. Было принято решение отражать нападение только оборонительными операциями, одновременно стремясь ликвидировать вооруженный конфликт. Преднамеренно отдавая стратегическую инициативу в войне агрессору, мы готовы были вести оборону в течение нескольких недель. И только затем, если вторжение врага прекратить не удастся, предполагалось развернуть широко-масштабные действия по нанесению поражения агрессору». Такой подход свидетельствовал о коренных изменениях советской военной стратегии, которая приобретала все более нереалистичные, «маниловские» черты. Тем более что оборонительный характер доктрины должен был отражаться не только в избранных и спланированных способах и формах боевых действий вооруженных сил, но и в направленности их подготовки.

Надо заметить, что многие военные руководители приняли эти нововведения настороженно, рассматривая их как очередное проявление политики односторонних уступок. Время показало, что для этих опасений были все основания. Трудно даже предположить, каких жертв потребовала бы практическая реализация новых доктринальных установок, случись крупномасштабная война.

Доктринальные установки ОВД конца 80-х гг. предусматривали не только поэтапное сокращение ядерных вооружений и ликвидацию другого оружия массового поражения, но и дальнейшее сокращение в Европе обычных вооруженных сил и вооружений, ликвидацию военных баз на территории других государств, вывод войск в пределы национальных границ, одновременный роспуск Североатлантического альянса и Варшавского Договора. Однако эта программа, как известно, оказалась нереалистичной.

Надо сказать, что накопленные запасы обычных вооружений в Европе действительно были колоссальны. Конечно, это не было случайным явлением. В основе определения численно-

сти и боевого состава советских войск на Западе, как и в целом ОВС ОВД, лежали расчеты советского Генерального штаба о необходимости первоначального создания и поддержания такого соотношения сил и средств с вероятным противником, которое в условиях, когда потери в войне превысят объемы возможного воспроизводства оружия и боевой техники, тем не менее обеспечат выполнение поставленных задач.

Переговоры между странами ОВД и НАТО по ограничению обычных вооруженных сил и вооружений в Европе, вяло ведущиеся с 1973 г., активизировались лишь после того, как в 1986 г. объект их рассмотрения был расширен с Центральной Европы на весь европейский континент: от Атлантики до Урала.

Следует заметить, что на Западе постоянно заявляли о «подавляющем превосходстве» стран ОВД по силам общего назначения, особенно по сухопутным войскам (именно здесь якобы существовали значительные диспропорции и асимметрии не в пользу НАТО).

В действительности фактическое соотношение в области сил общего назначения установить было далеко не просто. Времена, когда силы сторон соизмерялись только по количеству имеющихся «штыков» и «сабель», ушли в далекое прошлое. В 80-е гг. надо было сделать глубокий анализ реального предназначения, состава, уровня подготовки и возможностей группировок войск сторон и их вооружений в комплексе, с учетом их качественных характеристик, а не ограничиваться арифметическими сравнениями однотипных видов вооружений.

Так, в ГСВГ (ЗГВ) из 6700 имеющихся танков около 1200 (почти 20% от общего числа) было предназначено для прикрытия госграницы с ФРГ и побережья Балтийского моря. Это были в основном устаревшие тяжелые танки Т-10 и самоходные артиллерийские установки ИСУ-152, СУ-122. Организационно они входили в состав отдельных танковых полков и батальонов, дислоцированных в приграничной полосе. К ним относилась и 5-я отдельная танковая бригада на средних танках, прикрывающая морское побережье ГДР. Все эти части имели задачу в короткие сроки занять заблаговременно выбранные огневые позиции и, создав плотный противотанковый пояс, отразить

внезапное вторжение. После выполнения этой задачи перечисленные танковые части из боевого состава группы войск выводились. Как видим, пятая часть танков и САУ ГСВГ изначально не имела наступательных задач.

Данный пример подтверждает, что сделать обоснованный подсчет соотношения сил действительно было очень трудно из-за различия структур вооруженных сил ОВД и НАТО, большого разнообразия видов и типов вооружений, разности задач, а также субъективности подхода сторон.

Некоторые сравнительные данные о численности вооруженных сил ОВД и НАТО в Европе, по оценкам сторон на 1989 г., приводятся в *табл. 6*.

Таким образом, оценивая соотношение военных потенциалов сторон с учетом приведенных данных, можно сделать следующие выводы:

а) при примерном равенстве численности сухопутных войск и ВВС Североатлантический альянс в 2 раза превосходил ОВД по численности ВМС. НАТО также превосходило ОВД по количеству ударных самолетов фронтовой (тактической) и морской авиации, боевым вертолетам и противотанковым ракетным комплексам;

б) на стороне ОВД было превосходство в танках, самолетах — перехватчиках войск ПВО, БМП и БТР, а также в артиллерии;

в) по военно-морским силам НАТО превосходило ОВД по всем показателям, за исключением подводных лодок, особенно по количеству крупных надводных кораблей (включая авианосцы), а также по самолетам морской авиации.

В целом по обычным вооружениям между НАТО и ОВД в Европе существовал примерный паритет. Лондонский институт стратегических исследований сделал тогда такое заключение: «Общий баланс по обычным вооружениям таков, что ни одна из сторон не располагает достаточной совокупной мощностью для того, чтобы гарантировать себе победу».

На упомянутых переговорах об обычных вооруженных силах НАТО настаивал на сокращении только сухопутных войск и их вооружений (танков, артиллерии и бронемашин). Собственные ВВС и особенно ВМС они сокращать категорически не хотели.

Согласие ОВД на исключение ВМС из предмета переговоров по сокращению вооруженных сил в Европе было ошибочным, прежде всего потому, что оно ставило страны ОВД в изначально невыгодное положение. Но под большим нажимом все-таки удалось заставить Запад рассматривать на переговорах и проблему авиации, а также дать согласие на последующие переговоры по сокращению ВМС.

За день до подписания Договора по ОВСЕ с большим трудом были согласованы итоговые цифры.

Договор об обычных вооружениях в Европе (ОВСЕ), подписанный в Париже 19 ноября 1990 г., преследовал цель установить военно-стратегический паритет в обычных вооруженных силах и вооружениях на возможно низком уровне. Для этого для каждой группы стран были установлены предельные общие уровни, которые затем сторонами были уточнены для отдельных государств — участников коалиций.

На пути согласования параметров этого договора со стороны Советского Союза и его союзников кроме вышеупомянутых ВМС был сделан целый ряд и других серьезных уступок. Чтобы хоть как-то компенсировать это, советская сторона на заключительной стадии подписания Договора пошла на некоторые «военные хитрости», чтобы несколько облегчить себе выполнение обязательств по Договору:

а) с целью искусственного уменьшения общей численности Вооруженных Сил, подлежащих сокращению в Европе, был принят законодательный акт об исключении из состава Вооруженных Сил СССР Пограничных войск КГБ, Внутренних войск МВД, Железнодорожных войск, Войск ГО, Войск правительственной связи;

б) используя производимую перегруппировку войск, связанную с началом их вывода из стран Восточной Европы, военнополитическое руководство страны решило значительную часть подлежащих сокращению обычных вооружений передислоцировать из Европейской части СССР в его азиатскую часть, за Урал, с тем чтобы они не попали под уничтожение.

Об этом было известно США и другим западным странам. С.Ф. Ахромеев в письме помощнику президента США по национальной безопасности генералу Б. Скоукрофту, сообщал,

Таблица 7. Итоговые цифры вооружений по Договору по ОВСЕ

Вооружения	ОВД, всего	В том числе СССР	НАТО
Танки	35 479	20 725	23 429
Бронированные машины	44 357	29 628	34 025
Артиллерия	28 457	13 938	18 504
Боевые самолеты	8462	6420	6029
Ударные вертолеты	1737	1571	2671

что за Урал переведено: 16,4 тыс. танков (в основном более современных типов), 11,2 тыс. боевых бронированных машин, 25 тыс. артиллерийских систем и 1200 самолетов. Подобное перебазирование объяснялось необходимостью восполнения некомплекта подобной техники в войсках на Востоке, а также проведением замены устаревшего вооружения.

Однако еще до официального вступления Парижского договора в силу в 1992 г. устанавливаемый им паритет в обычных вооружениях был нарушен. После роспуска Варшавского Договора Североатлантический альянс стал превосходить СССР по танкам и артиллерии в 1,5 раза, по самолетам и вертолетам — в 1,3 раза. В результате распада Советского Союза превосходство НАТО над Россией по танкам и артиллерии достигло 3 раз, по БТР — 2,7 раза. С принятием в НАТО Польши, Чехии и Венгрии положения этого Договора окончательно деформировали систему безопасности в Европе и закрепили подавляющее превосходство альянса над Россией.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на все теоретические ошибки и практические неудачи, сама концепция разумной достаточности для обороны и сегодня не утратила своего значения. Многие ее концептуальные положения по-прежнему представляются логичными и обоснованными.

В целом история военной организации Варшавского Договора дает поучительный пример создания и деятельности крупной военно-политической коалиции, которая путем концентрации усилий союзных стран смогла противостоять исключительно

мощному Западному блоку, обеспечив условия, в которых Советский Союз и его союзники проводили суверенную внешнюю политику, решительно отстаивая свои государственные интересы.

5.5. Страны третьего мира как объект силовой политики сверхдержав

На войне исход менее, чем в любом другом деле, соответствует ожиданиям.

Тит Ливий

Холодная война развивалась в диалектическом единстве с другими бурными процессами, происходившими в мировом сообществе. Как уже отмечалось, в первые годы после окончания Второй мировой войны повсеместно и заметно выросло влияние левых сил (в том числе и коммунистов), чья деятельность была направлена против либеральной политики и партий, скомпрометировавших себя коллаборационизмом в военное время.

Руководители стран Запада приписывали происхождение и деятельность любой оппозиции Советскому Союзу, видя в каждой левой организации «руку Москвы», хотя на деле это был прежде всего объективный процесс.

Столь же объективным по своему характеру являлся быстро нараставший кризис колониальной системы, которая окончательно исчерпала себя.

В годы Второй мировой войны народы многих колониальных владений активно боролись с захватчиками, и после победы их возвращение в колониальное прошлое было невозможно. В 40–60-х гг. борьба за независимость развернулась в Индии, Индокитае, Бирме, Непале, Индонезии, Египте, Алжире, на Мадагаскаре, Кубе и многих других странах. Постепенно складывался так называемый третий мир¹.

¹ Считается, что термин впервые употреблен в 1952 г. французским ученым А. Сови, сравнившим страны третьего мира с третьим сословием. Изначально его использовали для характеристики стран, которые во время холодной войны не относились ни к первому миру (США и НАТО), ни ко второму миру (СССР и ОВД).

Правда, получив независимость, новые государства зачастую становились объектами явной или скрытой экспансии со стороны своих прежних метрополий или других стран Запада. Советский Союз, в свою очередь, был заинтересован в экспорте своих идеологических ценностей и распространении своего политического влияния. К этому следует добавить мотив экономической конкуренции, обострившей отношения США с Советским Союзом, особенно после того, как он и его восточноевропейские союзники отказались от «плана Маршалла», закрыв рынки Восточной Европы.

Так, страны третьего мира стали еще одной ареной непрерывного и жесткого противоборства за восполнение так называемого политического вакуума.

США, НАТО и другие блоки (СЕАТО, СЕНТО и др.), созданные в те годы западными державами, активно препятствовали сближению освобождавшихся колоний с СССР. С другой стороны, Запад не имел единой позиции в отношении новых государств: старые колониальные державы, прежде всего Великобритания и Франция, были кровно заинтересованы в максимальном сохранении своих политических и экономических позиций в бывших колониях, при этом они не без оснований подозревали своего «старшего союзника» — Соединенные Штаты — в собственной игре. И действительно, США долгое время занимали двойственную позицию. Белый дом, не будучи заинтересован в сохранении старых колониальных империй, не хотел дискредитировать себя участием в колониальных войнах, но был вынужден хотя бы номинально поддерживать своих партнеров из союзнической солидарности. Оптимальным для Вашингтона было предоставление колониям политической независимости с установлением там прозападных режимов, которые проводили бы политику «открытых дверей», наиболее выгодную США.

Такая сложная обстановка с неизбежностью порождала многочисленные кризисы, вооруженные конфликты и локальные войны, имевшие серьезные последствия как для стран-участников, так и для мира в целом.

Нет возможности рассматривать их все, однако целесообразно расставить некоторые акценты в наиболее показательных случаях.

Большой комплекс проблем возник в связи с послевоенным устройством Китая, где существовало два непримиримых социально-политических лагеря. Вашингтон всемерно помогал режиму Чан Кайши, тогда как Москва содействовала приходу к власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном. Однако внешний фактор был далеко не главным в китайском вопросе. Как поражение Чана, так и победа Мао стали результатом действия причин прежде всего внутреннего характера. Главным образом поэтому, а также в силу особой масштабности и известной самостоятельности «китайской темы», она остается за рамками этой книги.

Своеобразным центром нестабильности на Дальнем Востоке уже в первые послевоенные годы стала Корея [87]. Примечательно, что именно на Корейском полуострове быстрее, чем в каком-либо другом регионе мира, произошло открытое военное столкновение, за участниками которого стояли сверхдержавы. Речь идет о крупномасштабной локальной войне 1950–1953 гг., по сути дела — первой «горячей» войне в рамках холодной войны.

После победы над Японией Москва и Вашингтон разделили Корейский полуостров на две части по 38-й параллели. Летом 1945 г. с севера на территорию Кореи были введены советские войска, а осенью в южную часть этой страны вступили войска США. В 1945–1948 гг. Советским Союзом и Соединенными Штатами были приняты практические меры как на севере, так и на юге Кореи с целью утверждения там лояльных им режимов.

Для советского руководства Корея была весьма ценна как крупный форпост в Азии, как исходный пункт для распространения советского влияния в Восточной Азии и последующего проникновения далее на Восток. Корея была необходима и для США, чтобы «уцепиться за материк» и противодействовать Советскому Союзу в Азии. Вашингтону Корея также была нужна и как важный плацдарм на востоке, откуда (после потери Китая) американцы могли бы распространять свое влияние вглубь Азии.

В последние годы утвердилась точка зрения, что войну начал Север, и тому есть немало документальных свидетельств. Одна-

ко в действительности войны желали и на Юге, рассчитывая добиться победы с помощью США. Что касается позиции СССР, то имеются многочисленные достоверные подтверждения того, что Сталин занял в отношении конфликта осторожную позицию и делал все, чтобы конфронтация с Западом из-за Кореи не переросла во всеобщую войну.

Американский исследователь К. Везерсби на основе анализа большого массива источников пришла к выводу: Советский Союз еще в ходе Второй мировой войны пошел на большие уступки Соединенным Штатам по вопросу о послевоенной судьбе Кореи, согласился почти со всеми американскими предложениями на этот счет. Она убедительно доказывает, что Сталин не имел никаких видов на Южную Корею. Во имя поддержания союзнических отношений он даже отказывался поддерживать деятельность южнокорейской компартии в американской зоне оккупации. К. Везерсби убеждена, что Сталин ограничивался желанием сохранять установленный баланс сил в Корее в сочетании с контролем над Северной Кореей, которая бы играла роль буферного государства, способного защитить границу СССР в данном регионе и быть источником определенных ресурсов (в первую очередь, урановой руды). Сталин действительно настойчиво сдерживал Ким Ир Сена от похода на Юг из-за опасений перерастания локальной войны в новую мировую и согласился на военные действия Северной Кореи только под давлением Мао Цзэдуна.

Кровопролитная война в Корее продолжалась три года. Здесь под флагом «войск ООН» против Корейской Народно-Демократической Республики и Китайских народных добровольцев, поддерживавших КНДР, действовали войска нескольких западных государств. Соединенные Штаты открыто воевали на стороне Юга и спасли Сеульский режим от военного поражения.

Советский Союз формально участником войны не являлся, но применение в боевых действиях частей советской ПВО де-факто делало его стороной конфликта, что усиливало риск перерастания обычной войны в ядерную, особенно в случае применения США атомного оружия. Как уже отмечалось, намерения Вашингтона использовать атомную бомбу против

Китая встретили резкие возражения их европейских союзников (в первую очередь, Великобритании), опасавшихся, что СССР может ответить атомным ударом по объектам Западной Европы.

Корейская война стала крупнейшей по жертвам и разрушениям локальной войной XX в. Она завершилась перемирием, заключенным в июле 1953 г. На первый взгляд война закончилась вничью, стороны, что называется, остались при своих: политическое статус-кво сохранилось, а границы на Корейском полуострове не изменились ни на метр. Однако исход войны в Корее, по сути, означал поражение американской политики, ведь США оказались не в состоянии одержать военную победу. А в моральном отношении Соединенные Штаты и Запад в целом скорее проиграли.

Корейская война зримо показала, что мир разделился на два полюса, обладающих если не равной, то соизмеримой мощностью. Уже тогда появились первые сомнения в отношении принципиальной возможности достижения одной из сторон военной победы.

Корейская война стимулировала создание новых военно-политических альянсов. В 1951 г. возник АНЗЮС — военный блок в составе Австралии, Новой Зеландии и США В 1954 г. был создан аналогичный по целям блок в Юго-Восточной Азии — СЕАТО. Его участниками стали США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины. США также заключили двусторонние договоры с рядом стран Восточной Азии, сохранив за собой военные базы, в частности на Филиппинах, в Японии, Южной Корее и на Тайване. Советский Союз, в свою очередь, заключил двусторонние договоры с КНДР и КНР.

Таким образом, и в Восточной Азии образовалась линия разделения государств на два лагеря, вовлеченных в холодную войну [50].

Другим примером соперничества сверхдержав в третьем мире является борьба за Египет, кульминацией которой стал Суэцкий кризис. Его история достаточно подробно рассмотрена в предыдущей главе, здесь же мы ограничимся предельно краткой оценкой тех событий.

Расстановка сил в египетском конфликте была принципиально иной, чем в Корее. Если Великобритания и Франция, а также поддерживающий их Израиль, начав войну против Египта, стремились удержать его в подчиненном положении, то СССР и США, каждый исходя из своих интересов, рассчитывали укрепить свое влияние как в этой геополитически важной стране, так и в целом в Северной Африке. Для этого надо было вытеснить из региона старые колониальные державы и сохранить относительный суверенитет Египта. В этом отношении задачи Москвы и Вашингтона парадоксальным образом совпадали, что и предопределило их поддержку режима А. Насера. Разумеется, в дальнейшем цели сторон кардинально расходились, но первоначально существовали возможности для маневра: зная, что США не поддерживают тройственную агрессию, но при этом не пойдут на открытую конфронтацию со своими союзниками, СССР умело использовал противоречия в западном лагере. Заявление советского правительства о том, что СССР, защищая Египет, может применить новое ракетное оружие, практически немедленно остановило англо-франко-израильскую агрессию¹.

Таким образом, если в Корее Советскому Союзу удалось сохранить статус-кво, опираясь на непосредственное применение военной силы (союзной и собственной), то в ходе Суэцкого кризиса война была прекращена одной только угрозой ее применения.

В 1957–1964 гг. СССР очень активно налаживал отношения с Индией, Индонезией, Бирмой, Афганистаном, Ираном и другими странами третьего мира. Его руководители старались использовать для этого все возможности, включая установление личных контактов в ходе государственных визитов в эти государства. В свою очередь, Советский Союз посетили лидеры Индии, Индонезии, Ганы, Гвинеи, Мали, Судана, Сомали, Сенегала, Лаоса, Камбоджи и многих других государств.

Надо сказать, что Советский Союз не скрывал своих симпатий к национально-освободительному движению и открыто поддерживал силы, которые занимали наиболее радикальные,

¹ Известия. 1956. 6 нояб.

*Г.К. Жуков
и Д. Неру*

антиимпериалистические позиции. В Программе КПСС, принятой XXI съездом, делался вывод о том, что перед освобожденными странами открывается перспектива некапиталистического развития, которая оценивалась как «путь народов к свободе и счастью», способный «при жизни одного поколения» превратить отсталую страну в индустриальную, «искоренить социальное неравенство, обеспечить высокий материальный и культурный уровень жизни рабочего класса и всех трудящихся» [88]. Ради этой цели социалистические страны должны были объединить свои усилия.

Было подписано более 20 соглашений о сотрудничестве и предоставлении кредитов странам Азии, Африки и Латинской Америки. Размеры предоставляемой помощи были довольно значительны: так, Объединенная Арабская Республика¹ за ее счет покрывала до 50% ассигнований на экономическое

¹ Объединенная Арабская Республика (ОАР) — объединенное государство Сирии и Египта, существовавшее с февраля 1958 по сентябрь 1971 г.

развитие, Индия в ходе реализации второго пятилетнего плана — 15% [89].

Активизация контактов Москвы с новыми государствами, поддержка Советским Союзом национально-освободительных сил вызывали у США и их союзников негативную реакцию. Внешняя политика Кремля воспринималась на Западе как попытка лишить его рынков, источников сырья и распространить советскую систему союзов на весь мир. Ну а риторика некоторых лидеров СССР, в первую очередь Хрущева, только усиливала опасения.

В результате Запад решил усилить военное давление на СССР. После кризиса 1956 г. страны НАТО приняли «доктрину взаимозависимости», провозгласив курс на более тесную координацию своих действий. Значительно возросла их готовность силой оружия противодействовать нежелательным для них переменам в странах третьего мира, вплоть до свержения тех правительств, которые проводили линию на союз с СССР или даже попыток ликвидации целых государственных образований.

Вьетнамская война стала особенно показательной в этом отношении.

В июле 1954 г. подписанием Женевских соглашений завершилась восьмилетняя колониальная война Франции с Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ). Территория страны была разделена по 17-й параллели, причем если Север находился под властью правительства ДРВ, то на Юге со временем утвердилась проамериканская администрация. Воссоединение планировалось осуществить на основе всеобщих выборов, которые, однако, были сорваны сайгонским режимом. В Южном Вьетнаме началась гражданская война, в которую постепенно втягивается и ДРВ.

США, которые и так с 1950 г. оказывали Франции военную помощь, теперь значительно увеличили свое присутствие в регионе. В Вашингтоне пришли к выводу о необходимости жесткого противодействия «коммунистической экспансии в Азии» и поддержали сайгонский режим деньгами и оружием. Кроме этого Соединенные Штаты начиная с конца 50-х гг. постоянно наращивали свое военное присутствие в Южном Вьетнаме.

Американские вооруженные силы непосредственно вступили в войну в 1965 г. Поводом для начала масштабных боевых действий стал инцидент в Тонкинском заливе, который, как считает сегодня большинство исследователей, был организован самими американцами¹.

В первые четыре года войны американские войска провели ряд крупномасштабных наступательных операций, но не смогли добиться перелома в войне, даже несмотря на то, что на пике войны их численность составляла около 540 тыс. человек.

Уже к 1969 г. в Белом доме убедились в невозможности решения проблемы чисто военным путем и начали поиски выхода. При этом, однако, американцам было необходимо «сохранить лицо». Попытки Вашингтона навязать свои условия перемирия лидерам ДРВ, а позднее — прокоммунистической Республики Южный Вьетнам (РЮВ), образовавшейся на юге страны в противовес сайгонскому режиму, окончились неудачей. В ходе войны вьетнамский народ показал готовность к бескомпромиссной борьбе и твердую волю к победе, а руководство ДРВ не проявляло особой заинтересованности в мирных переговорах, требуя, чтобы США прежде прекратили бомбардировки вьетнамской территории.

Тем временем для США ситуация ухудшалась. Их действия во Вьетнаме настраивали против них мировое общественное мнение, а огромные затраты на войну ослабляли американскую экономику. Мужество и упорство вьетнамцев, поступающая им из СССР и Китая помощь и, как следствие, растущие потери, делали Белый дом все более «миролюбивым» [90].

В этих условиях США обратились к СССР с тем, чтобы он выступил в качестве посредника и помог воюющим сторонам достичь разумного компромисса. Американцы просили, чтобы Москва уговорила Ханой начать мирные переговоры, а также

¹ Тонкинский инцидент — общее название двух эпизодов (2 и 4 августа 1964 г.), произошедших в водах Тонкинского залива с участием военных кораблей США и Северного Вьетнама. Несмотря на отсутствие потерь с американской стороны и неясную природу самого инцидента, 5 августа американская авиация нанесла первые бомбовые удары по территории ДРВ. Главным последствием Тонкинского инцидента стало принятие конгрессом США резолюции, предоставлявшей президенту Л. Джонсону правовые основания для прямого использования вооруженных сил во Вьетнамской войне.

допустить представителей Красного Креста к американским пленным.

Этим вопросам была посвящена встреча председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина с президентом США Л. Джонсоном в Глассборо (США) в июне 1967 г. Советское руководство резко отрицательно относилось к вмешательству США в гражданскую войну во Вьетнаме. В то же время СССР, оказывая ДРВ военную помощь, получил возможность испытывать новые виды вооружения, а также доступ к новейшим образцам трофейного оружия и техники. К тому же проблемы американцев во Вьетнаме добавляли очков Советскому Союзу в продолжавшейся холодной войне. Таким образом, затягивание вьетнамской войны в определенном смысле было выгодно Москве.

И все-таки правительство СССР пошло навстречу США и оказало влияние на Ханой.

Предварительные американо-вьетнамские встречи состоялись в мае 1968 г., а спустя еще полгода начались официальные четырехсторонние (США, РВ, ДРВ, РЮВ) переговоры. Советский Союз, не являясь их официальным участником, играл заметную посредническую роль. Главным итогом переговоров стало соглашение сторон о прекращении войны, подписанное 27 января 1973 г. Война, длившаяся 15 лет, закончилась победой коммунистических сил и провозглашением 2 июля 1976 г. Социалистической Республики Вьетнам.

Вооруженные силы США потеряли во Вьетнаме около 58 тыс. человек погибшими, более 300 тыс. военнослужащих получило ранения. Вьетнаму война стоила, по разным оценкам, от 3 до 4 млн жизней. Основная часть погибших пришлась на мирное население. Война во Вьетнаме, где американцы зачастую вели себя с исключительной жестокостью, вошла в историю как «грязная», породив так называемый вьетнамский синдром в американском обществе, выразившийся в резком росте антивоенных настроений.

Локальные войны и вооруженные конфликты приносили идеологические и военно-политические дивиденды той сверхдержаве, которая стояла за победившей стороной и, напротив, дорого (во всех смыслах) обходились проигравшей стороне

и ее «патрону». Войны в Корее и Вьетнаме, Суэцкий кризис, поддержка национально-освободительного движения в целом усилили симпатии стран третьего мира к Советскому Союзу, укрепили его международный престиж. Это стало главной причиной того, что в 60–70-е гг. целый ряд государств Азии, Африки и Латинской Америки встал на путь социалистической ориентации.

Однако случалось и иначе.

В своей политике по отношению к третьему миру сверхдержавы стремились опередить друг друга с помощью превентивных акций. В соответствии с этой логикой в 1979 г. СССР ввел свои войска в Афганистан. Одним из мотивов такого решения Кремля была боязнь того, что Соединенные Штаты опередят Советский Союз и распространят свое влияние на эту важную в геополитическом отношении страну¹.

В Афганистане в апреле 1979 г. произошла так называемая Апрельская (или Саурская) революция, имевшая антизападный и антифеодальный характер. Власть в стране перешла в руки Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) во главе с Н.М. Тараки.

Однако проведение социальных реформ встретило сопротивление феодально-племенной знати, реакционной части духовенства, сторонников возвращения монархии. Сопротивление внутренней реакции при содействии США вскоре приняло характер вооруженной борьбы с новой властью. Афганистан, с которым у СССР существовали традиционно дружественные отношения, быстро втягивался, кровавую гражданскую войну.

Основу вооруженной оппозиции составило движение исламских фундаменталистов. На территории Пакистана, правительство которого полностью поддерживало это движение, была создана сеть баз и центров подготовки боевиков. К весне

¹ Сегодня, со ссылкой на американские источники, принято утверждать, что Афганистан был своего рода ловушкой для Кремля, попав в которую он сам во многом подготовил свое будущее поражение в холодной войне. Негативное влияние афганской кампании на СССР очевидно, но вряд ли разумно упрощать ситуацию, да и не все сводилось к негативу. Понятно, что и последующие события могли развиваться по разным сценариям.

1980 г. их насчитывалось уже около 80. Там же были образованы «Исламская партия Афганистана», «Исламское общество Афганистана», составившие главную политическую силу афганской контрреволюции.

НДПА, ставшая основой нового политического режима, неслала на себе все недостатки классовой и национальной структуры афганского общества. Не будучи единой, она состояла из двух противоборствующих фракций: «Парчам» («Знамя») во главе с Б. Кармалем и «Хальк» («Народ»), лидером которой был глава государства Н.М. Тараки. В основе вражды лежали не столько принципиальные разногласия в области теории и практики государственного строительства, сколько родоплеменная принадлежность их членов.

Захват власти в сентябре 1979 г. Х. Амином, одним из руководителей крыла «Хальк», и убийство им Тараки стали для страны началом новой полосы бедствий. Группа Амина развернула массовый террор против противников режима, в том числе и в армии. Курс на ускоренные социальные реформы проводился без учета народных традиций, религиозных убеждений и экономических возможностей страны. Все это вызвало недовольство широких слоев населения, что сразу же использовала внешняя и внутренняя реакция. Основным источником формирования ее боевых отрядов стал поток беженцев из Афганистана. В стране ширились вооруженные выступления против центральной власти. Многие районы и города оказались под контролем мятежников.

Одновременно усилились контакты Х. Амина с американскими представителями, в том числе по линии спецслужб.

В этих условиях руководство Советского Союза опасалось идти на открытый разрыв с афганским режимом, так как существовали серьезные опасения, что без советского влияния он пойдет на союз с США, которые после утраты своих позиций в Иране активно искали вблизи южных границ СССР новый опорный плацдарм.

Начиная с апреля 1979 г. лидеры Афганистана в связи с нарастанием «агрессивности» оппозиции неоднократно просили направить в страну советские войска. Учитывая негативные последствия подобной акции, эти просьбы отклонялись.

Однако в конце года руководство Советского Союза пришло к выводу, что правительство Афганистана собственными силами остановить вооруженный натиск оппозиции не сможет. Учитывая это, 12 декабря на заседании политбюро ЦК КПСС по предложению Ю.В. Андропова, Д.Ф. Устинова и А.А. Громыко было принято решение ввести советские войска в Афганистан. Оно было принято без предварительных консультаций с союзниками, хотя последствия подобной военно-политической акции лидера Варшавского Договора в той или иной степени касались всех его членов.

Правовой основой решения об оказании военной помощи был Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА 1979 г., который предусматривал подобную меру «в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран».

С принятием решения было начато формирование экспедиционного контингента войск для ввода в Афганистан. Его основу составили соединения и части, в основном сокращенного состава и кадра, дислоцированные в Туркестанском и частично в Среднеазиатском военных округах, а также войска, прибывающие из других военных округов. Всего было развернуто около 100 войсковых формирований, в том числе: управления общевойсковой армии и смешанного авиационного корпуса, четыре мотострелковые дивизии, артиллерийская, зенитная ракетная и десантно-штурмовая бригады, отдельный мотострелковый и реактивный артиллерийский полки, части разведки, связи, тыловые и ремонтные. Были доукомплектованы до штатов военного времени воздушно-десантные войска, части авиационно-технического и аэродромного обеспечения [91].

Вводимая группировка была призвана «оказать интернациональную помощь дружественному афганскому народу и создать благоприятные условия для воспреещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств». Советские соединения и части, разместившись в ключевых районах страны и взяв под охрану и контроль важнейшие объекты и коммуникации, должны были содействовать стабилизации обстановки в районах дислокации и высвобождения

дению афганских войск и других сил поддержания порядка и безопасности для непосредственной вооруженной борьбы с оппозицией, а также быть в готовности отразить возможную внешнюю агрессию. Прямое участие советских войск в боевых действиях не предусматривалось. В директиве на ввод войск не был даже определен порядок применения оружия в целях самообороны.

Ввод войск начался в 15:00 25 декабря по двум направлениям: из района Термез с переправой через реку Амударья в общем направлении на Кабул и частью сил на Кундуз и из района Кушки на Шиндант, Кандагар, а также по воздуху с высадкой воздушно-десантных войск в районе Кабула и перебазированием боевой авиации на аэродромы афганской армии. 27 декабря в Кабул вошли передовые части 108-й мотострелковой дивизии, которые вместе с подразделениями десантников взяли под охрану и контроль административные объекты столицы, аэродромы и военные городки, радио и телевидение. Вечером этого же дня был свергнут режим Амина. Сам Амин был убит в ходе штурма его резиденции советскими спецподразделениями. С вводом основных сил 40-й армии к середине января 1980 г. численность ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистане составила 82 тыс. человек. Но уже в 1985 г. численность группировки достигла 108,8 тыс. человек, в том числе в боевых частях — 73 тыс. человек.

Советские соединения и части совместно с афганскими войсками охраняли основные автомобильные дороги, обеспечивали проводку колонн с грузами, взяли под охрану объекты советско-афганского сотрудничества, обеспечивали охрану и функционирование аэродромов. Путем размещения советских гарнизонов поддерживались органы власти в провинциальных, уездных и волостных центрах.

Значительные усилия войск были направлены на осуществление охраны режимных зон, в системе которых было создано 860 сторожевых застав, где постоянно несло службу более 20 тыс. человек.

Однако постепенно задача ведения совместно с афганскими частями и подразделениями боевых действий по разгрому наиболее опасных отрядов вооруженной оппозиции, а также

борьба с караванами, доставляющими оружие и боеприпасы из Пакистана и Ирана, стала центральной. Причины такого положения заключались в слабости афганской армии, активизации действий бандформирований и настойчивых просьбах руководства страны.

Большое внимание уделялось организации засадных действий десантно-штурмовых подразделений с широким применением вертолетов.

Однако ввод советских войск и их военная деятельность в течение восьми лет не привели к подавлению вооруженного сопротивления оппозиции правящему в стране режиму. Наоборот, с каждым годом сопротивление нарастало. Если в 1981–1983 гг. численность формирований моджахедов составляла 45 тыс. человек, то к 1986 г. она возросла до 180 тыс. человек.

Советские войска вынуждено втянулись в гражданскую войну с негативными политическими последствиями, но без серьезных успехов в военном отношении. Результативность действий регулярных войск против небольших, чрезвычайно мобильных, поддерживаемых населением групп противника с их маневренной тактикой, к тому же в исключительно сложных условиях местности, была невысокой. Для советского командования становилось все более очевидным, что полностью разгромить мятежников и перекрыть пути их пополнения и снабжения силами существующей группировки войск невозможно.

Осознание того, что главными средствами борьбы с вооруженной оппозицией в Афганистане должны быть не военные действия, а хорошо продуманные политические, социально-экономические и организационно-пропагандистские мероприятия власти, привело к существенному изменению тактики действий ОКСВ. В последние годы советские войска отказались от проведения многочисленных полевых операций и сосредоточили усилия на удержании важных районов и обеспечении работы коммуникаций.

Условно пребывание советских войск в Афганистане по характеру выполняемых задач можно разделить на четыре периода.

Советские войска вступают в Афганистан

Первый (декабрь 1979 — апрель 1980 г.). Ввод войск, создание гарнизонов, обустройство, организация охраны различных объектов и пунктов дислокации.

Второй (март 1980 — апрель 1985 г.). Ведение широкомасштабных боевых действий совместно с афганскими войсками. Реорганизация и укрепление вооруженных сил ДРА.

Третий (апрель 1985 — январь 1987 г.). Переход от активных боевых действий к преимущественной поддержке афганских войск авиацией, артиллерией и инженерным обеспечением. Применение советских мотострелковых, танковых и воздушно-десантных частей прежде всего в качестве резервов и для повышения морально-боевой устойчивости афганских войск. Ведение подразделениями спецназа борьбы с караванами.

Четвертый (январь 1987 — февраль 1989 г.). Поддержка боевой деятельности афганских войск. Участие в наиболее важных войсковых операциях. Укрепление вооруженных сил ДРА. Подготовка к выводу войск и собственно их вывод [92].

В соответствии с подписанным в Женеве 14 апреля 1988 г. Соглашением по Афганистану четырех заинтересованных стран (Афганистана, Пакистана, Советского Союза и США) вывод советских войск был осуществлен с 15 мая 1988 по 15 февраля 1989 г.

Участие во внутреннем вооруженном конфликте в Афганистане было наиболее длительным и масштабным применением Вооруженных Сил Советского Союза за пределами своей страны в мирное время.

Сегодня преобладают негативные оценки решения о вводе войск в Афганистан, и основания для них, безусловно, есть. Эта война стоила дорого и в материальном, и в человеческом выражении. Военно-политические цели по стабилизации обстановки в ДРА и укреплению правящего там режима не были достигнуты. Ущерб, нанесенный международному престижу СССР, был значительным. Безвозвратные потери советских войск составили 14 тыс. 427 человек, санитарные — превысили 466 тыс. человек [93].

И все-таки нельзя однозначно оценивать это решение и эту войну. В том числе потому, что эпоха Горбачева изменила ход событий и извратила смыслы. К этому вопросу мы еще вернемся в следующей главе, а пока ограничимся замечанием, что само время доказало: мотивы, которыми руководствовались в Кремле в 1979 г., были весьма серьезными, а война, несмотря на все жертвы и потери, не была бессмысленной. Ее многочисленные последствия имеют комплексный характер и вряд ли могут быть охарактеризованы сколько-нибудь полно.

В 80-е гг. в Вашингтоне по-прежнему рассматривали мир через призму противодействия советскому «экспансионизму», с его делением на многочисленные геополитические зоны (Центральная Америка, Карибский бассейн, Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная Азия, Африка, Индийский океан, Персидский залив и т.д.). В идеологическом отношении на Западе выдвинули концепцию, согласно которой, в отличие от первой волны национально-освободительного движения, в 70–80-е гг. его характер изменился на антикоммунистический и направлен на свержение «советских колониальных правительств». Такой подход, в значительной степени надуманный, оправды-

вал любое применение Западом военной силы в конфликтах, способствующих конечному поражению «империи зла».

В этом ряду — «освобождение Гренады» (1983), поддержка США экстремистских группировок в Никарагуа, Афганистане, Анголе, силовые акции в Ливане (1982), Ливии (1986, 1988, 1989), Панаме (1989), поддержка действий Великобритании в конфликте с Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов (1982) и др. [94]. Обычной практикой стало нанесение «точечных» воздушных и ракетных ударов по объектам в странах с неугодными режимами (бомбардировки Ливии и Сомали, налет израильской авиации на иранские ядерные объекты). Все эти акции явились элементами политики силового устрашения стран третьего мира.

В целях оперативного военно-силового реагирования на изменение ситуации в мире и его отдельных регионах, США (НАТО) на систематической основе создавали и укрепляли специальные структуры военного вмешательства («силы быстрого развертывания» в США, Великобритании, Италии, Франции; «силы специальных операций»). На них возлагались такие задачи, как «борьба с терроризмом», «психологические операции и диверсионно-террористические акции. Специальные войска предназначались для проведения «противоповстанческих операций» и «для поддержки партизанской борьбы». В Пентагоне была утверждена должность «помощника министра обороны по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности» [95].

В целях противодействия Советскому Союзу в третьем мире в НАТО была разработана концепция так называемых прифронтовых государств, чья роль заключалась в защите «жизненных интересов» Запада. К их числу были, например, отнесены Израиль, Пакистан, Таиланд, Южная Корея. Этим государствам предоставлялась безвозмездная военная помощь с целью «по доверенности» противостоять просоветским режимам.

Вообще предоставление военной помощи развивающимся странам, со стороны как США, так и СССР, стало одним из наиболее характерных проявлений их политики в годы холодной войны. Доля военной помощи иностранным государствам в государственном бюджете США достигла в 80-е гг. 8% [96].

СССР, поддерживая дружественные режимы в Северной Корее, Вьетнаме, Кампучии, Лаосе, Анголе, Никарагуа, Афганистане и ряде других стран, также помогал им советниками, вооружением, материальными ресурсами. Однако нередко средства выделялись нерационально, без учета конкретной обстановки и перспектив развития ситуации (например, в отношении режима И. Амина в Уганде и др.). Ошибки негативно сказывались на международном престиже СССР и дорого обходились его экономике.

Возрастание роли военной силы в политике США и СССР по отношению к развивающимся странам приводило к их вынужденной милитаризации, отражалось на экономике, политических, социальных и духовных процессах. Например, численность вооруженных сил этих государств в 1960–1985 гг. выросла в 2 раза, в то время как социальные ассигнования остались на прежнем уровне или даже сократились. 8 июля 1981 г. президент США Р. Рейган подписал директиву, максимально стимулирующую продажу американской военной техники и технологий ее производства. Предусматривалось, что другим странам оружие может передаваться в пользование с целями: укрепления взаимной безопасности США и их союзников, обеспечения региональной стабильности и др. В результате только в 1982–1983 гг. число соглашений на продажу американских военных технологий развивающимся странам увеличилось с 95 до 192, а в 1985 г. — до 262 [97].

Таким образом, применение военной силы, ее характер и масштабы в ходе вооруженных конфликтов в годы холодной войны в значительной мере определялись борьбой сверхдержав за разграничение сфер влияния. И СССР, и США стремились добиваться своих целей политическими средствами, подкрепляемыми силовым давлением. Соединенные Штаты, располагая наибольшей военной мощью, активно использовали ее и как фактор устрашения, и по прямому предназначению. Однако, как показали локальные войны в Корее, на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии, это далеко не всегда приводило к успеху.

СССР, в свою очередь, добился значительного влияния в третьем мире, где многие оценивали Советский Союз как опору

в борьбе за независимость и суверенитет. Его успехи в освоении космоса, укреплении военного могущества производили большее впечатление в третьем мире, что способствовало укреплению военного сотрудничества СССР с развивающимися странами.

Однако со временем притягательность просоветской ориентации для стран третьего мира становилась все меньше. Главным образом потому, что Советский Союз вступил в период стагнации. Ослабление качества государственного руководства усугубляло ситуацию. Внутриполитические и экономические трудности заставили СССР в 80-е гг. резко уменьшить масштабы помощи третьему миру. Кризисные явления нарастали и в странах ОВД.

К тому же казалось, что политика перестройки сблизила Москву и Вашингтон, нивелировала разницу между ними. Однако, как вскоре выяснилось, новый курс Кремля строился на односторонних уступках, а это всегда приводит к «потере лица». В этом отношении показательна история с вторжением Ирака в Кувейт и последующие события. Операция по освобождению Кувейта проводилась под эгидой США при согласии Советского Союза, что в глазах многих стран третьего мира было расценено как сдача союзника. В целом последние годы холодной войны (1985–1991) показали, что в эффективной политике нет места сантиментам и прекрасодушию. Односторонние уступки, как системное, а не разовое явление, сродни национальной измене. К тому же они «развращают» противоположную сторону, провоцируют ее на новые требования, что в конечном счете только ухудшает ситуацию.

Опыт локальных войн и вооруженных конфликтов послевоенного периода оказался весьма полезным с точки зрения развития военной науки, он оказал заметное влияние на строительство и организационную структуру современных вооруженных сил. Под его воздействием проводились и проводятся реорганизации армий многих государств (включая Россию), смысл которых сводится к адаптации вооруженных сил к требованиям современной войны.

* * *

Опыт применения военной силы в биполярном ядерном мире имеет большое значение и в современных условиях. Его анализ позволяет сделать ряд важных выводов.

Ракетно-ядерное оружие произвело переворот не только в военном деле, но и в политике. Военная сила, превратившись в ключевой фактор постоянного действия, стала играть в ней неизмеримо большую роль, чем в прошлые эпохи. При этом ракетно-ядерное оружие, не меняя своей природы, превратилось из средства достижения победы в средство сдерживания. Произошло это в рекордные, с точки зрения истории, сроки. Материализовался парадокс, когда оружие тотального уничтожения гарантирует мир, спасая его от очередной глобальной войны. Необходимыми условиями такого положения дел стали: во-первых, то, что ОМП получили обе противоборствующие в холодной войне стороны; во-вторых, осознание ими гибельности ядерной войны. Эти условия реализовались не сразу, а через серию критических ситуаций, каждая из которых могла завершиться трагически.

Военное соперничество между США (НАТО) и СССР (ОВД) разворачивалось в формате «вызов — ответ», причем Соединенные Штаты всегда являлись иницилирующей стороной. Получив ядерное оружие в монопольное владение, США претендовали на глобальное лидерство и в борьбе за него были готовы на все. Атомные бомбардировки Японии показали это достаточно ясно.

Советский Союз изначально был поставлен перед необходимостью ликвидировать свое отставание, поскольку иначе он не мог обеспечить собственную безопасность и суверенитет. Первоначально расчет строился на асимметричном ответе на американский ядерный вызов: в случае удара США по СССР планировалось предпринять наступление в Европе мощными группировками сухопутных сил. История показала, что потенциальная возможность такого сценария хорошо понималась Западом и выступала в качестве сдерживающего фактора. Так, во время Корейской войны европейские союзники США, опасаясь прорыва советских танковых армий вглубь Западной Европы, удержали президента Г. Трумэна от применения атомного оружия по Китаю.

Но данный сценарий являлся лишь временным и не вполне надежным решением проблемы. Только обладание ядерным оружием и средствами его доставки к цели гарантировало безопасность. Решение этой важнейшей задачи стало колоссальным военно-политическим успехом Советского Союза.

Однако, втянувшись в ракетно-ядерную гонку, СССР, в силу невозможности изменить ее «правила», был обречен на роль вечного догоняющего. И хотя ценой огромных усилий он достиг стратегического паритета с Соединенными Штатами, огромные и все возрастающие военные расходы ослабляли страну. «Зеркальный ответ» СССР, при всей своей вынужденности и в определенной мере — неизбежности, не мог быть эффективным в силу заметной разницы в экономическом развитии между Советским Союзом и США. Сегодня понятно, что на каком-то этапе следовало остановиться, ограничившись возможностью нанести своему противнику неприемлемый ущерб, а сэкономленные средства направить на развитие науки, модернизацию производства, стимулирование роста благосостояния населения.

Но это сейчас легко судить, а тогда логика холодной войны предполагала, что любая ошибка может оказаться фатальной. Карибский кризис стал в этом смысле знаковым событием. Показательно, что США, располагая многократным превосходством в стратегических вооружениях, тем не менее предпочли компромисс альтернативе атомной войны, потому что Советский Союз обладал возможностью нанести ракетно-ядерный удар по густонаселенной восточной части Соединенных Штатов и причинить им неприемлемый ущерб. Исключительная чувствительность США к людским потерям в сочетании с убежденностью, что СССР готов на любые жертвы, чтобы отстоять свою независимость и национальные интересы, дополнительно стимулировали американскую «уступчивость».

По нашему мнению, Карибский кризис заставил США изменить содержание холодной войны и стратегию ее ведения. С одной стороны, им было необходимо укрепить собственную безопасность, поколебленную достижениями СССР в ракетно-ядерном соревновании. С другой стороны, и это было главным, Соединенные Штаты сделали основную ставку на скрытые

формы противоборства, имея конечной целью ликвидацию Советского Союза.

Растущий уровень автоматизации управления ракетно-ядерными арсеналами и увеличивающееся количество ядерных боеголовок на новых носителях грозили вывести это оружие из-под контроля человека, увеличивали опасность «несанкционированного апокалипсиса». Сдерживание, основанное на равной опасности, постепенно трансформировалось в сдерживание на принципах равной безопасности потому, что угроза случайного развязывания глобальной ядерной войны выросла до крайне опасных пределов.

Политика разрядки, несколько замедлив количественный рост стратегических вооружений и снизив риск случайного начала войны, стимулировала борьбу за качество оружия. При этом США начали заметно опережать СССР. Ошибки, допущенные в экономической политике Советского Союза в 70-е гг., когда страна имела значительные доходы за счет высоких мировых цен на нефть, не позволили исправить ситуацию. «Нефтедоллары», истраченные на потребление, а не на инвестиции, прежде всего в сферу науки и производства, пропали зря.

В начале 80-х гг. США развернули в Европе новые баллистические ракеты средней дальности и крылатые ракеты морского, воздушного и наземного базирования. Будучи высокоточным оружием, они могли действовать с любого носителя, имели сравнительно низкую стоимость, обладали высокой живучестью, а борьба с ними требовала больших затрат. Эта военно-политическая акция в сочетании с программой СОИ стала последним этапом гонки вооружений в холодной войне.

Реалии ядерного века доказали бесперспективность ядерной войны как средства «продолжения политики», ее губительность для мировой цивилизации, но ракетно-ядерное оружие продолжает сохранять одно из приоритетных мест в арсенале средств силового давления. Не стоит, правда, забывать о том, что во времена холодной войны оно было далеко не единственным вариантом применения военной силы. Немалую роль играли и непрерывно совершенствовавшиеся обычные, «конвенционные» вооружения.

Вообще опора на военную силу была характерна не только для непосредственного соперничества двух сверхдержав. Ведя системное противоборство, они активно использовали ее и в битве за третий мир. Антиколониальные революции и национально-освободительная борьба сопровождались каскадом локальных войн и конфликтов. «Политический вакуум», образовавшийся в результате крушения колониальных империй, активно заполнялся новыми центрами силы — США и СССР.

Соединенные Штаты Америки и их союзники, следуя доктрине «сдерживания коммунизма», нередко непосредственно участвовали в войнах (Корея, Египет, Индокитай, Вьетнам), в которых Советский Союз поддерживал антизападные силы.

В результате этого третий мир стал еще и своеобразным полигоном проверки, доводки и совершенствования нового оружия, а также выработки наиболее эффективных способов его применения. Это особенно наглядно проявилось в Корее и Вьетнаме.

Но преимущественно борьба велась Западом с помощью подкупа национальных элит, поставок оружия, использования разного рода «советников», подрывной деятельности. Низкая эффективность прямого вооруженного вмешательства в дела третьего мира (французы во Вьетнаме, англичане в Малайзии, американцы в Корее и т.д.) во многом способствовала рождению стратегии «быстрого реагирования» с ее широким диапазоном применения различных средств военного давления. Однако во все времена случались рецидивы открытой интервенции: США — Доминиканская республика, Гватемала, Гаити, Ирак; Франция — Алжир; Великобритания — Фолкленды.

Опыт локальных войн и конфликтов «низкой интенсивности» выявил ряд закономерностей использования в них военной силы. Выяснилось, что стратегия США и их союзников на достижение победы преимущественно силами авиации оправдывается лишь частично (Корея, Вьетнам, Югославия, Ирак). Только в сочетании с масштабным использованием сухопутных войск гарантируется полный успех. Войска «цивилизованных» стран в войнах против стран третьего мира на необорудован-

ных ТВД зачастую показывали себя более уязвимыми, чем их противник, а борьба с партизанами оказалась неэффективной и потребовала новых организационных решений. Стало также понятно, что чрезмерная боязнь больших потерь и вызванного ими общественного прессинга приводит к нерешительности в действиях и как раз увеличивает потери.

Со временем усложнение военной техники, ее возросшие боевые возможности стали позволять решать тактические и оперативные задачи небольшими, но высоко подготовленными контингентами войск. Это привело в большинстве развитых стран к переходу на контрактную или смешанную систему комплектования войск, что, в свою очередь, обусловило изменения в организации подготовки и переподготовки военных кадров. В ряде стран одновременно были сформированы достаточно крупные резервы военных специалистов.

Важным элементом технического развития вооруженных сил под влиянием опыта боевых действий в войнах и вооруженных конфликтах эпохи холодной войны стало повышение их стратегической и тактической мобильности. Мобильность в стратегическом отношении достигается не только путем создания большегрузных морских и воздушных средств для быстрой доставки войск в районы конфликтов, но и применением так называемых частей двойного базирования. Они постоянно дислоцируются, например, на американской территории, а вооружение и военное снаряжение находится в других странах, на военных базах. В случае необходимости эти части быстро перебрасываются туда, где уже есть все необходимое для ведения боевых действий. Тактическая мобильность обеспечивается за счет аэромобильных частей и подразделений.

Военный потенциал Советского Союза всегда выступал гарантом его безопасности и являлся необходимым условием мирного развития. С разрушением СССР прекратил существование биполярный мир. Складывающийся многополюсный мир, ослабив опасность возникновения глобальной ядерной войны, принес, однако, новые опасности и угрозы.

История использования ядерных и обычных средств военной силы на разных этапах холодной войны, опыт их приме-

нения в периоды политических кризисов и военных конфликтов позволяет извлечь существенные уроки для современной России.

Оружие стратегического назначения и сегодня остается неотъемлемым компонентом политики. Его роль все так же огромна, а его применение в войне по-прежнему угрожает гибелью человеческой цивилизации. Очевидно, что и в обозримом будущем большое значение будут иметь модели международной и национальной безопасности, в том числе основанные на ракетно-ядерном сдерживании. Конечно, имеющиеся договоренности по ограничению стратегических вооружений снизили уровень ядерной угрозы. Однако сейчас необходимы новые гарантии сохранения мира с учетом интересов всех сторон и с участием всех членов «ядерного клуба».

С учетом западных планов создания «непреодолимой противоракетной обороны» и, как следствие, слома системы взаимной безопасности, тема возможного применения ядерного оружия Соединенными Штатами и их союзниками против других стран перестает казаться фантастической. Поэтому в современных условиях, когда российский ракетно-ядерный потенциал вновь заметно уступает американскому, а паритете в обычных вооружениях и речи не идет, отечественная доктринальная установка, допускающая не только ответный, но и ответно-встречный или даже первый (превентивный) ракетно-ядерный удар, представляется абсолютно правильной.

В XXI в. следует ожидать не только развития различных видов нетрадиционного оружия (лазерное, пучковое, инфразвуковое, сейсмическое, ЭМИ-оружие и т.д.), но и дальнейшего совершенствования ядерного оружия, миниатюризации ядерных боеприпасов. В поддержании мира и нераспространении ядерных технологий заинтересовано все мировое сообщество. В свете расширения «клуба ядерных держав» России следует совместно с США и другими членами мирового сообщества принять все меры к тому, чтобы усилить контроль в отношении стран, близких к созданию ядерного оружия, «модернизировать» договоренности о нераспространении ядерного оружия, ядерных материалов, двойных технологий. Эта приоритетная

задача далеко выходит за узкие национальные рамки. Целесообразно продолжать поиск компромиссного решения по проблеме ПРО. Соответствующее соглашение могло бы быть распространено на широкий круг стран.

В современных условиях все более острой становится проблема создания глобальной системы безопасности, опирающейся на новейшие достижения в области радиоэлектроники, космонавтики, информационных технологий, высокоточного оружия, противоракетной обороны.¹

¹ Исследованием роли военной силы в мировой политике давно и плодотворно занимается крупный военный философ и историк С.А. Тюшкевич, чей значительный вклад в развитие научных представлений о сущности войны и ее эволюции несомненен.

ГЛАВА 6

Финал

Глубочайшая правда войны состоит в том, что исход битвы решается в разумах военачальников, а не в телах их воинов.

Б. Лидлл Гарт

*Стадо баранов во главе со львом — львы,
а стадо львов во главе с бараном — бараны.*

Римская поговорка

Мы уже говорили о том, что в силу специфического характера холодной войны ее хронологические рамки определяются историками достаточно произвольно. На наш взгляд, наиболее обоснованно датировать окончание холодной войны 1991 годом.

Трагический момент разрушения советской сверхдержавы, ее исчезновения с политической карты мира выбран здесь в качестве критерия не случайно¹. То, что США и его союзники вели бескомпромиссную борьбу с Советским Союзом, имея конечной целью его уничтожение, — исторический факт. 8 декабря 1991 г. СССР не стало. Другой вопрос: в какой степени его гибель была результатом холодной войны?

Хорошо известно латинское изречение: «Post hoc, non propter hoc» — «После этого — не значит вследствие этого». Ответ на

¹ Автор понимает, что оценка крушения СССР как трагедии разделяется не всеми. Но здесь, по большому счету, нет места субъективизму. Гибель любого государства объективно является трагедией для многих его граждан. Может быть, поэтому злорадство по поводу «смерти Советского Союза», которое порой демонстрируют публичные персоны, производит столь отталкивающее впечатление.

поставленный выше вопрос впереди, а пока заметим, что хотя невозможно отрицать наличие связи между холодной войной и распадом Советского Союза, едва ли правильно все сводить только к этому. И еще один важный предварительный момент: по нашей версии, завершающий период холодной войны хронологически совпадает с периодом проведения «политики перестройки» в СССР.

В марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М. С. Горбачев. Его приход к власти знаменовал собой начало кардинальных перемен не только для Советского Союза, но и для всего мира.

Реальная необходимость серьезных изменений во внутренней и внешней политике СССР осознавалась как новым лидером, так и обществом в целом, что первоначально обусловило высокий уровень народной поддержки курса перестройки. Разногласия выявились позднее, и касались они практически всех вопросов теории и практики реформирования государства.

Новое советское руководство было весьма заинтересовано в улучшении отношений с Западом. К середине 80-х гг. гонка вооружений тяжелым бременем легла на экономику СССР. Задуманные радикальные реформы было невозможно осуществить без значительного сокращения военных расходов и перепрофилирования части военно-промышленного комплекса, который, по сути, замкнул на себя почти всю хозяйственную деятельность. С этой же, реформаторской точки зрения не менее важное значение имела демилитаризация общественной жизни: разрушение психологии «осажденной крепости», отказ от упора на силу как оптимальное средство разрешения конфликтов, уменьшение роли армии и КГБ и др.

Внешнеполитическая обстановка также стимулировала перестроечный пыл Горбачева. К середине 80-х гг. стало ясно, что практически все союзники СССР по ОВД и СЭВ находятся на пороге системного кризиса. Помощь странам третьего мира, провозгласившим социалистическую ориентацию, обходилась дорого, а результат давала небольшой. Перспективы афганской войны становились все более туманны при очевидной невозможности сугубо военного решения проблемы. Наметилось отставание от Запада в гонке вооружений,

особенно в том, что касалось их качества. Даже сохранение военно-стратегического паритета уже не казалось группе Горбачева надежным средством защиты национальных интересов СССР.

Смена внешнеполитической стратегии была подготовлена и качественными изменениями, произошедшими в сознании определенной части советской элиты. В московских «мозговых центрах», в среде научной и творческой интеллигенции, высокопоставленных чиновников и крупных хозяйственников, даже в партийном аппарате нарастало ощущение общего неблагополучия. В этих условиях Горбачев и группа его единомышленников, пытаясь нормализовать международные отношения, выступили с публичной инициативой прекращения холодной войны в рамках предложенной ими политики «нового мышления».

Уже спустя год-два внешняя политика Горбачева, его постоянная готовность идти на односторонние уступки Вашингтону без твердых гарантий национальных интересов стала встречать нарастающее сопротивление в партийном руководстве, военно-промышленном комплексе, армии. Это сопротивление значительно усилилось в конце 80-х гг., когда стало ясно, что из холодной войны Советский Союз выходит значительно ослабленным, утратившим положение сверхдержавы. Но в 1985 г. казалось, что ничто не предвещает подобного исхода. Более того, имелись основания для осторожного оптимизма.

В августе 1985 г. Советский Союз принял решение в одностороннем порядке прекратить любые ядерные взрывы. Этот мораторий действовал полтора года. США за это время провели более 20 ядерных испытаний. При этом Вашингтон утверждал, будто советская сторона уже осуществила запланированную программу ядерных испытаний, обогнав США по количеству проведенных ядерных взрывов. В действительности с 1966 по 1985 гг. СССР провел 329 ядерных взрывов, США — 548¹.

Отказ США присоединиться к советскому мораторию привел к тому, что исторический шанс прекратить все ядерные испытания оказался тогда упущен. Однако весь комплекс мирных

¹ Правда. 1987. 13 марта.

Встреча М.С. Горбачева и Р. Рейгана. Женева, 1985 г.

инициатив СССР, включавший как односторонние шаги, так и конкретные предложения по прекращению гонки вооружений, имел большое значение как фактор подготовки мирового общественного мнения к мысли о возможности и необходимости прекращения гонки ядерных вооружений, поддержания военно-стратегического паритета на минимально возможном уровне.

Главным событием года в международных отношениях стали переговоры президента США Р. Рейгана и М.С. Горбачева, состоявшиеся в ноябре в Женеве. Это была первая встреча на высшем уровне за почти шестилетний период, которая, по сути, подвела черту под тем историческим отрезком, когда и в Вашингтоне, и в Москве практически отвергалась возможность серьезного диалога. Тогда США, с легкой руки Рейгана, объявили Советский Союз «империей зла», а руководство СССР полагало, что в сложившейся обстановке переговорный процесс между двумя сверхдержавами стал бесперспективен.

Еще в июле в Москве была обнародована новость, привлекавшая внимание всего дипломатического мира, — было объявлено о том, что А.А. Громыко, почти 30 лет занимавший пост

министра иностранных дел, оставляет свою должность (он стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР). Это событие было знаковым, ибо означало окончание целой эпохи в советской дипломатии. Громыко, будучи политиком сталинской школы, отличался профессионализмом, упорством, настойчивостью и твердостью. Вместе с тем ему порой не хватало гибкости и динамизма. Новые подходы, которые декларировал Горбачев, требовали новых людей. Назначение главой МИД бывшего первого секретаря ЦК КП Грузии Э.А. Шеварднадзе, не имевшего никакого дипломатического опыта, было воспринято неоднозначно, но Горбачев нуждался в единомышленнике, готовом осуществлять его замыслы, и с этой точки зрения его выбор был оправдан. Шеварднадзе, прибывший на 40-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН, передал 27 сентября Рейгану личное послание Горбачева, где были сформулированы новые советские инициативы в области ядерных и космических вооружений. Они сводились к следующему:

— США предлагался взаимный запрет на ударные космические вооружения;

— на 50% (до 6 тыс. ядерных зарядов) предлагалось сократить стратегические наступательные вооружения;

— СССР считал возможным заключение соглашения о ядерных средствах средней дальности отдельно, вне связи с другими вопросами;

— выражалась готовность вступить в переговоры с Францией и Великобританией по вопросам ядерного оружия в Европе;

— заявлялось о том, что советские ракеты СС-20, развернутые в Европе в качестве ответной меры на установку там американских «Першингов», сняты с боевого дежурства. СССР также снял с вооружения ракеты СС-5 и готовился сделать то же с ракетами СС-4.

Советские предложения, носившие компромиссный характер, оказались для американской администрации в определенной мере неожиданными. Самой трудной в переговорном смысле проблемой являлась стратегическая оборонная инициатива (СОИ), предполагавшая размещение в космосе систем ПРО, что было явным нарушением советско-американского договора

1972 г. США не собирались до определенной поры отказываться от СОИ и потому не торопились реагировать на инициативы СССР, время работало на них.

Встреча в Женеве между Горбачевым и Рейганом открылась в атмосфере сохраняющегося взаимного недоверия. Она проходила 19–21 ноября 1985 г. Оба лидера признали наличие глубоких разногласий между СССР и США, но «выразили надежду внести свежую струю» в отношения двух сверхдержав. Состоялось несколько бесед один на один (этот формат вскоре стал популярным в контактах Горбачева с западными руководителями), а также прошли переговоры делегаций в полном составе.

Наиболее трудно развивался диалог относительно программы «звездных войн» и сокращения ядерных вооружений. Как и ожидалось, договориться по этим ключевым проблемам не удалось. Затрагивались темы региональных конфликтов и прав человека, но они не получили большого развития.

В итоговом советско-американском заявлении констатировалось, что ядерная война не должна быть развязана и в ней не может быть победителей. Обе стороны подчеркивали важность предотвращения любой войны между ними (ядерной и обычной) и заявляли, что не будут стремиться к достижению военного превосходства. Вопросы ядерного разоружения и СОИ в документе не затрагивались, поскольку именно по ним наблюдались коренные разногласия. В целом встреча, хотя и не стала позитивным прорывом в отношениях двух сверхдержав, но принесла значительную морально-политическую пользу. Важным было и преодоление известного психологического барьера, препятствовавшего нормальному межгосударственному диалогу. Рейган и Горбачев договорились о том, что их контакты продолжатся в будущем уже на американской и советской земле.

Несмотря на то что на встрече в Женеве не было достигнуто большого прогресса, тем не менее создались предпосылки для постепенного перехода к нормализации взаимоотношений СССР и США и общего оздоровления международной обстановки. Оживились двусторонние контакты и связи, были достигнуты договоренности по возобновлению прямого воздушного

сообщения и открытию генконсульств в Нью-Йорке и Киеве и др. Но в целом советско-американские отношения оставались сложными и достаточно напряженными.

В 1986 г. сторонам удалось выйти на новый этап переговоров по ограничению и сокращению ядерных вооружений: СССР и США, хотя и по разным причинам, нуждались в продолжении и развитии контактов. 1 января по предложению американского президента Горбачев и Рейган выступили с новогодними телевизионными обращениями соответственно к американскому и советскому народам, что должно было продемонстрировать новый характер взаимоотношений между государствами. В Белом доме полагали, что после этой пропагандистской акции пауза не затянется — Кремль вскоре вновь проявит инициативу, и не ошиблись в своих прогнозах. 15 января посол СССР в США А. Ф. Добрынин передал через госсекретаря Дж. Шульца личное послание Горбачева Рейгану. Документ содержал «Программу ядерного разоружения до 2000 года», получившую вскоре большой международный резонанс.

Программа представляла собой трехэтапный план сокращения ядерных вооружений (носителей и боезарядов), вплоть до их полной ликвидации. Предполагалось, что будет уничтожено не только стратегическое, но и тактическое атомное оружие с одновременным запретом ударных космических вооружений. Учитывался и вопрос сокращения обычных вооружений. Делались конкретные предложения по срокам. При этом не были игнорированы и последние американские разоруженческие инициативы. Все это позволяло найти практическую базу для возможного компромисса. Особую важность программе придавало то, что в ней было зафиксировано согласие СССР на далеко идущие сокращения СНВ, а именно к этому на словах призывали американские лидеры. Предложение Советского Союза позволяло получить, помимо всего прочего, большой пропагандистский эффект и перехватить инициативу в вопросах разоружения.

Администрация Рейгана столкнулась, таким образом, с более активной и наступательной советской внешней политикой, чем это было раньше, и это должно было подтолкнуть ее к позитивной и быстрой реакции. Тем не менее ответные заявления

Рейгана были уклончивыми, а К. Уайнбергер — министр обороны США вскоре публично отклонил предложение Горбачева о моратории на ядерные испытания. Но Вашингтону было важно не оттолкнуть Горбачева, а вынудить его действовать в нужном для США направлении. Поэтому одновременно по конфиденциальным каналам советскому руководству было сообщено, что американская сторона видит в программе много положительных моментов. Наиболее назревшей проблемой американцы назвали ликвидацию ракет средней дальности в Европе. Ничего более конкретного сообщено не было [1].

Только 22 февраля посол США в СССР А. Хартман передал советскому руководству официальный ответ Рейгана. Президент США излагал собственные контрпредложения, особо выделяя при этом идею Горбачева о ликвидации ракет средней дальности в Европе. Однако Рейган настаивал на включении в предполагаемое соглашение аналогичных советских ракет в Азии. Сокращение СНВ президент увязывал с согласием СССР на реализацию программы СОИ и односторонними сокращениями советских обычных вооружений. Относительно моратория на ядерные испытания положительного ответа дано не было. Стало понятно, что США хотят от СССР больше, чем готовы дать сами. Но это не смутило Горбачева, и постепенно стороны сформировали комплекс вопросов для обсуждения на очередной советско-американской встрече на высшем уровне.

11–12 октября 1986 г. в столице Исландии Рейкьявике прошли переговоры между советским и американским лидерами. Внешне они носили драматический характер. Практически впервые возникла реальная возможность значительного сокращения стратегических вооружений, но по-прежнему камнем преткновения выступала программа СОИ, ценность которой американцами намеренно преувеличивалась. Рейган отказался взять на себя какие-либо обязательства по договору ПРО, что в итоге привело к взаимному разочарованию итогами встречи. По свидетельству А. Ф. Добрынина, последний обмен репликами выглядел так:

«Горбачев: Господин президент, Вы упустили уникальный шанс войти в историю в качестве великого президента, который открыл дорогу ядерному разоружению.

Рейган: Это относится к нам обоим» [2].

И все-таки Рейкьявик показал реальную возможность кардинального решения проблем ядерного разоружения и предотвращения милитаризации космоса. В то же время стало ясно, что политическое руководство США ведет свою игру и к равноправным отношениям принципиально не готово.

Многие члены советского руководства и представители оборонно-промышленного комплекса, оценивая дальнейшие перспективы, были настроены скептически и не разделяли надежд Генерального секретаря на взаимовыгодные договоренности с США. Но Горбачев и его окружение любой ценой рассчитывали достичь успеха. Дальнейшие события показали, что опасения «старой гвардии» были оправданы. Бесконечные односторонние уступки, излишняя торопливость Горбачева, а порой и его открытое пренебрежение государственными интересами способствовали созданию на месте прежних проблем новых, еще более тяжелых. Но в 1986 г. до этого было еще далеко, и многим казалось, что активность и настойчивость советского лидера идут на пользу делу.

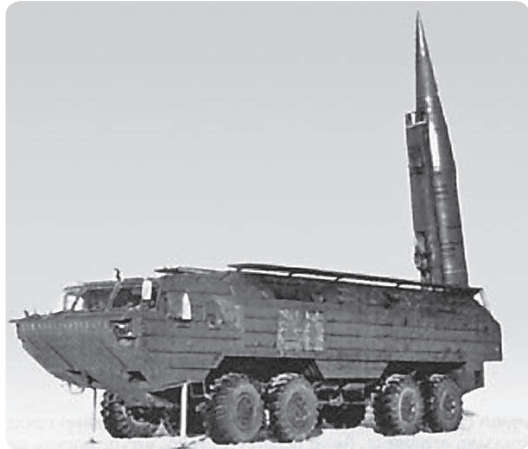
В апреле 1987 г. в Москву приехал госсекретарь Шульц для организации очередного тура переговоров. Советское руководство было готово пойти на взаимное уничтожение ракет среднего и меньшего радиуса действия (РСМД): СС-20 (советское наименование РСД-10) и других, одновременно с аналогичными американскими ракетами («Томагавк», «Першинг-2»), размещенными в Европе с 1983 г. Под РСМД понимались ракеты с радиусом действия от 500 до 1500 км.

Еще в Рейкьявике в целях снять все препятствия по РСМД Горбачев пошел на большую уступку — он дал согласие не учитывать при подписании Договора ядерные потенциалы Великобритании и Франции, хотя военная деятельность этих государств — союзников США — координировалась в рамках НАТО. Такое решение в значительной мере было оправдано, так как позволяло без больших дипломатических потерь добиться значительного прогресса в переговорах по ликвидации РСМД. По оценке Г.М. Корниенко, в тот период занимавшего должность первого заместителя министра иностранных дел СССР, «реальный смысл Договора о ликвидации РСМД и главная его ценность

для нас, помимо его универсальной ценности как первого шага по пути ядерного разоружения, состояли в том, что он повернул вспять осуществление решения НАТО, нацеленного на сохранение и приращение преимуществ НАТО, а вовсе не на восстановление равновесия сил, нарушенного якобы в результате развертывания Советским Союзом ракет СС-20» [3].

Значение Договора состояло еще и в том, что стороны теряли возможность иметь в Европе оперативно-тактические ракеты с дальностью от 500 до 1000 км: такие вооружения также подлежали уничтожению. Вместе с тем соглашение по РСМД стало первым примером непродуманных импровизаций, внезапных и односторонних уступок со стороны советского руководства. Речь идет о решении Горбачева согласиться с американскими требованиями относительно ракет СС-23 («Ока»), имевших максимальную дальность 400 км и не подпадавших под действие Договора. США добивались их ликвидации, что ставило СССР в невыгодное положение, поскольку ослабляло его военный потенциал и требовало больших средств на уничтожение этого типа вооружений. Между тем накануне визита Дж. Шульца начальник Генерального штаба ВС СССР С. Ф. Ахромеев подал на имя М. С. Горбачева памятную записку, где специально поднял вопрос о ракетах «Ока» и мотивировал необходимость нашего отрицательного ответа американцам. Министерство обороны предлагало пойти на включение ракеты «Ока» в Договор лишь в том случае, если американцы согласятся на запрет и уничтожение всех ракет с дальностью не от 500, а от 400 до 1600 км. Тем самым, наряду с советской «Окой», была бы поставлена преграда для создания модернизированной американской ракеты «Лэнс-2» с дальностью 450–470 км (такой проект уже существовал).

Однако и Шеварднадзе, и Горбачев, не посчитавшись с мнением военных специалистов, дали согласие на включение ракет «Ока» в Договор по РСМД, не выдвинув никаких встречных условий. Сам госсекретарь Шульц сразу после апрельского визита в Москву заметил, что это «было настолько односторонне выгодным для Запада, что я не уверен, смогли бы советские руководители повернуть это, будь в Москве демократический законодательный орган» [4].

*Тот самый
ракетный
комплекс «Ока»*

Уже вскоре после подписания Договора США внесли на рассмотрение Совета НАТО предложение о размещении в Европе ракет «Лэнс-2» с дальностью, превышающей дальность «Оки». Решение в конечном счете не было принято, но лишь потому, что в связи с самоликвидацией Организации Варшавского Договора оно утратило военно-политический смысл. Данный пример как нельзя лучше иллюстрирует характер политики Запада в отношении СССР и демонстрирует цену советских односторонних уступок.

Еще один эпизод, связанный с Договором о РСМД, относится к декабрю 1987 г., когда Горбачев прибыл в американскую столицу для завершения переговоров. Он вновь единолично, без серьезной проработки вопроса, согласился на еще одну уступку: принял обязательство уничтожить все ракеты СС-20 не только в европейской, но и в азиатской части СССР, хотя в Азии они являлись частью советской обороны против баз США в Японии и Индийском океане, а также противовесом китайским стратегическим ядерным вооружениям.

И все-таки заключение Договора между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности можно считать серьезным прорывом в деле кардинального сокращения стра-

тегических вооружений. Его подписание было заметным внешнеполитическим успехом, показавшим миру, что две сверхдержавы действительно намерены прекратить гонку вооружений и сократить уже накопленные запасы ядерного оружия. Безусловно, это способствовало укреплению международной безопасности и открывало дорогу для новых переговоров.

Согласно ст. 3 Договора, уничтожению подлежали советские ракеты средней дальности Р-10 «Пионер», Р-12, Р-14 и крылатые ракеты наземного базирования РК-55 (по классификации НАТО — СС-20, СС-4, СС-5 и «Рогатка» соответственно); американские РСД «Першинг-2» и BGM-109G (крылатая ракета «Томагавк» наземного базирования). Применительно к ракетам малой дальности ликвидировались советские комплексы ОТР-22 «Темп-С» и ОТР-23 «Ока» (СС-12 и СС-23), а также американские «Першинг-1А». К июню 1991 г. положения договора были полностью реализованы: СССР уничтожил 1846 ракетных комплексов, США — 846 комплексов¹.

Проблема Афганистана стала для Горбачева следующей из числа главных внешнеполитических задач, которую было необходимо решить по возможности быстро. Еще в начале 80-х гг. большинство советских руководителей пришло к выводу, что военное решение конфликта в этой стране маловероятно. Осенью 1981 г. политбюро одобрило предложения, подготовленные по инициативе МИД и поддержанные председателем КГБ Ю.В. Андроповым и министром обороны Д.Ф. Устиновым. Речь шла об организации дипломатического процесса, нацеленного на такое урегулирование ситуации, которое позволило бы вывести советские войска из Афганистана. Предполагалось организовать под эгидой ООН и не прямые переговоры между правительствами Афганистана и Пакистана (на территории этого государства базировались и готовились основные силы моджахедов). Таким образом рассчитывалось перекрыть афганской оппозиции основной канал помощи извне. Если бы

¹ Даже эти лаконичные данные показывают: тактика односторонних уступок нанесла значительный политический и экономический ущерб СССР. И еще одно: последствия такой политики сказывались вплоть до 1991 г., поскольку был создан выгодный для США прецедент, которым они позже не раз пользовались.

этот план удалось реализовать, то в новых условиях Кабул мог бы и сам справиться с вооруженной оппозицией, без участия советских войск.

Ю.В. Андропов, возглавивший Советский Союз в ноябре 1982 г. после смерти Л.И. Брежнева, проводил здесь последовательную политическую линию. Вероятно, проблема Афганистана была бы решена еще в 1983 г., когда проекты документов по урегулированию ситуации в этой стране были практически готовы, но помешали болезнь и смерть Андропова. Тем не менее работа продолжалась в прежнем ключе, и к началу 1985 г. решение относительно сроков, условий и порядка вывода советских войск было, как говорят, на выходе.

При Горбачеве принципиальная установка на скорейшее окончание афганской войны была подтверждена. Но прежде следовало ответить на важный вопрос: каким окажется будущее Афганистана, и какие действия должен предпринять СССР после вывода войск? По свидетельству Г.М. Корниенко, существовали две принципиально разные оценки ситуации и два плана действий [5].

Суть первого подхода заключалась в следующем: Национально-демократическая партия Афганистана (НДПА) после ухода советских войск окажется неспособной играть весомую роль в новых структурах государственного управления, в лучшем случае она просто сохранится. Для будущего политического выживания НДПА должна добровольно уступить большую часть власти, инициировав создание коалиционного правительства, в котором были бы представлены интересы разных сил афганского общества. Причем сделать это надо еще до вывода советских войск. Тогда это дает определенный шанс на успех, тем более что на Западе опасаются полного господства в стране исламских фундаменталистов. Эту позицию отстаивали Корниенко и Ахромеев.

Шеварднадзе и Крючков (тогда первый заместитель председателя КГБ) представляли иную позицию. Они рассчитывали на то, что и после вывода советских войск НДПА сможет играть заметную роль, и предпринимали соответствующие действия с целью создания «запаса прочности» у режима М. Наджибуллы. Горбачев, не занимая определенной позиции, на деле поощрял

подход Шеварднадзе и Крючкова, что сделало афганскую политику советского руководства непоследовательной и противоречивой. Корниенко так пишет об этом: «Если Горбачев говорил, что НДПА ради национального примирения придется поделиться с другими политическими силами, как минимум, половиной реальной власти, то в беседах Шеварднадзе с Наджибуллой эта мысль выхолащивалась, превращаясь в рекомендацию передать оппозиции половину не реальной власти, а всего лишь министерских портфелей, к тому же полупустых или совсем пустых, то есть специально созданных для этой цели. Вряд ли можно удивляться, что очередь за такими портфелями не выстроилась, и при таком подходе никаких шансов на формирование действительно коалиционного правительства не появилось» [6].

Существующие разногласия в советском руководстве, а главное, нереалистический курс действий, вытекающий из установки на сохранение доминирующей роли НДПА, замедлили создание условий для вывода из Афганистана советских войск. Кроме того, ход афгано-пакистанских переговоров в Женеве тормозился благодаря вмешательству США.

После состоявшейся в Вашингтоне в декабре 1987 г. советско-американской встречи на высшем уровне в Белом доме все-таки пришли к выводу о целесообразности подписания Женевских соглашений по Афганистану. Однако Пакистан, опираясь на сочувственное отношение Соединенных Штатов, стремился получить максимум уступок, прежде всего по вопросу прохождения афгано-пакистанской границы. Это создавало дополнительные трудности. В этих условиях многое зависело от того, сумеет ли советское правительство найти такой ход, который позволил бы переломить ситуацию и уйти из Афганистана без потери лица.

8 февраля 1988 г. Горбачев сделал официальное заявление, где содержалось обязательство начать вывод советских войск из Республики Афганистан 15 мая 1988 г. Это позволило положить конец внутренним колебаниям и расхождениям, а также создать благоприятное отношение к проблеме со стороны мирового общественного мнения. В середине апреля были наконец подписаны Женевские соглашения, и в установленный срок первые советские части покинули афганскую территорию.

Даже на заключительной стадии вывода войск официальный Кабул оказывал давление на советское руководство с целью добиться его согласия на проведение новых военных операций против сил вооруженной оппозиции. Просьбы афганского президента Наджибуллы находили в Москве определенное сочувствие, в том числе со стороны Шеварднадзе, который помимо МИД возглавлял рабочую группу политбюро ЦК КПСС по Афганистану. Но Горбачев отверг любое дальнейшее использование советских войск в этом конфликте [7].

Осенью 1988 г. от своих постов были освобождены Г.М. Корниенко и С.Ф. Ахромеев. Причиной этой двойной отставки явились сохраняющиеся между ними и Шеварднадзе серьезные расхождения по проблеме будущего политического устройства Афганистана. Линия на трансформацию однопартийного режима в коалиционную форму власти была значительно ослаблена, окончательно возобладала позиция Шеварднадзе — Крючкова.

Организация непосредственного вывода войск была умелой, что позволило решить эту сложнейшую задачу со сравнительно небольшими потерями. Части 40-й армии, сосредоточившись на трех плацдармах, покинули сначала приграничные зоны и отдельные районы, затем округ Кабула. Сама столица и прилегающие территории были оставлены в последний месяц. 15 февраля 1989 г. вывод войск завершился.

Закончилась длившаяся 10 лет тяжелая и кровопролитная война, стоившая советскому народу значительных человеческих и материальных потерь. Ее окончание, хотя и с некоторыми оговорками, относится к числу реальных внешнеполитических достижений Горбачева. Мирное решение афганской проблемы отвечало требованиям времени и способствовало оздоровлению международной обстановки в целом.

После завершения вывода советских войск из Республики Афганистан немедленного крушения правящего режима не произошло, еще около трех лет Наджибулла оставался у власти. Этому способствовали как высокие личные качества афганского лидера, так и продолжающаяся экономическая и военная помощь его правительству со стороны Советского Союза. Однако дальнейшее развитие событий привело к пол-

ному устранению с политической арены НДПА и длительной гражданской войне в Афганистане. Возможности советского (а затем российского) влияния на ситуацию постепенно были минимизированы¹.

Одной из характерных черт внешней политики Горбачева стало изменение отношений со странами Восточной Европы. Во время проходивших встреч с главами союзных государств, на заседаниях Совета Экономической Взаимопомощи, Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора Горбачев неоднократно подчеркивал, что СССР не будет вмешиваться во внутренние дела стран социалистического содружества, каждая из которых вольна сама определять пути дальнейшего развития. Заявления такого рода (при всей их внешней правильности) не могли не встретить настороженного отношения со стороны глав государств Восточной Европы. В распространении идей перестройки многие из них видели

¹ С 1 января 1992 г. Россия прекратила военные поставки кабульскому режиму. Это ошибочное решение во многом было предопределено позицией, которую занимали министр иностранных дел России А.В. Козырев и министр иностранных дел СССР Б.Д. Панкин. Ситуация в Афганистане начала заметно ухудшаться. В стране стала ощущаться острая нехватка топлива и продовольствия, а вооруженная оппозиция активизировала свою деятельность. 28 апреля 1992 г. ее отряды вступили в афганскую столицу. Наджибулла нашел защиту в миссии ООН. Талибы, захватив Кабул в сентябре 1996 г., ворвались в здание миссии и зверски убили Наджибуллу и его брата.

Историк М.Ф. Слинкин так оценивает правление Наджибуллы: «Стоит ещё раз подчеркнуть, что президент Наджибулла, как и режим, который он олицетворял, заслуживают гораздо лучшего к ним отношения. Лично Наджибулла порой был жёстким политиком, но никогда не был ни диктатором, ни тираном или узурпатором. За ним и его режимом стояли миллионы афганцев и не только из числа единомышленников, но и тех, кто, придерживаясь иной политической ориентации, не видел другой альтернативы леводемократическому режиму. Конечно, у режима Наджибуллы было много слабостей — объективных и субъективных, снижавших его способность управлять страной и защищаться. Однако, несмотря на всё это, указанный режим, опираясь на свою солидную социальную и военную силу, мог вполне сыграть позитивную роль в урегулировании афганской проблемы, в создании коалиционных основ власти и обеспечении будущего демократического развития своей страны, если бы была сохранена помощь и поддержка Афганистану со стороны СССР, а затем России. Оставшись один на один в борьбе с внутренними, региональными и заморскими противниками, левый кабульский режим оказался обречённым» (см.: Афганистан, страницы истории (80–90-е гг. XX в.). Симферополь, 2003).

не только угрозу своей личной власти, но и подрыв внутривнутриполитической стабильности, а это накладывало свой отпечаток не только на отношения с советским лидером, но и на межгосударственные контакты. Особенно трудно, по свидетельству помощников Горбачева Г.Х. Шахназарова и А.С. Черняева, шел диалог с Т. Живковым (Болгария), Э. Хонеккером (ГДР) и Н. Чаушеску (Румыния) [8].

Серьезные попытки реформировать систему, приспособив ее к новым условиям, наблюдались лишь в Польше и Венгрии. Отсутствие адекватной реакции на перемены привело вскоре к падению коммунистических правительств в большинстве европейских соцстран.

Руководство соцстран оказалось неспособно удержаться у власти путем политического компромисса, даже попытки такого рода были весьма редки. В условиях нарастающего кризиса индифферентная позиция Горбачева стала дополнительным провоцирующим фактором, поскольку усиливала сомнения и растерянность в правящих кругах, одновременно стимулируя у оппозиции уверенность в конечном успехе. Уже к середине 1988 г. стало очевидным, что ход событий ускоряется, а затем они пошли в чрезвычайно быстром темпе, вызвав пресловутый «эффект домино». В каждой из восточноевропейских стран были свои трудности и нерешенные проблемы, которые использовала оппозиция в своей борьбе за политическую власть. В этом ее морально, материально и организационно поддерживал Запад, что теперь практически не скрывается. Более открыто процесс шел в Польше и Венгрии. В Болгарии, Чехословакии, ГДР и особенно в Румынии на первых порах преимущественно отмечались латентные формы антиправительственной деятельности.

Серьезные преобразования начались в Венгрии еще в 1987 г. На пост Генерального секретаря ЦК Венгерской социалистической рабочей партии вместо Я. Кадара был избран К. Гросс. Он и его сторонники преобразовали партию. Был реабилитирован И. Надь, премьер-министр Венгрии времен событий 1956 г. В феврале 1989 г. был взят курс на создание многопартийного общества со свободной рыночной экономикой. Новые политические силы, вступив в переговоры с правящей партией,

Демонтаж Берлинской стены

достигли соглашения о проведении в 1990 г. парламентских выборов. На них победил оппозиционный Демократический форум, располагавший широкой материальной поддержкой западноевропейских либеральных партий.

Введение более свободного пропускного режима на границе между Венгрией и Австрией привело к значительному росту эмиграции из ГДР. Восточные немцы стремились через Чехословакию, Венгрию и Австрию попасть в Западную Германию. Вскоре начались массовые выступления за проведение демократических реформ, отставку председателя Государственного совета и руководителя правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Э. Хонеккера и снос разделяющей немцев Берлинской стены.

В этих условиях Хонеккер был снят со своих постов и исключен из СЕПГ, которая подверглась серьезной реорганизации. Но это уже не могло остановить развития политического кризиса. 9 ноября 1989 г. под давлением манифестантов пропускные пункты на границе у Берлинской стены были открыты, и прави-

тельство ГДР сняло ограничения на сообщение с Западным Берлином. 1 июля 1990 г. пограничный контроль был полностью отменен. В течение января-ноября 1990 г. все пограничные сооружения были снесены, за исключением мемориального участка Берлинской стены.

Надо сказать, что осенью 1989 г. влияние «новых левых», выступавших за демократический социализм и конфедеративное объединение ФРГ и ГДР, было вполне сопоставимо с влиянием либералов. Однако руководство СССР не оказало необходимой поддержки сторонникам «обновленного социализма», в то время как ФРГ самым серьезным образом помогало прозападным партиям в информационном и финансовом отношении. В марте 1990 г. на выборах победил Христианско-демократический союз, главной программной установкой которого являлось присоединение ГДР к ФРГ.

В феврале 1989 г. президент Польши В. Ярузельский выступил с идеей организации «круглого стола» с участием католической церкви и профсоюза «Солидарность». Уже вскоре значение этого неформального органа резко возросло. Первоначально было найдено компромиссное решение, сохранявшее у власти компартию, но допускавшее серьезные перемены по результатам свободных выборов. Последние привели к сокрушительному поражению коммунистов, сейм практически полностью стал оппозиционным. Последующее стало делом техники. В декабре 1990 г. глава «Солидарности» Л. Валенса сменил В. Ярузельского на посту президента страны.

В ноябре-декабре 1989 г. в Чехословакии произошла так называемая Бархатная революция. Студенческие протесты, оппозиционные манифестации, забастовки быстро приобрели массовый характер. Катализатором антиправительственных выступлений стали слухи об убийстве одного из студентов, который якобы погиб от рук полиции при разгоне демонстрации. Это ключевое событие «Бархатной революции» оказалось спектаклем, организаторы которого до сих пор точно неизвестны. В действительности убитого студента изображал офицер госбезопасности Л. Зифчак, утверждавший впоследствии, что действовал по приказу своего руководства. В конце ноября под давлением улицы руководство коммунистической партии

сложило свои полномочия. 10 декабря президент Г. Гусак сформировал первое с 1948 г. некоммунистическое правительство и ушел в отставку. 29 декабря парламент избрал главой Чехословацкого государства В. Гавела.

В Болгарии процесс шел медленнее, компартии удалось на первых порах сохранить народную поддержку за счет взятого крена в сторону социал-демократических идей.

В ноябре 1989 г. в Софии начинаются массовые демонстрации, которые быстро приобретают политический характер. 10 ноября 1989 г. председатель Государственного совета Болгарии Т. Живков был смещен со своего поста. Его место занял П. Младенов. Несмотря на это, протесты продолжались. В феврале 1990 г. Болгарская коммунистическая партия отказалась от монополии на власть, а в июне прошли свободные выборы. Их выиграло умеренное крыло компартии, сформировавшее Болгарскую социалистическую партию (БСП).

В Румынии все получилось иначе. Режим Чаушеску пал в результате народного восстания, сам президент и его жена были казнены. До сегодняшнего дня подоплека этих событий остается во многом неясной.

В ноябре 1989 г. президент Н. Чаушеску с большой помпой был в очередной раз переизбран на пост Генерального секретаря правящей Румынской рабочей партии. Однако уже 16 декабря начались массовые протестные акции в г. Тимишоара, которые быстро распространились на всю страну. Чаушеску, прервав официальный визит в Иран, вернулся в Бухарест и обратился к народу, но это не имело положительного эффекта. Западные радиостанции, вещание которых на Румынию широко развернулось с территории Венгрии и других соседних стран, вели активную пропагандистскую деятельность, протесты множилось. Чаушеску приказал применить силу, но 22 декабря военные перешли на сторону демонстрантов, и произошли вооруженные столкновения войск с силами службы государственной безопасности «Секуритате», восставшие захватили ряд правительственных зданий. Чаушеску и его жена Елена пытались бежать, но были арестованы и после импровизированного суда расстреляны. К власти пришел Фронт национального освобождения во главе с бывшим коммунистическим функционером И. Илиеску.

В Албании до 1985 г. у власти находился «противник советского ревизионизма» сталинист Э. Ходжа. После его смерти внутренняя и внешняя политика Албании стала менее жесткой. Общий кризис коммунистической системы в Восточной Европе ускорил перемены и в этом закрытом от мира государстве. В конце 1990 г., после того как огромное число албанцев бежало в Италию, а в стране начались народные волнения, правящая Албанская партия труда (АПТ) была вынуждена пойти на проведение демократических реформ, что, в частности, привело к отказу от однопартийной системы. На выборах 1992 г. Социалистическая партия (реформированная АПТ) потерпела поражение.

Что касается Югославии, то она всегда несколько дистанцировалась от других соцстран, проводя особую политическую и экономическую линию. Предпосылки будущего кризиса стали быстро формироваться там еще в 1980 г., после смерти ее бессменного лидера И.Б. Тито. Из-за нарастающих национальных разногласий пост президента Югославии был упразднен, а во главе страны встал коллективный орган — Президиум, членами которого являлись главы союзных республик и автономных областей. Кратковременный экономический подъем в середине 80-х гг. сменился гиперинфляцией и развалом экономики, что привело к обострению межнациональных отношений. Со временем Югославия была втянута в длительный процесс дезинтеграции, который завершился в 2006 г. полным распадом страны.

В Москве осознавали, что перемены в Восточной Европе приобретают все более радикальный характер. Стало ясным, что новые правительства взяли курс на полный демонтаж социализма и тесный союз с Западом. Все это сопровождалось быстрым охлаждением отношений с Советским Союзом, несмотря на то что руководство СССР и лично Горбачев старались быть максимально лояльными. После сравнительно небольшой паузы новые лидеры государств Восточной Европы заявили о своем желании распустить Совет Экономической Взаимопомощи и Организацию Варшавского Договора. Прагматические расчеты на скорое вхождение в Европейский Союз и НАТО способствовали этой политической линии. Робкие по-

пытки Горбачева и его окружения спасти СЭВ и ОВД успеха не имели. Некоторое время еще сохранялась слабая надежда на увязку роспуска ОВД с параллельной эволюцией Североатлантического альянса, но она оказалась иллюзорной.

3 декабря 1989 г. на острове Мальта состоялась первая полномасштабная встреча М.С. Горбачева и президента США Дж. Буша-старшего, годом ранее избранного на этот пост. Инициатива исходила от американской стороны. В течение трех предыдущих лет встречи на высшем уровне проводились достаточно регулярно, но после того как Рейгана в Белом доме сменил Буш, в диалоге возник годичный перерыв, что вызывало растущее раздражение в Москве. В Кремле небезосновательно полагали, что новая американская администрация хочет усилить давление на СССР и намеренно держит паузу. Время показало, что это была правильная оценка. Лишь к концу 1989 г. ситуация изменилась, сам Буш охарактеризовал свою новую позицию как «поворот на 180 градусов».

На Мальте лидеры США и СССР объявили об окончании холодной войны. В течение двух дней главы государств обсуждали основные мировые проблемы, причем значительное место на переговорах вновь заняла тема разоружения. Было решено ускорить работу по подготовке соглашений по стратегическим наступательным и обычным вооружениям в Европе. Кроме того, США взяли на себя обязательство прекратить производство химического оружия, как только все 40 государств, способных его производить, договорятся о его запрещении. Это было прогрессом, так как ранее американцы оставляли за собой право производить химическое оружие в целях защиты от терроризма.

Однако на этой встрече главными были вопросы советско-американских отношений в свете прихода в США новой администрации, кардинальных перемен в Восточной Европе, возможного объединения Германии. Последняя тема не предусматривалась предварительно согласованной повесткой дня, но события развивались так стремительно (за месяц до встречи в верхах была разрушена Берлинская стена), что обойти ее вниманием было невозможно. Буш пытался выяснить позицию советской стороны относительно будущего Германии и в итоге

вынес убеждение, что противодействие СССР объединению двух германских государств не будет серьезным. Действительно, Горбачев не стал увязывать этот процесс с конкретными политическими условиями, полагая, что это дело будущего, хотя и имел на руках соответствующие предложения экспертов. В подготовленном для него меморандуме, в частности, говорилось: «Объединение Германии должно быть окончательным продуктом постепенной трансформации политического климата в Европе, когда оба блока — НАТО и Варшавский договор — будут распущены или объединены по взаимному согласию» [9]. То, что Горбачев не проявил твердости в германском вопросе, было серьезной ошибкой, последствия которой сказались уже в самом скором времени.

В ходе обсуждения двумя лидерами положения в Восточной Европе Горбачев заявил об отказе от «доктрины Брежнева», согласно которой СССР мог применить силу для защиты «социалистических завоеваний в странах народной демократии». Буш воспринял это как полный отказ от вмешательства Советского Союза в события, что на практике привело к дальнейшей активизации деятельности США в Восточной Европе.

В ответ Горбачев получил абстрактные обещания поддерживать его реформы и, возможно, оказать определенную экономическую помощь. В целом, несмотря на то что каких-либо официальных решений на Мальте принято не было, президент Дж. Буш и госсекретарь Дж. Бейкер имели все основания считать состоявшуюся встречу крупным успехом американской дипломатии. Уже спустя неделю Буш направил Горбачеву личное послание, в котором вновь поднял вопрос об объединении Германии, правда, оговаривая при этом постепенность и эволюционный характер процесса.

В Москве по поводу будущего Германии еще велись острые споры. Советское руководство, убедившись в сложности противодействия объединению из-за быстрого развала госструктур ГДР, предприняло попытку повлиять на ход и темпы объединения. Позиция в пользу эволюционных изменений в интересах создания новой общеевропейской системы безопасности была поддержана политбюро. Возникло предложение провести переговоры по формуле «4+2» (четыре державы-победительницы во

Второй мировой войне плюс ФРГ и ГДР). Но новые руководители Восточной Германии не были самостоятельны, их точка зрения определялась в Бонне, а Франция, Великобритания и США выступили единым фронтом, хотя Лондон с Парижем и опасались объединенной немецкой мощи. Таким образом, СССР остался в абсолютном меньшинстве, и все попытки советских представителей замедлить процесс, включив его в общую схему обеспечения безопасности в Европе, оказались безуспешными.

Ключевым пунктом разногласий СССР и стран Запада оставался вопрос о военно-политической структуре объединенной Германии. Горбачев пытался лоббировать идеи нейтрализации Германии или ее одновременного членства в НАТО и в Варшавском Договоре на срок, необходимый для слияния обоих блоков. Последнее предложение выглядело совершенно нереалистично и вызвало на Западе немало насмешек. Под усиливающимся совместным давлением США и ФРГ Горбачев начал колебаться. Во время встречи с Бушем в Вашингтоне в конце мая 1990 г. он неожиданно даже для членов советской делегации согласился с тем, что Германия сама должна решать вопрос о вхождении в НАТО, что было равносильно прямому согласию на такой шаг.

В июле 1990 г. в курортном местечке Архыз Горбачев провел короткие, но весьма важные для будущего Европы переговоры с канцлером ФРГ Г. Коелем. В ходе встречи Горбачев снял все имеющиеся возражения и оговорки относительно объединения Германии. Взамен Советскому Союзу была обещана определенная денежная компенсация на строительство жилья для выводимых советских войск, имевшая, по сути, символический характер. Кроме того, предусматривались некоторые ограничения в отношении деятельности структур НАТО на территории бывшей ГДР (вскоре после объединения они были отменены). Важнейшая тема об обеспечении безопасности СССР в новых, кардинально изменившихся условиях даже не стала предметом серьезного обсуждения. Западные рубежи безопасности Советского Союза перестали существовать, при этом никаких гарантий или стратегической компенсации получено не было. Все это дает право оценить внешнеполитическую линию Горбачева и его окружения по германскому вопросу как неэффективную и даже провальную.

Разумеется, объединение Германии было исторически неизбежно. Однако этот процесс следовало жестко увязать с обеспечением безопасности как СССР, так и Европы в целом. В XX в. инициатором обеих мировых войн была Германия, и не считаться с этим фактом было нельзя. Советское руководство имело возможность обусловить свое согласие на объединение Германии созданием системы соответствующих международных договоров и обязательств. Однако серьезных практических шагов в этом направлении предпринято не было, что объяснялось, в том числе, растущими в СССР внутренними трудностями, с которыми Горбачев был не в состоянии справиться. Кризис в стране ослаблял внешнеполитические позиции советского лидера, заставлял его торопиться с тем, чтобы компенсировать неудачи внутренней политики «успехами» на международной арене. К тому же резкие и кардинальные изменения в странах Восточной Европы вызвали растерянность у советского руководства, которое, по сути, утратило какой-либо контроль над развитием событий, потеряло политическую волю.

Также надо признать, что Горбачев и его окружение, провозгласив идею «нового мышления», весьма абстрактно представляли не только конечную цель политики перестройки, но и пути ее достижения. Отсюда постоянная непоследовательность, метания, склонность к паллиативам, односторонние и слабо мотивированные уступки партнерам по переговорам. Горбачевское «новое мышление» страдало инфантилизмом, было в огромной степени политически наивным. Он и его окружение не смогли адекватно оценить железную хватку западных лидеров, весьма вольно трактовали национально-государственные интересы своей страны и ее союзников, не сумели закрепить новые реалии соответствующими юридически значимыми международно-правовыми документами, соответствующими условиям складывающегося нового миропорядка.

К началу 1991 г. политический ресурс Горбачева был почти исчерпан. Советский лидер, оказавшись перед лицом сложных практических проблем, которые в значительной степени он сам и породил, демонстрировал растерянность и беспомощность. Ситуация в стране быстро становилась взрывоопасной. Роль и влияние центрального правительства неуклонно падали, ав-

торитет самого Горбачева стал как никогда низок. Все более четко оформлялся новый, параллельный центр власти, во главе которого находился российский лидер Б.Н. Ельцин, ставший 12 июня 1991 г. первым президентом России.

В экономике резко усилились признаки спада, возник острый товарный голод. Весной 1991 г. произошло плановое повышение цен и частичная денежная реформа, но это не изменило положения.

Общество было расколото на консерваторов и демократов, массовые демонстрации разнополюсных сил стали обычным делом. Властные институты находились в состоянии частичного паралича из-за усиливавшейся политической борьбы в КПСС, Верховном Совете, между правительствами СССР и России. Все более обострялись межнациональные противоречия, нарастали сепаратистские процессы.

Несмотря на то что на состоявшемся в 17 марта 1991 г. всенародном референдуме о будущем СССР более 76% граждан высказались в пользу Союза, опасность дезинтеграции государства увеличивалась на глазах [10].

В стане реформаторов также не наблюдалось единодушия. М.С. Горбачева покинули даже люди из его окружения: А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, экономисты С.С. Шаталин, Н.Я. Петраков и др. Широкое распространение получили разговоры о готовящемся государственном перевороте. Дошло до того, что 20 июня американский посол в Москве Дж. Мэтлок прислал в Вашингтон срочную телеграмму о том, что он располагает информацией о готовящемся против Горбачева путче. Президент Буш поручил своему послу передать имеющиеся данные Горбачеву, что и было сделано.

Задачи своей дипломатии в этих условиях американцы определяли как «балансирование» между Ельциным и Горбачевым. Президент СССР, несмотря на свою непопулярность, оставался главой государства, и от него все еще зависело многое. В то же время нельзя было не считаться с Ельциным — российским политическим деятелем, пользующимся серьезной общественной поддержкой.

1 июля 1991 г. на встрече в Праге была официально ратифицирована Организация Варшавского Договора.

*У президента США Джорджа Буша
есть все основания для радости. Москва, 1991 г.*

31 июля 1991 г. на встрече в Москве Горбачев и Буш подписали Договор об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), совместная работа по подготовке которого велась давно. Документ предусматривал сокращение вдвое (с 308 до 154) советских тяжелых межконтинентальных баллистических ракет, составлявших основу советской стратегической триады. Тем самым серьезно изменялась вся структура СЯС СССР. Общее число американских МБР также пропорционально сокращалось, но структура ядерных сил США оставалась неизменной, поскольку в ней ведущая роль отводилась атомному подводному флоту. С учетом этого соглашение было менее выгодно Советскому Союзу как с политической, так и с экономической точек зрения, поскольку реализация договора предполагала значительные материальные затраты. Буш и Горбачев объявили миру о советско-американском стратегическом партнерстве, при этом президент США особенно отметил содействие СССР, оказанное Соединенным Штатам во время войны в Персидском заливе.

На 20 августа было назначено официальное подписание так называемого Ново-Огаревского договора о создании нового союза республик. Вечером 18 августа к Горбачеву, находящемуся на отдыхе в Крыму, прибыла делегация партийных, государственных и военных руководителей, попытавшаяся склонить президента СССР к введению в стране чрезвычайного положения. После отказа Горбачева ему было заявлено, что в Москве образован Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), куда вошли высшие государственные и партийные чиновники. С этого момента президент был изолирован.

Утром 19 августа в стране было объявлено о том, что вся полнота власти сосредотачивается у ГКЧП, поскольку положение в стране отчаянное, а Горбачев болен. На наш взгляд, члены ГКЧП руководствовались искренним желанием спасти страну от краха и предотвратить ее распад, но предпринятая акция лишь усугубила положение, по сути катализируя разрушительные процессы. Попытка августовского переворота была пресечена в течение трех дней, члены ГКЧП арестованы, а Горбачев вернулся в столицу. Причинами поражения путча стали: существование в Москве второго центра власти, взявшего на себя организацию сопротивления; значительная на тот момент народная поддержка российского руководства; слабость и непоследовательность самого ГКЧП, двойственная позиция Горбачева; международная реакция: сочувственная к Горбачеву и Ельцину и отрицательная к ГКЧП.

Попытка переворота завершилась провалом, и этот факт породил новую политическую ситуацию. Резко возросло значение и влияние российского руководства, а Горбачев, напротив, быстро потерял реальные рычаги власти. Осенью 1991 г. различные российские ведомства развернули борьбу за овладение союзными министерствами, поглощая их функции и аппараты. Особое внимание было уделено силовым структурам: министерствам обороны, внутренних дел, КГБ. Под давлением Ельцина Горбачев 24 августа сложил полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС и рекомендовал партии самораспуститься, что лишило его последней, хотя уже и не вполне лояльной опоры.

Августовские события свели на нет попытку придать союзному договору новое содержание. Если в дни путча местные

руководители заняли в основном нейтральную позицию, то после поражения ГКЧП республики одна за другой провозгласили независимость от Союза. В итоге Горбачев от имени глав республик предложил Верховному Совету СССР прекратить собственные полномочия, что и было сделано.

И тем не менее Советский Союз продолжал существовать, а внешние атрибуты власти оставались за Горбачевым. Он еще принял участие в двух крупных международных конференциях: Московской по правам человека и Мадридской по проблемам Ближнего Востока, однако реальной власти у него уже практически не оставалось. С целью перехватить политическую инициативу Горбачев создал Государственный Совет, в который вошли 10 глав заинтересованных республик. Однако их позиция во многом зависела от точки зрения президента крупнейшей республики — России. Ельцин же полагал, что Советский Союз не имеет будущего.

8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще руководители России (Б.Н. Ельцин), Украины (Л.М. Кравчук) и Белоруссии (С.С. Шушкевич) объявили о прекращении существования Советского Союза и образовании Содружества Независимых Государств. Показательно, что о состоявшемся решении сначала был проинформирован президент США Буш, а уже затем Горбачев. 25 декабря он был вынужден оставить пост президента государства, которого больше не существовало.

Отсутствие четкого плана действий, несоответствие масштабов личности Горбачева и задач, стоящих перед страной, склонность нового руководства к полумерам и сомнительным решениям, неумение и нежелание обуздать сепаратизм — это лишь некоторые позиции из длинного перечня внутренних причин краха политики перестройки и разрушения Советского Союза. Главной внешней причиной катастрофы явилась холодная война.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Сто раз сражаться и сто раз победить —
это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего —
победить чужую армию не сражаясь.
Сунь Цзы*

Холодная война возникла на «вечной» геополитической почве, комплексно удобренной и идеологически окрашенной событиями 1917 г., когда человеческое общество расколосось на два противоборствующих мира: капитализм и социализм. Ее история насчитывает почти полвека и включает ряд периодов и этапов, условные границы которых обозначены объективными обстоятельствами и факторами. Если процесс складывания предпосылок холодной войны был запущен Октябрьской революцией, то ее рождение состоялось в конце Второй мировой войны, когда союзнические отношения в рамках антигитлеровской коалиции исчерпали себя, а к старым противоречиям между СССР и Западом добавились новые, обусловленные послевоенными реалиями.

Победа, одержанная над фашизмом, сделала мир качественно другим — более справедливым и свободным, безопасным и динамичным. Кардинально изменилось соотношение сил на международной арене: США и СССР заявили о себе как сверхдержавы, предлагающие другим странам альтернативные варианты развития, а колониальная система вступила в полосу острого кризиса. Нацистская Германия и ее союзники были отвержены общими усилиями стран антигитлеровской коалиции при решающей роли Советского Союза. Это обстоятельство,

широко признанное в послевоенном мире, стало важной причиной значительного роста авторитета и геополитического веса СССР. Однако его новый статус категорически не устраивал Запад, который всегда видел в нашей стране мировоззренческого и геополитического конкурента, а также потенциального военного противника.

Военно-политический союз США, Великобритании и СССР в годы Второй мировой войны действительно стал парадоксальным явлением в том смысле, что наши партнеры по коалиции, с одной стороны, были остро заинтересованы в совместной борьбе с агрессорами, а с другой — оказались не готовы к равноправным отношениям и не могли преодолеть привычный и органичный для них негативный взгляд на социалистическое государство. Их внутренняя сущность восставала против самой идеи союза с СССР, который мог устроить их разве что в качестве слабого и несамостоятельного государства. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была для Запада, таким образом, одновременно и желанной (с точки зрения минимизации собственных потерь и получения сиюминутных политико-экономических выгод), и нежеланной (исходя из долговременных геополитических и идеологических интересов). С учетом всех этих обстоятельств послевоенная конфронтация с СССР являлась для США и их союзников закономерным выбором.

Что касается Советского Союза, то он стал участником холодной войны вынужденно, его действия носили преимущественно ответный характер и имели целью сохранение собственной независимости и суверенитета. Попытки руководства СССР посредством мер экономического, военно-политического и дипломатического характера эффективно противодействовать антисоветской политике США (Запада) не всегда были адекватны ситуации. Однако в своей значительной части ошибки были объективно неизбежны в условиях послевоенного шока, переживаемого нашей страной.

Глобальное неравенство между СССР и США при том, что Советский Союз стремился проводить самостоятельную внешнеполитическую линию, стимулировало начало холодной войны. Американские лидеры ясно осознавали значительное

превосходство Соединенных Штатов над Советским Союзом, как, впрочем, и над любым другим государством. На этом обстоятельстве базировалась их идея руководства послевоенным миром и его непосредственной перестройки по американским лекалам.

СССР, значительно уступая США в экономическом и иных отношениях, и близко не имел тех возможностей для политического маневра, которыми обладали американцы. Линия его поведения на международной арене была, таким образом, более жестко обусловлена. Она, как и в довоенный период, предопределялась необходимостью выживания Советского Союза как государства и учитывала недавний трагический опыт. Вашингтон, прекрасно понимая эти обстоятельства, тем не менее в большинстве случаев саботировал советские предложения, сколь бы обоснованными они ни были (как, например, в случае с репарациями), что порождало ответную негативную реакцию.

Вокруг США быстро группировались страны, признающие их ведущую роль и рассчитывающие на американскую поддержку и покровительство. Началось складывание биполярной мировой модели. При этом реализация целей США, с учетом весьма широкого понимания американских национальных интересов, неизбежно сталкивалась с трудностями и проблемами самого различного характера, за частью которых действительно стоял Советский Союз. Произошедший после окончания войны общий сдвиг влево вызывал в Белом доме растущее беспокойство и раздражение, которые мешали американскому руководству осознать его действительные причины и скорректировать свою политику. В итоге государства, где в политической жизни видную роль играли левые движения, естественным образом увидели в Москве альтернативу, новый центр притяжения. Это относилось и к национально-освободительным силам во многих колониальных странах.

В этих условиях нарастание антисоветских, и без того традиционно сильных настроений в среде американской (западной) элиты было во многом предопределено. Руководство СССР, в свою очередь, обоснованно рассматривало США как источник непосредственной угрозы. В результате реализовался

далеко не самый лучший, но, безусловно, наиболее вероятный вариант развития событий — мир вступил в эпоху холодной войны. Основную ответственность за это несут Соединенные Штаты Америки.

Начавшись в 1945 г., холодная война завершилась разрушением Советского Союза в 1991 г.¹ Таким образом, по длительности она многократно превзошла Первую и Вторую мировые войны вместе взятые, продлившись, если даже не принимать во внимание ее предысторию, почти полвека². Хотя основными участниками холодной войны стали две сверхдержавы — США и СССР, она представляла собой коалиционное противоборство — мировое по масштабу, решительное по целям, чрезвычайно значимое по последствиям. В нее в той или иной степени были втянуты члены Североатлантического альянса, Организации Варшавского Договора, других военно-политических блоков, многие государства третьего мира. В этой войне сложно переплелись общественно-политические и геополитические составляющие военной борьбы, идеологическое соперничество и борьба за мировое лидерство между самыми мощными в военном, научно-техническом и экономическом отношении государствами второй половины XX в.

СССР никогда не собирался развязывать ракетно-ядерную или обычную войну как в Европе, так и тем более в мировом масштабе. Никаких документальных свидетельств такого намерения просто не существует. Для тех же, кто готов хотя бы на секунду допустить возможность наличия советских агрессивных планов, поставим простой вопрос: как могло руководство СССР в 40–50-е гг. планировать нападение на страны Запада, если не имело необходимых для победы сил и средств? В более поздний период, когда соответствующие возможности появились, ясное понимание фатального характера такой войны

¹ Президент Российской Федерации В.В. Путин справедливо назвал это событие одной из величайших геополитических катастроф в истории человечества.

² Кстати заметим, что во всех этих войнах одним из основных фигурантов, но не инициаторов, была наша страна. При этом и Первая мировая война, и холодная война завершились для России революционными потрясениями, коренным сломом сложившегося социально-экономического уклада жизни населения и взаимосвязанных с ним политических структур государства.

оказывало мощное сдерживающее воздействие не то что на Кремль, но и на Белый дом. Иное дело — подготовка Советского Союза к отражению возможной американской агрессии, которой в Москве справедливо опасались, поскольку располагали на сей счет надежными данными.

Неоспоримо, что военно-политическое руководство США, опираясь на свое подавляющее преимущество, долгое время осуществляло военное планирование исходя из намерения нанести удар первыми. Мы предполагаем, что лишь после Карибского кризиса американские лидеры кардинально изменили свою позицию. В Вашингтоне, как и в Москве, поняли, что в ракетно-ядерной войне победителей не будет. К ней, однако, продолжали готовиться, поскольку сам характер глобального противоборства, а также инерция процесса, интересы различных групп влияния, возможные риски и другие факторы не позволяли остановиться. Но ключевой выбор был сделан: победа над СССР и его союзниками должна быть достигнута без прямого военного столкновения! Думается, что для США именно тогда холодная война окончательно становится войной в полном смысле слова.

В Кремле же так и не поняли, что западная политика в отношении СССР и социалистического блока необратимо изменила свое содержание. Там увлеклись «погоней за лидером» в вооружениях и утратили чувство меры. Конечно, достижение и поддержание ракетно-ядерного паритета было для Советского Союза оправданной целью. Однако акцент, сделанный на количественных показателях паритета, был ошибочным и привел к избыточным нагрузкам для советской экономики. Сегодня ясно, что Кремлю было необходимо и достаточно получить возможность нанесения ответного удара по США (странам НАТО) с гарантированным причинением им неприемлемого ущерба. Такой подход позволил бы высвободить значительные средства для решения проблем социально-экономического развития страны и снять накопившееся внутреннее напряжение. Но действовала логика поведения догоняющего. Сказывалась боязнь вновь оказаться далеко отставшим, вернуться к тем временам, когда безответная ядерная атака со стороны США была весьма вероятным сценарием. Кстати сказать, Вашингтон по-

*Странные лица. Кравчук, Шушкевич, Ельцин
после подписания Беловежских соглашений*

стоянно и умело шантажировал руководство Советского Союза возможностью воссоздания такой ситуации.

На завершающем этапе холодной войны принципиально важным стало то обстоятельство, что к середине 70-х гг. США и их союзники создали выраженное превосходство над СССР в информационных технологиях, в средствах и методах их применения в целях воздействия на общественное мнение и морально-психологическое состояние гражданского населения и личного состава вооруженных сил. К этому же времени советское общество отчасти утратило свою былую цельность, ослабили его духовно-нравственные скрепы. Если в 40-е гг. победа, одержанная в Великой Отечественной войне, укрепила СССР и сплотила его народы, то теперь ситуация изменилась. Стали сказываться последствия хрущевской кампании по ее девальвации, проведенной во второй половине 50-х — начале 60-х гг. под флагом тенденциозной критики эпохи Сталина, а по сути — всего советского периода отечественной истории. Постепенная утрата КПСС своей авангардной роли, постоянная

переоценка действий и качеств ее руководящих деятелей также расшатывали общество, порождали настроения скептицизма, сомнений в верности избранного пути развития. Афганская война, будучи неоднозначно воспринятой обществом, способствовала нарастанию кризисных явлений. К тому же она дала основания для острой критики политики СССР со стороны мирового общественного мнения, чем, естественно, не преминули воспользоваться западные стратеги холодной войны.

В итоге положение Советского Союза как объекта холодной войны к началу 80-х гг. заметно ухудшилось. Тем более что, в отличие от США, подлинным субъектом этой войны он так и не стал. Во многом это произошло потому, что военно-политическое руководство СССР считало ее скорее аллегорией, отражающей «противостояние двух различных социально-экономических систем» в рамках «политики мирного сосуществования», чем настоящей войной.

Еще раз подчеркнем: главной целью Запада являлась ликвидация СССР как государства, а не только как идеологического и политического соперника. К сожалению, в полном объеме этого не поняла не только власть, но и так называемая «демократическая оппозиция», быстро формирующаяся в Советском Союзе на завершающем этапе холодной войны. Возможный крах общественной системы не связывался ею с геополитическим поражением страны, не осознавалось, что победитель потребует от проигравших чудовищных жертв. Добавим к этому, что определенная часть политической и культурной элиты страны вполне осознанно играла на стороне противника.

В 80-е гг. в советском обществе еще более ослабели консолидирующие связи в социальном, идеологическом и морально-психологическом отношении. Одновременно росли ожидания реформ, большей открытости, гласности в деятельности органов государственного и общественного управления, повышения уровня жизни. Правящая партия внешне выглядела монолитно, но за кажущимся единством скрывались многочисленные проблемы. Немалая часть партийных чиновников была беспринципна, меркантильна и бесконечно далека от коммунистических убеждений, а система отбора, подготовки и ротации управленческих кадров страдала многочисленны-

ми недостатками. Даже на самом верху советской иерархии ситуация была далека от благополучной. Своевременного обновления высшего руководства не произошло, оно старело, а в 1982–1985 гг. из жизни ушли многие видные деятели Советского государства, которые были активными участниками Великой Отечественной войны, создания военно-промышленного комплекса, достижения ракетно-ядерного паритета. Все это создавало предпосылки для выдвижения на первые роли в государстве людей, не имевших достаточного опыта решения сложнейших внешне- и внутривластных проблем и лишенных качеств подлинных лидеров. К их числу относился М.С. Горбачев, возглавивший СССР в 1985 г.

Была объявлена перестройка с декларируемой целью улучшить социализм, придать ему «человеческое лицо», добиться «ускорения социально-экономического развития». Однако политика перестройки представляла собой не столько четко продуманный план действий, сколько набор благих пожеланий, а если верить поздним заявлениям М.С. Горбачева и особенно А.Н. Яковлева, изначально содержала в себе «мины замедленного действия». Как бы то ни было, она привела лишь к нарастанию проблем по всем азимутам. Общество стало быстро распадаться по социальному, национальному, конфессиональному и другим основаниям. Злоупотребление гласностью лишило многих людей мировоззренческих опор, открыло для внешнего негативного воздействия. Саморазоблачение, самобичевание, смакование недостатков прошлого стали главными темами средств массовой информации. Отрицательные стороны в прошлой и современной жизни советского общества абсолютизировались и выдвигались в центр общественного внимания.

Конечно, к началу 80-х гг. в СССР явно обнаружилось серьезные кризисные явления, которые наиболее остро ощущались в социально-экономической и духовной сферах. Требовались энергичные социально-экономические реформы, отказ от догматизма в идеологии и политике. Но государственно-партийное руководство страны оказалось не способным ни выработать соответствующую программу, ни проявить должную политическую волю. В управленческой среде именно после прихода к власти Горбачева быстро возникли и набрали силу по су-

ществу капитулянтские настроения по отношению к Западу, который смог использовать боязнь горбачевского руководства нового витка гонки вооружений и подтолкнуть его к односторонним уступкам. Новые советские лидеры пришли к ложному выводу, что для окончания холодной войны достаточно пойти на уступки в переговорах по сокращению ракетно-ядерных и обычных вооружений, что де приведет к установлению равноправных партнерских отношений с США и их союзниками и даст быстрые экономические выгоды.

Что касается руководства США и НАТО, то оно никаких «общечеловеческих» иллюзий не питало и соглашалось на взаимное (часто неравноправное) сокращение только тех видов вооружений, которыми Советский Союз мог, в случае войны, нанести им неприемлемый ущерб. Одновременно, под прикрытием переговорного процесса, Вашингтон активизировал ведение холодной войны по всем направлениям методами как открытых, так и тайных операций.

Одной из приоритетных задач Запада в это время становится сложная и многоплановая работа с советской управленческой элитой. В этом смысле показательно свидетельство бывшего диссидента, известного философа А.А. Зиновьева: «В 1979 году на одном из моих публичных выступлений, которое так и называлось «Как иголкой убить слона», — мне был задан вопрос, какое место в советской системе является, на мой взгляд, самым уязвимым, я ответил: то, которое считается самым надежным, а именно — аппарат КПСС, в нем — ЦК, в нем Политбюро, в последнем — Генеральный секретарь. Проведите своего человека на этот пост, — сказал я под гомерический хохот аудитории, — и он за несколько месяцев развалит партийный аппарат, и начнется цепная реакция распада всей системы власти и управления. И как следствие этого, начнется распад всего общества...». Далее шло своего рода извинение: «Пусть читатель не думает, будто я подсказал стратегам холодной войны такую идею. Они сами до этого додумались и без меня. Один из сотрудников «Интеллидженс сервис» говорил как-то мне, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на «советский престол» своего человека» [1]. По его же свидетельству, «важная роль отводилась подкупу влиятельных лиц. К началу 80-х годов и на Западе тоже

поняли, что на диссидентское движение рассчитывать нечего, что народные массы в СССР сами не восстанут, как ты их ни пропагандируй. В то время мне довелось участвовать в разного рода закрытых совещаниях, собирались специалисты, занимавшиеся планированием холодной войны, и эти специалисты говорили: советскую «верхушку» надо купить» [2].

К разработке стратегии и тактики ведения холодной войны привлекались и выходцы из Советского Союза, преимущественно те из них, в ком западные спецслужбы видели убежденных антикоммунистов. Так было с тем же Зиновьевым, что сам он откровенно признавал: «На Западе я был принят именно в качестве антикоммуниста и антисоветчика (хотя не был ни тем, ни другим). Поэтому имел доступ ко всему, что там делалось в бесчисленных советологических центрах, секретных службах и т.д. И тогда я обнаружил, что в правящих кругах западного мира — и в политических, и в идеологических — выработана долговременная программа, в которую входило, во-первых, разрушение советского социалистического строя, ликвидация коммунизма. Но на этом не останавливались. Ставилась задача вообще довести Россию — уже вне зависимости, коммунистическая она или нет, — до такого состояния, чтобы она уже никогда не могла подняться на свой прежний уровень — уровень великой державы» [3].

К середине 80-х гг. Запад, преодолев ряд собственных кризисных явлений, еще более усилил системную атаку на Советский Союз. Американская сторона верно оценила сложившуюся ситуацию как благоприятную для достижения полной победы в холодной войне, сокрушения второй сверхдержавы и приобретения статуса единоличного лидера.

Президент Р. Рейган, позиционировав США как «цитадель демократии, оплот борьбы за права человека во всем мире», открыто заявил о необходимости уничтожения «империи зла» в лице Советского Союза. Запад начал мощное идеологическое наступление, умело используя имеющиеся слабости, реальные и выдуманные недостатки в социалистических странах, прежде всего в СССР.

Одной из важных целей являлась глобальная компрометация Советского Союза как государства и общества. На фор-

мирование его отрицательного образа средств не жалели. Для каждой аудитории особо подбирались аргументация и методы ее подачи. Соответствующим образом была препарирована вся история СССР, выявлены и целенаправленно выстроены негативные факты и подобрано их тенденциозное объяснение. Таким образом, геополитический соперник, которого США не могли уничтожить силой оружия, подвергся мощным информационным ударам, главной целью которых был подрыв его воли к сопротивлению.

Следует заметить, что идеологические атаки против Советского Союза как «империи зла» явно диссонировали с его великой исторической ролью в разгроме фашизма, которую еще помнили в мире. Значит, необходимо было дискредитировать вклад СССР в Победу, тем более что его простое замалчивание оказалось недостаточным средством. Поэтому была подготовлена и с широким размахом проведена комплексная операция с задачей поставить знак равенства между Советским Союзом и фашистской Германией, объявить СССР одним из главных виновников Второй мировой войны. Из такого подхода вытекал вывод, что борьба против Советского Союза любых сил и в любое время является справедливой и оправданной. Тем самым давался карт-бланш для реабилитации политических движений и отдельных лиц, сотрудничавших с фашистами. Все это делалось не только в интересах разрушения СССР на завершающем этапе холодной войны, но и для того, чтобы сделать это разрушение необратимым. Именно тогда было положено начало процессу амнистирования бандеровцев, «лесных братьев» и других преступников и предателей с последующим возведением их в ранг «героев освободительной борьбы».

В ответ советские идеологи и политики горбачевской формации лишь оправдывались и каялись в реальных и несуществующих грехах, заняв, по существу, позицию исторического отступления и капитуляции. Что касается здоровой части политической элиты, то она была дезорганизована и в значительной степени лишена управленческих рычагов.

Как уже отмечалось, информационно-идеологические операции были рассчитаны не просто на либерализацию взглядов

и настроений в Советском Союзе, отказ от коммунистической идеологии и практики, но и на формирование внутренней оппозиции, способной стать на путь антигосударственной деятельности под лозунгами демократизации страны. Решить эту задачу США удалось, что стимулировало их на проведение ряда тайных операций. Следует заметить, что и сегодня большинство из них остается тайной за семью печатями. О многих мы можем только догадываться или судить по косвенным свидетельствам. Однако если оценивать их результаты, можно сказать, что они с очевидностью не только эффективны, но и жестоки.

Горбачев и его окружение, не добившись позитивных изменений в социально-экономической сфере, пытались компенсировать внутрисполитические провалы успехами на международной арене. Миру была предложена концепция «нового политического мышления», сыгравшая определенную пропагандистскую роль, но оказавшаяся утопической и нереалистичной. На практике американцам фактически делалось предложение закончить холодную войну за счет крупных односторонних уступок со стороны Советского Союза. И эти уступки были сделаны. В числе прочего Горбачев отказался от любых попыток сохранить социалистический блок в Восточной Европе, пошел на ликвидацию Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, согласился на объединение ФРГ и ГДР без соответствующих гарантий для безопасности Советского Союза.

Однако внутрисполитическая ситуация в СССР развивалась так, что конкурирующая с Горбачевым властная группа Б.Н. Ельцина тоже стремилась получить поддержку Запада и демонстрировала свою готовность пойти на новые уступки Соединенным Штатам Америки, перед руководством которых возникла исключительно благоприятная возможность для завершения холодной войны даже не на условиях выгодного компромисса, а на основе безоговорочной капитуляции, разве только без ее международно-правового оформления. Белому дому осталось выбрать между группами Горбачева и Ельцина с позиции своих стратегических интересов, которые, как открыто проявилось вскоре, заключались в ликвидации Совет-

ского Союза, его расчленении на ряд государств. По существу, именно Беловежское соглашение 1991 г., закрепившее разрушение СССР, явилось актом завершения холодной войны.

Уже в 40-е гг. феномен холодной войны становится объектом пристального внимания и серьезного изучения. Постепенно как в научной среде, так и в обществе в целом о холодной войне складывается представление как об особом состоянии конфронтации между США и их союзниками, с одной стороны, и Советским Союзом, а также социалистическим блоком государств — с другой. Эта конфронтация охватывала политическую, экономическую, идеологическую, военную и иные сферы и имела в качестве своей основы антагонистические противоречия между названными странами, которые определялись разными геополитическими и национальными интересами, противоположными идеологическими и социальными ориентирами. Холодная война представляла собой бескомпромиссную борьбу на истощение, когда любой повод, любой неверный шаг противника использовался для его ослабления. Она велась в условиях гонки вооружений и постоянной готовности противников к непосредственному использованию военной силы. Ее эпоха — это время особого состояния мирового сообщества и постоянной угрозы возникновения третьей мировой войны, подготовку к которой стороны считали приоритетной задачей.

Таким образом, большинство исследователей — историков и политологов, военных профессионалов и специалистов по организации и ведению вооруженной борьбы квалифицируют холодную войну как особый вид конфронтационных, но мирных международных отношений.

Надо признать, что данная выше характеристика холодной войны достаточна объективна. Но вот насколько она полна, точна, а главное — универсальна по отношению к ее разным периодам? Представляется, что теперь, когда после гибели СССР прошло почти четверть века, появились объективные предпосылки для качественного уточнения понятия и сущности холодной войны. В этой связи неудивительно, что ряд авторитетных ученых высказывает сегодня точку зрения, что «холодная война с полным основанием может быть названа

третьей мировой войной», и приводит в подтверждение своей позиции веские доказательства¹.

По сути, споры ведутся вокруг утверждения, что холодная война не может считаться настоящей войной (пусть даже нетрадиционной), так как ее участники не вели между собой прямых военных действий. Критики такого подхода отвечают, что факт открытой вооруженной борьбы вообще не имеет решающего значения. Следовательно, проблема заключается в том, что именно находится в основе критериальной базы понятия «война».

Чем же война принципиально отличается от мира? Целями, которые ставятся сторонами, а также предпринимаемыми во имя их достижения действиями и достигнутыми результатами? Или же война лишь тогда война, когда борьба ведется с широким применением военной силы? И еще один принципиальный вопрос: меняется ли с течением времени содержание понятия «война» или оно неизменно?

Традиционно главным признаком войны считалось (и столетиями являлось по факту) вооруженное насилие, а все остальные средства и методы играли вспомогательную роль. Противника или полностью уничтожали, или принуждали к отказу от борьбы и признанию воли победителя именно с помощью вооруженного насилия.

Действительно: в холодной войне между ее основными участниками не было прямой вооруженной борьбы. Однако то, что войну нельзя отождествлять с вооруженной борьбой, военной мыслью отмечалось давно. Так, профессор Императорской военной академии России Н.В. Медем еще в 1836 г. в своем труде «Обозрение известнейших правил и систем стратегии», анализируя военную мысль своего времени, пришел к выводу, что наиболее глубокий анализ войны предложен К. Клаузевицем. В то же время он считал неверным его вывод о том, что стратегические цели войны достигаются только средствами вооруженной борьбы. Медем предложил аксиому, формула ко-

¹ Очень многое в этом смысле сделал известный военный философ и историк И.С. Даниленко, чья настойчивость в деле адекватной оценки сущности холодной войны позволила вывести дискуссию на новый качественный уровень. См. [4].

торой звучит так: «все соображения должны иметь своей целью ослаблять или истреблять, какими бы то ни было способами, силы противника и лишать его средств к защите» [5].

К сожалению, это утверждение не было воспринято как принципиально новое методологическое положение, видимо, из опасения слишком далеко оторваться от военной практики того времени и в силу естественного для науки консерватизма. Однако идею Медема не оценили и в начале XX в., когда война начала активно насыщаться нетрадиционными средствами и методами ведения борьбы. Только после Первой мировой войны положение несколько изменилось, но и тогда внимание военных теоретиков редко выходило за пределы организации вооруженной борьбы и системы ее обеспечения.

На преодоление этого жестко ограниченного подхода к войне ориентировал отечественную военную мысль выдающийся военный ученый А. А. Свечин, который в предисловии к своему известному труду «Стратегия» писал: «Мы рассматриваем современную войну со всеми ее возможностями и не стремимся сузить нашу теорию до наброска красной советской стратегической доктрины. Обстановку войны, в которую может оказаться втянутым СССР, предвидеть чрезвычайно трудно, и по всяким ограничениям общего уровня к войне надо подходить крайне осмотрительно... Чем шире охватит теория все содержание современной войны, тем скорее придет она на помощь данной обстановке. Узкая доктрина, может быть, будет более путать наше мышление, чем ориентировать его на работу» [6, с. 34].

Еще дальше пошел А. Е. Снесарев, который в своей рецензии на «Стратегию» А. А. Свечина весьма точно заметил, что для понимания непрерывности и единства стратегии в современной войне необходимо более широкое понимание ее операций, так как стратегия уже «работает не только мечом, а и другими средствами, хотя бы и чужими — агитацией, сокращением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т.п.» [7].

Но и эти важные положения, указывающие на принципиально новое направление в эволюции войны, не получили должной оценки. Суть проблемы затеняли традиционное, устаревшее

понимание ее сущности и концепция «революции в военном деле», которая преимущественно сводилась к быстрому росту боевой мощи оружия и дальности его действия. В результате в Советском Союзе окончательно утвердилась точка зрения, согласно которой сущность войны сводилась к вооруженной борьбе. Эта узкая доктрина войны, как в свое время с горечью отмечал Свечин, продолжала «путать наше мышление» не только до Второй мировой войны, но и после нее. В настоящее время такой односторонний подход становится просто опасным.

Во Вторую мировую войну арсенал нетрадиционных средств и методов ведения войны существенно расширился. На этот факт особо обратил внимание английский военный историк и теоретик Б. Лиддл Гарт в своей работе «Стратегия не-прямых действий». Но значение таких действий по-прежнему отрицалось советскими военными теоретиками. Так, ведущий профессор стратегии академии Генерального штаба С.Н. Красильников в предисловии к названной книге писал: «Стратегия, пытающаяся добиться успехов только ценой гибели множества людей и массовыми разрушениями, не может быть признана подлинной стратегией. Но вместе с тем беспочвенно рассчитывать... на более широкую стратегию, вооруженную психологическим оружием... разгрома противника изнутри, завоевания противника, используя его самого, на которую автор возлагает большие надежды и считает подлинно искусной стратегией» [8].

Налицо очередная демонстрация устаревшего, одностороннего подхода к эволюции войны. Советская военная мысль и позже упорно ограничивалась анализом только традиционного направления. В выдержавшей в 60-е гг. несколько изданий книге «Стратегия» давалась следующая трактовка ее понимания: «Военная стратегия представляет собой систему научных знаний о закономерности войны как вооруженной борьбы во имя определенных классовых интересов. Военная стратегия в условиях современной войны становится стратегией глубоких ракетно-ядерных ударов в сочетании с действиями всех видов вооруженных сил с целью одновременного поражения и уничтожения экономического потенциала и вооруженных сил на всю глубину территории противника для достижения целей

войны в короткие сроки» [6, с. 20]. А в это время на практике развитие войны шло по двум направлениям: традиционному и нетрадиционному. Проблемы нетрадиционной войны, развития искусства ее ведения Западом были в названной книге даже не обозначены, хотя холодная война к этому моменту велась уже более двух десятилетий.

К сожалению, узкий ограниченный подход к пониманию и изучению войны, который доминировал в советский период нашей истории, пока не преодолен и в Российской Федерации. Между тем истекшее время и динамика событий последних десятилетий не только позволяют, но и обязывают разобраться с этой важной проблемой. Мешают, по-видимому, элементы догматизма в теории, косность, а также ведомственный статус военной науки. И конечно, чувствуется субъективный интерес влиятельных, но «безымянных» сил. Конечно, остановить развитие науки о войне нельзя, но вот серьезно замедлить — можно, а это больше, чем преступление, это серьезная историческая ошибка, исправить которую будет чрезвычайно трудно.

Можно сказать, что холодная война, явившись войной, традиционной по своим целям и нетрадиционной по средствам и методам ведения, стала таким образом войной нового исторического типа. Конечно, ее элементы имели место и в войнах предшествующих эпох, но в системном, относительно завершенном виде новая, нетрадиционная холодная война материализовалась только во второй половине XX в.

Интересно, что классическое определение войны Карла Клаузевица звучит отнюдь не категорично и опирается на «объемное» понимание: «Война — это продолжение политики иными, а именно насильственными средствами». Но ведь насилие предполагает использование целого спектра средств, не сводимых исключительно к вооруженной борьбе! Значит, мы имеем как минимум два формата определения: узкое и широкое. Узкое хорошо своей четкостью и строгостью; к тому же оно подходит для подавляющего большинства исторических precedентов. Широкое определение войны, напротив, в силу своей внешней аморфности содержит в себе выраженный потенциал развития, с очевидностью намекая на то, что закон «Все течет, все меняется» касается всех без исключения аспек-

тов бытия. Почему же определение войны должно быть статичным? Нам говорят: раз нет вооруженной борьбы, значит, нет войны, а есть что-то другое и термин надо использовать другой. Аргумент понятный, но не вполне серьезный, поскольку его авторы исходят из сомнительного предположения, что проще и полезнее «изобрести» новый термин, чем наполнить обновленным содержанием старое понятие, опираясь на разумное предположение о естественном развитии стоящего за ним явления. Прав Уильям Оккам, призывая не усложнять сущность без необходимости. Хорошо известно, что целью войны является *принуждение* противной стороны к принятию условий победителя или даже ее полное уничтожение. Может быть, это куда как более универсальный критерий войны, чем вооруженная борьба?

Если так, то получается, что мы можем и должны поставить вопрос о том, что в современных условиях само определение войны нуждается в серьезной коррекции. Нетрадиционная форма холодной войны и отсутствие в ней открытого вооруженного противоборства не должны вводить нас в заблуждение. Что дает такой подход? Важен ли он в практическом отношении? Да, безусловно. Ведь он избавляет от иллюзий и заставляет взглянуть на то, что произошло с нашей великой страной, еще недавно называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик, под иным углом зрения.

Видимо, холодная война еще долгое время не будет иметь сколько-нибудь полной документальной истории. Ситуации почти не меняет обилие публикаций по этой войне, ведь они зачастую воспроизводят ее на основе «устной истории», то есть на основе опросов участников, воспоминаний, мнений, оценок и т.д. Некоторые директивные документы вряд ли когда-либо вообще будут открыты. Не исключено, что многие из них уже уничтожены. А когда случайно «всплывают» отдельные документы или свидетельства, то включаются отработанные приемы официального отказа, объявления их фальшивками и т.д. В этих условиях при работе над историей холодной войны особое внимание требуется уделять методам ее реставрации по фактам и результатам, вскрывая технологию событий.

Для анализа холодной войны большое значение имеет исследование ее органической включенности в исторический общественный процесс. Многие историки и политологи в нашей стране и за рубежом уже давно утверждают, что возникновение холодной войны являлось следствием обыкновенного, как говорил З. Бжезинский, «фатального» сплетения различных факторов на заключительной фазе и после Второй мировой войны. Но если это и так, то лишь в малой степени. С «фатальным» сплетением обстоятельств соединились политические и идеологические устремления и интересы обоих противостоящих блоков и даже отдельных групп влияния. Далее холодная война развивалась уже по собственной логике [9].

Действительно, любая война эволюционирует по своим законам. Но цели ей всегда задает политика¹. Цели холодной войне определялись и уточнялись конкретными политиками США и Запада в целом и теми силами, чьи интересы они представляли. Методы их реализации неоднократно корректировались руководством США совместно с их союзниками. Что касается советского руководства, то оно, за исключением Сталина, с разной степенью легкомыслия относилось к холодной войне как стихийному явлению. Чем это закончилось, хорошо известно.

В чем-то удивительно, что победители не стесняются сегодня открыто заявлять о своей грандиозной победе в холодной войне, в то время как в стане проигравших много тех, кто не связывает свое бедственное и униженное положение с понесенным поражением, относя его практически полностью на счет недостатков социалистического общественного строя. Такой подход не просто ошибочен и примитивен, он вреден, поскольку не позволяет правильно увидеть и понять проблему. Тем более что поражение Советского Союза в холодной войне оценивается сегодня как очевидный факт учеными и политиками многих государств и прежде всего в странах Запада. Правда, на пространстве бывшего СССР выводы не выглядят столь однозначно.

¹ Именно в этом смысле следует понимать К. Клаузевица, который как-то заметил, что война не имеет собственной логики, а только собственную грамматику.

В целом существуют две крайности в толковании причин разрушения Советского Союза: одни считают его следствием преимущественно внутренней слабости, другие — едва ли не исключительно результатом истощения в холодной войне. Действительно, радикальные сторонники либеральной идеологии и прозападных реформ, как правило, делают акцент на «экономической несостоятельности СССР и утопичности социалистической идеологии». Радикалы левого толка, наоборот, подчеркивают, что СССР был разрушен в итоге хорошо спланированного и наступательного ведения холодной войны Западом, использования созданной и руководимой им «пятой колонны».

В реальности случившееся явилось следствием как недостатков советской общественно-политической системы, так и умелого, целенаправленного воздействия противника. Думается, что по отдельности ни внешний, ни внутренний факторы не привели бы Советский Союз к гибели; только их сочетание дало смертельный эффект. Как известно, идеальных государств не существует, и трудные времена случаются у всех, но далеко не каждый кризис заканчивается крахом общественно-политической системы и распадом страны. Вероятно, СССР смог бы преодолеть «болезнь роста» и выйти на более высокий качественный уровень развития, если бы не холодная война. Но этого, к сожалению, не произошло. На войне как на войне: побеждает тот, кто использует не только свою силу, но и слабость противника, выбирая для фатального удара наиболее подходящий момент.

С позиций теории и истории военного искусства холодная война после Карибского кризиса являет собой, с одной стороны, пример успешного наступательного ведения нетрадиционной мировой коалиционной войны методом сокрушения, а с другой стороны, пример ее пассивного оборонительного ведения, что в итоге и привело СССР к историческому поражению. Советская сторона вела войну безыскусно, хаотически реагируя на действия противника, его хорошо спланированные стратегические и оперативные акции.

Анализом холодной войны в России до сих пор недостаточно занимаются военные теоретики и военные историки, то есть

те, кто призван рассматривать войну в ее целостности, как общественное явление. Она остается скорее уделом политологов, которые по определению оценивают ее односторонне. Ситуацию надо срочно поправлять, тем более что война как явление далеко не исчерпала потенциал своего развития.

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось для России постепенным преодолением тяжелого наследия 90-х гг. Формирование нового суверенного политического курса, системное укрепление государственности, коррекция внутренней и внешней политики в русле эффективного обеспечения национальных интересов диктуются необходимостью динамичного и прогрессивного развития нашей страны. Это, однако, вызывает растущее противодействие со стороны США и некоторых других стран Запада, что заставляет опасаться второго издания холодной войны.

Мир сегодня меняется стремительно. Его очередное близкое «переформатирование», по-видимому, неизбежно. Какие при этом будут задействованы механизмы, однозначно предсказать нельзя. А значит, необходимо не только внимательно отслеживать развитие ситуации, но и оперативно находить адекватные ответы на вызовы времени. Недостаток реализма, «прекраснодушие», политическое слабование могут обойтись очень дорого. Судьба СССР дает тому зримое подтверждение. Прежде всего поэтому для патриотов любого идеологического окраса, для всех, кто хочет, чтобы Россия развивалась и укреплялась как суверенный субъект истории, постижение холодной войны — насущная потребность.

ЛИТЕРАТУРА

К главе 1. Некоторые проблемы историографии холодной войны

1. *Маленков Г.М.* 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1949. С. 19–20.

2. *Загладин Н.В.* История успехов и неудач советской дипломатии. М., 1990; *Бовин А.Е.* Мирное сосуществование. М., 1988; *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987; *Арбатов А.Г.* Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980; *Его же.* Военно-стратегический паритет и политика США. М., 1984; *Богданов Р.Г.* США: военная машина и политика Вашингтона. М., 1983; *Мельников Ю.М.* Внешнеполитические доктрины США. М., 1970; *Его же.* Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. М., 1983; *Мильштейн В.М.* Военно-промышленный комплекс и внешняя политика США. М., 1975; *Прозектор Д.М.* Мировые войны и судьбы человечества. М., 1986; Советская внешняя политика и европейская безопасность. М., 1972; *Трофименко Г.А.* Стратегия глобальной войны. М., 1968; *Его же.* США: политика, война, идеология. М., 1976; Угроза Европе. М., 1981; *Петровский В.Ф.* Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980; Откуда исходит угроза миру. 4-е изд. М., 1987; Как устранить угрозу Европе. М., 1983; *Мильштейн М.А.* Некоторые характерные черты современной

военной доктрины США // США: экономика, политика, идеология. 1980. № 5; Арбатов А. Г., Васильев А. А., Кокошин А. А. Ядерное оружие и стратегическая стабильность // США — ЭПИ. 1987. № 9, 10; Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1985; Военно-блоковая политика империализма. М., 1980; История внешней политики СССР / Под ред. А. А. Громько, Б. Н. Пономарева. М., 1981; Хрущев Н. С. Предотвращение войны — главная задача. М., 1963.

3. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1985. С. 35.

4. Орлов А. С. В поисках «абсолютного» оружия. М., 1989. С. 108.

5. Трофименко Г. А. Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 432.

6. Деборин Г. А. Борьба СССР за обеспечение мира и безопасности. М., 1946; Малкин М., Эггерт З., Зинич С. Исторический очерк США [Соединенные Штаты Америки]. М., 1946.

7. Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. 1940–1960. М., 1961; Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США. 1917–1972. М., 1972; Яковлев Н. Н. Новейшая история США. 1917–1960. М., 1961.

8. Дмитриева Б. Д. США: политики, генералы, дипломаты. Четверть века политики «с позиции силы». М., 1971.; Иванова И. М. Мирное сосуществование и кризис внешнеполитической идеологии империализма США. М., 1965; Иноземцев Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; Кортунов В. В. Битва идей: [Идеологическая борьба на международной арене]. М.: Политиздат, 1969; Кулаков В. М. Идеология агрессии. М., 1970.

9. Иванян Э. А., Кунина А. Е. Советско-американские отношения, 1917–1970 гг. М., 1972; Кунина А. Е. Идеологические основы внешней политики США. М., 1973; Кунина А. Е., Марушкин Б. И. Миф о миролюбии США. М., 1960; Яковлев А. Н. Идеологическая нищета апологетов «холодной войны». М., 1961; Яковлев А. Н. Идеология американской «империи». М., 1967; Яковлев А. Н. Рах Americana. Имперская идеология: истоки, доктрины. М., 1969.

10. Международные отношения после Второй мировой войны. В 3 т. Т. 1. (1945–1949 гг.) / Гл. ред. Н. Н. Иноземцев;

ред. А.Г. Милейковский. М., 1962; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. III. 1945–1963 гг./Под ред. В.Г. Трухановского. М., 1964; История внешней политики СССР, 1917–1966. Ч. I. 1917–1945/Под ред. Б.Н. Пономарева, А.А. Громыко, В.М. Хвостова. М., 1966; История дипломатии. Т. V. Кн. 1/Под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земскова, В.А. Зорина, В.С. Семенова, М.А. Харламова. М., 1974.

11. *Израэлян В.Л.* Антигитлеровская коалиция. 1941–1945 гг. М., 1964; *Орлик И.И.* Империалистические державы и Восточная Европа (1945–1965). М., 1968; *Лебедев Н.И.* СССР в мировой политике. 1917–1982. 2-е изд., доп. и испр. М., 1982; *Подлесный П.Т.* СССР и США: 50 лет дипломатических отношений. М., 1983; *Давыдов Ю.П.* Политика «холодной войны» США против стран Восточной Европы (1945–1960) // Американский ежегодник. 1985/Отв. ред. Г.Н. Севостьянова. М., 1985.

12. Военно-блоковая политика империализма. М., 1980. С. 6.

13. *Давыдов Ю.П.* Политика «холодной войны» США против стран Восточной Европы (1945–1960) // Американский ежегодник. М., 1985; *Орлик И.И.* Исследовать причины и уроки «холодной войны» // Вопросы истории. 1989. № 12; *Чубарьян А.О.* Происхождение «холодной войны» в историографии Востока и Запада // Новая и новейшая история. 1991. № 3; *Уткин А.И.* Стратегия глобальной экспансии: Внешнеполитические доктрины США. М., 1986.

14. *Давыдов Ю.П., Лукин В.П.* Идеологические аспекты внешней политики США // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 5. С. 39–46; *Фурсенко А.А.* У истоков «холодной войны» // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 84–91.

15. Наставление по ведению операций. ГШ ВС, 1963; *Захаров М.В.* Поднять управление войсками до уровня современных требований // Военная мысль. 1963. № 2 (69); Перечень оперативно-тактических терминов РВСН. Архив РВСН. 39. Оп. 4315. Д. 1. Л. 43–44.

16. *Кокошин А.А.* В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М., 1989.

17. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987; Внешнеполитическая

стратегия КПСС и новое политическое мышление в ядерный век. М., 1988.

18. Встреча представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября. Москва 4–5 ноября 1987 г. М., 1988.

19. Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина. М., 2001; *Его же*. Сумерки. М., 2005; Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия. М., 2001; *Его же*. Мы не рабы // Новая газета. 2008. 5 дек.

19. Сетов Р.А. «Американская исключительность» и военная сила: проблемы и противоречия // Проблемы американистики. Вып. 9. Концепция «американской исключительности»: идеология, политика культура. М., 1993; Филитов А.М. Как начиналась «холодная война» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995; Манькин А.С. Гарри С. Трумэн и либерализм эпохи «холодной войны» // Проблемы американистики. Вып. 10. Либеральная традиция в США и ее творцы. М., 1997; Зубок В.М. Никто не хотел воевать: еще раз об истоках «холодной войны» // США — экономика, политика, идеология. 1991. № 4; Мир после войны: итоги, последствия, уроки // Родина. 1995. № 5; Мартынов Б. Были ли «победители» в «холодной войне» // Свободная мысль. 1996. № 12; Загорский А.В. История советской внешней политики в годы «холодной войны» // Отечественная история. 1997. № 1; Чубарьян А.О. Новая история «холодной войны» // Новая и новейшая история. 1997. № 6; Корсаков Г.Б. Трансформация политики США в области ядерного сдерживания (1991–2001 гг.) // США. Канада: Экономика, политика, культура. 2002. № 3; Уткин А.И. Мировая «холодная война». М., 2005; Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005; Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избр. труды в 3 т. Т. 1. М., 2001; Стародубов В.П. Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М., 2001; Кожин В.В. Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 2001; Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000). М., 2003; Стыкалин А.С. Прерванная револю-

ция: венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. М., 2003; *Уткин А.И.* Американская империя. М., 2003; *Его же.* Мировая холодная война. М., 2005; *Мягков М.Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945 гг. М., 2006; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006; *Ильинский И.М.* История учит // Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006. С. 3–64; *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы и комментарии, 1941–1945. М., 2004; *Наринский М.М.* История международных отношений. 1945–1975. М., 2004; *Некипелов А.Д., Орлик И.И., Шмелев Б.А., Глинкина С.П.* Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века // Новая и новейшая история. 2003. № 1; *Квицинский Ю.А.* Холодная война продолжается? // Наш современник. 2004. № 9; *Лавров С.В.* 60-летие Фултона: уроки «холодной войны» и современность // Международная жизнь. 2006. № 3; *Журавлева В.Ю.* Российская внешняя политика глазами американских аналитиков // США. Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 4; *Максимычев И.Ф.* Холодная война или историческая норма? // Международная жизнь. 2007. № 10.

20. *Прозитор Д.М.* Размышления о холодной войне / В кн.: Россия и Германия в годы войны и мира. М., 1995; Советская внешняя политика в годы холодной войны. Новое прочтение. М., 1995.

21. Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995.

22. *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1994; *Громько А.А.* Памятное. В 2 т. М., 1988; *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата: Записки. М., 1989; *Чув Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; *Его же.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999; *Корниенко Г.М.* «Холодная война». Свидетельство ее участника. М., 1995; 2-е изд. 2001; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996; *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. М., 1997; *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. М., 1997; *Фалин В.М.* Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999; *Израэлян В.Л.* На фронтах холодной войны: Записки со-

ветского посла. М., 2003; *Ерофеев В.И.* Дипломат: книга воспоминаний. М., 2005; *Орлов А.С.* Тайная битва сверхдержав. М., 2000; *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества. М., 1996; *Его же.* Отечественные военные реформы. М., 1997; *Кокшин А.А.* Армия и политика. М., 1995.

23. История советского атомного проекта. Документы, воспоминания и исследования. Вып. 1. М., 1998; Атомный проект СССР. Т. 1–2. М., 1999; *Сахаров А.Д.* Воспоминания. М., 1997; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1996; *Мальков В.Л.* «Манхэттенский проект». М., 1995.

24. Ракетные войска стратегического назначения. М., 1992; Хроника основных событий истории ракетных войск стратегического назначения. М., 1994; *Хрущев С.Н.* Указ. соч.; *Черток Б.Е.* Ракеты и люди. М., 1995; *Его же.* Ракеты и люди: Фили, Подлипки, Тюратам. М., 1996; *Его же.* Горячие дни холодной войны. М., 1997; *Орлов А.С.* «Чудо-оружие»: обманутые надежды фюрера. Смоленск, 1999; *Его же.* Тайная битва сверхдержав. М., 2000.

25. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992.

26. *Бжезинский З.* План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР/Пер. с англ. М., 1986.

27. *Robert W. Seton-Watson.* History of the Czechs and Slovaks, Hamden, 1965.

28. *Bailey T.A.* A diplomatic history of the American people, 6 ed. N. Y., 1958.

29. *Алперовиц Г.* Ядерное оружие и политика // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 2.

30. *Horowitz D.* From Yalta to Vietnam. American Foreign Policy in the Cold War / *D. Horowitz.* Harmondsworth: Penguin Books, 1967.

31. *Kolko J., Kolko G.* The Limits of Power. N. Y., 1972.

32. *Lafeber W.* America, Russia and the Cold War, 1945–2002. N. Y., 2002.

33. *Yergin D.* Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977.

34. *Mastny V.* Russias Road to the Cold War. N. Y., 1979.

35. *Lundestad G.* The Amerikan Non-Policy towards Eastern Europe 1943–1947. Tromse, 1975.

36. *Ulam A.* Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy 1917–1967. N. Y., 1968.

37. *Gaddis J.L.* The Cold War. A New History. N. Y., 2005.

38. *Taubman W.* Stalins Amerikan Policy: From Entente to D-tente to the Cold War. N. Y. 1982.

39. *Gaddis J.L.* We now Know: Rethinking the cold war. Oxford, 1997; *Gaddis J.L.* The Cold War. A New History. N. Y., 2005; *Westad O.A.* The Cold War and the international history of the twentieth century // The Cambridge History of the Cold War. Ed. by *Westad O.A., Leffler M.P.* Cambridge, 2010; *Engerman D.C.* Ideology and the origins of the Cold War 1917–1962 // The Cambridge History of the Cold War. Ed. by *Westad O.A., Leffler M.P.* Cambridge, 2010; *Leffler M.P.* For the soul of mankind: the United States, the Soviet Union and the Cold War. N. Y., 2007; *Zubok V.M.* A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. UNC Press Books, 2007; *Hanhimäki J.M., Westad O.A.* The Cold War: a history in documents and eyewitness accounts. Oxford, 2004; *Stöver B.* Der Kalte Krieg 1947–1991: Geschichte eines radikalen Zeitalters. München, 2007.

К главе 2. Генезис холодной войны

1. Холодная война. Сущность, способы и формы противоборства двух социально-экономических систем. М., 1975; *Корниенко Г.М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994; *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1997. Глава VIII. «Холодная война» как социально-политический феномен; *Тюшкевич С.А.* Война и современность. М., 1986.

2. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 393.

3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 37. С. 43.

4. *Якушевский А.С.* Пропагандистская работа большевиков среди войск интервентов в 1918–1920 гг. М., 1974.

5. *Цветков Г.Н.* Шестнадцать лет непризнания. М., 1976.
6. *Секистов В.А.* «Странная война». М., 1963.
7. *Черчилль У.* Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1955. Т. 3. С. 363.
8. Там же. С. 364.
9. *Секистов В.А.* Правда и вымысел об открытии второго фронта в Европе // Военно-исторический журнал. 1984. № 5. С. 76.
10. *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942/Сокр. пер. с англ. М., 1965. С. 454.
11. *Dunn W.* Second Front in 1943. N. Y., 1981. P. 41; *Bruce G.* Second Front Now! The Road to D-Day. L. 1979. P. 17, 43, 104.
12. *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947. С. 68–70.
13. *Rostou U.* The United States on the world scene. The essay on modern history. N. Y., 1969.
14. Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 50.
15. *Cherry M.* Preparing for the next War. American Plans for Post-war Defense. 1941–1945. // Yale University Press. 1977.
16. *Матуас Л.* Обратная сторона США/Пер. с нем. М., 1968. С. 134.
17. *Lafeber W.* America, Russia and the Cold War. 1945–1981. N. Y., 1985. P. 12.
18. *Ciechanovski J* The Warsaw Rising of 1944. Cambridge. 1974. P. 250–251; *Liddell B.H.* *Hart* Storia militare della seconda Guerra mondiale. Milano, 1970. P. 817.
19. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 253.
20. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1986. Т. 2. С. 85.
21. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 2. С. 196–199, 202–209, 211–212.
22. *Хиршсон С.* Генерал Паттон. Жизнь солдата. М., 2004. С. 724.
23. Новая и новейшая история. 1997. № 3.

24. *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 525–526.
25. *Громыко А.А.* Памятное. М., 1990. Кн. 2. С. 276.

К главе 3. Становление и развитие холодной войны

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. (в 6 т.). М.: Воениздат, 1960–1965. Т. 6. С. 45.
2. *Боффа Дж.* История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 258.
3. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 268.
4. АВП МИД РФ Ф. 059. Оп. 18. П. 39. Д. 250. Л. 207–209.
5. Телеграмма Дж. Кеннана от 22 февраля 1946 г. // *Международная жизнь*. 1990. № 11.
6. *New York Times Magazine*. 28.01.1968. P. 21.
7. АВП МИД РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 45. Д. 759.
8. *Шевякин А.П.* Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. М., 2005.
9. *Darling Arthur B.* The Central Intelligence Agency: An Instrument of Government to 1950. University Park, Penn.: Pennsylvania State University Press, 1990. P. 280.
10. Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950/Ed. By F. Etzold and J Gaddis. N. Y., 1978. P. 127–128.
11. *Колпакиди А.И., Лемехов О.И.* Главный противник: ЦРУ против России. М.: Вече. 2002. С. 104–105.
12. *James Jay Carafano.* Mobilizing Europe's Stateless: America's Plan for a Cold War Army // *Journal of Cold War Studies*. Vol. 1. № 2 (Summer 1999). P. 61–85.
13. *Walter L. Hixson.* Parting the Iron Curtain: Propaganda, Culture and the Cold War 1945–1961. London: Macmillan, 1997. P. 68.

14. *Marchio James*. Rhetoric and Reality: The Eisenhower Administration and Unrest in Eastern Europe, 1953–1956. Ph. D. diss. 1990. P. 232–233.

15. *Marchio Jim*. Resistance Potencial and Rollback: U.S. Intelligence and the Eisenhower Administration's Policies Toward Eastern Europe, 1953–1956 // *Intelligence and National Security*. 1995. April. P. 219–241.

16. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. М., 2009. С. 44–47.

17. *Коротков Г.И.* Военная доктрина США после Второй мировой войны. М., 1963; *Его же.* Зарождение и развитие агрессивного характера и антисоветской направленности военной доктрины США. М., 1986; *Марилов В.Л.* Безопасность в эпоху партнерства. М., 1999; *Кокошин А.А.* За фасадом глобальной политики. М., 1981.

18. *Rothwell V.* Britain and Cold War. 1941–1947. L., 1982. P. 421.

19. *Boyd A., Metson I.* Atlantic Pact. N. Y., 1949. P. 21.

20. *Hantrey R.* Western European Union: Implication for the United Kingdom. N. Y., 1949. P. 29.

21. *Baylis J.* Op. cib // *International Affairs*. 1984. Vol. 60. № 4. P. 624.

22. *Public Papers of the President H.S. Truman*. Wash., 1948. P. 184.

23. *Dulles G.F.* War or Peace. N. Y., 1950. P. 96.

24. *Congressional Record*. 80 Congress. 2nd Session. Vol. 94. P. 7791, 7811–7812. Wash., 1999.

25. *Внешняя политика Советского Союза*. 1949. М., 1953.

26. *Халоша Б.М.* Североатлантический блок. М., 1960. С. 65., 67.

27. *История внешней политики СССР*. М.: Наука, 1981. Т. 2.

28. *Советско-чехословацкие отношения 1945–1960 гг.* М., 1972. С. 66–70, 158–160.

29. *Советско-болгарские отношения 1944–1948 гг.* М., 1968. С. 115–118.

К главе 4. Кризисы холодной войны

1. АВП МИД РФ. Ф. 094. Оп. 30. П. 3. Д. 48. Л. 1, 99, 102, 158.
2. АВП МИД РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 37. Д. 461. Л. 16–18.
3. *Егорова Н.И.* «Иранский кризис» 1945–1946 гг. // Новая и новейшая история. 1994. № 3.
4. АВП МИД РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 33. Д. 476. Л. 6.
5. АВП МИД РФ. Ф. 0430. Оп. 01. П. 1. Д. 1. Л. 240.
6. *Джилас М.* Уроки тоталитаризма. М., 1992. С. 130.
7. *Schröder T.* Die Logistik der Lüftbrücke. Vom Experiment zur Rekord-Maschinerie // Р.М. ДОКУ. 2006. № 1. С. 43.
8. *Высоцкий В.Н.* Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений. М., 1971. С. 177.
9. *Rykowski Z., Wtadyka W.* Polska Proba: Pzdzicznik 56. Krakow, 1989. S. 85–89.
10. АВП МИД РФ. Ф. 0122. Оп. 38. П. 317. Д. 18. Л. 133; Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 73.
11. АВП МИД РФ. Ф. 0122. Оп. 40 (1956 г.). П. 336. Д. 10. Л. 28–29.
12. Там же. Л. 31–32.
13. *Roznanski Czerwies*, 1956. Wyd. 2. Poznan, 1990. S. 122–123.
14. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 175.
15. *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1991. Т. 1. С. 221.
16. Там же. С. 222.
17. *Toranska T.* Oni. Warszawa, 1989. S. 277.
18. Protocol № 129. Meeting of the Politburo on 19, 20, 21 October 1956 (Cold War International History Project. Bulletin. Issue 5. Woodrow Wilson International Centre for Scholars. Washington D.C. Spiring 1995. P. 39–41).
19. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 5. Л. 102–103.
20. *Гомулка В.* Речь на VIII пленуме ЦК ПОРП 20 октября. Варшава, 1956. С. 37–38.
21. АВП МИД РФ. Ф. 1022. Оп. 40 (1956 г.). П. 336. Д. 10. Л. 108.

22. Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 251.
23. Benko P. Adalekok a politikai rendszer restauraciojához Magyarországon 1956 és 1958 között // *Multunk*, 1990. L. sz. 113 old.
24. Az 1956-os Magyar forradalom. Reform-Felkeles-Szabadságharc-Megtorlás. Budapest, 1991. 38 old.
25. A forradalom hangja. Magyarországi radioadások 1956. Október 23 — November 9. Századveg füzetek 2. Budapest, 1989. 15 old.
26. Hajdu Tibor. Az 1956. október 24-i moszkvai értekezlet // 1956-os Intezet Evkonyve, I. 1992. Budapest, 1992. 152–153 old.
27. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 101–107.
28. Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 11–12, 94.
29. Политические кризисы и конфликты 50–60 годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 78.
30. Muszatov V. Szovjet politikai beavatkozás és katonai intervenció Magyarországon 1956-ban. // *Multunk*. 1991. 4. sz. 164 old.
31. A Magyar Forradalmi Munkás-Paraszt Kormány közérdeku rendelete. Budapest, 1956. 1–3 old.
32. L.A. Ch. Fry taviratai a brit külügyminiszteriumnak // *Társadalmi Szemle*. 1991. L. sz. 71–72 old.
33. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 560.
34. Jalta és Suez között. Budapest, 1989; 1956-os Intezet Evkonyve. I. 1993. Budapest, 1993. 40–41 old.
35. Hajdu T. 1956 nemzetközi hattere // *Társadalmi Szemle*. 1989. 8–9. sz. 41–43 old.
36. Штраус Ф.-Й. Воспоминания. М., 1991. С. 302–303.
37. Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. М., 1974. С. 206.
38. Государства НАТО и военные конфликты. М., 1987. С. 167.
39. Амброз С. Эйзенхауэр: солдат и президент. М., 1993. С. 384–385.
40. Love K. Suez. The Twice-Fought War. N. Y., 1969. P. 492.

41. *Marshall S.* Sinai Victory. N. Y., 1968. P. 25–28.
42. *Intervia.* 1967. № 4; *Медведко Л.И.* К Востоку и Западу от Суэца. М., 1980. С. 30.
43. *Ovendale R.* The origin of the Arab-Israeli Wars. London, 1983. P. 160.
44. *Eisenhower D.* Waging Peace 1956–1961 Harward City. N. Y., 1965. P. 86–88.
45. *Kissinger H.* Nuclear Weapons and Forein Policy. N. Y., 1957. P. 12.
46. *Орлов А.С.* В поисках абсолютного оружия. М., 1989. С. 141.
47. *Kissinger H.* American Foreign Policy. Three Assays. № 9. 1969. P. 15.
48. Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995. С. 414–415.
49. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 27.
50. *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М., 1991. Т. 2. С. 177, 181.
51. Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения. М., 1994. С. 269.
52. АВП МИД РФ Референтура по Кубе. Оп. 17. Оп. 6г. Л. 35.
53. *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 65.
54. Там же. С. 69.
55. Геополитика и безопасность. 1994. № 2. С. 27.
56. Жизнь под угрозой ядерного оружия. М., 1983. С. 100.
57. *Майоров А.М.* Вторжение. Чехословакия, 1968. М., 1998. С. 240.
58. *Грибков А.И.* Судьба Варшавского Договора. М., 1998. С. 120.

К Главе 5. Военная сила в холодной войне

1. Основы политологии. М., 2004. С. 286.
2. Там же.
3. Тюшкевич С.А. Стратегическая стабильность в историческом измерении. М., 1995.
4. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. М., 1994. С. 19.
5. Там же.
6. New York Herald Tribune, 25.06.1945.
7. Яковлев Н.Н. Война после войны // Новое время. 1979. №34. С. 25.
8. Новая и новейшая история. 1997. №6. С. 190.
9. *Blackett P. Fear, War and the Bomb. Military and Political Consequences of Atomic Energy.* N. Y., 1949. P. 139.
10. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1994. С. 13.
11. *Stimson H. and Bundy M. G. On. Active Service in Peace and War.* N. Y., 1948. P. 642–643.
12. Грайнер Б., Штайнгауз К. На пути к 3-й мировой войне. Документы. М., 1983. С. 72–73.
13. *Sherry M. S. Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defense, 1941–1945.* New Haven, London, 1977.
14. *Herken G. The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Gold War, 1945–1950.* 2 nd ed. Princeton, 1988. P. XIII.
15. *Truman H. Memoirs. Vol. 2.* N. Y., 1956. P. 382.
16. *Seversky A. Air Power: Key to Survival.* № 4. 1950. P. 222–223.
17. Орлов А.С Тайная битва сверхдержав. М., 2000.
18. Сталин И.В. Ответы корреспонденту газеты «Правда»// Правда. 1951. 6 окт.
19. Асташенков П. Т. Подвиг академика Курчатова. М.: Знание, 1979. С. 107.
20. Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М., 1995. С. 189.
21. Ильин А. От «Малыша» до «Большого Ивана» // Международная жизнь. 1997. № 1.

22. Романов А.П., Губарев В.С. Конструкторы. М.: Политиздат, 1989. С. 63.
23. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 173870. Д. 2. Л. 148.
24. Развитие ракетного оружия и РВСН. М., 1964. С. 78.
25. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 484.
26. Stebbins R. The United States in World Affairs. N. Y., 1958. P. 1.
27. Mueller J. Retreat from Doomsday. N. Y., 1989. P. 285.
28. Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957. P. 12.
29. Военно-блоковая политика империализма. М., 1980. С. 251.
30. Walkowitz T. Strategic Concepts for Nuclear Age. The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 1955. May. P. 118–127.
31. Там же. P. 181–191.
32. Fryklund R. 100 Millions Lives. Maximum Survival in a Nuclear War. N. Y., L., 1962. P. 16.
33. The New York Times. 1962. June 16.
34. Хроника основных событий истории ракетных войск стратегического назначения. М., 1994. С. 36–37.
35. Osgood R. NATO. The Entangling Alliance. Chicago, 1962. P. 222.
36. Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 114–115.
37. Некоторые вопросы советской военной истории в освещении западной историографии. М., 1991. С. 182–183.
38. Жизнь под угрозой ядерного оружия/Пер. с англ. М., 1983. С. 95.
39. Арбатов А.Г. Безопасность в ядерный век и политика США. М., 1986. С. 36.
40. Там же. С. 34.
41. Трофименко Г.А. Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 272.
42. Мильштейн В.М. ВПК и внешняя политика США. М., 1975. С. 11, 54.
43. Откуда исходит угроза миру. М., 1982. С. 8, 34.
44. Newhouse J. The Cold Dawn. N. Y., 1973. P. 134.

45. Кузнецов В. Указ. соч. С. 11.
46. Kaplan F. The Wizards of Armageddon. N. Y., 1983. P 263–270.
47. Macnamara R.S. The Essence of Security. Reflections in Office. N. Y., Evansion and London, 1968. P. 55–56.
48. The Congressional Record. 1972. August 14. P. S 13484.
49. The New York Times. 1970. February 19.
50. Коротков Г.И. Современная военная политика США на Дальнем Востоке. М., 1977.
51. Орлов А.С. Ракетное оружие в политике и стратегии стран Запада (1943–1991). М., 1992. С. 38.
52. Внешнеполитическая стратегия КПСС и новое политическое мышление в ядерный век. М., 1998. С. 91–92.
53. United States Foreign Policy for 1970 s. Shaping Durable Peace. A Report by President R. Nixon to the Congress. 1973. May 3. GRO. Wash., 1973. P. 230.
54. Roberts Ch. The Nuclear Years: The Arms Race and Arms Control 1945–1970. N. Y., 1970. P. 97–98.
55. Перов И. Пентагон: ставка на победу в ядерной войне (история и современность) // Зарубежное военное обозрение. 1989. №5. С. 11.
56. Kinnard D. The Secretary of Defense. Kentucky, 1980. P. 189–237.
57. Arms Control Today. 1981. Vol. 11. № 2. P. 2.
58. Dugger R. On Reagan: The Man and his Presidency. N. Y., 1982. P. 394.
59. Орлов А.С. Указ. соч. С. 223.
60. Там же. С. 293.
61. Климатические и биологические последствия ядерной войны. М., 1986. С. 178.
62. Космическое оружие: дилемма безопасности. М., 1986. С. 89.
63. Baker D. The Shape of Wars to Come. N. Y., 1983. P. 80.
64. Прорыв: Становление нового мышления. М., 1988. С. 86.
65. Ядерные вооружения и республиканский суверенитет. М., 1992. С. 15.

66. Ракетные войска стратегического назначения. Военно-исторический труд/Под общ. ред. генерала армии Ю.П. Максимова. М., 1992. С. 146–147.

67. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 102. Д. 602. Л. 171.

68. ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 739807. Д. 160. Л. 7.

69. ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 739807. Д. 96. Л. 1–48.

70. Информационный бюллетень Ракетных войск. 1969. №43. С. 9.

71. *Рогов С.М.* Советский Союз и США: поиск баланса интересов. С. 59.

72. *Садыков Р.* В испытательном — Ту-160 // Красная звезда. 1990. 28 июня.

73. Воздушная мощь Родины. М., 1988. С. 373.

74. Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР (Анализ развития вооружения, организации и способов действий). М., 1987. С. 227.

75. *Фаличев О.* «Шилка» против Б-52 // Красная звезда. 1991. 5 апр.

76. Там же; *Бункин Б.* С-300 эффективнее «Пэтриот» // Красная звезда. 1991. 27 июня.

77. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 2п. Д. 82. Л. 72–73.

78. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 2п. Д. 161. Л. 84–92.

79. ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 2п. Д. 309. Л. 196–198.

80. *Докучаев А.* Уздечка для ядерных «скакунов», или Что из себя представляет система противоракетной обороны // Красная звезда. 1990. 5 окт.

81. Варшавский Договор — Союз во имя мира и социализма. М., 1980. С. 66–72.

82. Организация Варшавского Договора: Документы и материалы. 1955–1980. М., 1980. С. 66–69.

83. *Грибков А.И.* Варшавский Договор. М., 1988. С. 39.

84. *Грибков А.И.* Судьба Варшавского Договора. М., 1998. С. 33–34.

85. Варшавский Договор: история и современность. М., 1990. С. 153–154.

86. О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора // Правда. 1987. 30 мая.

87. Отечественная военная доктрина (в историческом изменении: от Великого князя Дмитрия Донского до первого российского президента Бориса Ельцина). М., 1996; *Грейнер Б., Штайнгаус К.* На пути к третьей мировой войне. Документы. М., 1983.
88. *Загладин Н.В.* Указ. соч. С. 196.
89. *Загладин Н.В.* Там же. С. 197.
90. Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость. М., 1984. С. 181–188.
91. *Ляховский А.А.* Пламя Афгана. М., 1999. С. 180.
92. *Гареев М.А.* Моя последняя война (Афганистан без советских войск). М., 1996. С. 55–56.
93. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 566.
94. Там же. С. 57.
95. Вооруженные конфликты: предотвращение и урегулирование в политике СССР (1945–1991 гг.). М., 1996. С. 58.
96. Там же. С. 59.
97. Там же. С. 55.

К главе 6. Финал

1. *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. М., 1997. С. 634.
2. Там же. С. 654.
3. *Корниенко Г.М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 250.
4. *Oberdorfer D.* The Turn: from the Cold War to a New Era. N. Y., 1992. P. 228.
5. *Корниенко Г.М.* Указ. соч. С. 200.
6. *Корниенко Г.М.* Указ. соч. С. 201–202.
7. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 268–273.
8. Там же. С. 126–128.
9. *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 663.
10. Сообщение Центральной комиссии референдума СССР об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года // Правда. 1991. 27 марта.

К Заключению

1. *Зиновьев А.А.* Как иголкой убить слона? // Наш современник. 2005. № 10.
2. *Одиночество мысли* (интервью с А. Зиновьевым) // Независимая газета. 2002. 29 окт. № 232.
3. *Мечь победителей* (интервью с А. Зиновьевым) // Вечерняя Самара. 2004. 17 июля. № 27.
4. *Ильинский И.М.* Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. М., 2006.
5. *Медем Н.В.* Обзорение известнейших правил и систем стратегии. СПб., 1836. С. 159–160.
6. *Свечин А.А.* Стратегия. М., 2003.
7. *Снесарев А.Е.* Рецензия на книгу А. Свечина «Стратегия» // Война и Революция. 1926. Кн. 4. С. 144–147.
8. *Лиддл Гарт Б.* Стратегия не прямых действий. М., 1957. С. 13.
9. *Круглый стол в ИВИ РАН: Феномен «холодной войны» в международных отношениях XX века: итоги и перспективы исследования* // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 72.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Телеграммы советского поверенного в делах в Великобритании Ф.Т. Гусева

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛОНДОНА

(получена в Москве 19 мая 1945 г.)¹

[...] Черчилль считает, что теперь, когда победа достигнута, перед союзниками возникло так много больших вопросов, что без личной встречи руководителей трех стран невозможно лишь с помощью телеграмм разрядить весьма сложную обстановку. Черчилль вновь подчеркнул, что он считает положение весьма напряженным, и встрече трех он придает исключительно важное значение. От этой встречи зависит будущее мира, будущие отношения между тремя странами. «Одно из двух, — сказал Черчилль, — или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять Советскому миру и сейчас трудно предвидеть могущие быть результаты, если события будут развиваться по второму пути». При этом Черчилль повысил голос и продолжал: «Мы полны жалоб (протестов)».

¹ Цит. по: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 519–524.

Я спросил Черчилля, какие жалобы он имеет в виду. Черчилль начал перечислять повышенным голосом и с раздражением следующие вопросы:

1) Триест

Тито подкрался к Триесту и хочет овладеть им. Черчилль показал руками на столе, как Тито подкрадывается к Триесту. «Мы не позволим, — прорычал Черчилль, — чтобы территориальные вопросы решались путем захвата, а не на мирной конференции. Мы и американцы едины в своей решимости и считаем, что все территориальные вопросы должны решаться на мирной конференции». Я заметил, что насколько мне известно, Тито не претендует на решение территориальных вопросов сейчас. Черчилль, не обращая внимания на мои слова, продолжал: «Тито не желает отводить свои войска из Триеста. Положение в этом районе весьма напряженное. Армии стоят друг против друга. В любое время могут возникнуть большие неприятности, если не будет проявлено благоразумие. Триест входит в нашу зону оккупации и, как порт, он должен стать международным под итальянским флагом. Этот порт должен обслуживать нужды оккупационных войск в Австрии. Покойный Рузвельт придерживался той точки зрения, что Триест должен быть международным портом под итальянским флагом». Черчилль еще раз упомянул о серьезности положения в районе Триеста, добавив, что со своей стороны он предпринял необходимые меры по усилению концентрации воздушных сил.

2) Прага

— Вы не пускаете наших представителей в Прагу, — заявил Черчилль. — Нашему послу, аккредитованному при правительстве Бенеша, не разрешили въезд в Чехословакию, нашим самолетам не дают прилетать в Прагу.

Я заметил, что только вчера Рипка и другие представители чехословацкого правительства вылетели на британском самолете из Лондона в Прагу.

— Вы хотите создать для себя какое-то исключительное право во всех столицах, где находятся Ваши войска. Британское правительство само не может понять и не может объяснить

британскому народу такую позицию Советского правительства, имея в виду, что мы обязались быть друзьями и сотрудничать друг с другом. Я готов разрешить Вашим представителям в любом количестве посещать какие угодно пункты в Италии, в Германии, в Дании, здесь в Англии, где угодно. А почему Вы не можете проявить одинакового отношения к британской нации? Мы — британцы — представляем из себя достойную нацию, и мы не позволим, чтобы нас третировали.

Не желая выслушивать каких-либо замечаний, Черчилль перешел к следующему пункту.

3) Вена

— Вы не пускаете нас в Вену. Наши представители сейчас, после окончания войны, не могут посмотреть на месте, что им предлагают для расквартирования своих солдат в Вене.

Я остановил Черчилля и заявил ему следующее: еще в прошлом году Европейская Консультативная Комиссия выработала соглашение о зонах оккупации в Германии и управлении «Большим Берлином». Правительства утвердили это соглашение. Одновременно с этим Европейская Консультативная Комиссия начала обсуждение вопросов, связанных с Австрией, и вот уже в течение 10 месяцев ведутся переговоры. Комиссия была уже близка к соглашению о зонах оккупации в Австрии и в городе Вене. Но по инициативе британской и американской делегаций переговоры были приостановлены. Советская делегация согласна продолжать обсуждение, но не по ее вине переговоры были приостановлены.

— Почему Вы не разрешаете нашим представителям посетить Вену? — заявил Черчилль. — Мы обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить нашим представителям посетить Вену, а оно отослало нас опять в Европейскую Консультативную Комиссию. Теперь, когда закончилась война, какими мотивами можно объяснить отказ Советского правительства нашим представителям посетить Вену?

Я заявил, что Советское правительство полагало, что обсуждение вопросов на Европейской Консультативной Комиссии было бы наиболее быстрым способом достижения соглашения. Если каждая из делегаций будет отбирать себе квартиры по

своему собственному желанию, то вряд ли можно было бы достигнуть соглашения в ближайшее время. Мы уже ведем переговоры в течение 10 месяцев. Сколько же времени потребуется еще для того, чтобы закончить переговоры?

— Я полагаю, — говорит Черчилль, — посадить Европейскую Консультативную Комиссию вместе с военными советниками на самолет и отправить в Вену для того, чтобы представить четырех держав на месте достигли соглашения. Это является моим предложением, — заявил Черчилль.

Я заметил, что вряд ли такой путь был бы наиболее быстрым в достижении соглашения.

— Вы создали австрийское правительство, — сказал Черчилль.

Я заметил, что Советское правительство не создавало правительства в Австрии, а лишь не препятствовало австрийцам создать правительство, которое могло бы оказать помощь в борьбе против немцев.

Черчилль заявил, что он не критикует австрийское правительство. Может быть, оно и неплохое, но создано оно отдельно от союзников.

4) Берлин

— Вы не пускаете нас в Берлин. Вы хотите сделать Берлин своей исключительной зоной.

Я заявил, что утверждения Черчилля не имеют основания, так как мы имеем соглашение о зонах оккупации и управлении «Большим Берлином»... Мы не претендуем на то, чтобы посылать кого-либо в те районы, которые предназначены для оккупации советскими войсками, а сейчас там находятся союзные войска. Черчилль вновь повторил, что он готов разрешить какому угодно количеству советских представителей посещение любых мест.

Черчилль перешел к вопросу о Польше и говорил с еще большим раздражением.

5) Польша

Черчилль заявил, что польские дела все ухудшаются и сейчас он не видит пути к удовлетворительному решению. Мы

назвали польских кандидатов для переговоров, а Вы посадили их в тюрьму. Парламент и общественность проявляют большую тревогу. Парламент настойчиво требует новых прений по польскому вопросу и, по-видимому, после 10-дневного перерыва в заседаниях правительство должен представить отчет о состоянии польских дел.

Черчилль предполагает, что этими прениями будет выражено сильное негодование британской нации, и он будет находиться в затруднении, как ему успокоить общественное мнение. Он намерен успокоить парламентское общественное мнение обещанием предстоящей встречи трех, если к тому времени удастся получить согласие маршала Сталина. Говоря об этом еще год тому назад, он согласился на линию Керзона, он полагал, что это будет являться большим вкладом в дело соглашения по польскому вопросу, но на деле оказалось не так. Далее Черчилль глухо упомянул о том, что решая удовлетворительным образом польский вопрос, можно было бы одновременно решить и прибалтийские дела.

Не желая выслушивать моих замечаний, Черчилль вновь перешел к характеристике серьезности общего положения.

— Ваш фронт проходит от Любека до Триеста, Вы держите в своих руках столицы и никого туда не пускаете, положение в Триесте угрожающее, польские дела загнаны в тупик, общая атмосфера накалена — все это не может не вызывать у нас тревогу.

Я заявил Черчиллю, что ему хорошо известна позиция Советского правительства, которое не предъявляет каких-либо территориальных претензий и не претендует на европейские столицы. Наш фронт не проходит до Триеста. Там войска маршала Тито. Он и югославский народ своей борьбой заслужили почетное место среди Объединенных наций.

— Я знаю, — сказал Черчилль, — Вы являетесь великой нацией и своей борьбой заслужили равное место среди великих держав, но и мы — британцы — являемся достойной нацией, и мы не позволим, чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы.

— Я хочу, — сказал Черчилль, — чтобы Вы поняли, что мы весьма обеспокоены существующим положением, и я приказал задержать демобилизацию воздушного флота.

Черчилль быстро закончил беседу, извинился за свою откровенность и отправился вести переговоры с Эттли о предстоящих выборах в парламент.

Личные соображения сообщу дополнительно.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛОНДОНА

Получена в Москве 19 мая 1945 г.

ОСОБАЯ

Дополнительно.

Во время своей речи Черчилль говорил о Триесте и Польше с большим раздражением и нескрываемой злобой. По его поведению видно было, что он с трудом сдерживает себя. В его речи много шантажа и угрозы, но это не только шантаж. После выступления Черчилля по радио 13 мая английская пресса взяла новый антисоветский курс в освещении всех европейских событий, пытаясь объяснить все возникшие трудности позицией СССР. Речь Черчилля была директивой для прессы. В парламентских кругах польские агенты ведут разнузданную антисоветскую кампанию и требуют новых прений по польскому вопросу. Иден уже заявил в палате общин, что после каникул состоятся прения по международному положению. Можно ожидать, что эти прения будут превращены в большую антисоветскую демонстрацию с целью нажима на СССР с применением угроз. У нас пока еще нет точных сведений о целях приезда Эйзенхауэра и Монтгомери в Лондон, но имеются основания полагать, что они были вызваны для обсуждения и оценки соотношения военных сил союзников СССР.

Учитывая создавшуюся обстановку, нам необходимо иметь в виду, что мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени.

18 мая 1945 г.

ГУСЕВ

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Телеграмма американского поверенного в делах в СССР Дж. Кеннана государственному секретарю¹

СЕКРЕТНО

Москва, 22 февраля 1946 г. — 21:00

(получена 22 февраля — 15 час. 52 мин.)

Ответ на запрос 284 Департамента от 3 февраля (13) касается вопросов столь запутанных, столь деликатных, столь странных для нашей формы мышления и столь важных для анализа нашего международного окружения, что я не в состоянии вместить его в одно короткое сообщение, не поднимаясь, как я считаю, до опасного уровня чрезмерного упрощения. Поэтому я надеюсь, что буду правильно понят Департаментом, представляя ответ на этот вопрос в пяти разделах, темы которых будут в общих чертах следующими:

1. Основные характеристики послевоенного советского мировоззрения.

¹ Foreign Relations. 1946. Vol. VI. Eastern Europe; Soviet Union. Wash., 1969. P. 696–709.

2. История этого мировоззрения.
3. Его отражение в практической политике на официальном уровне.
4. Его отражение на неофициальном уровне.
5. Практические выводы с точки зрения политики США.

Я заранее извиняюсь за подобную загрузку телеграфного канала; однако эти вопросы являются столь неотложными, особенно учитывая недавние события, что если и уделять внимание нашим ответам на них, то, по моему мнению, это следует сделать безотлагательно.

Часть 1. Основные характеристики послевоенного советского мировоззрения, излагаемые официальной пропагандистской машиной, являются следующими:

а) СССР по-прежнему находится в антагонистическом «капиталистическом окружении», с которым в долгосрочном плане не может быть постоянного мирного сосуществования. В 1927 г. Сталиным было заявлено делегации американских рабочих:

«В ходе дальнейшего развития мировой революции появятся два центра мирового значения: социалистический центр, притягивающий к себе страны, которые стремятся к социализму, и капиталистический центр, притягивающий к себе страны, которые склоняются к капитализму. Битва между этими двумя центрами за контроль над мировой экономикой решит судьбу капитализма и коммунизма во всем мире».

б) Капиталистический мир поражен внутренними конфликтами, присущими самой природе капиталистического общества. Эти конфликты не могут быть разрешены посредством мирного компромисса. Крупнейшим из них является конфликт между Англией и США.

в) Внутренние конфликты капитализма неизбежно ведут к войнам. Вызываемые таким образом войны могут быть двух видов: межкапиталистические войны между двумя капиталистическими государствами и интервенционистские войны против социалистического мира. Хитрые капиталисты, безуспешно пытаясь найти выход из внутренних конфликтов капитализма, склоняются к последнему решению.

d) Интервенция против СССР, будучи катастрофой для тех, кто предпримет ее, привела бы к новой задержке прогресса советского социализма и, следовательно, должна быть предотвращена любой ценой.

e) Конфликты между капиталистическими государствами, будучи также чреватými опасностью для СССР, тем не менее характеризуются огромными возможностями для продвижения дела социализма, особенно если СССР сохраняет свою военную мощь, идеологическую монолитность и верность своему нынешнему выдающемуся руководству.

f) Следует иметь в виду, что не весь капиталистический мир плох. Помимо безнадежно реакционных и буржуазных элементов он включает:

1) некоторые весьма просвещенные и позитивные элементы, объединенные в соответствующих коммунистических партиях; 2) некоторые другие элементы (характеризуемые в настоящее время по тактическим соображениям как прогрессивные или демократические), чаяния, реакция и действия которых оказываются «объективно» благоприятными для интересов СССР. Этим последним должно поощрять и использовать в советских целях.

g) Среди негативных элементов буржуазно-капиталистического общества наиболее опасными из всех являются те, которых Ленин называл ложными друзьями народа, а именно: умеренно-социалистические и социал-демократические лидеры (другими словами, некоммунистическое левое крыло). Они более опасны, нежели махровые реакционеры, поскольку последние, по крайней мере, выступают под своими подлинными знаменами, в то время как умеренные левацкие лидеры запутывают людей, используя атрибуты социализма в интересах реакционного капитала.

Это все, что касается предпосылок. К каким выводам они приводят с точки зрения советской политики? К следующим:

a) Необходимо делать все, чтобы усилить относительную мощь СССР как движущей силы в международном сообществе. И напротив, не следует упускать ни одной возможности с тем, чтобы уменьшить мощь и влияние коллективное, а также индивидуальное капиталистических держав.

б) Советские усилия, а также усилия заграничных друзей России должны быть направлены на углубление и использование различий и конфликтов между капиталистическими державами. Если они в конечном итоге перерастут в «империалистическую» войну, то эта война должна быть превращена в революционные восстания в различных капиталистических странах.

с) «Демократические, прогрессивные» элементы за границей должны максимально использоваться для оказания давления на правительства капиталистических стран по направлениям, отвечающим советским интересам.

д) Необходимо вести беспрестанную борьбу против заграничных социалистических и социал-демократических лидеров.

Часть 2. История мировоззрения

Перед тем как рассмотреть последствия этой партийной линии на практике, я хотел бы привлечь внимание к некоторым ее аспектам.

Во-первых, она не представляет собой естественное мировоззрение русского народа. Последний в целом дружелюбно настроен к внешнему миру, стремится познакомиться с его опытом, сравниться с ним своими талантами, которыми он обладает, стремится превыше всего жить в мире и наслаждаться плодами своего труда. Партийная линия представляет лишь тезис, который официальная пропагандистская машина продвигает с большим умением и настойчивостью в общество, которое зачастую совершенно не приемлет это всеми фибрами своей души. Однако линия партии определяет мировоззрение и поведение людей, составляющих аппарат власти — партию, тайную полицию и правительство, — и нам приходится иметь дело исключительно с этими людьми.

Во-вторых, пожалуйста, имейте в виду, что послышки, на которых основывается эта линия партии, в большинстве своем просто не соответствуют истине. Опыт показывает, что мирное и взаимовыгодное сосуществование капиталистических и социалистических государств является вполне возможным. Основные внутренние конфликты в развитых странах более

не являются конфликтами, вызванными в первую очередь капиталистической формой собственности на средства производства, а являются конфликтами, вытекающими из развитого урбанизма и индустриализма как таковых. Причиной того, что Россия до сих пор не столкнулась с ними, является не социализм, а исключительно ее собственная отсталость. Внутренние противоречия капитализма не всегда приводят к войнам; и не все войны могут быть объяснены этой причиной. Это полный нонсенс говорить сегодня о возможности интервенции против СССР после ликвидации Германии и Японии, не учитывая пример последней войны. Не будучи спровоцированным силами нетерпимости и подрывными силами, «капиталистический» мир сегодня вполне в состоянии жить в мире с самим собой и с Россией. Наконец, ни один здравомыслящий человек не имеет оснований ставить под сомнение искренность умеренных социалистических лидеров в западных странах. Кроме того, несправедливо отрицать успех их усилий в деле улучшения положения рабочего населения в тех случаях, как, например, в Скандинавии, когда им был предоставлен шанс показать, на что они способны.

Ложность этих посылок, каждая из которых восходит своими корнями к предвоенной истории, была достаточно полно продемонстрирована самим этим конфликтом. Англо-американские противоречия не стали основными противоречиями западного мира. Капиталистические страны, помимо стран оси, не проявили склонности к решению своих противоречий посредством присоединения к крестовому походу против СССР. Вместо превращения империалистической войны в гражданские войны и революцию, СССР столкнулся с положением, когда он был вынужден сражаться бок о бок с капиталистическими державами за известную общность целей.

Тем не менее все эти тезисы, какими бы бесосновательными и ложными они ни были, сегодня самоуверенно выдвигаются вновь. На что это указывает? На то, что советская партийная линия не основывается на каком-либо объективном анализе положения за пределами границ России; она, бесспорно, не имеет ничего общего с условиями, существующими вне России, и вытекает главным образом из основных внутренних

потребностей, которые существовали до последней войны и существуют сегодня.

В основе неврастенического взгляда Кремля на международные дела лежит традиционное и инстинктивное российское чувство присутствия опасности. Первоначально это была неуверенность мирных людей, занимавшихся сельским хозяйством, которые пытались жить на обширной открытой равнине по соседству со свирепыми кочевыми народами. Когда Россия вошла в контакт с экономически развитым Западом, к этому добавился страх перед более компетентными, более мощными, более высокоорганизованными обществами в сфере экономики. Однако этот последний тип неуверенности сказывался в большей мере на правителях России, нежели на русском народе, поскольку российские правители всегда чувствовали, что их правление является относительно архаичным по форме, хрупким и искусственным в своей психологической основе, не способным выдержать сравнение или контакт с политическими системами в странах Запада. По этой причине они всегда опасались иностранного проникновения, боялись прямых контактов с западным миром, боялись того, что могло бы произойти, если бы русские узнали правду о внешнем мире или если бы иностранцы узнали правду о внутреннем мире России. И они научились добиваться безопасности лишь посредством упорной, однако смертельной борьбы за полное уничтожение противостоящей силы, никогда не вступая во взаимодействие и в компромисс с ней.

Не является случайностью тот факт, что марксизм, медленно тлевший в течение полувека в Западной Европе, впервые по-настоящему занялся и ярко разгорелся в России. Лишь на этой земле, которая никогда не знала дружелюбного соседа или какого-либо приемлемого равновесия отдельных сил, будь то внутренних или международных, могла расцвести доктрина, в рамках которой считается невозможным разрешить экономические противоречия общества мирными средствами. После установления большевистского режима марксистская догма, ставшая еще более жесткой и нетерпимой в результате ее ленинской интерпретации, стала совершенным механизмом чувства отсутствия безопасности, которому большевики были

подвержены еще более, нежели предыдущие правители России. В этой догме, с ее базовым альтруизмом цели, они нашли оправдание своему инстинктивному страху перед внешним миром; диктатуре, без которой они не знали, как можно управлять; жестокостям, которые они не посмели не применить; жертвам, которые они сочли необходимым требовать. Во имя марксизма они пожертвовали все этические ценности своих методов и тактики. Сегодня они не могут избавиться от этого. Это является фиговым листком их моральной и интеллектуальной респектабельности. Без этого они предстанут перед историей в лучшем случае лишь как последние из длинной череды жестоких и расточительных русских правителей, которые неуклонно двигали страну к все новым высотам военной мощи с тем, чтобы гарантировать внешнюю безопасность своих внутренне слабых режимов. Именно поэтому советские цели должны всегда быть наряжены в торжественные внешние атрибуты марксизма и поэтому никто не должен недооценивать важность догмы в советских делах. Таким образом, особенности положения советского руководства и вынуждают их и в прошлом, и сейчас прибегать к догмам, которые представляют внешний мир как злой, враждебный и угрожающий, но и несущий в себе микробы, ползучие болезни и которому суждено погибнуть от все усиливающихся внутренних потрясений, пока растущая мощь социализма нанесет ему завершающий смертельный удар и он не уступит свое место новому и лучшему миру. Этим тезисом обосновывается тот рост военной и полицейской мощи Русского государства, та изоляция русского населения от внешнего мира и то изменчивое и постоянное давление к расширению пределов русской полицейской мощи, которые в совокупности представляют собой естественные и инстинктивные потребности русских правителей. В своей основе это всего лишь неуклонное продвижение тревожного русского национализма — многовековое движение, в котором сложнейшим образом смешались концепции нападения и защиты. Однако в своем новом обличии международного марксизма с его подслащенными обещаниями, отчаявшемуся, истерзанному войной внешнему миру он еще более опасен и коварен, нежели когда-либо прежде.

На основе вышесказанного не следует думать, что советская партийная линия обязательно является лицемерной и неискренней, когда речь идет о всех тех, кто ее проводит. Многие из них слишком мало знают о внешнем мире и являются слишком зависимыми в своих суждениях, чтобы поставить под вопрос идеологические постулаты, предпочитая самогипноз, и кому не представляет трудности заставить себя верить в то, во что легко и удобно верить. И наконец, мы сталкиваемся с непостижимой тайной, связанной с тем, кто на этой великой земле действительно получает точную и неискаженную информацию о внешнем мире, если такой человек вообще имеется. В атмосфере восточной секретности и таинственности, которая пронизывает это правительство, имеются неисчислимые возможности искажения или отравления источников и потоков информации. Неуважение русских к объективной правде, само их неверие в ее существование приводят к тому, что они рассматривают любые факты как инструменты продвижения к той или иной скрытой цели. Имеются все основания подозревать, что это правительство фактически является заговором в заговоре; и лично мне, например, мало верится в то, что сам Сталин получает сколь-либо объективную картину внешнего мира. Здесь имеются все возможности для того вида тонкой интриги, в которой русские являются мастерами. Невозможность для иностранных правительств четко изложить свою позицию русским руководителям — тот масштаб, в котором их отношения с Россией зависят от благорасположения незаметных и безвестных советников, которых они никогда не видят и на которых не могут повлиять, — это, по моему мнению, является наиболее тревожной чертой дипломатии в Москве, причем той, которую западным государственным деятелям следует хорошо помнить, если они хотят понять природу трудностей, с которыми здесь сталкиваются.

Часть 3. Отражение советского мировоззрения в практической политике на официальном уровне

Мы сейчас познакомились с характером и предысторией советской программы. Чего можно ожидать в плане ее практического осуществления?

Советская политика, как это отмечается в соответствующем запросе Департамента, проводится в двух плоскостях: 1) официальная плоскость, представленная действиями, предпринимаемыми официально от имени Советского правительства; 2) подпольная плоскость действий, проводимых учреждениями, ответственность за действия которых не признается Советским правительством.

Политика, проводимая в обеих плоскостях, рассчитана на обслуживание основных направлений политики от а) до d), изложенных в части 1. Действия, предпринимаемые в различных плоскостях, характеризуются значительным различием, однако совпадают друг с другом в своей цели, сроках и последствиях.

В официальной плоскости следует обратить внимание на следующее:

а) Внутренняя политика посвящена укреплению любым способом мощи и престижа Советского государства: интенсивная военная индустриализация; максимальное развитие вооруженных сил; выставление напоказ с тем, чтобы поразить посторонних; постоянная засекреченность внутренних вопросов, рассчитанная на то, чтобы скрыть слабые стороны и информацию от оппонентов.

б) Во всех случаях, когда это считается своевременным и многообещающим, предпринимаются усилия в целях расширения официальных границ советской мощи. На данный момент эти усилия ограничиваются некоторыми соседними точками, которые считаются имеющими непосредственное стратегическое значение, такими как Северный Иран, Турция, возможно, Борнхольм. Однако в любое время могут появиться другие точки, если и по мере того как скрытая советская политическая мощь будет охватывать новые области. Так, к «дружественному» персидскому правительству может быть обращена просьба предоставить России порт в Персидском заливе. Если Испания попадет под контроль коммунистов, может возникнуть вопрос о советской базе в Гибралтарском проливе. Однако подобные притязания возникнут на официальном уровне лишь тогда, когда завершена неофициальная подготовка.

с) Русские будут официально участвовать в работе международных организаций в том случае, когда они видят возмож-

ность расширения советского влияния или сдерживания или размывания влияния других. Москва рассматривает ООН не как механизм постоянного и устойчивого мирового сообщества, основанного на взаимных интересах и целях всех стран, а как арену, обеспечивающую возможность достижения вышеуказанных целей. Советы останутся в ООН до тех пор, пока будет считаться, что эта организация служит достижению данной цели. Однако если когда-нибудь они придут к выводу, что ООН наносит ущерб достижению целей расширения их влияния, и если они увидят лучшие перспективы достижения этих целей по другим направлениям, они, без сомнения, покинут ООН. Это будет означать, однако, что они считают себя достаточно сильными, чтобы разрушить единство других стран посредством своего выхода, сделать ООН неэффективной в плане угрозы их целям или безопасности и заменить ее международным инструментом, являющимся более эффективным с их точки зрения. Таким образом, советское отношение к ООН в значительной мере будет зависеть от лояльности других стран по отношению к этой организации и от степени энергичности, решительности и сплоченности, с которой эти страны защищают в ООН мирную и многообещающую концепцию международной жизни, которую эта организация представляет собой в соответствии с нашим образом мышления. Я вновь подчеркиваю, что у Москвы нет абстрактной приверженности идеалам ООН. Ее отношение к этой организации будет оставаться в целом прагматичным и основанным на тактических соображениях.

d) В отношении колониальных районов и отсталых или зависимых народов советская политика даже на официальном уровне будет направлена на уменьшение мощи, влияния и связей развитых западных стран, основываясь на теории, что пока эта политика проводится успешно, будет образовываться вакуум, способствующий коммунистическому советскому проникновению. Таким образом, советское давление в отношении участия в соглашениях по опеке, по моему мнению, является стремлением получить возможность затруднять и сдерживать влияние Запада в этих точках, а не обеспечить основной канал для продвижения советского влияния. Нельзя сказать, что последний мотив отсутствует, однако в этих целях Советы пред-

почитают полагаться на иные каналы, нежели официальные соглашения об опеке. Следовательно, можно ожидать, что Советы будут просить об участии в любых соглашениях об опеке или подобных соглашениях и использовать получаемые подобным образом рычаги с тем, чтобы уменьшить влияние Запада на эти народы.

е) Русские будут энергично стремиться расширять советское представительство и официальные связи со странами, в которых, по их мнению, имеются большие возможности противопоставления западным центрам власти. Это касается таких широко разбросанных географических точек, как Германия, Аргентина, страны Ближнего Востока и т. д.

ф) В международных экономических вопросах советская политика будет фактически определяться стремлением Советского Союза и соседних районов в целом, доминируемых Советским Союзом, к автаркии. Это, однако, будет основной политикой. Что касается официальной линии, то позиция здесь пока неясна. Советское правительство проявляет странную сдержанность со времени прекращения враждебных отношений в области международной торговли. Если наметятся крупные долгосрочные кредиты, я считаю, что Советское правительство может вновь лицемерно выступить, как это было в 30-е гг., за желательность развития международных экономических связей в целом. В противном случае я считаю возможным, что советская внешняя торговля может быть в значительной мере ограничена собственно советской сферой безопасности, включая оккупированные районы Германии, и может иметь место холодное официальное отношение к принципу общего экономического сотрудничества между странами.

г) Что касается культурного сотрудничества, то здесь также будет отмечаться неискренняя поддержка желательности углубления культурных контактов между народами, однако на практике это никоим образом не будет интерпретироваться как потенциал к снижению уровня безопасности советских народов. Практические проявления советской политики в этой связи будут ограничиваться узкими каналами тщательно контролируемых официальных визитов и функций, характеризоваться избытком водки и речей и отсутствием постоянных результатов.

h) Помимо этого советские официальные отношения будут осуществляться в соответствии с так называемым «правильным» курсом по отношению к отдельным иностранным правительствам, уделяя особое внимание престижу Советского Союза и его представителей, а также тщательному соблюдению протокола в отличие от хороших манер.

Часть 4. Следующее может быть сказано в отношении того, что можно ожидать от осуществления основных направлений советской политики на неофициальном или подпольном уровне, то есть на уровне, за который советское правительство на себя ответственности не берет.

Следующие учреждения используются для продвижения политики на этом уровне:

1. Внутреннее центральное ядро коммунистических партий в других странах. Может показаться, что многие лица, входящие в эту категорию, действуют в своем личном качестве, однако на самом деле они тесно взаимодействуют в рамках подпольного оперативного директората мирового коммунизма, скрытого Коминтерна, жестко координируемого и руководимого Москвой. Важно помнить, что это внутреннее ядро фактически действует на подпольной основе, несмотря на легальное существование партий, с которыми оно ассоциируется.

2. Рядовые члены коммунистических партий. Обратите внимание на различие, проводимое между ними и лицами, упомянутыми в пункте 1. В последние годы это различие стало еще более резким. Прежде иностранные коммунистические партии представляли собой странную (и с точки зрения Москвы, часто неудобную) смесь подпольной и законной деятельности, однако сейчас конспиративный элемент аккуратно сконцентрирован во внутреннем круге и направлен в подполье, в то время как рядовые члены — просто не посвященные в реалии движения — выдвигаются вперед как подлинные внутренние приверженцы определенных политических тенденций в своих странах, абсолютно неинформированные о конспиративной связи с иностранными государствами. Лишь в некоторых странах, в которых коммунисты сильны количественно, они регулярно проявляются и действуют как орган. Как правило, они использу-

ются для проникновения и оказания влияния или для контроля, в зависимости от обстоятельств, за другими организациями, которые в меньшей мере могут быть заподозрены как инструмент влияния Советского правительства, с тем чтобы достичь их цели через них, а не выступая непосредственно в качестве отдельной политической партии.

3. Широкий круг национальных ассоциаций или органов, над которыми можно доминировать или на которые можно влиять посредством подобного проникновения. Сюда входят: профсоюзы, молодежные союзы, женские организации, общества, составленные по национальному признаку, религиозные общества, социальные организации, культурные группы, либеральные журналы, издательства и т. д.

4. Международные организации, в которые также можно проникнуть посредством оказания влияния на различные национальные компоненты. Важнейшими из них являются профсоюзные, молодежные и женские организации. Особое, почти жизненно важное значение придается в этой связи международному рабочему движению. Москва видит в этом возможность обойти западные правительства в международных делах и создать международное лобби, способное заставить правительства в различных странах принимать меры, отвечающие советским интересам, и парализовать действия, идущие вразрез интересам СССР.

5. Русская православная церковь с ее заграничными ветвями и через нее — восточная православная церковь в целом.

6. Общеславянское движение и другие движения (армянское, азербайджанское, туркменское и др.), базирующиеся на национальных группах в рамках Советского Союза.

7. Правительства или правительственные группы, которые готовы в той или иной мере способствовать продвижению советских целей, такие как болгарское и югославское правительства, северо-персидский режим, китайские коммунисты и др. Не только пропагандистские машины, но и практическая политика этих режимов может быть в значительной мере представлена в распоряжение СССР.

Можно предположить, что составные части этого обширного аппарата будут следующим образом использоваться в зависимости от их индивидуального характера:

а) Для подрыва общего политического и стратегического потенциала крупнейших западных держав. В этих странах будут предприниматься усилия с тем, чтобы подорвать веру в собственные силы на национальном уровне, сдерживать меры в области национальной обороны, усилить волнения на социальной и производственной почве, стимулировать все формы распада единства. Всем, у кого есть повод к недовольству, будь то по экономическим или расовым причинам, будет настоятельно предлагаться добиваться решения своих проблем не посредством взаимодействия и компромисса, а путем жестокой борьбы за разрушение других элементов общества. В данном случае бедные будут противопоставляться богатым, черные — белым, молодежь — пожилым людям, приезжие — тем, кто давно проживает в том или ином месте, и т. д.

б) В неофициальном плане особенно жестокие меры будут приниматься для ослабления мощи и влияния западных держав в отношении колониальных отсталых или зависимых народов. На этом уровне будут разрешены все приемы. Будут беспощадно разоблачаться и использоваться ошибки и слабые стороны западной колониальной администрации. Либеральное общественное мнение в западных странах будет мобилизовано в целях ослабления колониальной политики. Будет стимулироваться возмущение среди зависимых народов. И в то время как будет поощряться стремление этих сил к достижению независимости от западных держав, доминируемые Советами марionеточные политические механизмы будут готовиться к захвату власти в соответствующих колониальных районах после достижения ими независимости.

в) В случаях, когда отдельные правительства стоят на пути достижения советских целей, будет оказываться давление, с тем чтобы их сместить. Это может иметь место в случаях, когда правительства прямо противостоят целям советской внешней политики (Турция, Иран), когда они закрывают свои границы от коммунистического проникновения (Швейцария, Португалия) или когда они слишком сильно конкурируют, как лейбористское правительство в Англии, в плане морального доминирования над элементами, над которыми важно доминировать коммунистам. (Часто в одном подобном случае имеется два элемен-

та. Коммунистическая оппозиция тогда становится особенно резкой и жестокой.)

d) В других странах коммунисты будут, как правило, стремиться к уничтожению всех форм личной независимости: экономической, политической или моральной. Их система может обращаться лишь с личностями, которые находятся в полной зависимости от высшей власти. Следовательно, лица, являющиеся независимыми в финансовом плане, такие как отдельные бизнесмены, землевладельцы, добившиеся успеха фермеры, ремесленники и все те, кто выполняет руководящие функции на местном уровне или пользуется авторитетом на местах, например, популярные местные религиозные или политические деятели, предаются анафеме. Не случайно, что даже в СССР местные руководители постоянно перемещаются с одной работы на другую, с тем чтобы они нигде не пускали корней.

e) Будет делаться все возможное, чтобы столкнуть западные державы друг с другом. Среди американцев будут распространяться антибританские разговоры, а в Британии — антиамериканские. Европейцев, включая немцев, будут учить ненавидеть обе англосаксонские державы. Там, где недоверие существует, оно будет подогреваться, а где его нет — разжигаться. Будут предприняты все усилия, чтобы дискредитировать и подорвать любые меры, которые чреватy опасностью привести к какому-либо единству или сплоченности между другими странами, к союзу, из которого Россия могла бы быть исключена. Таким образом, любой вид международной организации, не поддающейся коммунистическому проникновению и контролю, будь то католическая церковь или организация по международным экономическим проблемам или международное братство представителей королевских семей и аристократии, обязательно окажется под огнем.

f) В целом любые советские усилия в неофициальном международном плане будут негативными и деструктивными по своему характеру и будут направлены на подрыв источников силы, которые не подпадают под советский контроль. Это полностью соответствует основному советскому инстинкту, что не может быть компромисса с противоборствующей силой и конструктивная работа может быть начата, если лишь коммунистиче-

ская власть доминирует. Однако на все это будет беспрестанно оказываться давление, с тем чтобы проникнуть и захватить контроль за ключевыми позициями в административном и особенно полицейском аппарате иностранных государств. Советский режим является по преимуществу полицейским режимом, возникшим в тусклом полумире царских полицейских интриг, который привык думать, в первую очередь, с точки зрения полицейской мощи. Это никогда не следует упускать из виду при взвешивании советских мотивов.

Часть 5. Практические выводы с точки зрения политики США

Суммируя, мы имеем здесь дело с политической силой, фанатично приверженной мнению, что с США не может быть достигнут постоянный модус вивенди, что является желательным и необходимым подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства, с тем чтобы обеспечить безопасность советской власти. Эта политическая сила имеет в своем полном распоряжении энергию одного из величайших в мире народов и ресурсы богатейшей национальной территории в мире и движима глубокими и мощными течениями русского национализма. Кроме того, она обладает обширным развитым аппаратом для оказания влияния в других странах, аппаратом, являющимся поразительно гибким и многообразным, которым руководят люди, чей опыт и навыки в области подпольных методов не имеют равных в истории. Наконец, она, вероятно, недоступна для соображений реальности в ее основных реакциях. В отличие от нас, обширный фонд объективных фактов о человеческом обществе не является для нее мерой, с которой постоянно соотносится и реформируется мировоззрение, а лишь присвоенным мешком, из которого произвольно и тенденциозно выбираются отдельные предметы в поддержку уже составленного мировоззрения. Допускаю, это неприятная картина. Проблема того, как поступать в отношении этой силы, является, несомненно, величайшей задачей, с которой когда-либо сталкивалась наша дипломатия и, вероятно, с которой когда-либо столкнется. Это должно быть отправной точкой всей нашей

общей политической работы в настоящее время. К ней следует подходить с такой же тщательностью и осторожностью, как к решению крупнейшей стратегической проблемы в ходе войны, прилагая, если необходимо, не меньше усилий в том, что касается планирования. Я не могу пытаться предложить здесь ответы на все вопросы. Но я хотел бы заявить, что в наших силах решить данную проблему, причем не скатываясь к какому-либо общему военному конфликту. И в поддержку этой убежденности я хотел бы привести некоторые соображения более оптимистического характера:

1. Советская власть, в отличие от власти в гитлеровской Германии, не является ни схематичной, ни авантюрной. Она не действует на основе установленных планов. Она не рискует без необходимости. Будучи невосприимчивой к логике разума, она очень чувствительна к логике силы. По этой причине она может легко отступить и обычно так поступает, если на любом этапе она сталкивается с сильным противодействием. Следовательно, если противник обладает достаточной силой и ясно показывает свою готовность прибегнуть к ней, ему редко приходится делать это. При надлежащем подходе к возникающим ситуациям исключается разворот событий, связанный с потерей престижа.

2. В сравнении с западным миром в целом Советы все еще остаются значительно более слабой силой. Следовательно, их успех будет зависеть от реального уровня сплоченности, твердости и энергичности, которого сможет достичь западный мир. В наших силах влиять на этот фактор.

3. Успех советской системы, как формы внутренней власти, еще окончательно не доказан. Ей надо еще продемонстрировать, что она может выдержать важнейшее испытание последовательной передачи власти от одного лица или группы лиц другой. Первая такая передача произошла в связи со смертью Ленина, и ее последствия потрясли Советское государство в течение 15 лет. Вторая передача состоится после смерти Сталина или его ухода в отставку. Но даже это не будет последним испытанием. В связи с недавней территориальной экспансией советская внутренняя система будет и сейчас испытывать ряд дополнительных напряжений, которые в свое время легли тяже-

лым бременем на царизм. Здесь мы убеждены, что никогда со времен Гражданской войны русский народ в своей массе эмоционально не был более далек от доктрин коммунистической партии, нежели сейчас. Партия в России стала сейчас величайшим и, на данный момент, чрезвычайно успешным аппаратом диктаторской власти, однако она перестала быть источником эмоционального вдохновения. Таким образом, не следует считать доказанными внутреннюю прочность и эффективность движения.

4. Вся советская пропаганда за пределами советской сферы безопасности является в основном негативной и деструктивной. Следовательно, ей относительно легко будет противопоставить любую разумную и действительно конструктивную программу. По этим причинам, я думаю, мы можем подойти спокойно и с легким сердцем к решению проблемы о том, как поступать в отношении России. В отношении определения этого подхода я хотел бы лишь в заключение сделать следующие замечания:

5. Нашим первым шагом должно стать восприятие и признание характера движения, каким бы оно ни было, с которым мы имеем дело. Мы должны изучать его с той же смелостью, беспристрастностью, объективностью и с той же решимостью не поддаваться на эмоциональные провокации или быть уведенными в сторону, с которой врач изучает непослушного и неблагодарного пациента.

6. Мы должны обеспечить, чтобы наша общественность знала реальное положение в России. Значение этого невозможно переоценить. Одна пресса не может сделать этого. Это должно делаться главным образом правительством, которое обязательно обладает большим опытом и лучше информировано о соответствующих практических проблемах. Здесь нас не должна сдерживать отвратительность картины. Я уверен, в нашей стране сегодня было бы намного меньше истеричного антисоветизма, если бы реалии этого положения были лучше поняты нашим народом. Нет ничего более опасного или более ужасающего, нежели неизвестность. Кто-то может сказать, что изложение большой информации о наших трудностях с Россией неблагоприятно скажется на русско-американских отношениях.

Я считаю, что если здесь и есть какая-либо реальная опасность, то это та, с которой мы должны иметь смелость встретиться лицом к лицу, и чем скорее, тем лучше. Однако я не вижу, чем мы рискуем. Наша ставка в этой стране, даже если начнутся огромные демонстрации в поддержку нашей дружбы с русским народом, чрезвычайно мала. У нас здесь нет капиталовложений, которые надо охранять, фактически нет торговли, которую можно потерять, практически нет наших граждан, которых надо защищать, и мало культурных контактов, которые надо сохранять. Наша единственная ставка заключается не в том, что мы имеем, а в том, на что мы надеемся; и я убежден, что у нас будет больше шансов добиться осуществления наших надежд, если наша общественность будет просвещенной, если наши отношения с русскими будут базироваться на реалистичной, фактической основе.

7. Многое зависит от здоровья и энергичности нашего собственного общества. Мировой коммунизм похож на болезнетворного паразита, который питается лишь от больных тканей. Это точка, в которой перекрещиваются внутренняя и внешняя политика. Каждая смелая и острая мера, направленная на решение внутренних проблем нашего общества, на укрепление уверенности в наших собственных силах, дисциплины, морального и общественного духа нашего народа, является дипломатической победой над Москвой, которая стоит тысяч дипломатических нот и совместных коммюнике. Если мы не сможем избавиться от фатализма и безразличия перед лицом недостатков нашего общества, то воспользуется этим Москва — Москва не может не воспользоваться этим в своей внешней политике.

8. Мы должны разработать и выдвинуть перед другими нациями значительно более позитивную и конструктивную картину того мира, который мы хотели бы видеть, нежели мы выдвигали в прошлом. Недостаточно лишь призывать людей развивать политические процессы, подобные нашим. Многие народы, по крайней мере в Европе, устали и испуганы опытом прошлого, они больше заинтересованы в безопасности, нежели в абстрактной свободе. Они предпочитают получать советы, нежели брать на себя ответственность. Мы должны

находиться в лучшем положении, чем русские, чтобы дать им это. И если мы не сделаем этого, русские обязательно сделают.

9. Наконец, мы должны обладать мужеством и уверенностью, чтобы придерживаться наших собственных методов и концепций человеческого общества. В конце концов, наибольшая опасность, с которой мы можем столкнуться при решении этой проблемы советского коммунизма, заключается в возможности того, что мы позволим себе стать такими же, как те, кому мы противостоим.

КЕННАН

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Речь У. Черчилля в г. Фултон, США 5 марта 1946 г.¹

Я счастлив, что прибыл сегодня в Вестминстерский колледж и что вы присвоили мне ученую степень. Название «Вестминстер» мне кое-что говорит. Кажется, что я его где-то слышал. Ведь именно в Вестминстере я получил львиную долю своего образования в области политики, диалектики, риторики, ну и еще кое в чем. В сущности, мы с вами получили образование в одних и тех же или схожих учебных заведениях. Также честь, возможно, почти уникальная для частного лица — быть представленным академической аудитории президентом Соединенных Штатов. Обремененный множеством различных забот и обязанностей, которых он не жаждет, но от которых не бежит, президент проделал путь в 1000 миль для того, чтобы почтить своим присутствием нашу сегодняшнюю встречу и подчеркнуть ее значение, дав мне возможность обратиться к этой родственной стране, моим соотечественникам по ту сторону океана, а может быть, еще и к некоторым другим странам.

Президент уже сказал вам о своем желании, которое, я уверен, совпадает с вашим, — чтобы я в полной мере был волен дать вам мой честный и верный совет в эти беспокойные и смутные времена. Я, разумеется, воспользуюсь этой предоставленной мне свободой и чувствую себя тем более вправе сделать это, что какие бы то ни было личные амбиции, которые

¹ Мускулы мира. М., 2003. С. 462–490.

я мог иметь в мои молодые годы, давно удовлетворены сверх моих самых больших мечтаний. Должен, однако, заявить со всей определенностью, что у меня нет ни официального поручения, ни статуса для такого рода выступления, и я говорю только от своего имени.

Так что перед вами только то, что вы видите. Поэтому я могу позволить себе, пользуясь опытом прожитой мною жизни, поразмышлять о проблемах, осаждающих нас сразу же после нашей полной победы на полях сражений, и попытаться изо всех сил обеспечить сохранение того, что было добыто с такими жертвами и страданиями во имя грядущей славы и безопасности человечества.

Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и невероятную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг, вы должны ощущать не только чувство исполненного долга, но и беспокойство о том, что можете оказаться не на уровне того, что от вас ожидается. Благоприятные возможности налицо, и они полностью ясны для обеих наших стран. Отвергнуть их, проигнорировать или же без пользы растратить означало бы навлечь на себя бесконечные упреки грядущих времен. Постоянство мышления, настойчивость в достижении цели и великая простота решений должны направлять и определять поведение англоязычных стран в мирное время, как это было во время войны.

Мы должны и, думаю, сможем оказаться на высоте этого жесткого требования. Когда американские военные сталкиваются с какой-либо серьезной ситуацией, они обычно предают свои директивы словами «общая стратегическая концепция». В этом есть своя мудрость, поскольку наличие такой концепции ведет к ясности мышления. Общая стратегическая концепция, которой мы должны придерживаться сегодня, есть не что иное, как безопасность и благополучие, свобода и прогресс всех семейных очагов, всех людей во всех странах. Я имею в виду прежде всего миллионы коттеджей и многоквартирных домов, обитатели которых, невзирая на превратности и трудности жизни, стремятся оградить домочадцев от лишений и вос-

питать свою семью в боязни перед Господом или основываясь на этических принципах, которые часто играют важную роль. Чтобы обеспечить безопасность этих бесчисленных жилищ, они должны быть защищены от двух главных бедствий — войны и тирании. Всем известно страшное потрясение, испытываемое любой семьей, когда на ее кормильца, который ради нее трудится и преодолевает тяготы жизни, обрушивается проклятие войны. Перед нашими глазами зияют ужасные разрушения Европы со всеми ее былыми ценностями и значительной части Азии. Когда намерения злоумышленных людей либо агрессивные устремления мощных держав уничтожают во многих районах мира основы цивилизованного общества, простые люди сталкиваются с трудностями, с которыми они не могут справиться. Для них все искажено, поломано или вообще стерто в порошок.

Стоя здесь в этот тихий день, я содрогаюсь при мысли о том, что происходит в реальной жизни с миллионами людей и что произойдет с ними, когда планету поразит голод. Никто не может просчитать то, что называют «неисчислимой суммой человеческих страданий».

Наша главная задача и обязанность — оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны. В этом мы все согласны. Наши американские военные коллеги после того, как они определили «общую стратегическую концепцию» и просчитали все наличные ресурсы, всегда переходят к следующему этапу — поискам средств ее реализации. В этом вопросе также имеется общепринятое согласие. Уже образована всемирная организация с основополагающей целью предотвратить войну. ООН, преемница Лиги Наций с решающим добавлением к ней США и всем, что это означает, уже начала свою работу. Мы обязаны обеспечить успех этой деятельности, чтобы она была реальной, а не фиктивной, чтобы эта организация представляла из себя силу, способную действовать, а не просто сотрясать воздух, и чтобы она стала подлинным Храмом Мира, в котором можно будет развесить боевые щиты многих стран, а не просто рубкой мировой вавилонской башни. Прежде чем мы сможем освободиться от необходимости национальных вооружений в целях самосохранения, мы должны

быть уверены, что наш храм построен не на зыбучих песках или трясине, а на твердой скалистой основе. Все, у кого открыты глаза, знают, что наш путь будет трудным и долгим, но если мы будем твердо следовать тому курсу, которому следовали в ходе двух мировых войн (и, к сожалению, не следовали в промежутке между ними), то у меня нет сомнений в том, что, в конце концов, мы сможем достичь нашей общей цели. Здесь у меня имеется и практическое предложение к действию. Суды не могут работать без шерифов и констеблей. Организацию Объединенных Наций необходимо немедленно начать оснащать международными вооруженными силами. В таком деле мы можем продвигаться только постепенно, но начать должны сейчас. Я предлагаю, чтобы всем государствам было предложено предоставить в распоряжение Всемирной Организации некоторое количество военно-воздушных эскадрилий. Эти эскадрильи готовились бы в своих собственных странах, но перебрасывались бы в порядке ротации из одной страны в другую. Летчики носили бы военную форму своих стран, но с другими знаками различия. От них нельзя было бы требовать участия в военных действиях против своей собственной страны, но во всех других отношениях ими руководила бы Всемирная Организация.

Начать создавать такие силы можно было бы на скромном уровне и наращивать их по мере роста доверия. Я хотел, чтобы это было сделано после Первой мировой войны, и искренне верю, что это можно сделать и сейчас. Однако было бы неправильным и неосмотрительным доверять секретные сведения и опыт создания атомной бомбы, которыми в настоящее время располагают Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, Всемирной Организации, еще пребывающей в состоянии младенчества. Было бы преступным безумием пустить это оружие по течению во все еще взбудораженном и не объединенном мире. Ни один человек, ни в одной стране не стал спать хуже от того, что сведения, средства и сырье для создания этой бомбы сейчас сосредоточены в основном в американских руках. Не думаю, что мы спали бы сейчас столь спокойно, если бы ситуация была обратной, и какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство монополизировало на некото-

рое время это ужасное средство. Одного страха перед ним уже было бы достаточно тоталитарным системам для того, чтобы навязать себя свободному демократическому миру. Ужасающие последствия этого не поддавались бы человеческому воображению. Господь повелел, чтобы этого не случилось, и у нас есть еще время привести наш дом в порядок до того, как такая опасность возникнет. Но даже в том случае, если мы не пожалеем никаких усилий, мы все равно должны будем обладать достаточно разительным превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против его применения или угрозы такого применения другими странами. В конечном счете, когда подлинное братство людей получило бы реальное воплощение в виде некоей Всемирной Организации, которая обладала бы всеми необходимыми практическими средствами, чтобы сделать ее эффективной, такие полномочия могли бы быть переданы ей.

Теперь я подхожу ко второй опасности, которая подстерегает семейные очаги и простых людей, а именно — тирании.

Мы не можем закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской империи, не действуют в значительном числе стран; некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции. В настоящее время, когда трудностей все еще так много, в наши обязанности не может входить насильственное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны. Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека, которые представляют собой совместное наследие англоязычного мира и которые в развитие Великой Хартии, Билля о правах, закона Хабеас Корпус, суда присяжных и английского общего права обрели свое самое знаменитое выражение в Декларации Независимости.

Они означают, что народ любой страны имеет право и должен быть в силах посредством конституционных действий,

путем свободных нефальсифицированных выборов с тайным голосованием выбрать или изменить характер или форму правления, при котором он живет; что господствовать должны свобода слова и печати; что суды, независимые от исполнительной власти и не подверженные влиянию какой-либо партии, должны проводить в жизнь законы, которые получили одобрение значительного большинства населения либо освящены временем или обычаями.

Это основополагающие права на свободу, которые должны знать в каждом доме. Таково послание британского и американского народов всему человечеству. Давайте же проповедовать то, что мы делаем, и делать то, что мы проповедуем.

Итак, я определил две главные опасности, угрожающие семейным очагам людей. Я не говорил о бедности и лишениях, которые зачастую тревожат людей больше всего. Но если устранить опасности войны и тирании, то, несомненно, наука и сотрудничество в ближайшие несколько лет, максимум несколько десятилетий принесут миру, прошедшему жестокую школу войны, рост материального благосостояния, невиданный в истории человечества. В настоящее время, в этот печальный и оцепеняющий момент, нас угнетают голод и уныние, наступившие после нашей колоссальной борьбы. Но это все пройдет, и, может быть, быстро, и нет никаких причин, кроме человеческой глупости и бесчеловечного преступления, которые не дали бы всем странам без исключения воспользоваться наступлением века изобилия.

Я часто привожу слова, которые пятьдесят лет назад слышал от великого американского оратора ирландского происхождения и моего друга Берка Кокрана: «На всех всего достаточно. Земля — щедрая мать. Она даст полное изобилие продовольствия для всех своих детей, если только они будут ее возделывать в справедливости и мире».

Итак, до сих пор мы в полном согласии. Сейчас, продолжая пользоваться методикой нашей общей стратегической концепции, я подхожу к тому главному, что хотел здесь сказать. Ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния Всемирной Организации не могут быть достигнуты без братского союза англоязычных народов. Это

означает особые отношения между Британским Содружеством и Британской империей и Соединенными Штатами. У нас нет времени для банальностей, и я дерзну говорить конкретно. Братский союз требует не только роста дружбы и взаимопонимания между нашими родственными системами общества, но и продолжения тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изучению потенциальных опасностей, совместимости вооружений и военных уставов, а также обмену офицерами и курсантами военно-технических колледжей. Это также означало бы дальнейшее использование уже имеющихся средств для обеспечения взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами.

Это, возможно, удвоило бы мобильность американского флота и авиации. Это намного повысило бы мобильность вооруженных сил Британской империи, а также, по мере того как мир успокоится, дало бы значительную экономию финансовых средств. Уже сейчас мы совместно пользуемся целым рядом островов; в близком будущем и другие острова могут перейти в совместное пользование. США уже имеют постоянное соглашение об обороне с доминионом Канада, которая глубоко предана Британскому Содружеству и империи. Это соглашение более действенно, чем многие из тех, которые часто заключались в рамках формальных союзов. Этот принцип следует распространить на все страны Британского Содружества с полной взаимностью.

Так и только так мы сможем, что бы ни случилось, обезопасить себя и работать вместе во имя высоких и простых целей, которые дороги нам и не вредны никому. На самом последнем этапе может реализоваться (и, я считаю, в конечном счете реализуется) и идея об общем гражданстве, но этот вопрос мы вполне можем оставить на усмотрение судьбы, чью протянутую нам навстречу руку столь многие из нас уже ясно видят. Есть, однако, один важный вопрос, который мы должны себе задать. Будут ли особые отношения между США и Британским Содружеством совместимы с основополагающей верностью Всемирной Организации? Мой ответ: такие отношения, напротив, представляют собой, вероятно, единственное средство,

с помощью которого эта организация сможет обрести статус и силу. Уже существуют особые отношения между США и Канадой и южноамериканскими республиками. У нас также имеется заключенный на 20 лет договор о сотрудничестве и взаимной помощи с Россией. Я согласен с министром иностранных дел Великобритании г-ном Бевином, что этот договор, в той степени, в какой это зависит от нас, может быть заключен и на 50 лет. Нашей единственной целью является взаимная помощь и сотрудничество. Наш союз с Португалией действует с 1384 г. и дал плодотворные результаты в критические моменты минувшей войны.

Ни одно из этих соглашений не входит в противоречие с общими интересами всемирного соглашения. Напротив, они могут помогать работе Всемирной Организации. «В доме Господа всем хватит места».

Особые отношения между Объединенными Нациями, которые не имеют агрессивной направленности против какой-либо страны и не несут в себе планов, несовместимых с Уставом Организации Объединенных Наций, не только не вредны, но полезны и, я полагаю, необходимы.

Я уже говорил о Храме Мира. Возводить этот Храм должны труженики из всех стран. Если двое из этих строителей особенно хорошо знают друг друга и являются старыми друзьями, если их семьи перемешаны и, цитируя умные слова, которые попались мне на глаза позавчера, «если у них есть вера в цели друг друга, надежда на будущее друг друга и снисхождение к недостаткам друг друга», то почему они не могут работать вместе во имя общей цели как друзья и партнеры? Почему они не могут совместно пользоваться орудиями труда и таким образом повысить трудоспособность друг друга? Они не только могут, но и должны это делать, иначе Храм не будет возведен либо рухнет после постройки бездарными учениками, и мы будем снова, уже в третий раз, учиться в школе войны, которая будет несравненно более жестокой, чем та, из которой мы только что вышли. Могут вернуться времена Средневековья, и на сверкающих крыльях науки может вернуться каменный век, и то, что сейчас может пролиться на человечество безмерными материальными благами, может привести к его полному уничтожению.

Я поэтому взываю: будьте бдительны. Быть может, времени осталось уже мало. Давайте не позволим событиям идти само-теком, пока не станет слишком поздно. Если мы хотим, чтобы был такой братский союз, о котором я только что говорил, со всей той дополнительной мощью и безопасностью, которые обе наши страны могут из него извлечь, давайте сделаем так, чтобы это великое дело стало известным повсюду и сыграло свою роль в укреплении основ мира. Лучше предупреждать болезнь, чем лечить ее. На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень.

Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии — я не сомневаюсь, что и здесь тоже, — питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики.

Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты — уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, — о нынешнем положении в Европе.

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только

советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы.

Только Афины с их бессмертной славой могут свободно определять свое будущее на выборах с участием британских, американских и французских наблюдателей. Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется к огромным и несправедливым посягательствам на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев в прискорбных и невиданных масштабах. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль.

Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы. В Берлине русские предпринимают попытки создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии посредством предоставления специальных привилегий группам левых немецких лидеров.

После боев в июне прошлого года американская и британская армии в соответствии с достигнутым ранее соглашением отошли на Запад по фронту протяженностью почти в 400 миль на глубину, достигшую в некоторых случаях 150 миль, с тем чтобы наши русские союзники заняли эту обширную территорию, которую завоевали западные демократии. Если сейчас Советское правительство попытается сепаратными действиями создать в своей зоне прокоммунистическую Германию, это вызовет новые серьезные затруднения в британской и американской зонах и даст побежденным немцам возможность устроить торг между Советами и западными демократиями.

Какие бы выводы ни сделать из этих фактов, — а все это факты, — это будет явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая необходимыми

предпосылками для создания прочного мира. Безопасность мира требует нового единства в Европе, от которого ни одну сторону не следует отталкивать навсегда. От ссор этих сильных коренных рас в Европе происходили мировые войны, свидетелями которых мы являлись или которые вспыхивали в прежние времена. Дважды в течение нашей жизни Соединенные Штаты против своих желаний и традиций и в противоречии с аргументами, которые невозможно не понимать, втягивались непреодолимыми силами в эти войны для того, чтобы обеспечить победу правого дела, но только после ужасной бойни и опустошений. Дважды Соединенные Штаты были вынуждены посылать на войну миллионы своих молодых людей за Атлантический океан. Но в настоящее время война может постигнуть любую страну, где бы она ни находилась между закатом и рассветом. Мы, безусловно, должны действовать с сознательной целью великого умиротворения Европы в рамках Организации Объединенных Наций и в соответствии с ее Уставом.

Это, по моему мнению, политика исключительной важности. По другую сторону железного занавеса, который опустился поперек Европы, другие причины для беспокойства. В Италии деятельность коммунистической партии серьезно скована необходимостью поддерживать претензии обученного коммунистами маршала Тито на бывшую итальянскую территорию в центре Адриатики. Тем не менее ситуация в Италии остается неопределенной. Опять-таки невозможно представить восставленную Европу без сильной Франции.

Всю свою жизнь я выступал за существование сильной Франции и никогда, даже в самые мрачные времена, не терял веры в ее будущее. И сейчас я не теряю этой веры. Однако во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра. За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации.

Все это тягостные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно не видеть их, пока еще осталось время. Озабоченность также вызывают перспективы на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии. Соглашение, достигнутое в Ялте, к которому я был причастен, было чрезвычайно благоприятным для России. Но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится летом или осенью 1945 г., и когда ожидалось, что война с Японией будет идти в течение 18 месяцев после окончания войны с Германией. В вашей стране вы настолько хорошо информированы о Дальнем Востоке и являетесь такими верными друзьями Китая, что мне нет необходимости распространяться на тему о положении там.

Я чувствовал себя обязанным обрисовать вам тень, которая и на Западе, и на Востоке падает на весь мир. Во время заключения Версальского договора я был министром и близким другом г-на Ллойд Джорджа, который возглавлял делегацию Великобритании в Версале. Я не соглашался со многим из того, что было там сделано, но у меня отложилось очень яркое впечатление от ситуации того времени, и мне больно сопоставлять ее с нынешней.

Это были времена больших ожиданий и безграничной уверенности в том, что войн больше не будет и что Лига Наций станет всемогущей. Сегодня я не вижу и не чувствую такой уверенности и таких надежд в нашем измученном мире.

С другой стороны, я гоню от себя мысль, что новая война неизбежна, тем более в очень недалеком будущем. И именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках, что мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать. Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах.

Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения. Нам нужно добиться урегулирования, и чем больше времени оно займет, тем труднее оно пойдет и тем более грозными станут перед нами опасности. Из того, что я наблюдал в поведении наших русских друзей и союзников во время войны, я вынес убеждение, что они ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости. По этой причине старая доктрина равновесия сил теперь непригодна.

Мы не можем позволить себе — насколько это в наших силах — действовать с позиций малого перевеса, который вводит в искушение заняться пробой сил. Если западные демократии будут стоять вместе в своей твердой приверженности принципам Устава Организации Объединенных Наций, их воздействие на развитие этих принципов будет громадным и вряд ли кто бы то ни было сможет их поколебать. Если, однако, они будут разъединены или не смогут исполнить свой долг и если они упустят эти решающие годы, тогда и в самом деле нас постигнет катастрофа.

В прошлый раз, наблюдая подобное развитие событий, я взывал во весь голос к своим соотечественникам и ко всему миру, но никто не пожелал слушать. До 1933 или даже до 1935 г. Германию можно было уберечь от той страшной судьбы, которая ее постигла, и мы были бы избавлены от тех несчастий, которые Гитлер обрушил на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы легче предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что разорвала огромные области земного шара. Ее, я убежден, можно было предотвратить без единого выстрела, и сегодня Германия была бы могущественной, процветающей и уважаемой страной; но тогда меня слушать не пожелали, и один за другим мы оказались втянутыми в ужасный смерч.

Мы не должны позволить такому повториться. Сейчас этого можно добиться только путем достижения сегодня, в 1946 г., хорошего взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединенных Наций, поддерживая с помощью этого всемирного инструмента это доброе

понимание в течение многих лет, опираясь на всю мощь англоязычного мира и всех тех, кто с ним связан. Пусть никто не недооценивает внушительную силу Британской империи и Содружества.

Пусть вы видите на нашем острове 46 миллионов человек, которые испытывают трудности с продовольствием, и пусть у нас есть сложности с восстановлением нашей промышленности и экспортной торговли после шесть лет беззаветных военных усилий, не думайте, что мы не сможем пройти через эту мрачную полосу лишений так же, как мы прошли через славные годы страданий, или что через полвека нас не будет 70 или 80 миллионов, проживающих по всему миру и единых в деле защиты наших традиций, нашего образа жизни и тех вселенских ценностей, которые мы с вами исповедуем. Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать совместно при всем том, что такое сотрудничество означает в воздухе, на море, в науке и экономике, то будет исключен тот беспокойный, неустойчивый баланс сил, который искушал бы на амбиции или авантюризм. Напротив, будет совершенная уверенность в безопасности.

Если мы будем добросовестно соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и двигаться вперед со спокойной и трезвой силой, не претендуя на чужие земли и богатства и не стремясь установить произвольный контроль над мыслями людей, если все моральные и материальные силы Британии объединятся с вашими в братском союзе, то откроются широкие пути в будущее — не только для нас, но и для всех, не только на наше время, но и на век вперед.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Интервью И. В. Сталина газете «Правда»¹

Вопрос. Как Вы расцениваете последнюю речь господина Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Ответ. Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество.

Вопрос. Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ. Безусловно, да. По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, при-

¹ Правда. 1946. 14 марта.

званными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия господина Черчилля состоит в том, что он как законченный тори не понимает этой простой и очевидной истины. Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР. Правда, господин Черчилль для того, чтобы запутать читателей, мимоходом заявляет, что срок советско-английского договора о взаимопомощи и сотрудничестве вполне можно было бы продлить до 50 лет. Но как совместить подобное заявление господина Черчилля с его установкой на войну с СССР, с его проповедью войны против СССР?

Ясно, что эти вещи никак нельзя совместить. И если господин Черчилль, призывающий к войне с Советским Союзом, считает вместе с тем возможным продление срока англо-советского договора до 50 лет, то это значит, что он рассматривает этот договор как пустую бумажку, нужную ему лишь для того, чтобы прикрыть ею и замаскировать свою антисоветскую установку. Поэтому нельзя относиться серьезно к фальшивым заявлениям

ям друзей господина Черчилля в Англии о продлении срока советско-английского договора до 50 и больше лет. Продление срока договора не имеет смысла, если одна из сторон нарушает договор и превращает его в пустую бумажку.

Вопрос. Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Эта часть речи господина Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности. Господин Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере, и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что господин Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь 1/4 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны

предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них.

Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?

Господин Черчилль утверждает, что «Польское правительство, находящееся под господством русских, поощрялось к огромным и несправедливым посягательствам на Германию». Здесь что ни слово, то грубая и оскорбительная клевета. Современной демократической Польшей руководят выдающиеся люди. Они доказали на деле, что умеют защищать интересы и достоинство родины так, как не умели это делать их предшественники. Какое имеется у господина Черчилля основание утверждать, что руководители современной Польши могут допустить в своей стране «господство» представителей каких бы то ни было иностранных государств? Не потому ли клеветает здесь господин Черчилль на «русских», что имеет намерение посеять семена раздора в отношениях между Польшей и Советским Союзом?

Господин Черчилль недоволен, что Польша сделала поворот в своей политике в сторону дружбы и союза с СССР. Было время, когда во взаимоотношениях между Польшей и СССР преобладали элементы конфликтов и противоречий. Это обстоятельство давало возможность государственным деятелям вроде господина Черчилля играть на этих противоречиях, подбирать к рукам Польшу под видом защиты от русских, запугивать Россию призраком войны между нею и Польшей и сохранять за собою позицию арбитра. Но это время ушло в прошлое, ибо вражда между Польшей и Россией уступила место дружбе между ними, а Польша, современная демократическая Польша, не желает быть больше игральным мячом в руках иностранцев. Мне кажется, что именно это обстоятельство приводит господина Черчилля в раздражение и толкает его к грубым,

бестактным выходкам против Польши. Шутка ли сказать: ему не дают играть за чужой счет...

Что касается нападок господина Черчилля на Советский Союз в связи с расширением западных границ Польши за счет захваченных в прошлом немцами польских территорий, то здесь, как мне кажется, он явным образом передергивает карты. Как известно, решение о западных границах Польши было принято на Берлинской конференции трех держав на основе требований Польши. Советский Союз неоднократно заявлял, что он считает требования Польши правильными и справедливыми. Вполне вероятно, что господин Черчилль недоволен этим решением. Но почему господин Черчилль, не жалея стрел против позиции русских в этом вопросе, скрывает от своих читателей тот факт, что решение было принято на Берлинской конференции единогласно, что за решение голосовали не только русские, но также англичане и американцы? Для чего понадобилось господину Черчиллю вводить людей в заблуждение?

Господин Черчилль утверждает дальше, что «коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся всюду установить тоталитарный контроль, полицейские правительства, превалируют почти во всех этих странах и до настоящего времени, за исключением Чехословакии, в них не существует никакой подлинной демократии».

Как известно, в Англии управляет ныне государством одна партия, партия лейбористов, причем оппозиционные партии лишены права участвовать в правительстве Англии. Это называется у господина Черчилля подлинным демократизмом. В Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии управляет блок нескольких партий — от четырех до шести партий, причем оппозиции, если она является более или менее лояльной, обеспечено право участия в правительстве. Это называется у господина Черчилля тоталитаризмом, тиранией, полицейщиной. Почему, на каком основании — не ждите ответа от господина Черчилля. Господин Черчилль не понимает, в какое смешное положение он ставит себя своими крикливыми речами о тоталитаризме, тирании, полицейщине.

Господину Черчиллю хотелось бы, чтобы Польшей управлял Соснковский и Андерс, Югославией — Михайлович и Павелич, Румынией — князь Штирбей и Радеску, Венгрией и Австрией — какой-нибудь король из дома Габсбургов и т. п. Господин Черчилль хочет уверить нас, что эти господа из фашистской подворотни могут обеспечить «подлинный демократизм». Таков «демократизм» господина Черчилля.

Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Господин Черчилль иногда вспоминает в своих речах о «простых людях из небольших домов», по-барски похлопывая их по плечу и прикидываясь их другом. Но эти люди не такие уж простые, как может показаться на первый взгляд. У них, у «простых людей», есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя. Это они, миллионы этих «простых людей», забаллотировали в Англии господина Черчилля и его партию, отдав свои голоса лейбористам. Это они, миллионы этих «простых людей», изолировали в Европе реакционеров, сторонников сотрудничества с фашизмом и отдали предпочтение левым демократическим партиям. Это они, миллионы этих «простых людей», испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему также не нравилось появление советского режима в России после Первой мировой войны. Он также бил тогда тревогу и организовал военный поход «14 государств» против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории.

Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после Второй мировой войны новый поход против «Восточной Европы». Но если им это удастся, — что маловероятно, ибо миллионы «простых людей» стоят на страже дела мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Письмо посла СССР в США Н. В. Новикова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД¹

Внешняя политика США, отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству. Именно таков истинный смысл неоднократных заявлений президента Трумэна и других представителей американских правящих кругов о том, что США имеют право на руководство миром. На службу этой внешней политике поставлены все силы американской дипломатии, армии, авиации, военно-морского флота, промышленности и науки. С этой целью разработаны широкие планы экспансии, осуществляемые как в дипломатическом порядке, так и путем создания далеко за пределами США системы военно-морских и авиационных баз, гонки вооружений, создания все новых и новых видов оружия.

1. а) Внешняя политика США проводится сейчас в обстановке, весьма отличной от той, которая существовала в предвоенный период.

¹ АВП МИД РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 45. Д. 759.

Эта обстановка не вполне соответствует расчетам тех реакционных кругов, которые надеялись, что в период Второй мировой войны им удастся остаться, по крайней мере в течение длительного времени, в стороне от главных битв в Европе и в Азии. Их расчет состоял в том, что Соединенные Штаты Америки, — если им не удастся вовсе уклониться от непосредственного участия в войне, — вступят в нее лишь в последний момент, когда они без больших усилий смогут повлиять на ее исход, обеспечив полностью свои интересы. При этом имелось в виду, что главные конкуренты США будут в этой войне сломлены или в большей степени ослаблены, и США, в силу этого обстоятельства, выступят в роли наиболее могущественного фактора при решении основных вопросов послевоенного мира. Расчеты эти исходили также из того предположения, весьма распространенного в США в первый период войны, что и Советский Союз, подвергшийся нападению германского фашизма в июне 1941 г., будет в результате войны истощен или даже вовсе уничтожен.

Действительность не оправдала всех расчетов американских империалистов.

б) Две главные агрессивные державы — фашистская Германия и милитаристская Япония, являвшиеся в то же время основными конкурентами США как в экономической, так и во внешнеполитической областях, были в результате войны разгромлены. Третья великая держава — Великобритания, испытывавшая сильные удары войны, стоит сейчас перед огромными экономическими и политическими трудностями. Политические устои Британской империи заметно расшатались, приобретая в некоторых случаях кризисный характер, как, например, в Индии, Палестине, Египте.

Европа вышла из войны с совершенно расстроеной экономикой, и экономическая разруха, возникшая в ходе войны, не может быть в скором времени устранена. Все страны Европы и Азии ощущают колоссальную нужду в товарах широкого потребления, в промышленном и транспортном оборудовании и т. д. Такая обстановка открывает перед американским монополистическим капиталом перспективу громадных поставок товаров и импорта капитала в эти страны, что позволило бы ему внедриться в их народное хозяйство.

Реализация этой возможности означала бы серьезное укрепление экономических позиций США во всем мире и явилась бы одним из этапов на пути к установлению мирового господства США.

в) С другой стороны, не оправдались расчеты тех кругов США, которые исходили из того, что Советский Союз будет в ходе войны уничтожен или выйдет из нее настолько ослабевшим, что ради экономической помощи вынужден будет пойти на поклон к США. В этом случае ему можно было бы продиктовать такие условия, которые обеспечивали бы США возможность без препятствий со стороны СССР осуществлять свою экспансию в Европе и Азии.

В действительности, несмотря на все хозяйственные трудности послевоенного периода, связанные с огромным ущербом, нанесенным войной и немецко-фашистской оккупацией, Советский Союз продолжает оставаться экономически независимым от внешнего мира и восстанавливает свое народное хозяйство собственными силами.

Вместе с тем СССР имеет в настоящее время значительно более прочные международные позиции, чем в предвоенный период. Благодаря историческим победам советского оружия советские вооруженные силы находятся на территории Германии и других бывших вражеских стран, являясь гарантией того, что эти страны не будут вновь использованы для нападения на СССР. В таких бывших вражеских странах, как Болгария, Финляндия, Венгрия и Румыния, в результате их переустройства на демократических началах созданы режимы, ставящие себе задачей укрепление и поддержание дружественных отношений с Советским Союзом. В освобожденных Красной Армией или при ее помощи славянских странах — Польше, Чехословакии, Югославии — также созданы и крепнут демократические режимы, поддерживающие отношения с Советским Союзом на основе соглашений о дружбе и взаимопомощи.

Огромный удельный вес СССР в международных делах вообще и в европейских делах в частности независимость его внешней политики, экономическая и политическая помощь, которую он оказывает соседним странам — как союзным, так и бывшим вражеским, приводят к возрастанию политического

влияния Советского Союза в этих странах и к дальнейшему укреплению в них демократических тенденций.

Такая обстановка в восточной и юго-восточной Европе не может не рассматриваться американскими империалистами как препятствие на пути экспансионистской внешней политики США.

2. а) Внешняя политика США определяется сейчас не теми кругами Демократической партии, которые (как это было при жизни Рузвельта) стремятся к укреплению сотрудничества трех великих держав, составляющих во время войны основу антигитлеровской коалиции. Приход к власти президента Трумэна, — человека, политически неустойчивого, с определенными консервативными тенденциями, — и последовавшее вслед за этим назначение Бирнса государственным секретарем ознаменовались усилением влияния на внешнюю политику США со стороны самых реакционных кругов Демократической партии. Непрерывно увеличивающаяся реакционность внешнеполитического курса США, приблизившегося вследствие этого к политике, отстаиваемой Республиканской партией, создала почву для тесного сотрудничества в этой области между крайне правым крылом Демократической партии и Республиканской партией. Это сотрудничество двух партий, оформившееся в обеих палатах конгресса в виде неофициального блока реакционных южных демократов и старой гвардии республиканцев во главе с Ванденбергом и Тафтом, особенно ярко проявляется в том, что в своих заявлениях по вопросам внешней политики деятели обеих партий выступают, по существу, с единой программой. В конгрессе и на международных конференциях, где в делегациях США, как правило, представлены видные республиканцы, последние активно поддерживают внешнюю политику правительства, часто в силу этого именуемую, притом даже в официальных высказываниях, «двухпартийной» внешней политикой.

б) В то же время резко уменьшилось влияние на внешнюю политику со стороны последователей рузвельтовского курса на сотрудничество миролюбивых держав. Соответствующие круги в правительстве, в конгрессе и в руководстве демократической партии все более и более оттесняются на задний

план. Противоречия в области внешней политики, имеющиеся между сторонниками Уоллэса-Пеппера, с одной стороны, и приверженцами реакционной «двухпартийной» политики, с другой стороны, проявились недавно с большой остротой в выступлении Уоллэса, приведшем к его отставке с поста министра торговли. Отставка Уоллэса означает победу реакционных кругов Демократической партии и того внешнеполитического курса, который проводит Бирнс в сотрудничестве с Ванденбергом и Тафтом.

3. Наглядными показателями стремления США к установлению мирового господства является увеличение военного потенциала мирного времени и организация большого количества военно-морских и авиационных баз как в США, так и за их пределами.

Летом 1946 г. впервые в истории страны конгресс принял закон о формировании армии мирного времени не на добровольных началах, а на основе всеобщей воинской повинности. Значительно увеличены и размеры армии, которая должна составить на 1 июля 1947 года около 1 миллиона человек. Размеры военно-морского флота США по окончании войны уменьшились совершенно незначительно по сравнению с военным временем. В настоящее время американский флот занимает первое место в мире, оставляя далеко позади себя военный флот Англии, не говоря уже о других державах.

Колоссально возросли расходы на армию и военно-морской флот, составляя по бюджету 1946–1947 годов 13 миллиардов долларов (около 40 процентов от всего бюджета в 36 миллиардов долларов) и превосходят более чем в 10 раз соответствующие расходы по бюджету 1938 года, когда они не достигали и 1 миллиарда.

Эти огромные суммы по бюджету расходуются, наряду с содержанием большой армии, флота и авиации, также и на создание весьма обширной системы военно-морских и авиационных баз на Атлантическом и Тихом океанах. По имеющимся официальным планам, в течение ближайших лет должно быть построено на Атлантическом океане 228 баз, опорных пунктов и радиостанций и на Тихом океане — 258. Большая часть этих баз и опорных пунктов расположена вне пределов Соединен-

ных Штатов. В Атлантическом океане имеются или подлежат оборудованию базы в следующих иностранных островных владениях: Нью-Фаундленд, Исландия, Куба, Тринидад, Бермуды, Багамские острова, Азорские острова и многие другие; на Тихом океане: б. японские мандатные владения — Марианские, Каролинские и Маршалловы острова, Бонин, Рюкю, Филиппины, Галапагосские острова (принадлежат Эквадору).

Расположение американских баз на островах, отстоящих зачастую на 10–12 тысяч километров от территории США и находящихся по другую сторону Атлантического и Тихого океанов, ясно указывает на наступательный характер стратегических замыслов командования армии и флота США. Подтверждением этого является также и то обстоятельство, что американский военно-морской флот усиленно изучает морские подступы к европейским рубежам. С этой целью американские военные корабли посетили в течение 1946 года порты Норвегии, Дании, Швеции, Турции, Греции. Кроме того, американский военный флот непрерывно крейсирует в Средиземном море.

Все эти факты ясно показывают, что в реализации планов установления мирового господства США решающая роль предназначается их вооруженным силам.

4. а) Одним из этапов осуществления господства над миром со стороны США является их договоренность с Англией о частичном разделе мира на базе взаимных уступок. Основные линии негласного соглашения между США и Англией по поводу раздела мира состоят, как это показывают факты, в том, что они договорились о включении Соединенными Штатами в сферу своего влияния на Дальнем Востоке Японии и Китая, в то время как США, со своей стороны, согласились не препятствовать Англии в разрешении индийской проблемы, а также укреплению ее влияния в Сиаме и Индонезии.

б) В связи с этим разделом США в настоящее время хозяйничают в Китае и в Японии без всякой помехи со стороны Англии.

Американская политика в Китае стремится к полному экономическому и политическому подчинению его контролю американского монополистического капитала. Преследуя эту политику, американское правительство не останавлива-

ется даже перед вмешательством во внутренние дела Китая. В настоящее время в Китае находится свыше 50 тыс. американских солдат. В ряде случаев американская морская пехота принимала непосредственное участие в военных действиях против народно-освободительных войск. Так называемая посредническая миссия генерала Маршалла является лишь прикрытием фактического вмешательства во внутренние дела в Китае.

Как далеко зашла политика американского правительства в отношении Китая, свидетельствует тот факт, что сейчас оно стремится осуществить контроль над его армией. Недавно правительство США внесло на обсуждение конгресса законопроект о военной помощи Китаю, который предусматривает полную реорганизацию китайской армии, обучение ее при помощи американских военных инструкторов и снабжение американским вооружением и снаряжением. С целью реализации этой программы в Китай будет послана американская консультативная военная миссия в составе армейских и морских офицеров.

Китай постепенно превращается в плацдарм американских вооруженных сил. Американские воздушные базы расположены на всей его территории. Главные из них находятся в Бейпине, Циндао, Тяньцзине, Нанкине, Шанхае, Ченду, Чунцине и Куньмине. В Циндао расположена основная американская военно-морская база в Китае. Там же находится штаб 7-го флота. Кроме того, в Циндао и его окрестностях сосредоточено более 30 тысяч солдат американской морской пехоты. Мероприятия, проведенные в Северном Китае американской армией, показывают, что она рассчитывает остаться здесь на длительный срок.

В Японии, несмотря на присутствие небольшого контингента американских войск, контроль находится в руках американцев. Хотя английский капитал имеет существенные интересы в японской экономике, английская внешняя политика в отношении Японии проводится так, чтобы не препятствовать американцам осуществлять проникновение в японское народное хозяйство и подчинять его своему влиянию. В Дальневосточной Комиссии в Вашингтоне и в Союзном Совете в Токио

английские представители, как правило, солидаризируются с представителями США, проводящими эту политику.

Мероприятия американских оккупационных властей в области внутренней политики, направленные на поддержку реакционных классов и групп, которых США рассчитывают использовать в борьбе против Советского Союза, также встречают сочувственное отношение со стороны Англии.

в) Аналогичную линию в отношении английской сферы влияния на Дальнем Востоке проводят и Соединенные Штаты. За последнее время США прекратили свои попытки повлиять на разрешение индийских вопросов, которые они делали в ходе минувшей войны. Сейчас нередко имеют место случаи, когда солидная американская печать, более или менее верно отражающая официальную политику правительства США, высказывается в положительном духе по поводу английской политики в Индии. Американская внешняя политика не препятствует также британским войскам подавлять совместно с голландской армией национально-освободительное движение в Индонезии. Более того, известны даже факты содействия со стороны Соединенных Штатов этой британской империалистической политике путем передачи американского вооружения и снаряжения английским и голландским войскам в Индонезии, отправки из США в Индонезию голландских военных моряков и т. д.

5. а) Если раздел мира на Дальнем Востоке между США и Англией можно считать совершившимся фактом, то нельзя сказать, что аналогичная ситуация существует в бассейне Средиземного моря и в прилегающих к нему странах. Факты скорее говорят, что такое соглашение в районе Ближнего Востока и Средиземного моря пока еще не достигнуто. Трудность соглашения между США и Англией в этом районе состоит в том, что уступки со стороны Англии Соединенным Штатам в Средиземноморском бассейне были бы чреваты серьезными последствиями для всего будущего Британской империи, для которой он имеет исключительное стратегическое и экономическое значение. Англия была бы не прочь использовать американские вооруженные силы и влияние в этом районе, направив их на север против Советского Союза. Однако Соеди-

ненные Штаты заинтересованы не в том, чтобы оказывать помощь и поддержку Британской империи в этом уязвимом для нее пункте, а в том, чтобы самим основательнее проникнуть в Средиземноморский бассейн и на Ближний Восток, привлекающий их своими природными ресурсами, в первую очередь нефтью.

б) Американский капитал за последние годы весьма интенсивно внедряется в экономику ближневосточных стран, в особенности в нефтепромышленность. Американские нефтяные концессии в настоящее время имеются во всех ближневосточных странах, располагающих источниками нефти (Ирак, Бахрейн, Кувейт, Египет, Саудовская Аравия). Американский капитал, появившийся впервые в нефтяной промышленности Ближнего Востока лишь в 1927 году, контролирует сейчас около 42 процентов всех разведанных нефтяных запасов Ближнего Востока (без Ирана). Из общего количества разведанных запасов в 26,8 миллиарда баррелей свыше 11 миллиардов баррелей приходится на долю концессий США. Стремясь обеспечить дальнейшее развитие своих концессий в отдельных странах, зачастую очень обширных (как это, например, имеет место в Саудовской Аравии), американские нефтяные компании планируют постройку трансаравийского нефтепровода, который должен будет перекачивать нефть из американской концессии в Саудовской Аравии и в других странах на юго-восточное побережье Средиземного моря — в порты Палестины и Египта.

Проводя экспансию на Ближнем Востоке, американский капитал имеет в качестве своего крупнейшего соперника английский капитал, упорно сопротивляющийся этой экспансии. Ожесточенный характер конкуренции между ними является главным фактором, препятствующим Англии и Соединенным Штатам добиться договоренности о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке, которая может иметь место лишь за счет прямых британских интересов в этом районе.

В качестве примера весьма острых противоречий в политике США и Англии на Ближнем Востоке можно привести Палестину, где в последнее время США проявляют большую инициативу, создающую немало затруднений для Англии, как

это имеет место в случае с требованием правительства США допустить в Палестину 100 тысяч евреев из Европы. Американская заинтересованность в Палестине, внешне выражающаяся в сочувствии к сионистскому делу, фактически означает лишь, что американский капитал рассчитывает путем вмешательства в палестинские дела внедриться в экономику Палестины. Выбор порта Палестины в качестве одного из конечных пунктов американского нефтепровода многое объясняет во внешней политике США в палестинском вопросе.

в) Неурегулированность взаимоотношений между Англией и США на Ближнем Востоке отчасти проявляется и в большой активности американского военно-морского флота в восточной части Средиземного моря, что не может не идти вразрез с основными интересами Британской империи. Эта активность флота США, несомненно, находится также в связи с американскими нефтяными и другими экономическими интересами на Ближнем Востоке.

Следует, однако, иметь в виду, что такие факты, как посещение американским линкором «Миссури» черноморских проливов, визит американского флота в Грецию и большой интерес, который дипломатия США проявляет к проблеме проливов, имеют двойной смысл. С одной стороны, они означают, что США решили закрепиться в бассейне Средиземного моря для поддержки своих интересов в странах Ближнего Востока и что они избрали орудием этой политики военно-морской флот. С другой стороны, эти факты представляют собой военно-политическую демонстрацию против Советского Союза. Укрепление позиций США на Ближнем Востоке и создание условий для базирования американского военно-морского флота в одном или нескольких пунктах Средиземного моря (Триест, Палестина, Греция, Турция) будут означать возникновение новой угрозы для безопасности южных районов Советского Союза.

б. а) Отношение США к Англии определяется двумя основными обстоятельствами. С одной стороны, США рассматривают Англию как своего крупнейшего потенциального конкурента, с другой стороны, Англия представляется Соединенным Штатам как возможный союзник. Разделение некоторых районов

земного шара на сферы влияния США и Англии создало возможность если не для предотвращения соперничества между ними, что невозможно, то, по меньшей мере, для некоторого сокращения его. Вместе с тем такой раздел облегчает им достижение экономического и политического сотрудничества.

б) Англия нуждается в американских кредитах для реорганизации своего расстроеного войной хозяйства, для получения которых она вынуждена пойти на значительные уступки. Именно в этом и состоит значение займа, который США недавно предоставили Англии. При помощи займа Англия сможет укрепить свою экономику. В то же время этот заем приоткрывает двери для проникновения американского капитала в пределы Британской империи. Узкие рамки, в которых в последнее время находилась торговля стран так называемого стерлингового блока, в настоящее время расширены и дают возможность американцам торговать с британскими доминионами, Индией и другими странами стерлингового блока (Египет, Ирак, Палестина).

в) Политическая поддержка, которую оказывают Англии Соединенные Штаты, весьма часто проявлялась в международных событиях послевоенного периода. На последних международных конференциях США и Англия тесно координируют свою политику, в особенности в тех случаях, когда ее необходимо противопоставить политике Советского Союза. США оказывают Англии морально-политическую помощь в ее реакционной политике в Греции, Индии, Индонезии. Полное сотрудничество американской и английской политики можно наблюдать в отношении славянских и других соседних с Советским Союзом стран. Важнейшие демарши США и Англии в этих странах после окончания войны носили вполне аналогичный и параллельный характер. Такие же черты согласованности имеет политика США и Англии в Совете Безопасности Объединенных Наций (в особенности в вопросах об Иране, Испании, Греции, о выводе иностранных войск из Сирии и Ливана и т. д.).

г) Правящие круги США, по-видимому, сочувственно относятся к идее военного союза с Англией, но в настоящее время дело еще не дошло до того, чтобы заключить официальный союз. Речь Черчилля в Фултоне, призывающая к заключению

англо-американского военного союза с целью установления совместного господства над миром, поэтому не была поддержана официально Трумэном или Бирнсом, хотя Трумэн своим присутствием и санкционировал косвенно призыв Черчилля.

Но если США не идут сейчас на заключение военного союза с Англией, то все же практически они поддерживают с нею самый тесный контакт по военным вопросам. Объединенный англо-американский штаб в Вашингтоне продолжает существовать до сих пор, несмотря на то что после окончания войны прошло свыше года. Продолжается и частый личный контакт между руководящими военными деятелями Англии и США. Недавняя поездка фельдмаршала Монтгомери в Америку является одним из свидетельств этого контакта. Характерно, что в результате своих встреч с руководящими военными деятелями США Монтгомери заявил о том, что английская армия будет строиться по образцу американской. Проводится сотрудничество также и между военными флотами двух стран. В этой связи достаточно упомянуть участие английского флота в недавних маневрах американского флота в Средиземном море и участие американского флота в Северном море осенью текущего года.

д) Нынешние взаимоотношения между Англией и Соединенными Штатами, несмотря на временное достижение соглашений по очень важным вопросам, внутренне весьма противоречивы и не могут быть долговечными.

Экономическая помощь Соединенных Штатов таит в себе опасность для Англии во многих отношениях. Не говоря уже о том, что Англия в силу получения ею займа попадает в известную финансовую зависимость от США, от которой ей нелегко будет освободиться, следует иметь в виду, что созданные займом условия для проникновения американского капитала в пределы Британской империи могут повлечь за собою серьезные политические последствия. Страны, входящие в состав Британской империи или зависимые от нее, могут под экономическим воздействием со стороны мощного американского капитала переориентироваться на Соединенные Штаты, следуя в этом отношении примеру Канады, которая все более и бо-

лее выходит из-под влияния Англии, ориентируясь при этом на США. Укрепление американских позиций на Дальнем Востоке может стимулировать подобный же процесс и в Австралии и в Новой Зеландии. В арабских странах Ближнего Востока, стремящихся эмансипироваться от Британской империи, среди правящих классов также имеются группы, которые не прочь торговаться с США. Вполне возможно, что именно Ближний Восток станет тем центром англо-американских противоречий, где будут взорваны достигнутые ныне соглашения между США и Англией.

7. а) «Жесткая» политика в отношении СССР, провозглашенная Бирнсом после сближения реакционных демократов с республиканцами, является сейчас основным тормозом на пути к сотрудничеству великих держав. Она состоит, главным образом, в том, что в послевоенный период США не проводят более политики укрепления сотрудничества Большой Тройки (или Четверки) и, наоборот, стремятся к тому, чтобы подорвать единство этих держав. Цель, которая при этом ставится, состоит в том, чтобы навязать Советскому Союзу волю других государств. Именно в этом клонится осуществляемая с благословения США попытка некоторых держав подорвать или вовсе упразднить принцип вето в Совете Безопасности Объединенных Наций. Это дало бы Соединенным Штатам возможность создания узких группировок и блоков среди великих держав, направленных, в первую очередь против Советского Союза, и тем самым расколоть единый фронт Объединенных Наций. Отказ от вето великих держав превратил бы Организацию Объединенных Наций в англо-саксонскую вотчину, в которой руководящую роль имели бы Соединенные Штаты.

б) Нынешняя политика американского правительства в отношении СССР направлена также на то, чтобы ограничить или вытеснить влияние Советского Союза из соседних стран. Осуществляя ее, США пытаются проводить на различных международных конференциях или непосредственно в самих этих странах мероприятия, которые выражаются, с одной стороны, в поддержке реакционных сил в бывших вражеских или союзных странах, соседних с СССР, с целью создания препятствий процессам демократизации этих стран, а с другой стороны,

в том, чтобы обеспечить позиции для проникновения американского капитала в их экономику. Такая политика делает ставку на то, чтобы ослабить и разложить стоящие здесь у власти демократические правительства, дружественные СССР, и в дальнейшем — заменить их новыми правительствами, которые выполняли бы послушно политику, диктуемую из США. В этой политике США получают полную поддержку со стороны английской дипломатии.

в) Одним из самых важных звеньев общей политики США, направленной на ограничение международной роли СССР в послевоенном мире, является политика в отношении Германии. Мероприятия по укреплению реакционных сил с целью противодействия демократическому переустройству, сопровождаемые совершенно недостаточными мероприятиями по демилитаризации, проводятся США в Германии с особой настойчивостью.

Американская оккупационная политика не ставит своей задачей ликвидацию остатков германского фашизма и переустройку германской политической жизни на демократических основах с тем, чтобы Германия перестала существовать как агрессивная сила. США не принимают мер к ликвидации монополистических объединений германских промышленников, на которые германский фашизм опирался в подготовке агрессии и ведении войны. Не проводится и аграрная реформа с ликвидацией крупных помещиков, бывших также надежной опорой гитлеризма. Вместе с тем США предусматривают возможность прекращения союзнической оккупации германской территории еще до выполнения главных задач оккупации, состоящих в демилитаризации и демократизации Германии. Тем самым были бы созданы предпосылки для возрождения империалистической Германии, которую США рассчитывают использовать в будущей войне на своей стороне. Нельзя не видеть, что такая политика имеет ясно очерченное антисоветское острие и представляет собою серьезную опасность для дела мира.

г) Многочисленные высказывания американских государственных, политических и военных деятелей по поводу Советского Союза и его внешней политики в исключительно враж-

дебном духе весьма характерны для нынешнего отношения правящих кругов США к СССР. Этим высказываниям вторит в еще более разнузданном тоне подавляющее большинство органов американской прессы. Разговоры о «третьей войне», имеющие в виду войну против Советского Союза, даже прямой призыв к этой войне с угрозой применения атомной бомбы, — таково содержание высказываний реакционеров на публичных митингах и в прессе по поводу отношений с Советским Союзом. В настоящее время проповедь войны против Советского Союза не является монополией лишь крайне правой, желтой американской прессы, представленной газетными объединениями Херста и Маккормика. В эту антисоветскую кампанию включились также и более «солидные» и «респектабельные» органы консервативной печати типа «Нью-Йорк Таймс» и «Нью-Йорк Геральд Трибюн». Для этих органов консервативной прессы показательными являются многочисленные статьи Уолтера Липпмана, в которых он почти без всякой маскировки призывает США нанести удар по Советскому Союзу в наиболее уязвимых местах юга и юго-востока СССР.

Основная цель этой антисоветской кампании американского «общественного мнения» состоит в том, чтобы оказать на Советский Союз политический нажим и вынудить его пойти на уступки. Другой, не менее важной целью кампании является стремление создать атмосферу военного психоза среди широких масс, усталых от войны, которая облегчила бы правительству провести мероприятия по сохранению в США высокого военного потенциала. Именно в такой атмосфере был проведен через конгресс закон о введении воинской повинности в мирное время, огромный военный бюджет и разрабатываются планы строительства разветвленной системы военно-морских и авиационных баз.

д) Все эти мероприятия по сохранению высокого военного потенциала не являются, конечно, самоцелью. Они предназначены лишь для того, чтобы подготовить условия для завоевания мирового господства в намечаемой наиболее воинственными кругами американского империализма новой войне, сроки которой, разумеется, не могут быть никем сейчас определены.

Следует вполне отдавать себе отчет в том, что подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, который является в глазах американских империалистов главным препятствием на пути США к мировому господству. Об этом говорят такие факты, как тактическое обучение американской армии войне с СССР как будущим противником, расположение американских стратегических баз в районах, откуда можно наносить удары по советской территории, усиленное изучение и укрепление арктических районов как ближних подступов к СССР и попытки подготовить почву в Германии и Японии для использования их в войне против СССР.

НОВИКОВ, 27.09.46 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Оперативный план действий Группы советских оккупационных войск в Германии (от 5 ноября 1946 г.)

Советский Союз, не имея в 1946 г. ни соответствующих сил флота, ни стратегической авиации, в принципе не мог планировать нападения на США. Однако его Вооруженные Силы потенциально были способны вести наступательные боевые действия в Европе. Тем не менее очевидно, что такой вариант мог быть реализован только в качестве ответа на агрессию со стороны США и их союзников и после отражения непосредственного нападения (войны не начинаются той стороной, которая изначально не имеет шансов на победу).

В соответствии с этим советские группы войск и военные округа имели оборонительные задачи и планы. Наглядно в этом можно убедиться по приведенному ниже «Оперативному плану Группы советских оккупационных войск в Германии», важнейшей группировки Советских Вооруженных Сил. Весь план, задачи, поставленные армиям, авиации и другим родам войск, подчинены оборонительным целям и предполагают оборонительные способы действий.

В соответствии с поставленными задачами и по решению главнокомандующего войсками группы предусматривалось

основные усилия сосредоточить в 50–150 км вглубь от границы советской зоны оккупации, имея впереди только части прикрытия. При наличии хоть каких-то наступательных намерений организация боевых действий не может строиться подобным образом. Планируемые контрудары в глубине обороны имели целью восстановление положения. Таким образом, весь документ носит исключительно оборонительный характер. Аналогичные задачи и планы имели и другие группы войск и военные округа.

Совершенно секретно
особой важности

«УТВЕРЖДАЮ»

*Главнокомандующий Группой
советских оккупационных
войск в Германии
Маршал Советского Союза
СОКОЛОВСКИЙ*

*Член военного совета Группы
советских оккупационных
войск в Германии
генерал-лейтенант
МАКАРОВ*

5 ноября 1946 года

**ОПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН¹
действий Группы советских оккупационных
войск в Германии**

В связи с изменением состава и группировки войск Группы в результате оргмероприятий и в целях создания в этой обстановке наиболее выгодных условий для боевых действий войск Группы в случае их возникновения, а также обеспечения необходимой охраны на линии соприкосновения наших войск провести следующие мероприятия.

¹ Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 34–45.

1. На линии соприкосновения наших войск протяженностью 920 км 3 Уд. А и 8 гв. А выставить посты только на дороги. В глубине, в удалении от постов на 3–5 км, выставить более густую сеть постов немецкой полиции.

Всего для организации сторожевого охранения на линии соприкосновения во всей полосе Группы выделить не более четырех стрелковых полков.

2. Передний край главной полосы обороны иметь на рубеже: Висмар, оз. Шверинер-Зее, Людвигслуст, Ленцен, р. Эльба до Барби (30 км юго-вост. Магдебург) и далее по р. Зале до Зальбург (30 км зап. Плауэн), далее Ельснитц, Адорф, Брамбах. Протяженность этого рубежа по переднему краю 515 км.

Вблизи этого рубежа дислоцировать основные силы стрелковых и механизированных дивизий 3-й Ударной и 8-й гвардейской армий, а также их армейские соединения и части усиления.

Отрекогносцировать:

а) вторую полосу обороны с передним краем на рубеже: Росток, р. Варнов, Гюстров, Краков, вост. берег оз. Плауэр, Виттшток, р. Доссе, Вустерхаузен, Ратенов, Бранденбург, Цизар, Лобург, Рослау, вост. берег р. Мульде до Биттерфельд, Делич, Лейпциг, Гройтч, Цейтц, Гера, Грейц, Плауфн;

б) третью (тыловую) армейскую полосу обороны с передним краем на рубеже: Дамгартен (35 км сев.-вост. Росток), Трибэбес, Демин, вост. берег оз. Куммеровер, Варен, вост. берег оз. Мюритц, Фюрстенберг, Цеденик, Либенвальде, вост. берег р. Хавель, зап. окр. Берлина, Саармунд, Треббич, Лукенвальде, Ютерборг, Швейнитц, Преттич, Торгау, Мюльберг, Ошатц, Вальдхайн, Миттвейда, Хемниц, Ольберсдорф, Мильденау, Кенигсвальде.

На основе рекогносцировки с командирами корпусов, дивизий и начальниками родов войск и служб произвести разбивку на полосы, участки и районы и распределить силы и средства на всю глубину главной полосы обороны и отработать взаимодействие между родами войск, увязав их действия на стыках.

Никаких инженерных работ на всех полосах до особого распоряжения не производить.

3. На основных направлениях в полосе между линией соприкосновения наших войск и главной полосой обороны под-

готовить базу для создания заграждений. Иметь в готовности также одну треть саперов армии для организации отрядов заграждения. Основное внимание при этом должно быть уделено узлам дорог.

4. Наиболее вероятными направлениями для действий крупных сил противника могут быть:

- 1) Гельмштедт, Магдебург, Берлин.
- 2) Гамбург, Шверин.
- 3) Кассель, Лейпциг.
- 4) Хоф, Плауэн, Лейпциг.

При этом направление Гельмштедт, Магдебург, Берлин следует считать наиболее важным направлением. Исходя из этой оценки:

— наиболее плотную группировку войск в главной полосе обороны создать на участках:

1) Бург, Магдебург, Бернбург с задачей прикрыть берлинское направление.

2) Галле, Кала (10 км южн. Иена) с задачей не допустить прорыва противника в направлении Лейпциг и выхода его на Берлин.

3) Заальбург (30 км зап. Плауэн), Ельсниц с задачей не допустить прорыва противника в направлении Плауэн, Лейпциг;

— в первом эшелоне 3 Уд. А и 8 гв. А иметь стрелковые дивизии и мехполки мехдивизий стрелковых корпусов. Во втором эшелоне этих армий иметь танковые полки мехдивизий стрелковых корпусов и 11 тд на направлениях вероятных действий противника с задачей совместно с пехотой, артиллерией и авиацией не допустить прорыва противником главной полосы обороны до подхода мехармий;

— главную задачу по уничтожению наступающего противника возложить на 1 и 2 гв. МА при поддержке артиллерии и авиации Группы, поэтому предусмотреть:

1) Для одновременного удара на магдебургском направлении использование 1 и 2 гв. МА при поддержке основной массы артиллерии и авиации.

2) Для удара на шверинском направлении — 2 гв. МА.

3) Для удара на лейпцигском направлении — 1 гв. МА.

Артиллерию Группы использовать: армейскую артиллерию

распоряжением командующих армиями в борьбе за главную полосу обороны и в предполье с наибольшей плотностью на угрожаемых направлениях.

Для маневра в каждой армии создать противотанковый резерв, действия которого отработать в направлении подготавливаемых контрударов. Артиллерию резерва Главного командования использовать централизованно, распоряжением Главного командующего Группой.

Главную группировку артиллерии в составе: 4 АКП (5 и 6 ад, 34 пад, 4, 3 гв. иптабр) — для борьбы за удержание главной полосы обороны на магдебургско-берлинском направлении.

Для маневра предусмотреть использование на шверинском направлении 5 адп, на лейпцигском направлении — 3 гв. иптабр.

Зенитную артиллерию использовать:

24 и 32 зад — для прикрытия главной группировки войск на магдебургском направлении и переправ через р. Эльба на участке Стендаль, Магдебург.

2 гв. зад — для прикрытия полевого управления Группы.

6 и 10 зад — для прикрытия основных объектов тыла Группы в районах:

— Кюстрин, Фюрстенвальде, Франкфурт н/О;

— Берлин.

Авиацию использовать централизованно для нанесения массированных ударов всеми силами на магдебургско-берлинском направлении. Для маневра на флангах и обеспечения действий 2 и 1 гв. МА в случае их использования на флангах Группы предусмотреть выделение одной трети сил воздушной армии, заранее подготовить аэродромы для базирования выделяемой авиации и предусмотреть выделение оперативных групп на КП 3 Уд. А и 8 гв. А.

Основные задачи авиации

— Отражение массированных налетов авиации противника на территорию Группы советских оккупационных войск в Германии. Главные усилия нашей авиации направить на отражение налетов авиации противника по районам базирования 16 ВА и по основным группировкам наземных войск в зависимости от обстановки.

В дальнейшем прикрыть выход 2 и 1 гв. МА и сосредоточение их в исходных для нанесения контрударов районах:

2 гв. МА — Путлиц, Перлеберг, Притцвальк или Плауэ, Цизар, Бельциг, Бранденбург.

1 гв. МА — Недлиц, Цербст, Дессау, Косвиг, Геритц или Лейпциг, Борна, Вурцен.

— При обнаружении воздушной разведкой крупных колонн противника на подходе к главной полосе нашей обороны бомбардировочно-штурмовыми ударами уничтожать их.

— Содействовать наземным войскам в удержании главной полосы обороны, особенно на направлении Магдебург, Берлин, и поддержать 1 и 2 гв. МА при нанесении ими контрударов по прорвавшемуся противнику.

е) Инженерные войска

Не более одной трети инженерных сил и минно-подрывных средств в количестве, необходимом для обеспечения действий отрядов заграждения, использовать в полосе между линией соприкосновения наших войск и главной оборонительной полосой. Остальные инженерные силы и средства армии использовать в главной оборонительной полосе.

Предусмотреть с началом боевых действий использование военно-строительных отрядов УОС с привлечением местного населения для производства фортификационных работ на второй и армейской полосах обороны.

В резерве Группы иметь один инженерно-саперный и один тяжелый понтонный полк.

ж) Днепровскую военную флотилию использовать для обеспечения боевых действий частей 2 и 1 гв. МА по уничтожению противника в районе Берлин.

После уничтожения противника в районе Берлин флотилии обеспечить действия войск 3 Уд. А в направлениях:

— северо-западное — водный путь р. Хавель, Нижний Хавель, р. Эльба, имея вспомогательный выход на реку Эльба — водный путь Хавель — Мюритц — Эльде;

— западное — водный путь р. Хавель, Плауэр-канал, р. Эльба, канал Эмс — Везер — Эльба.

5. В случае возникновения военных действий:

а) Отдельные сторожевые посты, не теряя соприкосновения с противником, ведут разведку и совместно с отрядами заграждения задерживают продвижение противника с целью выиграть необходимое время для организации обороны на главном оборонительном рубеже.

Для выполнения этой задачи привлечь также военные комендатуры городов с их штатными подразделениями, расположенные западнее переднего края главной полосы обороны. Эти комендатуры с началом военных действий подчинить командующим армиями, в полосах которых они окажутся к началу военных действий.

б) Основные силы стрелковых дивизий при появлении первых признаков возникновения военных действий отводятся на главную полосу и занимают оборону вместе с мехполками мехдивизий стрелковых корпусов с наибольшей плотностью на главных направлениях.

в) 1 и 2 гв. МА по тревоге приводятся в боевую готовность и в зависимости от обстановки выдвигаются в исходные районы для нанесения контрударов. Выдвижение этих армий производится особым распоряжением Главнокомандующего Группой.

г) Артсоединения резерва по тревоге приводятся в боевую готовность и в зависимости от обстановки особым распоряжением Главнокомандующего Группой выдвигаются на угрожаемые направления для отражения противника, особенно его танковых и механизированных частей совместно с общевойсковыми и механизированными армиями.

д) Зенитно-артиллерийские дивизии (2 гв., 24, 32, 6 и 10 зд) и вся истребительная авиация 16 ВА по тревоге занимают свои места согласно плану в готовности к немедленному отражению налетов авиации противника в соответствии с планом ПВО Группы.

6. Задачи армий

а) 3-я Ударная армия в составе: 9 ск (94 гв. сд, 18 мд), 79 ск (207 сд и 15 мд), 11 тд с армейскими соединениями и частями — подготовить оборону в полосе:

справа — побережье Балтийского моря;

слева — Люккау, Рагун (15 км южн. Дессау), Ашерслебен, Кведлинбург, Штапельбург. Все пункты для 3-й Ударной армии включительно.

Наиболее плотную группировку войск в главной полосе обороны иметь на участках:

- 1) Висмар, оз. Шверинер-Зее.
- 2) Людвигслуст, Виттенберге.
- 3) Бург, Магдебург, Бернбург.

Контрудары вторыми эшелонами и резервами подготовить в направлениях:

1) Гюстров, Висмар и Пархим, Нойштад-Глеве, Виттенбург — во взаимодействии с 2 гв. МА.

2) Путлиц, Виттенберге — во взаимодействии с 2 гв. МА и 5 ад.

3) Ратенов, Хавельберг — во взаимодействии с 5 и 6 ад и бригадой речных кораблей ДВФ.

4) Бранденбург, Магдебург — во взаимодействии с 2 гв. МА, 5, 6 ад и 4 гв. иптабр.

5) Дессау, Магдебург и Дессау, Бернбург — во взаимодействии с 1 гв. МА, 3 и 4 гв. иптабр.

Подготовить постройку обводов в районе Шверин и на западном берегу реки Эльба в пунктах Тангермюнде, Магдебург.

б) 8-я гвардейская армия в составе: 29 гв. ск (57 гв. сд, 82 гв. сд и 21 гв. мд), 28 гв. ск (39 гв. сд и 20 мд) с армейскими соединениями и частями подготовить оборону в полосе:

справа — Люккау, Рагун (15 км южн. Дессау), Ашерслебен, Кведлинбург, Штапельбург. Все пункты для 8 гв. А исключительно;

слева — граница с Чехословакией.

Наиболее плотную группировку войск в главной полосе обороны иметь на участках:

1) Галле, Кала (10 км южн. Иена) с задачей не допустить прорыва противника в направлении Лейпциг и его выдвижения на берлинском направлении.

2) Заальбург (30 км зап. Плауэн), Ельснитц с задачей не допустить прорыва противника и выдвижения его в северном и северо-восточном направлениях.

Во взаимодействии с 1 гв. МА, 3 гв. иптабр подготовить контрудары в направлениях:

- 1) Лейпциг, Ландсберг, Бернбург.
- 2) Пегау, Наумбург.
- 3) Вдоль автострады Гера — Иена.
- 4) Грейц, Плауэн.

Подготовить отсечные позиции фронтом на север:

1. На участке Бернбург, Ашерслебен.
2. На участке Еснитц, Веттин.

Ответственность за обеспечение стыка между 3 Уд. А и 8 гв. А возложить на командующего 8 гв. А.

в) 2 гв. мех. Армия в составе: 1 тд, 9 и 12 гв. тд и 1 мд с армейскими соединениями и частями — отработать действия войск армии:

а) Гюстров, Росток с задачей во взаимодействии с Юго-Балтийским флотом не допустить высадки десантов на побережье Балтийского моря в районе Росток;

б) Гюстров, Висмар с задачей во взаимодействии с частями 3 Уд. А не допустить прорыва противником главной полосы обороны на участке Висмар, оз. Шверинер-Зее.

2. Из района Путлитц, Перелеберг, Притцвальк в направлениях: Путлитц, Людвигслуст и Путлитц, Перлеберг, Виттенберге — с задачей во взаимодействии с войсками 3 Уд. А и 5 ад не допустить прорыва противником главной полосы обороны на участке: Людвигслуст, Виттенберге.

3. Из района Плауэ, Цизар, Бельциг, Брандунбург в направлениях: Цизар, Магдебург и Бельциг, Дессау, Бернбург с задачей во взаимодействии с войсками 3 Уд. А и 1 гв. МА, 5, 6 ад, 4 гв. иптабр не допустить прорыва противником главной полосы обороны на участке Бург, Магдебург, Бернбург.

Особое внимание обратить на обеспечение наиболее быстрого маневра для удара на магдебургском направлении.

г) 1 гв. мех. Армия в составе: 9 тд, 11 гв. тд, 8 и 19 гв. мд с армейскими соединениями и частями — отработать действия войск армии:

1. Из района Недлиц (40 км вост. Магдебург), Дессау, Косвиг, Геритц в направлениях: Цербст, Магдебург и Дессау, Бернбург с задачей во взаимодействии с войсками 3 Уд. А, 2 гв. МА,

3 и 4 гв. иптабр не допустить прорыва противника на участке Магдебург, Бернбург.

2. Из района Лейпциг, Борна, Вурцен в направлениях: Лейпциг, Бернбург и Лейпциг, Наумбург с задачей — во взаимодействии с войсками 8 гв. А, 3 и 4 гв. иптабр не допустить прорыва противником главной полосы обороны на участке Бернбург, Галле, Наумбург.

3. Из района Альтенбург, Криммитшау, Глаухау в направлениях: Гера, Иена, вдоль автострады и Глаухау, Плауэн с задачей — не допустить прорыва противником главной полосы обороны на участке: Гера, Плауэн.

Особое внимание обратить на обеспечение наиболее быстрого маневра для удара на магдебургском направлении.

7. Устройство тыла

Армейские базы 3 Уд. А и 8 гв. А подготовить и расположить:

3. Уд. армии — в районе Ратенов.

8. гв. армии — в районе Хемниц.

Остальные армейские базы оставить на месте:

2 гв. МА — Фюрстенберг.

1 гв. МА — Риза.

В целях обеспечения постоянной боевой готовности войск в материальном снабжении создать неприкосновенные запасы:

а) по боеприпасам: на все виды вооружения — в дивизиях — 1,5 б/к, на армскладах — 0,5 б/к, в танковых войсках — 3 б/к, на складах Группы — 1 б/к;

б) по ГСМ: для автомашин — 3,5 заправки, в том числе: в частях — 1 заправка (помимо расходной), в транспортах сд — 0,5 заправки и на армскладах — 2 заправки.

Для танков и СУ — 3 заправки, в том числе: в частях — 1,5 заправки (из них одна в баках машин), в транспортах тд — мд — 0,5 заправки и на армскладах — 1 заправка.

В 16 ВА — для самолетов: на складах авиатехнических частей и на складах армии — 5 заправок. Кроме этого для армии на складах Группы предположено создать запас в количестве 5 заправок авиабензина.

в) по продфуражу: во всех частях 5 сутодач и неснижаемый запас — 25 сутодач;

г) по санитарному имуществу: во всех частях по проекту табеля, разосланного санитарным управлением Группы;

д) по ветеринарному имуществу: иметь комплект: в полку норма № 2, в дивизии норма № 3.

Неприкосновенные запасы расходовать только с разрешения военных советов армий, а для частей резерва Главнокомандующего — с разрешения военного совета Группы.

8. Управление

В условиях данной группировки войск управление 3-й Ударной и 8-й гвардейской армий необходимо дислоцировать в пунктах вост. главной полосы обороны. В целях же оперативной маскировки и сохранения управления провинциями в установленных административных границах штабы этих армий оставить на месте.

Одновременно для обеспечения управления войсками на случай возникновения военных действий подготовить новые основные командные пункты за второй полосой обороны.

Основной командный пункт штаба Группы подготовить в районе Рюдерсдорф (20 км юго-зап. Штраусберг).

Второй эшелон — в районе Фолькенхаген (20 км сев.-зап. Франкфурт н/О).

Помимо основных КП во всех командных инстанциях подготовить не менее одного запасного КП.

9. Документация

План действий войск разработать и иметь только в штабах армий. В этих планах обязательно отразить:

а) замысел обороны;

б) боевые задачи соединений первого, второго эшелона и резервов, родов войск и их взаимодействие между линией соприкосновения и главной полосой обороны;

в) систему всех видов пехотного, артиллерийского и танкового огня (в том числе и артиллерии усиления);

г) план-схему инженерного оборудования местности в полосе предполья и в главной оборонительной полосе со всеми расчетами;

- д) организацию разведки и охранения;
- е) план ПТО и ПВО;
- ж) план организации связи;
- з) материально-техническое обеспечение и устройство тыла.

В армиях подготовить частные приказы соединениям, которые вручить с объявлением боевой тревоги. Задачи, поставленные этим приказом, отработать на местности с командирами соединений и частей усиления.

В соединениях и частях в письменном виде разработать только план подъема войск по тревоге и вывода их в районы сосредоточения.

При разработке этих планов исходить из следующего времени для приведения войск в боевую готовность:

- а) когда войска заблаговременно предупреждены — 1,5 часа;
- б) когда войска заблаговременно не предупреждены — 3 часа.

В течение указанного времени все войска должны быть приведены в полную боевую готовность для выполнения боевых задач. При этом всем подразделениям, частям и соединениям иметь полностью все имеющееся вооружение, транспорт, установленную норму боеприпасов, ГСМ и других видов материального обеспечения.

План действий войск армий представить в штаб Группы 1.1.1947 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Карта масштаба 1 : 500 000.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ГРУППЫ СОВЕТСКИХ
ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК В ГЕРМАНИИ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
МАЛИНИН

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
КРАМАР

«5» ноября 1946 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Директива Совета национальной безопасности США № 201 (№ SC 20/1) от 18.08.1948 г.¹

I. ВВЕДЕНИЕ

Очевидно, что Россия — и как самостоятельная сила, и как центр мирового коммунистического движения — стала в последнее время основной проблемой международной политики США и что в стране отмечается глубокое недовольство и озабоченность целями и методами советских лидеров. Поэтому политика нашего Правительства определяется в значительной мере нашим желанием изменить советскую политику и изменить международное положение, к которому последняя уже привела.

Однако до сих пор еще не было четкой формулировки основных целей США в отношении к России. И особенно важно, с точки зрения повышенного внимания нашего Правительства

¹ 18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США принял Директиву 20/1 «Цели США в войне против России». Эту дату часто связывают с началом информационной войны США против СССР. Директива впервые опубликована в США в 1978 г. в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945–1950 гг.». Ввиду важности этого основополагающего документа он воспроизводится целиком. См. также «Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.». М.: МГУ, 2006.

к делам России, чтобы эти цели были сформулированы и приняты для рабочих целей всеми подразделениями нашего Правительства, работающими с проблемами России и коммунизма. В противном случае есть возможность серьезного распыления усилий в работе над проблемой чрезвычайной международной важности.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Есть две концепции отношения национальных целей к факторам войны и мира.

Первая предполагает, что национальные цели являются постоянными и что на них не могут оказывать влияние перемены в положении в стране, как то: переход от войны к миру; что их следует выполнять постоянно, как невоенными, так и военными средствами, в зависимости от случая. Эту концепцию лучше всего выразил Клаузевиц, который писал, что «война есть продолжение политики, смешанное с другими средствами».

Противоположная концепция предполагает, что национальные цели во время войны и во время мира главным образом не связаны. Согласно этой концепции, существование военного положения создает свои собственные политические цели, которые по преимуществу вытесняют обычные цели мирного времени. Именно эта концепция в основном превалировала в нашей стране. Главным образом эта концепция преобладала и в прошедшей войне, когда победа в войне как таковая, как военная операция, была главной задачей политики США, а все остальные соображения подчинялись ей.

В случае с американскими целями в отношении России ясно, что ни одна из этих концепций не может полностью превалировать.

Прежде всего наше правительство было вынуждено ради задач развивающейся ныне политической войны рассматривать более определенные и милитаристские цели в отношении России даже сейчас, в мирное время, чем те, что были сформулированы в отношении Германии или Японии в преддверии реальных военных действий с этими странами.

Во-вторых, опыт прошедшей войны научил нас желательности подчинения наших военных действий четкой и реалистич-

ной концепции долгосрочных политических задач, которые мы хотим достигнуть. Это было бы особенно важно в случае войны с Советским Союзом. Вряд ли мы можем ожидать, что завершим эту войну с тем же военным и политическим исходом, как в случае с прошедшей войной против Германии и Японии. Поэтому, пока всем не станет очевидно, что наши цели не заключаются в военной победе ради нее как таковой, американской общественности будет трудно осознать, что на самом деле будет желательным исходом конфликта. Общественность может ожидать от военного исхода гораздо большего, чем это необходимо или даже желательно с точки зрения действительного достижения наших целей. Если люди будут думать, что нашими целями являются безоговорочная капитуляция, полная оккупация и военное правительство, по образцу Германии и Японии, то они, естественно, будут ощущать, что все иное, кроме этих достижений, вовсе не является настоящей победой, и не смогут оценить действительно оригинальное и конструктивное урегулирование.

Наконец, мы должны признать, что цели Советов сами по себе практически постоянны. Переходы от войны к миру практически не оказывали на них влияния. К примеру, советские территориальные цели в отношении Восточной Европы, ставшие очевидными в ходе войны, имеют сильное сходство с программой, которую советское правительство стремилось реализовать невоенными средствами в 1939 и 1940 гг., и по сути с некоторыми стратегическими и политическими концепциями, лежавшими в основе царской политики накануне Первой мировой войны. Чтобы противостоять такой постоянной политике, столь упорно проводящейся во время и войны, и мира, нам необходимо противопоставить ей задачи не менее постоянные и долгосрочные. В общем говоря, это обусловлено самой природой отношений между Советским Союзом и внешним миром, заключающимися в постоянном антагонизме и конфликте, которые имеют место как в рамках формального мира, так и в правовых рамках войны.

С другой стороны, очевидно, что демократия не может добиться, как это иногда делает тоталитарное государство, полной идентификации своих целей в мирное и в военное вре-

мя. Ее отвращение к войне как к методу внешней политики настолько сильно, что она неизбежно будет изменять свои цели в мирное время в надежде, что их можно будет достичь, не прибегая к оружию. Когда этой надежде и этой сдержанности кладет конец начало войны, в результате провокации или иных причин, раздраженная демократическая общественность обычно требует либо формулировки дальнейших целей, часто — карательного свойства, которые она не стала бы поддерживать в мирное время, либо немедленной реализации целей, которых в других обстоятельствах она бы добивалась терпеливо, постепенно, на протяжении десятилетий. Поэтому было бы нереалистично полагать, что правительство Соединенных Штатов могло бы надеяться продолжать действовать в военное время на базе точно того же набора целей или, по крайней мере, с теми же графиками реализации целей, что и в мирное время.

В то же время следует признать, что чем меньше разрыв между целями мирного и военного времени, тем больше вероятность, что успешные военные действия будут также и политически успешными. Если цели действительно здоровые с точки зрения национальных интересов, то они заслуживают сознательной формулировки и достижения как в войну, так и в мирное время. Цели, которые рождаются в результате эмоционального подъема военного времени, не способны отразить сбалансированную концепцию долгосрочных национальных интересов. По этой причине любое действие, планируемое теперь правительством, в преддверии любых военных действий, должно определять наши нынешние мирные цели и наши гипотетические цели в военное время в отношении России, а также сократить, насколько возможно, разрыв между ними.

III. ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ

Наших основных целей в отношении России в действительности только две:

а) сократить силу и влияние Москвы до тех пределов, когда они уже не представляют угрозы для мира и стабильности международного сообщества; б) осуществить базовые

изменения в теории и практике международных отношений действующего правительства России.

Если эти две цели будут достигнуты, то проблема, с которой сталкивается наша страна в своих отношениях с Россией, будет сокращена до размеров, которые можно считать нормальными.

Прежде чем обсудить способы осуществления этих целей в мирное и военное время соответственно, давайте сначала изучим их более подробно.

1. Географическое сокращение силы и влияния России

Существует две сферы, в которых сила и влияние Москвы распространяются за пределы границ Советского Союза так, что это угрожает миру и стабильности международного сообщества.

Первую из этих сфер можно определить как спутниковую зону — то есть зону, где Кремль оказывает определяющее политическое влияние. Следует отметить, что в этой зоне, которая в целом географически прилегает к Советскому Союзу, присутствие или близость советских вооруженных сил стало решающим фактором в установлении и поддержании советской гегемонии.

Вторая из этих сфер охватывает отношения между властным центром, контролирующим Советский Союз, с одной стороны, и группами или партиями в зарубежных странах, находящихся за пределами спутниковой зоны, которые видят в России источник политического вдохновения и сознательно или иначе демонстрируют общую лояльность к ней, — с другой.

В обеих этих сферах проецированию силы России за ее законные рамки должен быть положен конец, если достижение первой из перечисленных выше целей осуществляется эффективно. Странам в спутниковой зоне должна быть дана возможность фундаментально освободиться от доминирования России и от чрезмерного русского идеологического вдохновения. Миф, заставляющий миллионы людей в странах, удаленных от советских границ, видеть в Москве выдающийся источник надежды на улучшение человечества, должен быть основательно подорван, а его наработки — уничтожены.

Следует отметить, что в обоих случаях цели вполне можно достичь, не поднимая вопросов, затрагивающих престиж Советского государства как таковой.

Во второй из этих двух сфер полного удаления чрезмерной русской силы можно достичь без обязательного затрагивания наиболее жизненных интересов Русского государства; ибо в этой сфере власть Москвы подрывается по тщательно скрываемым каналам, существование которых сама Москва отрицает. Следовательно, схождение на нет властной структуры, известной прежде как Третий Интернационал и пережившей изъятие из употребления этого названия, не требует никаких формальных унижений московского правительства и никаких формальных уступок со стороны Советского государства.

То же самое по большей части справедливо для первой из этих двух сфер, но не полностью. В спутниковой зоне, безусловно, Москва так же отрицает формальное советское доминирование и старается скрыть его механизмы. Как показали инциденты с Тито, уничтожение контроля Москвы не обязательно является событием, влияющим на соответствующие государства как таковые. В данном случае оно рассматривается как частное дело обеих сторон; и особо подчеркивается, что престиж государств не затронут никоим образом. То же самое предположительно может случиться где-нибудь еще в пределах спутниковой зоны — не затрагивая формального достоинства Советского государства.

Однако мы видим более трудную проблему в действительных размерах границ Советского Союза после 1939 г. Ни в коем случае нельзя сказать, что эти размеры угрожают международному миру и стабильности; а в определенных случаях, вероятно, следует считать, с точки зрения наших целей, что их следует полностью признать ради сохранения мира. В других случаях, особенно в случае балтийских стран, вопрос более труден. Мы не можем действительно проявлять безразличие к дальнейшей судьбе прибалтийских народов. Это нашло отражение в нашей нынешней политике признания в отношении этих стран. И вряд ли мы можем полагать, что угроза международному миру и стабильности действительно уменьшилась, пока Европа стоит перед фактом, что для Москвы возможно

сокрушить эти три маленькие страны, которые не виноваты ни в какой реальной провокации и продемонстрировали свою способность прогрессивно управлять своими делами, не угрожая интересам своих соседей. Поэтому было бы логично считать частью целей США помочь этим странам вернуться, по меньшей мере, к приличному состоянию свободы и независимости.

Однако ясно, что их полная независимость потребует реальных территориальных уступок со стороны советского правительства. Что, в свою очередь, непосредственно затронет достоинство и жизненные интересы Советского государства как таковые. Напрасно воображать, что этого можно добиться невоенными средствами. Поэтому, если мы считаем, что указанные выше цели действительно как в мирное, так и в военное время, то логически следует, что вряд ли мы заставим Москву разрешить вернуться в соответствующие балтийские страны всем насильственно изгнанным оттуда их гражданам и установить в этих странах автономные режимы, отвечающие в общем культурным запросам и национальным чаяниям данных народов. В случае войны мы могли бы, если это будет необходимо, пойти дальше. Но ответ на этот вопрос зависит от характера русского режима, который бы установился в этой зоне после очередной войны; а нам нет необходимости пытаться решить это заранее.

Следовательно, говоря, что нам следует сократить силу и влияние Кремля до пределов, когда они больше не представляют угрозы для мира и стабильности международного сообщества, мы имеем право полагать, что эту цель мы можем преследовать не только в случае войны, но также и в мирное время мирными средствами и что в последнем случае это вовсе не обязательно затронет вопросы престижа советского правительства, что автоматически сделало бы войну неизбежной.

2. Изменения в теории и практике международных отношений Москвы

Наши трудности в отношениях с нынешним советским правительством заключаются главным образом в том, что его лидеры воодушевлены концепциями теории и практики международных отношений, которые не только радикально

противоположны нашим, но и отчетливо несовместимы с любым мирным и взаимовыгодным изменением в отношениях между этим правительством и другими членами международного сообщества, как индивидуально, так и коллективно.

Самые примечательные из этих концепций следующие:

а) что мирное сосуществование и взаимное сотрудничество суверенных независимых правительств, рассматривающих друг друга как равных, иллюзорны и невозможны;

б) что конфликт является основой международной жизни повсеместно, подобно тому, как в случае между Советским Союзом и капиталистическими странами одна страна не признает превосходство другой;

в) что режимы, не признающие авторитета и идеологического превосходства Москвы, безнравственны и вредны для прогресса человечества и что долгом здравомыслящих людей во всех странах является добиваться свержения или ослабления подобных режимов любыми средствами, доказавшими тактическую пригодность;

г) что в долгосрочной перспективе взаимное сотрудничество не принесет никакой пользы интересам коммунистического и некоммунистического мира, ибо эти интересы в основе своей несовместимы и противоречивы;

д) что спонтанное общение между отдельными людьми в управляемом коммунистами мире и отдельными людьми вне этого мира вредно и не может способствовать прогрессу человечества.

Ясно, что недостаточно добиться прекращения доминирования этих концепций в советской или русской теории и практике международных отношений. Необходимо также заменить их чем-то противоположным.

Этими противоположными концепциями могут быть:

а) что для суверенных и равных стран возможно мирно существовать бок о бок и сотрудничать друг с другом, без всякой мысли или попытки доминирования одной над другой;

б) что конфликт вовсе не обязательно является основой международной жизни и что люди могут иметь общие цели, не разделяя общей идеологической платформы и не подчиняясь единым авторитетам;

с) что люди в других странах имеют законное право добиваться национальных целей, расходящихся с коммунистической идеологией, и что долгом здравомыслящего человечества является проявлять терпимость к идеалам других, щепетильно соблюдать невмешательство в чужие внутренние дела на основе взаимности и использовать только приличные и достойные методы в международных отношениях;

д) что международное сотрудничество может и должно приносить пользу интересам обеих сторон, несмотря на различие в идеологической базе двух сторон;

е) что общение отдельных людей за пределами международных границ желательно и должно поощряться как процесс, способствующий общему прогрессу человечества.

Тут же возникает вопрос, является ли принятие подобных концепций Москвой целью, к которой мы можем серьезно стремиться и надеяться достичь, не прибегая к войне и к свержению советского правительства. Мы должны признать тот факт, что советское правительство, как мы его знаем сегодня, является и будет продолжать являться постоянной угрозой для спокойствия нашей нации и всего мира.

Совершенно очевидно, что нынешние руководители Советского Союза сами никогда не станут рассматривать концепции, подобные перечисленным выше, как по определению здоровые и желательные. Равным образом очевидно, что для того чтобы подобные концепции стали доминировать в русском коммунистическом движении, потребовалась бы, учитывая нынешние обстоятельства, интеллектуальная революция внутри этого движения, что было бы равнозначно изменению его политической индивидуальности и отказу от его базовой цели — существования как отдельной и жизненно важной силы посреди идеологических потоков мира в целом. Такие концепции могли бы стать доминирующими в русском коммунистическом движении, только если в результате длительного процесса перемен и разрушений это движение переживет те толчки, которые дали ему жизнь и жизненную силу, и приобретет совершенно иное значение в мире, чем то, которое оно имеет сегодня.

Следовательно, можно заключить (и московские идеологи наверняка быстро примут такое толкование), что говорить, что

мы стремимся к принятию этих концепций Москвой, равнозначно тому, что нашей целью является свержение советской власти. Отталкиваясь от этого положения, можно доказать, что оно, в свою очередь, является целью, не достижимой невоенными средствами, и что мы тем самым признаем, что нашей целью в отношении Советского Союза является конечная война и насильственное свержение советской власти.

Было бы опасной ошибкой придерживаться такого хода размышлений.

Прежде всего не существует временных границ достижения наших целей в мирных условиях. Здесь мы сталкиваемся с отсутствием установленной периодичности войны и мира, что не позволяет нам заключить, что мы должны достичь наших мирных целей к определенной дате. Цели национальной политики в мирное время никогда не следует рассматривать в статических рамках. Поскольку они являются основными и ценными целями, их нельзя достичь полностью и в четких пределах, подобно конкретным военным задачам в ходе войны. Цели национальной политики в мирное время следует рассматривать скорее как направления действия, а не как физические цели.

Во-вторых, мы полностью правы и не должны испытывать чувство вины, добиваясь разрушения концепций, несовместимых с миром и стабильностью в мире, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Мы не обязаны просчитывать внутренние перемены, к которым может привести принятие подобных концепций в другой стране, равно как не должны чувствовать ответственности за эти перемены. Если советские руководители решат, что растущее преобладание более прогрессивной концепции международных отношений несовместимо с существованием их внутренней власти в России, то это их ответственность, а не наша. Это дело их собственной совести и совести людей Советского Союза. Мы имеем не только моральное право, но и моральную обязанность трудиться над повсеместным принятием достойных и дающих надежды концепций международной жизни. При этом мы имеем право не стесняться в средствах с точки зрения внутренних улучшений.

Мы не знаем наверняка, что успешное осуществление нами рассматриваемых целей приведет к распаду советской власти; ибо здесь нам не известен временной фактор. Возможно, что под давлением времени и обстоятельств некоторые из первоначальных концепций коммунистического движения могут в России постепенно измениться, как это было в нашей стране с рядом первоначальных концепций американской революции.

Следовательно, мы имеем право полагать и публично заявлять, что нашей целью является предоставить русскому народу и правительству более прогрессивную концепцию международных отношений с помощью всех имеющихся в нашем распоряжении средств и что при этом мы как правительство не занимаем никакой позиции в отношении к внутреннему положению в России.

В случае войны, очевидно, не возникнет вопросов такого характера. Если между нашей страной и Советским Союзом возникнет состояние войны, наше правительство вольно осуществлять свои основные цели любыми средствами по своему усмотрению и при любых условиях, которые оно может пожелать предъявить русской власти или русским властям в случае успешного осуществления военных операций. Будут ли эти условия включать свержение советской власти — это лишь вопрос целесообразности, который будет обсуждаться ниже.

Посему эта вторая из двух основных целей равным образом приемлема для осуществления как в мирное, так и в военное время. Эту цель, как и первую, соответственно можно принять за основополагающую, на которой будет строиться наша политика как в мирное, так и в военное время.

Обсуждая интерпретацию этих основных целей в мирное или в военное время соответственно, мы сталкиваемся с проблемой терминологии. Если мы продолжим говорить о конкретных линиях ориентации нашей политики в военное или мирное время как о «целях», то мы можем впасть в семантическую путаницу. Поэтому, исключительно ради ясности, мы сделаем произвольное различие. Мы будем говорить о целях исключительно в смысле указанных выше основных целей, являющихся общими как для войны, так и для мира. Когда же мы ссылаемся на наши направляющие цели, применимые конкрет-

но для нашей военной или мирной политики соответственно, мы будем говорить не о «целях», а о «намерениях».

Каковы же тогда намерения национальной политики США в отношении России в мирное время?

Они вытекают логически из рассмотренных выше двух основных целей.

1. Сокращение силы и влияния России

Давайте сначала рассмотрим сокращение чрезмерной силы и влияния России. Мы уже видели, что этот вопрос разделяется на проблему спутниковой зоны и проблему коммунистической деятельности и советской пропаганды в более далеких странах.

Что касается спутниковой зоны, то намерением политики США в мирное время является создание максимально возможного напряжения в структуре отношений, благодаря которым в этой зоне поддерживается советское доминирование, и постепенно, с помощью естественных и законных сил Европы, лишить русских их положения первенства и дать соответствующим правительствам возможность получить независимость действий. Есть много способов, с помощью которых эта цель может быть достигнута и достигается. Наиболее решительным шагом в этом направлении стало предложение о Европейско-русской программе, высказанное в речи госсекретаря Маршалла в Гарварде 5 июня 1947 г. Принуждая русских либо дозволить странам-сателлитам войти в отношения экономического сотрудничества с Западной Европой, что неизбежно укрепило бы связи между Востоком и Западом и ослабило исключительную ориентацию этих стран на Россию, либо остаться вне этой структуры сотрудничества за счет тяжелых экономических жертв, мы создали серьезное напряжение в отношениях между Москвой и странами-сателлитами и, несомненно, поставили исключительный авторитет Москвы в столицах стран-сателлитов в неловкое и затруднительное положение. По сути, все, что помогает сорвать покрывало, под которым Москва скрывает свою силу, все, что заставит русских обнажить грубые и безобразные контуры их власти над правительствами стран-сателлитов, помогает дискредитировать правительства

стран-сателлитов в глазах их народов, усилить недовольство этих народов и их желание свободного сотрудничества с другими нациями.

Нелояльность Тито отчетливо показала, что напряжение в отношениях между Советским Союзом и сателлитами вполне может привести к реальному ослаблению и подрыву русского доминирования.

Следовательно, наше намерение — продолжать делать все, что в наших силах, чтобы усиливать эти напряжения и в то же время сделать возможным для правительств стран-сателлитов постепенно освободиться из-под русского контроля и найти, если они того пожелают, приемлемые формы сотрудничества с западными правительствами. Этого можно добиться путем умелого использования нашей экономической мощи, прямой или косвенной информационной деятельности, созданием максимально возможного напряжения в существовании железного занавеса, укрепления Западной Европы, с тем чтобы она стала максимально привлекательной для народов Востока, и другими средствами, которых слишком много, чтобы все их перечислять.

Конечно, мы не можем полагать, что русские будут сидеть сложа руки и позволять таким образом сателлитам освободиться от русского контроля. Мы не можем быть уверены, что в какой-то момент этого процесса русские не обратятся к насилию какого-либо рода — то есть к формам военной оккупации или, возможно, даже к крупной войне, чтобы не дать этому процессу завершиться.

Мы вовсе не желаем, чтобы они это сделали; и, со своей стороны, мы должны делать все возможное, чтобы сохранять ситуацию гибкой и сделать возможным освобождение стран-сателлитов такими способами, которые не создадут никакого вызова советскому престижу. Но даже при величайшей осторожности мы не можем быть уверены, что они не прибегнут к оружию. Мы не должны полагать, что сможем автоматически повлиять на их политику или получить гарантированные результаты.

То, что мы обращаемся к политике, которая может привести к этим результатам, вовсе не означает, что мы берем курс на

войну; и нам следует быть чрезвычайно предусмотрительными, чтобы сделать это очевидным при любых обстоятельствах и избежать обвинений подобного характера. Учитывая отношения антагонизма, которые по-прежнему являются базовыми для всех отношений между советским правительством и некоммунистическими странами в наше время, война остается постоянно присутствующей возможностью, и никакой курс, избранный нашим правительством, не может заметно уменьшить эту опасность. Обращение к политике, противоположной изложенной выше, а именно: признать советское доминирование в спутниковых странах и ничего не противопоставлять ему — никоим образом не уменьшит опасность войны. Напротив, можно с изрядной долей логики утверждать, что долгосрочная опасность войны неизбежно будет выше, если Европа останется расколотой по нынешним линиям, чем если бы власть русских была бы уничтожена мирным путем в благоприятное время и в европейском сообществе восстановился бы естественный баланс.

Соответственно, можно утверждать, что наше первое намерение в отношении России в мирное время — поощрять и способствовать невоенными средствами постепенному сокращению чрезмерной русской силы и влияния в нынешней спутниковой зоне и появлению соответствующих восточноевропейских стран как независимых факторов на международной сцене.

Однако, как мы уже видели, наше обсуждение этой проблемы будет неполным, если мы не примем во внимание вопрос территорий, находящихся ныне за советской границей. Хотим ли мы сделать нашей целью добиться невоенными средствами какого-либо изменения границ Советского Союза? Мы уже видели в Главе III ответ на этот вопрос.

Мы должны способствовать любыми имеющимися в нашем распоряжении средствами развитию в Советском Союзе институтов федерализма, которые позволили бы возродить национальную жизнь балтийских народов.

Можно спросить: почему мы ограничиваем эту цель балтийскими народами? Почему мы не включаем другие национальные меньшинства Советского Союза? Ответ состоит в том,

что балтийские народы — единственные, чья традиционная территория и население теперь полностью включены в состав Советского Союза и которые продемонстрировали способность успешно справляться с государственными делами. Более того, мы по-прежнему официально отрицаем законность их насильственного включения в состав Советского Союза, и потому они имеют особый статус в наших глазах.

Затем мы имеем проблему развенчания мифа, с помощью которого люди из Москвы поддерживают свое чрезмерное влияние и реальную дисциплинарную власть над миллионами людей в странах за пределами спутниковой зоны. Сначала — несколько слов о природе этой проблемы.

До революции 1917 г. русский национализм был исключительно русским. За исключением нескольких эксцентричных европейских интеллектуалов XIX в., исповадовавших мистическую веру в способность России избавить цивилизацию от ее пороков, русский национализм не привлекал людей за пределами России. Напротив, относительно мягкий деспотизм правителей России XIX в., возможно, был хорошо известен в западных странах, и о нем повсеместно сожалели, чаще, чем в случае с гораздо более жестокими деяниями советского режима.

После революции лидерам большевиков удалось посредством умной и систематической пропаганды укоренить среди большей части мировой общественности определенные концепции, чрезвычайно благоприятные для достижения их целей, включая следующие: что Октябрьская революция была народной революцией; что советский режим был первым по-настоящему рабочим правительством; что советская власть была определенным образом связана с идеалами либерализма, свободы и экономического благополучия; и что он предлагал многообещающую альтернативу национальным режимам, под которыми жили другие народы. Таким образом, в сознании многих людей была установлена связь между русским коммунизмом и общим беспокойством во внешнем мире, вызванным воздействиями урбанизации и индустриализации, а также колониальными волнениями.

Поэтому доктрина Москвы стала в некоторой степени внутренней проблемой для каждой нации в мире. В лице советской

власти западные политики теперь сталкиваются с чем-то большим, чем с еще одной проблемой во внешних отношениях. Они сталкиваются также с внутренним врагом в своих собственных странах — врагом, посвятившим себя подрыву и конечному разрушению своего национального сообщества.

Разрушение мифа международного коммунизма — это двойная задача. Она требует двух сторон, между которыми нужно установить взаимодействие, как то, что существует между Кремлем, с одной стороны, и недовольными интеллектуалами в других странах (ибо именно интеллектуалы, а не «рабочие», составляют костяк коммунизма вне СССР) — с другой. Чтобы справиться с этой проблемой, недостаточно поставить себе целью заставить замолчать пропагандиста. Гораздо более важно вооружить слушателя против такого рода атаки. Есть определенная причина, по которой к московской пропаганде так жадно прислушиваются, а этот миф так охотно принимается многими людьми далеко за пределами России. Если бы эти люди не прислушивались к Москве, они слушали бы что-либо еще, в равной степени ошибочное и в равной степени экстремальное, хотя, возможно, менее опасное. Так что задача разрушения мифа, на котором покоится международный коммунизм, имеет отношение не только к руководителям Советского Союза. Она также имеет отношение и к несоветскому миру и прежде всего — к конкретному обществу, частью которого является каждый из нас. Если мы сумеем рассеять смятение и неправильные представления, благодаря которым процветают эти доктрины, — то есть если мы сумеем уничтожить источники ожесточенности, которые подталкивают людей к иррациональным и утопическим идеям такого рода, — мы преуспеем в разрушении идеологического влияния Москвы в зарубежных странах.

С другой стороны, мы должны признать, что только часть международного коммунизма вне России есть результат внешнего влияния и подлежит соответствующему исправлению. Другая часть представляет собой что-то вроде естественной мутации видов. Она происходит из сходного по духу движения пятых колонн, к которому принадлежит определенный небольшой процент населения в каждом обществе и которое отличает-

ся негативным отношением к родному обществу и готовностью следовать за любой внешней силой, противостоящей ему. Этот элемент всегда будет присутствовать в любом обществе, представляя почву для работы недобросовестных чужаков; и единственная защита от его опасного воздействия — отсутствие желания со стороны сильных режимов эксплуатировать эту несчастливую сторону человеческой природы.

К счастью, Кремль сделал гораздо больше, чем смогли бы мы сами, чтобы развенчать самый миф, которым он действует. Югославский инцидент, возможно, самый яркий случай такого рода; но история Коммунистического Интернационала полна других случаев затруднений, с которыми сталкиваются отдельные люди и группы вне России, пытающиеся быть последователями московских доктрин. Кремлевские лидеры настолько неосмотрительны, настолько безжалостны, настолько властны и настолько циничны в дисциплине, которую они налагают на своих последователей, что лишь немногие могут признавать их авторитет слишком долго.

Ленинско-сталинская система основывается главным образом на власти, которую меньшинство отчаянных заговорщиков всегда может получить, по крайней мере временно, над пассивным и неорганизованным большинством. По этой причине кремлевские лидеры в прошлом почти не беспокоились о том, что их движение оставляет за собой прочный шлейф разочаровавшихся бывших последователей. Их целью было не сделать коммунизм массовым движением, а работать через небольшую группу безукоризненно дисциплинированных и используемых до конца последователей. Они всегда были рады освободиться от тех людей, которые не могли вынести такой дисциплины.

Долгое время это работало достаточно хорошо. Новобранцев было легко заполучить; а партия переживала устойчивый процесс естественного отбора, оставлявшего в ее рядах только наиболее фанатично преданные, самые лишенные воображения и наиболее тупые и беспринципные натуры.

Теперь же югославский случай поставил большой знак вопроса над тем, как хорошо эта система будет работать в будущем. До этого с ересью легко было справиться полицейскими репрессиями в пределах советской власти или проверенным

путем отлучения и личного террора за этими пределами. Тито показал, что в случае с лидерами государств-спутников эти методы совсем не обязательно эффективны. Отлучение коммунистических лидеров, не подчиняющихся советской власти и имеющих свою собственную территорию, полицию, армию и дисциплинированных последователей, может расколоть коммунистическое движение, как ничто другое, и нанести наиболее сильный удар по мифу о всеведении и всемогуществе Сталина.

Следовательно, с нашей стороны необходима концентрация усилий для создания благоприятных условий, чтобы воспользоваться преимуществом советских ошибок и появившихся трещин, а также способствовать стойкому ухудшению структуры морального влияния, которое кремлевские власти оказывали на людей, находящихся вне досягаемости советской полиции.

Поэтому мы можем сказать, что наше второе намерение в отношении России в мирное время — подрывать с помощью информационной активности и любых других имеющихся в нашем распоряжении средств миф, который держит людей, удаленных от русского военного влияния, в положении подчиненности Москве, и заставить мир в целом увидеть и понять Советский Союз в истинном свете и занять логичное и реалистичное отношение к нему.

2. Изменение русских концепций международных отношений

Теперь мы переходим к толкованию в условиях политики мирного времени нашей второй важной цели, а именно: осуществление изменения концепций международных отношений, превалирующих в московских правящих кругах.

Как мы уже видели, в разумной перспективе мы не сможем изменить базовую политическую психологию людей, находящихся ныне у власти в Советском Союзе. Недоброжелательный характер их взглядов на внешний мир, их отрицание возможности постоянного мирного сотрудничества, их вера в неизбежность конечного разрушения одного мира другим — все это останется, хотя бы по той простой причине, что советские

лидеры убеждены в том, что их система не выдержит сравнения с западной цивилизацией и потому спокойствия не будет до тех пор, пока пример процветающей и могущественной западной цивилизации не будет физически вычеркнут, а память о нем — дискредитирована. Это уже не говоря о том, что эти люди чрезвычайно сильно преданы теории неизбежного конфликта между двумя мирами — во имя этой теории они подвергли смертной казни или тяжелейшим страданиям миллионы людей.

С другой стороны, советские лидеры умеют признавать если не аргументы, то ситуации. Поэтому если создавать ситуации, когда акцент на элементах конфликта в их отношениях с внешним миром не принесет их власти никакого преимущества, то их действия и даже тон их пропаганды среди их собственного народа могут измениться. Это стало очевидным в ходе прошедшей войны, когда их военное союзничество с западными державами имело только что описанный эффект. В этом случае изменение их политики имело относительно краткую продолжительность; ибо с завершением военных действий они увидели возможность достижения своих важных целей независимо от чувств и взглядов Запада. А это означало, что ситуации, которая заставила их изменить свою политику, больше не существовало.

Поэтому если аналогичные ситуации возможно будет снова создать в будущем и советские лидеры будут вынуждены признать их реальность и если эти ситуации будут поддерживаться длительное время, то есть период, охватывающий значительную часть органичного процесса роста и перемен в советской политической жизни, то они могут оказывать постоянный изменяющий эффект на взгляды и привычки советской власти. Даже относительно недолгая и в основном на словах возможность сотрудничества между основными союзниками в ходе прошедшей войны оставила глубокий след в сознании русской общественности и, несомненно, создала серьезные трудности для режима в его попытках по окончании войны вернуться к старой политике враждебности и ниспровержения западного мира. И все же это все происходило в период, когда не было абсолютно никакого сколько-нибудь значимого изменения

в советском руководстве и никакой естественной эволюции внутренней политической жизни в Советском Союзе. Если бы советское правительство было вынуждено соблюдать политику осмотрительности и сдержанности в отношении Запада столь долго, чтобы нынешние лидеры сменились другими, и если бы происходила какая-либо естественная эволюция советской политической жизни перед лицом этой необходимости, то в конечном счете можно было достичь реальных перемен в советских взглядах и поведении.

Из этого обсуждения вытекает, что коль скоро мы не в силах изменить базовую политическую психологию нынешних советских руководителей, то мы можем создать ситуации, которые при достаточно долгом их существовании могут заставить их смягчить свое опасное и неправильное отношение к Западу и соблюдать некоторую степень сдержанности и осмотрительности в своих отношениях с западными странами. В таком случае мы действительно могли бы сказать, что начали добиваться успехов в постепенном изменении опасных концепций, которые ныне лежат в основе поведения Советов.

Опять-таки, как в случае ослабления советской власти, так и в случае любой прочной программы сопротивления советским попыткам разрушения западной цивилизации, мы должны признать, что советские лидеры могут увидеть письма на стене и предпочтут прибегнуть к насилию, чем дать этим вещам произойти. Повторим еще раз: такой риск возможен в любой здравой политике в отношении Советского Союза. Он заложен в самой природе нынешнего советского правительства; и что бы мы ни делали, мы тут ничего не изменим. Это не новая проблема для международных отношений Соединенных Штатов. В «Записках федералиста» Александр Гамильтон заявлял: «Давайте не забывать, что мир или война не всегда оставляются нам выбор; и сколь бы сдержанными и нечестливыми мы ни были, мы не можем рассчитывать на сдержанность и надеяться смирить честолюбие других».

Следовательно, ставя целью изменить концепции, которыми ныне руководствуется советское правительство в международных делах, мы должны опять-таки допускать, что ответ на вопрос, можно ли достичь этой цели мирными средствами,

зависит не только от нас. Но это не должно нам мешать в наших попытках.

Поэтому мы должны сказать, что третьим нашим намерением в отношении России в мирное время является создание ситуаций, которые заставят советское правительство признать практическую нежелательность действий на основе его нынешних концепций и необходимость действовать, по крайней мере внешне, так, будто концепции, противоположные упомянутым, истинны.

Конечно, это прежде всего вопрос поддержания политической, военной и психологической слабости Советского Союза в сравнении с международными силами за пределами его контроля и поддержания среди некоммунистических стран высокой степени настойчивости в деле соблюдения Россией элементарных международных приличий.

3. Конкретные намерения

Все перечисленные выше намерения — общие по характеру. Попытка сделать их конкретными завела бы нас в бесконечный лабиринт попыток вербальной классификации и скорее внесла бы сумятицу, нежели ясность. По этой причине не следует делать попыток озвучивать возможные формы конкретного осуществления этих намерений. Многие из этих форм с легкостью увидит всякий, кто думал о трактовке этих основных намерений на языке практической политики и действия. К примеру, очевидно, что важнейшим фактором в достижении всех этих намерений без исключения будет та степень, в которой мы преуспеем в проникновении за железный занавес или в его разрушении.

Однако вопрос конкретного толкования можно существенно прояснить кратким указанием на негативную сторону картины — иными словами, указав, что же не является нашими намерениями.

Прежде всего нашим первостепенным намерением в мирное время не является подготовка сцены для войны, которая рассматривается как неизбежная. Мы не рассматриваем войну как неизбежную. Мы не отрицаем, что наши основные намерения в отношении России можно успешно осуществить, не при-

бегая к войне. Мы должны признавать возможность войны как вытекающую логически и во все времена из нынешней позиции советского руководства, и мы должны быть подготовлены к этой возможности.

Но было бы неправильным полагать, что наша политика основывается на положении неизбежности войны и ограничивается приготовлениями к вооруженному конфликту. Это не так. Наша задача, автоматически определяемая в настоящее время, в отсутствии состояния войны, действиями других, — отыскать средства успешного осуществления наших целей, не прибегая к войне самим. Она включает приготовления к возможной войне, но мы рассматриваем их лишь как вспомогательные и как меры предосторожности, а не как первостепенный элемент политики. Мы по-прежнему надеемся и стремимся достичь наших целей в рамках мира. А если мы когда-либо придем к заключению (что не исключается), что это действительно невозможно и что отношения между коммунистическим и некоммунистическим мирами невозможны без конечного, вооруженного конфликта, то весь фундамент этого документа должен быть пересмотрен, а изложенные здесь наши намерения в мирное время — радикально изменены.

Во-вторых, нашим намерением в мирное время не является свержение советского правительства. По общему признанию, мы стремимся к созданию обстоятельств и ситуаций, с которыми было бы трудно справиться нынешним советским руководителям и которые были бы им не по душе. Возможно, что им не удастся, перед лицом этих обстоятельств и ситуаций, удержать свою власть в России. Но повторим еще раз: это их дело, а не наше. В данном документе не рассматривается вопрос, возможно ли для советского правительства действовать с относительной пристойностью и сдержанностью и при этом сохранить свою внутреннюю власть в России. Если ситуации, на которые направлены наши намерения в мирное время, действительно возникнут и окажутся несовместимы с существованием внутренней советской власти и заставят советское правительство сойти со сцены, мы будем наблюдать за этими переменами без сожаления; но мы не должны чувствовать себя ответственными за их поиск или их осуществление.

IV. ДОСТИЖЕНИЕ НАШИХ ОСНОВНЫХ ЦЕЛЕЙ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В этой главе рассматриваются наши цели в отношении России в случае, если между Соединенными Штатами и СССР возникнет состояние войны. Рассматриваются также варианты благоприятного исхода наших военных операций, к которым мы должны стремиться.

1. Невыполнимые задачи

Прежде чем начать обсуждение, чего мы должны стремиться достичь в войне с Россией, давайте сначала проясним, чего мы не должны надеяться достигнуть.

Прежде всего мы должны признать, что для нас не будет выгодно или практически выполнимо оккупировать и взять под свое военное администрирование всю территорию Советского Союза. Этому препятствуют размер данной территории, количество жителей, различия в языке и обычаях между местными жителями и нами и невозможность найти адекватный аппарат местной власти, через который мы могли бы работать.

Во-вторых и вследствие первого допущения, мы должны признать, что вряд ли советские лидеры безоговорочно сдадутся нам. Возможно, что советская власть разрушится под воздействием неудачной войны, как то случилось с царским режимом во время Первой мировой войны. Но даже это не наверняка. А если такого разрушения не произойдет, мы не можем быть уверены, что мы сможем уничтожить советскую власть какими-либо средствами, кроме сумасбродных военных действий, направленных на подчинение всей России нашему контролю. У нас уже есть опыт с нацистами как пример упорства и стойкости, с которыми безжалостный диктаторский режим может цепляться за свою внутреннюю власть даже на территории, постоянно сокращающейся вследствие военных операций. Советские лидеры могут, если будут вынуждены, заключить компромиссный мир, даже крайне неблагоприятный для их интересов. Но вряд ли они предпримут что-либо вроде безоговорочной капитуляции, что полностью подчинит их враждебной власти. Скорее они скроются в самой далекой деревне в Сибири и в конце концов погибнут, как Гитлер, под натиском врага.

Существует сильная вероятность, что если мы проявим крайнюю заботливость, насколько это возможно в военное время, и не будем вызывать у советских людей враждебности из-за неумеренно жестокого обращения военной полиции, то последует повсеместное разрушение советской власти в ходе войны, что с нашей точки зрения можно считать ее благополучным исходом. Мы будем полностью правы, способствуя такому разрушению всеми имеющимися у нас средствами. Но это не значит, что мы можем быть уверены в полном свержении советского режима, то есть в устранении его власти на всей нынешней территории Советского Союза.

Независимо от того, сохранится ли советская власть на какой-либо части нынешней советской территории, мы не можем быть уверены, что отыщем среди русских какую-либо другую группу политических лидеров, которые будут полностью «демократичными» в нашем понимании этого слова.

Хотя в России были моменты либерализма, концепции демократии не знакомы подавляющей массе русского населения, и особенно тем, кто по характеру склонен к государственной деятельности. В настоящее время существует ряд интересных и сильных русских политических группировок среди русских изгнанников; все они на словах исповедуют принципы либерализма в той или иной степени, а некоторые из них, возможно, были бы с нашей точки зрения предпочтительнее советского правительства в роли правителей России. Но сколь бы либеральны ни были эти группировки, никто не знает, не станут ли они, получив власть, поддерживать ее методами полицейского террора и репрессий. Действия людей, находящихся у власти, гораздо сильнее определяются обстоятельствами, в которых они вынуждены осуществлять свою власть, чем идеями и принципами, которые воодушевляли их, когда они находились в оппозиции. Передавая бразды правления какой-либо русской группе, никогда нельзя быть уверенным, что они будут управлять такими методами, которые были бы одобрены нашим народом. Поэтому, делая такой выбор, мы всегда рискуем и берем на себя ответственность, не будучи уверенными, что справимся с нею похвальным образом.

Наконец, мы не можем надеяться за короткий промежуток времени привить наши концепции демократии какой-либо группе русских лидеров. В конце концов, политическая психология любого режима, в какой-то степени отвечающего воле людей, должна быть такой же, как у самих этих людей. Но наш опыт в Германии и Японии отчетливо показал, что психологию и взгляды широких масс нельзя изменить за короткий промежуток времени одними лишь предписаниями или наставлениями иностранных властей, даже при полном разгроме и подчинении. Такое изменение может вытечь лишь из органичного политического опыта данного народа. Максимум, что может сделать одна страна для достижения подобной перемены в другой стране, — это изменить окружающие влияния, которым подвергается данный народ, предоставив ему реагировать на эти влияния по своему усмотрению.

Все это говорит о том, что мы не можем ожидать, после успешных военных действий в России, создания там правительства, полностью подчиненного нашей воле или полностью выражающего наши политические идеалы. Мы должны учитывать сильную вероятность того, что нам придется в той или иной степени сотрудничать с русскими властями, которых мы не одобряем полностью, чьи цели отличаются от наших и чьи взгляды и недостатки нам придется принимать во внимание, нравятся они нам или нет. Другими словами, мы не можем надеяться добиться полного утверждения нашей воли на российской территории, как мы пытались это сделать в Германии и Японии. Мы должны признать, что какого бы урегулирования мы в конечном счете ни достигли, это должно быть аполитичное урегулирование, политически обговоренное.

Вот что касается невыполнимых задач. Теперь — каковы же наши возможные и желательные цели в случае войны с Россией? Они, как и цели мирного времени, логически вытекают из основных целей, изложенных в главе 3.

2. Сокращение советской мощи

Первой из наших военных целей, естественно, должно быть разрушение русского военного влияния и доминирования в зонах, прилегающих, но находящихся вне границ любого Русского государства.

Очевидно, что успешное ведение войны с нашей стороны автоматически приведет к достижению этого результата на большей части — если не во всей — спутниковой зоны. Последовательные военные поражения советских сил, возможно, настолько подорвут авторитет коммунистических режимов в восточноевропейских странах, что большинство из них будет свергнуто. Могут остаться очаги в виде политического «титоизма», то есть остаточных коммунистических режимов чисто национального и локального характера. Их мы можем не принимать во внимание. Без поддержки в виде мощи и авторитета России они наверняка либо исчезнут со временем, либо разовьются в нормальные национальные режимы с большей или меньшей степенью шовинизма и экстремизма, свойственных сильным национальным правительствам в этой зоне. Конечно, нам следует добиваться уничтожения любых формальных следов сверхъестественного влияния России в этой зоне, таких как союзнические договоры и т.п.

Но в связи с этим перед нами снова встает проблема желательной для нас степени изменения советских границ в результате успешных военных действий с нашей стороны. Мы должны честно признать, что в данное время мы не можем ответить на этот вопрос. Ответ почти повсеместно зависит от того, какой тип режима установится вследствие военных действий в конкретной рассматриваемой зоне. Если этот режим будет предоставлять, по крайней мере, достаточно благоприятные перспективы соблюдения принципов либерализма во внутренних делах и сдержанности во внешней политике, то можно будет оставить под его властью большую часть, если не всю, территории, полученной Советским Союзом в ходе прошедшей войны. Если же, что более вероятно, послевоенные русские власти наложат наибольшие ограничения на либерализм и сдержанность, может стать необходимым изменить эти границы в гораздо большей степени. Об этом нужно говорить просто как об одном из вопросов, которые следует оставить открытыми до тех пор, пока развитие военных и политических событий в России не покажет нам полностью характер послевоенных рамок, в которых нам предстоит действовать.

Затем встает вопрос советского мифа и идеологического авторитета, которым советское правительство сейчас пользуется среди людей за пределами нынешней спутниковой зоны. Конечно же в первую очередь этот вопрос будет зависеть от того, сохранит ли нынешняя Всесоюзная коммунистическая партия авторитет над какой-либо частью нынешней советской территории после следующей войны. Мы уже видели, что не можем исключать эту возможность. Если авторитет коммунистов исчезнет, этот вопрос автоматически разрешится. Однако следует предположить, что в любом случае сам неудачный исход войны, с советской точки зрения, вероятно, нанесет решительный удар по этой форме проецирования советской власти и влияния.

Как бы то ни было, мы не должны ничего предоставлять воле случая; и, естественно, следует считать, что одной из наших основных военных целей в отношении России должно быть основательное разрушение структуры отношений, посредством которых лидеры Всесоюзной коммунистической партии имеют моральную и дисциплинарную власть над отдельными гражданами или группами граждан в странах, не находящихся под коммунистическим контролем.

3. Изменение русских концепций международных отношений

Наша следующая проблема снова касается концепций, которые будет определять русскую политику после войны. Насколько мы можем быть уверены, что впредь русская политика будет вестись по направлениям, максимально близким к тем, что были признаны нами выше желательными? Вот суть проблемы наших военных целей в отношении России, и ее нельзя недооценивать.

В первую очередь это проблема будущего советской власти, то есть власти коммунистической партии в Советском Союзе. Это чрезвычайно затруднительный вопрос. На него нет простого ответа. Мы видели, что если мы будем приветствовать и даже стремиться к полному разрушению и исчезновению советской власти, мы не можем быть полностью уверены, что достигнем этого. Следовательно, мы можем рассматривать это как задачу-максимум, а не минимум. Тогда, если предположить, что на

части советской территории может оказаться целесообразным существование советской власти по завершении военных действий, каково будет наше отношение к ней? Согласимся ли мы вообще поддерживать с ней отношения? А если да, то какие условия нам следует установить?

Прежде всего мы должны признать как заранее принятое решение то, что нам не следует заключать полномасштабное мирное соглашение и/или устанавливать регулярные дипломатические отношения с любым режимом в России, возглавляемым кем-либо из нынешних советских лидеров или людей, разделяющих их образ мыслей. За последние 15 лет мы уже имели печальный опыт попыток действовать так, будто с таким режимом возможны нормальные отношения; и если мы будем вынуждены прибегнуть к войне, чтобы защититься от последствий их политики и действий, наша общественность вряд ли простит советских лидеров за подобное развитие событий или возобновит попытки нормального сотрудничества.

С другой стороны, если по завершении военных действий на части советской территории сохранится коммунистический режим, мы вряд ли сможем полностью его игнорировать. Он не может не представлять, в границах наших возможностей, потенциальной угрозы миру и стабильности в самой России и в мире. Самое меньшее, что нам следует сделать, — быть уверенными, что его возможности зловредных деяний настолько ограничены, что не могут принести серьезного вреда, и что мы сами или дружественные нам силы держат все под контролем.

Для этого потребуются две вещи. Во-первых, будет нужно реальное физическое ограничение мощи такого остаточного режима с тем, чтобы он не мог развязать войну либо угрожать и запугивать другие нации или другие русские режимы. Если бы военные действия привели к решительному сокращению территории, находящейся под влиянием коммунистов, особенно если бы такое сокращение лишило их ключевых факторов в нынешней военно-промышленной структуре Советского Союза, то это физическое ограничение последовало бы автоматически. Если же находящаяся под их контролем территория значительно не уменьшится, того же результата можно будет

достичь интенсивным разрушением важных индустриальных и экономических объектов с воздуха. Возможно, потребуются оба этих средства. Но как бы то ни было, мы можем определенно заключить, что мы не можем считать наши военные действия успешными, если после них сохранился контроль коммунистического режима над долей нынешнего военно-промышленного потенциала, достаточной для того, чтобы на аналогичных условиях вести войну с любым соседствующим государством или с любой соперничающей властью, которая может установиться на традиционной русской территории.

Второе, что нам потребуется, — в случае, если советская власть в целом сохранится на традиционных русских территориях, — это некие условия, определяющие, по крайней мере, ее военные отношения с нами и с властями окружающих стран. Иными словами, нам может потребоваться определенный вид отношений с подобным режимом. Сейчас это может звучать неприятно для нас, но вполне может оказаться, что наши интересы будут лучше защищены такого рода отношениями, чем широкомасштабными военными действиями, необходимыми для полного подавления советской власти.

Можно с уверенностью сказать, что подобные условия будут жесткими и откровенно унижительными для коммунистического режима. Они могут чем-то напоминать условия Брест-Литовского мирного соглашения 1918 г., которое в этой связи заслуживает внимательного изучения. Тот факт, что немцы подписали это соглашение, не означал, что они действительно признали превосходство советского режима. Они считали, что соглашение сделает советский режим на некоторое время безопасным для них и поставит его перед проблемами выживания. Русские поняли, что в этом и был замысел немцев. Они пошли на соглашение с величайшей нерешительностью и пытались нарушить его при всяком удобном случае. Но превосходство немцев в силе было реальным, а расчеты немцев — реалистичными. Если бы Германия не потерпела поражение на Западе вскоре после заключения Брест-Литовского мира, вряд ли советское правительство смогло бы серьезно препятствовать достижению немцами их целей в отношении России. Именно в таком ключе наше правительство могло бы обходить-

ся с советским режимом на последних стадиях вооруженного конфликта.

Невозможно предсказать, каков будет характер таких условий. Чем меньшая территория останется в распоряжении такого режима, тем легче будет задача выдвижения условий, удовлетворяющих наши интересы. В наихудшем случае, то есть при сохранении советской власти на всей или почти всей нынешней советской территории, мы должны требовать:

а) непосредственных военных условий (сдачи вооружений, эвакуации ключевых зон и т.д.), предназначенных обеспечить военную беспомощность на долгое время;

б) условий, призванных создать серьезную экономическую зависимость от внешнего мира;

с) условий, призванных предоставить необходимую свободу, или федеральный статус, национальным меньшинствам (нам следует, по меньшей мере, настаивать на полном освобождении балтийских государств и гарантировании некоторого федерального статуса Украине, который позволил бы украинской местной власти получить большую степень автономии);

д) условий, призванных разрушить железный занавес и обеспечить свободный приток идей извне и установление многочисленных контактов между людьми в зоне советской власти и людьми вне ее.

Таковы наши цели в отношении любой остаточной советской власти. Остается вопрос, каковы наши цели в отношении любой некоммунистической власти, которая может установиться на части или на всей русской территории вследствие военных действий.

Прежде всего необходимо сказать, что независимо от идеологической базы любой такой некоммунистической власти и независимо от степени, в которой она будет выказывать приверженность идеалам демократии и либерализма, нам следует тем или иным способом обеспечить выполнение базовых задач, вытекающих из перечисленных выше требований. Иными словами, мы должны автоматически соблюдать меры предосторожности, дабы гарантировать, что даже такой некоммунистический и номинально дружественный нам режим:

а) не имеет мощных вооруженных сил;

b) в значительной степени экономически зависит от внешнего мира;

c) не имеет слишком большой власти над основными национальными меньшинствами; d) не создает чего-либо, напоминающего железный занавес, в отношениях с внешним миром.

В случае подобного режима, исповедующего враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы, несомненно, должны быть осмотрительны и выдвигать эти условия так, чтобы это не было оскорбительно или унижительно. Но нам следует проследить, чтобы эти условия тем или иным образом были выдвинуты, если мы хотим защитить наши интересы и интересы мира во всем мире.

Поэтому мы можем смело сказать, что наша цель в случае войны с Советским Союзом — следить за тем, чтобы по завершении войны ни одному режиму на русской территории не дозволялось:

a) сохранять военные силы в масштабе, который может угрожать любому соседствующему государству;

b) сохранять экономическую самостоятельность в такой степени, которая позволяла бы создание экономической базы вооруженных сил без помощи западного мира;

c) отказывать в автономии и самоуправлении основным национальным меньшинствам или

d) сохранять какое-либо подобие железного занавеса.

Если выполнение этих условий обеспечено, то мы можем адаптироваться к любой политической ситуации, которая может возникнуть в результате войны. Тогда мы будем в безопасности независимо от того, сохранится ли советская власть на всей русской территории, только на небольшой ее части или исчезнет вовсе. И мы будем в безопасности, даже если первоначальный демократический энтузиазм нового режима окажется недолговечным и постепенно уступит место антиобщественным конфекциям международных отношений, в которых воспитывалось нынешнее поколение советских людей.

Вышесказанное следует считать адекватным выражением наших военных целей и в случае, если благодаря войне политические процессы в России пойдут своим собственным курсом и мы

не будем обязаны брать на себя серьезную ответственность за политическое будущее страны. Но остаются вопросы, на которые придется отвечать в случае, если советская власть разрушится так быстро и так радикально, что страна останется повергнутой в хаос, делая затруднительным для нас как победителей совершать политический выбор и принимать решения, формирующие политическое будущее страны. При такой возможности нам предстоит столкнуться с тремя основными вопросами.

4. Разделение/национальная безопасность

Прежде всего, что для нас было бы желательно в таком случае: чтобы нынешние территории Советского Союза оставались под единым режимом или чтобы они были разделены? А если они останутся объединенными, по крайней мере в значительной степени, то какая степень федерализма должна соблюдаться в будущем русском правительстве? И как быть с основными национальными меньшинствами, в особенности с Украиной?

Мы уже упоминали о проблеме балтийских государств. Балтийские государства не должны быть вынуждены оставаться под какой-либо коммунистической властью после следующей войны. Если территория, примыкающая к балтийским государствам, будет управляться русскими властями иначе, чем коммунистическими властями, то мы должны руководствоваться пожеланиями балтийских народов и степенью сдержанности, которую русские власти склонны проявлять в отношении к ним.

В случае с Украиной мы имеем другую проблему. Украинцы — наиболее передовой из народов, которые в настоящее время подчиняются России. Они в основном обижены русским доминированием, а их националистические организации активны и известны за рубежом. Поэтому легко можно подойти к заключению, что их в конце концов следует освободить от русского владычества и позволить им самостоятельно устраиваться как независимому государству.

Мы должны остерегаться такого заключения. Сама его простота делает его негодным в условиях реалий Восточной Европы.

Действительно, украинцы страдают под русской властью и нужно что-то сделать, чтобы защитить их положение в будущем. Но есть определенные базовые факты, которые не следует упускать из виду. Хотя украинцы и были важным и специфичным элементом в Российской империи, они никак не показали себя «нацией», способной успешно решать вопросы независимости вопреки серьезному русскому противостоянию. Украина не является четко определенным этническим или географическим понятием. Население Украины, первоначально в значительной мере состоявшее из людей, бежавших от русского или польского деспотизма, незаметно превратилось в русских или поляков. Между Россией и Украиной нет четкой разделительной линии, и вряд ли ее можно будет установить. Города на украинской территории были по преимуществу русскими и еврейскими. Истинная основа «украинскости» — это чувство «отличия», вызываемое специфическим крестьянским диалектом и незначительными различиями в фольклоре и обычаях в сельских районах. А поверхностные политические волнения — это в основном работа немногочисленных романтически настроенных интеллектуалов, которые почти не имеют представления о государственном устройстве.

Экономика Украины неразрывно связана с экономикой России в целом. Никакой экономической самостоятельности не было с тех пор, когда эта территория была завоевана кочевниками-татарами и затем стала служить целям оседлого населения. Попытка вырвать ее из русской экономики и сделать чем-то самостоятельным была бы искусственной и разрушительной, подобно попытке выделить Кукурузный пояс, включая промышленную зону Великих озер, из экономики Соединенных Штатов.

Более того, люди, говорящие на украинском диалекте, разделены, как и те, кто говорит на белорусском диалекте, по признаку, который в Восточной Европе всегда считался истинным показателем национальности — а именно, по религии. Если в Украине можно будет провести какую-нибудь настоящую границу, то логически это будет граница между зонами, традиционно приверженными восточной церкви, и теми, кто предан римской церкви.

Наконец, мы не можем быть безразличными к чувствам самих великороссов. Они были самым сильным элементом Российской империи, каковым являются и теперь в Советском Союзе. Они и останутся самым сильным национальным элементом на этой территории, под любым статусом. Любая долгосрочная политика США должна основываться на их признании и на сотрудничестве с ними. Украинская территория является их национальным наследием в той же степени, как Ближний Восток — для нас, и они осознают этот факт. Решение, имеющее целью полностью отделить Украину от остальной России, непременно вызовет их обиду и сопротивление и при конечном анализе может проводиться лишь силой. Вполне возможно, что великороссы будут вынуждены признать возрожденную независимость балтийских государств. В прошлом они уже долгое время смирялись со свободой этих территорий от русского правления; и они признают, подсознательно или иначе, что данные народы способны к независимости. В отношении украинцев все обстоит иначе. Они слишком близки к русским, чтобы суметь выступить как что-то совершенно отличное. Хорошо это или плохо, но им придется определять свою судьбу в особых отношениях с великорусским народом.

Кажется очевидным, что в оптимальном варианте эти отношения должны быть федеральными, когда Украина будет обладать значительной степенью политической и культурной автономии, но не будет экономически или в военном отношении независимой. Такие отношения полностью бы отвечали и требованиям самих великороссов. Поэтому может показаться, что в этих рамках должны заключаться и цели США в отношении Украины.

Следует отметить, что этот вопрос — гораздо большее, чем вопрос далекого будущего. Украинские и великорусские элементы среди русских эмиграционных оппозиционных групп уже яростно соперничают за поддержку США. То, как мы отнесемся к их конкурирующим требованиям, может оказать важное влияние на ход и успех движения за политическую свободу среди русских. Поэтому важно, чтобы мы приняли наше решение сейчас и стойко его придерживались. А данное решение должно быть не прорусским, не проукраинским, но

таким, которое признает историческую географическую и экономическую реальность и отводит украинцам достойное и приемлемое место в семье традиционной Российской империи, неотъемлемой частью которой они являются.

Надо добавить, что хотя, как говорилось выше, мы не должны безрассудно поддерживать украинский сепаратизм, но тем не менее если на территории Украины без нашего участия установится независимый режим, мы не должны открыто противостоять ему. Делать так — значило бы взять на себя нежелательную ответственность за внутренние перемены в России. В конечном счете такой режим должен оспариваться со стороны русских. Если он успешно продержится, то это докажет, что приведенный выше анализ ошибочен и что Украина действительно обладает способностью и моральным правом на независимый статус. Нашей политикой в первую очередь должно быть соблюдение внешнего нейтралитета, пока не задеты непосредственно наши собственные интересы — военные или иные. И только если становится ясно, что развивается нежелательный застой, мы должны начать поддерживать элементы различия в рамках допустимого федерализма. То же самое относится и к любым другим попыткам достижения независимого статуса со стороны других русских меньшинств. Маловероятно, что какое-нибудь из других меньшинств сможет сколько-нибудь долго успешно сохранять действительную независимость. Однако если они предпримут такую попытку (а вполне возможно, что кавказские народы смогут это сделать), то наше отношение должно быть таким же, как и в случае с Украиной. Нам следует быть осторожными, чтобы не поставить себя в положение открытого противостояния таким попыткам, что привело бы нас к утрате навсегда сочувствия данного меньшинства. С другой стороны, мы не должны поддерживать их в тех действиях, которые, в конце концов, могли бы осуществляться только с нашей военной помощью.

5. Выбор новой правящей группы

В случае разрушения советской власти мы наверняка столкнемся с требованиями поддержки со стороны различных соперничающих политических элементов среди нынешних русских оппозиционных групп. Для нас будет практически невозможным

избежать поддержки той или иной из этих групп в ущерб ее соперникам. Но довольно многое будет зависеть от нас самих и от нашего представления о том, чего мы стремимся добиться.

Мы уже видели, что среди существующих и потенциальных оппозиционных групп нет ни одной, которую мы хотели бы поддерживать полностью и за чьи действия, в случае ее прихода к власти в России, мы хотели бы нести ответственность.

С другой стороны, мы должны ожидать, что различные группы будут предпринимать энергичные попытки заставить нас вмешаться во внутренние дела России и принять меры, означавшие бы действительную ответственность с нашей стороны и сделавшие бы возможным для политических групп в России продолжать требовать нашей поддержки. В свете этих фактов очевидно, что мы должны прилагать определенные усилия, чтобы избежать принятия ответственности за решение, кто будет управлять Россией после разрушения советского режима. Наилучший вариант для нас — позволить всем эмигрантам вернуться в Россию как можно быстрее и проследить, насколько это зависит от нас, чтобы им всем были предоставлены примерно равные возможности высказать свои претензии на власть. Наша базовая позиция должна заключаться в том, что в конечном счете русский народ должен сделать свой собственный выбор и что мы не намерены влиять на этот выбор. Следовательно, мы не должны иметь протезы, и нам следует проследить, чтобы все из соперничающих групп получили возможность изложить свои доводы русскому народу через средства массовой информации. Вероятно, что в своем соперничестве эти группы прибегнут к насилию. Даже в этом случае нам не следует вмешиваться, пока не затронуты наши военные интересы или пока не последуют попытки со стороны какой-либо из групп установить свою власть путем крупномасштабных и диких репрессий в тоталитарном духе, затрагивающих не только оппозиционных лидеров, но и само население.

6. Проблема «декоммунизации»

На любой территории, освобожденной от советского правления, мы будем сталкиваться с проблемой остатков советского аппарата власти.

Вероятно, что в случае полного вывода советских вооруженных сил с нынешней советской территории местный аппарат коммунистической партии уйдет в подполье, как это делалось в зонах, захваченных немцами, в прошедшей войне. Возможно, он даже частично всплывет на свет в виде партизанских отрядов. В этом смысле проблема обхождения с ним будет достаточно простой; ибо нам потребуется только предоставить необходимое оружие и военную поддержку любым некоммунистическим русским властям, которые могут контролировать местность, и позволить этим властям обходиться с коммунистическими бандами традиционно основательными методами русской гражданской войны.

Более трудную проблему будут представлять второстепенные члены коммунистической партии или чиновники, которые могут быть раскрыты и арестованы либо могут предоставить себя милосердию наших вооруженных сил или каких-либо русских властей, существующих на данной территории.

Здесь, опять же, нам не следует брать на себя ответственность распоряжения судьбой этих людей или же отдавать прямые приказы местным властям о том, как это сделать. Мы имеем моральное право настаивать, чтобы они были разоружены и чтобы они не занимали ведущих позиций в правительстве, пока они не предоставят ясное свидетельство искренних душевных перемен. Но в основном это должно оставаться проблемой русских властей, которые могут занять место коммунистического режима. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет гораздо успешнее, чем мы сами, оценить опасность, которую бывшие коммунисты представляют для нового режима, и распорядиться ими так, чтобы они не смогли причинить вреда в будущем. Нашей главной заботой будет следить за тем, чтобы ни один коммунистический режим как таковой не установился заново в зонах, которые мы уже освободили и которые, согласно нашему решению, должны оставаться свободными от коммунистического контроля. Кроме того, нам следует быть осторожными, чтобы не дать втянуть себя в проблему «декоммунизации».

Основная причина этого в том, что политические процессы в России протекают странно и непредсказуемо. В них нет

ничего простого, и ничто нельзя принять за данность. И очень редко — если когда-либо вообще — цвет бывает просто черным или белым. Нынешний коммунистический аппарат власти, вероятно, изрядной частью состоит из людей, подготовленных и имеющих склонность к участию в процессах управления. И любой новый режим наверняка будет вынужден воспользоваться услугами многих из этих людей, чтобы быть способным управлять вообще. Более того, мы не способны в каждом отдельном случае выявить мотивы, которые подтолкнули отдельных граждан России на сотрудничество с коммунистическим движением. Мы также не способны оценить степень, в которой такое сотрудничество ретроспективно окажется дискредитирующим или криминально опасным для других русских. Для нас было бы опасно в таких вопросах действовать на основе каких-либо установленных допущений. Мы всегда должны помнить о том, что преследование со стороны иностранного правительства неизбежно сделает местных мучеников из тех людей, которые в иных обстоятельствах были бы просто объектами насмешек.

Поэтому в случае территорий, освобожденных от коммунистического контроля, мы должны быть мудрее и ограничиваться наблюдением за тем, чтобы отдельные бывшие коммунисты не имели возможности реорганизоваться как вооруженные группы с претензиями на политическую власть и чтобы местным некоммунистическим властям было предоставлено достаточно оружия и оказана помощь в любых количествах, которые они пожелают получить.

Следовательно, мы можем сказать, что мы не должны делать нашей целью осуществить своими собственными силами на территории, освобожденной от коммунистических властей, какую-либо крупномасштабную программу декоммунизации и что в основном мы должны оставлять эту проблему любой местной власти, которая может вытеснить советское правление.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Заключительное слово Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС 23 ноября 1962 г.¹ (извлечение)

[...] Я не собирался, но немножко коснусь международного положения. Вы знаете, что мы пережили такой довольно острый период. Были приведены в боевое состояние все вооруженные силы, все стратегические ракетные части, бомбардировщики, флот, подводный флот — все. Это из-за Кубы, товарищи. Мы прошли довольно ответственный этап в развитии Советского государства. Сейчас есть люди, которые нас критикуют, что мы отступили. Это идиоты, а не люди (*бурные продолжительные аплодисменты*), хотя и называют они себя марксистами-ленинцами.

Я это, товарищи, так сказать, не для печати говорю. Выгнать редакторов или взять с них слово, чтобы это не писать.

Мы, товарищи, поставили ракеты, ракеты средней дальности на Кубе. Почему мы их поставили, что нас заставило поставить? Мы рассуждали так, что Кубу американцы терпеть не могут, они это прямо говорят, что могут сожрать Кубу. Я вот с воен-

¹ РГАНИ. Ролик № 6302. Ф. 2. Оп. 1. Д. 603. Л. 149–165. Цит. по: Огонек. № 42 от 22.10.2012.

ными говорил, с маршалом Малиновским. Я спросил: если бы мы были на месте Америки, взяли для себя курс сломить такое государство, как Куба, сколько бы нам надо было, зная наши средства? — Максимум три дня, и руки помыли бы.

Товарищи, с этим надо считаться, потому что именно Америка эти возможности тоже имеет. Поэтому мы считали, что Кубу можно спасти, только на Кубе поставив ракеты. Тогда тронешь, так ежик клубком свернется, и не сядешь. (Смех.) Видимо, пробовали когда-то. (Смех.) Вот эти ракеты вроде иголок ежика, они обжигают. Когда мы принимали решение, мы долго обсуждали и не сразу приняли решение, раза два откладывали, а потом приняли решение. Мы знали, что, если поставим, а они обязательно узнают, это шок у них вызовет. Шутка ли сказать, у крокодила под брюхом ножик! [...]

Мы никогда не говорили, что мы хотим вторгаться в пределы другого государства, тем более Америки. Если бы мы даже и хотели, мы сейчас этого не можем сделать, это надо признать, в Америку вторгнуться. Следовательно, у нас единственная цель была — сохранить революционную Кубу, в ее интересах сделать шаг. И мы сделали.

В результате переписки мы вырвали у президента США заявление о том, что он тоже не думает вторгаться. Тогда мы сочли возможным сделать заявление, что мы тогда тоже считаем возможным удаление наших ракет и Ил-28.

Было это уступкой? Было. Мы уступили.

Была уступка со стороны Америки? Было дано публичное слово не вторгаться? Было. Так кто же уступил и кто не уступил?

Мы никогда не говорили, что мы будем вторгаться в другую страну. Америка говорила, что она не потерпит на Кубе революционного кастровского режима, и потом она отказалась. Значит, ясно, что другая сторона взяла на себя обязательство то, которое она не признавала до постановки наших ракет на Кубе. Так?

ГОЛОСА: Так. (Аплодисменты.)

ХРУЩЕВ: Сейчас есть умные, а умных, когда пройдет опасность, всегда больше, чем в момент опасности. (В зале смех.) [...] Но ведь можно было бы не выводить? Можно, но, товари-

щи, я бы так сказал: игрок должен играть, но никогда не отгрызаться. Это хорошо показано в опере «Пиковая дама», где офицер Герман погиб не за то, что он картежник, а за то, что он хотел отыграться. [...]

В империалистическом лагере тоже есть свои категории. Например, сейчас в Америке есть люди, которые считают, что Америка проиграла, в свое время упустила возможности разгрома Советского Союза. Это в то время, когда Америка была монополистом ядерного оружия. И если делать схватку, то сейчас, завтра уже будет поздно.

Вот и сейчас, когда мы уступили и Америка уступила, нашлись такие умники.

А если бы мы не уступили, может быть, Америка больше уступила? Может быть, и так. Но это могло быть похоже на детскую сказку, когда два козла встретились на перекладине перед пропастью. Они проявили козлиную мудрость, и оба упали в пропасть. Вот в чем дело.

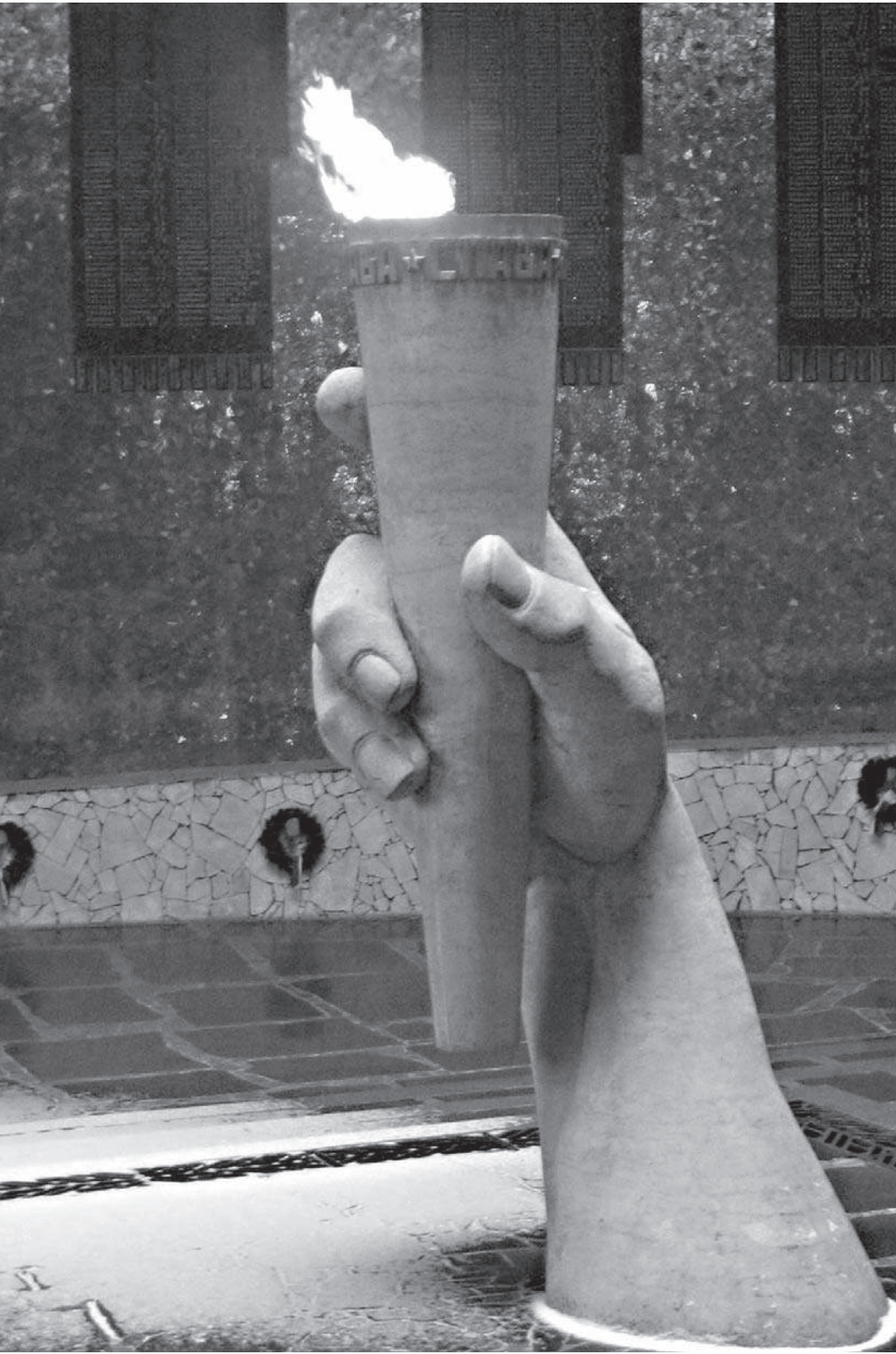
Спрашивается, если бы мы не проявили такой гибкости, то кто бы умным назвал такое руководство. Какой червяк и в каком месте у человека завелся, чтобы сказать, что сейчас Советскому Союзу необходимо развязать ядерную войну? Что наш народ только и думает об этом? Зачем нам вообще война, и особенно в то время, когда мы на таком подъеме, когда наша экономика, наука потрясают капиталистический мир? И что же, нам, когда мы чувствуем, что капиталистический мир идет к пропасти, будет опрокинут коммунистическим движением, пойти навстречу ему и дать возможность развязать войну? Нет, так думать могут только идиоты, но не здравомыслящие люди. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

[...] Некоторые умники говорят: империализму верить нельзя. Истину какую сказали! Ну, а что, зарезать его? Зарежьте! Эти умники, которые так хорошо учат других, а у себя они приняхались к капиталистическому дерьму и терпят на своей территории Мак[ао]... Португальцы гадят, сортиры понастроили и ночуют в Гонконге. И ничего! [...]

Что будет с Кубой? Я не пророк и не могу давать никаких заверений, что будет с Кубой. Я не могу сказать за империалистический лагерь, он со мной не советуется, даже конфиденци-

ально. Одно только знаю, что Кеннеди на время его пребывания в Белом доме нелегко, если отказаться от взятых обязательств, это будет связывать Кеннеди, будет связывать правительство. Два года ему до выборов. На Кубе и он заработал, и мы заработали. Видите, как хорошо! Он будет второй раз избран, значит, еще 4 года, 6 лет всего. Дайте нам 6 лет, дайте точку опоры, и тогда, как говорится, мы земной шар перевернем. Если мы сейчас тонну в космос, а вообще пять тонн запускали, американцы говорят, что такой груз пошлют в космос в 1964 году. Мы думаем в 1964 году запустить 12 тонн. Они говорят, что разрыв имеется в 4 года. Эти 4 года могут быть скользкими и могут нарастать, то на 4, то на 5, то на 6 будет этот разрыв. Мы через какое-то небольшое время будем иметь возможность запустить в космос груз в 70 тонн. Неплохо! *(Аплодисменты.)*

Имея такую перспективу, имея такое современное оружие, никто к нам не вторгнется, идти в Карибское море — это лучшее место для того, чтобы развязать войну с империализмом. Так говорить — это я не знаю чем думать! [...] Два выстрела наши сделали, сбили У-2, вот наши расходы, больше ничего. Неплохо! *(Аплодисменты.)* Дай бог нам отступить и в будущем с такими результатами. *(Аплодисменты.)* Вот как мы оцениваем. Сперва мы думали доклад сделать на пленуме, но потом мы отказались от этого, потому что затяжной характер приняло бы. Потом сразу прорвалось. И сейчас, как моряки говорят, отдать концы. У нас доклада нет. Я вам экспромтом доложил. *(Аплодисменты.)*

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СОВЕТ

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА

А.И. Агеев, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Ю.Ф. Зарудин**, генерал-полковник в/о, Герой Советского Союза; **А.Е. Карпов**, президент Ассоциации фондов мира; **А.А. Кокошин**, д.и.н., академик РАН; **В.Н. Лобов**, генерал армии, д.в.н., профессор, академик РАЕН; **В.И. Марченков**, генерал-полковник, д.п.н., профессор; **В.М. Михалкин**, маршал артиллерии, академик РАН; **В.В. Панов**, д.т.н., профессор, академик РАН; **С.Л. Тихвинский**, академик РАН, почетный президент Национального комитета российских историков; **С.С. Турунов**, адмирал; **В.В. Шикерин**, академик ЕАЕН; **Д.Т. Язов**, Маршал Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

В.А. Золотарев, действительный государственный советник РФ I класса, д.и.н., д.ю.н., профессор, вице-президент РАЕН, член-корреспондент РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Н.В. Абросимов, д.э.н., профессор; **В.П. Баранов**, д.и.н., профессор; **И.И. Белоусов**, д.и.н., **Л.А. Буланов**, член-корреспондент РАЕН, действительный член МАНПО, член-корреспондент МААНОИ; **Журавлев М.М.**, магистр (военная история), **Г.И. Загорский**, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; **В.П. Зимонин**, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН; **Н.В. Илиевский**, академик ЕАЕН, доктор философии Европейского университета; **А.В. Кирилин**, к.и.н., действительный член МАНПО; **А.А. Крылов**, почетный профессор РАЕН; **М.Н. Кожевников**, д.ю.н., академик РАЕН; **Г.А. Куманев**, д.и.н., академик РАН, РАЕН, заслуженный деятель науки РФ; **А.А. Логинов**; **И.И. Максимов**; **А.И. Миренков**, к.и.н., профессор РАЕН, действительный член МААНОИ; **Н.М. Москаленко**, почетный профессор ЕАЕН, член-корреспондент МАНПО; **Н.А. Петухов**, д.ю.н., профессор, доктор права Европейского университета; **Е.Г. Никитенко**, к.и.н., профессор; **Б.Г. Путилин**, д.и.н., профессор, академик РАЕН; **О.А. Ржешевский**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, почетный президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **А.М. Соколов**, к.и.н., академик РАЕН, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **П.В. Стегний**, д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол; **В.Г. Стрекозов**, д.ю.н., профессор; **А.А. Трубецкой**, почетный профессор и лауреат РАЕН; **Н.В. Усенко**, Герой Советского Союза, к.и.н., профессор РАЕН; **Б.П. Фролов**, к.и.н., член-корреспондент МАНПО; **Е.П. Чельшев**, академик РАН; **А.А. Чурилин**, д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол; **П.А. Шашкин**, к.ф.н.; **А.Б. Шевчук**, д.т.н., профессор; **И.А. Шеремет**, д.т.н., профессор, академик РАЕН, ЕАЕН и МААНОИ.

Серия «Военная история Российского государства»

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Клуб православных предпринимателей, Институт экономических стратегий и Русский биографический институт с 2010 года проводят стратегические и военно-исторические исследования с целью издания серии книг «Военная история Российского государства».

В рамках этого масштабного исторического проекта уже изданы книги:
«История Великой войны. 1941–1945» (в 2 томах);

«Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии в 1813–1814 гг.»;

«Воскресшая из пепла. Россия, век XVII»;

«Холодная война» (в 2 томах). Том 1 «Противостояние двух сверхдержав». Том 2 «От Потсдама до Мальты».

В 2014 году, в год трагического юбилея, готовится к изданию книга «Европа в огне Первой мировой войны (к 100-летию начала войны)», посвященная событию, уникальному по масштабу геополитических изменений и цивилизационных катастроф.

Великая война рассматривается в логической последовательности: геополитические построения — оформление военных блоков — война — ее восприятие обществом и влияние ее результатов на судьбы Европы. При этом особое внимание уделено новым государствам, возникшим после распада Российской империи.

В подготовке издания использованы редчайшие документы из российских, европейских и японских архивов.

Выход издания планируется на сентябрь 2014 года.

Заказы на книги серии принимаются по телефону / факсу: +7 (495) 234 4697 и в интернет-магазине образовательных материалов www.sabeonline.ru

Издательский центр Института экономических стратегий: (495) 234 4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный Военно-исторический Совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В ДВУХ ТОМАХ

Том 2

Илиевский Н.В.

ОТ ПОТСДАМА ДО МАЛЬТЫ

Общественно-патриотические проекты
Клуба православных предпринимателей (КПП)
Руководитель, советник президента КПП *М.Р. Прокопюк*
Члены КПП *А.А. Маркин, Ю.В. Смыслов, Р.К. Шарифов*

Ответственный за выпуск
член-корреспондент МАНПО *О.П. Ермилина*
Редактор *Т.Ф. Зарецкая*
Дизайн, верстка *Б.Д. Шульгин*
Корректор *Ю.В. Стрельникова*

Институт экономических стратегий
Телефон издательского центра: (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru; info@profiok.com
www.inesnet.ru; www.profiok.com

Русский биографический институт
E-mail: whoiswho@whoiswho.ru
www.whoiswho.ru

РПП ИНЭС Р1406/1123

Тираж 3000 экз.

Холодная война: В 2 т. — (Военная история Российского государства / Под ред. В.А. Золотарева). — М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. ISBN 978-5-93618-202-0
Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В. — 584 с. ISBN 978-5-93618-204-4

Данная книга посвящена холодной войне — сложному и противоречивому историческому феномену. При этом термин «холодная война» часто берут в кавычки, как бы ненавязчиво намекая на его литературный, а не научный характер. В этом чувствуется определенное противоречие, некая теоретическая недосказанность. И действительно — хотя о холодной войне написано немало, подавляющее большинство авторов либо вообще избегают теории вопроса, либо говорят о ней скороговоркой.

Книга «От Потсдама до Мальты» сочетает в себе исторический и теоретический аспекты проблематики холодной войны, и одним этим она уже отличается от многих других аналогичных работ. Автор затрагивает очень сложную и консервативную область науки о войне, где некоторые положения давно приобрели характер догм. С опорой на обширный исторический материал он выдвигает гипотезу, что холодная война с течением времени изменила содержание войны как таковой. Если изначально она представляла собой особое пограничное состояние между миром и войной, обладающее набором уникальных признаков и характеристик, то затем эволюционировала в специфическую форму войны без кавычек и эпитетов.

В книге сделаны важные акценты на анализе сущности холодной войны, выяснении ее причин, характера и исторического значения, источниках и условиях возникновения проблемы. Рассмотрены историография проблемы; зарождение, вызревание, развитие и окончание холодной войны; ее основные кризисы. Сформулированы выводы, вытекающие из опыта холодной войны и ориентированные на современные проблемы обеспечения военной безопасности Российского государства.

Еще одной особенностью этой работы является то, что в ней рисуется общая, а не фрагментарная картина холодной войны, с выраженным акцентом на роль военной силы. Это не случайно, ведь автор — военный историк и человек военный. Во все не претендуя на исчерпывающую полноту отображения эпохи холодной войны, он помогает читателю составить о ней адекватное и ясное представление. В этом смысле работа адресована самой широкой аудитории: и той ее части, кто глубоко разбирается в проблеме, и тем, кто просто интересуется историей и политикой.

Книга «От Потсдама до Мальты» по-настоящему актуальна сегодня. Онаводит нас к практическим выводам сегодняшнего дня. Настало время открыто признать (и лучше, если это будет сделано не только учеными, но и политиками), что разрушение СССР стало в значительной мере результатом холодной войны.

**УДК 327(47)
ББК 66.4(0)**

